

А. С. ПУШКИН ◆ МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

А. С.
ПУШКИН

МЫСЛИ
О ЛИТЕРАТУРЕ

**БИБЛИОТЕКА
«ЛЮБИТЕЛЯМ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ»**

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

А. С. ПУШКИН. ПОРТРЕТ РАБОТЫ В. А. ТРОПИНИНА

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

**А. С.
ПУШКИН**

**МЫСЛИ
О ЛИТЕРАТУРЕ**

«Современник»

Москва

1988

Общественная редколлегия:

доктор филол. наук *Ф. Ф. Кузнецов*,
доктор ист. наук *А. Ф. Смирнов*,
доктор филол. наук *Н. Н. Скатов*,
доктор филол. наук *Г. М. Фридендер*

Составление, вступительная статья *М. П. Еремина*,
примечания *М. П. Еремина* и *П. М. Еремина*

Пушкин А. С.

П91 Мысли о литературе / Вступ. статья *М. П. Еремина*,
примеч. *М. П. Еремина* и *П. М. Еремина*. — М.: Современ-
ник, 1988. — 639 с., порт. — (Б-ка «Любителям российской
словесности». Из литературного наследия).

Художественная деятельность гения русской и мировой культуры — А. С. Пушкина на протяжении всего его творческого пути сопровождалась осмыслением сущности и задач искусства, которое стало основой эстетики русского реализма.

Мысли Пушкина о природе искусства, о назначении поэзии и роли художника в обществе, о литературных направлениях его эпохи, о народности и правдивости искусства, о языке литературы представляют сегодня самый живой интерес.

В сборник вошли статьи, высказывания, письма Пушкина, связанные с проблемами литературы и искусства.

П $\frac{4603010101-155}{M106(03)-88}$ 293—87

83.3P1

ISBN 5—270—00974—9

О ДОСТОИНСТВЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

Известно, что гениальные люди нередко одарены, как говорится, «во все стороны». В подтверждение этого феномена обыкновенно называют Леонардо да Винчи, хотя его младший современник Микеланджело в этом отношении может быть еще удивительнее: непревзойденный скульптор и живописец, великий архитектор, он был еще и глубоким, неотразимо искренним поэтом-лириком. А Гёте — великий поэт и выдающийся естествоиспытатель; а наш Ломоносов с его всеобъемлющим гением...

Однако более или менее подробное знакомство с жизнью таких великанов показывает, что у каждого из них обязательно было какое-то дело, которому они отдавали вполне определенное предпочтение. Как бы ни захватывали Леонардо научные замыслы и технические проекты, живопись и ваение были для него все-таки главным делом, как ваение и живопись — для Микеланджело, поэзия — для Гёте, наука — для Ломоносова. Каковы бы ни были причины такого самоограничения, совокупное их действие в конце концов оказывалось благотворным: главное дело всегда выигрывало. Мера самоограничения гения является вместе с тем и мерой (или одной из мер) его самоосуществления. В этом смысле поучительно сопоставление творческой участи Грибоедова и Пушкина.

Наверно, главным свойством характера Грибоедова было то, что сам он называл «ненасытностью души», «пламенной страстью к новым вымыслам, к новым познаниям...»¹. История, политическая экономия, дипломатия, военное дело, лингвистика (он знал древнегреческий, латынь, французский, английский, немецкий, итальянский, персидский, арабский, турецкий), музыка... Поистине ренессансный размах! Но ведь все эти дела и увлечения требовали времени и сил; шли годы, а он все не мог определить, какое же из этих многочисленных занятий — главное. И не многосторонняя ли его одаренность мешала ему сделать этот решающий выбор?

Дар, которым судьба наделила Пушкина, был многогранным и в высшей степени деятельным. В юности, уже известным в литературных кругах поэтом,

¹ Грибоедов А. С. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1971. Т. 2. С. 226.

он всерьез подумывал о военной карьере. Это было естественно для молодого человека, прожившего бурное время Отечественной войны и заграничных походов в «лицейском заточении». Вполне в духе времени был и интерес Пушкина к международным отношениям, к дипломатии. Кстати, Пушкин и Грибоедов поступили в Коллегию иностранных дел одновременно, и их подписи о принятии присяги стоят рядом. Политикой — внутренней и внешней — Пушкин неизменно и со страстью интересовался до конца своих дней. «Пушкин, — вспоминал Мицкевич, — коего талант поэтический удивлял читателей, увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего, был одарен необыкновенною памятью, суждением верным, вкусом утонченным и превосходным. Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека, заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентских прений»¹.

Историей он занимался вполне, как сказали бы в наше время, на профессиональном уровне: по историографической основательности, по глубине историко-философских и общественно-политических идей его «История Пугачева» не утратила своего значения и до наших дней. «Историю Петра» он не успел закончить. А может быть, и не спешил закончить, потому что в ней намечилось такое понимание социально-исторического смысла петровских реформ и всей деятельности этого царя, которое шло вразрез с главными догматами господствовавшего тогда официального культа Петра.

А рисунки Пушкина... Кто хоть раз всматривался в них, тот забыть их уже не сможет. Что, если бы он уделил им побольше внимания!.. Но ни одного из графических своих сюжетов он не отделявал до конца; самые сложные из них и самые интересные по замыслу так и остались на полях его рукописей.. Главенство слова сохранялось; можно с достаточно большой долей уверенности предположить, что, если бы не было художественного замысла в слове, не появились бы и рисунки.

В сущности, то же можно сказать и о других интересах и умениях Пушкина: как бы сильно они его в иные моменты жизни ни занимали, они все-таки никогда не приобретали у него самодовлеющего характера. Все было подчинено главному делу жизни — поэтическому творчеству и — шире — литературной деятельности в том объеме и составе понятия, которые на многие годы вперед определил именно он, Пушкин.

1

В свете того, что мы теперь знаем о Пушкине, о его сочинениях и жизни, ясно видны два свойства его личности, на первый взгляд прямо противоположные друг другу: устойчивость и цельность, с одной стороны, и необыкновенная быстрота развития и роста — с другой.

¹ Цит. по изд.: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1882. Т. 7. С. 316.

«Свободой Рим возрос, а рабством погублен» — это строчка из стихотворения шестнадцатилетнего лицеиста; через два года вчерашний лицеист напишет:

Хочу воспеть С в о б о д у¹ миру;

и через двадцать лет из-под пера автора «Евгения Онегина» и «Медного всадника» выльются эти строки:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я С в о б о д у
И милость к падшим призывал.

Городская жизнь с ее шумом и пестрой суетой всегда была ему тягостна; по строю своих чувств он был человек деревенский:

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

И это отнюдь не поэтическая фикция, как сказал бы новейший любитель терминологических завитков; через одиннадцать лет — та же мечта: «О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc.— религия, смерть»².

Но внутри, если можно так сказать, этого постоянства шло напряженное развитие. Подобно своему герою, он испытывал почти непрерывную «охоту к перемене мест» и впечатлений. И видел в этом не личную причуду, а проявление закономерности:

Уж десять лет прошло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я...

И через год, в одном из самых последних своих произведений он снова возвращается к этой своей излюбленной мысли:

Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не суетите: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека,—
Ужель один недвижим будет он?

Без учета этих двух взаимопроникающих особенностей его личности нельзя понять ни его мировоззрения в целом, ни частных проявлений его творческого

¹ Разрядка в стихах здесь и далее моя.— М. Е.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч., М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937—59, Т. 3. С. 941. В дальнейшем ссылки на это издание — в тексте: римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

духа. К нему полностью приложимы слова, которые он в порыве увлечения сказал о Россине:

Он вечно тот же, вечно новый.

Пушкина нельзя понять вне обстоятельств — материальных и духовных — его времени; но подлинные очертания его гения совсем непредставимы для тех, кто недооценивает его способность стать выше времени, видеть свое время с позиций вечности...

Пушкин знал людей, помнивших пугачевщину и события Великой французской революции; он был младшим современником героев Отечественной войны и заграничных походов 1813—1815 годов. Тех, кто в декабре 1825 года вышел на Сенатскую площадь и поднял на восстание Черниговский полк, он называл братьями и товарищами. От лицейских лет до последних дней своей жизни он постоянно размышлял о характере, причинах и о смысле потрясений и «переоборотов» своего времени.

Лицей был закрытым учебным заведением. Но Отечественная война, всколыхнувшая всю страну, все слои нации, не могла не оказать своего влияния и на него. «Жизнь наша лицейская, — вспоминал И. И. Пущин, — сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготавлилась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвой, обнимались с родными и знакомыми; усатые гренадеры из рядов благословляли нас крестом. Не одна слеза тут пролита»¹.

Он гордился подвигом русских воинов в Отечественной войне. Но русские люди в борьбе с Наполеоном выступают в его лицейских стихотворениях как единая, нерасчлененная масса, над которой возвышается одна фигура, воплощающая в себе волю и разум всего государства, — царь Александр. Если зло персонифицировано в Наполеоне, то Александр — воплощение доброго начала. Он вдохновил россов на борьбу, он вел их к победе, он — царь-спаситель, царь-герой.

Всякий, кто знаком с творчеством Пушкина, не может не заметить, как резко отличается эта оценка личности Александра от тех оценок, которые Пушкин давал ему в последующие годы. Всего через три года в «Сказках» он заклеймит его кличкой кочующего деспота, а в десятой главе «Евгения Онегина» напишет о нем убийственные строки:

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой...

Но это — позднее. А в 1814 и 1815 годах, когда создавались такие

¹ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М.; Гослитиздат, 1956. С. 52—53.

стихотворения, как «Воспоминания в Царском Селе» или «Александр», было иначе. Лучшие из молодых участников европейского освободительного похода русской армии надеялись, что после победы начнется наконец осуществление тех усовершенствований в жизни русского общества, которые были обещаны Александром I в начале его царствования.

Но как только в конце 1815—начале 1816 года появились первые признаки самодержавно-крепостнической реакции, наиболее решительные из молодых военных стали искать пути и формы революционного действия. Примерно в это же время изменилось и отношение Пушкина к Александру I.

В последние два года учения в Лицее гражданское мужание Пушкина шло чрезвычайно быстро, и решающую роль тут сыграли не лекции лицейских профессоров, а общение с передовой военной молодежью. Вполне вероятно, что он знал о политических мнениях и настроениях членов преддекабристской организации «Священная артель»: его друзья-лицейсты И. И. Пущин, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг, В. Д. Вольховский были там постоянными посетителями.

Участники «Священной артели» в конце 1816 года создали первое тайное общество «Союз спасения»; И. И. Пущин и В. Д. Вольховский вскоре стали его членами. Через сорок лет в своих знаменитых «Записках» И. И. Пущин рассказал о том, что Пушкин догадывался о существовании тайного общества и что ему, Пущину, удалось разуверить его в этом...

После выхода из Лицея Пушкин наконец оказался в том круговороте жизни, который давно манил его. Желанный участник холостых пирушек, он в то же время деятельный член уже угасавшего тогда «Арзамаса»; взыскательный, чуткий театрал и смелый собеседник уединившегося в ученом кабинете Карамзина; темпераментный завсегдатай великосветских балов и внимательный наблюдатель журнальных схваток. Многим современникам Пушкина казалось, что увлекаемый многообразными впечатлениями, он может сбиться с главной своей колеи и забыть о высоком своем призвании. Даже А. И. Тургенев, постоянный покровитель и защитник Пушкина, в ноябре 1817 года жаловался Жуковскому: «Посылаю послание ко мне Пушкина-Сверчка, которого я ежедневно браню за его леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, 18 столетия. Где же пища для поэта? Между тем он разоряется на мелкой монете! Пожури его»¹. Именно вольнодумство, пугавшее А. И. Тургенева, прежде всего влекло к молодому поэту всех людей, равнодушных к судьбам родной страны и ее народа.

Сам Пушкин в одном из писем своему гонителю Бенкендорфу так определил свое значение в литературе преддекабрьской поры: «Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя, я имел на все сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство (то есть все

¹ Цит. по кн.: Пушкин А. С. Письма/Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 191.

правительство.— М. Е.), несмотря на неизмеримое неравенство средств» (XIV, 253). Пушкин, конечно, знал, что его влияние на читателей, и особенно на молодых, было еще значительнее.

Четыре года из этого пятилетия он был в ссылке на Юге. Столичные его покровители и защитники — Н. М. Карамзин, А. И. Тургенев — полагали, что его оппозиционные настроения преходящи; стоит только, рассчитывали они, разлучить его с кругом петербургских «либералистов», как вольнолюбивые увлечения остынут. Но расчеты эти оказались ошибочными. На Юге Пушкин сразу же оказался в окружении декабристов самого радикального толка. В Кишиневе он чуть не каждый день видался с М. Ф. Орловым, В. Ф. Раевским, К. А. Охотниковым, не однажды беседовал с П. И. Пестелем; С. Г. Волконский, В. Л. Давыдов и многие другие видные декабристы-южане были его близкими знакомыми.

Следует иметь в виду, что мы еще многого не знаем о связях Пушкина с деятелями тайных обществ — как в Петербурге, так и на Юге. Но чем больше мы узнаем об этом, тем определеннее и неотступнее давний вопрос: был ли он все-таки членом тайного общества? И. И. Пущин и И. Д. Якушкин ответили на этот вопрос отрицательно¹; многие исследователи считают, что нельзя сомневаться ни в их искренности, ни в их осведомленности; тем более что, по мнению этих исследователей, вопрос-то имеет, может быть, только биографическое значение.

Сам Пушкин судил об этом иначе, чем мемуаристы: «На с было много на челне»... В десятой главе «Евгения Онегина» он прямо представил себя в числе участников декабристских собраний:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освобдителей крестьян.

В свое время высказывалось мнение, что Пушкин тут допустил «поэтическую вольность»². Однако обнаруженные и опубликованные уже в 50-е годы нашего

¹ Пущин и И. И. Указ. соч. С. 68—84; Якушкин и И. Д. Записки, статьи, письма. М.; Изд-во АН СССР, 1951. С. 40—43.

² Гессен С. Лунин и Пушкин.— Каторга и ссылка. 1929. № 6. С. 86.

века показания декабриста И. Н. Горсткина опровергают это мнение: «... был раза два-три у К. Ильи Долгорукого, который был, кажется, один из главных в то время. У него Пушкин читывал свои стихи...»¹ На Юге в условиях более строгой конспирации этот вопрос, по всей вероятности, был решен, как говорят в наше время, положительно. В семье Волконских сохранилось предание, что С. Г. Волконскому было поручено принять Пушкина в тайное общество. М. С. Волконский в письме академику Л. Н. Майкову рассказал, что его отец не исполнил этого поручения, не желая подвергать жизнь поэта опасности: «Как мне решиться было на это... когда ему могла угрожать плаха»².

С момента организации «Союза спасения» (конец 1816 г.) до ссылки в Михайловское (июль 1824 г.) — больше восьми лет — Пушкин находился в постоянном и близком общении с будущими декабристами. Большинство из них знало о его взглядах на положение дел в России и Европе, о его отношении к народу — и по его вольнолюбивым стихам, и — что, может быть, важнее — по тем мнениям и чувствам, которые обыкновенно выражаются только в беседе или дружеском споре. Они имели возможность многократно убедиться в том, что он — их единомышленник; но решились принять его в свои ряды потому, что знали о его желании быть принятым.

Восемь лет... И каких! Это время «Руслана и Людмилы» и южных поэм, которые знаменовали его вступление в пору художнического возмужания; в эти годы разработан замысел и написана три главы «Евгения Онегина» — романа, сразу поставившего русскую литературу в число великих литератур Европы; ко всему тому надо еще прибавить целую книгу лирических шедевров. Именно тогда он достиг полной интеллектуальной и духовной зрелости. Однако же есть еще и в наши дни историки литературы, характеризующие связи Пушкина с декабристами и декабризмом в широком смысле слова (круг основных идей и целей) как «юношеское увлечение». Пушкин преодолел его, как они считают, в 1823 году, что и засвидетельствовано им хотя бы в этих строках:

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.

¹ Литературное наследство. М.; Изд-во АН СССР, 1952. Т. 58. С. 163.

² Там же.

К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремучками да бич.

Конечно, если читать эти строки, как протокольное признание, то эти ученые, может быть, и правы: описание одной из тех, по новейшему слову самого Пушкина, «ошибок трудных», из которых складывается наш жизненный опыт; субъект признания раньше не понимал, что народу недоступны ни чувство собственного достоинства, ни идеал свободы; теперь он понял и, как говорится, больше не будет.

Впрочем, есть основания полагать, что тогда, в декабре 1823 года, Пушкин хотел, чтобы некоторые из читателей, в особенности те, от кого непосредственно зависела его ссыльная участь, поняли это его стихотворение именно так, а не иначе. Дело в том, что весной 1820 года Н. М. Карамзин вынудил у Пушкина обещание «два года ничего не писать противу правительства». Срок прошел, кишиневскому изгнанию не видно было конца, и столичные друзья и покровители поэта стали хлопотать об улучшении условий его ссылки — хотя бы о переводе из Кишинева в Одессу. «Говорили ли вы Воронцову о Пушкине? — спрашивал П. А. Вяземский А. И. Тургенева. — Непременно надобно бы ему взять его к себе. Похлопочите, добрые люди! Тем более, что Пушкин точно хочет остепениться, а скука и досада — плохие советчики»¹. Тургенев начал эти хлопоты по собственному почину и 15 июня 1823 года уже сообщил Вяземскому следующее: «Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть: за талантом дело не станет...»² Идиллия, как известно, не состоялась; Воронцов оказался плохим меценатом, а Пушкин — и это главное — ненавидел всякое меценатство. Но за хлопоты надо было благодарить, надежды на «остепенение» — поддержать. «Я обнимаю вас из прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но ценя в полной мере и ваше воспоминание и дружеское попечение, которому обязан я переменою своей судьбы». Потом он вписал в письмо три самых «нецензурных» строфы из не опубликованной тогда оды «Наполеон» и прокомментировал всю оду так: «...она писана в начале 1821 года — впрочем это мой последний либеральный бред, я закаялся и написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа...» Далее в письме следовал текст «Сеятеля» (XIV, 78—79). Расчет Пушкина оправдался: во всяком случае, А. И. Тургенев заверял Вяземского, что это пушкинское письмо «исполнено прекрасных стихов и даже надежды на его исправление»³. Ясно, что надежды на исправление внушали не революционные строфы из оды «Наполеон», а стихи «Сеятеля». И характерно, что ни А. И. Тургенев, ни П. А. Вяземский, ни В. А. Жуковский не увидели в них ничего не то чтобы предосудительного,

¹ Цит. по кн.: Пушкин А. С. Письма. Т. 1. С. 293.

² Там же.

³ Там же. С. 295.

но хотя бы спорного. А у самого Пушкина оно долго не выходило из памяти.

Его размышления о ходе и судьбах освободительного движения в России и в Европе и о своем месте в нем стали приобретать привкус горечи не «на днях». Он, как и будущие герои декабря, страстно, нетерпеливо желал, чтобы перемены к лучшему произошли в России как можно скорее, и всякая задержка на этом пути порождала недоумение и обиду — на народ... Еще ранней весной 1821 года, за несколько месяцев до того, как была задумана и сочинена ода «Наполеон» с ее радикальным воодушевлением, Пушкин в послании В. Л. Давыдову писал:

Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

Здесь уже налицо наиболее резкая («звериная») метафора «Сеятеля» — «ярем» («яρμο»). Разница — и весьма существенная — состоит, однако, в том, что в стихотворении 1821 года есть надежда на разрешительную роль кровавой чаши, а в стихотворении 1823 года ее нет. Таким образом, вопрос о современной участи и человеческой сущности народа поэт, по-видимому, «закрыл», счел окончательно решенным, а идеал сеятеля отверг навсегда. Но в стихотворении не чувствуется той удовлетворенности и уравновешенности, которые приходят к человеку, преодолевшему заблуждение и обретшему истину. Намеренная односторонность и пренебрежительность характеристики народа сами по себе заставляют предположить, что поэт раздражен, между прочим, и от неуверенности в собственной правоте. В евангельской притче, первый стих которой он взял в качестве эпиграфа, сказано, что скоро прорастают только зерна, упавшие на каменистую, неглубокую почву; зато они, не имея крепких корней, и засыхают при первых лучах солнца. А он, по-видимому, рассчитывал на скорое вознаграждение своих трудов. Но ведь это означает, что подвиг его был безуслобен.

Едва ли можно сказать, что эта мысль отчетливо осознавалась Пушкиным уже в момент написания «Сеятеля», но ее предпосылка, ее предощущение возникло именно тогда. Через год она получит такое выражение:

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:
Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.
Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — господом отверженная дань.

Это была отповедь поэта самому себе. Правда, следует иметь в виду, что «Сеятеля» Пушкин не печатал никогда, тогда как только что приведенное стихотворение было напечатано уже в первом сборнике его стихов и в последующие годы перепечатывалось неоднократно; тем самым неоднократно подтверждался суровый, жертвенный идеал сеятеля. О народах, о народе в собственном и точном смысле слова здесь не говорится (нищие и народ — понятия близкие, но конечно же не тождественные); но не случайно ведь герой стихотворения — сеятель: сеют там, где почва; сеют на ниве народной жизни. В этих двух стихотворениях, пусть и в парадоксальной, притчеобразной форме, впервые не только в творчестве самого Пушкина, но и во всей русской литературе поставлен вопрос об отношении поэта к народу. Не к читателям, не к любителям и ценителям поэзии, но именно к народу как целому. Естественно, что это предполагало углубление знаний и о сущности поэзии, с одной стороны, и о народе — с другой. Ход его размышлений над этими вопросами был необычайно напряженным и быстрым. Уже через год основные темы лирической диалогии 1823—1824 годов будут развернуты в великой его элегии «Андрей Шенье».

В ней чувствования и мысли французского поэта А. Шенье представлены так, что вдумчивому, более или менее осведомленному тогдашнему читателю нетрудно было узнать в них самого Пушкина. Тут о служении делу Свободы говорится уже впрямую, без притч:

Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных...

Теперь Пушкин видит народ и в его заблуждениях, и в подъемах неиссякаемого в нем духа вольности; именно на приверженности народа к вольности и основывается надежда на конечное торжество дела Свободы:

Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет...

Сущность и предназначение поэзии, многоликость и границы Свободы, жизнь народа во всей ее сложности — все это было в центре размышлений Пушкина от начала и до конца его литературной деятельности; но неразрывная связь между ними была в основных чертах осознана им в годы ссылки, в годы преддекабрьского общественного подъема.

В России XIX века судьба литературной критики неотделима от судьбы публицистики. Известно, что и до 1825 года, и тем более при Николае I, всякое публичное — и прежде всего, конечно, печатное — обсуждение как внешнего, так и особенно внутреннего положения страны было строжайше запрещено. Эти запреты распространялись даже на казенную печать. Нечего уж говорить о том, с какой механической неотвратимостью обрушивались они на те органы печати, которые были подозреваемы в тайной неблагонамеренности. Могла ли в таких условиях развиваться публицистика, раз по самой своей природе она немислима без права вмешиваться в общественную борьбу? Если все-таки кто и пытался заговорить на естественные для публициста темы, то он должен был заранее отказаться от естественной для публицистики формы, основанной на употреблении слова в его прямом, непосредственно терминологическом значении.

Русская прогрессивная публицистика не выросла бы в великую силу, если бы не нашла себе союзника, владевшего огромной, быстро растущей аудиторией. Этим союзником была художественная литература. Наиболее чуткие наблюдатели уже в пушкинское время пришли к убеждению, что русская литература для своей страны имеет особо важное значение. «Литература наша в первой весне», — писал И. В. Киреевский в «Обзрении русской словесности за 1831 год», — каждый цвет ее пророчит новый плод и обнаруживает новое развитие. Между тем как в других государствах дела государственные, поглощая все умы, служат главным мериллом их просвещения, у нас неуспынные попечения прозорливого правительства избавляют частных людей от необходимости заниматься политикой, и таким образом единственным указателем нашего умственного развития остается литература. Вот почему в России следовать за ходом словесности необходимо не только для литераторов, но и для каждого гражданина, желающего иметь какое-нибудь понятие о нравственном состоянии своего отечества»¹.

Эти строки сами по себе являют красноречивейший образчик публицистики тех лет. Подлинный, саркастический смысл слов о прозорливом правительстве, избавившем русских людей от необходимости заниматься политикой, читатели подгадливей могли понять без труда, а доброжелательному цензору (бывали и такие) они могли послужить достаточным основанием для разрешения всей статьи. Впрочем, такие, раскрашенные в цвета благонамеренности, щиты не спасли журнал Киреевского «Европеец», на страницах которого была напечатана цитированная статья, от неуспынного жандармского попечения: он был запрещен на втором номере.

Художественная литература становилась привычной необходимостью в жизни каждого думающего русского человека. Но кроме секрета «заразительности» она владела еще одним, пожалуй не менее важным, секретом — сек-

¹ Киреевский И. В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2. С. 41.

ретом относительной цензурной неуязвимости. Ученый или публицист, говоря об определенном общественном явлении своего времени, при всем старании не мог не назвать это явление его собственным именем: право — правом, свободой — свободой, власть — властью, чиновника — чиновником и т. д. Одно это уже настораживало цензора и часто давало повод для запретов. Художник, имея в виду, в конце концов, те же явления, мог и не произносить опасных слов: он говорил о госпоже Простаковой или о Сквознике-Дмухановском. И если цензор заподозривал в этих фигурах какой-то политический намек, то автор мог сказать, что Сквозник — всего лишь единица и отождествлять его с целой административной, а тем более со всей государственной системой — нелепо. Конечно, с эстетической точки зрения это доказательство нетрудно опровергнуть, однако с точки зрения полицейской (а чем же и была цензура, как не полицией, приставленной к искусству и литературе) оно имело некоторую убедительность и нередко помогало писателям более или менее благополучно проходить через цензурный обыск.

Следует, однако, напомнить о том, что союз, о котором идет речь, был «тайным» и для уразумения публицистического подтекста того или иного произведения мало было эмоциональной отзывчивости и эстетической чуткости; нужна была еще и известная политическая опытность и осведомленность в политической злобе дня. Отчасти и по этой причине для русского читателя серьезная, общественно активная литературная критика была особенно необходима. В ней, может быть, нагляднее всего сказалась органическая слитность публицистики и искусства. «В критике нашего времени, — писал Белинский, — более, чем в чем-нибудь в другом, выразился дух времени... Теперь вопрос о том, что скажут о великом произведении, не менее важен самого великого произведения... Иначе и быть не может, нам мало наслаждаться — мы хотим знать; без знания для нас нет наслаждения»¹.

Пушкин жил в ту пору, когда русская литература делала решительный поворот в сторону общественно-политической современности, а русская литературная критика становилась публицистической критикой.

Пушкин-журналист... Это понятие и в наши дни еще не так-то просто совмещается с нашими представлениями о величайшем русском художнике. А между тем на протяжении всего своего творческого пути он был связан с журналистикой не только как поэт, произведения которого печатались на страницах журналов, но и как публицист.

Интерес к журналистике Пушкин обнаружил почти с самых первых шагов в литературе. Он все больше убеждался, что развитие литературы неразрывно связано с журналистикой, непосредственно зависит от нее. Однако в начале 1820-х годов, по его наблюдениям, не было ни одного журнала, отвечавшего этим высоким задачам. Потому-то он еще в Южной ссылке стал думать

¹ Б е л и н с к и й В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 4. С. 271—272.

о необходимости издания собственного журнала. «То, что ты говоришь на счет журнала, давно уже бродит у меня в голове...— писал он П. А. Вяземскому.— Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима, Мы одни должны взяться за дело и соединиться... Первое дело: должно приструнить все журналы и держать их в решпекте — ничего легче б не было, если б мы были вместе... Нет, душа моя Асмодей, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня — а еще дале бабушке до Юрьева дня» (XII, 96—97).

В ссылке журнальные планы Пушкина так и оставались планами. Но как только он получил возможность жить в столицах, то сразу же принялся хлопотать о создании собственного журнала.

11 сентября 1826 года М. П. Погодин сделал в своем дневнике следующую запись: «Альманах не надо издавать сказал он (Пушкин.— М. Е.)... станем издавать журнал,— кого бы редактором, а то меня с Вяземским считают шельмами»¹. Выбрали Погодина. Но публика была широко, хоть и неофициально, оповещена, что Пушкин дал согласие печатать свои произведения исключительно в «Московском вестнике» и что он-то и будет подлинным руководителем этого журнала. Редакционное ядро «Московского вестника» составляли члены кружка «любомудров». В пору подъема декабристского движения они не ограничивались только изучением немецкой философии; некоторые из них сблизились с московскими декабристами настолько, что могли присутствовать на их собраниях. Об этих связях Пушкин знал, по-видимому, еще до встречи с «любомудрами»; потому-то он с ними и разговаривал так откровенно².

Но после поражения восстания вольнолюбивые увлечения большинства «любомудров» скоро поутихли. Занятия немецкой идеалистической философией и эстетикой снова выступили на первый план. Это нашло свое отражение и на страницах «Московского вестника». В борьбе с прямолинейно-дидактическими догмами классицизма пропаганда принципов немецкой идеалистической эстетики имела положительное значение. Однако в этих принципах, по словам Белинского, много и «филистерского, аскетского, антиобщественного»³. Именно эти свойства и возобладали в рассуждениях «любомудров». В программной статье Шевырева «Разговор о возможности найти единый закон для изящного» доказывалось, что искусство приводит «к согласию с самим собой и со всем миром, нас окружающим»⁴.

Пушкин заметил эту тенденцию и осудил ее. «Ты пеняешь мне за «Мо-

¹ Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. 19—20. С. 74.

² Кошелев А. И. Записки. Берлин, 1884. С. 13. См. также: Гессен С. Источники десятой главы «Евгения Онегина»; Декабристы и их время. М.: 1932. Т. 2. С. 145. Модзалевский В. Василий Петрович Зубков и его записки; Пушкин и его современники. Спб., 1906. Вып. 4. С. 92—97.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 286.

⁴ Московский вестник. 1827. № 1. С. 45.

сковский вестник» — и за немецкую метафизику, — писал он Дельвигу 2 марта 1827 года. — Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать... «Московский вестник» сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? (Впрочем, на этот метафизический вопрос можно бы и отвечать, да №). А время вещь такая, которую с никаким «Вестником» не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают» (XIII, 320). Упоминание о веревке достаточно красноречиво: речь шла об отношении к делу тех, кто восемь месяцев тому назад был повешен...

3

«Литературная газета» просуществовала всего лишь полтора года; выходила она раз в пять дней и прекратилась на 109-м номере; но ее значение в истории русской критики и публицистике чрезвычайно велико.

В первой половине XIX века все русские газеты и журналы были похожи друг на друга одной особенностью: им было запрещено в какой бы то ни было форме касаться политики. Для этого существовали официальные, то есть правительственные, газеты вроде «Русского инвалида» или «Московских ведомостей». В 1820-х и 1830-х годах исключение было сделано только для одной «частной» газеты — «Северной пчелы» Булгарина и Греча. Но и эта, «разрешенная» журнальная политика была весьма своеобразной: самостоятельные политические «рассуждения» редактору и его сотрудникам строго-настрого запрещались; можно было перепечатывать иностранные известия, «почерпнутые» из какой-нибудь выходящей на деньги русского правительства иностранной газеты или изредка помещать внутривполитические «разъяснения», сочиненные в недрах собственной его императорского величества канцелярии.

Но, официально запрещенная, политика прокрадывалась на страницы тогдашних печатных органов под самыми разнообразными прикрытиями. Ни один издатель и редактор не мог избежать этого; таково было требование подписчика, то есть, иными словами, требование того самого общественного мнения, которое как нечто отличное от правительственных мнений, по тем же официальным данным, вовсе и не существовало. Но только по официальным. Негласно правительство должно было считаться с ним. Собственно говоря, для того-то и нужны были платные Булгарины, чтобы под личиной «частных», «независимых» литераторов управлять общественным мнением. «Управлять» — слишком сильно сказано, но влиять влиять. Какими бы скудными и даже искаженными ни были помещавшиеся в «Северной пчеле» политические сведения, они все-таки привлекали подписчиков: в других газетах не было и этого. «Литературная газета» и призвана была ослабить влияние журнальной монополии Булгарина и Греча и их союзников, хотя «политику» ей и не запретили.

По тогдашним казенным документам, издателем ее был А. А. Дельвиг;

современная историко-литературная наука с полным основанием называет ее газетой Дельвига и Пушкина. Инициатива издания, вероятнее всего, принадлежала Пушкину; он же определил и ее направление, и ее тон. По неотложным семейным делам Дельвиг уехал из Петербурга еще до выхода первого номера газеты и отсутствовал больше двух месяцев. В это время газету редактировал Пушкин; в двенадцати первых номерах определился тип издания, и Дельвиг, возвратившись в Петербург и приступив к редакторским обязанностям, продолжил начатое Пушкиным.

В программе «Литературной газеты» есть оговорка, не совсем обычная для такого рода официально-обезличенных документов: «Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в «Северных цветах», будут постоянно участвовать в «Литературной газете». (Разумеется, что г. г. издатели журналов, будучи заняты собственными повременными изданиями, не входят в число сотрудников сей газеты.)» Тогдашним читателям нетрудно было догадаться, что не будут «входить» Булгарин, Греч и Полевой. С этого началась полемика, в ходе которой определились общественно-политические и литературно-критические позиции Пушкина и его друзей.

В первой половине 1830 года была одна тема, которая неизбежно проявляла отношение того или иного журнала или газеты к внешней и внутренней политике Николая I. Это тема войны с Турцией 1828—1829 годов. Журналисты в первых номерах своих изданий за 1830 год, так сказать, подводя итоги минувшего года, не переставали возвеличивать полководческое искусство Николая и мудрость его политики. Булгарин, например, скромно начав свою статью «Взгляд на Россию в 1828 году» сравнением Николая I с... солнцем, все свои доводы основал на этой счастливой находке: «Согреваясь внутри лучами своего солнца, Россия, повинувшись благотворному его влиянию, извне покрылась новым блеском славы. Возрадуемся!» Потом летописец славы перешел к главному деянию Николая и рассказал, как победно раздавались «звуки русских барабанов в горах неприступных», как воздух оглашался «славословием русского царя в роскошных долинах Романии и древней Каппадокии». Закончил Булгарин с прямодушием нелицеприятного гражданина: «Каждый час, каждая минута драгоценной жизни нашего монарха ознаменованы любовью к России, ведомой им к крайней черте просвещения, могущества, славы. Чем заплатить за благость сию? Чего от нас требуют? Чтоб мы были счастливы трудом, мирною жизнью, попечением о своем благе, спешествуя мудрым мерам правительства. Будем благодарны: разовьем наши способности для блага общего, сольем труды наши воедино и возлюбим того, который за все свои труды ничего не желает, кроме нашего счастья. Россия движется, солнце наше ярко светит...»¹

Конечно, для московских журналистов пафос Булгарина был просто недостижим, но они несколько не уступали издателю «Северной пчелы» в усердии. Н. Полевой в статье «Взгляд на 1829 год» говорил о победе над

¹ Северная пчела. 1830. № 3.

Турцией как о великом событии не только европейской, но и всемирной жизни. Но особую хвалу он вознес внешней политике царя. Адрианопольский мир, по его словам, «показал все великодушие, все благосердие монарха России... Европа изумилась: она не понимала нашего государя, запутанная в своих сомнениях, политических предрассудках и отвыкшая от героического великодушия»¹. После этого уже не составляло труда возвеличить Николая как покровителя просвещения и промышленности. Как и всегда, Полевой рассуждал тут в масштабах всей планеты: оказывалось, что ни Англии, ни Франции 1830 год не сулил ничего хорошего; было лишь одно исключение: новый год увидел «Россию в торжестве и блеске, твердую под благоденственным правлением монарха...»². С теми или другими индивидуальными вариантами, но в том же духе писали о войне и другие московские и петербургские журналисты.

В журналистике последекабрьских лет подобные славословия — не всегда, правда, на таких высоких нотах — не прекращались. Читатели уже успели привыкнуть к этому. Так что, открывая первый номер новой газеты, они не удивились бы, прочитав на ее страницах еще одну хвалу. Но ничего даже отдаленно похожего на верноподданнические восторги не было ни в первом, ни во втором, ни в последующих номерах «Литературной газеты»; не было не только восхищения победой, но и простых упоминаний о ней. Это молчание уже нельзя было воспринять как редакционную оплошность. И все-таки еще многозначительнее, чем ее молчание, оказалось то, что наконец начала говорить «Литературная газета» о войне.

Самым характерным в этом смысле был очерк «Военная грузинская дорога». В скобках сообщалось: «Извлечено из путевых записок А. Пушкина». Этим указывалось, что поэт написал — или, по крайней мере, предполагает написать — обо всем своем путешествии — вплоть до Арзрума. Стало быть, мог предположить читатель, и здесь что-нибудь будет сказано о недавней войне. Но чтение очерка не могло не разочаровать любителей батальных картин, по моде уснащенных благонамеренной риторикой; о тогдашней войне напоминало лишь несколько строчек, да и те предназначались не для такого читателя: «Турецкие пленники разрабатывали дорогу. Они жаловались на пищу, им выдаваемую. Они никак не могли привыкнуть к русскому черному хлебу. Это напомнило мне слова моего приятеля Шереметева по возвращении его из Парижа: «Худо, брат, жить в Париже: есть нечего; черного хлеба не доприсишься» (VIII, 451). За этой шуткой, которая, надо полагать, и притупила бдительность царя, цензуровавшего очерк, — мысль Пушкина о невеликодушном обращении с пленниками.

В этом очерке Пушкин больше говорил о другой войне — кавказской. Она то и дело напоминала о себе. «Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине между

¹ Московский телеграф. 1830. № 1. Ч. 31. С. 110—112.

² Там же. С. 121.

курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч, умерших чумою... Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде. Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между горами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы» (VIII, 448).

Чума и война действуют заодно; но последняя сеет еще и вражду. «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» (VIII, 449). Военные расправы не могут водворить мир; нужно просвещение, нужна человечность. Может быть, размышлял Пушкин, следует начать с проповедования Евангелия.

4

После опубликования «Военной грузинской дороги» стало ясно, что политическое направление «Литературной газеты» определяется Пушкиным. Поэтому теперь, когда о ней заходила речь в журналах, писали главным образом о политической неблагонадежности Пушкина. Н. И. Надеждин сокрушался: «Струны лирные онемели для славного имени русского — меж тем как ныне, более нежели когда-либо, мать святая Русь, лелеемая благодатным промыслом под златым скипетром могущественнейшего монарха, исполински восходит от славы в славу...»; когда «торжествующая Россия уже готова была пригвоздить победоносный щит к стенам Константинополя...»¹

«Московский телеграф» писал в том же духе: «Современные... наши поэты более заботятся о помещении о т р ы в к о в в альманахах и журналах, нежели о вдохновении, могущем породиться от подвигов их единосемцев. Жуковский на поле брани, на биваках воспел героев 1812-го года в поэме, которая, верно, достигнет позднейшего потомства. В настоящую эпоху двадцатистраничные поэмочки (смеем сказать!), прикрашенные именем какого-нибудь исторического лица, суть единственные произведения наших з н а м е н и т ы х писателей. А до побед, стоивших крови и трудов, какое им дело!»² Имя Пушкина не названо, но кто мог усомниться, что «поэмочка» — это «Полтава» с ее историческими героями — Мазепой и Петром I: «знаменитые» поэты (так в «Московском телеграфе» иронически называли друзей Пушкина — Вяземского, Дельвига, Баратынского, Языкова) исторических поэм не писали.

¹ Вестник Европы. 1830. № 2. С. 145—146.

² Московский телеграф. 1830. № 3. С. 423.

Булгарин теперь считал возможным говорить без обиняков. В известном «Анекдоте» он прямо написал, что великий поэт «бросает рифмами во все священное, чванится перед чернью вольнодумством...»¹. «Мы думали, что автор «Руслана и Людмилы» устремился на Кавказ, чтоб напитаться высокими чувствами поэзии, обогатиться новыми впечатлениями и в сладких песнях передать потомству великие подвиги русских современных героев. Мы думали, что великие события на Востоке, удивившие мир и стяжавшие России уважение всех просвещенных народов, возбудят гений наших поэтов — и мы ошиблись!.. В пустыне нашей поэзии появился опять «Онегин», бледный, слабый...»²

Ясно было, что Булгарин ведет травлю не только по собственному усердию. Поэтом в своем памфлете «О записках Видока» Пушкин целил и в самого Булгарина, и в тех, кто стоял за его спиной. Приметы французского сыщика Видока были настолько выразительно соотнесены с общеизвестными свойствами Булгарина, что ни петербургские, ни московские читатели просто не могли его не узнать.

Заключение памфлета было адресовано покровителям.

«Предлагается важный вопрос:

Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ли господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?» (XI, 129—130).

В рецензии на альманах «Денница» Пушкин особо выделил то место в статье И. В. Киреевского, где говорилось, как в результате просветительской деятельности Н. И. Новикова «отечество наше было, хоть не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения общего мнения» (XI, 104). После декабрьской катастрофы казалось, что независимое общественное мнение подавлено на многие и многие годы. Пушкин и тогдашние его единомышленники всеми силами стремились возродить его. Ожесточенная полемика, которую вела «Литературная газета», была подчинена именно этой задаче. Разоблачение Булгарина как шпиона III Отделения, разъяснение примитивной бездарности его романов было одним из необходимых условий воссоздания независимого общественного мнения. Позднее Белинский, которому тоже пришлось вести многолетнюю борьбу против Булгарина, не один раз напоминал своим читателям об этой заслуге Пушкина и «Литературной газеты».

Однако для большей части читателей антибулгаринские выступления «Литературной газеты» были все-таки не совсем неожиданными. Слухи о предательском поведении Булгарина во время следствия по делу декабристов

¹ Северная пчела. 1830. № 30.

² Там же. 1830. № 35.

распространялись не только в среде литераторов. Гораздо труднее было понять подлинные причины полемики «Литературной газеты» с «Московским телеграфом».

Осенью 1826 года Н. А. Полевой пытался сблизиться с поэтом, но безуспешно. Его брат Ксенофонт Полевой в своих воспоминаниях уверял, будто Пушкин «хотел показать... что такое сближение невозможно между потомком бояр Пушкиных, внуком арапа Ганнибала и между смиренным гражданином»¹. Это свидетельство, хоть оно и подходит к давней, простой и удобной схеме (вражда демократа и дворянина, да еще с аристократическими замашками), весьма далеко от реальной действительности. Тут достаточно сослаться хотя бы на пушкинский «Отрывок из литературных летописей»: никто из литераторов того времени не выступал с такой решительностью против тех журналистов, которые в спорах с Полевым попрекали его купеческим происхождением. До известного времени Пушкин считал, что Полевой «добрый и честный человек».

Но в 1829 году направление «Московского телеграфа» круто изменилось. Прежде всего и нагляднее всего обнаружилось это в коренной переоценке современной литературы. Раньше «Московский телеграф» вел почти постоянную полемику с «Северной пчелой» и «Сыном отечества». Правда, вдохновителем этой полемики и наиболее активным ее участником был не сам Полевой, а тогдашний его редактор П. А. Вяземский (позднее сам Полевой объявлял об этом печатно)². Теперь Полевой превозносил Булгарина чуть ли не как главу нового периода русской литературы и уж во всяком случае как лучшего ее прозаика и романиста. Деятельность Греча по ее влиянию на развитие русской литературы Полевой без малейшего намека на иронию сравнивал с деятельностью Карамзина. Со своей стороны Булгарин и Греч прекратили всякую полемику с «Московским телеграфом» и не скупились на похвалы Полевому. Особенно «слаженно» действовали эти журналисты по отношению к Пушкину и его друзьям. В сатирическом приложении к «Московскому телеграфу» — «Новом живописце» из номера в номер печатались пасквильные пародии на них; Пушкина тут называли не иначе как Пустоцветов или Обезьянин. Самую ядовитую антипушкинскую легенду — легенду о «литературной аристократии» — выдумал Полевой, и уж с его легкой руки вдалбливали ее в читательские головы Булгарин с Гречем.

Когда речь заходит о независимом общественном мнении той или иной эпохи в истории России, необходимо всегда иметь в виду, какая общественная группа могла его поддерживать — и поддерживала — наиболее действенно. В России пушкинского времени — и до и после 1825 года — дворянство было, в сущности, единственным сословием, принадлежность к которому не только

¹ Полевой Н. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов XIX в. Л., 1934. С. 230.

² Московский телеграф. 1830. № 1. С. 79—80.

открывала доступ к государственной или военной деятельности, но и давала некоторые «вольности», кое-чем напоминавшие гражданские права — в европейском, как тогда говорили, смысле этого термина. Лучшие люди из дворян, и прежде всего декабристы, в своей борьбе против самодержавия и крепостничества не пренебрегали этими правами. Пушкин и до 1825 года считал, что литератор-дворянин, отстаивая перед властями самостоятельность своей мысли, может и даже должен напомнить об этих своих дворянских правах. В 1829—1831 годах он был еще твердо убежден, что некоторая способность сопротивляться самодержавно-крепостнической реакции сохранилась только в среде «грамотного», то есть просвещенного, дворянства, к которому он в своей заметке полемически подчеркнуто причислял и «литературных аристократов» — лучших писателей того времени.

Идеологи самодержавно-крепостнической реакции не без основания усматривали в «строптивости» этих писателей дух декабристских традиций. Но сказать об этом прямо было нельзя по многим причинам; между прочим, и потому, что тут признавалось бы существование этих традиций, тогда как само-то восстание декабристов официально считалось предприятием кучки честолюбцев, не имевших никаких связей с обществом. Выдумка насчет «литературной аристократии» потому так и понравилась попечительному начальству, в глаза легковверных или недостаточно осведомленных людей она представляла Пушкина и его единомышленников заносчивыми себялюбцами, равнодушными к благоденствию и славе России.

Понятие — Пушкин и его единомышленники — нуждается в точном ограничении: на многие стороны жизни друзья Пушкина уже в 1830 году смотрели иначе, чем он. Этим, надо полагать, и объясняется тот факт, что собственно эстетические, а иногда и литературно-критические мнения «Литературной газеты» не отличались строгой согласованностью. Но их объединяло одно общее свойство — публицистичность, гражданственность.

Катенин в своих «Размышлениях и разборах» осуждал все, что в искусстве, по его мнению, «мешало» гражданственному пафосу; занимательность саму по себе, зрелищность как таковую. Именно поэтому Корнеля и Расина он предпочитал Шекспиру. Для Пушкина этот крайний рационализм был, разумеется, неприемлем, но защиту гражданственности в искусстве он считал одной из важнейших задач критики.

Катенин не пропускал малейшего повода для возвеличивания поэзии борьбы. Разбирая эсхиловского «Прометея», он, как в годы расцвета декабристской поэзии, воспекает подвиг тирана-борца: «Благодетель рода человеческого, жертва ревности олимпийца противопоставляет власти и мучению волю непреклонную; малодушные советы старца Океана, нежные стенания дочерей его... обещания и угрозы Эрмия, скала и цепи, орел ненасытный, гром и землетрясение бессильны; он падает в преисподнюю бездну и уносит в груди своей тайну, коей открытие могло бы спасти его от казни, но вместе тирана от гибели, судьбою назначенной. Сие торжество упорного страдальца, еще

возвышенное резкими чертами природы сверхъестественной, поражает ужасом и удивлением: но сильный Титан-огненосец не может быть предметом жалости; он выше такого слабого чувства и как бы гнушается им¹.

5

Какие бы формы ни принимала литературная полемика конца 20-х и 30-х годов, в центре ее всегда стоял один главный вопрос — об отношении литературы к самодержавно-крепостническому строю. Идеологи этого строя встречали в штыки любое произведение, затрагивавшее темные стороны действительности. Немедленно и без особых доказательств оно признавалось клеветническим, и причины его появления в свет критики вроде Булгарина и Греча рекомендовали искать не в русской действительности, а в иноземных литературных влияниях.

Основными носителями «дурных» веяний в литературе в 30-е годы считались: Байрон, этот «глава сатанинской школы», и французская «юная словесность». Причем прямо указывалось на связь «новой французской школы» с политическими событиями во Франции.

Обвинения против передовой литературы выдвигались в такой политической определенной форме, что прямое их опровержение было невозможно. Необходимо было отвести от литературы критического направления обвинение в том, что она органически связана с идеями революции (хотя Пушкин превосходно знал, какое большое влияние оказали писатели на развитие французской революции конца XVIII века), потому что оно переводило борьбу из литературной сферы в сферу жандармской расправы. Выполнению этой задачи и были посвящены такие статьи Пушкина, как «Французская Академия» и «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной».

М. Е. Лобанов, в своей академической речи нападая на новую литературу, указал главный очаг «заразы»: «Для Франции, для народов, отуманенных гибельною для человечества... философией, огрубелых в кровавых явлениях революции и упавших в омут душевного и умственного разврата, самые отвратительнейшие зрелища, например: гнуснейшая из драм, омерзительнейший хаос ненавистного бесстыдства и кровосмешения, «*Лукреция Борджиа*», не кажутся им таковыми; самые разрушительнейшие мысли для них не столь разительны: ибо они давно ознакомились и, так сказать, срослись с ними в ужасах революций» (XII, 68—69).

Лобанов расписывал эти страхи для того, чтобы перенести все обвинения, выдвинутые против французских писателей, на русских: «...есть и в нашей новейшей словесности некоторый отголосок безнравия и нелепостей, порожденных иностранными писателями» (XII, 67).

В статье «Французская Академия» Пушкин привел обширные выдержки

¹ Литературная газета. 1830. № 10.

из вступительной академической речи Скриба и из ответной речи неперменного секретаря Французской академии Вильмена. Оба оратора исходят из одной отправной точки: литература должна быть не столько средством развлечения, сколько отражением истории народа и, больше того, орудием политической борьбы.

Вильмен, несомненно, более глубоко, чем Скриб, осветил общественную роль литературы. Пушкин ни одно из его положений не оспаривает. Но оба они — и Скриб и Вильмен — правы, требуя от литературы активного вмешательства в общественную жизнь своей страны, выдвигая на первый план литературу критического направления.

В третьем томе «Современника» Пушкин напечатал свою статью «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной». В ней он прежде всего опровергает центральное положение всех нападок на литературу критического направления, сводившееся к тому, что эта литература возникла как следствие революции. «В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политическому перевороту, ниспровергнутому старинную монархию Людовика XIV... Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена кроткого и благочестивого Восстановления (Restauration). Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовал своенравным уставам, давшим слишком стеснительные формы, она ударились в крайнюю сторону и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утверждавшая старинными риториками, будто бы польза есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель художества есть и д е а л, а не н р а в о у ч е н и е. Но писатели французские поняли одну только половину истины неоспоримой и положили, что и нравственное безобразие может быть целию поэзии, т. е. идеалом» (XII, 70).

Объяснение литературной «революции» во Франции чисто литературными причинами, как сказано, было дано, главным образом, из тактических соображений. С другой стороны, такое объяснение открывало возможность перейти от обороны к нападению, сделав виновницей романтических крайностей ту самую «мелочную и ложную» теорию классицизма, закоренелым адептом которой был Лобанов.

Но это вовсе не означало, что Пушкин защищал всю новую школу французских романтиков. Он прямо указывает, что обращение к «безобразному» продиктовано не только ложным эстетическим принципом. «Для удовлетворения публики, всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображениям отвратительным, мало заботясь об изящном, об истине, о собственном убеждении» (XII, 69).

Для третьего тома «Современника» Пушкин готовил большую статью о Радищеве. Он знал, что она по одному имени, стоящему в ее заглавии, не может не вызвать настороженного к себе отношения, и поэтому даже и не допускал мысли, что А. Крылов отважится разрешить ее на собственный страх и риск. При посылке статьи цензору своего журнала Пушкин просто просил

«представить сию статью куда следует для разрешения», то есть в высшие цензурные инстанции (XVI, 154). Этот откровенный намек на трусость Крылова не вызвал, однако, в последнем желания опровергнуть мнение Пушкина о себе. Гауптвахта или — что еще хуже — потеря «места» были не в пример страшнее презрения Пушкина. Статья пошла «по начальству» и была запрещена «самим» Уваровым.

Не переусердствовал ли он?

В статье идет речь о столкновении двух деятелей конца XVIII века: автора «скудной», «посредственной» книги — Радищева и Екатерины II. Сочувствие автора статьи, кажется, совсем недвусмысленно на стороне Екатерины, а Радищев, видимо, полностью, почти безоговорочно осужден. «Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!» (XII, 32) — восклицает автор, по-видимому, в полном недоумении и возмущении. «Поступок» Радищева представляется автору статьи «преступлением, ничем не извиняемым», «действием сумасшедшего» (XII, 32). «Невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне; частные поверхностные сведения, ноабум прино ровленные ко всему, — вот что мы видим в Радищеве» (XII, 36).

Нет необходимости увеличивать количество примеров. Радищев осужден, и можно ли в этом сомневаться?

В заключение своей статьи Пушкин радищевскому способу действий противопоставляет другую линию поведения, которую он сам, видимо, полностью принимает. «Он (Радищев. — *М. Е.*) как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить? Он поносит власть господ как явное беззаконие; не лучше ли было представить правительству и умным помещикам способы к постепенному улучшению состояния крестьян; он злится на цензуру; не лучше ли было потолковать о правилах, коими должен руководствоваться законодатель, дабы с одной стороны сословие писателей не было притеснено и мысль, священный дар божий, не была рабой и жертвою бессмысленной и своенравной управы, а с другой — чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна, ибо само правительство не только не пренебрегало писателями и их не притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения, принимало их советы — чувствовало нужду в содействии людей просвещенных и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью» (XII, 36).

Кажется, нельзя высказаться более определенно и последовательно. Но и в этой части статьи противоречия (и не случайные) не могут не броситься в глаза. Радищев «злится на цензуру». Стало быть, она была и действовала? Автор статьи признает это. Но он рекомендует «потолковать» о правилах, которые ограждали бы мысль от «бессмысленной и своенравной управы».

Стало быть, «бессмысленная и своенравная управа», как говорится, имела место. Но в конце цитированного текста высказывается нечто обратное. Оказывается, правительство «не пренебрегало писателями и их не притесняло», «вслушивалось в их суждения, принимало их советы... не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью». В результате получается: «управа была — управы не было!»

Что было делать читателю, чтобы разобраться в этих противоречиях? Прежде всего, постараться мобилизовать свои знания об эпохе Екатерины. Певец «Фелицы» был сановником — это верно. А Княжнин был, по преданию, высечен в тайной канцелярии. Н. И. Новиков, вовсе не призывавший к мятежу, — посажен в Петропавловскую крепость. Была «управа» или ее не было? Каждый сколько-нибудь осведомленный в истории своей страны читатель знал, что была. Он не мог предположить, что автор статьи о Радищеве этого не знает. Очевидно, расхваливание отношения правительства Екатерины к писателям — неискренне, потому что слишком демонстративно не соответствует действительности.

Этот неизбежный вывод закономерно возбуждал сомнение в искренности самих советов «указать на благо», «представить способы», «потолковать». Автор статьи укоряет Радищева за то, что он не обратился к Екатерине с законодательными советами. Но в сознании читателя вполне закономерно возникал вопрос: можно ли было это сделать? Уже в самом тексте статьи содержалось косвенное указание на то, что вряд ли это было возможно, если читатель вспомнит «тогдашние политические обстоятельства... наши Законы, не изменившиеся со времен Петра I-го, их строгость...», если он подумает, «какие суровые люди окружали еще престол Екатерины...» (XII, 32). Однако это только косвенное указание. Оно касается строгости законов и жестокости фаворитов Екатерины. Необходимо подчеркнуть, что в статье о Радищеве Пушкин уклоняется от прямой характеристики «северной Минервы». Может быть, по мнению Пушкина, к ней непосредственно Радищев должен был обратиться с законодательными предложениями? Но Пушкин еще во втором томе «Современника» исчерпывающе ответил на этот вопрос читателя устами самой Екатерины.

Среди приведенных в статье «Российская Академия» «Вопросов» Фонвизина есть и такой: «От чего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться». Ответ Екатерины вполне определен и не допускает никаких кривоколку: «От того, что сие не есть дело всякого»¹. Стоило только читателю «Современника» сопоставить «Советы» автора статьи о Радищеве («указать на благо», «представить способы», «потолковать») с этим ответом Екатерины, как их неискренность обнаруживалась сама собой.

Так, в контексте «Современника» обвинения Радищева в том, что он пренебрег «законными» средствами облегчения «состояния крестьян», превращается в обвинение против самой просвещенной Екатерины, в обвинение против всего самодержавия.

¹ Современник. 1836. Т. 2. С. 8.

Радищев — человек «с духом необыкновенным», действовавший «с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостию» (XII, 32—33), не мог поступить иначе, как через голову Екатерины и ее правительства. Никакого преступления он не совершил.

«Путешествие в Москву», причина его несчастья и славы, есть, как уже мы сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слого. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны. Мы бы могли подтвердить суждение наше множеством выписок. Но читателю стоит открыть его книгу наудачу, чтоб удостовериться в истине нами сказанного» (XII, 35—36).

В этих строках на первый взгляд наиболее полно прозвучало осуждение Радищева. Однако подчеркнуто осудительный тон заключительных строк статьи о Радищеве еще не исчерпывает их значения. Они столь же противоречивы, как и строки предыдущего абзаца, содержащие советы: «указать», «предложить» и «потолковать». На самом деле, за книгу, включающую «несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений» и, в сущности, не представляющую собой ничего преступного, кроме «пустословия», ее автора приговаривают к смерти, а затем, «смягчив приговор», в окопах ссылают в Сибирь. В ком же нет любви, а следовательно, и истины? В рыцарски совестливом Радищеве или в суровых людях, окружавших престол Екатерины, и в самой Екатерине?

Нечего говорить о том, что фразы о распространенности книги («читателю стоит открыть его книгу наудачу», «все прочли его книгу») звучали по меньшей мере странно.

Во всей статье осуждается, в сущности, не Радищев, а Екатерина и ее суровые помощники. Что касается Радищева, то Пушкин очень недвусмысленно говорит читателю: если бы и необходимо было в чем-нибудь обвинить его, так это в измене своим прежним убеждениям. Но изменил ли им Радищев?

«Смиренный опытностию и годами,— писал Пушкин по этому важному для него поводу,— он даже переменял образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость. Он не питал в сердце своем никакой злобы к прошедшему и помирился искренно со славной памятью великой царицы.

Не станем укорять Радищева в слабости и непостоянстве характера. Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом иль с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу. Моложавые мысли, как и моложавое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют» (XII, 34).

Прочтя последнюю фразу, читатель вполне закономерно должен был задать вопрос: почему же тогда написано — «не станем укорять»? Элементарная логика требует здесь другой формулировки: «Похвалим Радищева» или «отдадим должное Радищеву» за то, что он, не будучи глупцом, изменил своим прежним убеждениям. Однако этот вопрос был бы преждевременным.

Во-первых, читатель не мог принять всерьез слов «молодость», «юноша» в применении к сорокалетнему человеку. Уж если Радищев «переменил образ мыслей», то отказался он не от юношеских убеждений, а от убеждений более зрелого возраста. Пушкин, которому в момент работы над статьей не было еще тридцати семи лет, конечно, не случайно допустил такой анахронизм: словечки «молодость», «юноша» были предназначены для благорасположения запуганных, но не очень догадливых цензоров. Необходимо было внушить им уверенность, что Радищев «исправился», «остепенился», осудил «грехи юности». В действительности же Радищев не изменял ни своим «юношеским» убеждениям, которых Пушкин и не затронул, ни тем более убеждениям зрелого возраста, того возраста, когда было написано «Путешествие из Петербурга в Москву».

Правда, Пушкин, как бы в подтверждение тезиса о «перемене образа мыслей», написал о Радищеве периода 1796—1802 годов: «увлеченный однажды лвиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра» (XII, 34).

Но являлся ли для Пушкина факт неприятия Радищевым революционной тактики Робеспьера и якобинцев признаком «перемены образа мыслей»? Неприятие якобинской революционной тактики еще не означало для Пушкина отрицания всякой революционности. Об отказе Радищева от идей «колоссального Мирабо» он ничего не пишет. А в 30-е годы не один Пушкин считал Мирабо революционером. Только Пушкин принимал его революционность, а реакционные публицисты решительно осуждали ее. На страницах «Библиотеки для чтения», например, Мирабо был охарактеризован как воплощение «самого отвратительного скопления личного порока и общественных бедствий...».

Правда, когда «либеральный» Александр призвал Радищева к законодательной деятельности, автор «Путешествия из Петербурга в Москву», может быть, поверил, что идеалы, выдвинутые им в этой книге, могут быть осуществлены и мирным путем. Но за эту иллюзию он расплатился жизнью. Его смерть красноречивей всяких рассуждений и доказательств свидетельствовала о верности Радищева выдвинутым им освободительным идеалам. С другой стороны, она не менее убедительно разоблачала веру в освободительный почин царя. Необходимо было, полагал Пушкин, хотя бы ценой крайнего усложнения статьи, вплоть до того, что истинный смысл ее в отрыве от всего содержания «Современника», может быть, и не был бы понят, заговорить о Радищеве, сделать его книгу предметом печатного обсуждения.

Расчет Пушкина в том и заключался, что цензоры будут читать статью о Радищеве в отрыве от всего содержания «Современника», а читатели — вдумчивые читатели — сумеют связать ее с материалами предыдущих томов и с соседними материалами третьего тома.

В третьем томе была помещена еще одна статья, которая содержала косвенные указания на то, как следовало бы понимать отношение Пушкина к Радищеву, если бы статья о нем была опубликована в этом же томе. Речь

идет о статье Пушкина «Вольтер», напечатанной в журнале без подписи. Большая половина этой статьи, как известно, посвящена анализу переписки Вольтера с де Броссом. В этой части статьи Пушкин снисходительно высмеивает «притязания», «слабости», «раздражительность» Вольтера. Но Пушкин отбрасывает в сторону всякую снисходительность, как только переходит к описанию обстоятельств, сопровождавших разрыв Вольтера с северным Соломоном — Фридрихом II.

Здесь Пушкин решительно осуждает Вольтера за то, что он «не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей. Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променять свою независимость на своенравные милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?..» (XII, 80)¹.

Давно отмечено, что в описании взаимоотношений Вольтера с Фридрихом II Пушкин намекал на некоторые обстоятельства собственных взаимоотношений с царем. Следующее высказывание Пушкина служит убедительным подтверждением этого предположения: «К чести Фридриха II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление» (XII, 80—81).

В заключение статьи Пушкин писал: «Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственностью, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества... что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы» (XII, 81)². Но значение этой статьи не ограничивается только осуждением писателей, предпочитающих милости царя уважению людей с благородными сердцами. Вольтер приехал в Берлин по собственной воле; Фридрих не имел «никакого права его к тому принудить». Лучшие деятели русской литературы, если они не хотели обречь себя на полное молчание, поневоле зависели от приговора Николая и его правительства.

Но находиться в правовой, а иногда и в материальной зависимости от правительства еще не означало для Пушкина идейной зависимости от царя и его слуг. Писатель владеет таким тонким и мощным оружием, перед которым и сам царь, и само правительство, несмотря на все их могущество, иногда бывают вынуждены отступить. Передовой писатель, в совершенстве владеющий своим оружием, может направить, если он того захочет, это оружие против царя и его правительства.

Поведение Вольтера и в этом случае поучительно. Конечно, Вольтеру нельзя извинить того, что он добровольно, из тщеславия поставил себя в зависимость от короля. Но, утратив независимость, Вольтер не превратился в покорного исполнителя велений Фридриха. Пусть без особого успеха, но он

¹ Современник. 1836. Т. III. С. 168—169.

² Там же. С. 168.

боролся с ним. Даже после того, как Вольтер обнаружил, что от Фридриха необходимо ожидать самого худшего, он — когда-то добровольный шут! — «написал самую язвительную из своих сатир... и напечатал ее, выманив обманом позволение на то от самого короля» (XII, 80).

Как только «первый из французских поэтов» освободился от иллюзий насчет Фридриха (за которые Пушкин сурово осуждает Вольтера), он снова стал бойцом.

Пушкин осуждает Вольтера — «наперсника государей», что обязательно связано с опасностью превращения даже великого поэта в шута; он вполне солидарен с Вольтером-бойцом, с Вольтером — «предводителем умов и современного мнения».

Указание на эти две стороны общественного поведения Вольтера должно было облегчить читателю понимание смысла статьи о Радищеве, понимание действительного отношения Пушкина к писательскому подвигу Радищева. Читатель должен был неизбежно прийти к выводу, что автор статьи о Радищеве и Вольтере, а вместе с ним и издатель журнала (если это не одно и то же лицо), осуждая непоследовательное общественное поведение Вольтера, вполне одобряет поведение Радищева, защитника народа, обличителя «верховой власти», то есть власти царя и власти господ.

Радищев как писатель-борец несравненно более последователен, чем Вольтер. Только однажды он поверил в возможность давать «советы царям», но, быстро разуверившись в ней, своей смертью как бы предупредил будущих писателей и общественных деятелей о гибельности такой веры.

6

Летом 1836 года все труды Пушкина были посвящены «Современнику». Все, что написал он в эти три месяца, было предназначено для журнала. Вероятнее всего, на его страницах должен был быть опубликован и цикл написанных тогда же стихотворений, в число которых входило и стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Отсюда вполне естественно предположение, что, работая над ними, Пушкин думал о преодолении цензурных препятствий. По-видимому, прежде всего по этой причине появилась и ссылка на «Памятник» Горация. Классическая древность тогда была государственно одобряемой и почитаемой; в основе главных положений официально признанной классицистской эстетики лежала мысль о непререкаемом авторитете античного искусства; больше того, даже некоторые государственные установления прямо связывались с традициями Римской империи — достаточно вспомнить хотя бы то, что титулование русских царей (император, августейшая особа и т. п.) было заимствовано из терминологии императорского Рима, сложившейся как раз в эпоху Горация, которому покровительствовал сам император Август. Нетрудно понять, почему в России этот римский поэт был чем-то вроде государственно утвержденной поэтической инстанции. И если русский поэт «прибегал» под защиту Горация, то и доброхотные блюстители литературной скромности, и сама цензура не могли с этим не считаться.

Эту возможность заметил еще М. В. Ломоносов, которому принадлежит первый перевод этой оды Горация на русский язык, а вслед за ним ею воспользовался и Г. Р. Державин. Отвечая недоброжелателям, упрекавшим его в чрезмерном преувеличении своих заслуг перед государством, Державин прямо указывал на пример Горация: «Непростительно было бы так самохвалствоваться, но как Гораций и прочие древние поэты присвоили себе это преимущество, то и автор тем пользуется, не думая быть осужденным за то своими соотечественниками, тем паче, что его поэзия — истинная картина природы». Потому-то свой «Памятник» — стихотворение о достоинстве собственной поэзии, о своих литературных заслугах — Державин и начал (первые семь стихов) весьма точным переводом соответствующих строк «Памятника» Горация. Пушкин, разумеется, знал это популярнейшее произведение Державина, известное и таким грамотным русским людям, которые средних учебных заведений не оканчивали. И он хотел, чтобы его «Памятник» напомнил читателю державинский. Напомнил и возбудил желание сравнить. Ведь не случайны же эти совпадения:

В «Памятнике» Державина: «От тлена убежав...»;

в «Памятнике» Пушкина: «...и тленья убежит...»;

у Державина: «Слух пройдет обо мне...»;

у Пушкина: «Слух обо мне пройдет...» (в черновике это полустигия было написано в точности «по Державину»: «Слух пройдет обо мне»);

у Державина: «Всяк будет помнить то в народах неисчетных...»;

у Пушкина: «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» (здесь слово язык имеет утраченное в наше время значение — народ).

Смысл сопоставления с «Памятником» Державина, необходимость которого прямо подсказана Пушкиным, тот же: Державин в конце XVIII века и в первые десятилетия XIX века был государственно признанным классиком, певцом Фелицы (то есть Екатерины II) и «екатерининских орлов», поэтом российской самодержавной государственности. С точки зрения правящих верхов, его литературный авторитет был непоколебим; это была еще одна — и едва ли не самая важная — поэтическая инстанция. Пушкин не мог не знать, что почтительная ориентация на художественные идеи Державина, на его стиль была в глазах властей, и прежде всего цензуры, верным признаком благонамеренности.

Но была еще одна, более существенная, причина обращения Пушкина к Горацию и Державину. Гораций, как и многие его современники, по-видимому, был убежден, что другие государства могут исчезать с лица земли, но Рим — вечен; империя римская, ее государственные установления, господствующая религия, римская речь не исчезнут никогда. Поэтому и вечность своей поэзии он соизмерял с существованием Рима:

Нет! не весь я умру,— часть меня лучшая
Избежит похорон; славою вечною
Буду я возрастать, в храм Капитолия
Жрец всходит пока с девою безмолвною.

Это наполовину не оправдавшееся пророчество для Пушкина имело особое значение: религия древних римлян ненамного пережила Горация, через несколько веков погибла великая римская империя, перестала звучать и была забыта латинская речь, разрушился и Капитолий, а поэзия как самого Горация, так и его великих современников (Вергилия, Катулла и других), через несколько веков после гибели римского государства, возродилась.

Державин не заметил этого парадокса истории. Российское государство — именно такое, каким оно было при нем, самодержавное государство — он считал вечным и неизменным; в интересах и потребностях его, как он думал, выражались главные и высшие интересы всего народа и каждого отдельного человека. Поэтому польза, принесенная государству, была, по его мнению, абсолютной мерой всех человеческих достоинств и дел, включая и достоинство поэта. Он был убежден, что такой взгляд на русское самодержавное государство разделяют — всегда будут разделять — все живущие в России люди; естественно, с этой точки зрения, и славяне и другие «народы неисчетны» будут помнить о нем прежде всего потому, что он первый «дерзнул» «о добродетелях Фелицы возгласить»... «И истину царям с улыбкой говорить». По представлению Державина, Фелицу и других российских царей, к которым он имел честь обращаться свое поэтическое слово, «вселенная будет чтить» вечно, а стало быть, вечно будет во вселенной и слава их поэта Державина.

В основе пушкинского «Памятника» лежат мысли и убеждения, диаметрально противоположные державинским. Это различие отчетливо выражено уже в первом четверостишии:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Сначала — о конкретной детали. Известно, что Александрийским столпом здесь названа колонна, установленная в Петербурге на Дворцовой площади — в память Александра I.

Николай I и его окружение всеми средствами старались раздуть посмертную славу Александра I; его величали победителем Наполеона, благодетелем русского народа, миротворцем и пр. и пр. Но идеологи нового царствования преследовали при этом и более злободневную цель: расточая хвалы покойному царю, они не забывали и его наследника — Николая I; создание колонны они представляли как знак его верности «великому» делу Александра. Этой двойной цели был подчинен и торжественный обряд открытия колонны. Оно состоялось 30 августа 1834 года; на площади было выстроено стотысячное войско, на почетных местах красовались специально приглашенные из-за границы титулованные гости, присутствовал весь дипломатический корпус, блистали золотом расшитых фраков и мундиров придворные чины, налицо был весь высший свет. Пушкина на этом пышном празднестве не было. 28 ноября 1834 года он сделал в своем «Дневнике» следующую запись: «Я ничего не

записывал в течение трех месяцев. Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами — моими товарищами...» (XII, 332). Пушкин недвусмысленно осудил не только Александра — мстительного гонителя своей молодости, — но и Николая; последнего даже вдвойне: он был главным распорядителем затеи по увековечению памяти «плешивого щеголя», и он же «упек» великого поэта «в камер-пажи» (XV, 130).

Это осуждение запечатлено и в «Памятнике». Александровская колонна представлена здесь как символ двух царствований; но памятник, воздвигнутый поэтом, — это ведь тоже символ — символ поэтического творчества, духовного созидания. Эти два символа, как и в оде Горация, сопоставлены: подвиг поэта выше, чем все «подвиги» царей; но у Пушкина они и прямо протипоставлены: в памятнике поэта, то есть в тех важнейших свойствах его поэзии, благодаря которым его имя войдет в благодарную память народа и навечно сохранится в ней, есть свойство непокорности верховным властителям России.

Эти смысловые соотношения дополнены и развиты в четвертой строфе «Памятника»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Здесь поэт и его поэзия, исполненная добра и милосердия, противопостоят всему, что сделало век жестоким веком. Пушкин выразил твердую уверенность, что воспетая им Свобода, «Богиня чистая», как назвал он ее одиннадцатью годами раньше в стихотворении «Андрей Шенье», дорога и священна не только для него самого, но и для всех — и прежде всего для угнетенного, бесправного народа.

Пушкин, разумеется, понимал, что стихотворение, в котором Александровская колонна представлена как символ зла, цензор не разрешит печатать; поэтому он слегка видоизменил ее название — «Александрийского» вместо, допустим, «Александровского», — с тем чтобы цензор мог подумать, будто речь идет о колонне в египетском городе Александрии, воздвигнутой, как принято было считать, на могиле Александра Македонского, — тем более что и Гораций сравнивал свой памятник с египетскими сооружениями — пирамидами...

Но В. А. Жуковский, подготавливая «Памятник» для опубликования в девятом томе посмертного собрания сочинений Пушкина, имел весьма серьезные основания полагать, что эта отвлекающая подробность не может усыпить подозрительность цензора: ему, как и любому тогдашнему русскому читателю, при чтении четвертой строки стихотворения естественнее было вспомнить Россию, а не далекий Египет, легче представить себе недавно открытый в Петербурге памятник русскому царю, чем весьма редко упоминаемую даже в специальной исторической литературе колонну на пустынной окраине Александрии. Примерно так должен был рассуждать Жуковский, прежде чем

отважиться на переделки, приноровившие стихотворение Пушкина к требованиям цензуры.

Заключительная, пятая строфа «Памятника» представляет собою, как и у Горация и Державина, обращение к музе:

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

Однако по своему содержанию эти строки Пушкина радикально отличаются от соответствующих строк как Горация, так и Державина.

В оде Горация муза близка к своему мифологическому прообразу; ей, божественной покровительнице, поэт «передоверяет» гордость своими успехами и у нее же вымаливает награду:

Гордость заслуженно,
Мельпомена, яви,— мне ж, благосклонная,
Кудри лавром обвей, ветвью дельфийскою.

Державин говорит, в сущности, то же:

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И, презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело свое зарей бессмертия венчай.

Творческая ипостась музы ни у Горация, ни у Державина даже и не упомянута; и в том и в другом случае — это муза торжественного финала, муза, возносящая («возгордись») поэта — за его заслуги перед государством — над всеми остальными людьми и награждающая его высшей наградой — венцом бессмертия.

В пушкинской музе нет ничего церемониально-парадного: она — олицетворение посланного поэту судьбой (природой, богом) творческого дара. Именно поэтому первые обращенные к ней слова — не о венце, а о творчестве, о том, что поэт всегда должен быть послушен «веленью божию», то есть должен быть верен своему призванию.

Но во времена Пушкина уже само провозглашение такой верности неизбежно приобретало социально-политический резонанс: ведь поэт, признающий над собою только власть дара, преданный одному только своему призванию, тем самым отрицает оценки и критерии, predeterminedенные табелью о рангах. Правящие круги видели в этом опасный прецедент и всеми средствами — клеветой и открытым преследованием, лестью и почестями — старались сломить волю поэта и приручить его или — в противном случае — заставить его замолчать.

Завершая «Памятник», Пушкин думал о пройденном пути и о пути предстоящем; не только о творческих взлетах, об успехах и победах, но и о бедах, и о преследованиях (в черновике было: «изгнания не страшась»),

которые довелось ему перенести. Это был путь через жестокий век, и, чтобы идти по нему, требовалось мужество, соизмеримое с самим творческим даром. Однако в этих пушкинских стихах и о хвале говорится как о соблазне. Эту на первый взгляд странную и как будто бы противоречащую всему содержанию «Памятника» мысль Пушкин высказывал и раньше. Многие его стихотворения, посвященные этой теме («Разговор книгопродавца с поэтом», «Пророк», «Поэт», «Поэт и толпа», «Арион», «Ответ анониму», «Эхо» и др.), были к 1836 году напечатаны, и, стало быть, наиболее вдумчивые и памятливые читатели того времени могли сравнить содержание этих стихотворений с содержанием «Памятника». И все-таки он решил помочь им и напомнил свой сонет «Поэту» (1830).

Сразу же бросаются в глаза дословные совпадения:

в сонете «Поэту»: «Услышишь суд глупца...»;

в «Памятнике»: «...и не оспоривай глупца»;

в сонете: «Не требуя наград...»;

в «Памятнике»: «...не требуя венца...».

Кроме того, в сонете сопоставлены и уравниены восторженные по х в а л ы, с одной стороны, и с у д г л у п ц а, смех толпы — с другой, точно так же, как в «Памятнике»: х в а л а и мнени е г л у п ц а заодно с клеветой. Следует еще отметить, что треножник, горящий на нем огонь, алтарь — эти детали, взятые из образного арсенала античности, имеют то же значение, что и муза в «Памятнике».

Если бы сходство двух этих стихотворений ограничивалось только что приведенными примерами, то его смысл был бы, по-видимому, более или менее ясен: «ссылкой» на сонет Пушкин как бы дополнял и, естественно, подтверждал содержание пятой строфы «Памятника». Но такое заключение было бы преждевременным. Занятые рассмотрением реминисценций пятой строфы, мы прошли мимо таких важных подробностей, которые ставят нас перед новыми трудностями. На самом деле: во втором стихе «Памятника» говорится о благодарной памяти народной —

К нему не зарастет народная тропа,—

а в первом стихе сонета сказано нечто, по-видимому, прямо противоположное:

Поэт! не дорожи любовью народной.

И еще один, не менее важный контраст: в «Памятнике» любезная народу и самому поэту свобода противопоставлена жесткому веку; это значит, что речь здесь идет прежде всего (хотя и не исключительно) о социальной свободе, тогда как в сонете говорится о свободе поэта от всякого воздействия извне (в том числе и со стороны народа), то есть, в сущности, все о той же послушности поэта одному только «вельенью божию», о его верности своему призванию.

Обнаруживается, таким образом, д в о я к и й смысл соотношения этих двух произведений: сонет «Поэту» всем своим содержанием действительно подкрепляет и дополняет содержание пятой строфы и вместе с тем о т р и ц а е т то, что утверждается в предшествующих четырех строфах «Памятни-

ка». Но если это так — а это, по-видимому, так, — то сама композиция «Памятника» теперь предстает перед нами в ином свете; пятая строфа, выходит, не то что не является органическим завершением смысла «Памятника» как целостного произведения, а, напротив, по своему содержанию прямо противостоит тому, что сказано в остальных шестнадцати стихах. Но тогда возникает естественный вопрос: где же выражены подлинные мысли Пушкина — в пятой строфе, а стало быть и в сонете, или в первых четырех строфах?

В свое время было высказано мнение, что коренные, заветные свои эстетические взгляды Пушкин высказал именно в пятой строфе, а в четвертой и в трех предыдущих он предсказал и иронически пересказал суждения тех будущих историков литературы и критиков, которые руководствуются обветшалым и ложным принципом, будто нравоучительная польза является истинной целью поэзии.

В наши дни об этом не стоило бы и упоминать, если бы у Пушкина не было стихотворения, и написанного-то как будто бы только ради того, чтобы подтвердить это мнение.

7

Стихотворение «Из Пиндемонти» не принадлежит к числу наиболее популярных пушкинских стихотворений, и поэтому его необходимо здесь привести полностью:

Из Пиндемонти

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественной природы красотам,
И пред созданными искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиления,
Вот счастье! вот права...

Яснее и определеннее — особенно стихами — сказать, кажется, нельзя; любая попытка истолкования смысла этих строк, по-видимому, не то чтобы излишня, но даже и неуместна.

Историки литературы и критики, провозглашающие Пушкина защитником и провозвестником теории «чистого искусства», считают само собой разумеющимся, что именно в этом стихотворении запечатлена окончательная победа той — аполитической по своей сущности — тенденции, которая наметилась еще в «Сеятеле», а позднее была подтверждена и развита в таких стихотворениях, как «Поэт», «Поэт и толпа», «Эхо», сонет «Поэту». На самом деле, разве все оно, и в особенности вторая его часть (начиная со стиха: «Иные, лучшие мне дороги права...»), не является распространенным изложением завещанного в сонете: «живи один»?

Содержание этого стихотворения, говорят они, прямо, с отчетливостью, не допускающей ни малейшего сомнения, противопоставлено содержанию четвертой строфы (а стало быть, и трех предшествующих) «Памятника» и подтверждает смысл пятой его строфы.

Современным советским пушкиноведением упоминаемая здесь концепция, разумеется, отвергнута, но смысловое соотношение двух этих, написанных почти одновременно стихотворений, к сожалению, до сих пор еще не изучено. О стихотворении «Из Пиндемонта» или просто не упоминают, или само его возникновение объясняют тяжелым состоянием поэта: «Пушкин задыхался, — пишет один из лучших знатоков творчества Пушкина, — и стихотворение «Из Пиндемонта» звучит как вопль человека, задыхающегося и ищущего хоть глотка чистого воздуха».

Но так ли уж однозначно ясен смысл этого стихотворения, как это кажется на первый взгляд? Начнем с очевидного. В стихотворении речь идет о политике, и одно это позволяет отнести его к политической или, точнее, к публицистической лирике. Значит, надо прочесть его в контексте пушкинской публицистики, во-первых, и в контексте социально-политических обстоятельств 30-х годов, во-вторых. Если даже допустить, что оно было бы напечатано в «Современнике» анонимно и никто не догадался бы, что его автором является сам Пушкин, то и в таком случае буквальное понимание этих строк было бы маловероятным: ведь подписчики журнала названы здесь о л у х а м и, а сам издатель, помимо воли которого стихотворение, конечно, не могло появиться на страницах его журнала, если не прямо, то косвенно признается, что он и х м о р о ч и т!

Еще больше противятся буквальному пониманию слова о «чуткой цензуре». Рассказы и анекдоты о чрезмерной, полицейски тупой придирчивости царской цензуры знали в те годы все, кто хоть немного интересовался литературой, и даже читатели официозной «Северной пчелы» не могли принять эпитет «чуткая» за чистую монету. Пушкина цензура читала с удвоенной подозрительностью. Особенно тягостным был ее надзор именно в 1836 году, когда издавался «Современник».

«Тяжело, нечего сказать, — жаловался Пушкин Д. В. Давыдову. — И с одною цензурой напляшешься; каково же зависеть от целых четырех? Не знаю, чем провинились русские писатели... Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче.

Цензура дело земское; от нее отделили опричнину — а опричники руководствуются не уставом, а своим крайним разумием» (XVI, 160).

Здесь в разговоре о цензуре Пушкин вспомнил опричнину, раньше он сравнивал ее с инквизицией — таково было его постоянное и устойчивое мнение. Видимо, и по этой причине так трудно дался ему изысканный комплимент цензуре. В черновике сначала был образ в знакомом уже нам средневековом духе:

Или несет цензурные вериги;

затем появился смягченный вариант:

Или стеснительной опутана ценсурой;

потом испытана антитеза:

Иль в дождневный ум ценсурой;

или еще — в той же негативной тональности:

грозная ценсура...

Наконец, возникла хвалебная интонация:

важная ценсура...

и только в заключение этой мучительной работы был найден окончательный, саркастически открытый вариант: *ч у т к а я цензура!*

Но этими, без особых затруднений распознаваемыми сигналами иронии, Пушкин не ограничился. Первая часть стихотворения завершается стихом:

Все это, видите ль, слова, слова, слова.

Следует прежде всего обратить внимание на словечко «видите ль». Оно с давних пор имеет устойчивую ироническую окраску и здесь как бы предвещает сложную перемену исторических значений.

В начале XIX века было уже хорошо известно, откуда взята фраза о словах, и Пушкин ссылаясь на Шекспира, наверно, не ради того, чтобы свою «образованность показать». Вероятнее всего, он надеялся, что эта странная (потому что ненужная) сноски возбудит любопытство читателя, и он отыщет и перечитает соответствующий эпизод трагедии (акт II, сцена 2): «Что читаете, милорд?» — спросил Полоний; и Гамлет сразу же показал истинную цену этой царедворческой любознательности; ведь Полоний всегда был твердо убежден, что все высокие понятия и принципы, о которых пишется в книгах, не более чем слова, слова, слова! Возвратить читателю исходный смысл гамлетовской реплики необходимо было потому, что в обыденном хождении в качестве «крылатого» выражения она отождествлялась с убеждениями не Полония, а Гамлета и стала, таким образом, одной из самых «внушительных» форм расхожего гамлетизма. Обыватель вспоминал о ней, когда хотел отвести беспокоящие его совесть понятия о гражданских правах, которых он не имел и не смел требовать, о свободах, и в частности о свободе печатного слова, которая, как он вместе с Хлестаковым думал, нужна только баронам Брамбеусам и Тряпичкиным — чтобы удобней было «морочить олухов».

Известно, что «Из Пиндемонти» — оригинальное произведение, а не перевод. Сначала стихотворение было озаглавлено иначе — «Из Alfred Musset»; имя этого французского поэта Пушкин вычеркнул скорей всего из опасения,

что русские читатели могли подумать, будто и на самом деле речь идет о Франции. Николаевское правительство старательно препятствовало проникновению политических известий из этой страны, где совсем недавно произошла еще одна революция, но, несмотря на это, многие русские люди все-таки знали, что там «отвергаемые» поэтом права и свободы хоть и в урезанном виде, но существовали; была и относительная свобода печати, были и парламентские обсуждения государственного бюджета, и даже дебаты по вопросам войны и мира. Так что французскому поэту было от чего отказываться. Указание на итальянского поэта в значительной степени уменьшало опасность переадресовки читательского внимания: в Италии почти так же, как и в России, поименованных в стихотворении прав не было; итальянский поэт, как и его русский «переводчик», отвергал то, чего не имел, — прямо по Эзопу или, еще ближе, по Крылову: зелен виноград!

Таким образом, обнаруживается соотношение и назначение двух смысловых пластов. Лежащая на поверхности обывательская, самодовольная и трусливая ирония («громкие права», «в сладкой участи», «мало горя мне») благожелательному цензору давала возможность принять стихотворение за перевод с итальянского и спокойно разрешить его к печати. Представленные в стихотворении конкретные и легко узнаваемые обстоятельства и приметы тогдашней русской действительности — они же вместе с тем были обстоятельствами и приметами жизни самого Пушкина (журнальные замыслы, «чуткая цензура») — должны были взорвать эту иронию изнутри и подвести вдумчивого читателя к пониманию того, что под ее покровом в подцензурной печати названы как раз те отсутствующие в России права и свободы, которые позволяли бы обуздывать или хотя бы ограничивать тиранический произвол властей.

Именно этот внутренний обличительный смысл первой части стихотворения определяет содержание и второй его части, которая кажется такой простодушно открытой только по первому впечатлению. Мы видели, с каким трудом Пушкин сдерживал порывы к открытому обличению, когда сочинял строки о цензуре. Пожалуй, еще нагляднее это сказалось в работе над 15-й и 16-й строчками стихотворения. В черновике сначала написано подлинное:

Пред силой беззаконной
Не гнуть ни совести, ни мысли непреклонной...

затем было испробовано прямо противоположное:

Пред силою законной...

и только после этого была найдена деталь, недвусмысленно указывающая на Николая I, нанесшего Пушкину всенародное оскорбление, «пожаловав» ему камер-юнкерский мундир:

...для власти, для либреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

Но о «французском» и уж тем более не об «итальянском» противостоянии

личной свободы и свободы политической идет речь в этом стихотворении; истинное его содержание образует тема чисто русская, с давних пор занимавшая в творчестве Пушкина одно из центральных мест, — тема у х о д а из царства бесправия и произвола, то есть тема отрицания и обличения этого царства.

Контуры обличительной темы еще отчетливее проступают в свете следующего обстоятельства: 5 июля 1836 года, кроме стихотворения «Из Пиндемонта», была закончена также «Мирская власть» — одно из самых значительных произведений пушкинской поэтической публицистики. Внимание поэта привлек как будто бы незначительный факт: в одном из храмов, находящихся скорее всего в аристократической части столицы, начальство во избежание беспорядка распорядилось поставить у распятия «В ружье и кивере двух грозных часовых». Пушкин увидел в этом символическое выражение лицемерия и цинизма мирской, то есть царской, власти, отгораживающих господ от народа даже в совершении религиозных обрядов. «К чему, скажите мне, хранительная стража?» — обращается поэт к держателям этой власти без различия рангов, а стало быть, прежде всего к верховному из них — к царю:

Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтобы не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

Два эти написанные одновременно стихотворения не противостоят, а дополняют друг друга. И тут и там в различных формах выражения Пушкин обличает силу власти незаконной, иными словами, обличает господствовавший в то время в России общественно-политический строй. Под леденящим взором «чуткой цензуры» Пушкин в духе «гимнов прежних» продолжает борьбу за свободу; он отстаивает и личную свободу поэта, то есть творческую, и свободу социальную, несколько не упрощая своего понимания идеи свободы как идеи универсальной. Но есть тут и одно, для нашей темы весьма важное, различие. «Мирская власть» — это страстная защита нравственного достоинства народа, защита прав его совести; поэт вместе с народом, и обиду народную он переживает как свою собственную, тогда как в стихотворении «Из Пиндемонта» он противопоставляет себя народу: зависимость поэта от народа осуждена и отвергнута здесь так же, как и зависимость от царя.

В современных комментариях обыкновенно сообщается, что в стихе «Зависеть от царя, зависеть от народа» сопоставлены две системы управления — самодержавная и парламентская. Неосновательность этого объяснения очевидна; когда Пушкин писал это стихотворение, он думал, как мы видели, о русской цензуре, а не о западноевропейских цензурных уставах или о каких-нибудь других средствах подчинения поэта властям парламентского режима. Смысл этого и последующих стихов не в отрицании таких принципов демократии, как подчинение меньшинства большинству или предпочтение интересов индивида высшим интересам народа; речь здесь идет прежде всего о проблеме эстетической — об отношении поэта к народу и об отношении

народа к специфической, чрезвычайно сложной отрасли духовной деятельности — к поэзии и ее служителю — поэту.

В предпоследнем стихе «Памятника»:

Хвалу и клевету приемли равнодушно —

Пушкин вовсе не намеревался уверить читателя, будто хвала ничем не отличается от клеветы и все хвалители заслуживают презрения наравне с клеветниками. Конечно, были тогда такого сорта хвалители, которые считали поэзию странной и ненужной игрой в слова, забавой, а поэта — забавником. Правда, в их время поэтов уже не заставляли выполнять чисто шутовские обязанности, как Тредьяковского при Вироне; напротив, Державину, например, за его стихи были пожалованы самые высокие чины и награды. Стало быть, заключали они, хоть чин поэта табелью о рангах и не предусмотрен, но стихи его в государственном механизме нужны — скорее всего, для украшения фасада; а так как они признавали себя государственными деятелями, то, значит, и для их удовольствия. Именно из них и составлялось то множество, которое Пушкин называл толпой. Люди толпы безапелляционно судили о поэзии, снисходительно хвалили в произведениях поэта красоты, указывали недостатки и не переставали напоминать ему, что цель поэзии — польза, польза государства прежде всего, а стало быть, и народа, поскольку, уверяли они, польза государства это и есть польза народа. Они делали вид, что говорят от имени народа, включая и ту самую чернь, которую на деле презирали. Больше того, эти циники сами себя не стеснялись называть народом. Пушкин знал цену этой демагогии; оставил за ними самозванно присвоенные имена, но только с соответствующими поправками: б е с с м ы с л е н н ы й н а р о д, т у п а я, с в е т с к а я ч е р н ь.

Но в пятой строфе «Памятника» есть предостережение и насчет другой, благожелательной, неподдельно искренней хвалы. К ней равнодушно относиться по-человечески почти невозможно, и при этом почти незаметно может возникнуть суетное желание понравиться хвалителям еще и еще раз. Это соблазн славы. Стоит только поддаться ему, как станет вполне реальной опасность и з м е н ы своему собственному призванию. Ведь непозт — как бы ни был развит и утончен его вкус — в своих суждениях о поэзии руководствуется знанием лишь общих ее законов; а каждый талант, не говоря уже о гении, самобытен и, в сущности, неповторим. Высказанная еще в сонете «Поэту» мысль:

Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умешь ты свой труд,—

продиктована отнюдь не гордыней, а пониманием той непреложной истины, что степень и полнота верности своему призванию могут быть определены только самим поэтом, потому что в творческом даре заключена и его мера — способность поэта поверять создаваемое им не только общими законами поэзии, но и — порою, может быть, даже и не ясно сознаваемыми, а чувствуемыми,

и то лишь в моменты вдохновения, — возможностями и свойствами собственного дара.

О соблазне славы сказано и в парадоксальном на первый взгляд стихе:

Поэт! не дорожи любовью народной.

Слава, в том числе и слава поэта, — нечто обоюдоострое. Восторженные похвалы образуют славу, без них она существовать не может, но, в свою очередь, слава, раз уж она возникла, многократно их умножает и усиливает. Эта магия славы могла повлиять и на народ, по крайней мере, на ту его часть, которой что-то было известно о существовании поэзии и поэтов. И тогда в его восторженных похвалах выражается не только бескорыстная любовь к поэзии. «...Уважение наше к Славе, — писал Пушкин, — происходит, может быть, от самолюбия: в состав Славы входит ведь и наш голос» (VIII, с. 461). Возлюбив славу, поэт на деле отказывается от единственно верного принципа — «ты сам свой высший суд», изменяет своему призванию и добровольно ставит себя в зависимость от тех, кем она держится, то есть и от народа — в только что указанном значении этого понятия. Именно об этом он и писал в стихотворении «Из Пиндемонти»:

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?

Но не противоречит ли это заключение тому, что сказано во второй строфе «Памятника»?

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

По убеждению Пушкина, смысл пребывания поэзии в мире определяется не внешними по отношению к ней причинами, не потребностями хотя бы и такого важного, но все-таки преходящего установления, как государство (вспомним судьбу обожествляемого Горацием Рима); ее существование в конечном счете предопределенно ее внутренней природой. Но это, конечно, вовсе не значит, что он представлял себе поэзию как нечто абсолютно автономное, в своем существовании и развитии не нуждающееся ни в каких связях с остальным миром. Поэзия живет в человечестве и вне его, конкретнее — без его заинтересованного внимания к ней ее существование немислимо. В реальной жизни поэт может творить лишь при том условии, если среди непоэтов находятся и такие люди, которые внимательно слушают его, не расточая ни советов, ни похвал, потому что видят в поэзии великий, возвышающий душу дар. С великой болью вспомнил Пушкин о таких людях в заключительной строфе «Евгения Онегина»:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече...

Это пловцы из «Ариона», самоотверженные борцы: поэзия была для них воодушевляющей песнью свободе.

А народ? Прижизненная слава поэта возникает не по его воле и не по его почину. А если народ не сбит с толку шумихой этой славы, он способен расслышать в поэзии то, что является одной из ипостасей ее сущности — песню свободе, потому что в его собственных песнях — или упоение свободой, или тоска по ней:

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Именно об этом нерасторжимом родстве песни и свободы писал Пушкин в первоначальных вариантах четвертой строфы «Памятника»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

Заканчивая «Памятник», Пушкин уже знал, что его статья «Александр Радищев» не будет пропущена цензурой; поэтому имя этого великого проводника свободы пришлось, не дожидаясь цензурного запрета, вычеркнуть из строфы. Одновременно был заменен и второй стих строфы.

Пушкин в «Памятнике» с гордостью говорит о своей преданности поэзии: его противостояние жестокому веку, восславление свободы во всех ее проявлениях, возбуждение добрых чувств и великодушия — все это было предопределено именно ею — преданностью поэзии.

Он верил, что обитатели подлунного мира никогда не перестанут стремиться к идеалу, поэтому не иссякнет их влечение к поэзии. И до тех пор, пока оно есть, будут появляться все новые и новые поэты. В лоне живой поэзии будет жить и его, Пушкина, лира. Это будет слава. Но особая. В ней нет ничего от прижизненной суетности; она возникла из сочувствия и понимания и живет как дань народной признательности и любви. Или, как это уточнено самим Пушкиным, как дань признательности всех народов «сущих» на Руси.

М. Еремин

I. СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. НАБРОСКИ. ПОМЕТЫ НА ПОЛЯХ

МОИ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ РУССКОМ ТЕАТРЕ

Должно ли сперва поговорить о себе, если захочешь поговорить о других? Нужна ли старая маска Лужнического пустынноика для безымянного критика «Истории» Карамзина? Должно ли укрываться в чухонскую деревню, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою? Ужели, наконец, необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски? Думаю, что нет, и потому не прилагаю здесь ни своего послужного списка, ни свидетельства о рождении, ни росписи своим знакомым и друзьям, ни собственной аполгии. Читатель, которому до меня нет никакой нужды, этим нимало не оскорбится, и если ему нечего делать, то пробежит мои *замечания об русском театре*, не заботясь, по какому поводу я их написал и напечатал.

Публика образует драматические таланты. Что такое наша публика?

Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?» — «От Семеновой, от Сосницкой, от Колосовой, от Истоминой». — «Как ты счастлив!» — «Сегодня она поет — она играет, она танцует — похлопаем ей — вызовем ее! она так мила! у ней такие глаза! такая ножка! такой талант!..» — Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места

на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таких судей?

Часто певец или певица, заслужившие любовь нашей публики, фальшиво дотягивают арию Боэльде или della Maria. Знатоки примечают, любители чувствуют, они молчат из уважения к таланту. *Прочие* хлопают из доверенности и кричат форо из приличия.

Трагический актер заревет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раёк приходит в исступление, театр трещит от рукоплесканий.

Актриса... Но довольно будет, если скажу, что невозможно ценить таланты наших актеров по шумным одобрениям нашей публики.

Еще замечание. Значительная часть нашего партера (т. е. кресел) слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее — движения какого-нибудь чувства. Следовательно, они служат только почтенным украшением Большого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей.

Еще одно замечание. Сии великие люди нашего времени, носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости, неразлучных с образом их занятий, сии всегдашние передовые зрители, нахмуренные в комедиях, зевающие в трагедиях, дремлющие в операх, внимательные, может быть, в одних только балетах, не должны ль необходимо охлаждать игру самых ревностных наших артистов и наводить лень и томность на их души, если природа одарила их душою?

Но посмотрим, достойны ли русские актеры такого убийственного равнодушия. Разберем отдельно трагедию, комедию, оперу и балет и постараемся быть снисходительными и строгими, но особенно беспристрастными.

Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой и,

может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная французская актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения, всё сие принадлежит ей и ни от кого не заимствовано. Она украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измеренные строки Лобанова; в ее устах понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией. В пестрых переводах, составленных общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все сии плачевные произведения союзных поэтов, от которых каждый отец отрекается поодиночке. Семенова не имеет соперницы. Пристрастные толки и минутные жертвы, принесенные новости прекратились, она осталась единодержавною царицею трагической сцены. Было время, когда хотели с нею сравнивать прекрасную комическую актрису Валберхову, которая в роли Дидоны живо напоминала нам жеманную Селимену (так, как в роли *Ревнивой жены*¹ напоминает она и теперь карфагенскую царицу). Но истинные почитатели ее таланта забыли, что видели ее в венце и мантии, которые весьма благоразумно сложила она для платья с шлейфом и шляпки с перьями.

В скромной одежде Антигоны, при плесках полного театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприще Мельпомены. Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно, частая приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей трагических талантов. Приговор почти единогласный назвал Сашеньку Колосову надежной наследницей Семеновой. Во всё продолжение игры ее рукоплесканья не прерывались. По окончанию трагедии она была вызвана криками иступления, и когда г-жа Колосова большая

Filiae pulchrae mater pulchrior²

¹ Иные почитают лучшею ролью г-жи Валберховой роль *Ревнивой жены*. Совершенно несправедливо. Разве они не видали ее в «Мизантропе», в «Нечаянном закладе», в «Пустодомях» и проч.? (Прим. А. С. Пушкина.)

² Прелестной дочери прелестнейшая мать (лат.).

в русской одежде, блистая материнскою гордостью, вышла в последующем балете, всё загремело, всё закричало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Пример единственный в истории нашего театра. Рассказываю просто, не делая на это никаких замечаний. Три раза сряду Колосова играла три разные роли с равным успехом. Чем же всё кончилось? Восторг к ее таланту и красоте мало-помалу охолодел, похвалы стали умереннее, рукоплескания утихли, перестали ее сравнивать с несравненно Семеновою; вскоре стала она являться пред опустелым театром. Наконец, в ее бенефис, когда играла она роль Заиры, все заснуло и проснулись только тогда, когда христианка Заира, умерщвленная в пятом действии трагедии, показала в конце довольно скучного водевиля в малиновом сарафане, в золотой повязке, и пошла плясать по-русски с большою приятностию на голос: *Во саду ли, в огороде.*

Если Колосова будет менее заниматься флигель-адъютантами е. и. в., а более своими ролями; если она исправит свой однообразный напев, резкие вскрикивания и парижский выговор буквы Р, очень приятный в комнате, но неприличный на трагической сцене, если жесты ее будут естественнее и не столь жеманными, если будет подражать не только одному выражению лица Семеновою, но постарается себе присвоить и глубокое ее понятие о своих ролях, то мы можем надеяться иметь со временем истинно хорошую актрису — не только прелестную собой, но и прекрасную умом, искусством и неоспоримым дарованием. Красота проходит, таланты долго не увядают. Кто нынче говорит об Каратыгиной, которая, по собственному признанию, никогда не могла понять смысла ни единого слова своей роли, если она писана была стихами? Было время, когда ослепленная публика кричала об чудном таланте прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду с его законною вдовою, и никто не возьмет на себя решить, которая из них непонятнее и неприятнее. Скромная, никем не замеченная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица трагической наперсницы, предпочитается им обеим простым, равнодушным чтением стихов, которое, по крайней мере, никогда не вредит игре главной актрисы.

Долго Семенова являлась перед нами с диким, но пламенным Яковлевым, который, когда не был пьян, напоминал нам пьяного Тальма. В то время имели мы двух трагических актеров! Яковлев умер; Брянский заступил его место, но не заменил его. Брянский, может быть, благопристойнее, вообще имеет более благородства на сцене, более уважения к публике,

тверже знает свои роли, не останавливает представлений *внезапными своими болезнями*; но зато какая холодность! какой однообразный, тяжелый напев!

По мне уж лучше пей,
Да дело разумей.

Яковлев имел часто восхитительные порывы гения, иногда порывы лубочного Тальма. Брянский всегда, везде одинаков. Вечно улыбающийся Фингал, Тезей, Орозман, Язон, Димитрий — равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: расшевелись, батюшка! развернись, рассердись, ну! ну! Неловкий, размеренный, сжатый во всех движениях, он не умеет владеть ни своим голосом, ни своей фигурой. Брянский в трагедии никогда никого не тронул, а в комедии не рассмешил. Несмотря на это, как комический актер он имеет преимущество и даже истинное достоинство.

Оставляю на жертву *бенуару* Щеникова, Глухарева, Каменогорского, Толченова и проч. Все они, принятые сначала с восторгом, а после падшие в презрение самого райка, *погибли без шума*. Но из числа сих отверженных исключим Борецкого. Любовь, иные думают, несчастная, к своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Он не имеет величественной осанки Яковлева, ни даже довольно приятной фигуры Брянского, его напев еще однообразнее и томительнее, вообще играет он хуже его. Certes! c'est beaucoup dire¹ — со всем тем я Борецкого предпочитаю Брянскому. Борецкий имеет чувство; мы слышали порывы души его в роли Эдипа и старого Горация. Надежда в нем еще не пропала. Искоренение всех привычек, совершенная перемена методы, новый образ выражаться могут сделать из Борецкого, одаренного средствами душевными и физическими, актера с великим достоинством.

Но оставим неблагоприятное поле трагедии и приступим к разбору комических талантов.

О ПРОЗЕ

Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу: «Не выхваляйте мне Бюфона. Этот человек пишет: Благороднейшее из всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч.

¹ Конечно, это не так просто сказать (*франц.*).

Зачем просто не сказать лошадь». Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д'Аламбер очень умный человек — и, признаюсь, я почти согласен с его мнением.

Замечу мимоходом, что дело шло о Бюфоне — великом живописце природы, коего слог, цветущий, полный, всегда будет образцом описательной прозы, некоторые картины отделаны кистью мастерской. Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба — ах как это всё ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее.

Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь: эта молодая хорошая актриса — и продолжай — будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет.

Презренный зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостию... боже мой, зачем просто не сказать *лошадь*; не короче ли — г-н издатель такого-то журнала.

Вольтер может почесться лучшим образом благоразумного слога. Он осмеял в своем «Микромегасе» изысканность тонких выражений Фонтенеля, который никогда не мог ему того простить¹.

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется).

Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе. Ответ —

¹ Кстати о слоге, должно ли в сем случае сказать — не мог ему того простить — или не мог ему то простить? Кажется, что слова сии зависят не от глагола *мог*, управляемого частицей *не*, но от неопределенного наклонения *простить*, требующего *винительного* падежа. Впрочем, Н. М. Карамзин пишет иначе. (Прим. А. С. Пушкина.)

Карамзина. Это еще похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтенном

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА»

В течение последних четырех лет мне случалось быть предметом журнальных замечаний. Часто несправедливые, часто непристойные, иные не заслуживали никакого внимания, на другие издали отвечать было невозможно. Оправдания оскорбленного авторского самолюбия не могли быть занимательны для публики; я молча предполагал исправить в новом издании недостатки, указанные мне каким бы то ни было образом, и с живейшей благодарностию читал изредка лестные похвалы и ободрения, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моих стихотворений давало повод благородному изъявлению снисходительности и дружелюбия.

Ныне нахожусь в необходимости прервать молчание. Князь П. А. Вяземский, предприняв из дружбы ко мне издание «Бахчисарайского фонтана», присоединил к оному «Разговор между Издателем и Антиромантиком», разговор, вероятно, вымышленный: по крайней мере, если между нашими печатными классиками многие силою своих суждений сходствуют с Классиком Выборгской стороны, то, кажется, ни один из них не выражается с его остротой и светской вежливостью.

Сей разговор не понравился одному из судей нашей словесности. Он напечатал в 5 № «Вестника Европы» второй разговор между Издателем и Классиком, где между прочим прочел я следующее:

«Изд. Итак, разговор мой вам не нравится? — *Класс.* Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасном стихотворении Пушкина, думаю, и сам автор об этом пожалеет».

Автор очень рад, что имеет случай благодарить князя Вяземского за прекрасный его подарок. «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» писан более для Европы вообще, чем исключительно для России, где противники романтизма слишком слабы и незаметны и не стоят столь блистательного отражения.

Не хочу или не имею права жаловаться по другому отношению и с искренним смирением принимаю похвалы неизвестного критика.

Одесса

Александр Пушкин

О ПРИЧИНАХ, ЗАМЕДЛИВШИХ ХОД НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ

Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского. Все наши писатели на то жаловались, — но кто же виноват, как не они сами. Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен. У нас еще нет ни словесности, ни книг¹, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы уже давно готовы и всем известны.

Но русская поэзия, скажут мне, достигла высокой степени образованности. Согласен, что некоторые оды Державина, несмотря на неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения, что в «Душеньке» Богдановича встречаются стихи и целые страницы, достойные Лафонтена, что Крылов превзошел всех нам известных баснописцев, исключая, может быть, сего же самого Лафонтена, что Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского; что Жуковского перевели бы все языки, если б он сам менее переводил.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ЦЫГАНАМ»

1

Долго не знали в Европе происхождения цыганов; считали их выходцами из Египта — донныне в некоторых землях и называют их египтянами. Английские путешественники разре-

¹ ...В стране моей родной

Журналов тысячи, а книги ни одной.

Согласен с последним полустижием. (Прим. А. С. Пушкина.)

шили наконец все недоумения — доказано, что цыгане принадлежат отверженной касте индейцев, называемых *париа*. Язык и то, что можно назвать их верою, — даже черты лица и образ жизни — верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностью, везде утонула меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг — они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожкой, пеньем и плясками.

В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им, однако же, вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой. Они не промышляют ни кражей, ни обманом. Впрочем, они так же дики, так же бедны, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами. Дань их составляет неограниченный доход супруги господаря.

2

Примечание. Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

Она Державиным воспета
И славой русскою полна.

Но донныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников. Не знаю, выйдет ли когда-нибудь «Историческое и статистическое описание оной», составленное И. П. Липранди, соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА СТАТЬЮ А. БЕСТУЖЕВА «ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В ТЕЧЕНИЕ 1824 И НАЧАЛА 1825 ГОДОВ»

Бестужев предполагает, что словесность всех народов следовала общим законам природы. Что это *значит*? Первый век ее был возрастом *гениев*.

Кажется, автор хотел сказать, что всякая словесность имеет свое постепенное развитие и упадок. Нет.

Автор первым ее периодом предполагает век «сильных чувств и гениальных творений». «По времени *круг сей* (какой?) стесняется... Жажда нового ищет нечерпанных источников, и гении смело кидаются в обход мимо толпы в поиске новой земли мира нравственного и вещественного, пробивают свои стези». Следовательно, настает новый период, но г-н Бестужев сливает их в одно и продолжает: «За сим веком творения и полноты следует век посредственности, удивления и отчета. Песенники последовали за лириками, комедия вставала за трагедиею; но история, критика и сатира были всегда младшими ветвями словесности. Так было везде». Нет. О греческой поэзии судить нам невозможно — до нас дошло слишком мало памятников оной. О греческой критике мы не имеем и понятия. Но мы знаем, что Геродот жил прежде Эсхила, гениального творца трагедии. Невий предшествовал Горацию, Энний — Виргилию, Катулл — Овидию, Гораций — Квинтилиану, Лукан и Сенека явились гораздо позже. Всё это не может подойти под общее определение г. Бестужева.

Спрашивается, которая из новейших словесностей являет постепенность, своевольно определенную г. Бестужевым? Романтическая словесность началась триолетами. Таинства, ле, фаблио предшествовали созданиям Ариоста, Кальдерона, Данте, Шекспира. После кавалера Marini явился Alfieri, Monti и Foscolo, после Попа и Аддиссона — Байрон, Мур и Соуве. Во Франции романтическая поэзия долго младенчествовала. Лучший стихотворец времени Франциска I Marot

Rima des triolets, fit fleurir la ballade¹.

Проза уже имела сильный перевес: Монтань, Рабле были современниками Марота.

Спрашивается, где видим и тень закона, определенного г. Бестужевым?

У нас есть критика? где ж она? Где наши Аддиссоны, Лагарпы, Шлегели, Sismondi? что мы разобрали? чьи литературные мнения сделались народными, на чьи критики можем мы сослаться, опереться?

Но г-н Бестужев сам же говорит ниже — «критик, антикритик и перекритик мы видим много, а дельных критиков мало».

¹ Слагал триолеты, содействовал расцвету баллады (франц.).

О г-же СТАЛЬ и о г. А. М-ве

Из всех сочинений г-жи Сталь книга «Десятилетнее изгнание» должна была преимущественно обратить на себя внимание русских. Взгляд быстрый и пронизательный, замечания разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы, — всё приписано чести уму и чувствам необыкновенной женщины. Вот что сказано об ней в одной рукописи: «Читая ее книгу „Dix ans d'exil”¹, можно видеть ясно, что, тронутая ласковым приемом русских бояр, она не высказала всего, что бросалось ей в глаза². Не смею в том укорять красноречивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных». Эта снисходительность, которую не смеет порицать автор рукописи, именно и составляет главную прелесть той части книги, которая посвящена описанию нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россию как священное убежище, как семейство, в которое она была принята с доверенностью и радушием. Исполняя долг благородного сердца, она говорит об нас с уважением и скромностью, с полнотою душевною хвалит, порицает осторожно, *не выносит сора из избы*. Будем же и мы благодарны знаменитой гостье нашей: почтим ее славную память, как она почтила гостеприимство наше...

Из России г-жа Сталь ехала в Швецию по печальным пустыням Финляндии. В преклонных годах, удаленная от всего милого ее сердцу, семь лет гонимая деятельным деспотизмом Наполеона, принимая мучительное участие в политическом состоянии Европы, она не могла, конечно, в сие время (в осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслаждения красотами природы. Не мудрено, что почернелые скалы, дремучие леса и озера наводили на нее уныние.

Недоконченные ее записки останавливаются на мрачном описании Финляндии...

Г-н А. М.³, пробегая снова книжку г-жи Сталь, набрал на сей последний отрывок и перевел его довольно тяжелою прозою, присовокупив к оному следующие замечания на грёзы г-жи Сталь: «Не говоря уже о обличении ветреного легко-

¹ «Десять лет изгнания» (франц.).

² Речь идет о большом обществе петербургском, прежде 1812 года. (Прим. А. С. Пушкина.)

³ «Сын отечества», № 10. (Прим. А. С. Пушкина.)

мыслия, отсутствия наблюдательности и совершенного неведения местности, невольно поражающих читателей, знакомых с творениями автора книги о Германии, я в свою очередь был поражен самим рассказом, во всем подобным пошлому пустомельству тех щепетильных французикув, которые немного времени тому назад, являясь с скудным запасом сведений и богатыми надеждами в Россию, так радостно принимались щедрыми и подчас неуместно добродушными нашими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)».

Что за слог и что за тон! Какое сношение имеют две страницы Записок с «Дельфиною», «Коринною», «Взглядом на французскую революцию» и пр., и что есть общего между щепетильными (?) французикувами и дочерью Неккера, гонимую Наполеоном и покровительствуемую великодушием русского императора?

«Кто читал творения г-жи Сталь, — продолжает г. А. М., — в коих так часто ширяется она и пр..., тому точно покажется странным, как беспредельные леса и пр... не сделали другого впечатления на автора «Коринны», кроме скуки от единообразия!» — За сим г. А. М. ставит в пример самого себя. «Нет! никогда, — говорит он, — не забуду я волнения души моей, расширявшейся для вмещения столь сильных впечатлений. Всегда буду помнить утра... и пр.» — Следует описание северной природы слогом, совершенно отличным от поэмы г-жи Сталь.

Далее советует он покойной сочинительнице, посредством какого-либо толмача, расспросить извозчиков своих о точной причине пожаров и пр.

Шутка о близости волков и медведей к Абовскому университету отменно не понравилась г-ну А. М.; но г. А. М. и сам расшутился. «Ужели, — говорит он, — 400 студентов, там воспитывающихся, готовят себя в звероловы? В этом случае академию сию могла бы она точнее назвать псарным двором? Ужели г-жа Сталь не нашла другого способа отыскивать причин, замедляющих ход просвещения, как, перерядившись Дианой, заставить читателя рыскать вместе с собою в лесах финляндских, по порошам за медведями и волками, и зачем их искать в берлогах?.. Наконец от страха, наведенного на робкую душу нашей барыни», и проч.

О сей барыне должно было говорить языком вежливым образованного человека. Эту барыню удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Европа своего уважения, а

г. А. М. журнальной статейки не весьма острой и весьма неприличной.

Уважен хочешь быть, умей других уважить.

Ст. Ар.

9 июня 1825

О ПРЕДИСЛОВИИ г-на ЛЕМОНТЕ К ПЕРЕВОДУ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА

Любители нашей словесности были обрадованы предприятием графа Орлова, хотя и догадывались, что способ перевода, столь блестящий и столь недостаточный, нанесет несколько вреда басням неподражаемого нашего поэта. Многие с большим нетерпением ожидали предисловия г-на Лемонте; оно в самом деле очень замечательно, хотя и не совсем удовлетворительно. Вообще там, где автор должен был необходимо писать понаслышке, суждения его могут иногда показаться ошибочными; напротив того, собственные догадки и заключения удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся до таких предметов, о коих мнения его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью¹ с невольной досадою, как иногда слушаешь разговор очень умного человека, который, будучи связан какими-то приличиями, слишком многого не договаривает и слишком часто отмалчивается.

Бросив беглый взгляд на историю нашей словесности, автор говорит несколько слов о нашем языке, признает его первобытным, не сомневается в том, что он способен к усовершенствованию, и, ссылаясь на уверения русских, предполагает, что он богат, сладкозвучен и обилен разнообразными оборотами.

Мнения сии нетрудно было оправдать. Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо

¹ По крайней мере в переводе, напечатанном в «Сыне отечества». Мы не имели случая видеть французский подлинник. (Прим. А. С. Пушкина.)

должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей.

Г-н Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования. Таковой же пример видели мы в новейшей Греции. Какое действие имеет на поработанный народ сохранение его языка? Рассмотрение сего вопроса завлекло бы нас слишком далеко. Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества.

В царствование Петра I-го начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов.

Г-н Лемонте в одном замечании говорит о всеобъемлющем гении Ломоносова; но он взглянул не с настоящей точки на великого сподвижника великого Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает машины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка.

Поэзия бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни: но если мы станем исследовать жизнь Ломоносова, то найдем, что науки точные

были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения. Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему предложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения¹. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтобы человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики. Как будто нужны для славы великого Ломоносова мелочные почести модного писателя!

Упомянув об исключительном употреблении французского языка в образованном кругу наших обществ, г. Лемонте столь же остроумно, как и справедливо, замечает, что русский язык чрез то должен был непременно сохранить драгоценную свежесть, простоту и, так сказать, чистосердечность выражений. Не хочу оправдывать нашего равнодушия к успехам отечественной литературы, но нет сомнения, что если наши писатели чрез то теряют много удовольствия, по крайней мере язык и словесность много выигрывают. Кто отклонил французскую поэзию от образцов классической древности? Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоск вежливости и остроумия на все произведения писателей 18 столетия? Общество M-e du Deffand, Boufflers, d'Erinay, очень милых и образованных женщин. Но Мильтон и Данте писали не для *благосклонной улыбки прекрасного пола*.

Строгий и справедливый приговор французскому языку делает честь беспристрастию автора. Истинное просвещение

¹ Любопытно видеть, как тонко насмеяется Тредьяковский над *славянщинами* Ломоносова, как важно советует он ему переимать *легкость и щеголевитость речений изрядной компании!* Но удивительно, что Сумароков с большою точностью определил в одном полустихии истинное достоинство Ломоносова-поэта:

Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен!
Enfin Malherbe vint, et, le premier en France, etc.*

(Прим. А. С. Пушкина.)

* Пришел наконец Малерб, и, первый во Франции, и т. д. (франц.).

беспристрастно. Приводя в пример судьбу сего прозаического языка, г. Лемонте утверждает, что и наш язык, не столько от своих поэтов, сколько от прозаиков, должен ожидать *европейской своей общежителности*. Русский переводчик оскорбился сим выражением; но если в подлиннике сказано *civilisation Eugoréenne*¹, то сочинитель чуть ли не прав.

Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны.

Г-н Лемонте, входя в некоторые подробности касательно жизни и привычек нашего Крылова, сказал, что он не говорит ни на каком иностранном языке и только понимает по-французски. *Неправда!* — резко возражает переводчик в своем примечании. В самом деле, Крылов знает главные европейские языки и, сверх того, он, как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому. В других землях таковая характеристическая черта известного человека была бы прославлена во всех журналах; но мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся на неведение иностранцев о всем, что до нас касается.

В заключение скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшего истинно народного поэта, дабы познать Европу с литературою севера. Конечно, ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (*naïveté, bonhomie*)² есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться: Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов.

12 августа

Н. К.

¹ европейская цивилизация (франц.).

² наивность, простодушие (франц.).

Р. С. Мне показалось излишним замечать некоторые явные ошибки, простительные иностранцу, например сближение Крылова с Карамзиным (сближение, ни на чем не основанное), мнимая неспособность языка нашего к стихосложению совершенно метрическому и проч.

О ПОЭЗИИ КЛАССИЧЕСКОЙ И РОМАНТИЧЕСКОЙ

Наши критики не согласились еще в ясном различии между родами классическим и романтическим. Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к романтизму всё, что им кажется означенным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное. Стихотворение может являть все сии признаки, а между тем принадлежать к роду классическому.

Если вместо *формы* стихотворения будем брать за основание только *дух*, в котором оно писано, то никогда не выпустимся из определений. Гимн Ж. -Б. Руссо духом своим, конечно, отличается от оды Пиндара, сатира Ювенала от сатиры Горация, «Освобожденный Иерусалим» от «Энеиды», однако ж все они принадлежат к роду классическому.

К сему роду должны отнести те стихотворения, коих *формы* известны были грекам и римлянам, или коих образцы они нам оставили; следственно, сюда принадлежат: эпопея, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ироида, эклога, элегия, эпиграмма и баснь.

Какие же роды стихотворения должны отнести к поэзии романтической?

Те, которые не были известны древним, и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян: каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величайшей древности. Взглядом на происхождение и на постепенное развитие поэзии новейших народов.

Западная империя клонилась быстро к падению, а с нею науки, словесность и художества. Наконец она пала; просвещение погасло. Невежество омрачило окровавленную Европу.

Едва спаслась латинская грамота; в пыли книгохранилищ монастырских монахи соскобляли с пергамента стихи Лукреция и Вергилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды.

Поэзия проснулась под небом полуденной Франции — рифма отозвалась в романском языке; сие новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значащее, имело важное влияние на словесность новейших народов. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков; побежденная трудность всегда приносит нам удовольствие — любить размеренность, ответственность свойственно уму человеческому. Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее всевозможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы: явились *virelai*, баллада, рондо, сонет и проч.

От сего произошла необходимая натяжка выражения, какое-то жеманство, вовсе неизвестное древним; мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться триолетами. Мы находим несчастные сии следы в величайших гениях новейших времён.

Но ум не может довольствоваться одними игрушками гармонии, воображение требует картин и рассказов. Трубадуры обратились к новым источникам вдохновения, воспели любовь и войну, оживили народные предания, — родился ле, романс и фаблио.

Темные понятия о древней трагедии и церковные празднества подали повод к сочинению *гаинств* (*mystères*). Они почти все писаны на один образец и подходят под одно уложение, но, к несчастью, в то время не было Аристотеля для установления непреложных законов мистической драматургии.

Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии: нашествие мавров и крестовые походы.

Мавры внушили ей иступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие востока; рыцари сообщили свою набожность и простодушие, свои понятия о геройстве и вольность нравов походных станов Годфреда и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзии. Если бы она остановилась на сих опытах, то строгие приговоры французских критиков были бы справедливы, но отрасли ее быстро и пышно процвели, и она является нам соперницею древней музы.

Италия присвоила себе ее эпопею, полуафриканская Гишпания завладела трагедией и романом, Англия противу имени Данте, Ариосто и Кальдерона с гордостью выставила имена

Спенсера, Мильтона и Шекспира. В Германии (что довольно странно) отличилась новая сатира, едкая, шутливая, коей памятником остался Ренике Фукс.

Во Франции тогда поэзия всё еще младенствовала: лучший стихотворец времени Франциска I

Rima des triolets, fit fleurir la ballade¹.

Проза уже имела сильный перевес: Монтань, Рабле были современниками Марота.

В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге уже положенной: были поэмы прежде Ариостова «Орланда», были трагедии прежде созданий de Vega и Кальдерона.

Во Франции просвещение застало поэзию в ребячестве, без всякого направления, безо всякой силы. Образованные умы века Людовика XIV справедливо презрели ее ничтожность и обратили ее к древним образцам. Буало обнародовал свой коран — и французская словесность ему покорилась.

Сия лжеклассическая поэзия, образованная в передней и никогда не доходившая далее гостиной, не могла отучиться от некоторых врожденных привычек, и мы видим в ней всё романтическое жеманство, облеченное в строгие формы классические.

P.S. Не должно думать, однако ж, чтоб и во Франции не осталось никаких памятников чистой романтической поэзии. Сказки Лафонтена и Вольтера и «Дева» сего последнего носят на себе ее клеймо. Не говорю о многочисленных подражаниях тем и той (подражаниях, по большей части посредственных: легче превзойти гениев в забвенье всех приличий, нежели в поэтическом достоинстве).

О СТИХОТВОРЕНИИ «ДЕМОН»

Думаю, что критик ошибся. Многие того же мнения, иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в «Демоне» цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом,

¹ Слагал триолеты, содействовал расцвету баллады (франц.).

доступно для прекрасного. Оно легковоерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия существенности рождает в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гёте называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух отрицания или сомнения, и в сжатой картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оногo на нравственность нашего века.

ОБ АНДРЕ ШЕНЬЕ

André Chénier погиб жертвою французской революции на 31 году от рождения. Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего. Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года. Нельзя воздержаться от горестного чувства...

О ТРАГЕДИИ

Изо всех родов сочинений самые неправдоподобные (*invraisemblables*) сочинения драматические, а из сочинений драматических — трагедии, ибо зритель должен забыть, по большей части, время, место, язык; должен усилием воображения согласиться в известном наречии — к стихам, к вымыслам. Французские писатели это чувствовали и сделали свои своенравные правила: действие, место, время. Занимательность будучи первым законом драматического искусства, единство действия должно быть соблюдаемо. Но место и время слишком своенравны: от сего происходят какие неудобства, стеснение места действия. Заговоры, изъяснения любовные, государственные совещания, празднества — всё происходит в одной комнате! — Непомерная быстрота и стесненность происшествий, наперсники... а *parte*¹ столь же несообразны с рассудком, приуждены были в двух местах и проч. И всё это ничего не

¹ в сторону (*фр.*).

значит. Не короче ли следовать школе романтической, которая есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства?

Интерес — единство.

Смешение родов комического и трагического, напряжение, изысканность необходимых иногда простонародных выражений.

О НАРОДНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность.

Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории.

Но мудроно отъять у Шекспира в его «Отелло», «Гамлете», «Мера за меру» и проч.— достоинства большой народности; Vega и Кальдерон поминутно переносят во все части света, заедают предметы своих трагедий из итальянских новелл, из французских ле. Ариосто воспеваает Карломана, французских рыцарей и китайскую царевну. Трагедии Расина взяты им из древней истории.

Мудрено, однако же, у всех сих писателей оспаривать достоинства великой народности. Напротив того, *что есть народного в Петриаде и Россиаде, кроме имен*, как справедливо заметил кн. Вяземский. Что есть народного в Ксении, рассуждающей шестистопными ямбами о власти родительской с наперсницей посреди стана Димитрия?

Другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения.

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует, или даже может показаться пороком. Ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Кальдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. Всё это носит, однако ж, печать народности.

Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА СТАТЬИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА В «МНЕМОЗИНЕ»

Статьи «О направлении нашей поэзии» и «Разговор с г. Булгариным», напечатанные в «Мнемозине», послужили основанием всего, что сказано было противу романтической литературы в последние два года.

Статьи сии написаны человеком ученым и умным. Правый или неправый, он везде предлагает и дает причины своего образа мыслей и доказательства своих суждений, дело довольно редкое в нашей литературе.

Никто не стал опровергать его, потому ли, что все с ним согласились, потому ли, что не хотели связаться с атлетом, по-видимому сильным и опытным.

Несмотря на то, многие из суждений его ошибочны во всех отношениях. Он разделяет русскую поэзию на лирическую и эпическую. К первой относит произведения старинных поэтов наших, ко второй Жуковского и его последователей.

Теперь положим, что разделение сие справедливо, и рассмотрим, каким образом критик определяет степень достоинства сих двух родов.

«Мы, напр...», выписываем сие мнение, потому что оно совершенно согласно с нашим.

Что такое *сила*? в поэзии? сила в изобретенье, в расположении плана, в слоге ли?

Свобода? в слоге, в расположении, — но какая же свобода в слоге Ломоносова и какого плана требовать в торжественной оде?

Вдохновение? есть расположение души к живейшему приятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии. Критик смешивает вдохновение с восторгом.

Нет; решительно нет: *восторг* исключает *спокойствие*, необходимое условие *прекрасного*. Восторг не предполагает силы ума, располагающей части в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следственно, не в силе произвести истинное великое совершенство (без которого нет лирической поэзии).

Восторг есть напряженное состояние единого воображения. Вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения не существует.

Гомер неизмеримо выше Пиндара; ода, не говоря уже об элегии, стоит на низших ступенях поэм. Трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества (*fantaisie*), воображения — гениального знания природы.

Но *плана* нет в оде и не может быть; единый план «Ада» есть уже плод высокого гения. Какой план в олимпийских одах Пиндара, какой план в «Водопаде», лучшем произведении Державина?

Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого.

ОБ АЛЬМАНАХЕ «СЕВЕРНАЯ ЛИРА»

Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков, имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех «Северной лиры», первенца московских альманахов.

Из стихотворений «Греческая песнь» Туманского, «К одесским друзьям» (его же) отличаются гармонией, точностью слога и обличают решительный талант. Между другими поэтами в первый раз увидели мы г-на Муравьева и встретили его с надеждой и радостью. О г. Шевыреве умолчим как о своем сотруднике.

Заметим, что г-ну Абр. Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину — Андрея Шенье. Предоставляем арабским журналистам заступаться за честь своих поэтов, переводимых г-ном Делибюрадером, — что касается до нас, то мы находим его преложения изрядными для татарина.

Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове могла быть любопытна и остроумна. В самом деле, сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы. Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они сходятся твердостью, неутомимостью духа, стремлением к про-

свещению, наконец уважением, которое умели приобрести от своих соотечественников. Но г-н Р. глубокомысленно замечает, что *Петрарка* был влюблен в Лауру, а *Ломоносов* уважал Петра и Елисавету; что Петрарка писал на латинском языке, написал поэму Сципион Африканский (т. е. Africa), а Ломоносов латинской поэмы не написал. Он в любопытном отступлении рассказывает, что старик приходил из Испании в Рим к Титу Ливию и что *такой же* старец, но к тому же *слепой*, приходил *видеть* Петрарку, — таковой чудесный пример наш Ломоносов не может представить; наконец, что Роберт, король неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу и проч., но что он (г. Р.) не знает, что бы сказал Ломоносов в таком случае.

Долго г-н Р. не знал, почему «у нашего холмогорца такая свежесть, такая сладость в стихах, не говорю уже о силе, которою без сомнения обязан он древним; но перечитавши всё, написанное им, я нашел, что он умел и счастливо умел перенести в свои творения много, очень много итальянского и даже некоторые так называемые *concetti*¹». Сомнительно.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО 1827 г.

Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим воспользоваться случаем высказать наше мнение об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) еще недовольно оцененном своими соотечественниками.

Первые произведения Баратынского обратили на него внимание. Знатоки с удивлением увидели в первых опытах стройность и зрелость необыкновенную.

Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей, может быть, зависело от обстоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом.

Первые произведения Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии, как в старину старались осмеять оды; но если вялые подражатели Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не

¹ блестящие обороты мысли (*итал.*).

следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии.

Да к тому же у нас почти не существует чистая элегия. У древних отличалась она особым стихосложением, но иногда сбивалась на идиллию, иногда входила в трагедию, иногда принимала ход лирический (чему в новейшие времена видим примеры у Гёте).

О ДРАМАХ БАЙРОНА

Английские критики оспаривали у лорда Байрона драматический талант. Они, кажется, правы. Байрон, столь оригинальный в «Чайльд-Гарольде», в «Гяуре» и в «Дон Жуане», делается подражателем, коль скоро вступает на поприще драматическое: в Manfred'e подражал он «Фаусту», заменяя протонародные сцены и субботы другими, по его мнению благороднейшими; но «Фауст» есть величайшее создание поэтического духа; он служит представителем новейшей поэзии, точно как «Илиада» служит памятником классической древности.

В других трагедиях, кажется, образцом Байрону был Alfieri. «Каин» имеет одну токмо форму драмы, но его бесвязные сцены и отвлеченные рассуждения в самом деле относятся к роду скептической поэзии «Чайльд-Гарольда». Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. Он представил нам призрак себя самого. Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею, то, наконец, странствующим посреди... В конце концов он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), всё, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из составных частей сего мрачного и сильного характера и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных. Байрон чувствовал свою ошибку и в последствии времени принялся вновь за «Фауста», подражая ему в своем «Превращенном уроде» (думая тем исправить le chef d'œuvre¹).

¹ шедевр (франц.).

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

* * *

Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа Магометова.

* * *

Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хоть, может быть, и глубокомысленного.

* * *

Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содраганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! знал бы про себя; многие того не заметили б.

* * *

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, не досягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия... Исключения редки.

* * *

Мне пришла в голову мысль, говорите вы: не может быть. Нет, NN, вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не так.

Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем

менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такою нежностью, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиазма и чувствительности.

* * *

Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах.

* * *

П р и м е р ы н е в е ж л и в о с т и

В некотором азиатском народе мужчины каждый день, восстав от сна, благодарят бога, создавшего их не женщинами.

Магомет оспаривает у дам существование души.

Во Франции, в земле, прославленной своею учтивостью, грамматика торжественно провозгласила мужеский род благороднейшим.

Стихотворец отдал свою трагедию на рассмотрение известному критику. В рукописи находился стих:

Я человек и шла путями заблуждений.

Критик подчеркнул стих, усумнясь, может ли женщина называться человеком. Это напоминает славное решение, приписываемое Петру I: женщина не человек, курица не птица, прапорщик не офицер.

Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, принаравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей; и т. п.

Тредьяковский пришел однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше высокопревосходительство! меня Александр Петрович так ударил в правую щеку, что она до сих пор у меня болит». — «Как же, братец? — отвечал ему Шувалов, — у тебя болит правая щека, ты держишься за левую». — «Ах, ваше высокопревосходительство, вы имеете резон», — отвечал Тредьяковский и перенес руку на другую сторону. Тредьяковскому не раз случалось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник

потребовал оду у придворного пииты Василия Тредьяковского, но ода была не готова, и пылкий статс-секретарь наказал тростию оплошного стихотворца.

* * *

Один из наших поэтов говорил гордо: Пускай в стихах моих найдется бессмыслица, зато уж прозы не найдется. Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения.

* * *

«Всё, что превышает геометрию, превышает нас», — сказал Паскаль. И вследствие того написал свои философические мысли!

* * *

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème¹. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии... что это значит? Можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?

* * *

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux². Хорошо было сказать это в первый раз, но как можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основанием поверхностной критике литературных скептиков; но скептицизм во всяком случае есть только первый шаг умствования. Впрочем некто заметил, что и Вольтер не сказал également bons³.

* * *

Путешественник Ансело говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о ка-

¹ Безупречный сонет один стоит длинной поэмы (франц.).

² Все жанры хороши, кроме скучного (франц.).

³ одинаково хороши (франц.).

ком-то русском романе, прославившем автора и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей из всего русского театра и еще не игранный и не напечатанный. В сем последнем случае Ансело чуть ли не прав. Забавная словесность!

* * *

Л., состаревшийся волокита, говорил: *Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral*¹.

* * *

Вдохновение есть расположение души к живейшему приятию впечатлений и соображению понятий, следственно, и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии.

* * *

Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятия о чести (*point d'honneur*), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри. Юный Феодор, уничтожив сию гордую дворянскую оппозицию, сделал то, на что не решились ни могущий Иоанн III, ни нетерпеливый внук его, ни тайно злобствующий Годунов.

* * *

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. «Государственное правило,— говорит Карамзин,— ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения. Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в целом народе? Предрассудок сей, утвержденный демократической завистью некоторых филосо-

¹ Морально я остался плотским, но плотски я сделался моральным. (франц.).

фов, служит только к распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!¹

* * *

Сказано: Les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples². Но какой же народ вверит права свои тайным обществам, и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры?

* * *

Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однако ж в «Дон Жуане» описывает он Россию, зато приметны некоторые погрешности противу местности. Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной каменной дороге. Измаил взят был зимою, в жестокий мороз. На улицах неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: Помилуй бог, как чисто!.. Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные.— Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю. В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях. Сон Сарданапалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время суворовских войн. В лице Нимврода изобразил он Петра Великого. В 1813 году Байрон намеревался через Персию приехать на Кавказ.

* * *

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумасшедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным, и с великим характером, всегда откровенным.

¹ Мои правнуки будут мне обязаны этой сенью (франц.).

² Тайные общества — дипломатия народов (франц.).

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой,—
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и пр.

Пушкин.

* * *

Милостивый государь! Вы не знаете правописания и пишете обыкновенно без смысла. Обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою: не выдавайте себя за представителя образованной публики и решителя споров трех литератур. С истинным почтением и проч.

* * *

Coquette, prude. Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) — недотрогу. Такое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилкой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае *прудство* или смешно, или несносно.

* * *

Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья, со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке.

* * *

Москва девичья, а Петербург прихожая.

* * *

Должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне: не оскорбляйте же глупцов.

* * *

Появление в «Истории государства Российского» (как и надлежало быть) наделало много шума и произвело сильное впечатление. 3000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупее светских суждений, которые удалось мне слышать; они были в состоянии отучить хоть кого от охоты к славе. Одна дама (впрочем, очень милая), при мне открыв вторую часть, прочла вслух: «Владимир усыновил Святополка, однако же не любил его... *Однако!* зачем не *но?* *однако!* чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина?» В журналах его не критиковали: у нас никто не в состоянии исследовать, оценить огромное создание Карамзина. Каченовский бросился на предисловие. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие (предисловие!). Михаил Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян, т. е. требовал от историка не истории, а чего-то другого. Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина; зато почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет, во время самых блестящих успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Примечания к русской истории свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех годах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. Многие забывали, что Карамзин печатал свою Историю в России, в государстве самодержавном; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности налагал на Карамзина

обязанность всевозможной скромности и умеренности. Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека. (Извлечено из неизданных записок.)

* * *

Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное *чутье* изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!

* * *

Французская словесность родилась в передней и далее гостиной не доходила.

МАТЕРИАЛЫ К «ОТРЫВКАМ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛЯМ И ЗАМЕЧАНИЯМ»

Предисловие

Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. «Мне скучно,— сказал дядя,— хотел бы я писать, но не знаю о чем». — «Пиши всё, что ни попало,— отвечал приятель,— мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. п. Это очень легко: так писал Сенека и Монтань». Приятель ушел, и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило, теперь он философически рассудил, что его огорчила безделица, и написал: нас огорчают иногда сущие безделицы. В эту минуту принесли ему журнал, он в него заглянул и увидел статью о драматическом искусстве, написанную рыцарем романтизма. Дядя, коренной классик, подумал и написал: я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону — несмотря на крики новейших критиков.— Дядя написал еще дюжины две

подобных мыслей и лег в постель. На другой день послал он их журналисту, который учтиво его благодарил, и дядя мой имел удовольствие перечитывать свои мысли напечатанные.

* * *

Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны. Ломоносов не отвечал или отшучивался. Сумароков требовал уважения к стихотворству.

* * *

Если всё уже сказано, зачем же вы пишете? чтобы сказать красиво то, что было сказано просто? жалкое занятие! нет, не будем клеветать разума человеческого, неистощимого в соображениях понятий, как язык неистощим в соображении слов. В сем-то смысле счастливая шутка князя Вяземского совершенно справедлива; он, оправдывая излишество эпитетов, делающих столь вялыми русские стихи, сказал очень забавно, что все существительные сказаны и что нам остается заново оттенить их прилагательными. Добросовестные люди задумались и важно стали доказывать, что и глаголы и деепричастия и прочие части речи давно уже сказаны.

* * *

У нас употребляют прозу как стихотворство не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а только для приятного проявления форм.

* * *

Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, ни один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола — все женщины восстанут на вас единодушно — они составляют *один* народ, одну секту.

* * *

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, — наше самолюбие: мы рады, ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками — даже слабостями и пороками. Ве-

роятно, больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если бы они оставляли нам свои признания.

* * *

Кс. находит какое-то сочинение глупым.— Чем вы это докажете? — Помилуйте,— простодушно уверяет он,— да я мог бы так написать.

* * *

Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностью оригинально выражать мысли — к счастью, он мыслит, что довольно редко между нами.

* * *

Есть различная смелость: Державин написал: «орел, на высоте паря», когда счастье «тебе хребет свой с грозным смехом повернуло, ты видишь, видишь, как мечты сиянье вокруг тебя заснуло».

Описание водопада:

Алмазна сыплется гора
с высот и проч.

Жуковский говорит о боге:

Он в дым Москвы себя облек.

Крылов говорит о храбром муравье, что

Он даже хаживал один на паука.

Кальдерон называет молнии огненными языками небес, глаголющих земле. Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней.

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и поэтические картины.

Французы донныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово *равé*, помост.

Et baise avec respect le pavé de tes temples¹.

¹ И почтительно целует плиты твоих храмов (франц.).

И Делиль гордится тем, что он употребил слово *vasche*¹. Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике. Жалка участь поэтов (какого б достоинства они, впрочем, ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гёте в «Фаусте», Молиера в «Тартюфе».

* * *

Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы? Разумею не антологические, в которых развертывается поэтическая прелесть, не маротическую, в которой сжимается живой рассказ, но ту, которую Буало определяет словами:

Un bon mot de deux rimes orné².

ЕСЛИ ЗВАНИЕ ЛЮБИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ...

Если звание любителя отечественной литературы само по себе достойно уважения и что-нибудь да значит, то и я во мнении публики, не взирая на убожество дарований, имею право на некоторое ее внимание. Произошед в 1761 году от честных, но недостаточных родителей, я не мог пользоваться источниками просвещения, открытыми в последствии времени в столь великом изобилии, и должен был довольствоваться уроками приходского дьячка, человека, впрочем, весьма довольно образованного в смиренном своем звании. Сему-то почтенному мужу обязан я благородною страстию к изящному вообще и к российской словесности в особенности. Вверенный мне им «Письмовник» г. Курганова не выходил из моих рук, и 8-и лет знал я его наизусть. С того времени, смело могу сказать, что не вышло из печати ни одного русского творения, ни одного перевода, ни одного русского журнала (включая тут хозяйственные и поваренные сочинения, также и месяцесло-

¹ корова (*франц.*).

² Слово, украшенное двумя рифмами (*франц.*).

вы), коих бы я не прочитал или о коих, по крайней мере, не получил достаточного понятия. Старых людей обвиняют вообще в слепой привязанности к прошедшему и в отвращении от настоящего. Но я не заслуживаю такого упрека. Успехи нашей словесности всегда радовали мое сердце, и я не мог без негодования слышать в нынешних журналах нападки, столь же безумные, как и несправедливые, на произведения писателей, делающих честь не только России, но и всему человечеству, и вообще на состояние просвещения в любезнейшем нашем отечестве. Сии журналы не суть ли сами красноречивыми доказательствами исполинских успехов нашего просвещения; какой из иностранных превзойдет их — в глубокомыслии «Вестник Европы», в учености «Северный архив», в приятном разнообразии «Московский телеграф» и прочих достоинствах «Сын отечества», «Московский вестник», «Северную пчелу» и другие. В чем, конечно, согласятся почтенные издатели «Вестника Европы», «Северного архива», «Московского телеграфа», «Северной пчелы» и проч. Сии-то несправедливые и безумные нападения принудили меня в первый раз выступить на поприще писателей, надеясь быть полезен любезным моим соотечественникам, пока неумолимые парки прядут еще нить жизни, как говорит г. Филимонов в одном трогательном газетном объявлении о поступившей в продажу книжке своего сочинения.

О ТРАГЕДИИ ОЛИНА «КОРСЕР»

Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма «Корсар», несмотря на то, что она в достоинстве уступает многим другим: «Гяюру» в пламенном изображении страстей, «Осаде Коринфа», «Шильонскому узнику» в трогательном развитии сердца человеческого, в трагической силе «Паризине», наконец, 3 и 4-ой песням «Child Harold» в глубокомыслии и высоте парения истинно лирического и в удивительном шекспировском разнообразии «Дон Жуану». «Корсар» неимоверным своим успехом был обязан характеру главного лица, таинственно напоминающего нам человека, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мере английские критики предполагали в Байроне сие намерение, но вероятнее, что поэт и здесь вывел на сцену лицо,

являющееся во всех его созданиях и которое наконец принял он сам на себя в «Чайльд-Гарольде». Как бы то ни было, поэт никогда не изъяснил своего намерения: сближение себя с Наполеоном нравилось его самолюбию.

Байрон мало заботился о планах своих произведений или даже вовсе не думал о них: несколько сцен, слабо между собою связанных, были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин. Английские критики оспаривали у него гений драматический, и Байрон за то на них досадовал. Дело в том, что он постиг, полюбил один токмо характер (именно свой), всё, кроме некоторых сатирических выходов, рассеянных в его творениях, отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из составных частей сего мрачного и сильного характера — и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных.

Вот почему, несмотря на великие красоты поэтические, его трагедии вообще ниже его гения, и драматическая часть в его поэмах (кроме разве одной «Паризины») не имеет никакого достоинства.

Что же мы подумаем о писателе, который из поэмы «Корсар» выберет один токмо план, достойный нелепой испанской повести, и по сему детскому плану составит драматическую трилогию, заменив очаровательную глубокую поэзию Байрона прозой надутой и уродливой, достойной наших несчастных подражателей покойного Коцебу? — вот что сделал г-н Олин, написав свою романтическую трагедию «Корсер», — подражание Байрону. Спрашивается: что же в Байроновой поэме его поразило — неужели план? о *miratores!*..¹

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА»

Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе «Годунова»: ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда по стечению благоприятных

¹ о поклонники! (лат.)

обстоятельств открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые.

С 1820 года, будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось, однако, довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признание ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе Отца нашего Шекспира, и принес ему в жертву пред его алтарь два классические единства, и едва сохранил последнее. Кроме сей пресловутой тройственности есть и единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно, не предполагая, что можно оспаривать его необходимость), единство слога — сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный александрийский стих переменял я на пятистопный белый, в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на

действия, — и думал уже, что публика скажет мне *большое спасибо*.

Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системой искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий, — словом, написал трагедию истинно романтическую.

Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности, что, следуя сему своевольному определению, один из самых оригинальных писателей нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданный удовольствием очарованных читателей, не усумнился включить Озерова в число поэтов романтических, что, наконец, наши журнальные Аристархи без церемонии ставят на одну доску Dante и Ламартина, самовластно разделяют Европу литературную на классическую и романтическую, уступая первой — языки латинского Юга и приписывая второй германские племена Севера, так что Dante (il gran padre Alighieri)¹ Ариосто, Лопец де Vega, Кальдерон и Сервантес попались в классическую фалангу, которой победа, благодаря сей неожиданной помощи, доставленной издателем «Московского телеграфа», кажется, будет несомненно принадлежать.

Всё это сильно поколебало мою авторскую уверенность. Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм.

Между тем, читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, я в них не видел и следов искреннего и свободного хода романтической поэзии, но жеманство лжеклас-сизма французского. Скоро я в том удостоверился.

Вы читали в первой книге «Московского вестника» отрывок из «Бориса Годунова», сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изображение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная простота, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им богом, совершен-

¹ Данте (великий отец наш Алигиери) (итал.).

ное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей, как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличалась от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужитнисходительную улыбку читателя; что же вышло? Люди умные обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифм называться стихами. Г-н З. предложил променять сцену «Бориса Годунова» на картинки «Дамского журнала». Тем и кончился строгий суд почтеннейшей публики.

Что ж из этого следует? Что г-н З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты, ошибочными известиями введшие меня во искушение. Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою, и неохотно смотрят на всё, что не подходит под сии законы. Нововведения опасны и, кажется, не нужны.

Хотите ли знать, что еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применениям, намекам, allusions. Благодаря французам мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век, им изображаемый. Француз пишет свою трагедию с Constitutionnel или с Quotidienne¹ перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберию, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходов, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что, кроме «Эсфири» и «Вереники», нет их и у Расина. Летопись французского театра видела в «Британике» смелый намек на увеселение двора Людовика XIV.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc.²

Но вероятно ли, чтоб тонкий, придворный Расин осмелился

¹ «Конституционная», «Ежедневная» (газеты) (франц.).

² Он говорит и делает лишь то, что ему предписывают и т. д. (франц.).

сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону? Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии прекрасные стихи, был исполнен Тацитом, духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о версальских балетах, как Юм или Walpole (не помню кто) замечает о Шекспире в подобном же случае. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА СТАТЬЮ «АТЕНЕЯ»

В 4 книге «Афеня» напечатан разбор 4-ой и 5 главы «Онегина».

Под романтическим автор разумеет оговорку, выручающую поэта.

Разбирая характеры в романе, он их находит вообще безнравственными. Порицает Онегина за то, что он открыто и нравственно поступает с Татьяной влюбленной и что жмет руку у Ольги, с дурным намерением подразнить своего приятеля.

Ему странно, что тихий (?) *мечтательный* (?) (справедливее: пылкий влюбленный) Ленский за сущую безделицу хочет вызывать Онегина на дуэль и называет свою бесстрастную невесту кокеткой и ветреным ребенком (ибо молодые люди обыкновенно стреляются за дело, а любовники никогда не поревнуют по пустякам).

Негодует на Татьяну за то, что, раз увидев Онегина, она влюбилась без памяти — и пишет ему любовное письмо; что, конечно, очень неприлично.

Наконец находит он, что сии две главы никуда не годятся, о чем я с ним и не спорю.

Что касается до стихосложения, то критик отзываясь о нем снисходительно и с полною похвалою — хотя и находит в двух последних главах «Онегина» 91 мелочь и еще сотни других, цепляющих людей, учившихся по-старинному.

Из 291 мелочи многие достойны осуждения, многие не требуют от автора милостивого отеческого заступления, — вольно всякому хвалить и порицать всё, что относится ко вкусу. Но критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла. И я решился объяснить ему правила

грамматики и риторики не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

Времян, следственно, Державин ошибся, сказав: «Глагол времен».

Но Батюшков (который, впрочем, ошибался почти столь же часто, как и Державин) сказал:

То древню Русь и нравы
Владимира времен.

Что *звук пустой* вместо подобно звуку, как звук. — В поле etc.

Частица *что* вместо грубого *как* употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет его.

Кстати о Крылове. Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах.

Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.

Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно по крайней мере писать всё предложение в естественном его порядке (*sine inversione*)¹.

Стесняет сожаленье, безумные страданья есть весьма простая метонимия.

Два века сорить не хочу. — «Кажется, есть правило об отрицании *не*»...

Грамматика наша еще не пояснена. Замечу, во-первых, что так называемая стихотворческая вольность допускает нас со времен Ломоносова употреблять *indifféremment*² после отрицательной частицы *не* родительный и винительный падеж. Например —

Во-вторых, в чем состоит правило: что действительный глагол, непосредственно управляемый частицею *не*, требует вместо винительного падежа родительного. Например — я не пишу *стихов*. — Но если действительный глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного, например: Я не хочу писать стихи, я не способен писать стихи. В сле-

¹ без инверсии (*лат.*).

² безразлично (*франц.*).

дующем предложении — Я не могу позволить ему начать писать *стихи* — ужели частица *не* управляет глаголом писать?

Если критик об этом подумает, то, вероятно, со мною согласится.

Младой и свежий поцелуй

вместо поцелуй молодых и свежих уст — очень простая метафора.

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед,

в извлечении для смысла: ребяташки катаются по льду. Точно так — сие справедливое изъяснение делает честь догадливости автора.

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед.

Лоно не означает *глубины*, лоно значит *грудь*.

...теплотою
Камин чуть *дышит* —

Опять простая метафора.

Кибитка удалая

Опять метафора.

Людская моль и конский топ

Выражение сказочное (Бова Королевич).

Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка.

«Как приятно будет читать роп вм. ропот, топ вм. топот» и проч. На сие замечу моему критику, что роп, топ и проч. употребляются простолюдимами во многих русских губерниях — NB мне случалось также слышать стукот вместо стук.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина. Что скажут они о Потемкине сего последнего,

который взвесить смел
Дух россов, мощь Екатерины,
И опершись на них хотел
Вознести твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

Или о войне, который

Поникнул лавровой главою

Или

Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы по крайней мере иметь школьные сведения о грамматиках и риториках — и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка.

О ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОГЕ

В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному. Так некогда во Франции *blasés*¹, светские люди, восхитались музою Ваде, так ныне Wordsworth, Goleridge увлекли за собою мнения многих. Но Ваде не имел ни воображения, ни поэтического чувства, его остроумные произведения дышат одною веселостию, выраженной площадным языком торговков и носильщиков. Произведения английских поэтов, напротив, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина. У нас это время, слава богу, еще не пришло, так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем. Опыты Жуковского и Катенина были неудачны не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняли достоинство переводов из Гебеля, и еще менее силу и оригинальность «Убийцы», баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея. Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния.

¹ пресыщение (*франц.*).

стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас выражается смехом. Сцена тени в «Гамлете» вся писана шутливым слогом, даже низким, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток.

«БАЛ» БАРАТЫНСКОГО

Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики — напротив. Едва заметим в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оною, уже тотчас спешим приветствовать его титлом гения, за гладкие стишки — нежно благодарим его в журналах *от имени человечества*, неверный перевод, бледное подражание сравниваем без церемонии с бессмертными произведениями Гёте и Байрона. Таким образом набралось у нас несколько своих Пиндаров, Ариостов и Байронов и десятка три писателей, *делающих истинную честь нашему веку*, — добродушие смешное, но безвредное; истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели малообдуманному решению записных Аристархов. Зачем лишать златую посредственность невинных удовольствий, доставляемых журнальным торжеством.

Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностию журналов. Оттого ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действует на толпу, чем преувеличение (*exagération*) модной поэзии, потому ли, что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной, — как бы то ни было, критики изъясляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие, или даже неприязненное расположение. Не упоминая уже об известных шуточках покойного «Благонамеренного», известного весельчака, заметим, для назидания молодых писателей, что появление «Эды», произведения столь замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, — появление «Эды» подало только повод к неприличной статейке в «Северной пчеле» и слабому возражению, кажется, в «Московском телеграфе».

Как отозвался «Московский вестник» об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался — последние его произведения являются плодами зрелого таланта. Пора Баратынскому занять на русском Парнасе место, давно ему принадлежащее.

Его последняя поэма «Бал», напечатанная в «Северных цветах», подтверждает наше мнение. Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной. Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шуточный и страстный, метафизику и поэзию.

Поэма начинается описанием московского бала. Гости съехались, пожилые дамы в пышных уборах сидят около стен и смотрят на толпу с *тупым вниманием*. Вельможи в лентах и звездах сидят за картами и, *встав из-за ломберных столов*, иногда приходят

Взглянуть на мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков.

Молодые красавицы кружатся около их.

Гусар крутит свои усы,
Писатель чопорно остритя.

Вдруг все смутились; посыпались вопросы. Княгиня Нина вдруг уехала с бала.

Вся зала шепотом полна:
«Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей». — Ужели? —
«В кадрили весело вертаться,
Вдруг помертвела!» — Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной,
Женою вашею?

— Бог весть, — отвечает с супружеским равнодушием князь, занятый своим бостоном. Поэт отвечает вместо князя. Ответ и составляет поэму.

Нина исключительно занимает нас. Характер ее совершенно новый, развит *con amore*¹, широко и с удивительным искусством, для него поэт наш создал совершенно своеобразный язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики — для нее расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии.

¹ с любовью (*итал.*).

Презренья к мнению полна,
Над добродетелию женской
Не насмехается ль она,
Как над ужимкой деревенской?
Кого в свой дом она манит:
Не записных ли волокит,
Не новичков ли миловидных?
Не утомлен ли слух людей
Молвой побед ее бесстыдных
И соблазнительных связей?

Но как влекла к себе всеильно
Ее живая красота!
Чьи непорочные уста
Так улыбались умильно!
Какая бы Людмила ей,
Смирясь, лучей благочестивых
Своих лазоревых очей
И свежести ланит стыдливых
Не отдала бы сей же час
За яркий глянец черных глаз,
Облитых влагой сладострастной,
За пламя жаркое ланит?
Какая фее самовластной
Не уступила б из харит?

Как в близких сердца разговорах
Была пленительна она!
Как угодительно-нежна!
Какая ласковость во взорах
У ней сияла! Но порой,
Ревнивым гневом пламеня,
Как зла в словах, страшна собой,
Являлась новая Медея!
Какие слезы из очей
Потом катилися у ней!
Терзая душу, проливали
В нее томленье слезы те:
Кто б не отер их у печали,
Кто б не оставил красоте?

Напрасно поэт берет иногда строгий тон порицания, укоризны, напрасно он с принужденной холодностью говорит о ее смерти, сатирически описывает нам ее похороны и шуткою кончит поэму свою. Мы чувствуем, что он любит свою бедную страстную героиню. Он заставляет и нас принимать болезненное соучастие в судьбе падшего, но еще очаровательного создания.

Арсений есть тот самый, кого должна была полюбить бедная Нина. Он сильно овладел ее воображением и, никогда вполне не удовлетворяя ни ее страсти, ни любопытству, должен был до конца сохранить над нею роковое свое *влияние* (ascendant).

ОТРЫВОК ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ

Tantae ne animis scholasticis irae!¹

Распря между двумя известными журналистами и тяжба одного из них с цензурою наделали шуму. Постараемся изложить исторически всё дело *sine ira et studio*².

В конце минувшего года редактор «Вестника Европы», желая в следующем 1829 году потрудиться еще и в качестве издателя, объявил о том публике, всё еще худо понимающей различие между сими двумя учеными званиями. Убедившись единогласным мнением критиков в односторонности и скудости «Вестника Европы», сверх того движимый глубоким чувством сострадания при виде беспомощного состояния литературы, он обещал употребить наконец свои старания, чтобы сделать журнал сей обширнее и разнообразнее. Он надеялся отныне далее видеть, свободнее соображать и решительнее действовать. Он собирался пуститься в неизмеримую область бытописания, по которой Карамзин, как всем известно, проложил тропинку, теряющуюся в тундрах бесплодных. «Предполагаю работать сам,— говорил почтенный редактор,— не отказывая, однако ж, и другим литераторам участвовать в трудах моих». Сии поздние, но тем не менее благие намерения, сия похвальная заботливость о русской литературе, сия великодушная снисходительность к своим сотрудникам тронули и обрадовали нас чрезвычайно. Приятно было бы нам приветствовать первые труды, первые успехи знаменитого редактора «Вестника Европы». Его глубокие знания (думали мы), столь известные нам по слуху, дадут плод во время свое (в нынешнем 1829 году). Светильник исторической его критики озарит вышепомянутые тундры области бытописаний, а законы словесности, умолкшие при звуках журнальной полемики, заговорят устами ученого редактора. Он не ограничит своих глубокомысленных исследований замечаниями о заглавном листе «Истории государства Российского» или даже рассуждениями о куньих мордках, но верным взором обнимет наконец творение Карамзина, оценит систему его разысканий, укажет источники новых соображений, дополнит недосказанное. В критиках собственно литературных мы не будем слышать то брызгливого ворчанья какого-нибудь старого педанта, то пристойных криков пьяного семинариста. Критики г. Каче-

¹ Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей! (лат.)

² без гнева и пристрастия (лат.).

новского должны будут иметь решительное влияние на словесность. Молодые писатели не будут ими забавляться, как пошлыми шуточками журнального гаера. Писатели известные не будут ими презирать, ибо услышат окончательный суд своим произведениям, оцененным ученостью, вкусом и хладнокровием.

Можем смело сказать, что мы ни единой минуты не усумнились в исполнении планов г. Каченовского, изложенных поэтическим слогом в газетном объявлении о подписке на «Вестник Европы». Но г. Полевой, долгое время наблюдавший литературное поведение своих товарищей-журналистов, худо поверил новым обещаниям Вестника. Не ограничиваясь безмолвными сомнениями, он напечатал в 20-й книжке «Московского телеграфа» прошедшего года статью, в которой сильно напал он на почтенного редактора «Вестника Европы». Дав заметить неприличие некоторых выражений, употребленных, вероятно, неумышленно г. Каченовским, он говорит:

«Если бы он («Вестник Европы»), старец по летам, признался в незнании своем, принял за дело скромно, поучился, бросил свои смешные предрассудки, заговорил голосом беспристрастия, мы все охотно уважили бы его сознание в слабости, желание учиться и познавать истину, все охотно стали бы слушать его».

Странные требования! В letech «Вестника Европы» уже не учатся и не бросают предрассудков закоренелых. Скромность, украшение седины, не есть необходимость литературная; а если сознания, требуемые г. Полевым, и заслуживают какое-нибудь уважение, то можно ли нам оные слушать из уст почтенного старца без болезненного чувства стыда и сострадания?

«Но что сделал до сих пор издатель „Вестника Европы“? — продолжает г. Полевой.— Где его права, и на какой возделанной его грядками земле он водрузит свои знамена: где, за каким океаном эта обетованная земля? Юноши, обогнавшие издателя „Вестника Европы“, не виноваты, что они шли вперед, когда издатель „Вестника Европы“ засел на одном месте и неподвижно просидел более 20 лет. Дивиться ли, что теперь „Вестнику Европы“ видятся чудные распри, грезятся кимвалы бряцающие и медь звенящая?»

На сие ответствуем:

Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 20 лет ни одной замечательной статьи, снискал, однако ж, себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку? Г-н Каченовский просидел 20 лет на одном месте,— согласен: но как могли юноши

обогнать его, если он ни за чем и не гнался? Г-н Каченовский ошибочно судил о музыке Верстовского: но разве он музыкант? Г-н Каченовский перевел «Терезу и Фальдони»: что за беда?

Доселе казалось нам, что г. Полевой неправ, ибо обнаруживается какое-то пристрастие в замечаниях, которые с первого взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали от г. Каченовского возражений неоспоримых или благородного молчания, каковым некоторые известные писатели всегда отвечивали на неприличные и пристрастные выходки некоторых журналистов. Но сколь изумились мы, прочитав в 24 № «Вестника Европы» следующее примечание редактора к статье своего почтенного сотрудника, г. Надоумки (одного из великих писателей, приносящих истинную честь и своему веку и журналу, в коем они участвуют).

«Здесь приличным считаю объявить, что препираться с Бенигною я не имею охоты, отказавшись навсегда от бесплодной полемики, а теперь не имею на то и права, предприняв другие меры к охранению своей личности от игривого произвола сего Бенигны и всех прочих. Я даже не читал бы статьи Телеграфической, если б не был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и к достоинству места, при котором имею счастье продолжать оную. *Рдр*».

Сие загадочное примечание привело нас в большое беспокойство. Какие меры к охранению своей личности от игривого произвола г. Бенигны предпринял почтенный редактор? что значит игривый произвол г. Бенигны? что такое: был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и достоинству места? (Впрочем, смысл последней фразы донныне остается темен как в логическом, так и в грамматическом отношении.)

Многочисленные почитатели «Вестника Европы» затрепетали, прочитав сии мрачные, грозные, беспорядочные строки. Не смели вообразить, на что могло решиться рыцарское негодование Мiхаила Трофiмовича. К счастью, скоро всё объяснилось.

Оскорбленный как издатель «Вестника Европы», г. Каченовский решился требовать защиты законов как ординарный профессор, статский советник и кавалер и явился в цензурный комитет с жалобой на цензора, пропустившего статью г-на Полевого.

Успокоясь на счет ужасного смысла вышепомянутого примечания, мы сожалели о бесполезном действии почтенного редактора. Все предвидели последствия оногo. В статье г. По-

левого личная честь г. Каченовского не была оскорблена. Говоря с неуважением о его занятиях литературных, издатель «Московского телеграфа» не упомянул ни о его службе, ни о тайнах домашней жизни, ни о качествах его души.

Новое лицо выступило на сцену: цензор С. Н. Глинка явился ответчиком. Пылкость и неустранимость его духа обнаружались в его речах, письмах и деловых записках. Он увлек сердца красноречием сердца и, вопреки чувству уважения и преданности, глубоко питаемому нами к почтенному профессору, мы желали победы храброму его противнику; ибо польза просвещения и словесности требует степени свободы, которая нам дарована мудрым и благодетельным Уставом. В. В. Измайлов, которому отечественная словесность уже многим обязана, снискал себе новое право на общую благодарность свободным изъяснением мнения столь же умеренного, как и справедливого.

Между тем ожесточенный издатель «Московского телеграфа» напечатал другую статью, в коей дерзновенно подтвердил и оправдал первые свои показания. Вся литературная жизнь г. Каченовского была разобрана по годам, все занятия оценены, все простодушные обмолвки выведены на позор. Г-н Полевой доказал, что почтенный редактор пользуется славою ученого мужа, так сказать, на честное слово; а донныне, кроме переводов с переводов и кой-каких заимствованных кое-где статей, ничего не произвел. Скучность, более достойная сожаления, нежели укоризны! Но что всего важнее, г. Полевой доказал, что Михаил Трофимович несколько раз позволял себе личности в своих критических статейках, что он упрекал издателя Телеграфа винным его заводом (пятном ужасным, как известно всему нашему дворянству!), что он неоднократно с упреком повторял г. Полевому, что сей последний купец (другое столь же ужасное обвинение!), и всё сие в непристойных, оскорбительных выражениях. Тут уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в мирной республике наук какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный аудитор и странствующий купец равны перед законами критики. Князь Вяземский уже однажды заметил неприличность сих аристократических выходов; но не худо повторять полезные истины.

Однако ж таково действие долговременного уважения!

И тут мы укоряли г. Полевого в запальчивости и неумеренности. Мы с умилением взирали на почтенного старца, расстроенного до такой степени, что для поддержания ученой своей славы принужден он был обратиться к русскому букварю и преобразовать оный удивительным образом. Утешительно для нас, по крайней мере, то, что сведения Михаила Трофимовича в греческой азбуке отныне не подлежат уже никакому сомнению.

С нетерпением ожидали мы развязки дела. Наконец решение главного управления цензуры водворило спокойствие в области словесности и прекратило распрю миром, равно выгодным для победителей и побежденных...

О ПУБЛИКАЦИИ БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА В «СЕВЕРНОЙ ЗВЕЗДЕ»

Возвратясь из путешествия, узнал я, что г. Бестужев, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своем альманахе. Неуважение к литературной собственности сделалось так у нас обыкновенно, что поступок г-на Бестужева нимало не показался мне странным. Так, например, г-н Федоров напечатал под моим именем однажды какую-то идилическую нелепость, сочиненную, вероятно, камердинером г-на Панаева. Но когда альманах нечаянно попался мне в руки и когда в предисловии прочел я нежное изъявление благодарности издателя г-ну Ап, доставившему ему (г. Бестужеву) пьесы, из коих 5 и удостоились печати,— то признаюсь, удивление мое было чрезвычайно. В числе пьес, доставленных г-ном Ап, некоторые принадлежат мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны. Г-н Ап собрал давно писанные и мною к печати не предназначенные стихотворения и снисходительно заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурою. Однако, как в мои лета и в моем положении неприятно отвечать за свои прежние и за чужие произведения, то честь имею объявить г-ну Ап, что при первом таком же случае принужден буду прибегнуть к покровительству законов.

О «РОМЕО И ДЖЮЛЬЕТЕ» ШЕКСПИРА

Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру, ему не принадлежат, а только им поправлены. Трагедия «Ромео и Джульета», хотя слогом своим и совершенно отделяется от известных его приемов, но она так явно входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что ее должно почтить сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и *concetti*¹. Так понял Шекспир драматическую местность. После Джульеты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий шекспировской грации, Меркутио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутио есть замечательнейшее лицо изо всей трагедии. Поэт избрал его в предстатели итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI века.

О «НЕКРОЛОГИИ ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ Н. Н. РАЕВСКОГО»

В конце истекшего года вышла в свет «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского», умершего 16 сентября 1829. Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло.

¹ блестящими оборотами мысли (*итал.*).

ОБЩЕСТВО МОСКОВСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Несколько московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку как своими произведениями, так и нравственностью, видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здоровой критики Курганова и Тредьяковского и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности.

Общество имело первое свое заседание на Малой Бронной в доме г. Х., бывшего корректора типографии, 17 октября сего года, при стечении многочисленной публики. Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием.

Председателем был избран единогласно г-н Трандафырь, знаменитый переводчик одного бессмертного романа.

Секретарем был избран единогласно же Никодим Невеждин, молодой человек из честного сословия слуг, оказавший недавно отличные успехи в словесности и обещающий быть законодателем вкуса, несмотря на лакейский тон своих статей.

Ждали г-на Сравцова — но он не мог прийти по причине флюса, полученного им на ярманке во время метания чрезвычайно счастливой тальи.

Г-н Трандафырь открыл заседание прекрасною речию, в которой трогательно изобразил он беспомощное состояние нашей словесности, недоумение наших писателей, подвизающихся во мраке, не озаренных свечильником критики г-на Трандафырина. Красноречиво убеждал он приняться за дело. «Что сделали мы до сих пор, почтенные слушатели, — сказал он, — перевели романы, доставлявшие нам 700 рублей от Ширяева, и разобрали заглавный лист «Истории государства Российского» — труды бессмертные бесспорно, но совершенно недостаточные».

После речи г-на председателя г-н Невеждин прочел проект нового журнала, имеющего быть издаваемым в следующем 1830 году под названием *Азиатский рак*.

Журнал сей будет выходить каждый месяц по одной книжке. Каждая книжка будет заключать в себе четыре отделения.

Отделение I. Изящная словесность. Переводы Байрона с польского; стихи молодых семинаристов; отрывки из записок г-на Трандафырина; для примеру г-н секретарь общества прочел пленительное описание отрочества почтенного г-на Трандафырина. Все с удовольствием слушали милые про-

казы маленького купчика, и тогда уже столь много обещавшего.

Отделение II. Критика.

О ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Б. КОНСТАНА «АДОЛЬФ»

Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж. Констан. «Адольф» принадлежит к числу *двух или трех романов*,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом¹.

Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы.

ИЛИАДА ГОМЕРОВА,

переведенная Н. Гнедичем, членом императорской Российской академии и пр.— 2 ч. СПб., в типогр. императорской Российской академии, 1829 (в 1-й ч. XV — 354, во 2-й — 362 стр. в большую 4-ю д. л.).

Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод Илиады! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частью устремились на блестящие безделки, когда талант чуждается труда, а мода прене-

¹ Евг. Онегин, гл. VII. (Прим. А. С. Пушкина.)

брегает образцами величавой древности, когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, — с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская Илиада перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность.

О ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКЕ

В одном из наших журналов дают заметить, что «Литературная газета» у нас не может существовать по весьма простой причине: *у нас нет литературы*. Если б это было справедливо, то мы не нуждались бы и в критике; однако ж произведения нашей литературы как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч. — «Очистите место для новой статьи моей», — пишет сотрудник. «С удовольствием», — отвечает издатель. И это всё напечатано. Недавно в одном журнале было упомянуто о *порохе*. «Вот уж вам будет порох!» — сказано в замечании наборщика, а сам издатель возражает на сие:

«Могущему пороку — брань,
Бессильному — презренье».

Эти семейственные шутки должны иметь свой ключ и, вероятно, очень забавны; но для нас они покамест не имеют никакого смысла.

Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных. В прошлом году напечатано несколько книг (между прочими «Иван Выжигин»), о коих критика могла бы сказать много поучительного

и любопытного. Но где же они были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фонвизин ожидают еще египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих. Впрочем, «Литературная газета» была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов.

РАЗГОВОР О КРИТИКЕ

А. Читали вы в последнем № «Галатеи» критику NN?

В. Нет, я не читаю русской критики.

А. Напрасно. Ничто иное не даст вам лучшего понятия о состоянии нашей литературы.

В. Как! неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный суд произведениям нашей словесности?

А. Нимало. Но она дает понятие об отношениях писателей между собою, о большей или меньшей их известности, наконец, о мнениях, господствующих в публике.

В. Мне не нужно читать «Телеграф», чтобы знать, что поэмы Пушкина в моде и что романтической поэзии у нас никто не понимает. Что же касается до отношений г-на Раича и г. Полевого, г-на Каченовского и г. Булгарина — это для меня вовсе не любопытно...

А. Однако же забавно.

В. Вам нравятся кулачные бойцы.

А. Почему же нет? Наши бояре ими тешились. Державин их также воспевал. Мне столь же нравится кн. Вяземский в схватке с каким-нибудь журнальным буйном, как и гр. Орлов в бою с ямщиком. Это черты народности.

В. Вы упомянули о кн. Вяземском. Признайтесь, что из высшей литературы он один пускается в полемику.

А. Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой...

.....

В. Публика довольно равнодушна к успехам словесности — истинная критика для нее не занимательна. Она изредка смотрит на драку двух журналистов, мимоходом слушает монолог раздраженного автора — или пожимает плечами.

А. Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до

конца и аплодирую тому, кто сбил своего противника. Если б я сам был автор, то почел бы за малодушие не отвечать на нападение — какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов *gentleman*¹ и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и боксовать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость. Но мы и в литературе и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны.

В. Критика не имеет у нас никакой гласности, вероятно, и писатели высшего круга не читают русских журналов и не знают, хвалят ли их или бранят.

А. Извините. Пушкин читает все №№ «Вестника Европы», где его ругают, что значит, по его энергическому выражению, — *подслушивать у дверей, что говорят об нем в прихожей*.

В. Куда как любопытно!

А. Любопытство, по крайней мере, очень понятное!

В. Пушкин и отвечает эпиграммами, чего вам более.

А. Но сатира не критика — эпиграмма не опровержение. Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии. Если бы все писатели, заслуживающие уважение и доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть. Не любопытно ли было бы, например, читать мнение Гнедича о романтизме или Крылова об нынешней элегической поэзии? Не приятно ли было бы видеть Пушкина, разбирающего трагедию Хомякова? Эти господа в короткой связи между собою и, вероятно, друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях. Зачем не сделать и нас участниками в их критических беседах.

ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ

Соч. М. Н. Загоскина. — М. в типогр. Н. Степанова, 1829. — 3 части, с виньетками на заглавных листах (в I-й части 255, во II-й 166, в III-й 263 стр. в 12 д. л.).

В наше время под словом *роман* разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании. Вальтер Скотт

¹ джентльмена (англ.).

увлек за собою целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея! подобно ученику Агриппы, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости. В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под *беретом*, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV¹ проглядывает накрахмаленный галстук нынешнего dandy. Готические героини воспитаны у Madame Campan, а государственные люди XVI-го столетия читают Times² и Journal des débats³. Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе. Потому ли, что люди, как утверждала Madame de Staël, знают только историю своего времени и, следовательно, не в состоянии заметить нелепости романтических анахронизмов? потому ли, что изображение старины, даже слабое и неверное, имеет неизъяснимую прелесть для воображения, притупленного однообразною пестрою настоящего, ежедневного?

Спешим заметить, что упреки сии вовсе не касаются «Юрия Милославского». Г-н Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, козаки, монахи, буйные шиши — всё это угадано, всё это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни! сколько истины и добродушной веселости в изображении характеров Кирши, Алексея Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинского, батьки Еремея! Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического. Автор не спешит своим рассказом, останавливается на подробностях, заглядывает и в сторону, но никогда не утомляет внимания читателя. Разговор (живой, драматический везде, где он простонароден) обличает мастера своего дела. Но неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим. Речь Минина на нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия. Боярская дума изображена холодно. Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и *костюма*. Например,

¹ в духе Генриха IV (франц.).

² «Время» (англ.).

³ «Газета прений» (франц.).

новейшее выражение: *столбовой дворянин* употреблено в смысле человека знатного рода (*мужа честна*, как говорят летописцы); *охотиться* вместо: *ездить на охоту*; *пользовать* вместо *лечить*. Эти два последние выражения не простонародные, как, видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. Быть *в ответе* значило в старину: *быть в посольстве*. Некоторые пословицы употреблены автором не в их перво-бытном смысле: *из сказки слова не выкинешь* вместо *из песни*. В песне слова составляют стих, и *слова не выкинешь*, не испортив *склада*; сказка — дело другое. Но сии мелкие погрешности и другие, замеченные в 1-м № «Московского вестника» нынешнего года¹, не могут повредить блистательному, вполне заслуженному успеху «Юрия Милославского».

О ЗАПИСКАХ САМСОНА

Французские журналы извещают нас о скором появлении «Записок Самсона, парижского палача». Этого должно было ожидать. Вот до чего довела нас жажда новизны и сильных впечатлений.

После соблазнительных *Исповедей* философии XVIII века явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и в шлафроке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клейменого каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и, к стыду нашему, скажем, что успех его «Записок» кажется несомнительным.

Не завидуем людям, которые, основав свои расчеты на

¹ «Московский вестник» будет издаваться в нынешнем году в том виде, в каком издавался он в 1827 и 1828. Сей журнал почти постоянно отличается статьями любопытными, дельными критиками и благонамеренностию. Превжные сотрудники продолжают участвовать в сем издании. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторению сказаний, вероятно, безграмотного Самсона. Но признаемся же и мы, живущие в веке признаний: с нетерпеливостью, хотя и с отвращением, ожидаем мы «Записок парижского палача». Посмотрим, что есть общего между им и людьми живыми? На каком зверином реве объяснит он свои мысли? Что скажет нам сие творение, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? Что скажет нам сей человек, в течение сорока лет кровавой жизни своей присутствовавший при последних содроганиях стольких жертв, и славных, и неизвестных, и священных, и ненавистных? Все, все они — его минутные знакомцы — чредою пройдут перед нами по гильотине, на которой он, свирепый фигляр, играет свою однообразную роль. Мученики, злодеи, герои — и царственный страдалец, и убийца его, и Шарлотта Кордэ, и прелестница Дю-Барри, и безумец Лувель, и мятежник Бертон, и лекарь Кастен, отравлявший своих ближних, и Папавуань, резавший детей: мы их увидим опять в последнюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западают перед нами, произноса каждая свое последнее слово... И, насытив жестокое наше любопытство, книга палача займет свое место в библиотеках, в ожидании ученых справок будущего историка.

О «РАЗГОВОРЕ У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ» ФОНВИЗИНА

Недавно в одном из наших журналов изъявили сомнение: точно ли «Разговор у княгини Халдиной», напечатанный в 3-м № «Литературной газеты», есть сочинение Фонвизина. Во-первых: родной племянник покойного автора ручается в достоверности оногo; во-вторых, не так легко, как думают, подделаться под руку творца «Недоросля» и «Бригадира»: кто хотя немного изучал дух и слог Фонвизина, тот узнает тотчас их несомненные признаки и в «Разговоре». Статья сия замечательна не только как литературная редкость, но и как любопытное изображение нравов и мнений, господствовавших у нас лет сорок тому назад. Княгиня Халдина говорит Сорванцову *ты*, он ей также. Она бранит служанку, зачем не пустила она гостя в уборную. «Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?» — «Да ведь стыдно, В.

С.», — отвечает служанка. «Глупа, радость», — возражает княгиня. Всё это, вероятно, было списано с натуры. Мы и тут узнаем подражание нравам парижским. Изображение Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковых. Он записался в службу, чтоб ездить цугом. Он проводит ночи за картами и спит в присутственном месте, во время чтения запутанного дела. Он чувствует нелепость деловой бумаги, и соглашается с мнением прочих из лени и беспечности. Он продает крестьян в рекруты, и умно рассуждает о просвещении. Он взяток не берет из тщеславия, и хладнокровно извиняет бедных взяточбрателей. Словом, он истинно русский барич прошлого века, каковым образовали его природа и полупросвещение. Здравомысл напоминает Правдина и Стародума, хотя в нем и менее педантства. Прочитав «Разговор у княгини Халдиной», пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы.

ДЕННИЦА

Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. — М. в Универс. типогр. 1830 (LXXXIV — 256 стр. в 16-ю д. л., с гравир. заглав. листком).¹

В сем альманахе встречаем имена известнейших из наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе.

Но замечательнейшая статья сего альманаха, статья, заслуживающая более, нежели беглый взгляд рассеянного читателя, есть «Обозрение русской словесности 1829 года», сочинение г-на Киреевского. Автор принадлежит к молодой школе московских литераторов, школе, которая основалась под влиянием новейшей немецкой философии и которая уже произвела Шевырева, заслужившего одобрительное внимание великого Гёте, и Д. Веневитинова, так рано оплаканного друзьями всего прекрасного. Несколько критических статей г. Киреевского были напечатаны в «Московском вестнике» и обратили на себя внимание малого числа истинных ценителей дарования. Вероятно, «Обзор» г. Киреевского сделает большее впечатление не потому, что мысли в нем зреее (что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умонаправ-

¹ Продается у А. Ф. Смирдина. Цена 10 р. (Прим. А. С. Пушкина.)

ление автора), но потому только, что некоторые из его мнений выражены резко и неожиданно.

Г-н Киреевский, ставя успехи гражданственности выше славы воинских подвигов, в начале статьи своей признает издание нового Ценсурного устава «важнейшим событием для блага России в течение многих лет и важнее наших блистательных побед за Дунаем и Араратом, важнее взятия Арзерума и той славной тени, которую бросили русские знамена на стены царьградские». Он приписывает сему уставу уже заметное движение в текущей словесности прошедшего года. «Наши журналы заимствовали более из журналов иностранных; переводы, хотя по большей части дурные, передавали нам более следов умственной жизни наших соседей, и оттого вся литература наша неприметно приближалась более к жизни общеевропейской. Самые перебранки наших журналов, их неприличные критики, их дикий тон, их странные личности, их вежливости *не городские* — всё это было похоже на нестройные движения распеленатого ребенка: движения, необходимые для развития силы, для будущей красоты и здоровья».

Сначала, рассматривая характер словесности XIX-го столетия, г. Киреевский говорит о тех писателях, кои, по его мнению, определили дух нашей литературы; но прежде посвящает красноречивую страницу памяти того, «кто *подвинул на полвека образованность* нашего народа, кто всю жизнь употребил во благо отечества», кому и сам Карамзин обязан, может быть, своею первою образованностию. «Он умер недавно (говорит г. Киреевский), почти всеми забытый, близ той Москвы, которая была свидетельницею и средоточием его блестящей деятельности. Имя его едва известно теперь большей части наших современников, и если бы Карамзин не говорил об нем, то, может быть, многие, читая эту статью, в первый раз услышали бы о делах Новикова и его товарищей, и усумнились бы в достоверности столь близких к нам событий. Память об нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело, ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности потомства».

«Новиков не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению. Прежде него, по свидетельству Карамзина, были в Москве две книжные лавки, продававшие ежегодно на 10 тысяч рублей; через несколько лет их было уже 20, и книг продавалось на 200000. Кроме того, Новиков завел книжные лавки в других и в самых отдаленных городах России; распускал почти даром те сочинения, которые почитал

особенно важными; заставлял переводить книги полезные, повсюду распространял участников своей деятельности, и скоро не только вся Европейская Россия, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения *общего мнения*».

Признав филантропическое влияние Карамзина за характер первой эпохи литературы XIX-го столетия, идеализм Жуковского за средоточие второй, и Пушкина, поэта действительности, за представителя третьей, автор приступает к обозрению словесности прошлого года.

«XII том «Истории Российского государства», последний плод трудов великих, последний подвиг жизни полезной, священной для каждого русского, кажется, еще превзошел прежние силою красноречия, обширностью объема, верностью изображений, ясностью, стройностью картин и этим ровным блеском, этою чистотою, твердостью бриллиантовою карамзинского слога. Вообще достоинство его истории растет вместе с жизнью протекших времен. Чем ближе к настоящему, тем полнее раскрывается перед ним судьба нашего отечества; чем сложнее картина событий, тем она стройнее отражается в зеркале его воображения, в этой чистой совести нашего народа».

В число исторических сочинений г. Киреевский включает и поэму «Полтаву». «В самом деле,— говорит он,— из двадцати критик, вышедших на эту поэму, более половины рассуждало о том, действительно ли согласны с историей описанные в ней лица и происшествия.— Критики не могли сделать большей похвалы Пушкину». Признавая в сей поэме большую зрелость таланта, он осуждает в ней недостаток единства интереса, *«единственного из всех единств, коего несоблюдение не прощается законами либеральной поэтики»*. Этим изъясняет он малый успех, который имела последняя и едва ли не лучшая из поэм А. Пушкина.

«Жуковский,— продолжает автор,— напечатал в прошедшем году свое «Море», «Песнь победителей» из Шиллера и связанные отрывки из Илиады. Здесь в первый раз увидели мы в Гомере такое качество, которого не находили в других переводах: что у других напыщенно и низко, то здесь просто и благородно; что у других бездушно и вяло, здесь сильно, мужественно и трогательно; здесь всё тепло, всё возвышенно, каждое слово от души; — может быть, это-то и ошибка, если прекрасное может быть ошибкою.— Автор имел в виду Кострова; в прошлом году мы не гордились еще «Илиадою» Гнедича.

«„Море“ Жуковского живо напоминает всю прежнюю его поэзию. Те же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, все струны его прежней лиры отозвались здесь в одном душевном звуке. Есть однако отличие: что-то больше задумчивое, нежели в прежней его поэзии».

Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим. Но Хомяков написал «Ермака», и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиления внушило молодому критику несколько трогательных строк. Он говорит о своем друге, *о лучшем из избранных, о покойном Веневитинове.*

«Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова (ибо одна любовь дает нам полное разумение); кто в этих разорванных отрывках найдет следы общего им происхождения, единство одушевлявшего их существа; кто постигнет глубину его мыслей, связанных стройною жизнью души поэтической, — тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслию, каждая мысль согрета сердцем; которого мечта не украшается искусством, но сама собою родится прекрасная; которого лучшая песнь — есть собственное бытие, свободное развитие его полной, гармонической души. Ибо щедро природа наделила его своими дарами и их разнообразие согласила равновесием. Оттого всё прекрасное было ему родное; оттого в познании самого себя находил он разрешение всех тайн искусства и в собственной душе прочел начертание высших законов и созерцал красоту создания. Оттого природа была ему доступною для ума и для сердца, он мог

В ее таинственную грудь,
Как в сердце друга, заглянуть.

Созвучие ума и сердца было отличительным характером его духа, и самая фантазия его была более музыкою мыслей и чувств, нежели игрою воображения. Это доказывает, что он был рожден еще более для философии, нежели для поэзии. Прозаические сочинения его, которые печатаются и скоро выйдут в свет, еще подтвердят всё сказанное нами».

Тут критик сильно и остроумно доказывает преимущественную пользу немецких философов на тех из наших писателей, которые, не отличаясь личным дарованием, тем яснее пока-

зывают достоинство чужого, ими приобретенного. «Здесь господствуют два рода литераторов; одни следуют направлению французскому, другие немецкому. Что встречаем мы в сочинениях первых? *Мыслей* мы не встречаем у них (ибо мысли собственно французские уже стары; следовательно, не мысли, а общие места: сами французы заимствуют их у немцев и англичан). Но мы находим у них *игру слов*, редко, весьма редко, и то случайно соединенную с остроумием, и *шутки*, почти всегда лишенные вкуса, часто лишенные всякого смысла. И может ли быть иначе? — Остроумие и вкус воспитываются только в кругу лучшего общества; а многие ли из наших писателей имеют счастье принадлежать к нему?

Напротив того, в произведениях литераторов, которые питаны чтением немецких умствователей, почти всегда найдем что-нибудь достойное уважения, хотя тень мысли, хотя стремление к этой тени».

В князе Вяземском г. Киреевский видит доказательство, что истинный талант блещит везде, во всяком направлении, под всяким влиянием. «Однако ж, — говорит автор, — и князь Вяземский, несмотря на все свои дарования, несмотря на то, что мы можем назвать его остроумнейшим из наших писателей, еще выше там, где, как в «Унынии», голос сердца слышнее ума».

Автор не соглашается с мнением людей, утверждающих, что французское направление господствует также и в произведениях Баратынского. Он видит в нем поэта самобытного, *своеобразного*. «Чтобы *дослышать* все оттенки лиры Баратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, не замеченного с первого взгляда, — верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении, многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту точность в выражениях и оборотах, эту мерность изящную, эту благородную *щеголеватость*? Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка».

Автор справедливо ставит «Эду», одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии, выше «Бального вечера», поэмы более блестящей, но менее изящной, менее трогательной, менее вольно и глубоко вдохновенной. Определяя характер поэзии барона Дельвига, критик говорит: «Всякое подражание по системе должно быть холодно и бездушно. Только подражание из любви может быть поэтическим и да-

же творческим. Но в последнем случае можем ли мы совершенно забыть самих себя? и не оттого ли мы и любим образец наш, что находим в нем черты, соответствующие требованиям нашего духа? Вот отчего новейшие всегда остаются новейшими во всех удачных подражаниях древним; скажу более: нет ни одного истинно-изящного перевода древних классиков, где бы не легли следы такого состояния души, которого не знали наши праотцы по уму. Чувство религиозное, коим мы обязаны христианству; романическая любовь, подарок арабов и варваров; уныние, дитя севера и зависимости; всякого рода фанатизм, необходимый плод борьбы вековых неурядиц Европы с порывами к улучшению; наконец перевес мысленности над чувствами, и оттуда стремление к единству и сосредоточенью...» и пр.

Рассуждая о некоторых произведениях драматической музыки нашей, автор с такою веселостию изображает состояние сцены, что мы, не разделяя вполне его мнения, не можем, однако ж, не выписать сего оригинального места.

«Вообще наш театр представляет странное противоречие с самим собою: почти весь репертуар наших комедий состоит из подражаний французам, и, несмотря на то, именно те качества, которые отличают комедию французскую от всех других: вкус, приличность, остроумие, чистота языка и всё, что принадлежит к потребностям хорошего общества,— всё это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вместо того, чтобы быть зеркалом нашей жизни, служит увеличительным зеркалом для одних лакейских наших, далее которых не проникает наша комическая муза. В лакейской она — *дома*, там ее и гостиные, и кабинет, и зала, и уборная; там проводит она весь день, когда не ездит на запятках делать визиты музам соседних государств, и чтобы русскую Талию изобразить похоже, надобно представить ее в ливрее и в сапогах.

Таков общий характер наших оригинальных комедий, еще не измененный немногими, редкими исключениями. Причина этого характера заключается отчасти в том, что от Фонвизина до Грибоедова¹ мы не имели ни одного истинного комического таланта, а известно, что необыкновенный человек, как необыкновенная мысль, всегда дают одностороннее направление уму; что перевес силы уравнивается только другою силою; что вред гения исправляется явлением другого, противудействующего.

¹ Кажется, автор выразился ошибочно. Не хотел ли он сказать: *кроме Фонвизина и Грибоедова?* (Прим. А. С. Пушкина.)

Между тем, можно бы заметить нашим комическим писателям, что они поступают нерасчетливо, избирая *такое* направление... За простым народом им не угнаться и как ни низок язык их, как ни богаты неприличностями их удалые шутки, как ни грубы их фарсы, которым хохочет раек; но они никогда не достигнут до своего настоящего идеала, и все комедии их — любой извозчик убьет одним словом».

Исчисляя переводы, явившиеся в течение 1829 года, автор замечает, что шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гёте, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич.

Пропустив некоторые сочинения, более или менее замечательные, но не входящие в область чистой литературы, автор обращается к сочинениям в роде повествовательном. Прошлый год богат был оными: но «Иван Выжигин», бесспорно, более всех достоин был внимания по своему чрезвычайному успеху. Два издания разошлись менее чем в один год; третье готовится. Г-н Киреевский произносит ему строгий и резкий приговор,¹ не изъясняя, однако ж, удовлетворительно неимверного успеха нравственно-сатирического романа г. Булгарина.

«Замечательно, — говорит г. Киреевский, — что в прошедшем году вышло около 100000 экземпляров азбуки русской, около 60000 азбуки славянской, 60000 экз. катехизиса, около 15000 азбуки французской, и вообще учебные книги расходились в этом году почти целою третью более, нежели в прежнем. Вот что нам нужно, чего недостает нам, чего по справедливости требует публика».

Спешим окончить сие слишком уже пространное изложение. Г-н Киреевский, вкратце упомянув о журналах, о духе их полемики, об альманахах, о переводах некоторых известных сочинений, заключает свою статью следующим печальным размышлением:

«Но если мы будем рассматривать нашу словесность в отношении к словесностям других государств, если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: «Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою?» — Что будем отвечать ему?

Мы укажем ему на Историю Российского государства; мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова,

¹ См.: Денница. Обзорение русской словесности, стр. LXXIII. (Прим. А. С. Пушкина.)

несколько сцен из Фонвизина и Грибоедова, и — где еще найдем мы произведение достоинства европейского?

Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!»

Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое «Обозрение словесности», там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко.

КАРЕЛИЯ, ИЛИ ЗАТОЧЕНИЕ МАРФЫ ИОАННОВНЫ РОМАНОВОЙ

Описательное стихотворение в четырех частях. Федора Глинки.— СПб., в типографии Х. Гинце, 1830 (VIII — 112 стр. в 8-ю д. л.).¹

Изю всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной, — всё дает особенную печать его произведениям. Поэма «Карелия» служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта. Мы верно угодим нашим читате-

¹ Продается у издателя, книгопродавца Ив. Вас. Непейцына в д. Г. М. Ба-лабина, под № 26-м. Цена экз. 6 р., с пересылкою 7 р. (Прим. А. С. Пушкина.)

лям, выписав несколько отрывков, вместо всякого критического разбора¹.

(Монах рассказывает Марфе Иоанновне о прибытии своем в Карелию.)

В страну сию пришел я летом,
Тогда был небывалый жар,
И было дымом всё одето:
В лесах свирепствовал пожар,
В Кариоландии горело!..
От блеска не было ночей,
И солнце грустно без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!
Огонь пылал, ходил стеной,
По ветвям бегал, развивался,
Как длинный стяг перед войной;
И страшный вид передавался
Озер пустынных зеркалам...
От знойной смерти убежали
И зверь, и вод жильцы, и нам
Тогда казалось, уж настали
Кончина мира, гибель дней,
Давно на Патмосе в виденье
Предсказанные. Всё в томленьи
Снедалось жадностью огней,
Порывом вихрей разнесенных;
И глыбы камней раскаленных
Трещали.— Этот блеск, сей жар
И вид дымящегося мира,—
Мне вспомянули песнь Омира:
В его стихах *лесной пожар*.

Но осень нам дала и тучи
И ток гасительных дождей;
И нивой пепел стал зыбучий
И жатвой радовал людей!..

Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам;
Везде пустыня: здесь и там
От Саломейского пролива
К семье Сьюсарских островов,
До речки с жемчугом игривой²,
До дальних северных лесов,

¹ В № 6-м «Литературной газеты» было вкратце изложено содержание сей поэмы.— Издатель, г. Непейцын, заслуживает всякую похвалу за старательное и отлично-красивое издание оной. (Прим. А. С. Пушкина.)

² В речке Повенчанке находят жемчуг, иногда довольно окатистый и крупный. (Прим. Ф. Глинки.)

Нигде ни городов, ни башен
Пловец унылый не видал,
Лишь изредка отрывки пашен
Висят на тощих ребрах скал;
И мертво всё... пока Шелойник
В Онегу, с свистом, сквозь леса
И нагло к челнам, как разбойник,
И рвет на соймах паруса,
Под скрыпом набережных сосен.
Но живописна ваша осень,
Страны Карелии пустой:
С своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь, и яхонт, и рубин
Горят на сих древесных купах,
И кудри алые рябин
Висят на мраморных уступах.
И вот, меж каменных громад,
Порой я слышу шорох стад,
Бродящих лесовой тропюю,
И под рогатой головою
Привески звонкие брячат...

Край этот мне казался дик:
Малы, рассеяны в нем селы;
Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык.
Казалось, я переселился
В края Авзонии опять:
И мне хотелось повторять
Их речь: в ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы Л.
Еще одним я был обманут:
Вдали, для глаз, повсюду ель
Да сосна, и под ней протянут
Нагих и серых камней ряд.
Тут, думал я, одни морозы,
Гнездо зимы. Иду... Вдруг... розы!
Всё розы весело глядят!
И Север позабыл я снова.
Как девы милые, в семье,
Обсядут старика седого,
Так розы в этой стороне,
Собравшись рощей молодую,
Живут с громадою седою.

Сии места я осмотрел
И поражен был. Тут сбывалось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то стало?..
Везде приметы и следы
И вид премены чрезвычайной
От ниспадения воды —
С каких высот? осталось тайной...

Но Север некогда питал,
За твердью некоей плотины,
Запасы вод; доколь настал
Преображенья час! — И длинный,
Кипучий, грозный, мощный вал
Сразился с древними горами;
Наземный череп растерзал,
И стали щели — озерами.
Их общий всем, продольный вид
Внушал мне это заключенье.
Но ток, сорвавшись, всё кипит,
Забыв бывшее заточенье,
Бежит и сыплет валуны
И стал. Из страшного набега
Явилась — зеркало страны —
Новорожденная Онега!

Здесь поздно настает весна;
Глубоких долов, меж горами,
Карела дикая полна:
Там долго снег лежит буграми,
И долго лед над озерами
Упрямо жметя к берегам.
Уж часто видят, по лугам
Цветок синеется подснежный,
И мох цветистый оживет
Над трещиной скалы прибрежной;
А серый безобразный лед
(Когда глядим на даль с высот)
Большими пятнами темнеет
И от озер студеным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае, по утрам,
Блестает серебро мороза...
Мертвеет долго всё... Но вдруг
Проснулось здесь и там движенье;
Дохнул какой-то теплый дух
И вмиг свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки,
К приютам ведомым влекомым;
Снуют по соснам пауки;
И тучи, тучи насекомых
В веселом воздухе жужжат.
Взлетает жавронок высоко,
И от черемух аромат
Льетса долго и далёко...
И в тайне диких сих лесов
Живут малиновки семьями:
В тиши бестенных вечеров
Луга и бор и дичь бугров
Полны кругом их голосами.
Поют... поют... поют оне
И только с утром замолкают:
Знать, в песне высказать желают,

Что в теплой видели стране,
Где часто провождали зимы;
Или, предчувствием томимы,
Что скоро, из лесов густых,
Дохнет, как смерть, неотвратимый,
От Беломорских стран пустых,
Губитель роскоши и цвета,
Он вмиг, как недуг, всё сожмет,
И часто в самой неге лета
Природа смолкнет и замрет.

По Суне плыли наши челны.
Под нами стлались небеса,
И опрокинулись в волны
Уединенные леса.
Спокойно всё на влаге светлой,
Была окрестность в тишине,
И ясно на глубоком дне
Песок виднелся разноцветный.
И, за грядкою серых скал,
Прибрежных нив желтело злато,
И с сенокосов ароматом
Я в летней роскоши дышал.
Но что шумит?.. В пустыне шепот
Растет, растет, звучит, и вдруг —
Как будто конной рати топот,
Дивит и ужасает слух!
Гул, стук! — Знать, где-то строят грады;
Свист, визг! — Знать, целый лес пилят!
Кружатся, блещут звезд громады,
И вихри влажные летят
Холодной, стекловидной пыли:
«Кивач!.. Кивач!.. Ответствуй, ты ли?..»
И выслал бурю он в ответ!..
Кипя над четырьмя скалами,
Он, с незапамятных нам лет,
Могучий исполин, валами
Катит жемчуг и серебро;
Когда ж в хрустальное ребро
Пронзится, горними лучами
Чудесной радуги цветы
Его опутают, как ленты;
Его зубристые хребты
Влестят — пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!
Но под зарю летней ночи
Вдвойне любятоя им очи:
Как будто хочет небо в нем
На тысячи небес дробиться,
Чтоб после снова целым слиться
Внизу, на зеркале реки...
Тут буду я! Тут жизнь теки!..
О, счастье жизни сей волнистой!
Где ты? — В чертоге ль богача,
В обетах роскоши нечистой,

Или в Карелии лесистой,
Под вечным шумом Кивача?..

Духи основали свое царство в пустынях *лесной Карелы*. Вот как поэт наш изображает их.

В тех горах
Живут селениями духи:
Точь-в-точь, как мы! В больших домах,
Лишь треугольником их кровли,
Они охотники до ловли,
И всё у них, как и у нас:
Есть чернь и титул благородных;
Суды, Расправы и Приказ.
Но нет балов, торговок модных,
Карет, визитов, суеты
И бестолкового круженья;
Нет мотовства и разоренья,
Так, стало, нет и нищеты!
Счет, вес и мера без обмана,
И у судейского кафтана
У них не делают кармана. —
Я не могу уверить вас,
Имеют ли они Парнас.
Собрания авторов и залы
Для чтения. — «А есть журналы?» —
Нет-с! — Ну, и ссоры меньше там:
Литературные нахалы
Не назовут по именам
И по отечествам, чтоб гласно,
Под видом критики, ругать:
То с здравым смыслом не согласно!
И где, кто б мог закон сыскать,
Который бы людей уволил
От уз приличия? И им,
Как будто должное, дозволил
По личным прихотям своим,
Порою ж и по ссоре личной,
Кричать, писать, ругать публично?..
Зато уж в обществе духов —
Вон там, на тех скалах огромных —
Все так приязнены! так скромны!..
От человеческих грехов
Подчас им, бедным, очень душно!
И если станет уж и скучно
Смотреть на глупости земных,
На наши шашни и проказы,
То псов с собой четвероглазых
И в лес! И вот, лесов *честных*
Принявши образ, часто странный,
То, выше ели, великаны,
То наравне, в траве, с травой!
Проказят, резвятся, хохочут,
Зовут, обходят и морочат...

Иди к ним, с умной головой,
Начитанный теорик, — что же?
Тебе ученость не поможет:
Ты угоришь: всё глушь да мрак;
А духи шепчут: «ты дурак!
Сюда, мудрец, вот омут грязный!»...
Не так ли иногда приказный,
Раскинув практику свою,
Из справки в справку ходит, ходит,
И часто в бестолочь заводит
И толковитого судью?..

О СТАТЬЯХ КН. ВЯЗЕМСКОГО

Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики, указали на князя Вяземского, как на начинщика брани, господствующей в нашей литературе. Указание неискреннее. Критические статьи кн. Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (*discussion*) и ловкостью самого софизма. Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но кн. Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена; они же всегда преступают черту литературных прений и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодование члена общества и даже гражданина. Но должно ли на них негодовать? Не думаем. В них более извинительного незнания приличий, чем предосудительного намерения. — Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав.

Доказательством, что журналы наши никогда не думали выходить из границ благопристойности, служит их добродушное изумление при таковых обвинениях и их единогласное указание на того, чьи произведения более всего носят на себе печать ума светского и тонкого знания общечития.

О НОВЕЙШИХ БЛЮСТИТЕЛЯХ ПРАВСТВЕННОСТИ

Но не смешно ли им судить о том, что принято или не принято в свете, что могут, чего не могут читать наши дамы, какое выражение принадлежит гостинной (или будуару, как говорят эти господа)? Не забавно ли видеть их опекунами высшего общества, куда, вероятно, им и некогда и вовсе не нужно являться? Не странно ли в ученых изданиях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылки на *паркетных дам*? Не совестно ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки? Почему им знать, что в лучшем обществе жеманство и напыщенность еще нестерпимее, чем простонародность (*vulgarité*), и что оно-то именно и обличает незнание света? Почему им знать, что откровенные, оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку? Хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членов высшего общества вводила иногда наших журналистов в забавные промахи. Один из них думал, что невозможно говорить при дамах о блохах, и дал за них строгий выговор — кому же — одному из молодых блестящих царедворцев. В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, где сказано, что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент разбирал ее как самую вольную сказку Бокаччио иль Касты, все петербургские дамы читали ее и знали целые отрывки наизусть. Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее и отвлек на несколько дней всех наших дам от *fashionable tales*¹ и исторических записок. Что же? Газета дала заметить автору, что в его простонародных сценах находятся слова ужасные: *сукин сын*. Возможно ли? что скажут дамы, если паче чаяния взор их упадет на это неслыханное выражение? — Что б они сказали Фонвизину, который императрице Екатерине читал своего «Недоросля», где на каждой странице эта невежливая Простакова бранит Еремеевну *собачьей дочерью*? Что сказали б новейшие блюстители нравственности и о чтении «Душеньки», и об успехе сего

¹ модных повестей (*англ.*).

прелестного произведения? — Что думают они о шуточных одах Державина, о прелестных сказках Дмитриева? — «Модная жена» не столь же ли безнравственна, как и «Граф Нулин»?

НЕВСКИЙ АЛЬМАНАХ НА 1830 ГОД,

изданный Е. Аладьиным. СПб., в типографии вдовы Плюшар, 1830 (486 стр., в 16-ю долю, и 22 стр. нот).

«Невский альманах» издается уже 6-ой год и видимо улучшается. Нынче явился он безо всяких излишних притязаний на наружную щеголеватость; издатель в сем случае поступил благоразумно, и альманах нимало от того не потерпел. Три письма князя Меншикова, в нем помещенные, любопытны как памятники исторические. «Сказки о кладях» суть лучшее из произведений Байского, донныне известных. Стихотворную часть украшает Языков.

С самого появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостью, ему свойственною. Пожалеем, что донныне почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода, и удивимся, что издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы, мог вообразить, что ему возможно в каких-то пародиях подделаться под слог Языкова, твердый, точный и полный смысла.

АНГЛИЯ ЕСТЬ ОТЕЧЕСТВО КАРИКАТУРЫ И ПАРОДИИ...

Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер Скотту показывали однажды стихи, будто бы им сочиненные. «Стихи, кажется, мои, — отвечал он, смеясь: — я так много и так давно

пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!» — Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из московских журналов. Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами, а наш едва ли и одним. Впрочем, и у нас есть очень удачный опыт: г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПО ПОВОДУ ЗАМЕТКИ ОБ «ИЛИАДЕ»

В одном из московских журналов выписывают объявление об «Илиаде», напечатанное во 2-м № «Литературной газеты», и говорят, что сие *воззвание на счет* (?) труда г-на Гнедича обнаруживает дух партии, которая в литературе не должна быть терпима. В доказательство чего дают заметить, что в «Литературной газете» сказано: «Русская Илиада должна иметь важное влияние на отечественную словесность»; а что в предисловии к своему переводу Н. И. Гнедич похвалил гекзаметры барона Дельвига.

Вот лучшее доказательство правила, слишком пренебрегаемого нашими критиками: ограничиваться замечаниями чисто литературными, не примешивая к оным догадок насчет посторонних обстоятельств, догадок большею частью столь же несправедливых, как и неблагопристойных. Объявление о переводе «Илиады» писано мною и напечатано во время отсутствия барона Дельвига. Принужденным нахожусь сказать, что нынешние отношения барона Дельвига к Н. И. Гнедичу *не суть дружеские*: но как бы то ни было, это не может повредить их взаимному уважению. Н. И. Гнедич, по благородству чувств, ему свойственному, откровенно сказал свое мнение насчет таланта барона Дельвига, похвалив произведения музы его. Пример утешительный в нынешнюю эпоху русской литературы¹.

¹ Ужели перевод «Илиады» столь незначителен, что Н. И. Гнедичу нужно покупать себе похвалы? Если же нет, то неужели критик, по предполагаемой приязни с переводчиком, должен непременно бранить труд его, чтобы показать свое беспристрастие? (Прим. А. С. Пушкина.)

Г-Н РАИЧ СЧЕЛ ЗА НУЖНОЕ...

Г-н Раич счел за нужное отвечать критикам, не признававшим в нем таланта. Он напечатал в 8-м № «Галатеи» нынешнего года следующее примечание:

«Чтобы вывести некоторых из заблуждения, представляю здесь *перечень* моих сочинений:

1. Грусть на пиру.
2. Прощальная песнь в кругу друзей.
3. Перекати-поле.
4. Другьям.
5. Амела.
6. Петроний к другьям.
7. Вечер в Одессе.

Прочие мелкие стихотворения мои — переводы. В чем же *obtrectatores*¹ нашли вялость воображения, щепетильную жеманность чувства и (просим покорно найти толк в следующих словах!) недостаток воображения».

Мы принуждены признать неоспоримость сего возражения.

О ЗАПИСКАХ ВИДОКА

В одном из № «Литературной газеты» упоминали о Записках парижского палача; нравственные сочинения Видока, полицейского сыщика, суть явление не менее отвратительное, не менее любопытное.

Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека.

Видок в своих записках именуется патриотом, коренным французом (*un bon Français*), как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество! Он уверяет, что служил в военной службе, и как ему не только дозволено, но и предписано всячески переодеваться, то и щеголяет орденом Почетного Легиона, возбуждая в кофейнях негодование честных бедня-

¹ завистники (лат.).

ков, состоящих на половинном жалованье (officiers à la demi-solde). Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой). Он с удивительной важностью толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен, и строго рассуждает об известных писателях, отчасти надеясь на их презрение, отчасти по расчету: суждения Видока о Казимире де ля Вине, о Б. Констане должны быть любопытны именно по своей нелепости.

Кто бы мог поверить? Видок честолюбив! Он приходит в бешенство, читая неблагоприятный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сем случае пишет на своих врагов доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку) о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность, смешная во всяком другом писателе, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем унижении, всё еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода.

Предлагается важный вопрос:

Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; со всем тем нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

Стихотворение А. С. Пушкина

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.

Крылов

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну что за пестрая семья;
За ними где не рылся я?
Зато какая сортировка!
Вот** божия коровка,
Вот**** злой паук,
Вот и** российский жук,

Вот** черная мурашка,
Вот** мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамках
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

Сие стихотворение, напечатанное в альманахе «Подснежник», нынешнего года, обратило на себя общее внимание. Все журналы отозвались о нем, и большею частью неблагосклонно. Оно удостоилось двух пародий, помещенных в «Вестнике Европы» и в «Московском телеграфе». Пародия *Вестника* отличается легким остроумием; пародия *Телеграфа* — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностию. — Здесь мы помещаем сие важное стихотворение, исправленное сочинителем. В непродолжительном времени выйдет оно особливо книгой, с предисловием, примечаниями и биографическими объяснениями, с присовокуплением всех критик, коим оно подало повод, и с опровержением оных. Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением насекомых. Цена с пересылкою 25 руб.

ДЕТСКАЯ КНИЖКА

1.

Ветреный мальчик

Алеша был очень не глупый мальчик, но слишком ветрен и заносчив. Он ничему не хотел порядочно научиться. Когда учитель ему за это выговаривал, то он старался оправдываться разными увертками. Когда бранили его за то, что он пренебрегал французским и немецким языком, то он отвечал, что он русский и что довольно для него, если он будет понимать слегка иностранные языки. Латинский, по его мнению, вышел совсем из употребления, и одним педантам простительно было им заниматься; русской грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой философической. Логика казалась ему наукою прошлого века, недостойною наших просвещенных времен, и когда учитель бранил его за *вокабулы*, Алеша отвечал ему именами Шеллинга, Фихте, Кузenea, Геерена, Нибура, Шлегеля и

проч.— Что же? при всем своем уме и способностях Алеша знал только первые четыре правила арифметики и читал довольно бегло по-русски,— прослыл невеждою, и все его товарищи смеялись над Алешою.

2.

М а л е н ь к и й л ж е ц

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок. Он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать. Папенька его в его именины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок-астроном, форрейтор-историк и что птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случалось ему сказать и правду.

3.

Ванюша, сын приходского дьячка, был ужасный шалун. Целый день проводил он на улице с мальчишками, валяясь с ними в грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходил мимо их порядочный человек, Ванюша показывал ему язык, бегал за ним и изо всей силы кричал: «Пьяница, урод, развратник! зубоскал, писака! безбожник, нигилист!» — и кидал в него грязью... Однажды степенный человек, им замаранный, рассердился и, поймав его за вихор, больно побил его тросточкой. Ванюша в слезах побежал жаловаться своему отцу. Старый дьячок сказал ему: поделом тебе, негодяй; дай бог здоровья тому, кто не побрезгал поучить тебя. Ванюша стал очень печален, почувствовал свою вину и исправился.

**ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»**

Отдавая полную справедливость благонамеренности и беспристрастию вашей газеты — признаю, не мог я согласиться

с мнениями, которые обнаруживает она касательно критики и полемики.

Во-первых, что значат вечные толки о *вежливости*? Если бы критики наших журналов погрешали единой своею грубостью, то беда была бы еще не большая.

Вы поминутно говорите о приличии, но позвольте дать заметить, что и «Литературная газета», стараясь быть равно учтива и важна в отношении ко всем книгам, ею разбираемым, без сомнения погрешала бы противу правил приличия. В обществе вы локтем задели вашего соседа, вы извиняетесь — очень хорошо. Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника, — вы не скажете ему *mille pardons*¹. Вы зовете извозчика — и говорите ему: пошел в Коломну, а не — *сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну*. Разница критиковать «Историю государства Российского» и например***.

У нас вошло в обыкновение между писателями, заслужившими доверенность и уважение публики, не возражать на критики. Редко кто-нибудь из них подаст голос, и то не за себя. Обыкновение вредное для литературы. Таковые антикритики имели бы двоякую пользу: исправление ошибочных мнений и распространение здравых понятий касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается в личностях и брани, что публика довольно равнодушна к успехам словесности.

Возражат, что иногда нападающее лицо само по себе так презрительно, что честному человеку никак нельзя войти в сношение с ним, не марая себя. В таком случае объяснитесь, извинитесь перед публикою. Видок вас обругал. Изъясните, почему вы никаким образом отвечать ему не намерены. В этом отношении мне нравится одна из статей вашего журнала как доброе дело.

АЛЬМАНАШНИК

— Господи боже мой, вот уже четвертый месяц живу в Петербурге, таскаюсь по всем передним, кланяюсь всем канцелярским начальникам, а до сих пор не могу получить места.

¹ тысяча извинений (*франц.*).

Я весь прожился, задолжал, а я ж отставной, того и гляди в яму посядут.

— А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части? Господи боже мой! да разве я не русский человек? Я на всё гожусь. Разумеется, хотелось бы мне местечка потеплее; но дело до петли доходит, теперь я и всякому рад.

— Неужто у тебя нет таки ни единого благодетеля?

— Благодетеля? Господи боже мой! да в каждом министерстве у меня по три благодетеля сидят. Все обо мне хлопчат, все обо мне докладывают, а я все-таки без куска хлеба.

— Служба тебе, знать, не дается. Возьмись-ка за что-нибудь другое.

— А за что прикажешь?

— Например, за литературу.

— За литературу? Господи боже мой! в сорок три года начать свое литературное поприще.

— Что за беда? а Руссо?

— Руссо, вероятно, ни к чему другому не был способен. Он не имел в виду быть винным приставом. Да к тому же он был человек ученый, а я учился в Московском университете.

— Что за беда, затевай журнал.

— Журнал? а кто же подпишется?

— Мало ли кто, Россия велика, охотников довольно.

— Нет, брат: нынче их не найдешь. Их отучили. Все говорят: деньги возьмет, а журнала не выдаст или не додаст. Кому охота судиться из 35 рублей?

— Ну, так пиши Выжигина.

— Выжигина? Господи боже мой: написать Выжигина не штука; пожалуй, я вам в четыре месяца отхватаю 4 тома, не хуже Орлова и Булгарина, но покамест успею с голоду околоть.

— Знаешь ли что? Издай Альманах.

— Как так?

— Вот как: выпроси у наших литераторов по несколько пьес, кой-что перепечатай сам. Выдумай заглавие, закажи в долг виньетку, да и тисни с богом.

— В самом деле. Да я ни с кем из этих господ не знаком.

— Что нужды: ступай себе к ним. Скажи им, что ты юный питомец муз; впервые выступаешь на поприще славы и решился издавать Альманах, а между тем проси их вспоможения и покровительства.

— А что ты думаешь. Ей-богу, я с отчаяния готов и на Альманах.

- Советую дела не откладывать.
- Сегодня ж начну свои визиты.
- И дело: желаю тебе всякого успеха.

(Кабинет стихотворца. Всё в большом беспорядке. Посредине стол. Стихотворец и трое молодых людей играют в кости.)

Стихотворец *(гремя стаканчиком)*. Я в руке. Sept à la main... neuf... Sacredieu... neuf et sept... neuf et sept... neuf...¹ мое... Кто держит?

Гость. Экое счастье: держу.

Стихотворец. Sept à la main... *(про себя)*. Это кто?

Входит Альманашник *(одному из гостей)*. Я давно желал иметь счастье представиться вам. Позвольте одному из усерднейших ващих почитателей... Ваши прекрасные сочинения...

Гость. Вы ошибаетесь: я, кроме векселей, ничего не сочиняю: вот хозяин...

Альманашник. Позвольте одному из усерднейших...

Стихотворец. Помилуйте... радуюсь, что имею честь с вами познакомиться... садитесь, сделайте милость...

Альманашник. Вы заняты... извините: я вам помешал.

Стихотворец. О нет... мы будем продолжать.— Sept à la main... 3 крепс.— Какое несчастье. *(Передает кости.)*

Гость. Сто рублей à prendre².

Стихотворец. Держу... *(Играют.)* Что за несчастье... *(Смотрит косо на Альманашника.)*

Альманашник. Я в первый раз выступаю на поприще славы и решил издать Альманак... я надеюсь, что вы...

Стихотворец. Пятую руку проходит! и всегда я попадусь... Вы издаете Альманак? под каким заглавием?.. прошел — я более не держу.

Альманашник. «Восточная звезда»... я надеюсь, что вы не откажетесь украсить ее драгоценными...

Стихотворец *(берет стаканчик)*. Позвольте: сто рублей à prendre... Sept à la main... крепс — так. Это удивительно; первой руки не могу пройти. *(Плюет, вертит стул.)* Несносный альманашник; он мне принес несчастье.

¹ Семь в руке... девять... Проклятие... девять и семь... девять и семь... девять... *(франц.)*

² взять *(франц.)*.

А л ь м а н а ш н и к. Надеюсь, что вы не откажетесь украсить мой Альманах своими драгоценными произведениями...

С т и х о т в о р е ц. Ей-богу — нет у меня стихов, — все разобраны, журналистами, альманашиками... Держу всё... что? прошел опять!.. Это непостижимо. Проклятый альманашик.

А л ь м а н а ш н и к (*вставая*). Позвольте надеяться, что если будет у вас свободная пьеска...

С т и х о т в о р е ц (*провожая его до дверей*). Отыщу непременно и буду иметь счастье вам доставить.

А л ь м а н а ш н и к. Поверьте, что крайность, бедственное положение, жена и дети.

С т и х о т в о р е ц (*его выпроводив*). Насилу отвязался. Экое дьявольское ремесло!

Г о с т ь. Чье? твое или его?

С т и х о т в о р е ц. Уж верно мое хуже. Отдавай стихи одному дураку в Альманах, чтоб другой обругал их в журнале. Жена и дети. Черт его бы взял... человек, кто там?

(*Входит слуга.*)

С т и х о т в о р е ц. Я говорил тебе, альманашиков не пускать.

С л у г а. Да кто их знает, альманашик ли, нет ли.

С т и х о т в о р е ц. Дурак, это по лицу видно. Я в руке: Sept à la main...

(*Играют.*)

Х а р ч е в н я.

(*Бесстыдин, Альманашик обедают.*)

— Гей, водки.

— Девятая рюмка! И я за всё плачу — а что толку!

— Увидишь, как пойдет наш Альманах: с моей стороны даю 34 стихотворения; под пятью подпишу А. П., под пятью другими Е. Б., под пятью еще К. П. В. Остальные пушу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, призвавших нас свои стихотворения. Прозы у нас вдоволь: лихое Обзорение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы... знаешь.

— Никак нет-с, не знаю.

— Не знаешь, о, да ты видно журнала моего не читаешь... Вот видишь ли, аристократами (разумеется, в ироническом смысле) называются те писатели, которые с нами не знают, полагая вероятно, что наше общество не завидное. Мы было сперва того и не заметили, но уже с год как спохва-

тились и с тех пор ругаем их наповал... Теперь понимаешь...

— Понимаю.

— Водки! Эти аристократы... (разумеется, говорю в ироническом смысле)... вообразили себе, что нас в хорошее общество не пускают. Желал бы я посмотреть, кто меня не впустит; чем я хуже другого. Ты смотришь на мое платье...

— Никак нет, ей-богу...

— Оно немного поношено; меня обманули на вшивом рынке... К тому же я не стану франтить в харчевне. Но на балах... о, на балах я великий щеголь, это моя слабость. Если б ты видел меня на балах... Я славно танцую, я танцую французскую кадрили. Ты не веришь... (*встает шатаясь, танцует*). Каково?

— Прекрасно.

(Бесстыдин зацепляет стакан и роняет его.)

— Боже мой — стакан в дребезгах... Его поставят на счет — и еще граненый.

— Как на счет? — его склеят... вот и всё.

(Подбирает стекло и подает.)

(Расплачивается охая, выводит под руку Бесстыдина, он на ногах не стоит.)

— Так и быть, взять извозчика.

Б е с с т ы д и н. Сделай одолжение... посади меня верхом — сам садись поперек, да поедем по Невскому, люблю франтить, это моя слабость.

— И вот моя последняя опора! Господи боже мой!

— Можно видеть барина?

— Никак нет — он почивает.

— Как, в 12 часов?

— Он возвратился с балу в 6-м часу.

— Да когда же его можно застать?

— Да почти никогда.

— Когда же ваш барин сочиняет?

— Не могу знать.

— Экое несчастье!.. Доложи своему барину, что** приходил рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя...

О КРИТИКЕ

Критика вообще. Критика наука.

Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств и литературы.

Она основана на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

Не говорю о беспристрастии — кто в критике руководствуется чем бы то ни было кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими, корыстными побуждениями.

Где нет любви к искусству, там нет и критики. Хотите ли быть знатоком в художествах? — говорит Винкельман. — Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях.

НАБРОСКИ ПРЕДИСЛОВИЯ К «БОРИСУ ГОДУНОВУ»

I

Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps-là comme nos sous-œuvres de Kiov et de Kamenka. Il faut les comprendre *sine qua non*.

A l'exemple de Shakespeare je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théâtraux, le pathétique romanesque etc... le style en est mélangé. — Il est trivial et bas là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossiers — quand aux grosses indécentes, n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume, et disparaîtra à la première copie. Une tragédie sans amour souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour entraînait beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрий amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'étrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition, mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer.

Après avoir goûté de la royauté, voyez-la, ivre d'une chimère, se prostituer d'aventuriers en aventuriers — partager tantôt le lit dégoûtant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'eistait plus. Voyez-la braver la guerre, la misère, la honte, en même temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne et finir misérablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai si Dieu me prête vie. Elle me trouble comme une passion. Elle est horriblement polonaise come le disait la cousine de M-me Lubomirska.

Гаврила Пушкин est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a en de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеев qui ont assuré le succès du Самозванец par une audace inouïe. Après je l'ai retrouvé à Moscou l'un des 7 chefs qui la défendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siégeant à côté de Козьма Минин, puis воевода à Нижний, puis parmi les députés qui couronnèrent Романов, puis ambassadeur. Il a été tout, même incendiaire comme le prouve une грамота que j'ai trouvée à Погорелое Городище — ville qu'il fit brûler (pour la punir de je ne sais quoi) à la mode des proconsuls de la Convention Nationale.

Je compte revenir aussi sur Шуйский. Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse et de force de caractère. Valet de Godounov il est un des premiers boyards à passer du côté de Дмитрий. Il est le premier qui conspire et c'est lui-même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui-même qui vocifère, qui accuse, qui de chef devient enfant perdu. Il est prêt à perdre la tête, Дмитрий lui fait grâce déjà sur l'échafaud, il l'exile et avec cette générosité étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. Que fait Шуйский qui avait frisé de si près la hache et le billot? Il n'a rien de plus pressé que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire tsar, de tomber et de garder dans sa chute plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eut pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri IV dans Дмитрий. Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifférent à la religion — tous deux abjurant leur foi pour cause politique, tous deux aimant les plaisirs et la guerre, tous deux se donnant dans des projets chimériques — tous deux en butte aux conspirations... Mais Henri IV n'a pas à se reprocher Ксения — il est vrai que

cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fait une religion de ne pas y croire.

Грибоедов a critiqué le personnage de Job; le patriarche, il est vrai, était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un son par distraction.

En écrivant ma Годунов j'ai réfléchi sur la tragédie, et si je me mêlais de faire une préface, je ferais du scandale. C'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les lois sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans papler déjà du temps, des lieux etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée par 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches?

2) *La langue*. Par exemple le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas j'entends les doux sons de la langue grecque. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha, vous voulez la règle de 24 heures? Soit. Et là-dessus il vous entasse des événements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondément frappé du ridicule de *l'a parte*, il le supprime et là-dessus alonge le monologue. Quelle puérité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. Gardez-la, je vous prie, car j'en aurai besoin si le diable me tente de faire une préface.

30 jan. 1829, S.-Pb.

II

C отвращением решаюсь я выдать в свет свою трагедию и хотя я вообще всегда был довольно равнодушен к успеху или неудаче своих сочинений, но признаюсь, неудача «Бориса Годунова» будет мне чувствительна, я в ней почти уверен. Как Монтань, могу сказать о своем сочинении: C'est une œuvre de bonne foi¹.

Писанная мною в строгом уединении, вдали охлаждающего света, плод постоянного труда, трагедия сия доставила мне всё, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были

¹ Это добросовестное произведение (франц.).

все усилия, наконец, одобрения малого числа людей избранных.

Трагедия моя уже известна почти всем тем, коих мнениями я дорожу. В числе моих слушателей одного недоставало, того, кому обязан я мыслию моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня; чье одобрение представлялось воображению моему сладчайшею наградою и единственно развлекало меня посреди уединенного труда.

III

Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться — не знаю, — по крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны.

Долго не мог я решиться напечатать свою драму. Хороший или худой успех моих стихотворений, благосклонное или строгое решение журналов о какой-нибудь стихотворной повести донныне слабо тревожили мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения. И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы *il est indifférent*¹, что такая-то глава «Онегина» выше или ниже другой. Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина, и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены. («Ермак» А. С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драматическое. Успехом своим оно обязано прекрасным стихам, коими оно писано.)

Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. У нас первый пример оному находим

¹ безразлично (франц.).

мы, кажется, в «Аргивиах»; А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его. Я сохранил цезурку французского пентаметра на второй стопе — и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия. Есть шутки грубые, сцены простонародные. Хорошо, если поэт может их избежать, — поэту не должно быть площадным из доброй воли, — если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, *son amogé*¹, но безо всякой дворянской спеси. Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет дворянство новое; древнее же пришло в упадок, права его уравнены с правами прочих состояний, великие имения давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже самые потомки и проч. Принадлежать старой аристокрации не представляет никаких преимуществ в глазах благородной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нарекание в странности или бессмысленном подражании иностранцам.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ

I

Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературою и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и, вероятно, искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себя отвержением. К несчастию, замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом, скажу только, что они очень сердили меня

¹ с любовью (*итал.*).

по крайней мере в первые минуты, и что, следственно, сочинители оных могут быть довольны, удостоверясь, что труды их не потеряны. Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы. Разборы «Вестника Европы» и приговоры «Северной пчелы» достаточны для нас. Мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику потому только, что она еще находится во младенчестве, значит презирать юную литературу за то, что она еще не возмужала. Это было бы несправедливо. Но как наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од Державина, несколько басен Крылова, пэан 12-го года Жуковского и несколько цветов северной элегической поэзии, — так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей, глубоких воззрений и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. Время их еще не пришло.

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб не доставало во мне охоты, веселости или педантства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Но, признаюсь, мне было совестно для опровержения оных повторять школьные или пошлые истины, толковать о грамматике, риторике и азбуке, а что всего затруднительнее, оправдываться там, где не было обвинений, важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons¹

или от нечего делать идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Например, один из моих критиков, человек, впрочем, добрый и благонамеренный, разбирая, кажется, «Полтаву», выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуют*. Что бы мог я отвечать ему на это? А так поступали почти все его товарищи. Критики наши говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отседе их никак не выманишь.

Еще одна причина и главная: лень. Никогда не мог

¹ А я утверждаю, что стихи мои хороши (франц.).

я до того рассердиться на бестолковость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражение. Нынче в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать опровержение на все критики, которые мог только припомнить, и собственные замечания на собственные же сочинения. Смее уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

«Руслана и Людмилу» вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в «Вестнике Европы», в которой ее побранили весьма неосновательно, и весьма дельных «вопросов», изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О, страшный вид! волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой etc.

За вступление не помню которой песни:

Напрасно вы в тени таились etc.

и за пародию «Двенадцати спящих дев»; за последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эстетического чувства. Непростительно было (особенно в мои лета) пародировать, в угождение черни, девственное, поэтическое создание. Прочие упреки были довольно пустые. Есть ли в «Руслане» хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями хоть, например, Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень, очень смягченное подражание Ариосту (Orlando, canto V, o. VIII)¹.

«Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним насмеялись.

¹ Орландо, песнь V, октава VIII (итал.).

«Бахчисарайский фонтан» слабее «Пленника» и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Всё это смешно, как мелодрама.

Не помню, кто заметил мне, что невероятно, чтоб скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Всё это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле.

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко в обстоятельствах не благоприятных. По привычке полагали меня всё еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатанию четвертой и пятой песни «Евгения Онегина». Разбор сих глав, напечатанный в «Атенее», удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика: можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стакане?* *камин дышит*, вместо *пар идет из камина?* Не слишком ли смело *ревнивое подозрение?* *неверный лед?* Как думаете, что бы такое значило:

мальчишки
Коньками звучно режут лед?

Критик догадывался, однако, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо:

На красных лапках гусь тяжелый
(Задумав плыть по лону вод)
Ступает бережно на лед

критик читал:

На красных лапках гусь тяжелый
Задумал плыть —

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности: после отрицательной частицы *не* — винительный, а не родительный падеж: *времен* вместо *времен* (как например у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира *времен*)

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражил его стих:

Людскую молвь и конский топ.

«Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в «Вестнике Европы». *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо топот столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение*¹ (следственно, и *хлоп* вместо *хлопание* вовсе не противно духу русского языка). На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки:

«И вышел он за врата градские, и услышал конский топ и людскую молвь». Бова Королевич.

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

Стих:

Два века ссорить не хочу

критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательной частицей, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: я *не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицей *не*, а глаголом *хочу*. *Егго*² правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я *не могу* вам позволить начать писать... *стихи*, а уж конечно не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

¹ Он шип пустил по-змеиному.

Древние русские стихотворения. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Следовательно (лат.).

Кстати, о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*, *татаре*, а не *татары*. Почему? Потому что все имена существительные, кончающиеся на *аниң*, *янин*, *арин* и *ярин*, имеют свой родительный во множественном на *ан*, *ян*, *ар* и *яр*, а именительный множественного на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*. Все же существительные, кончающиеся на *ан* и *ян*, *ар* и *яр*, имеют во множественном именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительный на *анов*, *янов*, *аров*, *яров*.

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

У нас многие (между прочими г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: *решаю*, *решаешь*, *решает*, *решаем*, *решаете*, *решают* вместо *решу*, *решишь* и проч. *Решу* спрягается как *грешу*.

Иностранные собственные имена, кончающиеся на *е*, *и*, *о*, *у*, не склоняются. Кончающиеся на *а*, *э* и *ь* склоняются в мужском роде, а в женском нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гётем и проч.

Как надобно писать: *турков* или *турок*? то и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5-грамматических ошибок (и справедливо):

1. останавлиал взор на *отдаленные громады*
2. на *теме* гор (темени)
3. *воил* вместо *выл*
4. *был отказан*, вместо *ему оказали*
5. *игумену* вместо *игумну*.

Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет г.**

Многие пишут *юпка*, *сватьба* вместо *юбка*, *свадьба*. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница*, *свадебный*.

Двенадцать а не *двѣнадцать*. *Две* сокращенно из *двог*, как *тре* из *трое*.

Пишут: *тѣлега*, *телѣга*. Не правильнее ли: *телега* (от слова *телец* — телеги запряжены волами)?

Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими согласными в нем изменены. Мы даже говорим *женщины*, *нослег* (см. Богдановича).

Шпионы подобны букве *з*. Они нужны в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтись, а они привыкли всюду соваться.

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в «Евгении Онегине», которые я не мог или не хотел напечатать, этому удивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означает место, где быть им надлежало. Лучше было бы заменять эти строфы другими или переправлять и сплавливать мною сохраненные. Но виноват, на это я слишком ленив. Смиренно сознаюсь также, что в «Дон Жуане» есть 2 выпущенные строфы.

Г-н Федоров в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4 и 5-ую главу, заметил, однако ж, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *Уж*, что и называл он *ужами*, а что в риторике зовется *единоначатием*. Осудил он также слово *корова* и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных назвал *девчонками* (что,

конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девку назвал *девою*:

В избушке распевая, дева
Прядет...

Шестой песни не разбирали, даже не заметили в «Вестнике Европы» латинской опечатки. Кстати: с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка; перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другою, а никто нынче по-латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

Критику 7-ой песни в «Северной пчеле» пробежал я в гостях и в такую минуту, как было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи и довольно смешную шутку *об жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания или мысли критической не было. Других критик я не читал, ибо, право, мне было не до них.

№3. Критику «Северной пчелы» напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из «Ивана Выжигина», ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия «Борис Годунов» взята из его романа.

Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный анекдот: в Лицее, один из младших наших товарищей, и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему Лицею:

Ха-ха-ха, хи-хи-хи
Дельвиг пишет стихи.

Каково же было нам, Дельвигу и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного «Вестника Европы» найти следующую шутку: Альманах «Северные цветы» разделяется на прозу и стихи — хи, хи! Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Сего не довольно. Это *хи хи* показалось видно столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в «Северной пчеле»: «*хи, хи*, как весьма остроумно сказано было в «Вестнике Европы» etc.

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обзрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: Древняя муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния. Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто: В стихах Дельвига отзывается иногда уныние новейшей поэзии? — Журналисты наши, о которых г. Киреевский отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику. Положим, всё та же шутка каждый раз им и удастся; но какая им от того прибыль? публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здоровой критики и беспристрастия.

*Сам съешь*¹. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: «обратите это на себя». То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. «Сам съешь» есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. — Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею, за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе, — и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то же самое пересказано немного похуже, с надписью: «сам съешь».

Поэту вздумалось описать любопытное собрание *бука-*

¹ Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание для *будуарных* или даже для *паркетных дам*, как журналисты называют дам, им не знакомых.) (Прим. А. С. Пушкина.)

шек. — Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки. Сам съешь.

Господа чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостью дворян-журналистов. Осмелились спросить, кто сии феодальные бароны, сии незнакомые рыцари, гордо требующие гербов и грамот от смиренной братии нашей? Что же они в ответ? Помолчав немного, господа чиновные журналисты с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братъею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600-летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах. Ужасное «Сам съешь»! К несчастью, в «Литературной газете» отыскали, кто были аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство. А публика-то что? а публика, как судия беспристрастный и благо-разумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. Например, в сию минуту она, покамест, совершенно согласна с нашим мнением: т. е., что «сам съешь» вообще показывает или мало остроумия или большую надеянность на беспамятство читателей и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в Китайском анекдоте № 1.

Отчего издателя «Литературной газеты» и его сотрудников называют аристократами (разумеется, в ироническом смысле, пишут остроумно журналисты)? В чем же состоит их аристократия? В том ли, что они дворяне? — Нет; все журналы побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть, в дворянской спеси? Нет; в «Литературной газете» доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смешного чванства и заставили чиновных литераторов уважать собратьев мещан. Может быть, в притязаниях на тон *высшего* общества? Нет; они стараются сохранить тон *хорошего* общества; проповедают сей тон и другим собратьям, но проповедают в пустыне. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (*niaiserie*). (NB: не одно просторечие). Не они поминутно находят одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей*, и т. п. Не они толкуют вечно о *будуарных читательницах*, о *паркетных* (?) дамах. Не они провозгласили себя опекунами высшего общества; не они вечно пишут при-

торные статейки, где стараются подделаться под светский тон так же удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ. Не они *comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas*¹. Не они разбирают дворянские грамоты и провозглашают такого-то мещанином, такого-то аристократом; не они находят 600-летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными. Отчего же они (аристократы) разумеется, в ироническом смысле)?

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II)², отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый в Царском Селе гр. Ф. Г. Орлову), генерал-аншеф и проч.— был куплен шкипером за бутылку рому. Прадед мой если был куплен, то, вероятно, дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякий русский произносит с уважением и не всеу. Простительно выходящу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

Возвратясь из-под Арзрума, написал я послание к князю Юсупову. В свете оно тотчас было замечено и... были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата — и в статейке, заимствованной у «Минервы», заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так-то чувствуют они вещи и так-то описывают светские нравы.

¹ как человек благородного происхождения оскорбляет и не дерется (франц.).

² Голиков говорит, что он был прежде камердинером у государя, но что Петр, заметя в нем дарования и проч. Голиков ошибся. У Петра I не было камердинеров, прислуживали ему денщики, между прочим, Орлов и Румянцев — родоначальники исторических фамилий. (Прим. А. С. Пушкина.)

О «Цыганах» одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек, и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазающей публики. Вяземский повторил то же замечание. (Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее.) Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы, *ma tanto meglio*¹.

Вероятно, трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имею главной привлекательности: молодости и новизны литературного имени. К тому же главные сцены уже напечатаны или искажены в чужих *подражаниях*. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что и у него о появлении Самозванца приходит объявить царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, — у г. Булгарина также. Всё это драматический вымысел, а не историческое сказание.

Между прочими литературными обвинениями, укоряли меня слишком дорогою ценою «Евгения Онегина» и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели «Северной пчелы»? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляр, все-таки продавали б по 5 рублей. Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, меццанам-писателям, очень известны. Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстие автора, но или большое требование оной или совершенную остановку в продаже. Спрашиваю: что выгоднее — напечатать 20 000 экземпляров одной книги и про-

¹ тем лучше (*итал.*).

дать по 50 коп. или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (*le plus national et le plus populaire*)¹, не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читают токмо любители поэзии. А много ли их?

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат. Но что сказали бы мы, прочитав, например, следующий разбор Расиновой «Федры» (если б, к несчастью, написал ее русский и в наше время).

«Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства, влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (!!!!). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (!!!!). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковёрность супруга своего, взносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить!!! Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклиная своего собственного сына (!) — после чего Ипполита разбивают лошади (!!!); Федра отравливается, ее гнусная наперсница утопляется и точка. И вот что пишут, не краснея, писатели, которые и проч. (тут личности и ругательства); вот до какого разврата дошла у нас литература, кровожадная, развратная ведьма с прыщиками на лице!» — Шлюсь на совесть самих критиков. Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно не равные достоинством произведениям Расина, но, верно, ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении. Спрашиваем: должно ли и можно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и по-латыни, а приятели называли это глубокомыслием?

Если бы «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры, «Недоросль», которым некогда восхищалась Екатерина и весь ее блестящий двор, если б «Недоросль» явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *каналъей и собачьей дочерью*, а себя сравнивает с *сукою* (!!). «Что скажут дамы! — воскликнул бы

¹ самого национального и самого популярного (*франц.*).

критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!» — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого В. Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием.

III

«Граф Нулин» наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным, — разумеется, в журналах, — в свете приняли его благосклонно, и никто из журналистов не захотел за него заступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину! Какой ужас! как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Натальи Павловны сделали петербургские дамы: какая дерзость! Кстати о моей бедной сказке (писанной, буди сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом) — подняли противу меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Верю стыдливости моих критиков; верю, что «Граф Нулин» точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шуточных повестей Ариост, Бокаччио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить «Душеньку» в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать «Модную жену», сей прелестный образец легкого и шуточного рассказа? А эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина? Но отстраним уже неравенство поэтического достоинства. «Граф Нулин» должен им уступить и в вольности, и в живости шуток.

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая — и всё, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным etc! как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благородный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братцам полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик. Она,

слава богу, может себе прочесть без опасения и сказки доброго Лафонтена, и эклогу доброго Виргилия, и всё, что про себя читают сами г. критики, если критики наши что-нибудь читают кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas
Que toute votre peau ne me tenterait pas.

В «Вестнике Европы» с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цапцарапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда, во всем «Графе Нулине» этого сравнения не находится, так же как и глагола цапцарапствую; но хоть бы и было, что за беда?

Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство. Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечной веселостию и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравочением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

Кстати: начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многие желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготееет, как упрек, на совести моей... По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче за чужие проказы. В альманахе, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия, писанная слогом переписчика

стихов г-на Панаева. Г-н Бестужев, в предисловии какого-то альманаха, благодарит какого-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по-своему и отсылать в альманах г. Бестужева вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, «Она мила, скажу меж нами») или которые простительно мне было написать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например, «Послание к Юрьеву»).

Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как я мог на них досадовать; кажется, если б хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однако ж я видел, что самое глупое ругательство получает вес от волшебного влияния типографии. Нам всё еще *печатный лист кажется святым*. Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

*Habent sua fata libelli*¹. «Полтава» не имела успеха. Вероятно, она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведением; к тому ж это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи — и вот каким образом.

Они, во-первых, объявили мне, что отроду никто не видел, чтоб женщина влюбилась в старика, и что, следовательно, любовь Марии к старому гетману (№: исторически доказанная) не могла существовать.

Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю.

Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филиру, Пазифаю, Пигмалиона — и признайтесь,

¹ Книги имеют свою судьбу (лат.).

что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?.. А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну из лучших его трагедий?..

Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовью: велика честь для дочери генерального судии быть наложницею гетмана! Далее говорили мне, что мой Мазепа *злой и глупый старичишка*. Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особенно в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной. Глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опроверженная литературной критикой, — опять *хоть знаю, да не верю!* Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, — Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы всё равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпленные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Конопского).

Старый гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом: критики важно укоряли *меня* в неосновательном мнении о шведском короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на *собственные слова* гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее *больше славы, больше власти*. Как отвечать на таковые критики?

Слова *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора* — показались критикам *низкими*, бурлацкими выражениями. Как быть!

В «Вестнике Европы» заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, но была тут и другая причина: эпитафия. Так и «Бахчисарайский фонтан» в рукописи назван был *Харемом*, но меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати о «Полтаве» критики упомянули, однако ж, о Бай-

роном «Мазепе»; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой «Истории Карла XII». Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и зато посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в «Мазепе» именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин одна другой разительнее — вот и всё: но какое пламенное создание! какая широкая, быстрая кисть! Если ж бы ему под перо попала история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

Прочитав в первый раз в «Войнаровском» сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь,

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства.

Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудро и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальной. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее. Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Дельвиг дивился, как я мог заняться таковым предметом. Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. «Полтаву» написал я в несколько дней, долее не мог бы ею заниматься и бросил бы всё.

В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать дворянин во мещанстве. Род мой один из самых старинных дворянских. Мы происходим от прусского выходца Радши, или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжества святого Александра Ярославича Невского (см. «Русский летописец» и «Историю Российского государства»). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы

и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных (из учтивости к покойному графу Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, историограф именует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г. Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи, столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин во время междоусобия, начальствуя отдельным войском, по словам Карамзина, один с Измайловым *сделал честно свое дело*. При избрании Романовых на царство четверо Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольный, под соборным деянием о уничтожении местничества (что мало делает ему чести). При Петре они были в оппозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешан в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным. Прадед мой был женат на меньшей дочери адмирала графа Головина, первого в России андреевского кавалера и проч. Он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный его сын, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странная судьба сих имен!). См. Рюлиера и Кастера. Через 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением. Он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях.

Если быть старинным дворянином значит подражать английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязанностию лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов, ни покровительства? Ибо ныне знать нашу большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах.

Но от кого бы я ни происходил — от разночинцев, вышедших во дворяне, или от исторического боярского рода, одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде донныне я его не обнаруживал и никому до него нужды нет, но отказываться от него я ничуть не намерен.

Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял

я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотри около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние разночинцам, вышедшим во дворяне, и даже досужим балагурам!

Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины, но калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездю дворянского дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества. И это ставите вы ему в достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением.

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться сими именами.

Примечание. Будем справедливы: г-на Полевого нельзя упрекнуть в низком подобоострастии пред знатными, напротив; мы готовы обвинить его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым.

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику или читателю, хорош ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр ли или зол, ползаю ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю ли я в карты, и тому под. Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя

и оправдания, коим подают они повод, суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (*hommes publics*), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу: мало-помалу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности.

ОПЫТ ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ

Сколь ни удален я моими привычками и правилами от полемики всякого рода, еще не отрекся я совершенно от права самозащиты.

Southey

§ 1

У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критики. Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. Если будем судиться перед публикою, вероятно, и она нас не поймет. Это напоминает старинную эпиграмму:

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: моя им сведена корова.
Помилуй, возопил глухой тому в ответ,
Сей пустошью владел еще покойный дед.
Судья решил: Почто ж идти вам брат на брата:
Не тот и не другой, а девка виновата.

Можно не *удостоивать ответом своих критиков* (как аристократически говорит сам о себе издатель «Истории русского народа»), когда нападения суть чисто литературные и вредят

разве одной продаже разбраненной книги. Но из уважения к себе не должно по лености или добродушию оставлять без внимания оскорбительные личности и клеветы, ныне, к несчастью, слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения.

Если в течение 16-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения.

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику значит презирать публику (чего боже сохрани). Как наша словесность с гордостью может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года Жуковского, перевод Илиады, несколько цветов элегической поэзии, — так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. Время их еще не пришло.

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб доставало во мне веселости или педантства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику. Я заметил, что самое неосновательное суждение получает вес от волшебного влияния типографии. Нам всё еще *печатный лист кажется святым*. Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано! Но признаюсь, мне совестно было идти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке и риторике, оправдываться там, где не было обвинений, а, что всего затруднительнее, важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons¹.

Ибо критики наши говорят обыкновенно: это хорошо, потому что прекрасно, а это дурно, потому что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще причина, и главная: леность. Никогда не мог я до того рассердиться на непонятливость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражения и доказательства. Нын-

¹ А я утверждаю, что стихи мои хороши (*франц.*).

че, в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на это никак не могу решиться), но на обвинения нелитературные, которые нынче в большой моде. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

Один из великих наших сограждан сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспаривал мои мнения), что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Всё имеет свою злую сторону — и неуважение к чести граждан и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно *оби-няки*. Первым примером обязаны мы**, который в своем журнале напечатал уморительный анекдот о двух китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковою палкою за плутни, унижающие честное звание литератора. Этот китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого-нибудь, тотчас в листках его является известие из-за границы (и большею частию из-за китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого-нибудь вымышленного или безыменного писателя. Большею частию сии китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере достигают цели своей по злости, с каковою они написаны. Не узнавать себя в пасквиле безыменном, но явно направленном, было бы малодушием. Тот, о котором напечатывают, что человек такого-то звания, таких-то лет, таких-то примет крадет, например, платки из карманов,— все-таки должен отозваться и вступить за себя конечно не из уважения к газетчику, но из уважения к публике. Что за аристократическая гордость, позволять всякому негодяю швырять в вас грязью. Английский лорд равно не отказывается и от поединка на кухонрейтерских пистолетах с учтивым джентельменом и от кулачного боя с пьяным конюхом. Один из наших литераторов, бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил. Отговорка забавная, но в таком случае, что прикажете делать с тем, который, по выражению Шатобриа-

на, comme un homme de noble race, outrage et ne se bat pas?

Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой-то французский стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в «Литературной газете», человек подлый и безнравственный, а что такой-то журналист, человек умный, скромный, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч. Француз отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно, долго будет его помнить.

...on en rit, j'en ris encor moi-même¹.

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым мандаринам. Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что, говорят, за ним важивалось), или тихонько взял рукопись из шкатулки мандарина (что в старину также с ним случалось) и склеил на скорую руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучный роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смиренный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первый стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан-Хо обокрал его быстыдным образом. Трагик Фан-Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч., и проч.

§ 4

А. Читал ты замечание в № 45 «Литературной газеты», где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?

Б. Читал.

А. Как же ты его находишь?

Б. Довольно неуместным.

А. Конечно, иначе нельзя и думать. Как не стыдно литераторам обижать таким образом свою братью!

Б. Согласен.

А. Русские журналисты не заслуживали такого унижительного сравнения!

¹ ...над этим посмеялись, я сам еще смеюсь (франц.).

Б. А так извини: я с тобою не согласен.

А. Как так?

Б. Я было тебя не понял. Мне казалось, что ты находишь обиженными демократических писателей XVIII столетия, которых (как очень хорошо сказано в газете) с нашими никаким образом сравнивать нельзя,— а между тем сравнивают.

А. Да помилуй, эти французские писатели такие люди, что боже упаси! посмотри, как негодуют наши журналисты от одной мысли быть им уподобленными.

Б. Да кто же эти французские писатели, о коих упомянуто в «Литературной газете»?

А. А я почему знаю.

Б. Так я же тебе их назову: добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом.

А. Зачем же обруганы они в «Литературной газете»?

Б. То-то я и говорю.

А. Как можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станут ли кричать: повесим мы, повесим! и аристократов к фонарю.

Б. Извини, брат. Опять было тебя не понял. Этого в газете не сказано.

А. Как не сказано? постой, она на мне... (*вынимает из кармана газету*). А ты прав, ты прав. Сказано только, что эпиграммы их приуточили крики etc.— Так неужто в самом деле эпиграммы приуточили французскую революцию?

Б. О французской революции «Литературная газета» молчит, и хорошо делает.

А. Помилуй, да посмотри же, читай: les aristocrates à la lanterne¹ и повесим их, повесим. Ça ira².

Б. И ты видишь тут французскую революцию?

А. А ты что тут видишь, если смею спросить?

Б. Крики бешеной черни.

А. А что же значили эти крики?

Б. Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. Вот, я тебя и поймал: а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. Потому, что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным.

¹ аристократов на фонарь (*франц.*).

² Пойдет (*франц.*).

А. Следственно, я и прав. В крике *les aristocrates à la lanterne* вся революция.

Б. Ты не прав. В крике *les aristocrates à la lanterne* один жалкий эпизод французской революции — гадкая фарса в огромной драме.

А. И честные и добрые писатели были тому причиною! Если и в самом деле, то уж конечно неумышленно!

Б. Вероятно.

А. А *groros*¹, какого ты мнения о Полиньяке?

Б. Милый мой, ты знаешь, что о политике я с тобою никогда не говорю.

А. Ну так обратимся к нашим литераторам. Читал ли ты, как отделали всю «Литературную газету», издателя и сотрудников за это замечание?

Б. Нет еще.

А. Так почти же *(дает ему журналы)*.

Б. Что значат эти точки?

А. Ах! я спрашивал — тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. *(отдавая журнал)*. Жаль, в этих ругательствах, может быть, был смысл, а в строках печатных его нет.

А. Вот тебе еще что-то *(дает другой журнал)*.

Б. *(прочитав)*. Тут и ругательства есть, а смысла все-таки не более.

А. Так ты, видно, стоишь за «Литературную газету». Давно ль ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом? что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? о, да ты журналов не читаешь! Вот видишь ли: издатель «Литературной газеты» и сотрудники его, и читатели его — все аристократы *(разумеется, в ироническом смысле)*.

Б. Воля твоя, я смысла тут никакого не вижу. Будучи сам литератором, я читаю «Литературную газету»: ибо мне любопытно знать ее мнения; мне досадно видеть в ней иногда личности и колкости, ответы, возражения, мелочную войну, которую не худо предоставить литературным башкирцам; но никогда я не видал в «Литературной газете» ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия. Дворяне ли барон Дельвиг, кн. Вяземский, Пушкин, Баратынский и пр., мне до того и дела нет. Они об этом не толкуют. Заступаясь за грамотное купечество в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступаясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше.

¹ Кстати *(франц.)*.

А. Воля твоя, замечание «Литературной газеты» могло повредить невинным.

Б. Что ты, шутишь или сам ты невинный — кто же сии невинные?

А. Как кто? Издатели «Северной пчелы».

Б. Так успокойся ж. Образ мнения почтенных издателей «Северной пчелы» слишком хорошо известен, и «Литературная газета» повредить им не может, а г. Полевой в их компании под их покровительством может быть безопасен.

А. Что значит avis au lecteur?¹ к кому это относится? ты скажешь к журналистам, а я так думаю, не к цензуре ли?

Б. Да хоть бы и к цензуре, что за беда. Уж если существует у нас цензура, то не худо оградить и сословия, как ограждены частные лица от явных нападений злонамеренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждого сословия. Но смеяться над сословием потому только, что оно такое-то сословие, а не другое, нехорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападают? Ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию — *pas si bête*². Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в официальной газете) нехорошо — и даже неблагоприятно. Положим, что эпиграммы демократических французских писателей приуготовили крики *les aristocrates à la lanterne*; у нас таковые же эпиграммы, хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие... Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу... Нужно ли тебе еще объяснений?

А. Нет, понимаю, очень хорошо понимаю. Кажется, ты прав. Но почему же некоторые журналы вступились с такою братскою горячностью за «Северную пчелу»?

Б. Потому, что свой своему поневоле брат.

А. Отчего же замечание газеты показалось сначала столь предосудительным даже людям самым благомыслящим и благородным?

Б. Потому что политические вопросы никогда не бывали

¹ предупреждение читателю (*франц.*).

² они не так глупы (*франц.*).

у нас разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступив на один из таковых вопросов, сами испугались движения, ими произведенного. Нет прения без двух противных сторон; ты политикой занимаешься, и это тебе понятно, не правда ли? Демократические наши журналы, напав на дворянство...

А. Опять!.. Демократические! журналы! Какой ты неблагонамеренный.

Б. Как же ты прикажешь назвать журналы, объявившие себя противу аристократии? В прямом или переносном смысле, все-таки они демократические журналы. И так, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпор, и нашли его в газете Литературной. Всё это естественно и даже утешительно. Но повторяю, вопросы политические еще для нас новость...

А. Знаешь ли ты что? Мне хочется разговор наш передать издателю «Литературной газеты», чтоб он напечатал его себе в оправдание.

Б. И хорошо сделает. Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, от кого б они, впрочем, ни происходили.

ОБ АЛЬФРЕДЕ МЮССЕ

Между тем как сладкозвучный, но однообразный Ламартин готовил новые благочестивые «Размышления» под заслуженным названием *Harmonies religieuses*¹, между тем как важный Victor Hugo издавал свои блестящие, хотя и натянутые «Восточные стихотворения» (*Les Orientales*), между тем как бедный скептик Делорм воскресал в виде исправляющегося неопита, и строгость нравов и приличий была объявлена в приказе по всей французской литературе, вдруг явился молодой поэт с книжечкой сказок и песен и произвел ужасный соблазн. Musset взял, кажется, на себя обязанность воспевать одни смертные грехи, убийства и прелюбодеяние. Сладострастные картины, коими наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живостью самые обнаженные писания покойного Парни. О нравственности он и не думает, над нравоучением издевается и, к несчастью, чрезвычайно мило, с важным александрийским стихом чинится как нельзя менее, ломает его и коверкает так, что ужас и жалость. Воспевает луну такими стихами, какие осмелился бы написать разве только поэт блаженного XVI века, когда не существовали еще

¹ Религиозные гармонии (франц.).

ни Буало, ни гг. Лагарп, Гофман и Кольне. Как же приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодование журналов и все ферулы, поднятые на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезного повесы так изумила, так понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдывать, объявила, что «Испанские сказки» ничего не доказывают, что можно описывать разбойников и убийц, даже не имея целию объяснить, сколь непохвально это ремесло, — а быть между тем добрым и честным человеком; что живые картины наслаждений простительны 20-летнему поэту, что, вероятно, семейство его, читая его стихи, не станет разделять ужас газет и видеть в нем изверга, что, одним словом, поэзия — вымысел и ничего с прозаической истиной жизни общего не имеет. Слава богу! давно бы так, м. г. Не странно ли в XIX веке воскрешать чопорность и лицемерие, осмеянные некогда Молиером, и обходиться с публикой, как взрослые люди обходятся с детьми; не позволять ей читать книги, которыми сами наслаждаетесь, и впопад и невпопад ко всякой всячине приклеивать нравouchение. Публике это смешно, и она своим опекунам уж верно спасибо не скажет.

Итальянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали, живостию необыкновенной. Из них *Rogcia*, кажется, имеет более всего достоинства: сцена ночного свидания; картина ревнивца, поседевшего вдруг; разговор двух любовников на море — всё это прелесть. Драматический очерк *Les marrons du feu*¹ обещает Франции романтического трагика. А в повести *Mardoche Musset* первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка. Если будем понимать слова Горация, как понял их английский поэт², то мы согласимся с его мнением: трудно прилично выражать обыкновенные предметы.

¹ Каштаны с жару (франц.).

² В эпиграфе к «Дон Жуану»:

*Difficile est propriè communia dicere**.

Communia значит не обыкновенные предметы, но общие всем (дело идет о предметах трагических, всем известных, общих, в противоположность предметам вымышленным. См. *ad Pisones*)**). Предмет Д. Жуана принадлежит исключительно Байрону. (Прим. А. С. Пушкина.)

* Трудно хорошо выразить общие вещи (лат.).

** послание к Пизонам (лат.).

О НАРОДНОЙ ДРАМЕ И ДРАМЕ «МАРФА ПОСАДНИЦА»

Между тем как эфетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностью и обширностью, мы всё еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшета; мы всё еще повторяем, что *прекрасное* есть подражание изящной природе и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи раскрашенные нравятся нам менее чисто мраморных и медных? Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами? И какая польза в Тициановой Венере и в Аполлоне Бельведерском?

Правдоподобие всё еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что если докажут нам, что самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие? Читая поэму, роман, мы часто можем забыть и полагать, что описываемое происшествие не есть вымысел, но истина. В оде, в элегии можем думать, что поэт изображал свои настоящие чувствования в настоящих обстоятельствах. Но где правдоподобие в здании, разделенном на две части, из коих одна наполнена зрителями, которые согласились etc.

Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок, времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полускиф Ипполит говорит языком молодого благовоспитанного маркиза. Римляне Корнелия суть или испанские рыцари, или госконские бароны, а Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Со всем тем Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недосыгаемой, и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов...

Какого же правдоподобия требовать должны мы от драматического писателя? Для разрешения сего вопроса рассмотрим сначала, что такое драма и какая ее цель.

Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия. Драма представляет ему необыкновенное, странное происшествие. Народ требует сильных ощущений, для него и казни — зрелище. Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством. Но

смех скоро ослабевает, и на нем одном невозможно основать полного драматического действия. Древние трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладела ею исключительно и приняла форму драматическую, более как пародию. Таким образом родилась комедия, со временем столь усовершенствованная. Заметим, что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, и что нередко близко подходит к трагедии.

Трагедия преимущественно выводила тяжкие злодеяния, страдания сверхъестественные, даже физические (напр., Филоклет, Эдип, Лир). Но привычка притупляет ощущения — воображение привыкает к убийствам и казням, смотрит на них уже равнодушно, изображение же страстей и излиятий души человеческой для него всегда ново, всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала заведовать страстями и душою человеческою.

Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя.

Драма оставила площадь и перенеслася в чертоги по требованию образованного, избранного общества. Поэты переселились ко двору. Между тем драма остается верною первоначальному своему назначению — действовать на толпу, на множество, занимать его любопытство. Но тут драма оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное.

Отселе важная разница между трагедией народной, Шекспировой, и драмой придворной, Расиновой. Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностью своей возвышенности и признанием публики, беспрекословно чувствуемым. При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. Зрители были образованнее его, по крайней мере так думали и он и они. Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию. Он боялся унижить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей — отселе робкая чопорность, смешная надутость, вошедшая в пословицу (*un héros, un roi de comédie*¹), привычка смотреть на людей высшего состояния с каким-то подобострастием и придавать им странный, нечеловеческий образ изъяс-

¹ герой, король комедии (франц.).

нения. У Расина (например) Нерон не скажет просто: «Je serai caché dans ce cabinet¹», — но: Caché près de ces lieux je vous verrai Madame². Агамемнон будит своего наперсника, говорит ему с напыщенностью:

Oui, c'est Agamemnon, c'est ton roi qui t'éveille.
Viens, reconnais la voix qui frappe ton oreille³.

Мы к этому привыкли, нам кажется, что так и должно быть. Но надобно признаться, что если герои выражаются в трагедиях Шекспира, как конюхи, то нам это не странно, ибо мы чувствуем, что и знатные должны выражать простые понятия, как простые люди.

Не имею целию и не смею определять выгоды и невыгоды той и другой трагедии, развивать существенные различия систем Расина и Шекспира, Кальдерона и Гёте. Спешу обозреть историю драматического искусства в России.

Драма никогда не была у нас потребностью народною. Мистерии Ростовского, трагедии царевны Софьи Алексеевны были представлены при царском дворе и в палатах ближних бояр и были необыкновенным празднеством, а не постоянным увеселением. Первые труппы, появившиеся в России, не привлекали народа, не понимающего драматического искусства и не привыкшего к его условиям. Явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные противусмыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елисаветы как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие. Озеров это чувствовал. Он попытался дать нам трагедию народную и вообразил, что для сего довольно будет, если выберет предмет из народной истории, забыв, что поэт Франции брал все предметы для своих трагедий из римской, греческой и еврейской истории и что самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из итальянских новел.

После «Дмитрия Донского», после «Пожарского», произведения незрелого таланта, мы всё не имели трагедии, «Анд-

¹ Я спрячусь в этой комнате (франц.).

² Сокрытый близ сих мест, я вас узрю, госпожа (франц.).

³ Да, это Агамемнон, это твой царь тебя будит.

Приди, узнай голос, поражающий твой слух (франц.).

ромаха» Катенина (может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по духу истинно трагическому) не разбудила, однако ж, ото сна сцену, опустелую после Семеновой.

Идеализированный «Ермак», лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем всё чуждо нашим нравам и духу, всё, даже самая очаровательная прелесть поэзии.

Комедия была счастливее. Мы имеем две драматические сатиры.

Отчего же нет у нас народной трагедии? Не худо было бы решить, может ли она и быть. Мы видели, что народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество. У нас было бы напротив. Мы захотели бы придворную, сумароковскую трагедию низвести на площадь — но какие препятствия!

Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расиновой, может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек? Как ей перейти от своего разговора, размеренного, важного и благопристойного, к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади? Как ей вдруг отстать от подобострастия, как обойтись без правил, к которым она привыкла, без насильственного принорования всего русского ко всему европейскому, где, у кого выучиться наречию, понятному народу? Какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она себе созвучия, — словом, где зрители, где публика?

Вместо публики встретит она тот же малый ограниченный круг и оскорбит надменные его привычки (*dédaigneux*), вместо созвучия, отголоска и рукоплесканий услышит она мелочную, привязчивую критику. Перед нею восстанут непреодолимые преграды; для того, чтоб она могла расставить свои подмостки, надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий...

Перед нами, однако ж, опыт народной трагедии...

Прежде чем станем судить «Марфу Посадницу», благодарим неизвестного автора за добросовестность его труда, поруку его истинного таланта. Он написал свою трагедию не по расчетам самолюбия, жаждущего минутного успеха, не в угождение общей массе читателей, не только не приуроченных к романтической драме, но даже решительно ей

неприятствующих¹. Он писал свою трагедию вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись независимо-му вдохновению, уединясь в своем труде. Без сего самоотвержения в нынешнем состоянии нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойного внимания.

Автор «Марфы Посадницы» имел целию развитие важного исторического происшествия: падения Новагорода, решившего вопрос о единовластии России. Два великих лица представлены ему были историею. Первое — Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе — Новгород, коего черты надлежало угадать.

Драматический поэт, беспристрастный, как судьба, должен был изобразить столь же искренно, сколь глубокое, добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужило, отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманый удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, но люди минувших дней, их умы, их предрассудки. Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине. Исполнил ли сии первоначальные необходимые условия автор «Марфы Посадницы»?

Отвечаем: исполнил, и если не везде, то изменило ему не желание, не убеждение, не совесть, но природа человеческая, всегда несовершенная.

Иоанн наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю махину, все страсти, все пружины. В первой сцене Новгород узнает о властолюбивых его притязаниях и о нечаянном походе. Негодование, ужас, разногласие, смятение, произведенное сим известием, дают уже понятие о его могуществе. Он еще не появлялся, но уже тут, как Марфа, мы уже чувствуем его присутствие. Поэт переносит нас в московский стан, средь недовольных князей, средь бояр и воевод. И тут мысль об Иоанне господствует и правит всеми мыслями, всеми

¹ Не говорим уже о журналах, коих приговоры имеют решительное влияние не только на публику, но даже на писателей, которые, хотя ими пренебрегают, но опасаются печатных насмешек и ругательства. (Прим. А. С. Пушкина.)

страстями. Здесь видим могущество его владычества, укрощенную мятежность удельных князей, страх, наведенный на них Иоанном, слепую веру в его всемогущество. Князья свободно и ясно понимают его действия, предвидят и изъясняют высокие замыслы; послы новгородские ожидают его. Является Иоанн. Речь его послам не умаляет понятия, которое поэт успел внушить. Холодная, твердая решимость, обвинения сильные, притворное великодушие, хитрое изложение обид. Мы слышим точно Иоанна, мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века. Новгород отвечает ему в лице своих послов. Какая сцена! Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города! Иоанн не заботится о том, правы ли они или нет. Он предписывает свои последние условия, между тем готовится к решительной битве. Но не одним оружием действует осторожный Иоанн. Измена помогает силе. Сцена между Иоанном и вымышленным Борецким кажется нам невыдержанною. Поэту не хотелось совсем унижить новгородского предателя — отседе заносчивость его речей и недраматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Иоанна. Скажут: он терпит, ибо ему нужен Борецкий — правда. Но пред его лицом не смел забытья бы Борецкий, и изменник не говорил бы уже вольным языком новгородца. Зато с какой полнотою, с каким спокойствием развивает Иоанн государственные свои мысли! — и заметим, откровенность — вот лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Последняя речь Иоанна

Российские бояре,
Вожди, князья
и проч.

кажется нам не в духе властвования Иоаннова. Ему не нужно воспламенять их усердия, он не станет им изъяснять причины своих действий. «Довольно слов, — скажет им, — завтра битва, будьте готовы».

Мы расстаемся с Иоанном, узнав его намерения, его мысли, его могущую волю, и уже видим его опять, когда молча въезжает он победителем в преданный ему Новгород. Его распоряжения, переданные нам историею, сохранены и в трагедии без добавлений затейливых, без объяснений. Марфа предрекает ему семейственные несчастья и погибель его рода. Он отвечает:

Что госуду угодно — да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.

Таково изображение Иоанна, изображение, согласное с историей, почти везде выдержанное. В нем трагик не ниже своего предмета. Он его понимает ясно, верно, знает коротко и представляет нам без театрального преувеличения, без противумыслия, без шарлатанства.

БАРАТЫНСКИЙ

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого хотя несколько одаренного вкусом и чувством. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и поминутно столь неудачно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечены одними знатоками. Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех. Постараемся объяснить причины.

Первой должно почесть самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому; молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут, юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он, уединенных, затерянных в свете.

Вторая причина есть отсутствие критики и общего мнения. У нас литература не есть потребность народная. Писатели получают известность посторонними обстоятельствами. Публика мало ими занимается. Класс читателей ограничен, и им управляют журналы, которые судят о литературе как о политической экономии, о политической экономии как о музыке,

т. е. наобум, понаслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частию по личным расчетам. Будучи предметом их неблагосклонности, Баратынский никогда за себя не вступался, не отвечал ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться там, где не было обвинения, и что, с другой стороны, довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки, тем не менее их приговоры имеют решительное влияние.

Третья причина — эпиграммы Баратынского, сии мастерские, образцовые эпиграммы не щадили правителей русского Парнаса. Поэт наш не только никогда не нисходил к журнальной полемике и ни разу не состязался с нашими Аристархами, несмотря на необыкновенную силу своей диалектики, но и не мог удержаться, чтоб сильно не выразить своего мнения в этих маленьких сатирах, столь забавных и язвительных. Не смеем упрекать его за них. Слишком было бы жаль, если б они не существовали¹.

Сия беспечность о судьбе своих произведений, сие неизменное равнодушие к успеху и похвалам, не только в отношении к журналистам, но и в отношении публики, очень замечательны. Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудом неблагодарным, редко замеченным, трудом отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам свой век увлекающего гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своею дорогой один и независим. Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды.

Перечтите его «Эду» (которую критики наши нашли *ничтожной*, ибо, как дети, от поэмы требуют они происшествий),

¹ Эпиграмма, определенная законодателем французской пиитики:

Un bon mot de deux rimes orné*,

скоро стареет и, живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении. Напротив, в эпigramме Баратынского, менее тесной, сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства. (Прим. А. С. Пушкина.)

* Слово, украшенное двумя рифмами (франц.).

перечтите сию простую восхитительную повесть; вы увидите, с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь. Посмотрите на Эду после первого поцелуя предприимчивого обольстителя.

Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева,
Но гнева взор не выразал.
Веселость ясная сияла
В ее младенческих очах...

Она любит как дитя, радуется его подаркам, резвится с ним, беспечно привыкает к его ласкам. Но время идет, Эда уже не ребенок.

На камнях розовых твоих
Весна игриво засветледа,
И ярко зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей серебристый,
И лес прохладою душистой
С востока веет поутру;
Там за горою дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиам
Там в чистом воздухе струится:
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица
Не обращай...

Какая роскошная черта, как весь отрывок исполнен неги! Эда влюблена...

НАБРОСКИ СТАТЬИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости; кочующие племена не имеют ни истории, ни дворянства.

Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением

на ее старинные памятники, сравнить их с этою бездною поэм, романсов, проических и любовных, простодушных и сатирических, коими наводнены европейские литературы средних веков.

Нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа в сих первоначальных играх разума, творческого духа, сравнить влияние завоевания скандинавов с завоеванием мавров. Мы бы увидели разницу между простодушною сатирою французских trouveurs и лукавой насмешливостью скоморохов, между площадною шуткою полудуховной мистерии и затеями нашей старой комидии.

Но, к сожалению, старинной словесности у нас не существует. За нами темная степь и на ней возвышается единственный памятник: «Песнь о Полку Игореве».

Словесность наша явилась вдруг в 18 столетии, подобно русскому дворянству, без предков и родословной.

ЗАМЕТКА О «ГРАФЕ НУЛИНЕ»

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. «Граф Нулин» писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения.

ПИСАТЕЛИ, ИЗВЕСТНЫЕ У НАС ПОД ИМЕНЕМ АРИСТОКРАТОВ...

Писатели, известные у нас под именем аристократов, ввели обыкновение, весьма вредное литературе: не отвечать на критики. Редко кто из них отзовется и подаст голос, и то не за себя. Что же это в самом деле? Разве и впрямь они гнушаются своим братом-литератором; или они вообразили себя и в самом деле аристократами. Весьма же они ошибаются: журналы назвали их так в шутку, иронически (смотри «Северную пчелу», «Северный Меркурий» и проч.); а если они и принадлежат хорошему обществу, как благовоспитанные и порядочные люди, то это статья особая и литературы не касается.

Один аристократ (все-таки разумеем сие слово в ироническом смысле) извинялся тем, что-де с некоторыми людьми неприлично связываться человеку, уважающему себя и общее мнение; что разница-де между поединком и дракой; что, наконец, никто-де не в праве требовать, чтобы человек разговаривал, с кем не хочет разговаривать. Всё это не отговорка. Если уж ты пришел в кабак, то не прогневайся — какова компания, таков и разговор; если на улице шалун швырнет в тебя грязью, то смешно тебе вызывать его биться на шпагах, а не поколотить его просто. А если ты будешь молчать с человеком, который с тобой заговаривает, то это с твоей стороны обида и гордость, недостойная доброго христианина.

ОБОЗРЕНИЕ ОБОЗРЕНИЙ

Некоторые из наших писателей видят в русских журналах представителей народного просвещения, указателей общего мнения и проч. и вследствие сего требуют для них того уважения, каким пользуются *Journal des débats*¹ и *Edinburgh review*².

Определяйте значение слов, говорил Декарт. Журнал в смысле, принятом в Европе, есть отголосок целой партии, периодические памфлеты, издаваемые людьми, известными

¹ «Газета прений» (франц.).

² «Эдинбургское обозрение» (англ.).

сведениями и талантами, имеющие свое политическое направление, свое влияние на порядок вещей. Сословие журналистов есть рассадник людей государственных — они знают это и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью. По причине великого конкурса невежество или посредственность не может овладеть монополией журналов, и человек без истинного дарования не выдержит *Gériveau*¹ издания. Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противоборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Гиффорд, Джефри, Питт. Что ж тут общего с нашими журналами и журналистами — шлюсь на собственную совесть наших литераторов? Спрашиваю, по какому праву «Северная пчела» будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь «Северный Меркурий»?

VIE, POÉSIES ET PENSÉES DE JOSEPH DELORME

*(Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма).—
Париж, 1829 (I т. в 16-ю д. л.).*

LES CONSOLATIONS

Poésies par Sainte Beuve

*(Утешения. Стихотворения Сент-Бёва).— Париж, 1830
(I том в 18-ю д. л.).*

Года два тому назад книжка, вышедшая в свет под заглавием *Vie, poésies et pensées de J. Delorme*, обратила на себя в Париже внимание критиков и публики. Вместо предисловия романтическим слогом описана была жизнь бедного молодого поэта, умершего, как уверяли, в нищете и неизвестности. Друзья покойника предлагали публике стихи и мысли, найденные в его бумагах, извиняя недостатки их и заблуждения самого Делорма его молодостию, болезненным состоянием души и физическими страданиями. В стихах оказывался необыкновенный талант, ярко отсвеченный странным выбором предметов. Никогда ни на каком языке голый сплин не изъяс-

¹ испытания (франц.).

нялся с такою сухою точностию; никогда заблуждения жалкой молодости, оставленной на произвол страстей, не были высказаны с такой разочарованностию. Смотри на ручей, осененный темными ветвями дерев, Делорм думает о самоубийстве и вот каким образом:

Pour qui veut se noyer, la place est bien choisie.
On n'aurait qu'à venir, un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau,
Et, comme pour un bain, à descendre dans l'eau:
Non pas en furieux, la tête la première;
Mais s'asseoir, regarder; d'un rayon de lumière
Dans le feuillage et l'eau suivre le long reflet;
Puis, quand on sentirait ses esprits au complet,
Qu'on aurait froid, alors, sans plus traîner la fête,
Pour ne plus la lever, plonger avant la tête,
C'est là mon plus doux vœu, quand je pense à mourir.
J'ai toujours été seul à pleurer, à souffrir;
Sans un cœur près du mien j'ai passé sur la terre;
Ainsi que j'ai vécu, mourons avec mystère,
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins assemblés.
L'alouette, en mourant, se cache dans les blés;
Le rossignol, qui sent défaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible à tous, comme un écho du bois:
Ainsi je veux passer. Seulement, un... deux mois,
Peut-être un an après, un jour... une soirée,
Quelque pâtre inquiet d'une chèvre égarée,
Un chasseur descendu vers la source, et voyant
Son chien qui s'y lançait sortir en aboyant,
Regardera: la lune avec lui qui regarde
Eclairera ce corps d'une lueur blafarde;
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout droit.
De grand matin venus, quelques gens de l'endroit
Tirant par les cheveux ce corps méconnaissable,
Cette chair en lambeaux, ces os chargés de sable,
Mêlant des quolibets à quelques sots récits,
Deviseront longtemps sur mes restes noircis,
Et les brouetteront enfin au cimetière;
Vite on clouera le tout dans quelque vieille bière
Qu'un prêtre aspergera d'eau bénite trois fois;
Et je serai laissé sans nom, sans croix de bois!

У друга его, Виктора Гюго, рождается сын; Делорм его приветствует:

Mon ami, vous voilà père d'un nouveau-né;
C'est un garçon encor: le ciel vous l'a donné
Beau, frais, souriant d'aise à cette vie amère;
A peine il a coûté quelque plainte à sa mère.
Il est nuit; je vous vois... à deux bruit, le sommeil
Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant vermeil,
Et vous, père, veillant contre la cheminée,

Recueilli dans vous-même, et la tête inclinée,
Vous vous tournez souvent pour revoir, ô douceur!
Le nouveau-né, la mère et le frère et la sœur
Comme un pasteur joyeux de ses toisons nouvelles,
Ou comme un maître, au soir, qui compte ses javelles.
A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abîme où votre cœur se fonde,
Ami? qui sait vos pleurs, vos muettes caresses;
Les trésors du génie épanchés en tendresses;
L'aigle plus gémissant que la colombe au nid;
Les torrents ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un été de Norvège,
Au penchant des glaciers mille fontes de neige?
Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un ineffable amour!

— Moi, pendant ce temps-là, je veille aussi, je veille,
Non près des rideaux bleus de l'enfance vermeille,
Près du lit nuptial arrosé de parfum,
Mais près d'un froid grabat, sur le corps d'un défunt.
C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;
Ses nièces m'on requis, je veille à leur prière.
Seul, je m'y suis assis dès neuf heures du soir.
A la tête du lit une croix en bois noir,
Avec un Christ en os, pose entre deux chandelles
Sur une chaise; auprès, le buis cher aux fidèles
Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps
Le mort en long, pieds joints, et croisant les deux bras.
Oh! si, du moins, ce mort m'avait durant sa vie
Été longtemps connu! s'il me prenait envie
De baiser ce front jaune une dernière fois!
En regardant toujours ces plis raides et droits,
Si je voyais enfin remuer quelque chose,
Bouger comme le pied d'un vivant qui repose,
Et la flamme bleuir! si j'entendais crier
Le bois du lit!.. ou bien si je pouvais prier!
Mais rien: nul effroi saint; pas de souvenir tendre;
Je regarde sans voir, j'écoute sans entendre,
Chaque heure sonne lente, et lorsque, par trop las
De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre
(Car au ciel de minuit le croissant vient de naître),
Voilà, soudain, qu'au toit lointain, d'une maison,
Non pas vers l'orient, s'embrase l'horizon,
Et j'entends résonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans l'incendie.

Между сими болезненными признаниями, сими мечтами печальных слабостей и безвкусными подражаниями давно осмеянной поэзии старого Ронсара, мы с изумлением находим стихотворения, исполненные свежести и чистоты. С какой меланхолической прелестью описывает он, например, свою музу!

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
 Qui danse les seins nus, à la voix sémillante,
 Aux noirs cheveux luisants, aux longs yeux de houri;
 Elle n'est ni la jeune et vermeille Péri,
 Dont l'aile radieuse éclipserait la queue
 D'un beau paon, ni la fée à l'aile blanche et bleue,
 Ces deux rivales sœurs, qui, dès qu'il a dit *oui*,
 Ouvrent mondes et cieux à l'enfant ébloui.
 Elle n'est pas non plus, ô ma Muse adorée!
 Elle n'est pas la vierge ou la veuve éplorée,
 Qui d'un cloître désert, d'une tour sans vassaux,
 Solitaire habitante, erre sous les arceaux,
 Disant un nom; descend aux tombes féodales;
 A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
 Et le front sur un marbre, épanche avec des pleurs
 L'hymne mélodieux de ses nobles malheurs.
 Non; — mais, quand seule au bois votre douleur chemine,
 Avez-vous vu, là-bas, dans un fond, la chaumine
 Sous l'arbre mort; auprès, un ravin est creusé;
 Une fille en tout temps y lave un linge usé.
 Peut-être à votre vue elle a baissé la tête,
 Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est honnête.
 Elle eût pu, comme une autre, en de plus heureux jours
 S'épanouir au monde et fleurir aux amours;
 Voler en char; passer aux bals, aux promenades;
 Respirer au balcon parfums et sérénades;
 Ou, de sa harpe d'or éveillant cent rivaux,
 Ne voir rien qu'un sourire entre tant de bravos.
 Mais le ciel dès l'abord s'est obscurci sur elle,
 Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grêle;
 Elle file, elle coud, et garde à la maison
 Un rère vieux, aveugle et privé de raison.

Правда, что сию прелестную картину оканчивает он медицинским описанием чахотки; муза его харкает кровью:

. :une toux déchirante
 La prend dans sa chanson, pousse en sifflant un cri.
 Et lance les glapiers de son poumon meurtri.

Совершеннейшим стихотворением из всего собрания, по нашему мнению, можно почтить следующую элегию, достойную стать наряду с лучшими произведениями Андрея Шенье.

Toujours je la connus pensive et sérieuse;
 Enfant, dans les ébats de l'enfance joyeuse
 Elle se mêlait peu, parlait déjà raison;
 Et quand ses jeunes sœurs couraient sur le gazon,
 Elle était la première à leur rappeler l'heure,
 A dire qu'il fallait regagner la demeure;
 Qu'elle avait de la cloche entendu le signal;
 Qu'il était défendu d'approcher du canal,
 De troubler dans le bois la biche familière,

De passer en jouant trop près de la volière:
Et ses sœurs l'écoutaient. Bientôt elle eut quinze ans,
Et sa raison brilla d'attraits plus séduisants:
Sein voilé, front serein où le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrète au sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plaît cependant;
Une voix douce et ferme, et qui jamais ne tremble,
Et deux longs sourcils noirs qui se fondent ensemble,

Le devoir l'animait d'une grande ferveur;
Elle avait l'air posé, réfléchi, non rêveur:
Elle ne rêvait pas comme la jeune fille,
Qui de ses doigts distraits laisse tomber l'aiguille,
Et du bal de la veille au bal du lendemain
Pense au bel inconnu qui lui pressa la main.
Le coude à la fenêtre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre à travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son mouchoir.
Mais elle se disait qu'un avenir prospère
Avait changé soudain par la mort de son père;
Qu'elle était fille aînée, et que c'était raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce cœur jeune et sévère ignorait la puissance
Des ennuis dont soupire et s'émeut l'innocence.
Il réprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles charmants,
Et les désirs obscurs, et ces vagues délices,
De l'amour dans les cœurs naturelles complices.
Maîtresse d'elle-même aux instants les plus doux,
En embrassant sa mère elle lui disait *vous*,
Les galantes fadeurs, les propos pleins de zèle
Des jeunes gens oisifs étaient perdus chez elle;
Mais qu'un cœur éprouvé lui contât un chagrin,
A l'instant se voilait son visage serein:
Elle savait parler de maux, de vie amère,
Et donnait des conseils comme une jeune mère.
Aujourd'hui la voilà mère, épouse à son tour;
Mais c'est chez elle encor raison plutôt qu'amour.
Son paisible bonheur de respect se tempère;
Son époux déjà mûr serait pour elle un père;
Elle n'a pas connu l'oubli du premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont gardé le mystère
De ces chastes secrets qu'une femme doit taire.
Heureuse comme avant, à son nouveau devoir
Elle a réglé sa vie... Il est beau de la voir,
Libre de son ménage, un soir de la semaine,
Sans toilette, en été, qui sort et se promène
Et s'asseyait à l'abri du soleil étouffant,
Vers six heures, sur l'herbe, avec sa belle enfant.
Ainsi passent ses jours depuis le premier âge,
Comme des flots sans nom sous un ciel sans orage.
D'un cours lent, uniforme et pourtant solennel;

Car ils savent, qu'ils vont au rivage éternel.
 Et moi qui vois couleur cette humble destinée
 Au penchant du devoir doucement entraînée,
 Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux,
 Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
 Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
 Je songe à mes longs jours passés avec vitesse.
 Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir,
 Et je pense, ô mon Dieu! qu'il sera bientôt soir!

Публика и критики горевали о преждевременной кончине таланта, столь много обещавшего, как вдруг узнали, что покойник жив и, слава богу, здоров. Сент-Бёв, известный уже «Историей французской словесности в XVI столетии» и ученым изданием Ронсара, вздумал под вымышленным именем И. Делорма напечатать первые свои поэтические опыты, вероятно опасаясь нареканий и строгости нравственной цензуры. Мистификация, столь печальная, своею веселою развязкою должна была повредить успеху его стихотворений; однако ж новая школа с восторгом признала и присвоила себе нового собрата.

В «Мыслях» И. Делорма изложены его мнения касательно французского стихосложения. Критики хвалили верность, ученость и новизну сих замечаний. Нам показалось, что Делорм слишком много придает важности нововведениям так называемой *романтической* школы французских писателей, которые сами полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п. Всё это хорошо; но слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества. Нет сомнения, что стихосложение французское самое своеправное и, смею сказать, неосновательное. Чем, например, оправдаете вы исключение *гиатуса* (hiatus), который французским ушам так нестерпим в соединении двух слов (как: *a été, où aller*) и которого они же ищут для гармонии собственных имен: *Zaïre, Aglaë, Eléonore*. Заметим мимоходом, что законом о *гиатусе* одолжены французы латинскому *элизиуму*. По свойству латинского стихосложения слово, кончащееся на гласную, теряет ее перед другою гласною.

Буало заменил сие правило законом об гиатусе:

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée.
 Ne soit en son chemin par une autre heurtée¹.

¹ Остерегайтесь, как бы в слишком поспешном беге гласная не столкнулась на своем пути с другою (*франц.*).

Во-вторых: как можно вечно рифмовать для глаза, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться в числе (единственном или множественном), когда произношение в том и в другом одинаково? Однако ж нововводители всего этого еще не коснулись; покушения же их едва ли счастливы.

В прошлом году Сент-Бёв выдал еще том стихотворений, под заглавием «Les Consolations»¹. В них Делорм является исправленным советами приятелей, людей степенных и нравственных. Уже он не отвергает отчаянно утешений религии, но только тихо сомневается; уже он не ходит к Розе, но признается иногда в порочных вожделениях. Слог его также перебесился. Словом сказать, и вкус и нравственность должны быть им довольны. Можно даже надеяться, что в третьем своем томе Делорм явится набожным, как Ламартин, и совершенно порядочным человеком.

К несчастью должны мы признаться, что, радуясь перемене человека, мы сожалеем о поэте. Бедный Делорм обладал свойством чрезвычайно важным, не достающим почти всем французским поэтам новейшего поколения, свойством, без которого нет истинной поэзии, т. е. *искренности вдохновения*. Ныне французский поэт систематически сказал себе: *soyons religieux, soyons politiques*, а иной даже: *soyons extravagants*², и холод предначертания, натяжка, принужденность отзываются во всяком его творении, где никогда не видим движения минутного, вольного чувства, словом: где нет истинного вдохновения. Сохрани нас боже быть поборниками безнравственности в поэзии (разумею слово сие не в детском смысле, в коем употребляют его у нас некоторые журналисты)! Поэзия, которая по своему высшему, свободному свойству не должна иметь никакой цели, кроме самой себя, колыми паче не должна унижаться до того, чтоб силою слова потрясать вечные истины, на которых основаны счастье и величие человеческое, или превращать свой божественный нектар в любострастный, воспалительный состав. Но описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так, как анатомия не есть убийство; и мы не видим безнравственности в элегиях несчастного Делорма, в признаниях, раздирающих сердце, в стесненном описании его страстей и безверия, в его жалобах на судьбу, на самого себя.

¹ «Утешения» (франц.).

² будем религиозными, будем политиками... будем сумасбродами (франц.).

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ, ИЛИ ОПРАВДАНЫЙ АЛЕКСАНДР АНФИМОВИЧ ОРЛОВ

In arenam cum aequalibus descendi
Cic.¹

Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича; Н. И. поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича *ловким своим товарищем*. Ф. В. посвятил Николаю Ивановичу своего «Димитрия Самозванца»; Н. И. посвятил Фаддею Венедиктовичу свою «Поездку в Германию». Ф. В. написал для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловие²; Н. И. в «Северной пчеле» (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об «Иване Выжигине». Единодушные истинно трогательное! — Ныне Николай Иванович, почитая Фаддея Венедиктовича оскорбленным в статье, напечатанной в № 9 «Телескопа», заступился за своего товарища со свойственным ему прямодушием и горячностью. Он напечатал в «Сыне отечества» (№ 27) статью, которая, конечно, заставит молчать дерзких противников Фаддея Венедиктовича; ибо Николай Иванович доказал неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищев-Кутузов возведен в княжеское достоинство в июне 1812 г. (стр. 64).

2) Что не сражение, а план сражения составляет тайну главнокомандующего (стр. 65).

3) Что священник выходит навстречу подступающему неприятелю с крестом и святою водою (стр. 65).

4) Что секретарь выходит из дому в статском изношенном мундире, в треугольной шляпе, со шпагою, в белом изношенном исподнем платье (стр. 65).

5) Что пословица *vox populi — vox dei*³ есть пословица латинская, и что она есть истинная причина французской революции (стр. 65).

¹ Я вышел на арену вместе с равным мне. Цицерон (лат.).

² Смотри «Грамматику» Греча, напечатанную в типографии Греча. (Прим. А. С. Пушкина.)

³ голос народа — голос божий (лат.).

6) Что Иван Выжигин не есть произведение образцовое, но, *относительно*, явление приятное и полезное (стр. 62).

7) Что Фаддей Венедиктович живет в своей деревне близ Дерпта и просил его (Николая Ивановича) не посылать к нему вздоров (стр. 68).

И что следственно: *Ф. В. Булгарин своими талантами и трудами приносит честь своим согражданам*: что и доказать надлежало.

Против этого нечего и говорить; мы первые громко одобряем Николая Ивановича за его откровенное и победоносное возражение, приносящее столько же чести его логике, как и горячности чувствований.

Но дружба (сие священное чувство) слишком далеко увлекла пламенную душу Николая Ивановича, и с его пера сорвались нижеследующие строки:

— *«Там (в № 9 «Телескопа») взяли две глупейшие вышедшие в Москве (да, в Москве) книжонки, сочиненные каким-то А. Орловым».*

О Николай Иванович, Николай Иванович! какой пример подаете вы молодым литераторам? какие выражения употребляете вы в статье, начинающейся сими строгими словами: *«У нас издавна, и по справедливости, жалуются на цинизм, невежество и недобросовестность рецензентов»?* Куда девалась ваша умеренность, знание приличия, ваша известная добросовестность? Перечтите, Николай Иванович, перечтите сии немногие строки — и вы сами, с прискорбием, сознаетесь в своей необдуманности!

«Две глупейшие книжонки!.. какой-то А. Орлов!..» Шлюсь на всю почтенную публику: какой критик, какой журналист решился бы употребить сии неприятные выражения, говоря о произведениях живого автора? ибо, слава богу: почтенный мой друг Александр Анфимович Орлов — жив! Он жив, несмотря на зависть и злобу журналистов; он жив, к радости книгопродавцев, к утешению многочисленных его читателей!

— *«Две глупейшие книжонки!..»* Произведения Александра Анфимовича, разделяющего с Фаддеем Венедиктовичем любовь российской публики, названы *глупейшими книжонками!* — Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга — (ибо и он живет в своей деревне, близ Сокольников; и он просил меня не посылать к нему всякого вздору); но оскорбительная для всей читающей публики¹.

— *«Глупейшие книжонки!»* Но чем докажете вы сию глуп-

¹ См. разбор «Денницы» в «Сыне отечества». (Прим. А. С. Пушкина.)

пость? Знаете ли вы, Николай Иванович, что более 5000 экземпляров сих *глупейших книжонок* разошлись и находятся в руках читающей публики, что «Выжигины» г. Орлова пользуются благосклонностию публики наравне с «Выжигиными» г. Булгарина; а что образованный класс читателей, которые гнушаются теми и другими, не может и не должен судить о книгах, которых не читает?

Скрепя сердце, продолжаю свой разбор.

— «*Две глупейшие (глупейшие!), вышедшие в Москве (да, в Москве) книжонки*»...

В Москве, да, в Москве!.. Что же тут предосудительного? К чему такая выходка противу первопрестольного града?.. Не в первый раз заметили мы сию странную ненависть к Москве в издателях «Сына отечества» и «Северной пчелы». Больно для русского сердца слушать таковые отзывы о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 году от поляков, а в 1812 году от всякого сброду.

Москва донныне центр нашего просвещения: в Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих *ubi bene, ibi patria*¹, для коих всё равно: бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить всё русское — были бы только сыты.

Чем возгордилась петербургская литература?.. Г-ном Булгариным?.. Согласен, что сей великий писатель, равно почтенный и дарованиями и характером, заслужил бессмертную себе славу; но произведения г. Орлова ставят московского романиста если не выше, то, по крайней мере, наравне с петербургским его соперником. Несмотря на несогласие, царствующее между Фаддеем Венедиктовичем и Александром Анфимовичем, несмотря на справедливое негодование, возбужденное во мне неосторожными строками «Сына отечества», постараемся сравнить между собою сии два блистательные солнца нашей словесности.

Фаддей Венедиктович превышает Александра Анфимовича пленительною щеголеватостию выражений; Александр Анфимович берет преимущество над Фаддеем Венедиктовичем живостию и острою рассказа.

Романы Фаддея Венедиктовича более обдуманы, доказывают большее терпение² в авторе (и требуют еще большего

¹ где хорошо, там и родина (*лат.*).

² «Гений есть терпение в высочайшей степени», — сказал известный Бюфон. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

терпения в читателе); повести Александра Анфимовича более кратки, но более замысловаты и заманчивы.

Фаддей Венедиктович более философ; Александр Анфимович более поэт.

Фаддей Венедиктович гений; ибо избрал имя *Выжигина* и сим смелым нововведением оживил пошлые подражания «Совестдралу» и «Английскому милорду»; Александр Анфимович искусно воспользовался изобретением г. Булгарина и извлек из одного бесконечно разнообразные эффекты!

Фаддей Венедиктович, кажется нам, немного однообразен; ибо все его произведения не что иное, как «Выжигин» в различных изменениях: «Иван Выжигин», «Петр Выжигин», «Димитрий Самозванец, или Выжигин XVII столетия», собственные записки и нравственные статейки — всё сбивается на тот же самый предмет. Александр Анфимович удивительно разнообразен! сверх несметного числа «Выжигиных», сколько цветов рассыпал он на поле словесности! «Встреча Чумы с Холерою», «Сокол был бы сокол, да курица его съела, или Бежавшая жена»; «Живые обмороки», «Погребение купца» и проч. и проч.

Однако же беспристрастие требует, чтоб мы указали сторону, с коей Фаддей Венедиктович берет неоспоримое преимущество над своим счастливым соперником: разумею нравственную цель его сочинений. В самом деле, любезные слушатели, что может быть нравственнее сочинений г. Булгарина? Из них мы ясно узнаем: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под. Г-н Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него Ножевым, взяточник — Взяткиным, дурак — Глаздуриным и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова Хлопоухиным, Димитрия Самозванца Каторжниковым, а Марину Мнишек княжною Шлюхиной; зато и лица сии представлены несколько бледно.

В сем отношении г. Орлов решительно уступает г. Булгарину. Впрочем, самые пламенные почитатели Фаддея Венедиктовича признают в нем некоторую скуку, искупленную назидательностию; а самые ревностные поклонники Александра Анфимовича осуждают в нем иногда необдуманность, взвняемую, однако ж, порывами гения.

Со всем тем Александр Анфимович пользуется гораздо меньшею славою, нежели Фаддей Венедиктович. Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Фаддея Венедиктовича, ловкого товарища Николая Ивановича! «Иван

Выжигин» существовал еще только в воображении почтенного автора, а уже в «Северном архиве», «Северной пчеле» и «Сыне отечества» отзывались об нем с величайшею похвалою. Г-н Ансело в своем путешествии, возбудившем в Париже общее внимание, провозгласил сего еще не существовавшего «Ивана Выжигина» лучшим из русских романов. Наконец «Иван Выжигин» явился; и «Сын отечества», «Северный архив» и «Северная пчела» превознесли его до небес. Все кинулись его читать; многие прочли до конца; а между тем похвалы ему не умолкали в каждом номере «Северного архива», «Сына отечества» и «Северной пчелы». Сии усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали ленивых читателей; угрожали мезью недоброжелателям, не дочитавшим «Ивана Выжигина» из единой низкой зависти.

Между тем какие вспомогательные средства употреблял Александр Анфимович Орлов?

Никаких, любезные читатели!

Он не задавал обедов иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках.

Он не хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых.

Он не заманивал унижительными ласкательствами и пышными обещаниями подписчиков и покупателей.

Он не шарлатанил газетными объявлениями, писанными слогом афиш собачьей комедии.

Он не отвечал ни на одну критику; он не называл своих противников дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но — обезоружил ли тем он многочисленных врагов? Нимало. Вот как отзывались о нем его собратья:

«Автор вышеисчисленных творений сильно штурмует нашу бедную русскую литературу и хочет разрушить русский Парнас не бомбами, но каркасами, при помощи услужливых издателей, которые щедро платят за каждый манускрипт знаменитого сего творца по двадцати рублей ходячею монетою, как уверяли нас знающие дело книгопродавцы. Автор есть муж — *из ученых*, как видно по латинским фразам, которыми испещрены его творения, а сущность их доказывает, что он, как сказано в «Недоросле», «убоясь бездны премудрости, вспять обратился». Знаменитое лубочное произведение: «Мыши kota хоронят, или Небылицы в лицах», есть Илиада в сравнении с творениями г. Орлова, а «Бова Королевич» — герой, до которого не возвысился еще почтенный автор... Дер-

жавин есть у нас *Альфа*, а г. Орлов *Омега* в литературе, то есть последнее звено в цепи литературных существ, и потому заслуживает внимание, как всё необыкновенное...¹ Язык его, изложение и завязка могут сравняться только с отвратительными картинами, которыми наполнены сии чада безвкусыя, и с смелостью автора. Никогда в Петербурге подобные творения не увидели бы света, и ни один из петербургских уличных разносчиков книг (не говорим о книгопродавцах) не взялся бы их издавать. По какому праву г. Орлов вздумал наречь своих холопей: хлыновских степняков, Игната и Сидора, детьми Ивана Выжигина, и еще в то самое время, когда автор Выжигина издает другой роман под тем же названием?.. Никогда такие омерзительные картины не появлялись на русском языке. Да здравствует московское книгопечатание!» («Сев. пч.», 1831, № 46).

Какая злонамеренная и несправедливая критика! Мы заметили уже неприличие нападений на Москву; но в чем упрекают здесь почтенного Александра Анфимовича?.. В том, что за каждое его сочинение книгопродавцы платят ему по 20 рублей? что же? бескорыстному сердцу моего друга приятно думать, что, получив 20 рублей, доставил он другому 2000 выгоды²; между тем как некоторый петербургский литератор, взяв за свою рукопись 30000, заставил охать погорячившегося книгопродавца!!!

Ставят ему в грех, что он знает латинский язык. Конечно: доказано, что Фаддей Венедиктович (издавший Горация с чужими примечаниями) не знает по-латыни; но ужели сему незнанию обязан он своею бессмертною славою?

Уверяют, что г. Орлов *из ученых*. Конечно: доказано, что г. Булгарин вовсе не учен, но опять повторяю: разве невежество есть достоинство столь завидное?

Этого недовольно: грозно требуют ответа от моего друга: как дерзнул он присвоить своим лицам имя, освященное самим Фаддеем Венедиктовичем? — Но разве А. С. Пушкин не дерзнул вывести в своем «Борисе Годунове» все лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими местами в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?

Смело ссылают на совесть самих издателей «Северной пчелы»: справедливы ли сии критики? виноват ли Александр Анфимович Орлов?

¹ Важное сознание! прошу прислушать! (Прим. А. С. Пушкина.)

² Историческая истина! (Прим. А. С. Пушкина.)

Но еще смелее ссылаюсь на почтенного Николая Ивановича: не чувствует ли он глубокого раскаяния, оскорбив напрасно человека с столь отличным дарованием, *не состоящего с ним ни в каких сношениях, вовсе его не знающего и не писавшего о нем ничего дурного?*¹

Феофилакт Косичкин.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИЗИНЦЕ г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМ

Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов, которые, публично друг друга обругав, обнимаются потом всенародно, как *Пролаз с Высоносом*, говоря в похвальбу себе и в утешение:

Ведь, кажется, у нас по полной оплеухе.

Нет: рассердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, как истощив весь запас оскорбительных примечаний, обиняков, заграничных анекдотов и тому подобного. Для поддержания же себя в сем суровом расположении духа перечитываю я тщательно мною переписанные в особую тетрадь статьи, подавшие мне повод к таковому ожесточению. Таким образом, пересматривая на днях антикритику, подавшую мне случай заступиться за почтенного друга моего А. А. Орлова, попал я на следующее место:

— *«Я решился на сии (на оправдание г. Булгарина) — не для того, чтоб оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов»* (см. № 27 «Сына отечества», издаваемого гг. Гречем и Булгариным).

Изумился я, каким образом мог я пропустить без внимания сии красноречивые, но необдуманые строки! Я стал по пальцам пересчитывать всевозможных рецензентов, у коих менее ума в голове, нежели у г. Булгарина в *мизинце*, и теперь догадываюсь, кому Николай Иванович думал погрозить мизинчиком Фаддея Венедиктовича.

¹ «Сын отечества», № 27, стр. 60. (Прим. А. С. Пушкина.)

В самом деле, к кому может отнестись это затейливое выражение? Кто наши записные рецензенты?

Вы, г. издатель «Телескопа»? Вероятно, мстительный *мизинчик* указывает и на вас: предоставляю вам самим вступить за свою голову¹. Но кто же другие?

Г-н Полевой? Но несмотря на прежние раздоры, на письма Бригадирши, на насмешки славного Грипусье, на недавнее прозвище Верхогляда и проч. и проч., *всей Европе известно*, что «Телеграф» состоит в добром согласии с «Северной пчелой» и «Сыном отечества»: *мизинчик* касается не его.

Г-н Воейков? Но сей замечательный литератор рецензиями мало занимается, а известен более изданием Хамелеонистики, остроумного сбора статей, в коих выводятся, так сказать, на чистую воду некоторые, так сказать, литературные плутни. Ловкие издатели «Северной пчелы» уж верно не станут, как говорится, класть ему пальца в рот, хотя бы сей палец был и знаменитый, вышеупомянутый *мизинчик*.

Г-н Сомов? Но, кажется, «Литературная газета», совершив свой единственный подвиг — совершенное уничтожение (литературной) славы г. Булгарина, — почует на своих лаврах и г. Греч, вероятно, не станет тревожить сего счастливого усыпления, щекотя газету проказливым *мизинчиком*.

Кого же оцарапал сей мизинец? Кто сии рецензенты, у коих — и так далее? Просвещенный читатель уже догадался, что дело идет обо мне, о Феофилакте Косичкине.

Всему свету известно, что никто постояннее моего не следовал за исполинским ходом нашего века. Скольких глубоких и блистательных творений по части политики, точных наук и чистой литературы вышло у нас из печати в течение последнего десятилетия (шагнувшего так далеко вперед) и обратило на себя справедливое внимание завидующей нам Европы! Ни одного из таковых явлений не пропустил я из виду; обо всяком, как известно, написал я по одной статье, отличающейся ученостию, глубокомыслием и остроумием. Если долг беспристрастия требовал, чтоб я указывал иногда на недостатки разбираемого мною сочинения, то может ли кто-нибудь из гг. русских авторов жаловаться на заносчивость или невежество Феофилакта Косичкина? Может быть, по примеру г. Полевого я слишком лестно отзываюсь о самом себе; я мог бы говорить в третьем лице и попросить моего друга подписать имя свое под сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь

¹ До мизинцев ли мне? — *Изд.*

такowymi уловками, и гг. русские журналисты, вероятно, не укорят меня в шарлатанстве.

И что ж! Г-н Греч в журнале, с жадностью читаемом во всей просвещенной Европе, дает понимать, будто бы в мизинце его товарища более ума и таланта, чем в голове моей! Отзыв слишком для меня оскорбительный! Полагаю себя в праве объявить *во услышание всей Европы*, что я ничьих мизинцев не убоюсь; ибо, не входя в рассмотрение голов, уверяю, что пальцы мои (каждый особо и все пять в совокупности) готовы воздать сторицею кому бы то ни было. Dixi!¹

Взявшись за перо, я не имел, однако ж, целию объявить о сем почтеннейшей публике; подобно нашим писателям-аристократам (разумею слово сие в его ироническом смысле), я никогда не отвечал на журнальные критики: дружба, оскорбленная дружба призывает опять меня на помощь угнетенного дарования.

Признаюсь: после статьи, в которой так торжественно оправдал и защитил я А. А. Орлова (статья, принятой московскою и петербургскою публикою с отличной благосклонностию), не ожидал я, чтоб «Северная пчела» возобновила свои нападения на благородного друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сии нападения уже гораздо слабее прежних, но я не умолкну, доколе не принужу к совершенному безмолвию ожесточенных гонителей моего друга и непочтительного «Сына отечества», издевающегося над нашей древнею Москвою.

«Северная пчела» (№ 201), объявляя о выходе нового «Выжигина», говорит: «Заглавие сего романа заставило нас подумать, что это одно из многочисленных подражаний произведениям нашего *блаженного г. А. Орлова*, знаменитого автора... Притом же всякое произведение московской литературы, носящее на себе печать изделия книгопродавцев *пятнадцатого класса*... приводит нас в невольный трепет». — «*Блаженный г. Орлов*»... Что значит *блаженный Орлов*? О! конечно: если блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; в честном и благородном труде, в смиренном развитии дарования, данного от бога, — то добрый и небогатый Орлов блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодяя, ни известности шарлатана!!! Если же слово *блаженный* употреблено в смысле, коего здесь изъяснять не стану, то удивляюсь

¹ Я кончил! (лат.).

охоте некоторых людей, старающихся представить смешными вещи, вовсе не смешные, и которые даже не могут извинять неприличия мысли остроумием или веселостью оборота.

Насмешки над книгопродавцами пятнадцатого класса обличают аристократию чиновных издателей, некогда осмеянную так называемыми аристократическими нашими писателями. Повторим истину, столь же неоспоримую, как и нравственные размышления г. Булгарина: «чины не дают ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарования задорному мараке. Фильдинг и Лабрюер не были ни статскими советниками, ни даже коллежскими асессорами. Разночинцы, вышедшие в дворянство, могут быть почтенными писателями, если только они люди с дарованием, образованностью и добросовестностью, а не фигляры и не наглецы».

Надеюсь, что сей умеренный мой отзыв будет последним и что почтенные издатели «Северной пчелы», «Сына отечества» и «Северного архива» не вызовут меня снова на поприще, на котором являюсь редко, но не без успеха, как изволите видеть. Я человек миролюбивый, но всегда готов заступиться за моего друга; я не похожу на того китайского журналиста, который, потакая своему товарищу и в глаза выхваляя его бредни, говорит на ухо всякому: «Этот пачкун и мерзавец ссорит меня со всеми порядочными людьми, марают меня своим товариществом; но что делать? он человек деловой и расторопный!»

Между тем полагаю себя в праве объявить о существовании романа, коего заглавие прилагаю здесь. Он поступит в печать или останется в рукописи, *смотря по обстоятельствам.*

НАСТОЯЩИЙ ВЫЖИГИН

Историко-нравственно-сатирический роман XIX века

С о д е р ж а н и е

Г л а в а I. Рождение Выжигина в кудлашкиной конуре. Воспитание ради Христа. Г л а в а II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон. Г л а в а III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться! Г л а в а IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство. Г л а в а V. Ubi bene, ibi patria¹. Г л а в а VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву. Г л а в а VII. Выжигин перебегает. Г л а в а VIII. Выжи-

¹ Где хорошо, там и родина (*лат.*).

гин без куска хлеба. Выжигин ябедник. Выжигин торгаш. Глава IX. Выжигин игрок. Выжигин и отставной квартальный. Глава X. Встреча Выжигина с Высухиным. Глава XI. Веселая компания. Курьезный куплет и письмо-аноним к знатной особе. Глава XII. Танта. Выжигин попадает в дураки. Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бедный племянничек! Ай да дядюшка! Глава XIV. Господин и госпожа Выжигины покупают на трудовые денежки деревню и с благодарностью объявляют о том почтенной публике. Глава XV. Семейственные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы. Глава XVI. Видок, или Маску долой! Глава XVII. Выжигин раскаивается и делается порядочным человеком. Глава XVIII и последняя. Мышь в сыре.

Ф. Косичкин.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИБАВЛЕНИЙ К РУССКОМУ ИНВАЛИДУ»

Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов. Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на *неприличие* его выражений, на *дурной тон* и проч. Пора, пора нам осмеять *les précieuses ridicules*¹ нашей словесности, людей, толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и всё это слогом камердинера профессора Тредьяковского.

¹ жеманниц (франц.).

«ПУТЕШЕСТВИЕ К СВ. МЕСТАМ» А. Н. МУРАВЬЕВА

В 1829 году внимание Европы было обращено на Адрианополь, где решалась судьба Греции, целые 8 лет занимавшей помышления всего просвещенного мира. Греция оживала, могущественная помощь Севера возвращала ей независимость и самобытность.

Во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя, один молодой поэт думал о ключах св. храма, о Иерусалиме, ныне забытом христианскою Европою для суетных развалин Парфенона и Ликея. Ему представилась возможность исполнить давнее желание сердца, любимую мечту отрочества. Г-н Муравьев через генерала Дибича получил дозволение посетить св. места — и к ним отправился через Константинополь и Александрию. Ныне издал он свои путевые записки.

С умилением и невольной завистью прочли мы книгу г. Муравьева. «Здесь, у подошвы Сиона,— говорит другой русский путешественник,— всяк христианин, всяк верующий, кто только сохранил жар в сердце и любовь к великому». Но молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил св. места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя.— Он *traverse*¹ Грецию, *gréoscuré*² одною великою мыслию, он не старается, как Шатобриан, воспользоваться противоположною мифологией Библии и Одиссеи. Он не останавливается, он спешит, он беседует с странным преобразователем Египта, проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Иерусалим...

¹ пересек (франц.).

² исполненный (франц.).

О САЛЬЕРИ

В первое представление «Дон Жуана», в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист — все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы, в бешенстве, снедаемый завистью.

Сальери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать «Дон Жуана», мог отравить его творца.

НАЧАЛО СТАТЬИ О В. ГЮГО

Всем известно, что французы народ самый антипоэтический. Лучшие писатели их, славнейшие представители сего остроумного и положительного народа, Montaigne, Voltaire, Montesquieu, Лагарп и сам Руссо, доказали, сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно.

Если обратим внимание на критические результаты, обращающиеся в народе и принятые за литературные аксиомы, то мы изумимся их ничтожности или несправедливости. Корнель и Вольтер, как трагики, почитаются у них равными Расину; Ж.-Б. Руссо доныне сохранил прозвище *великого*. Первым их лирическим поэтом почитается теперь несносный Беранже, слагатель натянутых и манерных песенок, не имеющих ничего страстного, вдохновенного, а в веселости и остроумии далеко отставших от прелестных шалостей Коле. Не знаю, признались ли наконец они в тощем и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром. «Cing Mars», посредственный роман графа де Виньи, равняют с великими созданиями Вальтера Скотта. Разумеется, что их гонения столь же несправедливы, как и любовь. Между молодыми талантами нынешнего времени Сен-Бёв менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый замечательный.

Стихотворения его, конечно, очень оригинальны и, что важнее, исполнены искреннего вдохновения. В «Литературной газете» упомянули о них с похвалой, которая показалась

преувеличена. Ныне V. Hugo, поэт и человек с истинным дарованием, взялся оправдать мнения петербургского журнала; он издал под заглавием «Les Feuilles d'automne»¹ том стихотворений, очевидно писанных в подражание книги Сент-Бёва «Les Consolations»².

СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ В СТИХАХ ПАВЛА КАТЕНИНА

На днях вышли в свет «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина».

Издатель (г. Бахтин) в начале предисловия, весьма замечательного, упомянул о том, что П. А. Катенин, почти при вступлении на поприще словесности, был встречен самыми несправедливыми и самыми неумеренными критиками.

Нам кажется, что г. Катенин (так, как и все наши писатели вообще) скорее мог бы жаловаться на безмолвие критики, чем на ее строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по-настоящему, еще у нас не существует: несправедливо было бы нам и требовать оной. У нас и литература едва ли существует; а на нет суда нет, говорит неоспоримая пословица. Если публика может довольствоваться тем, что называют у нас критикою, то это доказывает только, что мы еще не имеем нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикою сочинениям г. Катенина, то во всех отношениях она делает ему честь: во-первых, она доказывает отвращение поэта от мелочных способов добывать успехи, а во-вторых, и его самостоятельность. Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно. Он даже до того простер сию гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастие толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающего за собою других. Таким образом, быв один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся

¹ «Осенние листья» (франц.).

² «Утешения» (франц.).

от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования.

Первым замечательным произведением г-на Катенина был перевод славной Биргеровой «Леноры». Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из нее то же, что Байрон в своем «Манфреде» сделал из «Фауста»: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и вздумал показать нам «Ленору» в энергической красоте ее первобытного создания; он написал «Ольгу». Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*, сия виселица вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым. После «Ольги» явился «Убийца», лучшая, может быть, из баллад Катенина. Впечатление, им произведенное, было и того хуже: убийца, в припадке сумасшествия, бранил месяц, свидетеля его злодеяния, *плешивым!* Читатели, воспитанные на Флориане и Парни, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первые неудачи Катенина; они имели влияние и на следующие его произведения. На театре имел он решительные успехи. От времени до времени в журналах и альманахах появлялись его стихотворения, коим наконец начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно. Между ими отличаются «Мстислав Мстиславич», стихотворение, исполненное огня и движения, и «Старая бэль», где столько простодушия и истинной поэзии.

В книге, ныне изданной, просвещенные читатели заметят *идиллию*, где с такою прелестною верностию постигнута буколическая природа, не геснеровская, чопорная и манерная, но древняя, простая, широкая, свободная; меланхолическую *элегию*, мастерской перевод трех песен из *Inferno*¹ и собрание романсов о Сиде, сию протонародную хронику, столь любопытную и поэтическую. Знатоки отдадут справедливость ученой отделке и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г-на Катенина, слишком пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

14 марта 1833

¹ Ад (итал.).

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

Шоссе

Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября в десять часов утра выехал из Тверской заставы.

Катясь по гладкому шоссе, в спокойном экипаже, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонах, ни о лошадях, я вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург, по старой дороге. Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагоприятно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый. Мои приятели смеялись над моей изнеженностью, но я не имею и притязаний на фельдьегерское геройство и, по зимнему пути возвратясь в Москву, с той поры уже никуда не выезжал.

Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились. Например: дерн есть уже природная мостовая; зачем его сдирать и заменять наносной землей, которая при первом дожде обращается в слякоть? Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам. Возьмите первого мужика, хотя крошечку смышленного, и заставьте его провести новую дорогу: он начнет, вероятно, с того, что пророем два параллельные рва для стечения дождевой воды. Лет 40 тому назад один воевода, вместо рвов, поделал парапеты, так что дороги сделались ящиками для грязи. Летом дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ездить по пашням и полям, потому что экипажи вязнут и тонут на большой дороге, между тем как пешеходы, гуляя по парапетам, благословляют память мудрого воеводы. Таких воевод на Руси весьма довольно.

Великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра; дилижансы учреждены обществом ча-

стных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться.

Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно.

Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины, я хотел запастись книгою, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из Английского клоба или собираясь на бал, покажется вам занимательна, как арабская сказка, если попадетсЯ вам в каземате или в поспешном дилижансе. Скажу более: в таких случаях чем книга скучнее, тем она предпочтительнее. Книгу занимательную вы проглотите слишком скоро, она слишком врежется в вашу память и воображение; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротив, читается с расстановкою, с отдохновением — оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания etc. Книга скучная представляет более развлечения. Понятие о скуке весьма относительное. Книга скучная может быть очень хороша; не говорю об книгах ученых, но и об книгах, писанных с целию просто литературною. Многие читатели согласятся со мною, что «Клариса» очень утомительна и скучна, но со всем тем роман Ричардсонов имеет необыкновенное достоинство.

Вот на что хороши путешествия.

Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю* *, коего библиотекою привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман, утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга очень любопытна в отношении участи ее в публике; но я его благодарил, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирических романов. «Постой, — сказал мне * *, — есть у меня для тебя книжка». С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михайла Хераскова книгу, по-видимому изданную в конце прошлого столетия. «Прошу беречь ее, — сказал он таинственным голосом. — Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность». Я раскрыл ее

и прочел заглавие. «Путешествие из Петербурга в Москву». С. П. Б. 1790 году.

С эпиграфом:

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй.

Тилемахида. Кн. XVIII, ст. 514.

Книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика.

Я искренно благодарил* * и взял с собою «Путешествие». Содержание его всем известно. Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка. В Черной Гязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург.

Москва

Москва! Москва!..— восклицает Радищев на последней странице своей книги и бросает желчью напитанное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной. Вот уж Всесвятское... Он прощается с утомленным читателем; он просит своего спутника подождать его у околицы; на возвратном пути он примется опять за свои горькие полуистины, за свои дерзкие мечтания. Теперь ему некогда: он скачет успокоиться в семье родных, позабыться в вихре московских забав. До свидания, читатель! Ямщик, погоняй! Москва! Москва!..

Многое переменилось со времен Радищева: ныне, покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург, я заранее встревожен при мысли переменить мой тихий образ жизни на вихрь и шум, ожидающий меня; голова моя заранее кружится...

Fuit Troja, fuimus Trojani¹ Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству; некогда

¹ Была некогда Троя, были мы троянцы (*лат.*).

Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое изо всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками; московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким) вошли в пословицу. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину Рощу в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы. Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудачки и проказники — всё исчезло: остались одни невесты, к которым нельзя, по крайней мере, применить грубую пословицу «vieilles comme les rues»¹: московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц, всё еще *цветущих розами!* Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками. Подмосковные деревни также пусты и печальны. Роговая музыка не гремит в рощах Свирлова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травой, а бывало уставленных миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленной после последнего представления французской комедии. Барский дом

¹ «стары как улицы» (франц.).

дряхлеет. Во флигеле живет немец управитель и хлопочет о проволочном заводе. Обеды даются уже не хлебосолами старинного покроя, в день хозяйских именин или в угоду веселых обжор, в честь вельможи, удалившегося от двора, но обществом игроков, задумавших обобрать наверное юношу, вышедшего из-под опеки, или саратовского откупщика. Московские балы... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом... Кавалеры набраны кое-где — и что за кавалеры! «Горе от ума» есть уже картина обветшалая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад* — и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлестова — в могиле; Репетилов — в деревне. Бедная Москва!.. Петр I не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков. Он оставил Кремль, где ему было не душно, но тесно; и на дальнем берегу Балтийского моря искал досуга, простора и свободы для своей мощной и беспокойной деятельности. После него, когда старая наша аристократия возымела свою прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургом его недавние права.

Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом. Но обеднение Москвы доказывает и другое: обеднение русского дворянства, происшедшее *частию* от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, *частию* от других причин, о которых успеем еще потолковать.

Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова.

Литераторы петербургские по большей части не литерато-

ры, но предприимчивые и смышленные литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы. Московский журнализм убьет журнализм петербургский.

Московская критика с честью отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с лучшими статьями английских *Reviews*¹, между тем как петербургские журналы судят о литературе, как о музыке; о музыке, как о политической экономии, т. е. набум и как-нибудь, иногда впадет и остроумно, но большею частью неосновательно и поверхностно.

Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!

Кстати: я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости.

Ломоносов

В конце книги своей Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе *росского Пиндара*. Достоин замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властью, на которую напал с такой безумной дерзостью. Он более тридцати страниц наполнил пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтоб в конце своего слова поместить следующие мятежные строки:

Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский недостоин разве напоминения, что мог токмо сказать, как можно размножить науки? Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всеилие для того, что не могли избавить человечества из оков

¹ Обозрений (*англ.*).

и пленения? И мы не почтем Ломоносова, для того, что *не разумел правил позорищного стихотворения и томился в эпосе, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда пронизателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей.*

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное, как исправный чиновник, и не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полуславенская, полулатинская, сделалась было необходимостью: к счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова. В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокаторжественный день тезоименитства и проч. С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, *об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмичестве, не думает!*.. Зато с каким жаром говорит он о науках, о просвещении! Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и пр.

Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове, как следующий рапорт, поданный им Шувалову, о своих упражнениях с 1751 года по 1757:

По ордеру вашего сиятельства велено всем академическим профессорам и адъюнктам, чтобы рапортовали вашему сиятельству о своих трудах и упражнениях в науках с 1751 года поныне. В силу оного рапортую, что с того времени до нынешнего числа по моей профессии и в других науках я учинил погодно.

В 1751 году.

В *химии*. 1) Произведены многие опыты химические, по большей части огнем, для исследования природы цветов, что значит того ж году журнал лаборатории на 12 листах и другие записки. 2) Говорил сочиненную свою речь

о пользе химии на российском языке. 3) Вымыслил некоторые новые инструменты для физической химии.

В *физике*. 1) Делал опыты в большие морозы для изыскания: какую пропорцию воздух сжимается и расширяется по всем градусам термометра. 2) Летом деланы опыты зажигательным стеклом и термометром, коль высоко втекает ртуть в разных расстояниях от зажигательной точки. 3) Сделаны опыты, как разделять олово от свинца одним плавлением, без всяких посторонних материй простою механикою, что изрядный успех имеет и весьма дешево становится.

В *истории*. Читал книги для собрания материй к сочинению российской истории: Нестора, законы Ярослави, Большой летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные эсцерпты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи, на 15 листах.

В *словесных науках*. 1) Сочинил трагедию, «Демофонт» называемую. 2) Сочинял стихи на иллюминации. 3) Собранные прежде сего материи к сочинению грамматики зачал приводить в порядок. Давал приватные лекции студентам в российском стихотворстве; а особливо Поповскому, который ныне профессором. 4) Диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги красноречия — о стихотворстве вообще.

В 1752 году.

В *химии*. 1) Деланы многие химические опыты для теории цветов, о чем явствует в журнале сего года на 25 листах. 2) Показывал студентам химические опыты тем курсом, как сам учился у Генкеля. 3) Для ясного понятия и краткого познания всей химии диктовал студентам и толковал сочиненные мною в физической химии пролегомены на латинском языке, которые содержатся на 13 листах в 150 параграфах, со многими фигурами на шести полулистах. 4) Изыскал способы и практикою доказал, как составлять мусию. 5) По канцелярскому указу обучал составлению разноцветных стекол присланного из канцелярии строений ученика Дружинина для здешних стеклянных заводов.

В *физике*. 1) Чинил электрические воздушные наблюдения с немалую опасностью. 2) Зимой повторял опыты о разном протяжении воздуха по градусам термометра.

В *истории*. Для собрания материалов к российской истории читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных эсцерптов нужных на 5 листах в 161 статье.

В *словесных науках*. 1) Сочинил оду на восшествие на престол ее императорского величества. 2) Письмо о пользе стекла. 3) Изобретал иллюминации и сочинял к ним стихи: на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября. 4) Оратории второй части красноречия сочинил 10 листов.

В 1753 году.

В *химии*. 1) Продолжались опыты для исследования природы цветов, что показывает журнал того же году на 56 листах. 2) По окончании лекций делал новые химико-физические опыты, дабы привести химию сколько можно к философскому познанию и сделать частью основательной физики: из оных многочисленных опытов, где мера, вес и их пропорция показаны, сочинены многие цифирные таблицы, на 24 полулистных страницах, где каждая строка целый опыт содержит.

В *физике*. 1) С покойным профессором Рихманом делал химико-физиче-

ские опыты в лаборатории для исследования градуса теплоты, который на себя вода принимает от погашенных в ней минералов, прежде раскаленных. 2) Чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великою опасностью. 3) Говорил в публичном собрании речь о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, с истолкованием многих других свойств природы. 4) Делал опыты, коими оказалось, что цветы, а особливо красный, на морозе ярче, нежели в теплоте.

В истории. 1) Записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами. 2) Читал Российские академические летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских.

В словесных науках. 1) Для российской грамматики привел глаголы в порядок. 2) пять проектов со стихами на иллюминации и фейерверки: на 1 января, на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября и на 18 декабря.

В 1754 году.

В химии. 1) Сделаны разные опыты химические, которые содержатся в журнале сего года на 46 листах. 2) Повторением поверены физико-химические таблицы, прошлого года сочиненные.

В физике. 1) Изобретены некоторые способы к сысканию долготы и ширины на море при мрачном небе. В практике исследовать сего без адмиралтейства невозможно. 2) Деланы опыты метеорологические над водою, из Северного океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может. Притом были разные химические растворы морожены для сравнения. 3) Деланы опыты при пыльной мельнице в деревне, как текущая по наклонению вода течение свое ускоряет и какую силою бьет. 4) Делал опыт машины, которая бы, поднимаясь кверху сама, могла поднять с собою маленький термометр, дабы узнать градус теплоты на вышине, которая хотя слишком на два золотника облегчалась, однако к желаемому концу не приведена.

В истории. Сочинен опыт истории славянского народа до Рурика: Дедикация, вступление; глава 1, о старобытных жителей в России; глава 2, о величестве и поколениях славянского народа; глава 3, о древности славянского народа, всего 8 листов.

В словесных науках. 1) Сочинил оду на рождение государя великого князя Павла Петровича. 2) Изобрел фейерверк, который был представлен на новый 1754 год, и стихи сделал. Также делал проекты на иллюминацию и фейерверки: к 25 апреля, к 5 сентября, к 25 ноября.

В 1755 году.

В химии. Деланы разные физико-химические опыты, что явствует в журнале того ж года на 14 листах.

В физике. 1) Сочинил диссертацию о должности журналистов, в которой опровергнуты все критики, учиненные в Германии против моих диссертаций, в комментариях напечатанных, а особливо против новых теорий о теплоте и стуже, о химических растворах и упругости воздуха. Оная диссертация переведена господином Формеем на французский язык и в журнале, называемом: «Немецкая библиотека» (Bibliothèque germanique), на оном языке напечатана. 2) Сочинил письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном.

В истории. Сделан опыт описанием владения первых великих князей российских Рурика, Олега, Игоря.

В словесных науках. 1) Сочинил и говорил в публичном собрании слово по-

хвальное блаженныя памяти государю императору Петру Великому. 2) Сочинив большую часть грамматики, привел к концу, которая в нынешнем году печатью к концу приходит. 3) Сочинил письмо о сходстве и переменах языков.

В 1756 году.

В *химии*. 1) Между разными химическими опытами, которых журнал на 13 листах, деланы опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах, чтобы исследовать: прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Войля мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере. 2) Учинены опыты химические со вспоможением воздушного насоса, где в сосудах химических, из которых был воздух вытянут, показывали на огне минералы такие феномены, какие химикам еще не известны. 3) Ныне лаборатор Клементьев под моим смотрением изыскивает по моему указанию, как бы сделать для фейерверков верховые зеленые звездки.

В *физике*. 1) Изобретен мною новый оптический инструмент, который я назвал никтоптической трубою (*tubus nystopticus*); оный должен служить к тому, чтобы ночью видеть можно было. Первый опыт показывает на сумерках ясно те вещи, которые простым глазам не видны, и весьма надеяться можно, что старанием искусных мастеров может простереться до такого совершенства, какого ныне достигли телескопы и микроскопы от малого начала. 2) Сделал четыре новоизобретенные мною пендула, из которых один медный, длиною в сажень, однако служит чрез механические стрелки против такого, который бы был вышиною с четвертью на версту. Употребляется к тому, чтобы узнать, всегда ли с земли центр, притягающий к себе тяжкие тела, стоит неподвижно или перемещает место. 3) Говорил в публичном собрании сочиненную мною речь о цветах.

В *истории*. Собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деянях российских.

В *словесных науках*. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую: «Петр Великий». 2) Сделал проект со стихами для фейерверка к 18 декабря сего года.

Сверх сего в разные годы зачаты делать диссертации: 1) О лучшем и ученом мореплавании. 2) О твердом термометре. 3) О трясении земли. 4) О первоначальных частицах, тела составляющих. 5) О градусах теплоты и стужи, как их определить основательно со мнением о умеренности растворения воздуха на планетах. К совершению привести отчасти препятствуют другие дела, отчасти протяжным печатанием комментариев охота отнимается.

Сумароков был шутом у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина; его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками. Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве. Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Не многим известна стихотворная перепалка его с Дмитрием Сеченовым по случаю «Гимна бороде», не напечатанного ни

в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника. Со всем тем Ломоносов был добродушен. Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана! В отношении к самому себе он был очень беспечен, и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве. Вдова старого профессора, услыша, что речь идет о Ломоносове, спросила: «О каком Ломоносове говорите вы? не о Михайле ли Васильевиче? То-то был пустой человек! бывало, от него всегда бегали к нам за кофейником. Вот Тредьяковский, Василий Кирилович — вот этот был почтенный и порядочный человек». Тредьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелону эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывает необыкновенное чувство изящного. В «Тилемахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью (см. собрание сочинений А. Радищева). Дельвиг приводел часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра:

Корабль Одиссеев,
Бегом волны деля, из очей ушел и сокрылся.

Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского, — *habent sua fata libelli*¹.

Радищев укоряет Ломоносова в лести и тут же извиняет его. Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспеваает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии; он пишет: *Его сиятельство граф М. Л. Воронцов, по своей высокой ко мне милости, изволил взять от меня пробы мозаических составов для показания ее величеству.* — Ныне всё это вывелось из обыкновения. Дело в том, что состояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им

¹ Книги имеют свою судьбу (лат.).

и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, *предстателю мус, высокому своему патрону*, который вздумал было над ним пошутить. «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господ моего бога дураком быть не хочу»¹.

В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» — «Нет, — возразил гордо Ломоносов, — разве Академию от меня отставят». Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб, умерший в прошлом году, поднес все свои прекрасные поэмы to his Grace the Duke etc². В своих смиренных посвящениях он почтительно упоминает о милостях и высоком покровительстве, коих он удостоился etc. В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Staël, словесностью занимались большею частью дворяне (*En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature*³). Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей или перстень, украшенный драгоценными камнями. Что же из этого следует? что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Кюстров? Позвольте в том усумниться.

Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги или хвалебным объявлением заманить покупателей. Ныне последний из писак, готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете.

К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло

¹ См. его письмо к графу Шувалову. (Прим. А. С. Пушкина.)

² его светлости, герцогу и т. д. (англ.).

³ В России несколько дворян занялись литературой. (франц.).

выгодное, и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Как бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значат; Ломоносов и Кребб достойны уважения всех честных людей, несмотря на их смиренные посвящения, а господа NN все-таки презрительны — несмотря на то, что в своих книжках они проповедают независимость и что они свои сочинения посвящают не доброму и умному вельможе, а какому-нибудь шельме и вралю, подобному им.

Браки

Радищев в главе «Черная Грязь» говорит о браках поневоле и горько порицает самовластие господ и потворство *градодержателей* (городничих?). Вообще несчастье жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? «По страсти, — отвечала старуха, — я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь». — Таковые страсти обыкновенны. Неволя браков давнее зло. Недавно правительство обратило внимание на лета вступающих в супружество: это уже шаг к улучшению. Осмелюсь заметить одно: возраст, назначенный законным сроком для вступления в брак, мог бы для женского пола быть уменьшен. Пятнадцатилетняя девка и в нашем климате уже *на выдании*, а крестьянские семейства нуждаются в работниках.

Русская изба

В *Пешках* (на станции, ныне уничтоженной) Радищев съел кусок говядины и выпил чашку кофию. Он пользуется сим случаем, дабы упомянуть о несчастных африканских невольниках, и тужит о судьбе русского крестьянина, не употребляющего сахара. Всё это было тогдашним модным красноречием. Но замечательно описание русской избы:

Четыре стены, до половины покрытые так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях, на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро зимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь, смеркающийся в полдень, пропускал свет; горшка два или три (счастлива изба, коли в одном из них всякий

день есть пустые щиты!). Деревянная чашка и кружик, тарелками называемые; стол, топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горячая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастью, кадка с квасом, на укус похожим, и на дворе баня, в коей коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки с лаптями для выхода.

Наружный вид русской избы мало переменялся со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его «Путешествию». Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор — даже эта елка, это печальное тавро северной природы — ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения по крайней мере на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют comfort. Очевидно, что Радищев начертал карикатуру; но он упоминает о бане и о квасе, как о необходимостях русского быта. Это уже признак довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь.*

Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю. Вспомним описание Лабриера¹; слова госпожи Севинье еще сильнее тем, что она говорит без негодования и горечи, а просто рассказывает, что видит и к чему привыкла. Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника...

Прочтите жалобы английских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о ев-

¹ «L'on voit certains animaux farouches, des mâles et des femelles, répandus par la campagne, noirs, livides et tout brûlés du soleil attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invincible; ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine, et en effet il sont des hommes, ils se retirent la nuit dans des tanières où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines; ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manquer de ce pain qu'ils ont semé». *Les Caractères.*

реях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что всё это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию... У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом; оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев). Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет чем вздумает и уходит иногда за 2000 верст выработать себе деньги... Злоупотреблений везде много; уголовные дела везде ужасны.

Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Прорывство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют *un badaud*¹; никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего *собственного жилища*. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою* избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по несколько раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благополучие крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения

¹ ротозей (франц.).

нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...

Слепой

Слепой старик поет *стих об Алексее, божием человеке*. Крестьяне плачут; Радищев *рыдает вслед за ямским собранием...* О природа! *како ты властительна!* Крестьяне дают старику милостыню. Радищев *дрожащею рукою* дает ему рубль. Старик отказывается от него, потому что Радищев дворянин. Он рассказывает, что в молодости лишился он глаз на войне в наказание за свою жестокость. Между тем баба подносит ему пирог. Старик принимает его *с восторгом*. Вот *истинная благостыня*, восклицает он. Радищев, наконец, дарит ему шейный платок и извещает нас, что старик умер несколько дней после и похоронен с этим платком на шею.—Имя Вертера, встречаемое в начале главы, поясняет загадку.

Вместо всего этого пустословия, лучше было бы, если Радищев, кстати о старом и всем известном «Стихе», поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько etc., etc.

Рекрутство

Городня.— Въезжая в сию деревню,— пишет Радищев,— не стихотворческим пением слух мой был ударяем, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошел к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлись отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: «Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши порастут травой, мохом наша хижина. Я, бедная престарелая мать твоя, скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да всё то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери — сырой земле? Кто придет вспомануть меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той».

Подле старухи стояла девка, уже взрослая. Она тоже вопила: «Прости, мой друг сердечный, прости, мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь

ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты, хоть дали бы нам обвенчаться; хотя бы ты, мой милый друг, хотя бы одну уснул ноченку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение».

Парень им говорил: «Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку». — Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близ стоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

«Услышал господь молитву мою,— вещал он.— Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду!»

Узнав из речей его, что он господский был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он отвечал: «Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река, и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякий другой, избрал бы броситься в реку в надежде, что, преплыв на другой брег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертью, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим именем, нередко хуже скотов, но, к несчастию их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать такие слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян».

Самая необходимая и тягчайшая из повинностей народных есть рекрутский набор. Образ набора везде различествует и везде влечет за собою великие неудобства. Английский *пресс* подвергается ежегодно горьким выходкам оппозиции и со всем тем существует во всей своей силе. Прусское *Landwehr*¹, система сильная и искусно приуроченная к государству, еще не оправданная опытом, возбуждает уже ропот в терпеливых пруссаках. Наполеоновская конскрипция производилась при громких рыданиях и проклятиях всей Франции.

Чудовище, склонясь на колыбель детей,
Считало годы их кровавыми перстами.
Сыны в дому отцов минутными гостями
Являлись etc.

¹ Ополчение (нем.).

Рекрутство наше тяжело; лицемерить нечего. Довольно упомянуть о законах противу крестьян, изувечивающихся во избежание солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народ к рекрутству! Но может ли государство обойтись без постоянного войска? Полумеры ни к чему доброму не ведут. Конскрипция по кратковременности службы, в течение 15 лет, делает из всего народа одних солдат. В случае народных мятежей мещане бьются, как солдаты; солдаты плачут и толкуют, как мещане. Обе стороны одна с другой тесно связаны. Русский солдат, на 24 года отторженный от среды своих сограждан, делается чужд всему, кроме своему долгу. Он возвращается на родину уже в старости. Самое его возвращение уже есть порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за беспорочную службу. Он жаждет одного спокойствия. На родине находит он только несколько знакомых стариков. Новое поколение его не знает и с ним не братается.

Очередь, к которой придерживаются некоторые помещики-филантропы, не должна существовать, пока существуют наши дворянские права. Лучше употребить сии права в пользу наших крестьян и, удаляя от среды их вредных негодяев, людей, заслуживших тяжкое наказание и проч., делать из них полезных членов обществу. Безрассудно жертвовать полезным крестьянином, трудолюбивым, добрым отцом семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалого — из уважения к какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значит эта жалкая пародия законности!

Радищев сильно нападает на продажу рекрут и другие злоупотребления. Продажа рекрут была в то время уже запрещена, но производилась еще под рукою. *Простодум* в комедии Княжнина говорит, что

Три тысячи скопил он дома лет в десяток
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток,
Но кстати в рекруты торгуючи людьми.

Но запрещение сие имело свою невыгодную сторону: богатый крестьянин лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бедняков, коими торговал безжалостный помещик, вряд ли чрез то улучшилась.

Тверь.— Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию, случилось, что Сумароков в то же время был; и был отменный стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи.

Хотя оба сии стихотворца преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов предложил Иова или псалмопевца дактилями, или если бы Сумароков «Семиру» или «Дмитрия» написал хорейями, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами, oprичь ямбов, и более бы славы в осьмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани свойственным эпопее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Virгилия надет ломоносовским покроем; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, эксаметрах, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимый возовик Тредиаковский немало к тому способствовал своею «Телемахидою». Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредиаковского приставят дядюшко, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекспира или Вольтера. Тогда и Тредиаковского выруют из поросшей мхом забвения могилы, в «Телемахиде» найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо к красловию. Слышав долгое время единогласное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французский язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того в стихотворении так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но всё модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Virгилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребитя род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры, в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы

сказал, что российское стиховорство, да и сам российский язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод «Генриады» не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы.

Радищев, будучи нововодителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Его изучения «Телемахиды» замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его «Осьмнадцатое столетие», «Сафические строфы», басню или, вернее, элегию «Журавли» — всё это имеет достоинство. В главе, из которой выписал я приведенный отрывок, помещена его известная ода. В ней много сильных стихов.

Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудный* и *чудный*, *верный* и *лицемерный*, и проч.

Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию. Вероятно, будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным.

Медное (Рабство)

Медное. — «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой, люли, люли, люли, люли...» Хоровод молодых баб и девок — пляшут — подойдем поближе, говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. — Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задержались печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под зыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется. — Публикуется: «Сего... дня пополудни в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под №... и при нем шесть душ мужеского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желаящие могут осмотреть заблаговременно».

Следует картина, ужасная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях... с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...

О цензуре

Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием «Торжок». В ней дело идет о свободе книгопечатанья; любопытно видеть о сем предмете рассуждение человека, вполне разрешившего сам себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит из всех пределов.

Один из французских публицистов остроумным софизмом захотел доказать безрассудность цензуры. Если, говорит он, способность говорить была бы новейшим изобретением, то нет сомнения, что правительства не замедлили бы установить цензуру и на язык: издали бы известные правила, и два человека, чтоб поговорить между собою о погоде, должны были бы получить предварительное на то позволение.

Конечно: если бы *слово* не было общей принадлежностью всего человеческого рода, а только миллионной части оно-го,— то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощного сословия людей говорящих. Но *грамота* не есть естественная способность, дарованная богом всему человечеству, как язык или зрение. Человек *безграмотный* не есть урод и не находится вне вечных законов природы. И между грамотеями не все равно обладают *возможностью* и самую *способностью* писать книги или журнальные статьи. Печатный лист обходится около 35 рублей; бумага также чего-нибудь да стоит. Следственно, печать доступна не всякому. (Не говорю уже о таланте etc.) Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный из всего народонаселения. Очевидно, что аристократия самая мощная, самая опасная — есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки. Что значит аристократия породы и богатства в сравнении с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографиче-

ского снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно.

Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом.*

«Мы в том и не спорим,— говорят противники цензуры.— Но книги, как и граждане, отвечают за себя. Есть законы для тех и для других. К чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдет из типографии, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить к заключению и к положенному штрафу».

Но мысль уже стала гражданином, уже отвечает за себя, как скоро она родилась и выразилась. Разве *речь* и *рукопись* не подлежат закону? Всякое правительство вправе не позволять проповедовать на площадях, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. Закон не только наказывает, но и предупреждает. Это даже его благодетельная сторона.

Действие человека мгновенно и одно (*isolé*); действие книги множественно и повсеместно. Законы противу злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона; не предупреждают зла, редко его пресекая. Одна цензура может исполнить то и другое.

Этикет

Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу.

Истина неоспоримая, коею Радищев заключает начертание о уничтожении придворных чинов, исполненное мыслей, большею частию ложных, хотя и пошлых.

Предполагать унижение в обрядах, установленных этикетом, есть просто глупость. Английский лорд, представляясь своему королю, становится на колени и целует ему руку. Это не мешает ему быть в оппозиции, если он того хочет. Мы всякий день подписываемся *покорнейшими слугами*, и, кажется, никто из этого еще не заключал, чтобы мы просились в камердинеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые некогда при дворе наших царей, уничтожены у нас Петром Великим при всеобщем

перевороте. Екатерина II занялась и сим уложением и установила новый этикет. Он имел перед этикетом, наблюдаемым в других державах, то преимущество, что был основан на правилах здравого смысла и вежливости общепонятной, а не на забытых преданиях и обыкновениях, давно изменившихся. Покойный государь любил простоту и непринужденность. Он ослабил снова этикет, который, во всяком случае, не худо возобновить. Конечно, государи не имеют нужды в обрядах, часто для них утомительных; но этикет есть также закон; к тому же он при дворе необходим, ибо всякому, имеющему честь приближаться к царским особам, необходимо знать свою обязанность и границы службы. Где нет этикета, там придворные в поминутном опасении сделать что-нибудь неприличное. Нехорошо прослыть невежею; неприятно казаться и подслужливым выскочкою.

Шлюзы

В Вышнем Волочке Радищев любитя шлюзами, благословляет память того, кто, уподобясь природе в ее благодеяниях, сделал реку *рукодельною* и все концы единой области привел в сообщение. С наслаждением смотрит он на канал, наполненный нагруженными барками; он видит тут истинное земли изобилие, избытки земледельца и во всем его блеске мощного пробудителя человеческих деяний, *корыстолюбие*. Но вскоре мысли его принимают обыкновенное свое направление. Мрачными красками рисует состояние русского земледельца и рассказывает следующее:

Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастья или не желая оно в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например во сто или в двести душ, определил себя искать прибитка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обработыванию земли. Способом к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своим орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющих; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудюю, устремляющимся на бою грудюю, а в единственности ничего не значащим. Для достижения своей цели он отнял у них малый удел пашни и санных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное

количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемонян пировали вместе на господском дворе, употребляя для соблюдения желудка в мясоед пустые шти, а в посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные розговины бывали разве на святой неделе.

Таковым урядникам производилася также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то есть лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно, у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которых господин иногда бирал себе, платя за них цену по своей воле.

При таком заведении не удивительно, что земледелие в деревне г. некто было в цветущем состоянии. Когда у всех худой был урожай, у него родился хлеб сам-четверт; когда у других хороший был урожай, то у него приходил хлеб сам-десять и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и, поступая с ними равно как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стениящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец.

Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого лет 15 тому назад. Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить. Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению, с целию, к которой двигался он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать. Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в три года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности, он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан, он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавалась ему от господина,— словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика. Как бы вы думали? Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить, возратить им собственность, даровать им права! Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара.

О НИЧТОЖЕСТВЕ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ

Если русская словесность представляет мало произведений, достойных наблюдения критики литературной, то она сама по себе (как и всякое другое явление в истории человечества) должна обратить на себя внимание добросовестных исследователей истины.

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера... России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработленную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвящение было спасено растерзанной и издыхающей Россией...¹

Духовенство, пощаженное удивительной сметливостию татар, одно — в течение двух мрачных столетий — питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою непрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадежности. Но внутренняя жизнь поработенного народа не развивалась. Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля. Свержение ига, споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью не благоприятствовали свободному развитию просвещения. Европа наводнена была невероятным множеством поэм, легенд, сатир, романсов, мистерий и проч., но старинные наши архивы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых из-

¹ А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы; но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна. (Прим. А. С. Пушкина.)

устным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности.

Но и в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. Отселе сношения Ивана Васильевича с Англией, переписка Годунова с Данией, условия, поднесенные польскому королевичу аристократией XVII столетия, посольства Алексея Михайловича... Наконец явился Петр.

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в поре мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но пронизательный. Он возвысил Феофана, ободрил Копиевича, не влюбил Татищева за легкомыслие и вольнодумство, угадал в бедном школьнике *вечною труженика* Тредьяковского. Семена были посеяны. Сын молдавского господара воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака, убежав от берегов Белого моря, стучался у ворот Заиконоспасского училища: новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться.

В начале 18-го столетия французская литература обладала Европою. Она должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние. Прежде всего надлежит нам ее исследовать.

Рассмотря бесчисленное множество мелких стихотворений, баллад, рондо, вирле, сонетов и поэм аллегорических, сатирических, рыцарских романов, сказок, фаблио, мистерий etc., коими наводнена была Франция в начале 17-го столетия, нельзя не сознаться в бесплодной ничтожности сего мнимого изобилия. Трудность, искусно побежденная, счастливо подбранное повторение, легкость оборота, простодушная шутка, искреннее изречение — редко вознаграждают усталого изыскателя.

Романтическая поэзия пышно и величественно расцветала по всей Европе, Германия давно имела свои Нибелунги, Италия — свою тройственную поэму, Португалия — Лузиаду, Испания — Лопе де Вега, Кальдерона и Сервантеса, Англия —

Шекспира, а у французов Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом! Наследник его Марот, живший в одно время с Ариостом и Камюэнсом,

Rima des triolets, fit fleurir la ballade¹.

Проза уже имела решительный перевес. Скептик Монтань и циник Рабле были современники Тассу.

Люди, одаренные талантом, будучи поражены ничтожностью и, должно сказать, *подлостью* французского стихотворства, вздумали, что скудность языка была тому виною, и стали стараться пересоздать его по образцу древнего греческого. Образовалась новая школа, коей мнения, цель и усилия напоминают школу наших славяно-руссов, между коими также были люди с дарованиями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Язык отказался от направления ему чуждого и пошел опять своей дорогою.

Наконец, пришел Малгерб, с такой яркой точностью, с такою строгой справедливостью оцененный великим критиком.

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence,
D'un mot mis en sa place enseigna le pouvoir
Et réduisit la Muse aux règles du devoir.
Par ce sage écrivain la langue réparée
N'offrit plus rien de rude à l'oreille épurée.
Les stances avec grâce apprirent à tomber
Et le vers sur le vers n'osa plus enjamber.

Но Малгерб ныне забыт подобно Ронсару, сии два таланта, истощившие силы свои в борении с механизмом и усовершенствовании стиха... Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей от употребления!

Каким чудом посреди сего жалкого ничтожества, недостатка истинной критики и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса вдруг явилась толпа истинно великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века? Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, тщеславное ли покровительство Людовика XIV были причиною такого феномена? или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездие гениев

¹ Слагал триолеты, содействовал расцвету баллады (франц.).

вдруг является, блестит и исчезает?.. Как бы то ни было, вслед за толпою бездарных, посредственных или несчастных стихотворцев, заключающих период старинной французской поэзии, тотчас выступают Корнель, Буало, Расин, Мольер и Лафонтен, Паскаль, Боссюэт и Фенелон. И владычество их над умственной жизнью просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие.

У других европейских народов поэзия существовала прежде появления бессмертных гениев, одаривших человечество своими великими созданиями. Сии гении шли по дороге уже проложенной. Но у французов возвышенные умы 17-го столетия застали народную поэзию в пеленках, презрели ее бессилие и обратились к образцам классической древности. Буало, поэт, одаренный мощным талантом и резким умом, обнародовал свое уложение, и словесность ему покорилась. Старый Корнель один остался представителем романтической трагедии, которую так славно вывел он на французскую сцену.

Несмотря на ее видимую ничтожность, Ришелье чувствовал важность литературы. Великий человек, униживший во Франции феодализм, захотел также связать и литературу. Писатели (во Франции класс бедный, дерзкий и насмешливый) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне. Людовик XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона. Все писатели получили свою должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, камердинер Мольер при дворе смеялся над придворными. Академия первым правилом своего устава положила: хвалу великого короля. Были исключения: бедный дворянин (несмотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахинях, а сладкоречивый епископ в книге, исполненной смелой философии, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование... Зато Лафонтен умер без пенсии, а Фенелон в своей епархии, отдаленный от двора за мистическую ересь.

Отселе вежливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тем самым понятная для всех дворов Европы, ибо высшее общество, как справедливо заметил один из новейших писателей, составляет во всей Европе одно семейство.

Между тем великий век миновался. Людовик XIV умер, пережив свою славу и поколение своих современников. Новые

мысли, новое направление отзывались в умах, алкавших новизны. Дух исследования и порицания начинал проявляться во Франции. Умы, пренебрегая цветы словесности и благородные игры воображения, готовились к роковому предназначению XVIII века...

Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена против господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслю умственной деятельности человека. Он написал эпопею, с намерением очернить католицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставлял он свои лица кстати и некстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы, и эта легкость казалась верхом поэзии; наконец и он, однажды в своей жизни, станвится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в цинической поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии, греческая древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана...

Влияние Вольтера было неизменно. Следы великого века (как называли французы век Людовика XIV) исчезают. Источенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман делается скучною проповедью или галереей соблазнительных картин.

Все возвышенные умы следуют за Вольтером. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником; пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма, Гиббона и Вальпола приветствует Энциклопедию. Европа едет в Ферней на поклонение. Екатерина вступает с ним в дружескую переписку, Фридрих с ним ссорится и мирится. Общество ему покорно. Наконец Вольтер умирает в Париже, благословляя внука Франклина и приветствуя Новый Свет словами, дотоле несслыханными!.. Смерть Вольтера не останавливает потока. Министры Людовика XVI нисходят в арену с писателями. Бомарше влечет на сцену, раздевает донага и терзает всё, что еще почитается неприкосновенным. Старая монархия хочет и рукоплещет.

Старое общество созрело для великого разрушения. Всё еще

спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается...

Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессеры с высоты кафедр провозглашают правила французской критики. Англия следует за Франциею на псприще философии, Ричардсон, Фильдинг и Стерн поддерживают славу прозаического романа. Поэзия в отечестве Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, как и во Франции; Италия отрекается от гения Dante, Метастазии подражает Расину.

Обратимся к России.

БАЙРОН

Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии, младшей между европейскими, произошел от нормандца Ральфа де Бюрон (или Бирона), одного из сподвижников Вильгельма Завоевателя. Имя Байронов с честью упоминается в английских летописях. Лордство дано их фамилии в 1643 году. Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное! Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему и мелочные оскорбления, часто унижавшие благородного барона, предавая имя его на произвол молве.

Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя соблазнительную славу. Он увез супругу лорда Carmarthen и женился на ней тотчас после ее развода. Вскоре потом она умерла в 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой год расчетливый вдовец для поправления своего расстроенного состояния женился на мисс Gordon, единственной дочери и наследнице Георгия Гордона, владельца гайфского. Брак сей был несчастлив; 23 500 f. st. (587 500 руб.) были расточены в два года; и mistriss Байрон осталась при 150 f. st. годового дохода. В 1786 году муж и жена отправились во Францию и возвратились в Лондон в конце 1787.

В следующем году 22 января леди Байрон родила единственного своего сына Георгия Гордона Байрона. (Вследствие распоряжений фамильных наследница гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона.) При его рождении повредили ему ноги, и лорд Байрон полагал тому причиною стыдливость или упрямство своей матери. Новорожденного крестили герцог Гордон и полковник Доф.

В 1790 леди Байрон удалилась в Абердин, и муж ее за нею последовал. Несколько времени жили они вместе. Но характеры были слишком несовместны — вскоре потом они разошлись. Муж уехал во Францию, выманив прежде у бедной жены своей деньги, нужные ему на дорогу. Он умер в Валенсьене в следующем 1791 году.

Во время краткого пребывания своего в Абердине он однажды взял к себе маленького сына, который у него и ночевал; но на другой же день он отослал неугомонного ребенка к его матери и с тех пор уже его не приглашал.

Мистрис Байрон была проста, вспыльчива и во многих отношениях безрассудна. Но твердость, с которой умела она перенести бедность, делает честь ее правилам. Она держала одну только служанку, и когда в 1798 году повезла она молодого Байрона вступить во владение Ньюстида, долги ее не превышали 60 f. st.

Достоинно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унижительными.

Маленький Байрон выучился читать и писать в Абердинской школе. В классах он был из последних учеников — и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, он был резвый, вспыльчивый и злопамятный мальчик, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Некто Патерсон, строгий пресвитерианец, но тихий и ученый мыслитель, был потом его наставником, и Байрон сохранил о нем благодарное воспоминание.

В 1796 году леди Байрон повезла его в горы для поправления его здоровья после скарлатины. Они поселились близ Баллатера.

Суровые красоты шотландской природы глубоко впечатлелись в воображение отрока.

Около того же времени осьмилетний Байрон влюбился в Марию Доф. 17 лет после того, в одном из своих журналов, он описал свою раннюю любовь:

«J'ai beaucoup pensé dernièrement à Marie Duff. Comme il est étrange que j'aie été si complètement dévoué, et si profondément attaché à cette jeune fille, à un âge où je ne pouvais ni sentir la passion, ni même comprendre la signification de ce mot. Et pourtant c'était bien la chose! Ma mère avait coutume de me railler sur cet amour enfantin; et plusieurs années après, je pouvais avoir seize ans, elle me dit un jour: «Oh! Byron, j'ai reçu une lettre d'Edimbourg, de miss Abercromby; votre ancienne passion, Marie Duff, a épousé un M. C.». Et quelle fut ma réponse? Je ne puis réellement expliquer ni concevoir mes sensations à ce moment. Mais je tombai presque en convulsions; ma mère fut si fort alarmée qu'après que je fus remis, elle évitait toujours ce sujet avec *moi*, et se contentait d'en parler à toutes ses connaissances. A présent je me demande ce que pouvait-ce être? je ne l'avais pas revue depuis que, par suite d'un faux pas de sa mère à Aberdeen, elle était allée demeurer chez sa grand-mère à Banff; nous étions tous deux des enfants. J'avais et j'ai aimé cinquante fois depuis cette époque; et cependant je me rappelle tout ce que nous nous disions, nos caresses, ses traits, mon agitation, l'absence de sommeil et la façon dont je tourmentai la femme de chambre de ma mère pour obtenir qu'elle écrivît à Marie en mon nom; ce qu'elle fit à la fin pour me tranquilliser. La pauvre fille me croyait fou, et comme je ne savais pas encore bien écrire, elle devint mon secrétaire. Je me rappelle aussi nos promenades, et le bonheur d'être assis près de Marie, dans la chambre des enfants, dans la maison où elle logeait près de Plainstones à Aberdeen, tandis que sa plus petite sœur jouait à la poupée et que nous nous faisions gravement la cour, à notre manière.

Comment diable tout cela a-t-il pu arriver si tôt? quelle en était l'origine et la cause? Je n'avais certainement aucune idée des sexes, même plusieurs années après; et cependant mes chagrins, mon amour pour cette petite fille étaient si violents que je doute quelquefois que j'aie jamais véritablement aimé depuis. Quoi qu'il en soit, la nouvelle de son mariage me frappa comme un coup de foudre; je fus près d'en étouffer, à la grande terreur de ma mère et à l'incrédulité de presque tout le monde. Et c'est un phénomène dans mon existence (car je n'avais pas huit ans) qui m'a donné à penser, et dont la solution me tourmentera jusqu'à ma dernière heure. Depuis peu, je ne sais pourquoi, le *souvenir* (*non* l'attachement) m'est revenu avec autant de force que jamais. Je m'étonne si *elle* en a gardé mémoire, ainsi que de moi? et si elle se souvient d'avoir plaint sa petite sœur Hélène de ce qu'elle n'avait pas aussi un adorateur? Que son image m'est restée charmante dans la tête! ses cheveux châtains, ses yeux d'un brun clair et doux; jusqu'à son costume! Je serais tout-à-fait malheureux de *la voir à présent*. La réalité, quelque belle qu'elle fût, détruirait ou du moins troublerait ses traits de la ravissante Péri qui existait alors en elle, et qui survit encore en moi, après plus de seize ans; j'en maintenant vingt — cinq et quelques mois...».

В 1798 году умер в Ньюстиде старый лорд Вильгельм Байрон. Четыре года пред сим родной внук его скончался в Корсике, и маленький Георгий Байрон остался единственным наследником имений и титула своего рода. Как несовершеннолетний, он отдан был в опеку лорду Карлилю — дальнему его родственнику, и восхищенная mrs. Байрон осенью того же года оставила Абердин и отправилась в древний Ньюстид с одиннадцатилетним сыном и верной служанкой Мери Гре.

Лорд Вильгельм, брат адмирала Байрона, родного деда его,

был человек странный и несчастный. Некогда на поединке заколол он своего родственника и соседа г. Чаворта. Они дрались без свидетелей, в трактире при свечке. Дело это произвело много шума, и Палата пэров признала убийцу виновным. Он был, однако ж, освобожден от наказания и с тех пор жил в Ньюстиде, где его причуды, скупость и мрачный характер делали его предметом сплетен и клеветы. Носились самые нелепые слухи о причине развода его с женою. Уверяли, что он однажды покусился ее утопить в ньюстидском пруду.

Он старался разорить свои владения из ненависти к своим наследникам. Единственные собеседники его были старый слуга и ключница, занимавшая при нем и другое место. Сверх того дом был полон сверчками, которых лорд Вильгельм кормил и воспитывал. Несмотря на свою скупость, старый лорд имел часто нужду в деньгах и доставал их способами, иногда весьма предосудительными для его наследников. Но такой человек не мог об них и заботиться. Таким образом продал он Рочдаль, владение родовое, безо всякого на то права (что знали и покупщики; но они надеялись выручить себе выгоды, прежде нежели наследники успеют уничтожить незаконную куплю).

Лорд Вильгельм никогда не входил в сношение с молодым своим наследником, которого звал не иначе как *мальчик, что живет в Абердине*.

Первые годы, проведенные лордом Байроном в состоянии бедном, не соответствовавшем его рождению, под надзором пылкой матери, столь же безрассудной в своих ласках, как и в порывах гнева, имели сильное продолжительное влияние на всю его жизнь. Уязвленное самолюбие, поминутно потрясенная чувствительность оставили в сердце его эту горечь, эту раздражительность, которые потом сделались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона были частью врожденные, частью им заимствованы. Мур справедливо замечает, что в характере Байрона ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков: с одной стороны, смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств, с другой — необузданные страсти, причуды и дерзкое презрение к общему мнению. Сомнения нет, что память, оставленная за собою лордом Вильгельмом, сильно подействовала на воображение его наследника — многое перенял он у своего странного деда в его обычаях, и нельзя не согласиться в том, что Манфред и Лара напоминают уединенного ньюстидского барона.

Обстоятельство, по-видимому, маловажное имело столь же сильное влияние на его душу. В самую минуту его рождения нога его была повреждена — и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрис Байрон выбрала его *хромым мальчишкой*. Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых, опасаясь их насмешливого взгляда. Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и порвортства.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ ВО ВРЕМЯ ПОХОДА 1829 ГОДА¹

Недавно попалась мне в руки книга, напечатанная в Париже в прошлом 1834 году под названием: *Voyages en Orient entrepris par ordre du Gouvernement Francais*². Автор, по-своему описывая поход 1829 года, оканчивает свои рассуждения следующими словами:

Un poète distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin on le sujet d'un poème, mais celui satyre³.

Из поэтов, бывших в турецком походе, знал я только об А. С. Хомякове и об А. Н. Муравьеве. Они находились в армии графа Дибича. Первый написал в то время несколько прекрасных лирических стихотворений, второй обдумывал свое путешествие к святым местам, произведшее столь сильное впечатление. Но я не читал никакой сатиры на Арзрумский поход.

Никак бы я не мог подумать, что дело здесь идет обо мне,

¹ Печатается в сокращении.

² Путешествия на Восток, предпринятые по поручению Французского Правительства (*франц.*).

³ Один поэт, замечательный своим воображением, в стольких славных действиях, свидетелем которых он был, нашел сюжет не для поэмы, но для сатиры (*франц.*).

если бы в той самой книге не нашел я своего имени между именами генералов отдельного Кавказского корпуса.

Признаюсь: эти строки французского путешественника, несмотря на лестные эпитеты, были мне гораздо досаднее, нежели брань русских журналов. Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудою: вдохновение не сыщешь; оно само должно найти поэта. Приехать на войну с тем, чтоб воспевать будущие подвиги, было бы для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, а с другой — слишком непристойно.

Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. «Из Тегерана». — «Что вы везете?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис.

Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить; он мне сказал: «Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux»¹. Он полагал, что причину кровопролития будет смерть шаха и междуусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах еще жив, а пророческие слова Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игрищем тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулею.

Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его melancholicкий характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нем как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою

¹ Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей (франц.).

ротою, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в «Московском телеграфе». Впрочем, уважение наше к славе происходит, может быть, от самолюбия: в состав славы входит ведь и наш голос.

Жизнь Грибоедова была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться единожды навсегда со своею молодостью и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностью уехал в Грузию, где пробыл восемь лет в уединенных, неусыпных занятиях. Возвращение его в Москву в 1824 году было переломом в его судьбе и началом непрерывных успехов. Его рукописная комедия: «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами. Несколько времени потом совершенное знание того края, где начиналась война, открыло ему новое поприще; он назначен был посланником. Приехав в Грузию, женился он на той, которую любил... Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...

«ТРИ ПОВЕСТИ» Н. ПАВЛОВА

Три повести г. Павлова очень замечательны и имели успех вполне заслуженный. Они рассказаны с большим искусством, слогом, к которому не приучили нас наши записные романисты.

Повесть «Именины», несмотря на свою занимательность, представляет некоторые несообразности. *Идеализированное лакейство* имеет в себе что-то неестественное, неприятное для здравого вкуса. Может быть, то же самое происшествие представляло в разительной простоте своей сильнейшие краски и положения более драматические, но требовало и кисти более смелой и более глубины в знании человеческого сердца. «Аукцион» есть очень милая шутка, легкая картинка, в которой

оригинально вмещены три или четыре лица.— *А я на аукцион — а я с аукциона* — черта истинно комическая.

Об «Атагане» скажем то же, что и об «Именинах». Занимательность этой повести не извиняет несообразности. Развязка несбыточна или по крайней мере есть анахронизм. Зато все лица живы и действуют и говорят каждый, как ему свойственно говорить и действовать. В слогe г. Павлова, чистом и свободном, *изредка* отзывается *манерность*; в описаниях — близорукая мелочность нынешних французских романистов. Г-на Павлова так расхвалили в «Московском наблюдателе», что мы в сих строках хотели ограничить наши замечания одними порицаниями, но в заключение должны сказать, что г. Павлов первый у нас написал истинно занимательные рассказы. Книга его принадлежит к числу тех, от которых, по выражению одной дамы, забываешь идти обедать.

Талант г-на Павлова выше его произведений. В доказательство привожу одно место, где чувство истины увлекло автора даже противу его воли.— В «Именинах», несмотря на то, что выслужившийся офицер видимо герой и любимец его воображения, автор дал ему черты, обнаруживающие холопа:

«Верьте, что не сметь сесть, не знать, куда и как сесть — это самое мучительное чувство!.. Зато я теперь вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадетя. Понимаете ли вы удовольствие отвечать грубо на вежливое слово; едва кивнуть головой, когда учтиво снимают перед вами шляпу, и развалиться на креслах перед чопорным баричем, перед чинным богачом?»

ЗАПИСКИ ЧУХИНА, СОЧИНЕНИЕ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА

Г-н Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого таланта. Это, по-видимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания (!).

С нашей стороны, мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина нимало не уступает его прежним.

КОМЕДИЯ ЗАГОСКИНА «НЕДОВОЛЬНЫЕ»

Московские журналы произнесли строгий приговор над новой комедией г-на Загоскина. Они находят ее пошлой и скучной. «Недовольные» в самом деле скучная, тяжелая пьеса, писанная довольно легкими стихами. Лица, выведенные на сцену, не смешны и не естественны. Нет ни одного комического положения, а разговор пошлый и натянутый не заставляет забывать отсутствие действия.

Г-н Загоскин заслужил благосклонность публики своими романами. В них есть и живость воображения, и занимательность, и даже веселость, это бесценное качество, едва ли не самый редкий из даров. Мы наскоро здесь упомянули о неудаче автора «Рославлева», дабы уж более не возвращаться к предмету, для нас неприятному.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ГЕОРГИЯ КОНИСКОГО, АРХИЕПИСКОПА БЕЛОРУССКОГО,

изд. протоиереем Иоанном Григоровичем. СПб, 1835.

Георгий Кониский известен у нас краткой речью, которую произнес он в Мстиславле императрице Екатерине во время ее путешествия в 1787 году: «Оставим астрономам...» и проч. Речь сия, прославленная во всех наших реториках, не что иное, как остроумное приветствие, и заключает в себе игру выражений, может быть, слишком затейливую: по нашему мнению, приветствие, коим высокопреосвященный Филарет встретил государя императора, приехавшего в Москву в конце 1830 года, в своей умильной простоте заключает гораздо более истинного красноречия. Впрочем, различие обстоятельств изъясняет и различие чувств, выражаемых обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностью двора своего, встречаемая всюду торжествами и празднествами; государь посетил Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасом.

Но Георгий есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории. Он вступил в управление своею епархией, когда Белоруссия на-

ходила еще под игом Польши. Православие было гонимо католическим фанатизмом. Церкви наши стояли пусты или отданы были униатам. Миссионеры насильно гнали народ в униатские костёлы, ругались над ослушниками, секли их, заключали в темницы, томили голодом, отымали у них детей, дабы воспитывать их в своей вере, уничтожали браки, совершенные по обрядам нашей церкви, ругались над могилами православных. Георгий искал защиты у русского правительства; он доносил об всем св. синоду и жаловался нашему посланнику, находившемуся в Варшаве. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканец Овлачинский, прославившийся ненавистью к нашей церкви, замыслил принести Георгия в жертву своему изуверству. В 1759 году Георгий, презирая опасности, ему угрожающие, поехал обзреть снующую свою епархию. Овлачинский и миссионеры возмутили в Оше шляхту и жолнеров. Они разогнали народ, вышедший с хоругвями навстречу своему архипастырю, остановили колокольный звон и с воплем ворвались в церковь, где Георгий священнодействовал. Преосвященный едва успел спастись от их сабель в стенах Кутеенского монастыря, откуда тайно вывезли его в телеге, прикрыв навозом. Другой изувер, свирепый Зенович, предводительствуя езуитскими воспитанниками, ночью в Могилеве напал на архиерейский дом. Буйные молодые люди вломились в ворота, перебили окна, ранили несколько монахов, семинаристов и слуг; но, к счастью, не нашли Георгия, скрывшегося в подвалах своего дома.

Дерзость гонителей час от часу усиливалась. Польское правительство им потворствовало. Миссионеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли к унии не только простой народ, но и священников. Георгий снова жаловался России. Императрица Елисавета Петровна, перед самой своей кончиною, и государь Петр III, при своем восшествии на престол, требовали от польского двора, чтоб гонения над нашими единоверцами были прекращены; но избавление православия предоставлено было Екатерине II.

Георгий предстал перед нею в 1762 году в Москве, когда она короновалась, и вслед за русским духовенством принес ей вместе с поздравлениями тихие сетования народа, издревле нам родного, но отчужденного от России жребиями войны. Екатерина с глубоким вниманием выслушала печальную речь представителя будущих ее подданных, и когда, несколько времени спустя, св. синод думал вызвать Георгия и поручить в его управление Псковскую епархию, императрица на то не согласилась и сказала: «Георгий нужен в Польше».

В 1765 Георгий явился в Варшаве и пред троном Станислава с жаром заступился за тех, которые именовались еще подданными Польши. Король поражен был его словами. Он обещал свое покровительство диссидентам и в следующем году действительно повелел «униатским архиереям, из среды своей избрав одного епископа, прислать в Варшаву, для изыскания и постановления надлежащих мер ко взаимному успокоению враждующих». Но гордые польские магнаты, презрев посредничество России и Пруссии, отвергли справедливые требования диссидентов. Вследствие сего Екатерина повелела своим войскам двинуться к Варшаве. Там, за оградой русских штыков, созван был сейм, учреждена согласительная комиссия и диссидентам возвращены их прежние права.

Георгий, один из первых членов Слуцкой конфедерации, определен был в члены сей комиссии. Он опять отправился в Варшаву и деятельно занялся объяснением древних грамот, на коих основаны были права диссидентов. Он умел приобрести уважение своих противников и даже их доверенность. «Мы за вами еще живем, — сказал однажды ему униатский епископ Шептицкий, — а когда католики вас догрызут, то примутся и за нас». Униаты втайне готовы были отложиться от папы и снова соединиться с грекороссийскою церковью. Между тем Барская конфедерация, поддерживаемая политиком Шуазёля, воспламенила новую войну. Следствием оной был первый раздел Польши. Семь областей, древнее достояние нашего отечества, были ему возвращены — и в 1773 году Георгий явился пред Екатериною уже как подданный, радостно приветствуя избавительницу и законную владычицу Белоруссии.

С тех пор Георгий мог спокойно посвятить себя на управление своею епархией. Просвещение духовенства, ему подвластного, было главною его заботою. Он учреждал училища, беспрестанно поучал свою паству, а часы досуга посвящал ученым занятиям. Он умер в 1795 году, будучи 77 лет отроду.

Ныне протоиерей И. Григорович издал собрание сочинений Георгия Кониского, присовокупив к книге своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописание Георгия Кониского.

Проповеди Георгия просты, и даже несколько грубы, как поучения старцев первоначальных; но их искренность увлекательна. Политические речи его имеют большое достоинство. Лучшая из них произнесена им Екатерине, по совершении ее коронации. Помещаем здесь несколько из его отдельных мыслей:

Для молитвы пост есть то же, что для птицы крылья.

* * *

Когда грешник, не хотящий покаяться в беззакониях своих, молится богородице и вопиет ей: *радуйся!* то приветствие сие столько же оскорбляет ее, как и то иудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударяя в ланиту божественного сына ее, приглашали: *радуйся, Царю Иудейский!*¹ Ибо нераскаянный грешник есть новый распинатель Христов². Да ищем убо заступления и покрова ее, но оставим наперед грехи свои: ибо с грехами и из-под ризы своя изринет нас.

* * *

Душа бессмертная, от брэнного тела, как птица из растерзанной сети, весело излетевши, воспаряет в рай богонасажденный, где вечно цветет древо жизни, где жилище самому Христу и избранным его.

* * *

Телеса наци, в гробах согнившие и в прах рассыпавшиеся, возникнут от земли, как трава весною, и по соединении с душами восстанут, и укажутся всему небу, пред очами ангелов и человеков, пред очами предков наших и потомков, одни яко пшеница, другие же яко плевелы, ожидая серпов ангельских, и того места, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевел.

* * *

*Види в клеть твою и помолися.*³ Такая уединенная молитва и в соборе может иметь место, если молящийся уединился от всех забот и попечений и пребывает безмолвен среди молвы, его окружающей; если он, отрясши от чувств своих все страсти и вожделения, един с единым богом беседует. Авраам, ведя сына своего Исаака на заклание, говорит сопровождающим его рабам: *седите zde со ослятем, аз же и дегщи пойдем до онде, и поклонившися возвратимся к вам*⁴. Так истинно молящийся страстям своим, аки рабам, повелевает оставить его и ожидать, пока он молитву свою богу, аки Исаака, в жертву принесет. О! сколь отличны от сего молитвы наши! Мы и в уединении целое торжище вокруг себя собираем. Молясь, и покупаем, и продаем, и хозяйством управляем, и о лихоимстве заботимся, и друзьям ласкательствуем, и на врагов вооружаемся, и о сластях помышляем, и о сундуках своих трепещем. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Где тут ум, разумеющий глаголы свои? Где сердце, долженствующее прилепиться к богу? Одни уста трубят, и язык, как кимвал, звяцает; а мысли — как птицы в воздухе, по всем странам носятся; а сердце — хладно, как бездушный труп, зарытый вместе с сокровищем нашим.

¹ Матф. 27, 29.

² Евр. 6, 6.

³ Матф. 6, 6.

⁴ Быт. 22, 5.

* * *

Иосиф, проданный братьями своими во Египет, соделавшись правителем царства, дал им в удел самую богатую землю, Гесем именуемую¹, Сын божий, по безмерной благодати своей, соединившийся с нашею природою и таким образом соделавшийся братом нашим, дает нам не часть некую области небесной, но всё царство свое нераздельно. Небо отверсто для нас; престолы уготованы; объятия божественного брата нашего ждут нас. Пойдем, полетим к нему: но прежде должны мы сбросить с себя всю тяготу мирскую, влекущую нас к земле.

* * *

Неверующему чудесам мы смело можем сказать с блаженным Августин: «Больше из всех чудес чудо есть то, что два-на-десять человек, бес-книжных, безоружных, нищих, проповедовавших крест, победили не только владык и сильных земли, но и самих богов языческих, и целый свет Христу покорили». Ты возразишь мне на сие, что сии победители мира сами были умерщвлены, и ни один почти из них не кончил жизни без мучений, без креста, меча и огня. Но вот мой краткий ответ: на то и посланы были сии победители своим воеводою: *Се аз посылаю вас яко овцы посреде волков: предадут вы на сонмы, и на соборищах их бьют вас*². Особое убо чудо миру и печать истины евангельской есть страдальческая смерть посланников-победителей. Но посмотри, что с сими убиенными последовало? Цари персть их почитают и, отложив порфиру и венец, благоговейно преклоняют колена пред гробами их.

* * *

Нигде не читаем, чтобы язычники страдали так за своих идолов, как мученики христианские за веру Христову. Да и в нынешних богоборных сонмищах атеистов и натуралистов, в главных гнездах их, во Франции и Англии, нашелся ли хотя один такой ревнитель, который бы за безбожие свое или натурализм произвольно на муки дерзнул? У нас в России, за несколько пред сим лет³, известный болярин, уличенный в безбожии, одним показанием кнута отрекся того.

* * *

Говорят многие: почему молитвы наши ни чудес не творят, ни лучшей перемены в нас не производят. Ах, стыдно и вспоминать молитвы наши! Об них можно то же сказать, что сказал кормчий одному бывшему на корабле беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, все плователи обратились к молитве и вместе с ними и оный беззаконник нечто промолвил, то кормчий остановил его сими словами: «Ты, пожалуй, помолчи: не знает-де бог, что и ты с нами, и потому еще между отчаянием и надеждою находимся; а как-де услышит твою святую молитву, так мы и погибли». — Достояна ли молитва имени своего, когда она в одних устах обращается, а ум не помнит и не знает того, что болтает язык? Читаем: *глаголы моя внуши, господи, разумей звание мое*³, а сами ни глаголов не внушаем, ни звания нашего не

¹ Быт. 47; 6, 11.

² Матф. 10; 16, 17.

³ Псал. 5, 2.

разумеем. Такая молитва переменит ли нас, окаянных и грешных, в добрых и богоугодных? Грешными в церковь приходим, грешнейшими выходим.

* * *

Радость плотская ограничивается наслаждением: по мере, как затихает веселый гудок, затихает и веселость. Но радость духовная есть радость вечная; она не умаляется в бедах, не кончается при смерти, но переходит и по ту сторону гроба.

* * *

Важны ли добрые дела наши в деле спасения? Я объясню тебе вопрос сей подобием. Возьми небольшой кусок меди и понеси его на торжище; там за него ты ничего не купишь; всякий с насмешкою скажет тебе известную пословицу: «Приложи копейку, то купишь калач». Но ежели тот самый металл будет иметь изображение государя твоего или другой знак его монеты, то купишь за него что тебе надобно. Так точно и дела наши. Ежели ты не имеешь веры и упования на Христа спасителя, не сомневайся признать, что они суетны. Но те самые дела совокупи с верою и упованием на него, тогда они будут важны; и если потребно тебе откупиться от грехов, или купить небесные вечные утехи, купишь ими несомненно.

* * *

Мы познаем разумом души; а телесные очи суть как бы очки, чрез кои душевные очи смотрят.

* * *

Чужой грех на мне не лежит. Но если чужой грех содевается моим советом, согласием или неосторожным примером, тогда он не только лежит на мне, но как жернов, тяготит душу мою. *Горе человеку тому*, говорит сам спаситель, *им же соблазн приходит!*¹ Действительно, грех соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествует на суд божий, и уже по кончине моей следует туда же за мною. Скажу то же иными словами. Все соблазненные примером моим и прежде меня позванные на суд божий, уже понесли туда грехи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тут еще не всё. Я умер и перестал грешить; но все, соблазненные мною, и притом все, от соблазненных мною вновь соблазняемые, оставаясь еще в сей жизни, посылают, вслед за мною, бесчисленные беззакония, от единого примера моего, яко от единого блага, истекающие. Убо готовы для меня новые, сугубые мучения! Вот как ужасен грех соблазна, ужаснее многоглавой лернейской гидры!

Кониский написал также несколько стихотворений русских, польских и латинских. В художественном отношении они

¹ Матф. 18, 7.

имеют мало достоинства, хотя в них и виден дух мыслящий. Следующая элегия показалась нам достопримечательна:

Серпа ожидают созревшие класы;
А нам вестники смерти — седые власы.
О! смертный, беспечный, посмотри в зеркало:
Ты сед, как пятьдесят лет тебе миновало,
Как же ты собрался в смертную дорогу?
С чем ты предстанешь правосудному богу?
Путь смертный безвестен и полон разбоя:
Искусного, храброго требует конвоя.
Кто ж тебя поведет и за тебя сразится?
Друг, проводив тебя к гробу, в дом возвратится.
Изнеможешь, пеший таща грехов ношу!
Ах! тут-то нужно иметь подмогу хорошу.
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но — та дана слезам, кровавому поту.
А ты много ли плакал за грехи! Считайся.
Не весь ли век твой есть цепь грехов? Признайся.
Ах! вижу, ты нагиш, как родила мати:
Ни лоскутка на душе твоей не сыскати!
Поверь же, не внидешь в небесны чертоги:
В ад тебя низринут, связав руки, ноги.
Без масла дел благих гаснет свеча веры;
Затворятся брачные буим девам двери.
Может быть, при смерти, «помяни мя» скажешь
И тем уста свои навсегда завяжешь.
И так, доколе древа топор не коснется,
Плод добрых дел тебе принести остается.

Но главное произведение Кониского остается до сих пор неизданным: «История Малороссии» известна только в рукописи. Георгий написал ее с целию государственною. Когда императрица Екатерина учредила Комиссию о составлении нового уложения, тогда депутат малороссийского шляхетства, Андрей Григорьевич Полетика, обратился к Георгию, как к человеку, сведущему в старинных правах и постановлениях сего края. Кониский, справедливо полагая, что одна только история народа может объяснить истинные требования онога, принялся за свой важный труд и совершил его с удивительным успехом. Он сочетал поэтическую свежесть летописи с критикою, необходимой в истории. Не говорю здесь о некоторых этнографических и этимологических объяснениях, помещенных им в начале его книги, которые перенес он в историю из хроники, не видя в них никакой существенной важности и не находя нужным противоречить общепринятым в то время понятиям. Под словом *критики* я разумею глубокое изучение достоверных событий и ясное, остроумное изложение их истинных причин и последствий.

Смелый и добросовестный в своих показаниях, Кониский не

чужд некоторого невольного пристрастия. Ненависть к изуверству католическому и угнетениям, коим он сам так деятельно противился, отзывается в красноречивых его повествованиях. Любовь к родине часто увлекает его за пределы строгой справедливости. Должно заметить, что чем ближе подходит он к настоящему времени, тем искреннее, небрежнее и сильнее становится его рассказ. Он любит говорить о подробностях войны и описывает битвы с удивительной точностью. Видно, что сердце дворянина еще бьется в нем под иноческою рясою. (Кониский происходил от старинного шляхетского роду и этим вовсе не пренебрегал, как видно даже из эпитафии, вырезанной над его гробом и сочиненной им самим.) Множество мест в «Истории Малороссии» суть картины, начертанные кистью великого живописца. Дабы дать о нем некоторое понятие тем, которые еще не читали его, помещаем здесь два отрывка из его рукописи.

Введение унии

По истреблении гетмана Наливайки таким неслыханным варварством вышел от сейму или от вельмож, им управлявших, таков же варварский приговор и на весь народ русский. В нем объявлен он отступным, вероломным и бунтливим и осужден в рабство, преследование и всемерное гонение. Следствием сего нероновского приговора было отлучение навсегда депутатов русских от сейма национального и всего рыцарства от выборов, и должностей правительственных и судебных, отбор старост, деревень и других ранговых имений от всех чиновников и урядников русских, и самих их уничтожение. Рыцарство русское названо хлопами, а народ, отвергавший унию, схизматиками. Во все правительственные и судебные уряды малороссийские посланы поляки с многочисленными штатами; города заняты польскими гарнизонами, а другие селения их же войсками; им дана власть всё то делать народу русскому, что сами захотят и придумают, а они исполняли сей наказ с лихвою, и что только замыслить может своевольное, надменное и пьяное человечество, делали то над несчастным народом русским без угрызеня совести; грабительства, насилие женщин и самых детей, побои, мучительства и убийства превзошли меру самых непросвещенных варваров. Они, почитая и называя народ невольниками, или ясыром польским, всё его имение признавали своим. Собиравшихся вместе нескольких человек для обыкновенных хозяйских работ или празднеств тотчас с побоями разгоняли, на разговорах их пытками истязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вместе. Церкви русские силою и гвалтом обращали на унию. Духовенство римское, разъезжавшее с триумфом по малой России для надсмотра и понуждения к униатству, воже но было от церкви до церкви людьми, запряженными в их длинные повозки по двенадцати человек и более. На прислуги сему духовенству выбираемы были поляками самые красивейшие из девиц. Русские церкви несогласовавшихся на унию прихожан отданы жидам в аренду, и получена за всякую в них отправку денежная плата от одного до пяти талеров, а за крещение младенцев и похороны мертвых от одного до четырех талеров. Жиды, яко непримиримые враги христианства, сии вселенские бродяги и притча в человечестве, с восхищением принялись за такое надежное для них

скверноприбытчество и тотчас ключи церковные и веревки колокольные отоб-
рали к себе в корчмы. При всякой требе христианской повинен ктитор идти
к жиду торжиться с ним и, по важности отправки, платить за нее и выпросить
ключи; а жид при том, насмеявшись довольно богослужению христианскому
и прехуливши всё, христианами чинимое, называя его языческим или по их
гойским, приказывал ктитору возвращать ему ключи, с клятвою, что ничего
в запись не отказано.

Страдание и отчаяние народа увеличилось новым приключением, сделав-
шим еще замечательную в сей земле эпоху. Чиновное шляхетство малорос-
сийское, бывшее в воинских и земских должностях, не стерпя гонений от
поляков и не могши перенести лишения мест своих, а паче потеряния ранговых
и нажитых имений, отложилось от народа своего и разными происками,
посулами и дарами закупило знатнейших урядников римских, сладило и за-
дружило с ними, и мало-помалу согласилось перее на унию, потом обратилось
совсем в католичество римское. Впоследствии сие шляхетство, соединясь с
польским шляхетством свойством, сродством и другими обязанностями, от-
реклось и от самой породы русской, и всемерно старалось изуродовать при-
родные названия свои, приискать и придумать к ним польское произношение
и назвать себя природными поляками. Почему и доднесь между ними видны
фамилии совсем русского названия, каковых у поляков не бывало, и в их
назречи быть не могло, например: Проскура, Чернецкий, Кисель, Волович,
Сокирка, Комар, Жулан и пренюгие другие, а с прежнего Чаплины названия
Чаплинский, с Ходуна Ходневский, с Бурки Бурковский и так далее. След-
ствием переворота сего было то, что имения сему шляхетству и должности их
возвращены, а ранговые утверждены им в вечность и во всем сравнены с
польским шляхетством. В благодарность за то приняли и они в рассуждении
народа русского всю систему политики польской и, подражая им, гнали
преизлиха сей несчастный народ. Главное политическое намерение состояло
в том, чтобы ослабить войска малороссийские и разрушить их полки, состо-
ящие из реестровых казаков: в сем они и успели. Полки сии, претерпев
в последнюю войну не малую убыль, не были дополнены другими от скарбу
и жилищ казаков. Запрещено чинить всякое в полки вспоможение. Главные
чиновники воинские, перевернувшись в поляки, сделали в полках великие
ваканции. Дисциплина военная и весь порядок опущены, и казаки реестровые
стали нечто пресмыкающееся без пастырей и вождей. Самые курени казацкие,
бывшие ближе к границам польским, то от гонения, то от ласкательств
польских, последуя знатной шляхте своей, обратились в поляки и в их веру
и составили известные и поныне околицы шляхетские. Недостаточные реес-
тровые казаки, а паче холостые и мало привязанные к своим жителям,
а с ними и все почти охочеекомонные, перешли в Сечь Запорожскую и тем ее
знатно увеличили и усилили, сделав с тех пор, так сказать, сборным местом
для всех казаков, в отечестве гонимых; а напротив того знатнейшие запо-
рожские казаки перешли в полки малороссийские и стали у них чиновниками,
но без дисциплины и регулы: отчего в полках их видимая сделалась
перемена».

Казнь Острицы

«На место замученного Павлюги, выбран в 1638 году гетманом полковник
нежинский Стефан Острица, а к нему придан в советники из старого
и заслуженного товариства Леон Гуня, коего благоразумие в войске отменно
уважаемо было. Коронный гетман Лянцкоронский с войсками своими поль-
скими не преставал нападать на города и селения малороссийские и на войска,
их защищавшие, и нападения его сопровождаемы были грабежом, контрибу-

циями, убийствами и всех родов бесчинствами и насилиями. Гетману Острице великого искусства надобно было собрать свои войска, везде рассеянные и всегда преследуемые поляками и их шпионами; наконец собрался они скрытыми путями и по ночам к городу Переяславлю, и первое предприятие их было очистить от войск польских приднепровские города, на обоих берегах сея реки имеющиеся, и восстановить безопасное сообщение жителей и войск обеих сторон. Успех соответствовал предприятию весьма удачно. Войска польские, при городах и внутри их бывшие, не ожидая никак предприятия казацких, по причине наведенных им страхов последнею зрадою и лютою, над Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали в совершенной беспечности, и потому они везде были разбиты; а упорно защищавшиеся истреблены до последнего. Амуниция их и артиллерия достались казакам, и они, собравшись в одно место, вооруженные наилучшим образом, пошли искать гетмана Лянцкоронского, который с главным войском польским собрался и укрепился в стане при реке Старице. Гетман Острица тут его застал и атаковал своим войском. Нападение и отпор были жестокие и превосходящие всякое воображение. Лянцкоронский знал, какому он подвержен мщению от казаков за злодейство, его вероломством и зрадою произведенное над гетманом их Павлюгою и старшинами, и для того защищался до отчаяния; а казаки, имея всегда в памяти недавно виденные ими на позорище в городах отрубленные головы их собратий, злобились на Лянцкоронского и поляков до остревения, и потому вели атаку свою с жестокою, похожею на нечто чудовищное; и наконец, сделавши залп со всех ружей и пушек и произведши дым почти непроницаемый, пошли и поползли на польские укрепления с удивительною отвагою и опрометчивостию и, вломясь в них, ударили на копья и сабли с слепым размахом. Крик и стон народный, треск и звук оружия уподоблялись грозной туче, все повергающей. Поражение поляков было повсеместно и самое губительное. Они оборонялись одними саблями, не успевая заряжать ружьев и пистолетов, и шли задом до реки Старицы, а тут, повергаясь в нее в беспамятстве, перетопились и загрязили целыми толпами. Гетман их Лянцкоронский, с лучшею немногую конницею, завременно бросился в реку и, переправившись через нее, пустился в бег, не осматриваясь и куда лошади несли. Стан польский, наполненный мертвецами, достался казакам с превеликою добычею, состоящею в артиллерии и всякого рода оружия и запасах. Казаки по сей славной победе, воздвиги руки к небесам, благодарили за нее бога, поборающего за невинных и неправедно гонимых. Потом, отдавая долг человечеству, погребли тела убиенных и сочли польских мертвецов 11317, а своих 4727 человек, и в том числе советника Гуню. Управившись с похоронами и корыстями, погнались за гетманом Лянцкоронским и, настигнув его в местечке Полонном ожидающего помощи из Польши, тут атаковали его, запершегося в замке. Он, не допустив казаков штурмовать замка, выслал против них навстречу церковную процессию с крестами, хоругвями и духовенством русским, кои, предлагая мир от гетмана и от всея Польши, молили и заклинали богом гетмана Острицу и его войска, чтобы преклонились они на мирные предложения. По долгом совещании и учиненных с обеих сторон клятвах собрался в церковь высланные от обоих гетманов чиновники и, написавши тут трактат вечного мира и полной амнистии, предающей забвению всё прошедшее, подписали его с присягою на Евангелии о вечном хранении написанных артикулов и всех прав и привилегий казацких и общенародных. За сим разошлись войска восвоюи.

Гетман Острица, разослав свои войска, иные по городам в гарнизоны, а другие в их жилища, сам, и со старшинами генеральными и со многими полковниками и сотниками, заехал в город Канев для принесения богу благодарственных молений в монастыре тамошнем. Поляки, отличавшиеся всегда в условиях и клятвах непостоянными и вероломными, держали трактат

с присягою, в Полонном заключенный, наравне со всеми прежними условиями и трактатами, у казаков с ними бывшими, то есть, в одном вероломстве и презорстве; а духovenство их, присвоив себе непонятную власть на дела божеские и человеческие, определяло хранение клятв между одними только католиками своими, а с другими народами бывшие у них клятвы и условия всегда им разрешало и отметало, яко схизматичские и суду божию не подлежащие. По сим странным правилам, подлым коварством сопровождаемым, сведавши поляки чрез шпионов своих жидов о поездке гетмана Острианицы с штатом своим без нарочитой стражи в Канев, тут его в монастыре окружили многолюдно толпою войск своих, прошедших по ночам и байракам до самого монастыря Каневского, который стоял вне города. Гетман не прежде узнал о сем предательстве, как уже монастырь наполнен был войсками польскими, и потому сдался им без сопротивления. Они, перевязав весь штат гетманский и самого гетмана, всего тридцать семь человек, положили их на простые телеги, а монастырь и церковь тамошние разграбили допоследка, зажгли со всех сторон и сами с узниками скоропостижно убралась и прошли в Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападения от городов. Приближаясь к Варшаве, построили они узников своих пешо по два, вместе связанных, а каждому из них накинули на шею веревку с петлею, за которую ведены они конницею по городу с триумфом и барабанным боем, проповедаю в народе, что схизматики сии пойманы на сражении, над ними одержанном; а потом запяты они в подземные тюрьмы и в оковы. Жены многих захваченных в неволю чиновников, забравши с собою малолетних детей своих, отправились в Варшаву, надеясь умиливать и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательным предательством детей их за своих отцов. Но они сим пищу только кровожадным тиранам умножили и отнюдь им не помогли; и чиновники сии, по нескольких днях своего заключения, повлечены на казнь без всяких разбирательств и ответов.

Казнь оная была еще первая в мире и в своем роде, и неслыханная в человечестве по люлости своей и коварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому и самому свирепому японцу не придет в голову ее изобретение; а произведение в действо устало бы самых зверей и чудовищ.

Зрелище оное открывала процессия римская со множеством ксендзов их, которые уговаривали ведомых на жертву малороссиян, чтобы они приняли закон их на избавление свое в чистцу; но сии, ничего им не отвечая, молились богу по своей вере. Место казни наполнено было народом, войском и палачами с их орудиями. Гетман Острианица, обозный генеральный Сурмила и полковники Недригайло, Боюн и Риндич были колесованы и им переломали поминутно руки и ноги, тянули с них по колесу жилы, пока они скончались; полковники Гайдаревский, Бутрим, Запалей и обозные Кизим и Сучевский пробиты железными спицами насквозь и поднятые живые на сваи; есаулы полковые: Постылич, Гарун, Сутяга, Подобай, Харчевич, Чудан, Чурай и сотники: Чуприна, Околович, Сокальский, Минович и Ворожит прибиты гвоздями стоячие к доскам, облитым смолою, и сожжены медленно огнем; хорунжие Могилянский, Загребла, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлей и Загнибеда растерзаны железными когтями, похожими на медвежью лапу; старшины: Ментай, Дунаевский, Скубрей, Глянский, Завезун, Косыр, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частям. Жены и дети страдальцев оных, увидя первоначальную казнь, наполняли воздух воплями своими и рыданием, но скоро замолкли... оставшихся же по матерям детей, бродивших и ползавших около их трупов, пережгли всех в виду своих отцов на железных решетках, под кои подкидывали уголья и раздували шапками и метлами.

Главные члены человеческие, отрубленные у означенных чиновников малороссийских, как-то: головы, руки и ноги развезены по всей Малороссии

и развешаны на сваях по городам. Разъезжавшие при том войска польские, наполнившие всю Малороссию, делали всё то над малороссиянами, что только хотели и придумать могли: всех родов бесчинства, насилия, грабежи и тиранства, превосходящие всякое понятие и описание. Они между прочим несколько раз повторяли произведенные в Варшаве лютости над несчастными малороссиянами, несколько раз варили в котлах и сожигали на угольях детей их в виду родителей, предавая самых отцов лютейшим казням. Наконец, ограбив все церкви благочестивые русские, отдали их в аренду жидам, и утварь церковную, как-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и все другие вещи распродали и пропили тем же жидам, кои из серебра церковного поделали себе посуду и убранство, а ризы и стихари перешли на платье жидовкам; а сии тем перед христианами хвастались, показывая нагрудники, на коих видны знаки нашитых крестов, ими сорванных. И таким образом Малороссия доведена была поляками до последнего разорения и изнеможения, и всё в ней побилось тогда некоему хаосу или смешению, грозящему последним разрушением. Никто из жителей не знал и не был обнадежен, кому принадлежит имение его, семейство и самое бытие их, и долго ли оно продлится? Всякий с потерянением имущества своего искал покровительства то у попов римских и униатских, то у жидов, их единомышленников, а своих непримиримых врагов, и не мог придумать за что схватиться».

Как историк Георгий Кониский еще не оценен по достоинству, ибо счастливый мадригал приносит иногда более славы, нежели создание истинно высокое, редко понятное для записных ценителей ума человеческого и мало доступное для большего числа читателей.

Протоиерей И. Григорович, издав сочинение великого архиепископа Белоруссии, оказал обществу важную услугу. Будем надеяться, что и великий историк Малороссии найдет себе наконец столь же достойного издателя.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ДОЛИНЕ АЖИТУГАЙ»

Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымский Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как, наконец, магометанин с глубокой думою смотрит на крест, *эту хоругвь Европы и просвещения.*

Издатель.

ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНИЯ

*Повесть в стихах, сочинение Виланда издал А. Пушкин.
С.-П-бург, в тип. Д. Внешн. торг., 1836, в 8, стр. 96.*

В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель «Вастолы» хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения с согласия или по просьбе автора, до сих пор никому не воспрещалось. Это называется *издавать*; слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано.

В том же журнале сказано было, что «Вастола переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему на прокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей».

Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни от кого бы то ни было.

После такого объяснения не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. Жалеем, что искреннее желание ему услужить могло подать повод к намекам, столь оскорбительным.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д. л., XIV, 203 и X, 233, в тип. Департамента Внешн. торговли.

Читатели наши, конечно, помнят впечатление, произведенное над ними появлением «Вечеров на хуторе»: все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина! Мы так были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие не-

которых рассказов, предоставляя сии недостатки на поживу критики. Автор оправдал таковое снисхождение. Он с тех пор непрестанно развивался и совершенствовался. Он издал «Арабески», где находится его «Невский проспект», самое полное из его произведений. Вслед за тем явился «Миргород», где с жадностью все прочли и «Старосветских помещиков», эту шутливую, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и «Тараса Бульбу», коего начало достойно Вальтера Скотта. Г-н Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале¹.

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

Il ne faut pas qu'un honnête homme
mérite d'être pendu².

Слова Карамзина в 1819 году

В конце первого десятилетия царствования Екатерины II несколько молодых людей, едва вышедших из отрочества, отправлены были, по ее повелению, в Лейпцигский университет, под надзором одного наставника и в сопровождении духовника. Учение пошло им не в прок. Надзиратель думал только о своих выгодах; духовник, монах добродушный, но необразованный, не имел никакого влияния на их ум и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились в Россию, где служба и заботы семейственные заменили для них лекции Геллерта и студенческие шалости. Большая часть из них исчезла, не оставя по себе следов; двое сделались известны: один на чреде заметной обнаружил совершенное бессилие и несчастную посредственность; другой прославился совсем иначе.

Александр Радищев родился около 1750-го года. Он обучался сперва в Пажеском корпусе и обратил на себя внимание начальства, как молодой человек, подающий о себе великие надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Он не взял даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и немецкому языку, дабы по крайней мере быть в со-

¹ На днях будет представлена на здешнем Театре его комедия «Ревизор».
(Прим. А. С. Пушкина.)

² Не следует, чтобы честный человек заслуживал повышения (франц.).

стоянии понимать своих профессоров. Беспокойное любопытство, более нежели жажда познаний, была отличительная черта ума его. Он был кроток и задумчив. Тесная связь с молодым Ушаковым имела на всю его жизнь влияние решительное и глубокое. Ушаков был немногим старше Радищева, но имел опытность светского человека. Он уже служил секретарем при тайном советнике Теплове, и его честолюбию открыто было блестящее поприще, как оставил он службу из любви к познаниям и вместе с молодыми студентами отправился в Лейпциг. Сходство умов и занятий сблизили с ним Радищева. Им попался в руки Гельвеций. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики. Гримм, странствующий агент французской философии, в Лейпциге застал русских студентов за книгою «О разуме» и привез Гельвецию известие, лестное для его тщеславия и радостное для всей братии. Теперь было бы для нас непонятно, каким образом холодный и сухой Гельвеций мог сделаться любимцем молодых людей, пылких и чувствительных, если бы мы, по несчастию, не знали, как соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями. Нам уже слишком известна французская философия 18-го столетия; она рассмотрена со всех сторон и оценена. То, что некогда слыло скрытным учением гиерофантов, было потом обнародовано, проповедано на площадях и навек утратило прелесть таинственности и новизны. Другие мысли, столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные, заменили мысли и мечты учеников Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменятся другими.

Радищев написал «Житие Ф. В. Ушакова». Из этого отрывка видно, что Ушаков был от природы остроумен, красноречив и имел дар привлекать к себе сердца. Он умер на 21-м году своего возраста от следствий невоздержанной жизни; но на смертном одре он еще успел преподать Радищеву ужасный урок. Осужденный врачами на смерть, он равнодушно услышал свой приговор; вскоре муки его сделались нестерпимы, и он потребовал яду от одного из своих товарищей¹. Радищев тому воспротивился, но с тех пор самоубийство сделалось одним из любимых предметов его размышлений.

Возвратясь в Петербург, Радищев вступил в гражданскую

¹ А. М. Кутузова, которому Радищев и посвятил «Житие Ф. В. Ушакова». (Прим. А. С. Пушкина.)

службу, не престаивая между тем заниматься и словесностью. Он женился. Состояние его было для него достаточно. В обществе он был уважаем как *сочинитель*. Граф Воронцов ему покровительствовал. Государыня знала его лично и определила в собственную свою канцелярию. Следуя обыкновенному ходу вещей, Радищев должен был достигнуть одной из первых степеней государственных. Но судьба готовила ему иное.

В то время существовали в России люди, известные под именем *мартинистов*. Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозно-обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Императрица, долго смотревшая на усилия французских философов как на игры искусных бойцов и сама их ободрявшая своим царским рукоплесканием, с беспокоейством видела их торжество и с подозрением обратила внимание на русских мартинистов, которых считала проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франмасонских ужинах. Радищев попал в их общество. Тайнственность их бесед воспламенила его воображение. Он написал свое «Путешествие из Петербурга в Москву», сатирическое воззвание к возмущению, напечатал в домашней типографии и спокойно пустил его в продажу.

Если мысленно перенесемся мы к 1791 году, если вспомним тогдашние политические обстоятельства, если представим себе силу нашего правительства, наши законы, не изменившиеся со времен Петра I, их строгость, в то время еще не смягченную двадцатипятилетним царствованием Александра, самодержца, умевшего уважать человечество; если подумаем, какие суровые люди окружали еще престол Екатерины, — то преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить

себе помилование, или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха — а какого успеха может он ожидать? — он один отвечает за всё, он один представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а «Путешествие в Москву» весьма посредственной книжкой; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостию.

Но, может быть, сам Радищев не понял всей важности своих безумных заблуждений. Как иначе объяснить его беспечность и странную мысль разослать свою книгу ко всем своим знакомым, между прочими к Державину, которого поставил он в затруднительное положение? Как бы то ни было, книга его, сначала не замеченная, вероятно потому, что первые страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскоре произвела шум. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Несколько дней сряду читала она эти горькие, возмутительные сатиры. «Он мартирист, — говорила она Храповицкому (см. его записки), — он хуже Пугачева; он хвалит Франклина». — Слово глубоко замечательное: монархиня, стремившаяся к соединению воедино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии. Радищев предан был суду. Сенат осудил его на смерть (см. Полное Собрание Законов). Государыня смягчила приговор. Преступника лишили чинов и дворянства и в оковах сослали в Сибирь.

В Илимске Радищев предан мирным литературным занятиям. Здесь написал он большую часть своих сочинений; многие из них относятся к статистике Сибири, к китайской торговле и пр. Сохранилась его переписка с одним из тогдашних вельмож, который, может быть, не вовсе был чужд изданию «Путешествия». Радищев был тогда вдовцом. К нему поехала его свояченица, дабы разделить с изгнанником грустное его уединение. Он в одном из своих стихотворений упоминает о сем трогательном обстоятельстве.

Воздохну на том я месте,
Где Ермак с своей дружиной,
Садясь в лодки, устремлялся
В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,

Но на лоне жаркой дружбы,
Был блажен, и где оставил
Души нежной половину.

Бова, вступление.

Император Павел I, взошед на престол, вызвал Радищева из ссылки, возвратил ему чины и дворянство, обошелся с ним милостиво и взял с него обещание не писать ничего противного духу правительства. Радищев сдержал свое слово. Он во всё время царствования императора Павла I не написал ни одной строчки. Он жил в Петербурге, удаленный от дел и занимаясь воспитанием своих детей. Смиренный опытностию и годами, он даже переменял образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость. Он не питал в сердце своем никакой злобы к прошедшему и помирился искренно со славной памятью великой царицы.

Не станем укорять Радищева в слабости и непостоянстве характера. Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом иль с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу. Моложавые мысли, как и молодежавое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют. Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время *Ужаса*? мог ли он без омерзения глубоко слышать некогда любимые свои мысли, проповедаемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни? Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра.

Император Александр, вступив на престол, вспомнил о Радищеве, и, извиняя в нем то, что можно было приписать пылкости молодых лет и заблуждениям века, увидел в сочинителе «Путешествия» отвращение от многих злоупотреблений и некоторые благонамеренные виды. Он определил Радищева в комиссию составления законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений. Бедный Радищев, увлеченный предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству, предался своим прежним мечтаниям. Граф Завадовский удивился молодости его седин и сказал ему с дружеским упреком: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по-прежнему! или мало тебе было Сибири?» В этих словах Радищев увидел угрозу. Огорченный и испуганный, он возвратился домой, вспомнил

о друге своей молодости, об лейпцигском студенте, подавшем ему некогда первую мысль о самоубийстве, и... отравился. Конец, им давно предвиденный и который он сам себе напроорочил!

Сочинения Радищева в стихах и прозе (кроме «Путешествия») изданы были в 1807 году. Самое пространное из его сочинений есть философическое рассуждение «О Человеке, о его смертности и бессмертии». Умствования оно пошло и не оживлены слогом. Радищев хотя и вооружается противу материализма, но в нем всё еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма. Между статьями литературными замечательно его суждение о Тилемахиде и о Тредьяковском, которого он любил по тому же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: из отвращения от общепринятых мнений. В стихах лучшее произведение его есть «Осьмнадцатый век», лирическое стихотворение, писанное древним элегическим размером, где находятся следующие стихи, столь замечательные под его пером.

Урна времен часы изливает каплям подобно,
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли,
И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны
Вечности в море, а там нет ни предел, ни берегов.
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след,
Но знаменито во веки своею кровавой струею,
С звуками грома течет наше столетье туда,
И крушен наконец корабль, надежды несущий,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен.
Счастье и добродетель и вольность пожрал омут ярый;
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято во век, в век удивлением всех,
Кровь в твоей колыбели, припевные громы сражений.
Ах, омочен в крови век, ты ниспадаешь во гроб.
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых.
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.

Первая песнь «Бовы» имеет также достоинство. Характер Бовы обрисован оригинально, и разговор его с Каргою забавен. Жаль, что в «Бове», как и в «Алеше Поповиче», другой его поэме, не включенной, не знаем почему, в собрание его сочинений, нет и тени народности, необходимой в творениях такого рода; но Радищев думал подражать Вольтеру, потому что он вечно кому-нибудь да подражал. Вообще Радищев писал лучше стихами, нежели прозою. В ней не имел он образца, а Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык.

«Путешествие в Москву», причина его несчастья и славы, есть, как уже мы сказали, очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны. Мы бы могли подтвердить суждение наше множеством выписок. Но читателю стоит открыть его книгу наудачу, чтоб удостовериться в истине нами сказанного.

В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Реналя; но всё в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему, — вот что мы видим в Радищеве. Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить? Он поносит власть господ как явное беззаконие; не лучше ли было представить правительству и умным помещикам способы к постепенному улучшению состояния крестьян; он злится на цензуру; не лучше ли было потолковать о правилах, коими должен руководствоваться законодатель, дабы, с одной стороны, сословие писателей не было притеснено и мысль, священный дар божий, не была рабой и жертвою бессмысленной и своенравной управы, а с другой — чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой или преступной? Но всё это было бы просто бесполезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна, ибо само правительство не только не пренебрегало писателями и их не притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения, принимало их советы — чувствовало нужду в содействии людей просвещенных и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью. Какую цель имел Радищев? чего именно желал он? На сии вопросы вряд ли бы мог он сам отвечать удовлетворительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее, несмотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений, которые не имели никакой нужды быть облечены в бранчивые и напыщенные выражения и незаконно тиснуты в станках тайной типографии, с примесью пошлого и пре-

ступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви.

3 апр. 1836 г. СПб.

Прибавления

I.

От императрицы, главнокомандовавшему в Санкт-Петербурге генерал-аншефу Брюсу

Граф Яков Александрович!

Недавно издана здесь книга под названием: «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец, оскорбительными выражениями противу сана и власти царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский советник Александр Радищев, который сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы Благочиния взнес он многие листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Такое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате Уголовного Суда Санкт-Петербургской губернии, где, заключа приговор, взнести оный в Сенат наш.

Пребываем вам благосклонны.

Екатерина.

II.

26-го июня. Говорили (государыня) о книге «Путешествие из Петербурга в Москву»: «Тут рассеяние заразы французской: автор мартинист. Я прочла тридцать страниц». Посылала за Рылеевым (обер-полицмейстером). Открывается подозрение на Радищева.

2 июля. Продолжают писать примечания на книгу Радищева. А он, сказывают, препоручен Шешковскому и сидит в крепости.

7 июля. «Примечания на книгу Радищева послать к Шешковскому». Сказать изволили, что он бунтовщик, хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит Франклина и себя таким же представляет. Говорили с жаром и чувствительностию.

11 августа. Доклад о Радищеве с приметною чувствительностию приказано рассмотреть в совете, «чтоб не быть пристрастною, и объявить, чтоб не уважали до меня касающееся, понеже я презираю».

(Записки Храповицкого)

Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь... Поющий сию народную песнь, называемую Алексеем божим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженный толпою по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия в лице его зримого заставляли взвирающих на певца предстоять ему со благоговением. Неискусный хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемый, проникал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взрощенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габриелли, Маркези или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда клинский певец, дошед до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом, изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилось испугающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевашего. О природа, колико ты властительна! Взвирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкшей, вид восприял важности. О! природа, возопил я паки...

Сколь сладко неизвительное чувствование скорби! Колико сердце оно обновляет и оно чувствительность. Я рыдал вслед за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из сердца Вертером... О мой друг, мой друг! почто и ты не зрел сея картины? ты бы прослезился со мною и сладость взаимного чувствования была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия все предстоящие давали старику, как будто бы награду за его труд. Он принимал все денежки и полушки, все куски и краюхи хлеба довольно равнодушно; но всегда сопровождав благодарностью свою поклоном, крестясь и говоря к подающему: «Дай бог тебе здоровья». Я не хотел отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно, приятного небу старца. Желал его благословения на совершение пути и желания моего. Казалось мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъекает терние сомнительности. Подошед к нему, я в дрожащую его руку, толико же дрожащую от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль. Перекрестясь, не успел он изрещи обыкновенного своего благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения лежащего в его горсти. И сие уязвило мое сердце. Колико приятнее ему, вещал я сам себе, подаваемая ему полущка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает, может быть, мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полущку и краюшку хлеба певшему старцу! — Не пятак ли? — сказал он, обращая речь свою неопределенно, как и всякое свое слово. — Нет, дедушка, рублевик, — сказал близ стоящий его мальчик. — Почто такая милостыня? — сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казался, мысленно вообразить себе то, что в горсти его лежало. — Почто она не могущему ею пользоваться. Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Не имея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего. Ах! если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолк бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу,

куда его и положить; подаст он, может быть, случай к преступлению. Полушку не много прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возьми его назад, добрый господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора. — О истина! koliko ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну. — Возьми его назад, мне, право, он ненадобен, да и я уже его не стою; ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю, чтобы еще в бодрых моих летах лишен я был вождей моих. Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он меня посетил... Я был воин; на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не падал никогда у ног моих лежащего неприятеля и просящего безоруженному помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на карание и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств пролетевшим мимо очей, в силе своей, пушечным ядром. О! вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество. — Возвратил он мне мой рубль и сел опять на место свое покойно.

— Прими свой праздничный пирог, дедушка, — говорила слепому подошедшая женщина лет пятидесяти. — С каким восторгом он принял его обеими руками. — Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младенчестве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, чтобы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее от обыкновенных нередко побой крестьянам от проходящих солдат. Солдаты хотели что-то у него отнять, он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика и его избавил от побой, может быть, чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот чего не позабывает она каждый день и каждый праздник. Дело мое было невеликое, но доброе. А доброе приятно господу; за ним никогда ничто не пропадет.

— Неужели ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, — сказал я ему, — и одно мое отвергнешь подаяние? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника? Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию, — говорил старец; — не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай что может мне быть полезно... Холодная у нас была весна, у меня болело горло — платчишка не было чем повязать шеи — бог помиловал, болезнь миновалась... Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно вспоминание нищего. — Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого... И расстался с ним.

Возвращаясь чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дни моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел, заболев, перед смертию на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило, слушав сие.

Вот каким слогом написана вся книга!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

18-го января нынешнего года Российская Академия была удостоена присутствия его светлости принца Петра Ольденбургского, избранного ею в почетные члены. Непременный секретарь Д. И. Языков открыл заседание чтением краткой истории Академии.

Екатерина II основала Российскую Академию в 1783 году и повелела княгине Дашковой быть председателем оной.

Екатерина, стремившаяся во всем установить закон и неизблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку. Академия, повинувшись ее наказу, тотчас приступила к составлению словаря. Императрица приняла в нем участие не только словом, но и делом. Часто осведомлялась она об успехе начатого труда и, несколько раз слыша, что словарь доведен до буквы *Н*, сказала однажды с видом некоторого нетерпения: всё *Наш да Наш!* когда же вы мне скажете: *Ваш?* Академия удвоила старание. Через несколько времени на вопрос императрицы: что словарь? отвечали ей, что Академия дошла до буквы *П*. Императрица улыбнулась и заметила, что Академии пора бы *Покой* оставить.

Несмотря на сии шутки, Академия должна была изумить государыню поспешным исполнением высочайшей ее воли: словарь окончен был в течение шести лет¹. Карамзин справедливо удивляется такому подвигу.

«Полный Словарь, изданный Академиею, — говорит он, — принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея Словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писа-

¹ Французская Академия, основанная в 1634 году и с тех пор непрерывно занимавшаяся составлением своего словаря, издала оный не прежде, как в 1694 году. «Словарь обветшал, пока еще над ним трудились, — говорит Вильмен. — Стали его переделывать. Прошло несколько лет, и всё еще Академия пересматривала букву *А*. Деятельный Кольбер, удивлявшийся таковой медленности, приехал однажды в собрание Академии. Разбирали слово *Ami*. Но были такие споры о точном определении оного; рассуждали с такой утонченностию о том, что в слове *ami* предполагается ли светская обязанность, или сердечное отношение, чувство разделенное или одно наружное изъявление, или усердие без вознаграждения, что министр, у коего при дворе так много было друзей, признался, что он более уж не удивляется медленности и затруднениям Академии». (Прим. А. С. Пушкина.)

телей, но только одного истинно *классического* (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академии Флорентийской и Парижской».

Многие из членов Академии участвовали в издании «Собеседника Любителей Российского Слова». Следующее происшествие, говорит г. Языков, достойно быть сохранено в памяти: Фонвизин доставил в Собеседник статью под названием «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание». Вопросы явились в Собеседнике с весьма остроумными ответами. Приведем здесь некоторые.

В. Отчего все в долгах?

О. Оттого, что проживают более, нежели дохода имеют.

В. Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?

О. От размножившихся клубов.

В. Отчего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтобы поскорее сделать детей своих людьми, а в том, чтобы поскорее сделать их гвардии унтер-офицерами?

О. Оттого, что одно легче другого.

В. Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?

О. Оттого, что сие не есть дело всякого.

В. Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

О. Сие не ясно: стыдно делать дурное, а в обществе жить не есть не делать ничего.

В. Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом оставляются, а нередко и совсем забываются?

О. По той же причине, по которой человек стареется.

В. В чем состоит наш национальный характер?

О. В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корне всех добродетелей, от творца человеку данных.

В. Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?

О. Предки наши не все грамоте умели.

№3. Сей вопрос родился от *свободоязычия*, которого предки наши не имели.

Сии ответы писаны самой императрицей.

Под председательством А. А. Нартова (1802—1813) Академия издала:

- 1) Грамматику Российскую.
- 2) Сочинения и переводы Академии.
- 3) Словарь, расположенный по азбучному порядку.
- 4) Перевод Летописи Тацитовой.
- 5) Перевод Путешествия Младшего Анахарсиса.

В 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишков, бывший в то время за границей с государем императором, назначен председателем Российской Академии. Под его руководством Академия издала следующие книги:

- 1) Известия Академии, 11 книжек (1815—1823).
- 2) Повременное издание, 4 части (1829—1832).
- 3) Краткие записки, 3 книжки (1834—1836).
- 4) Квинтилиановы Критические Наставления (1834).
- 5) Собрание сочинений и переводов А. С. Шишкова, 16 частей.

Ныне Академия приготовляет третье издание своего Словаря, коего распространение час от часу становится необходимым. Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. В журналах наших еще менее правописания, нежели здравого смысла...

Вслед за непрменным секретарем преосвященный Филарет представил отрывок из рукописи 1073 года, писанной для великого князя Святослава и хранящейся ныне в Московской Синодальной библиотеке.

«Рукопись называется *Изборник*, т. е. извлечение избранных мест из разных писателей.

Она содержит наиболее предметы, относящиеся до христианского учения, но частью и метафизические по разуму того века, например *о естестве, о собстве, о лица, о различии, о случанин, о супротивных, о оглаголемых*.

На обороте листа 237 начинается 175 статья книги, которая говорит о тропах и фигурах. Вот ее начало.

«Георгия Хоуровьска о образѣх. Творьчѣстии образи суть 27 (кз):

1. Инословіе.
2. Прѣводъ (metaphora.)
3. Напотребіе.
4. Пріятіе.
5. Прѣходноіе.
6. Възвратъ.
7. Съпріятіе.
8. Сънятіе.
9. Именотворіе (onomatopœia).
10. Сътвореніе.
11. Въименомъстество.
12. Отъименіе (metonymia).
13. Въспятословіе.
14. Округословіе.
15. Нестатъкъ.
16. Издрядіе.
17. Лихорѣчье.
18. Притѣча.
19. Прикладъ.
20. Отъдание.
21. Лицетворье (олицетворение).
22. Сълогъ.
23. Пороуганіе (ironia).
24. Видъ.
25. Постѣдословіе.

Инословіе оубо ієсть ино нѣчто глаголюшти а инъ разоумъ оуказайюшти якоже ієже іє речено отъ бога къ змии проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий слово бо акы змии ієсть на диявола же инорѣчнъ змїемъ нарицаіема разумѣаемъ».

Далее следуют подобные сему определения и прочих вышеисчисленных наименований, но не довольно понятные для читателя, может быть, и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителем или переводчиком, издателями русской энциклопедии XI века».

Непременный секретарь прочел главу II из устава Академии о должностях и обязанностях Академии и следующий отрывок из всеподданнейшего доклада президента Академии, при поднесении на высочайшее усмотрение проекта устава:

«Академия есть страж языка; и потому должно ей со всевозможною к общей пользе ревностию вооружаться против всего несвойственного, чуждого, невразумительного, темного, *нравственного* в языке. Но сие вооружение ее долженствует быть на единой пользе словесности основанное, краткое, правдивое, без лицепрятия, без нападений и потворства, непохожее на те предосудительные сочинения, в которых, под мнимым разбором, пристрастное невежество или злость расточают недостойные похвалы или язвительные хулы без всякой истины и доказательств, в коих одних заключается достоинство и польза сего рода писаний».

За сим действительный член М. Е. Лобанов занял собрание чтением мнения своего «О духе словесности, как иностранной, так и отечественной». Мнение сие заслуживает особенного разбора как по своей сущности, так и по важности места, где оно было произнесено.

В. А. Поленов прочел «Краткое жизнеописание И. И. Лепехина», первого непременного секретаря Российской Академии: статью дельную, полную, прекрасно изложенную, словом, истинно академическую.

После сего действительные члены: М. Е. Лобанов, князь П. А. Ширинский-Шихматов и Б. М. Федоров читали, один после другого, сочинения своего стихи.

Наконец князь Ширинский-Шихматов прочел написанную г. президентом краткую статью под заглавием «Нечто о Карамзине».

Невозможно было без особенного чувства слышать искренние, простые похвалы, воздаваемые почтенным старцем великому писателю, бывшему некогда предметом жесткой его критики, если не всегда справедливой, то всегда добросовестной. При сем случае А. С. Шишков упомянул о пребывании Карамзина в Твери в 1811 году при дворе блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери его светлости принца Петра Ольденбургского. Известно, что Карамзин читал тогда в присутствии покойного государя и ав-

густейшей сестры его некоторые главы «Истории государства Российского». «Вы слушали,— пишет историограф в своем посвящении государю,— с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для себя еще славнейшие».

Пребывание Карамзина в Твери ознаменовано еще одним обстоятельством, важным для друзей его славной памяти, неизвестным еще для современников. По вызову государыни великой княгини, женщины с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли *о древней и новой России*, со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого. Государь прочел эти красноречивые страницы... прочел, и остался по-прежнему милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота...

Заседание 18 января 1836 года будет памятно в летописях Российской Академии.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ

Скриб в Академии. Он занял кресло Арно, умершего в прошлом году.

Арно сочинил несколько трагедий, которые в свое время имели большой успех, а ныне совсем забыты. Такова участь поэтов, которые пишут для публики, угождая ее мнениям, применяясь к ее вкусу, а не для себя, не вследствие вдохновения независимого, не из бескорыстной любви к своему искусству! Две или три басни, остроумные или грациозные, дают покойнику Арно более права на титул поэта, нежели все его драматические творения. Всем известен его «Листок»:

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Où vas tu? — Je n'en sais rien, etc.¹.

Участь этого маленького стихотворения замечательна. Ко-

¹ Оторвавшись от своего стебля,
Бедный сухой листок,
Куда несешься ты? — Не знаю и т. д. (франц.).

стюшко перед своею смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов,

Наш боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу.

Может быть, и сам Давыдов не знает стихов, которые написал ему Арно, услыша о его переводе. Он поместил их в примечаниях к своим сочинениям¹.

При вступлении своем в Академию Скриб произнес блестящую речь, на которую столь же блистательно отвечал Вильмен, а J. Janin в своем фельетоне осмеял того и другого. В сем случае все три представителя французского остроумия были на сцене.

Речь г. Скриба.

Мм. гг.

Когда Генуэзская республика, как вам известно, дерзнула сопротивляться Людовику XIV, тогда дож ее принужден был явиться в Версаль, чтоб испросить прощение у великого короля. В то время, как удивлялся он версальским садам, где каждый шаг представляет победу искусства над природою, их шумным водопадам, апельсинным рощам и висячим террасам, его спросили: что находит он всего необыкновеннее в Версале? Дож отвечал: «Мое присутствие!»

Так и я, мм. гг., видя вокруг себя все знаменитости Франции, окруженный славными воспоминаниями литературного величия, я должен бы удивляться всего более моему здесь присутствию, если б только одна мысль не успокоивала и не ободряла меня:

Академия, эта представительная палата литературы, желала, чтобы все роды произведений, получившие право гражданства по силе Буаловой хартии и законов вкуса, имели в недрах ее своих уполномоченных, ею утверждаемых: подобно нашим законодательным собраниям, где избранный небольшою деревнею сидит рядом с депутатом большого города, она предоставила мне вход в свое собрание и возвысила тем незначительный род сочинения, которого я представитель; я бы гордился этим позволением, если б автор водевилей имел право гордиться.

Да, мм. гг., я не ошибаюсь в истинной причине моего сюда назначения! Если довольно долго испытывал я свои силы на второстепенной сцене и ста-

¹ La *Feuille* a obtenu dans plus d'une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouidoff, est, dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouidoff est un des hommes qui, nés avec le don de la poésie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avait reçu, l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi:

A vous, poète, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hippocrène
Avez d'une feuille de chêne
Fait une feuille de laurier.

рался изобразить Талию в миниатюре, если иногда на театре, более возвышенном, я старался начертать несколько картин большего размера, такие усилия не дают еще мне права почитать себя здесь одним из представителей комедии. Вы же, мм. гг., и не нуждаетесь в новых: вы имеете блистательных авторов «Домашнего тирана», «Адвоката», «Двух зятей», «Школы стариков»; вам хотелось только, чтобы кресла Ложона не оставались надолго пустыми!

В его имени вы дали *Песни* грамоту на дворянство; вы захотели передать ее мне, и я только этому обстоятельству обязан честью занимать место между вами.

Может быть, этот род сочинения, по-видимому столь незначительный, которого название странно слышать под классическими сводами этой залы, может быть, он достоин вашего внимания, и мне должно было бы по всей справедливости, или по крайней мере из благодарности к своему протектору, защищать его; мне бы должно рассказать вам историю водевиля (*Val de vire*) от его колыбели до наших дней; но обязанность более важная и торжественная занимает мои мысли и останавливает на устах веселые напевы.

Много уже времени прошло с тех пор, как я в первый раз был в этой зале. Я учился тогда в Наполеоновском лицее, и на этом самом месте, где всё осталось по-прежнему, нам раздавали награды. Товарищи, соперники, друзья были здесь, как и теперь! Там родные, сестры, матери!.. Счастлив, кто имеет мать свидетельницею своего торжества! Я тогда был счастлив! На этой стороне сидели наши учителя, начальники, знаменитые литераторы и государственные люди: пальмы, назначенные в награду слабым достоинствам, раздавались тогда, как и теперь, великими талантами. Я спросил у моего соседа, как зовут президента? Он отвечал: это г. Фонтан (*C'est le grand Maître M. de Fontanes*¹). А возле него кто это с таким важным и прекрасным видом? Главный секретарь университета, г. Арно, автор «Мария в Минтурне», трагедии, которой прелестные стихи мы знали наизусть... Автор «Мария в Минтурне»! Я приставил, чтоб посмотреть на него: думал ли я тогда, что ученик займет место своего учителя — и что приду в это святилище я — положить кипарисную ветвь на гроб раздававшего венки!

Зачем, по крайней мере, голос сильнее и выразительнее моего не призван говорить похвальное слово этому добродетельному человеку и поэту, о котором вы сожалеете? По какому последнему для него несчастью трудная честь оценить произведения трагического его музы досталась в удел питомцу песни?

Увлеченный с юных лет непреодолимою склонностью к поэзии, г. Арно был еще очень молод, когда издал «Мария в Минтурне», первое свое произведение; это было смелое предприятие для молодого человека 24-х лет: возбудить участие к отвратительному Марию, человеку, наполнившему Италию кровью и кознями, человеку, который обесславил себя хищением и грабительством, не имел подобно Силле ни довольно величия души, чтоб остановиться вовремя, ни довольно смелости, чтоб оставить свое поприще; но г. Арно понял, что в глазах толпы несчастьем искомпаются преступления. Он избрал героем не Мария гонителя, а Мария изгнанника, победителя кимвров, скитающегося беглеца; он чувствовал, что бывает на свете великое и благородное зрелище: слава в борьбе с несчастьем, неудача, переносимая с мужеством — и он отгадал! Не подражая авторам, до него изображавшим этот предмет, не призывая на помощь ни посторонних интриг, ни женщин, ни трагической любви, он приступил к своему предмету с строгою простотою древности — и создал историческую картину, над которой возвышается везде великий образ Мария. И помните ли вы, мм. гг., какое впечатление производил

¹ Это гроссмейстер (университета) г. Фонтан (*франц.*).

этот раб, этот кимвр, когда он, испуганный при виде консульского чела, покрытого сорокалетнею славою, бросал кинжал и убегал, повторяя:

«Я никогда не буду в состоянии умертвить Мария!»

Эта трагедия была посвящена его светлости графу Прованскому, будущему Людовику XVIII. Арно был привязан к дому его потому, что принц любил литературу и покровительство его могло быть полезно молодому поэту: в те времена оно было необходимо даже и для литературного успеха; времена изменились, и слава богу, теперь писатель не имеет надобности просить вельмож удостоить его покровительством! В своем труде находит он славу — и еще более, если возможно — свою независимость.

В начале революции граф Прованский удалился в чужие края; а Арно, подвергаясь от того многим опасностям, поспешил переехать в Англию. Странная была его участь! Покровитель, им избранный, тогдашний принц, а впоследствии король, был причиною двукратного удаления Арно из Франции: в 92 году своим отъездом, в 1815 своим прибытием.

Арно старался снова возвратиться на родину. Захваченный как эмигрант в Дункирхене, он был брошен в тюрьму и освобожден из нее по приказу Комитета общественного спокойствия (Comité de salut public), который постановил, и на этот раз справедливо, что закон об эмигрантах не распространяется на литераторов, а следовательно, и на автора «Мария в Минтурне», поэтически предполагая, что вселенная принадлежит поэту и что его отечество повсюду.

Наступили лучшие дни для Франции: республика еще существовала, но без кровавых топоров децемвиров, даже без строгостей Рима и Спарты. По невоздержному вкусу к роскоши и удовольствиям, по забвению прошедшего и безопасности о будущем можно было б назвать республику Афинскою, если б у кого только достало смелости сравнить Барраса с Периклом! Мы были тогда под правлением Директории, правлением слабым, веселым, роскошным, правлением, так сказать, регентства революции.

Обратившись к литературным трудам, Арно издал сперва трагедию «Оскар», где так мило выражены тихие чувства любви и дружбы; потом трагедию «Венецианцы», коих пятый акт есть лучший акт драмы новейших времен. Впрочем, для исторической верности мы должны сказать, что Арно не один сочинил этот пятый акт. Сперва он дал счастливую развязку своей пьесе. Montcassin, герой ее, не умирал, а был спасен своим соперником от казни; эта развязка не понравилась одному члену Института, которого Арно знал в Италии и которому читал свою трагедию. Этот член Института был генерал Бонапарт, которого мнения в литературе были столь же тверды и решительны, как и в политике; он терпеть не мог Вольтера, имел несчастье не любить Расина, но Корнеля готов был сделать первым министром¹. Бонапарт любил развязки разительные и хотел, чтоб даже и на театре все препятствия уничтожались штыком.

Конец пятого акта «Венецианцев» был для этого человека неестествен: он находил, что счастье любовников портило развязку. Если б несчастье было несправимо, говорил он г-ну Арно, то минутное ощущение, которое оно произвело во мне, осталось бы у меня до вечера, до завтра!.. Нужно, чтоб герой умер, надо непременно убить его! Убейте его! и Montcassin был казнен, по повелению Наполеона, к великому удовольствию публики, утвердившей приговор рукоплесканиями. Бесполезно упоминать, что трагедия «Венецианцы» была посвящена генералу Бонапарту: это и справедливо.

¹ См. Memorial de Las-cazes*. (Прим. А. С. Пушкина.)

* Записки Лас-Каза (франц.).

Бонапарт любил Арно, и эта дружба никогда не изменялась; Арно, как надежному человеку, Бонапарт поручал образование Ионийских островов; Бонапарт принимает Арно в своем доме, в улице Шантерень, позволяя ему участвовать в домашних разговорах, которые тогда были историею; после на адмиральском корабле, который вез в Египет кесаря и его фортуна, Бонапарт и Арно толкуют об Оссiane и Гомере; потом Бонапарт-император дает ему одно из первых мест в университете. Наполеон постоянно уважал Арно, хотя не раз мог бы жаловаться на его сатирические выходы и резкою откровенность. Тот, кто одним взглядом умел отгадать, оценить достоинство, в первый день своего прибытия в Италию, рукою победителя написал на своих памятных табличках имя Арно: и двадцать три года спустя после того, рукою умирающего, писал он это же имя в своем завещании, с утесов св. Елены.

Что могу я прибавить к этому свидетельству?

После стодневного переворота Арно был изгнан, а что и того удивительнее, лишен места, которое он занимал между вами и на которое он вами был призван. Касательно стихов и поэзии Мольер сказал:

Hors qu'un commandement exprès du roi ne vienne...¹

Повеление пришло и исключило Арно из Института.

Во время своего изгнания, которое Арно перенес с благородством и твердостью, он сочинил последнее отделение Басен, лучшее, по моему мнению, литературное его произведение: ибо здесь он создал новый род, который останется образцом, тем более что автор не старался подражать ни Лафонтену, ни Флориану; здесь нет веселой простоты первого, нет изящной и грациозной чувствительности второго: здесь эпиграмма, здесь сатира, здесь Ювенал, сделавшийся баснописцем — может быть, по одинаковой причине.

Не был ли Арно увлечен сам своею гиперболою? Не представлялось ли ему общество слишком порочным, а люди слишком злыми? Справедливо упрекали Флориана за излишнее множество овец, рассыпанных в его сочинениях. Кажется, в баснях Арно не слишком ли много волков?..

В отсутствие Арно трагедия его «Германик» игралась в Париже и была принята с успехом в первый день, а на другой изгнана из театра подобно автору ее, изгнанному из Франции. Наконец, когда после пятилетней ссылки настал для него день правосудия, он возвратился в отечество и опять занял свое место между вами... Тут неожиданный случай снова и уже навсегда похитил его у вашей дружбы! Младший из его сыновей испытал жестокою потерю; отец спешил утешить сына и предпринял роковое для себя путешествие. Арно имел привычку долго прогуливаться пешком; на ходу сочинил он все свои творения. Однажды утром, по сильному жару, он проходил и просочинял более обыкновенного; усталый он воротился домой; лег на кровать и сказал дочери: поиграй на фортепиано; дочь повиновалась; отец, будто отдыхая, всё более и более поникал головою; он уже был мертв, а она еще играла.

Он скончался без страдания, без предсмертных мучений, с улыбкою на устах, думая о своих утренних трудах, о детях, о друзьях, может быть, о вас, мм. гг.!

Он умер, оставив нам троих сыновей, свою и нашу надежду! троих сыновей, которые на поприщах литературном, военном и судебном достойно поддерживают честь отцовского имени. Один из них, автор «Регула», доказал, что принадлежит к одной из тех фамилий, которых слава наследственна, доказал, что аристократическое право дворянства, доставаемое авторством, подобно купленному оружию, может учреждать майоратство.

¹ Если только не будет особого повеления короля (франц.).

Хотя ничто не подавало повода думать о скорой кончине Арно, но с некоторого времени здоровье его видимо слабело. Сильные удары, безжалостно направленные на человека и писателя, поколебали его крепкую, но чувствительную и раздражительную организацию.

В наши времена существует ядовитый род критики, которая достигает до сердца; ею не поспешили для Арно: и несмотря на свои седины, на прежние триумфы, он не мог, подобно Марию в Минтурне, обезоружить кимвра.

Надобно сказать и то, весьма часто ошибались в характере Арно. В душе этого человека глубоко напечатлелись все воспоминания и добра и зла. Если он никогда не забывал нанесенного ему зла, то вечно зато носил в сердце благоденствие. Признаемся также, что по живому и остроумно расположенному уму своего Арно не мог удержаться от острого слова, и если прибавим к этому недостатку необыкновенную откровенность Арно, то нам будет понятно, отчего он имел столько врагов. Между тем не было человека добрее его. Не раз доказывал он это; не раз, занимая важную должность при университете, он подавал руку помощи отвергнутому таланту или скромному достоинству. Арно принял в свою канцелярию нашего поэта Беранже, которого он один тогда разгадал. Разговор Арно был исполнен выражений смелых и живописных, носил на себе отпечаток той насмешливости, которая встречается в его баснях, разных стихотворениях и даже в песнях. оригинально веселых... да, мм. г.г., в песнях Арно, в песнях трагического писателя! Я так горжусь этим обстоятельством, что спешу заговорить о нем: это для меня важный авторитет, это новое доказательство в пользу рода сочинения, которому я осмеливаюсь, может быть дерзко, доставить между вами право гражданства.

Для этого, мм. г.г., мне бы должно развернуть перед вами то, что я называю героическими временами песни, когда она сопутствовала в сражениях Роланду и храбрым рыцарям Карла Великого, или когда с труверами и менестрелями с арфою в руках она приходила к дверям дворца и садилась за стол с владетелем замка; показать вам потом, как она отправилась в крестовые походы и возвращалась с первыми христианскими баронами; как она, сидя у готического очага, веселым напевом о султани Саладине забавляла досуги благородных дам. Потом я бы должен был представить вам ее, когда, нежная и воинственная, с Агнесою Сорель, она научала Карла VII, каким образом возвращают королевства; как она, насмешливая и щеголеватая, писала с Франциском I веселые куплеты на стеклах Шамбора, потом вдруг, фанатическая и возмутительная с крестом Лиги или под знаменем Фронды, нападала на королей, низвергала министров, переменила парламенты; и, может быть, желая изобразить историю песни, я бы неожиданно рассказал вам всю историю Франции.

В знаменитой речи, исполненной тонких и остроумных мыслей, один из первых наших драматических авторов доказывал здесь, что если бы какой-нибудь ужасный переворот истребил с лица земли все исторические документы, оставив невредимым лишь собрание наших комедий, то это собрание заменило бы все летописи. Литературная свобода Академии позволит ли мне не вполне разделять это мнение? Я не думаю, чтоб комический автор был историком: это не его назначение; не думаю, чтобы в самом Мольере можно было найти историю нашей страны. Комедия Мольера говорит ли нам что-нибудь о великих происшествиях века Людовика XIV? Есть ли в ней хотя слово о заблуждениях, слабостях и ошибках великого короля! Говорит ли она об уничтожении Нантского эдикта? Нет, мм. г.г., точно так же как комедия времен Людовика XV молчит о *Ragc-au-segf*¹, комедии времен империи — о страсти к завоеваниям!

¹ Оленьем парке (франц.).

Если прибавим к этому новую невероятность (меня так часто упрекали в этом недостатке, что мне позволено будет прибавить еще тысячу первую в пользу истины) и если в свою очередь предположим, что, подобно тому наместнику Магомета, который сжег всю библиотеку александрийскую и сохранил только книгу пророка, найдется в наши времена какой-нибудь победитель калмыцкий или татарский, любитель веселостей, пристрастный к песням, как Омар к Алкорану, сожжет все исторические книги, а пощадит только собрание наших песен разного рода и водевилей, напечатанных доныне, посмотрим, нельзя ли будет с пособием одних этих документов восстановить главнейшие факты нашей истории? Быть может, я заблуждаюсь; быть может, это один только парадокс, но мне кажется, что с помощью этого веселого архива, этих поющих летописей, легко было бы отыскать имена, числа, происшествия, забытые комедию, или исторические лица, пощажённые ею.

Подобная верность невозможна для комической музыки, я знаю; я это говорю ей не в укоризну, а рассказываю просто, как есть дело; я уверен, что ни Людовик XIV, ни Людовик XV, ни Наполеон не потерпели бы на театре великих поучений истории и не позволили бы вывести на сцену то, что бы до них близко касалось. Нынешний комический автор в сем отношении не имеет больше преимущества перед своими предшественниками. У нас раздражительность партии заступила место раздражительности правительства; в наш век свободы мы не волнуемся изображать на сцене всё смешное: всякая партия защищает своих и позволяет занимать смешное лишь у соседа; самое книгопечатание, эта неограниченная власть свободных правлений, книгопечатание хочет говорить правду всему свету, но не любит, чтоб говорили ему истину. Я здесь, повторяю, не хочу укорять комедию, но, напротив, оправдать ее и доказать, что от нее требовали невозможного, требовали, чтоб она заступила место истории.

По крайней мере, комедия нам описывает нравы?.. Справедливо! Согласен, что она ближе к точности и истине нравоописательной, нежели к исторической; но со всем тем, исключая некоторые, весьма редкие произведения (как, например, «Туркарет», образец точности), мы находим театр, по какой-то довольно странной судьбе, почти всегда в прямом противоречии с обществом. Например, мм. гг., касательно нравов? Разберем эпоху регентства! Если комедия выражает постоянно общество, то комедия тех времен должна бы нам представить странные вольности и веселые сатурналии. Совсем нет; она холодна, точна, взыскательна и благопристойна. Такова комедия Детуша, она не смеется или смеется очень мало, комедия Лашоссе плачет. Под скиптром Людовика XV, или лучше под скиптром Вольтера, в ту минуту, когда решались эти великие вопросы, изменившие все общественные мысли и в быстром движении увлекавшие осьмнадцатое столетие, столь полное настоящим и будущим, мы видим на театре Дора, Мариво, Де Лану, т. е. остроумие, романтизм и пустоту.

Во время самых жестоких периодов революции, когда трагедия, как говорили, рыскала по улицам, что представлял театр? Сцены человеколюбивые и чувствительные, как например: «Женщины», «Сыновья Любви», а в январе 93 года, во время суда над Людовиком XVI, давали «Прекрасную Мызницу», комедию пастушескую и чувствительную. Во время империи, в царство славы и побед, комедия не была победительницей и воинственною! При восстановлении Бурбонов, правлении мирном, лавры, военные мундиры завладели сценою; Талия надела эпюлеты! А в наши времена? В эту самую минуту, в которую я говорю с вами, вообразите иностранца, нового Анахарсиса, упавшего с неба посреди нашей образованности и отправляющегося в театр, чтоб узнать точное и положительное состояние парижских нравов в 1835-м году? Как бы испугался этот почтенный иностранец! Он не посмел бы показаться в улицах Парижа невооруженный, не посмел бы сделать шага,

чтоб не встретить убийства, прелюбодеяния, кровосмешения; а всё от того, что его уверили, будто театр есть выражение общества.

И если б потом кто-нибудь взял этого иностранца за руку и ввел в наши гостиные, в наш семейный круг, с каким бы удивлением увидел он, что ни в одну эпоху, может быть, нравственность наша не была так хороша, как теперь; что кроме некоторых исключений, о которых говорят только по их редкости, никогда еще под домашнею кровлею не жило столько добродетелей. Если б ему сказать, что прежде высшие классы подавали пример порока, что часто сам двор ничтожил народную нравственность; если сказать ему, что теперь добродетель нисходит к нам свыше и отражается от престола на обществе,— то, помирившись с этим обществом, которое он обвинял по незнанию, иностранец с радостью сказал бы: меня обманули; слава богу, театр не всегда служит выражением современных нравов!

Каким же образом растолковать, мм. гг., это постоянное противоречие между театром и обществом? Случай ли этому причиной или скорее современный вкус и наклонности, отгаданные и разработанные авторами? Вы идете в театр не за нравоучением или исправлением, а для развлечения и удовольствия. Вас увеселяет более вымысел, нежели истина! Представляя то, что вы имеете ежедневно перед глазами, нельзя вам понравиться; но то, чего не видите вы в обыкновенной жизни, всё чрезвычайное, романическое, вот что вас очаровывает,— теперь это и представляют вам.

Так, во дни ужаса революции, именно потому, что вашим глазам больно было смотреть на кровавые сцены и грабительства, вы были счастливы, находя в театре человеколюбие и благотворительность, которые тогда были вымыслами...

Точно так и во времена восстановления Бурбонов вам напоминали те дни, когда вы давали Европе законы — и прошедшее утешало вас в настоящем.

Следственно, театр весьма редко бывает выражением современного общества: по крайней мере, как мы видели, он часто выражает противоположное, так что должно искать происхождения в том именно, о чем театр молчит. Комедия изображает страсти всех времен, как изображали их Мольер, Данкур и Пикар, с такою веселостию, как Колен д'Арлевиль, с такою прелестью, как Андриё; она описывает редкие исключения и минутные странности; она едва приподнимает завесу и показывает нам только уголок общества; но нравы целого народа, целые эпохи, изящные или грубые, развратные или набожные, кровавые или героические, кто их нам откроет? Хороши они были или дурны, их вы найдете, мм. гг., в тех летописях, о которых я вам сейчас говорил:

Ces peintures naïves,
Des malices du siècle immortelles archives.

Песня! она не имела никакой выгоды скрывать истину, а появлялась, напротив, именно для того, чтоб высказать ее! Итак, мм. гг., — пробежим снова те эпохи, о которых мы говорили, начнем с регентства, так мало сохраненного комическими авторами того времени, и прибегнем к песенникам: не будут ли они более верными живописцами общества? Колле, например:

Chansonniers, mes confrères,
Le cœur, l'amour sont des chimères.
Dans vos chansons légères
Traitez de vieux abus
Ces vertus
Qu'on n'a plus.

Не бойтесь, мм. гг., я вам прочту только один куплет и то отрывками:

L'amour est mort en France,
C'est un
Défunt
Mort de trop d'aisance!

.....
Et tous ces nigauds
Qui font des madrigaux
Supposent à nos dames
Des cœurs.
Des mœurs,
Des vertus, des âmes!
Et remplissent de flammes
Nos amants presque éteints,
Ces pantins
Libertins!

Не видите ли вы, мм. гг., всего регентства в этих стихах? А что было бы, если б я прочитал всю песню до конца!

Хотите ли узнать общество осмнадцатого столетия? Это общество щегольское и остроумное, рассудительное и скептическое, которое верило не в бога, а в наслаждения? Хотите ли иметь понятие о его нравах, философии и маленьких ужимках? Не спрашивайте комедию — она вам ничего не скажет! Прочтите песни Вуазенона, Буфлера и кардинала Берни.

Пойдемте далее, к тем временам, когда испуганной песне приходилось изломать свирель свою: она и тут не молчит, не перестает описывать нравов своего времени; она неотлучна, как верное эхо, при всякой громкой эпохе принимает звуки и передает их нам. Так, в нашу революцию, разделяющуюся на две различные половины, период ужасов изображен в безбожных песнях 93 года, период геройства и славы в воинственных гимнах, которые повели наших воинов на завоевание Европы.

Я не говорю вам о славе империи — она имела историографами всех песенников той эпохи, начиная с Дезожье, первого песенника всех времен, который производил песни, как Лафонтен басни!

Что касается до времен восстановления Бурбонов, то не спрашивайте о них наши театры, не ищите их в столбцах Монитёра: для этого у нас есть песни Беранже.

В конце речи своей остроумный оратор представляет песню во всегдашнем борении с господствующею силою: он напоминает, как она воевала во времена Лиги и Фронды, как осаждала палаты кардиналов Ришелье и Мазарини, как дерзала порицать важного Людовика XIV, как осмеивала его престарелую любовницу, бесталанных министров и несчастных генералов; как при умном и безнравственном регенте и при слабом и холодном Людовике XV нападения ее не прекратились; как, наконец, в безмолвное время грозного Наполеона она одна возвысила свой голос, и приводит в пример известную песню *Le roi d'Yvetot*.

Il était un Roi d'Yvetot,
Peu connu dans l'histoire,
Se levant tard, se couchant tôt,
Passant le jour à boire,
Et couronné par Jeanneton
D'un simple bonnet de coton etc.

Признаюсь: вряд ли кому могло войти в голову, чтоб эта песня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть ли не лучшая из всех песен хваленого *Béanger*), но уж конечно в ней нет и тени оппозиции.

Ответ г. Вильмена,
непременного секретаря Академии

М. г.!

Ваша речь имела успех такой же, как и ваши комедии; здесь встречаю вас те же рукоплескания, которые раздаются при вашем имени на всех театрах Франции и почти всей Европы. Академия это предвидела: она была уверена, что избрать вас было делом справедливости и народности. Во всех родах литературы всякая прочная слава дает право на академическое звание; никому не может быть дозволено в продолжение 20 лет безнаказанно морить со смеху публику.

Напрасно, м. г., следуя законам официальной скромности, вы бы стали унижать пред нами постоянные ваши успехи, опираясь на легкую форму ваших сочинений; всё дело в произведении вкуса не в предмете и не в форме, но в таланте. Есть песни, которые гораздо лучше эпической поэмы. Знаменитый академик, которого вы теперь занимаете место и которого вы так удачно характеризовали, после великих трагических произведений отличился особенно своею оригинальностью в эпиграммах, названных им баснею. Этот человек с умом и талантом умел бы оценить всю творческую силу, которая видна в бесчисленных и разнообразных ваших комических произведениях. Он бы не упрекнул вас ни за многих ваших сотрудников, ни за многие прелестные ваши произведения, которые принадлежат не вам одному, но которые без вас никогда бы не существовали. Арно знал, что вкус, который умеет выбирать и совершенствовать, есть важная часть изобретения, что мысль вполнину принадлежит тому, кто умеет придать ей настоящую цену. Он с радостью бы принял предложенного вами ему сотрудника — Наполеона, которого краткую и страшную пиитику вы так удачно изобразили.

Только пятый акт «Венецианцев» они создали вместе. Если это сообщество не было деятельнее, то виною тому не генерал Бонапарт, который в первом жару молодости и славы, между победой над Италией, управлением Францией, завоеванием Египта, занимался всем, думал обо всем вдруг, и не знал, куда деваться с своими мыслями и изобретениями в ожидании императорского престола. Арно привязался к нему с похода в Италию, со времени трагедии «Оскар», которую послал он героическому обожателю Оссиана. Вскоре потом он принял участие в египетской экспедиции и последовал за кесарем в Александрию. Во время переезда на адмиральском корабле «Восток», который нес в себе столько ученых и военных знаменитостей, Арно беспрестанно беседовал с генералом. Говорили о войне, об искусствах, о свободе, о завоевании всего света, о литературе, о трагедии. Бонапарт часто возвращался к этому последнему предмету, для которого он составил себе целую теорию. Политика,

общественная польза — вот что, по его мнению, могло быть единственными предметами трагедии; где дело шло о любви, о сердечных борениях, не исключая и «Заиры», всё это он причислял к комедии. Арно противился этим нововведениям и однажды после долгого спора, когда генерал сказал ему: «Как бы то ни было, но мне хочется сочинить с вами вместе трагедию». — «Охотно, — отвечал Арно, — тогда, когда мы сочиним вместе план сражения!»

Несмотря на эту короткость в обращении, которой бы многие позавидовали, несмотря на доверчивость счастливой звезде завоевателя, Арно не окончил путешествия. Долг дружбы задержал его в Мальте при начале завоевания. Но он был из первых между теми, которые призывали героя из Египта и готовывали к тому общее мнение.

18 брюмера Арно находился при Бонапарте одним из ревностных участников военного переворота, который основал империю, и находился при нем без всяких личных расчетов. Литератор в полном смысле слова, несколько беспечный и гордый, Арно не заботился более ни о своей будущности, ни о благосклонности своего покровителя. Сперва остался он в Мальте, а после вдали от политики и императорского двора принял на себя скромную и важную должность, где его влияние было всегда правосудно и благодетельно.

Свободные часы его были все посвящаемы литературе. Трагический автор школы Дюсиса в произведениях своих, он прибавил к древним формам новую степень ужаса, а иногда и простоты. Страстный обожатель Наполеона, он не воспевал его царствования. Великие властители, потрясающие сильно воображение народов, пробуждают его у поэтов уже долго после своей кончины. Одаренный умом колким и насмешливым, способным более к коварным намекам басни, нежели к панегирику, Арно выхвалял Наполеона лишь после его падения, и то важным языком истории. Его пристрастие было благоговение к гению и к несчастью; оно вдохнуло ему много красноречивых страниц: он заплатил изгнанием за право написать их. Писатель мирный, враг всех общественных переворотов, он был увлечен бурей, сокрушившей династию.

По этому случаю, в продолжение некоторого времени, он мог не принадлежать более этой Академии, где он имел столько прав на свое место и куда всё его призывало. Он даже возвратился к нам при том правлении, которое так несправедливо изгнало его. Во второй раз услышал он здесь похвалы трудам, прославившим жизнь его, и таланту, которому никакая революция не могла дать отставки. Ему прочли те стихи, которыми означен был первый день его изгнания; и он нашел в рукописках и в живом соучастии публики сладкую награду своему благородному характеру.

Этот характер вместе с его славою дал ему право на место, требовавшее доверности, которое опустело между нами после умного и почтенного *Андриэ*, — место, которое требует бескорыстной любви к словесности, призывает иногда к защите ее достоинства и должно быть нераздельно соединено с теми благородными чувствами, которые она внушает душе человека.

Как должны мы сожалеть, что внезапная смерть прекратила эту жизнь в полной ее силе и похитила Арно посреди недоконченных трудов его! Записки, писанные им с таким остроумием и беспечностью, составляя любопытный памятник его старости и могут выдержать эту неблагодарную и грубую критику, которая всегда ожидает последних произведений художника и поэта. Арно, как умный и нечестолюбивый зритель, замешанный в движении века, не умел ими пользоваться, но видел много вещей и всегда умел оценить их с тою сильною прямою совестью, от которой айсеет самый расчет разума. Ни собственная выгода, ни политические связи не имели влияния на верность его воспоминаний, на его нравственный инстинкт. Некоторые несчастья прежней королевской династии, может быть, нигде не были описаны с таким живым участием, как в книге Арно, изгнанного из Франции в 1815 году.

Это происходило от того, что чувства справедливости были у него врож-

денными; и его строки хотя носят иногда печать современных страстей, но дышат всегда откровенностью, которой нельзя не уважать.

Вы поняли и достойно оценили талант вашего предшественника; но ваше поприще, м. г., счастливое и легкое, не может сравняться с его поприщем. Вы, я знаю, уважаете музу науки, ученые труды, успехи, дорого купленные и добываемые с боя. Вы всё это знаете по слухам; для вас литература с молодости была ряд наслаждений славою, богатством. Это весьма редкая участь, пример опасный, быть может; но его оправдывают ваш талант и характер.

Не бойтесь, м. г., я не буду долго останавливаться на этой счастливой участи; но позволюте мне найти причину ее в вопросе более общем, который вы сейчас предложили себе и разрешили умно и удачно, но, может быть, не совсем справедливо. Тайна ваших постоянных успехов заключается, я думаю, в том, что вы счастливо разгадали дух нашего века; вы создали род комедии, с которою он хорошо сроднился, которая походит на него, комедию живую, развязную, быструю; не обширную изящную картину, которую изучить нам недостает времени, а ряд портретов выразительных, которые блеснут, исчезнут, но не забываются. Итак, не разделяя мнения, которое вы поддерживаете, не думая, подобно вам, что театр по существу своему должен быть в противоречии с нравами, противоположным полюсом общества, что он не должен походить на публику, чтобы нравиться публике, я, признаюсь вам, придерживаюсь второго мнения и могу опровергнуть ваши доказательства вашими же комедиями.

Без сомнения, одна комедия не составляет полной истории народа; но она объясняет, пополняет эту историю. Она ничего не говорит о политических происшествиях, по крайней мере со времен Аристофана (или, если хотите, со времен «Бертрана и Ратона»), но она свидетельница духа и нравов народа, у которого родились эти происшествия. Не называя никого по имени, она пишет летопись каждого. Узнали ли вы совершенно век Людовика XIV без Мольера? Знали ли бы вы, что был тогда двор, город и особенно Тартюф? Нет ни одной пьесы Мольера, не исключая и фантастической драмы «Дон Жуана», которая бы не показала вам какой-нибудь любопытной стороны народного духа в XVII столетии, не дала бы вам понятия о движении в нравах и не открыла бы вам брожения мнений при мнимой тишине этой величественной эпохи?

Впоследствии, м. г., эта мелочная, жеманная драма Дората, Лану и даже Мариво, которого вы уже слишком смешиваете с ними, уверены ли вы, что она в сильной противоположности с своим временем? XVIII-е столетие, столь полное настоящим и будущим, выражаясь вашими словами, XVIII-е столетие не походило ли в праздности высших классов, в злоупотреблениях ума, в утонченном разврате нравов на натянутую драму, которой оно рукоплескало? И даже не найдем ли мы и в других комедиях того времени, еще более слабых, верного изображения нравов и, может быть, достойного наблюдений историков? Что же касается до хороших комедий той же эпохи, то они говорят много, и даже слишком много; например, «Свадьба Фигаро» есть бесценное сведение для истории.

Я боюсь, м. г., следуя за вами далее, броситься ради комедии в летописи нашей революции: но и в эту эпоху, этот сантиментальный набор слов, это идолопоклонство *старости, добродетели, детству*, выводимое на театре во время политических ужасов, не было ли также чертою нравов? Тот же самый наглый обман не повторялся ли в речах трибуны и в программах народных праздников, где священные слова человечества смешивались с гнусными преступлениями; — это были проповеди и гимны новой *Лиги*.

Мне кажется, м. г., что театр, хорош ли он или дурен, естествен ли он или

натянут, всегда, как прежде говорили и доказывали, театр есть драгоценный свидетель для истории нравов и мнений.

В нравах народа заключены его предрассудки, его воспоминания, его сожаления; для этого он иногда ходит в театр искать того, что не выражает настоящего его положения, но говорит ему о том, чего он желает или что им потеряно. И потому я скажу, м. г., пользуясь вашим же примером: если в мирные времена *восстановления* ваши отставные полковники, ваши заслуженные храбрые солдаты были в такой милости у публики, то не от того, что эта картина противоречила духу времени, но, напротив, потому, что льстила ему, лаская обиженное народное самолюбие; проникательный политик мог бы открыть в этих представлениях, принимаемых толпою с восторгом, страсть, не потушенную в течение 15 лет и вдруг вспыхнувшую.

Да, м. г.! в ваших же произведениях можно найти эту современную точность, которую вы, отняв у комедии, присвоили одной песне, и сделать вас историком против вашей воли. Впрочем, в этом деле вы приняли все возможные предосторожности: вы соединили песню с комедией, и что ни говори о вашей литературной теории,— со всех сторон вас ожидают рукоплескания.

Я признаюсь, что эта теория делается весьма правдоподобною в последних примерах, вами приведенных. В наших глазах, почти в то самое мгновение, когда я говорю, исчезло было это соотношение, это сходство театра с публикою, или, лучше сказать, казалось, что один из них хотел быть развратителем другого. Но в этом отзыве общественному перевороту, в этом бесплодном брожении возмутительных голов, нет ли чего такого, чем бы можно было изъяснить эту потребность сильных потрясений, столь противоположную нашим семейственным нравам, эту потребность, редко удовлетворенную на театре и которая бы уничтожилась сама собой, скукою публики, даже без пособия цензуры? Вы сами, милостивый государь, можете судить лучше других об этом, вы не заражены эпидемиею преувеличения, этой страстью к ложному, вы умеете на свободе соединять остроумие с здравым смыслом и не нуждаетесь в неблагоприятных сценах для драматического эффекта.

Долгие успехи научили вас этому трудному искусству, от которого вы редко отступали, несмотря на огромное количество пьес, писанных наскоро. Аристократ Буало говорил:

Il faut, même en chanson, du bon sens et de l'art¹.

Этот совет, хотя, кажется, может быть ненужным и лишним в наше время, но тем не менее может быть применен с точностью ко всем родам песни на наших театрах. Ни легкость предмета, ни свобода формы, ни шалость ума никогда не могут избавить автора от этих двух старинных условий, требуемых Буало: *здорового смысла и изящества*; и если бы даже они перестали быть принадлежностью больших произведений, то всё бы надобно было требовать их соблюдения от водевилей и комической оперы.

Так в прошедшем столетии человек с необработанным талантом, Седен, с помощью здравого смысла и искусства нашел новое место на наших театрах и оставил незабытые произведения. Вам, м. г., приготовленному с ранних дней изучением литературы, вам предстояло менее усилий и затруднений. К той оригинальности, без которой ни один писатель не может занять сильно публики, вы присоединили изучение хороших образцов: ваши первые произведения, по-видимому, импровизированные посреди юной, беспечной веселости, всегда носили на себе отпечаток искусства и были написаны с такою же быстротою, как и со тщанием.

Вы ограничивали ваш талант тесною рамкою. Оригинальные характеры, свежие, девственные представления нравов — уже были похищены

¹ Даже в песенке требуется здравый смысл и искусство (*франц.*).

у вас прежними мастерами. Бросая наблюдательный взгляд на наше общество, вы не нашли в нем уже тех резких образов, той борьбы между состояниями, того особенного характера разных классов, столь удобных для высшей комедии; и, несмотря на счастливые примеры, вы не решились испытать свою силу в этой изящной сфере искусства. Вас прельщал успех более легкий и скорый. Вместо того, чтоб сосредоточить вашу комическую силу на каком-нибудь предмете, требующем долгого размышления, вы раздробили ее на тысячу мелких блистательных очерков, возобновили ту изобретательную плодотворность испанских поэтов, которых произведения и успехи считались сотнями. Посреди общества, подведенного под один и тот же уровень, но общества деятельного, беспокойного, вы переносили на сцену его мнения, моды, причуды по мере того, как они появлялись пред вами.

Когда трудно было прямо ухватиться за минутную истину, вы часто искусно добивались до ней со стороны; для этого брали, вместо главной черты, мелочные оттенки и умели заставлять публику рукоплескать даже и тому, о чем вы молчали. Многие мелкие пьесы Мольера ценятся знатоками наравне с его большими произведениями. Вы умели быть оригинальным, подражая этим небольшим пьескам; и часто воспоминание или противоположная сторона какой-либо мысли великого поэта подавали вам средство написать целую новую пьесу.

Но особенно в наше время под парижским горизонтом, в его шумной жизни, в его делах и удовольствиях, на бирже, в литературе, вокруг себя, в происшествиях вчерашнего вечера, вы умели схватить предметы и освятить их вдохновением. Ваш театр приблизился к тем *Пословицам* гостинных, где общество обрисовывает само себя и говорит своим ежедневным языком. Но, пока вы писали под диктовку публики, возвращая ей, что она вам давала, сколько удачных и остроумных картин, сколько быстрых и живых разговоров обличали ваше участие в этой общей работе!

Вот причина, м. г., почему ваши пьесы забавляют всю Францию, переходят за границу и там, переведенные, переделанные, сокращенные, увеличенные, по вкусу разных народов, поддерживают все театры от юга до севера. Везде хохотали, везде с жадностью хватались за ваши произведения. Это служит доказательством, что не костюм и минутные намеки составляют главное в этих совершенно парижских пьесах, — но что в них много истины и много веселости общечеловеческой.

Мне помнится, один знаменитый немецкий критик, слишком строгий к нашим классическим поэтам, может быть, умом и знанием завлеченный в невольный парадокс, предпочитал в полном смысле «Просителя» «Мизантропу». Я уверен, что вы сами не согласны с этим мнением; но заблуждение, в которое вы ввели такого критика своею остроумною комедиею, служит новым доказательством в вашу пользу; такое заблуждение было бы невозможно, если бы не было много ума и много жизни в этих легких сценах, которые не только играют, но на которые пишут комментарии за границей. Не повторяя слов критика, я не могу, однако же, не обратить внимания на особенное искусство, с которым ведены ваши важнейшие пьесы, на быстрое и свободное движение вашей драмы, на верность производимых ею впечатлений (хотя разговор и бывает иногда слишком украшен или слишком мелочен), на вашу тайну обрисовывать предмет во всех возможных видах, на ваш разговорный слог, то грациозный, то простой, то трогательный и всегда остроумный.

Какое расстояние от «Дипломата» до «Валерии», от «L'intérieur d'un Bureau» до «Michel et Christine»! Какое разнообразие, иногда какое остроумное нравоучение, в многочисленных пьесах, на предмет, профанированный старинным театром: на брак! Одна из них, «Женитьба по расчету» (*Le Mariage*

¹ «Внутри одной канцелярии», «Мишель и Кристина» (*франц.*).

d'argent), есть настоящая комедия в пяти актах, без куплетов, без соотрудников, поддерживаемая драматической целостью, единством характеров, истинною разговором, силою оставляемого ею в душе впечатления. Проза не вредит этому творению, так же как и прекрасным комедиям Лесажа и Пикара.

Не надобно спрашивать, м. г., зачем вы не пытались чаще возобновлять эту высшую комедию, которая так удалась вам; у вас не было недостатка ни в таланте, ни в источниках смешного. Даже это поприще расширилось при действии наших общественных переворотов, и вам было возможно испытать свои силы над политической комедиею, этою крайнею вольностию театрального искусства. Между большим числом ваших успехов замечательны «Vertrand et Raton», сколько по новости предмета, столько и по истине подробностей. Эта пьеса сама собою имела достоинство случайное, оцененное публикою, для которой потребность порядка была чувством народным. Она осмеивала мятеж и живо изображала, какое искусственное волнение и какие мелочные причины могут иногда возмущать спокойствие государства.

Впрочем, м. г., это поприще политической комедии, на котором вы сделали несколько шагов, скоро закрылось, и вы об этом не сожалеете. Вашему таланту, остроумному и разнообразному, не нужно отыскивать смешное в раздорах партий; вы и без этого средства умеете возбудить внимание и покупать победу. Вы еще молоды: публика ожидает от вас многого. Обратится ли ваш талант к успехам более редким или возобновит прежние, академия во всяком случае не будет сожалеть о своем выборе. Ибо честь и жизнь литературного общества тогда только возможны, когда оно привлекает к себе все роды знаменитостей, узаконенных публикою. Это различные формы, в которых является состояние искусства в какой-либо нации. Не все приходят вдруг и не всякий принимает в этом деле одинакое с другим участие; строгому вкусу, глубокой учености должно быть место возле смелого таланта; возле людей, посвятивших себя словесности для самой словесности, должны быть люди, для которых она лишь средство действия на трибуне, в суде и в театре. Все эти различные роды соприкасаются один к другому и соединяются; сие-то самое смешение и составляет характер академии. Каждая наша потеря, как и всякий наш выбор, более и более утверждают нас в этой мысли. Некогда из среды нас был похищен оратор, которого важное, возвышенное слово, громко прозвучав в национальных собраниях, тихо раздавалось в наших мирных беседах, муж доблестный и красноречивый, сохранивший всеобщее уважение и в отдалении от дел, и даже при кормиле правления. Кто возвратит нам Лене?¹

По крайней мере да огласятся эти стены нашим сетованием и да простят нам, что мы поспешили воспользоваться этим случаем, чтобы гласно принести дань нашего благоговения на его смиренную и еще свежую могилу.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЗАПИСКАМ Н. А. ДУРОВОЙ

Modo vir, modo foemina.

*Ov.*²

В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров, вступил рядовым в Конно-Польский Уланский полк, отличил-

¹ Французская академия на место умершего Лене выбрала г. Дюпати мимо представлявшихся кандидатами Балланша, Виктора Гюго и Моле. Академия имела на то, вероятно ей известные, причины. Мы же не знаем, что такое г. Дюпати. (Прим. А. С. Пушкина.)

² То мужчина, то женщина. *Овидий (лат.)*.

ся, получил за храбрость солдатский георгиевский крест и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский Гусарский полк. Впоследствии перешел он в Литовский Уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

По-видимому, всё это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однако ж это самое наделало много шума, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений — и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?.. Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

Ныне Н. А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы «Современника» отрывками из журнала, веденного ею в 1812/13 году. С глубочайшей благодарностию спешим воспользоваться ее позволением.

Издатель.

«ИСТОРИЯ ПОЭЗИИ» С. П. ШЕВЫРЕВА

«История поэзии» явление утешительное, книга важная!

Россия по своему положению, географическому, политическому etc. есть судилище, приказ Европы. Nous sommes les grands juges¹. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны — примеры тому.

¹ Мы великие критики (*франц.*).

Критика литературная у нас ничтожна: почему? Потому, что в ней требуется не одного здравого смысла, но и любви и науки. Взгляд на нашу критику — Мерзляков — Шишков — Дашков — etc.

Шевырев при самом вступлении своем обещает не следовать ни эмпирической системе французской критики, ни отвлеченной философии немцев (стр. 6—11). Он избирает способ изложения исторический — и поделом: таким образом придает он науке заманчивость рассказа.

Критик приступает к истории западных словесностей.

В Италии видит он чувственность римскую, побежденную христианством, обретающую покровительство религии, воскресшую в художествах, покорившую своему роскошному влиянию строгий кафолицизм и снова овладевшую своей отчизною.

В Испании признает он то же начало, но встречает мавров и видит в ней магометанское направление (?).

Оставляя роскошный юг, Шевырев переходит к северным народам, рабам нужды, пасынкам природы.

В туманной Англии видит он Нужду, развивающую Богатство, промышленность, труд, изучение, литературу без преданий etc., вещественность.

В германских священных лесах открывает он уже то стремление к отвлеченности, к уединению, к феодальному разъединению, которые и донныне господствуют и в политическом составе Германии, и в системах ее мыслителей, и при дворах ее князьков, и на кафедрах ее профессоров.

Франция, *средоточие Европы*, представительница жизни общественной, жизни всё вместе эгоистической и народной. В ней наука и поэзия — не цели, а средства. Народ (*der Herr Omnis*¹) властвует со всей отвратительной властью демократии. В нем все признаки невежества — презрение к чужому, *une morgue pétulante et tranchante* etc².

Девиз России: *Suum cuique*³.

¹ Господин Всякий (*нем., лат.*).

² спесь необузданная и решительная (*франц.*).

³ Каждому свое (*лат.*).

МНЕНИЕ М. Е. ЛОБАНОВА О ДУХЕ СЛОВЕСНОСТИ, КАК ИНОСТРАННОЙ, ТАК И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

(Читано им 18 января 1836 г. в Императорской
Российской академии)

Г-н Лобанов заблагорассудил дать своему мнению форму неопределенную, вовсе не академическую: это краткая статья, вроде *журнальных отметок*, помещаемых в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»». Может статься, то, что хорошо в журнале, покажется слишком легковесным, если будет произнесено в присутствии всей академии и торжественно потом обнародовано. Как бы то ни было, мнение г. Лобанова заслуживает и даже требует самого внимательного рассмотрения.

«Любовь к чтению и желание образования (так начинается статья г. Лобанова) сильно увеличились в нашем отечестве в последние годы. Умножились типографии, умножилось число книг; журналы расходятся в большем количестве; книжная торговля распространяется».

Находя событие сие *приятным для наблюдателя успехов в нашем отечестве*, г. Лобанов изрекает неожиданное обвинение.

«Беспристрастные наблюдатели, — говорит он, — носящие в сердцах своих любовь ко всему, что клонится к благу отечества, преходя в памяти своей всё, в последние времена ими читанное, не без содрогания могут сказать: есть и в нашей новейшей словесности некоторый отголосок безнравия и нелепостей, порожденных иностранными писателями».

Г-н Лобанов, не входя в объяснение того, что разумеет он под словами *безнравие и нелепость*, продолжает:

«Народ заимствует у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному предписывает благоразумие. Но что ж заимствовать ныне (говорю о чистой словесности) у новейших писателей иностранных?»

Они часто обнажают такие нелепые, гнусные и чудовищные явления, распространяют такие пагубные и разрушительные мысли, о которых читатель до тех пор не имел ни малейшего понятия, и которые насильственно влагают в душу его зародыш безнравия, безверия и, следовательно, будущих заблуждений или преступлений.

Ужели жизнь и кровавые дела разбойников, палачей и им подобных, наводняющих ныне словесность в повестях, романах, в стихах и прозе, и питающих одно только любопытство, представляются в образец для подражания? Ужели отвратительнейшие зрелища, внушающие не назидательный ужас,

а омерзение, возмущающее душу, служат в пользу человечеству? Ужели истощилось необъятное поприще благородного, назидательного, доброго и возвышенного, что обратились к нелепому, *отвратному* (?), омерзительному и даже ненавистному?»

В подтверждение сих обвинений г. Лобанов приводит известное мнение эдимбургских журналистов о *нынешнем состоянии французской словесности*. При сем случае своды Академии огласились собственными именами Жюль Жанена, Евгения Сю и прочих; имена сии снабжены были странными прилагательными... Но что, если (паче всякого чаяния) статья г. Лобанова будет переведена и сии господа увидят имена свои, напечатанные в отчете Императорской Российской академии? Не пропадет ли втуне всё красноречие нашего оратора? Не в праве ли будут они гордиться такой честью неожиданной, неслыханной в летописях европейских академий, где доселе произносились имена только тех из живых людей, которые воздвигнули себе вековые памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академии безмолвствовали о других.) Критическая статья английского аристарха напечатана была в журнале; там она заняла ей приличное место и произвела свое действие. У нас *Библиотека* перевела ее, и хорошо сделала. Но тут и надлежало остановиться. Есть высоты, с которых не должны падать сатирические укоризны; есть звания, которые налагают на вас обязанность умеренности и благоприличия, независимо от надзора цензуры, *sponte sua, sine lege*¹.

«Для Франции,— пишет г. Лобанов,— для народов, отуманенных гибельною для человечества новейшею философию, огрубелых в кровавых явлениях революций и упавших в омут душевного и умственного разврата, самые отвратительнейшие зрелища, например: гнуснейшая из драм, омерзительнейший хаос ненавистного бесстыдства и кровосмешения, «Лукреция Борджиа», не кажутся им таковыми; самые разрушительнейшие мысли для них не столь заразительны; ибо они давно ознакомились и, так сказать, срослись с ними в ужасах революций».

Спрашиваю: можно ли на целый народ изрекать такую страшную анафему? Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье,— который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем; народ, который Ламартина признал первым из своих поэтов, который Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо; народ, который оказывает столь сильное религиозное стремление, который так торжественно отрекается от жалких скептических умствований минувшего столетия,— ужели весь сей народ должен

¹ по собственному желанию, без закона (*лат.*).

ответствовать за произведения нескольких писателей, большую часть молодых людей, употребляющих во зло свои таланты и основывающих корыстные расчеты на любопытстве и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворения публики, всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображениям отвратительным, мало заботясь об изящном, об истине, о собственном убеждении. Но нравственное чувство, как и талант, дается не всякому. Нельзя требовать от всех писателей стремления к одной цели. Никакой закон не может сказать: пишите именно о таких-то предметах, а не о других. Мысли, как и действия, разделяются на *преступные* и на *не подлежащие никакой ответственности*. Закон не вмешивается в привычки частного человека, не требует отчета о его обеде, о его прогулках и тому подобном; закон также не вмешивается в предметы, избираемые писателем, не требует, чтоб он описывал нравы женевского пастора, а не приключения разбойника или палача, выхвалял счастье супружеское, а не смеялся над невзгодами брака. Требовать от всех произведений словесности изящества или нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного житья и образованности. Закон постигает одни преступления, оставляя слабости и пороки на совесть каждого. Вопреки мнению г. Лобанова, мы не думаем, чтоб нынешние писатели представляли разбойников и палачей в образец для подражания. Лесаж, написав «Жилблаза» и «Гусмана д'Альфараши», конечно, не имел намерения преподавать уроки в воровстве и в плутнях. Шиллер сочинил своих «Разбойников», вероятно, не с тою целью, чтоб молодых людей вызвать из университетов на большие дороги. Зачем же и в нынешних писателях предполагать преступные замыслы, когда их произведения просто изъясняются желанием занять и поразить воображение читателя? Приключения ловких плутов, страшные истории о разбойниках, о мертвецах и пр. всегда занимали любопытство не только детей, но и взрослых ребят; а сказки и стихотворцы истари пользовались этой склонностью души нашей.

Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, *опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических волнений*¹. В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политическому перевороту, ниспровергнувшему старинную монархию Людовика XIV. В самое мрачное время революции литература производила

¹ Современник, № 1: «О движении журнальной литературы». (Прим. А. С. Пушкина.)

приторные, сентиментальные, нравоучительные книжки. Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена кроткого и благочестивого Восстановления (Restauration). Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовал своенравным уставам, давшим ей слишком стеснительные формы, она ударилась в крайнюю сторону и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риториками, будто бы польза есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель художества есть *идеал*, а не *нравоучение*. Но писатели французские поняли одну только половину истины неоспоримой и положили, что и нравственное безобразие может быть целью поэзии, т. е. идеалом! Прежние романисты представляли человеческую природу в какой-то жеманной напыщенности; награда добродетели и наказание порока были непременно условием всякого их вымысла: нынешние, напротив, любят выставлять порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие. Таковой поверхностный взгляд на природу человеческую обличает, конечно, мелкомыслие и вскоре так же будет смешон и приторен, как чопорность и торжественность романов Арно и г-жи Котен. Покамест он еще нов, и публика, т. е. большинство читателей, с непривычки, видит в нынешних романистах глубочайших знатоков природы человеческой. Но уже «словесность отчаяния» (как назвал ее Гёте), «словесность сатаническая» (как говорит Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр., — эта словесность, давно уже осужденная вышшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики.

Французская словесность, со времен Кантемира имевшая всегда прямое или косвенное влияние на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и в нашу эпоху. Но ныне влияние ее было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаниями, не имевшими большого успеха. Журналы наши, которые, как и везде, правильно и неправильно управляют общим мнением, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имевшие у нас наиболее успеха, принадлежат к роду нраво-описательных и исторических. Лесаж и Вальтер Скотт служили им образцами, а не Бальзак и не Жюль Жанен. Поэзия осталась чужда влиянию французскому; она более и более дружится с поэзией германскою и гордо сохраняет свою независимость от вкусов и требований публики.

«Остановливаясь на духе и направлении нашей словесности, — продолжает г. Лобанов, — всякий просвещенный человек, всякий благомыслящий русский видит: в теориях наук — сбивчивость, непроницаемую тьму и хаос несвязных мыслей; в приговорах литературных — совершенную безотчетность, бессовестность, наглость и даже буйство. Приличие, уважение, здравый ум отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизм, слово до сих пор неопределенное, но слово магического, сделался для многих эгидою совершенной безотчетливости и литературного сумасбродства. Критика, сия кроткая наставница и добро-совестная подруга словесности, ныне обратилась в площадное гаерство, в литературное пиратство, в способ добывать себе поживу из кармана слабуумия дерзкими и буйными выходками, нередко даже против мужей государственных, знаменитых и гражданскими и литературными заслугами. Ни сан, ни ум, ни талант, ни лета, ничто не уважается. Ломоносов слывет педантом. Величайший гений, оставивший в достояние России высокую песнь богу, песнь, которой нет равной ни на одном языке народов вселенной, как бы не существует для нашей словесности: он, как бы *бесталанный* (г. Лобанов, вероятно, хотел сказать *бесталантный*), оставлен без внимания. Имя Карамзина, мудреца глубокого, писателя добросовестного, мужа чистого сердцем, предано глумлению...»

Конечно, критика находится у нас еще в младенческом состоянии. Она редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные; может быть, ее решения часто внушены расчетами, а не убеждением. Неуважение к именам, освященным славою (первый признак невежества и слабомыслия), к несчастию, почитается у нас не только дозволенным, но еще и похвальным удалством. Но и тут г. Лобанов сделал несправедливые указания: у Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титул поэта, но никто, нигде, сколько я помню, не называл его *педантом*: напротив, ныне вошло в обыкновение хвалить в нем мужа ученого, унижая стихотворца. Имя великого Державина всегда произносится с чувством пристрастия, даже суеверного. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благородности.

Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века; но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующем вкусе, ни о понятиях и учениях об изящном. Первый явно везде и во всем обнаруживается и всякому известен; а последние так сбивчивы и превратны, в новейших эфемерных и разрушающих одна другую системах, или так спутаны в суесловных мудрованиях, что они непроницаемы для здравого разума. Ныне едва ли верят, что изящное, при некоторых только изменениях форм, было и есть одно и то же для всех веков и народов; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, несмотря на различие их форм, рода, веры и нравов, все созидали изящное и для всех веков; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять ум, воображение и сердце образованных и просвещенных людей, а не одной толпы бессмысленной, плещущей без разбора и гаерам подкачальным. Нет, ныне проповедуют, что ум человеческий далеко ушел вперед, что он может оставить в покое древних и даже новейших знаменитых писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что ныне всякий пишущий есть самобытный гений,— и под знаменем сего ложного учения, поражая великих писателей древности именем тяжелых и приторных классиков (которые, однако ж, за тысячи лет пленяли своих сограждан и всегда будут давать много возвышенных наслаждений своему читателю), под знаменем сего ложного учения новейшие писатели безотчетно омрачают разум неопытной юности и ведут к совершенному упадку и нравственность и словесность».

Оставляя без возражения сию филиппику, не могу не остановиться на заключении, выведенном г. Лобановым из всего им сказанного:

«По множеству сочиняемых ныне безнравственных книг, ценсуре предстоит непреодолимый труд проникнуть все ухищрения пишущих. Не легко разрушить превратность мнений в словесности и обуздать дерзость языка, если он, движимый злонамеренностью, будет провозглашать нелепое и даже вредное. Кто ж должен содействовать в сем трудном подвиге? Каждый добросовестный русский писатель, каждый просвещенный отец семейства, а всего более Академия, для сего самого учрежденная. Она, движимая любовью к государю и отечеству, имеет право, на ней лежит долг неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, где бы оно ни встретилось на поприще словесности. Академия (сказано в ее Уставе, гл. III, § 2, и во всеподданнейшем докладе § III), *яко сословие, учрежденное для наблюдения нравственности, целомудрия и чистоты языка, разбор книг, или критические суждения, долженствует почитать одною из главнейших своих обязанностей*. Итак, милостивые государи, каждый из почтенных сочленов моих да представляет для рассмотрения и напечатания в собрания сей Академии, согласно с ее Уставом, разборы сочинений и суждения о книгах и журналах новейшей нашей словесности и, тем содействуя общей пользе, да исполняет истинное назначение сего высочайше утвержденного сословия».

Но где же у нас это множество безнравственных книг? Кто сии дерзкие, злонамеренные писатели, ухищряющиеся ниспровергать законы, на коих основано благоденствие общества? И можно ли укорять у нас цензуру в неосмотрительности и послаблении? Мы знаем противное. Вопреки мнению г. Лобанова, цензура не должна *проникать все ухищрения пишущих*. «Цензура долженствует обращать особенное внимание на

дух рассматриваемой книги, на видимую цель и намерение автора, и в суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону» (Устав о цензуре, § 6). Такова была высочайшая воля, даровавшая нам литературную собственность и законную свободу мысли! Если с первого взгляда сие основное правило нашей цензуры и может показаться льготой чрезвычайною, то по внимательнейшем рассмотрении увидим, что без того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово может быть перетолковано в худую сторону. *Нелепое*, если оно просто нелепо, а не заключает в себе ничего противного вере, правительству, нравственности и чести личной, не подлежит уничтожению цензуры. Нелепость, как и глупость, подлежит осмеянию общества и не вызывает на себя действия закона. Просвещенный отец семейства не даст в руки своим детям многих книг, дозволенных цензурою: книги пишутся не для всех возрастов одинаково. Некоторые моралисты утверждают, что и восемнадцатилетней девушке нельзя позволить чтение романов; из того еще не следует, чтоб цензура должна была запрещать все романы. Цензура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть верный страж благоденствия частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шалливых ребят.

Заклучим искренним желанием, чтобы Российская академия, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитых подвигов, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойных писателей деятельным своим покровительством, а недостойных — наказывая одним ей приличным оружием: невниманием.

ВОЛЬТЕР

*(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris, 1836)*¹.

Недавно издана в Париже переписка Вольтера с президентом де Броссом. Она касается покупки земли, совершенной Вольтером в 1758 году.

¹ Неизданная переписка Вольтера с президентом де Броссом и т. д. Париж, 1836 (франц.).

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначашие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться, и передать сделкам и купчим всю заманчивость остроумного памфлета. Судьба на столь забавного покупателя послала продавца не менее забавного. Президент де Бросс есть один из замечательнейших писателей прошедшего столетия. Он известен многими учеными сочинениями¹, но лучшим из его произведений мы почитаем письма, им написанные из Италии в 1739—1740 и недавно вновь изданные под заглавием «L'Italie il y a cent ans»². В этих дружеских письмах де Бросс обнаружил необыкновенный талант. Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что писано было в том же роде.

Вольтер, изгнанный из Парижа, принужденный бежать из Берлина, искал убежища на берегу Женевского озера. Слава не спасала его от беспокойств. Личная свобода его была не безопасна; он дрожал за свои капиталы, розданные им в разные руки. Покровительство маленькой мещанской республики не слишком его ободряло. Он хотел на всякий случай помириться с своим отечеством и желал (пишет он сам) иметь одну ногу в монархии, другую в республике — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствам. Местечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Бросс, обратило на

¹ Histoire des navigations aux terres australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétiches*, и проч... (Прим. А. С. Пушкина.)

² «Италия сто лет тому назад» (франц.).

* История плаваний в южные земли; Трактат о механическом образовании языков; История VII века Римской республики; Трактат о культуре богов-фетишей (франц.).

себя его внимание. Он знал президента за человека беспечного, расточительного, вечно имеющего нужду в деньгах, и вступил с ним в переговоры следующим письмом:

«Я прочел с величайшим удовольствием то, что вы пишете об Австралии; но позвольте сделать вам предложение, касающееся твердой земли. Вы не такой человек, чтоб Турне могло приносить вам доход. Шуэ, ваш арендатор, думает уничтожить свой контракт. Хотите ли продать мне землю вашу пожизненно? Я стар и хвор. Я знаю, что дело это для меня невыгодно; но вам оно будет полезно, а мне приятно — и вот условия, которые вздумалось мне повергнуть вашему благоусмотрению.

Обязуюсь из материалов вашего прегадного замка выстроить хорошенький домик. Думаю на то употребить 25 000 ливров. Другие 25 000 ливров заплачу вам чистыми деньгами.

Всё, чем украшу землю, весь скот, все земледельческие орудия, коими снабжу хозяйство, будут вам принадлежать. Если умру, не успев выстроить дом, то у вас останутся в руках 25 000 ливров, и вы достроите его, коли вам будет угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даром иметь очень порядочный домик.

Сверх сего обязуюсь прожить не более четырех или пяти лет.

Взамен сих честных предложений, требую вступить в полное владение вашим движимым и недвижимым имением, правами, лесом, скотом и даже каноником, до самого того времени, как он меня похоронит. Если этот забавный торг покажется вам выгодным, то вы одним словом можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишком коротка: дела не должны длиться.

Прибавлю еще слово. Я украсил мою норку, прозванную *les Délices*¹; я украсил дом в Лозанне; то и другое теперь стоит вдвое противу прежней их цены: то же сделаю и с вашей землею. В теперешнем ее положении вы никогда ее с рук не сбудете.

Во всяком случае прошу вас сохранить всё это в тайне, и честь имею» и проч.

Де Бросс не замедлил своим ответом. Письмо его, как и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я был в вашем соседстве (пишет он) в то время, как вы поселились так близко к городу², то, восхищаясь вместе с вами физической красотой берегов вашего озера, я бы имел честь шепнуть вам на ухо, что нравственный характер жителей требовал, чтобы вы поселились во Франции, по двум важным причинам: во-первых, потому что надобно жить у себя дома, во-вторых, потому что не надобно жить у чужих. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляет меня любить монархии... Я бы вам и тогда предложил свой замок, если б он был вас достоин; но замок мой не

¹ Отрада (*франц.*).

² Вольтер в 1775 году купил *les Délices sur St. Jean** близ самой Женевы. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

* Отраду на Сен-Жане (*франц.*).

имеет даже чести быть древностию; это просто *ветошь*. Вы вздумали возвратить ему юность, как Мемнону: я очень одобряю ваше предположение. Вы не знаете, может быть, что г. д'Арженталь имел для вас то же намерение.— Приступим к делу».

Тут де Бросс разбирает одно за другим все условия, предлагаемые Вольтером; с иными соглашается, другим противоречит, обнаруживая сметливость и тонкость, которых Вольтер от президента, кажется, не ожидал. Это подстрекнуло его самолюбие, он начал хитрить; переписка завязалась живее. Наконец 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающие в себе переговоры торгующихся, и несколько других, писанных по заключении торгова, составляют лучшую часть переписки Вольтера с де Броссом. Оба друг перед другом кокетничают; оба поминутно оставляют деловые запросы для шуток самых неожиданных, для суждений самых искренних о людях и происшествиях современных. В этих письмах Вольтер является Вольтером, т. е. любезнейшим из собеседников; де Бросс — тем острым писателем, который так оригинально описал Италию в ее правлении и привычках, в ее жизни художественной и сладострастной.

Но вскоре согласие между новым хозяином земли и прежним ее владельцем было прервано. Война, как и многие другие войны, началась от причин маловажных. Срубленные деревья осердили нетерпеливого Вольтера; он поссорился с президентом, не менее его раздражительным. Надобно видеть, что такое гнев Вольтера! Он уже смотрит на де Бросса, как на врага, как на Фрерона, как на великого инквизитора. Он собирается его погубить: «*gu'il tremble!* — восклицает он в бешенстве, — *il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le déshonorer!*»¹ Он жалуется, он плачет, он скрежещет... а всё дело в двухстах франках. Де Бросс с своей стороны не хочет уступить вспыльчивому философу; в ответ на его жалобы он пишет знаменитому старцу надменное письмо, укоряет его в природной дерзости, советует ему в минуты сумасшествия воздерживаться от пера, дабы не краснеть, опомнившись потом, и оканчивает письмо желанием Ювенала:

*Mens sana in corpore sano*².

Посторонние вмешиваются в распрю соседей. Общий их приятель, г. Рюфе, старается усюветить Вольтера и пишет к нему едкое письмо (которое, вероятно, диктовано самим де Броссом):

¹ пусть трепещет!.. дело идет не о том, чтобы его высмеять, а о том, чтобы его обесчестить! (Франц.)

² Здоровый дух в здоровом теле (лат.).

«Вы боитесь быть обманутым, — говорит г. Рюфе, — но из двух ролей это лучшая... Вы не имели никогда тяжёб: они разорительны, даже когда их и выигрываем... Вспомните устрицу Лафонтена и пятую сцену второго действия в «Скапиновых обманах»¹. Сверх адвокатов, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будет на вас броситься...»

Вольтер первый утомился и уступил. Он долго дулся на упрямого президента и был причиною тому, что де Бросс не попал в Академию (что в то время много значило). Сверх того Вольтер имел удовольствие его пережить: де Бросс, младший из двух пятнадцатью годами, умер в 1777 году, годом прежде Вольтера.

Несмотря на множество материалов, собранных для истории Вольтера (их целая библиотека), как человек деловой, капиталист и владелец, он еще весьма мало известен. Ныне изданная переписка открывает многое.

«Надобно видеть, — пишет издатель в своем предисловии, — как баловень Европы, собеседник Екатерины Великой и Фридерика II, занимается последними мелочами для поддержания своей местной важности; надобно видеть, как он в праздничном кафтане въезжает в свое графство, сопровождаемый своими обеими племянницами (*которые все в бриллиантах*); как выслушивает он речь своего священника и как новые подданные приветствуют его пальбой из пушек, взятых на прокат у Женевской республики. Он в вечной распре со всем местным духовенством. *Габель* (налог на соль) находит в нем тонкого и деятельного противника. Он хочет быть банкиром своей провинции. Вот он пускается в спекуляции на соль. У него свои дворяне: он шлет их посланниками в Швейцарию. И всё это его ворочает; он искренно тревожится обо всем с этой раздражительностью страстей, исключительно ему свойственной. Он расточает то искусные рассуждения адвоката, то прицепки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истинного красноречия. Письмо его к президенту о драке в кабаке, право, напоминает его заступление за семейство Каласа».

В одном из этих писем встретили мы неизвестные стихи Вольтера. На них легкая печать его неподражаемого таланта. Они писаны соседу, который прислал ему розы.

Vos rosiers sont dans mes jardins.
Et leurs fleurs vont bientôt paraître.
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être.
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

¹ Сцену, в которой Леандр заставляет Скапина на коленях признаваться во всех своих плутнях. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

Признаемся в *гососо* нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах мы находим более *слога*, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера — напыщенным языком Ронсара, живость его — несносным однообразием, а остроумие — площадным цинизмом или вялой меланхолией.

Вообще переписка Вольтера с де Броссом представляет нам творца «Меропы» и «Кандида» с его милой стороны. Его притязания, его слабости, его детская раздражительность — всё это не вредит ему в нашем воображении. Мы охотно извиняем его и готовы следовать за всеми движениями пылкой его души и беспокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтении писем, приложенных издателем к концу книги, нами разбираемой. Эти новые письма найдены в бумагах г. де ла Туша, бывшего французским посланником при дворе Фридрика II (в 1752 г.).

В это время Вольтер не ладил с *Северным Соломоном*¹, своим прежним учеником. Мопертюи, президент Берлинской академии, поссорился с профессором Кёнигом. Король взял сторону своего президента; Вольтер заступился за профессора. Явилось сочинение без имени автора, под заглавием: «Письмо к публике». В нем осуждали Кёнига и задевали Вольтера. Вольтер возразил и напечатал свой колкий ответ в немецких журналах. Спустя несколько времени «Письмо к публике» было перепечатано в Берлине с изображением короны, скипетра и прусского орла на заглавном листе. Вольтер только тогда догадался, с кем имел он неосторожность состязаться, и стал помышлять о благоразумном отступлении. Он видел в поступках короля явное к нему охлаждение и предчувствовал опалу. «Я стараюсь тому не верить,— писал он в Париж к д'Аржанталю,— но боюсь быть подобну рогатым мужьям, которые силятся уверить себя в верности своих жен. Бедняжки втайне чувствуют свое горе!» Несмотря на свое уныние, он, однако ж, не мог удержаться, чтоб еще раз не задеть своих противников. Он написал самую язвительную из своих сатир (*la Diatribe du Dr. Akakia*²) и напечатал ее, выманив обманом позволение на то от самого короля.

¹ Так называл Вольтер Фредерика II в хвалебных своих посланиях. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

² Памфлет доктора Акакия (*франц.*).

Следствия известны. Сатира, по повелению Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтер уехал из Берлина, задержан был во Франкфурте прусскими приставами, несколько дней находился под арестом и принужден был выдать стихотворения Фридерика, напечатанные для немногих и между коими находилась сатирическая поэма против Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая история мало приносит чести философии. Вольтер, во всё течение долгой своей жизни, никогда не умел сохранить своего собственного достоинства. В его молодости заключение в Бастилию, изгнание и преследование не могли привлечь на его особу сострадания и сочувствия, в которых почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью. Клевета, преследующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся перед лицом истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей. Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променять свою независимость на своиравные милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?..

К чести Фридерика II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление.

До сих пор полагали, что Вольтер сам от себя, в порыве благородного огорчения, отослал Фридерiku камергерский ключ и прусский орден, знаки непостоянных его милостей; но теперь открывается, что король сам их потребовал обратно. Роль переменена: Фридерик негодует и грозит, Вольтер плачет и умоляет...

Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственностью, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет и что, наконец, независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы.

ФРАКИЙСКИЕ ЭЛЕГИИ¹

Стихотворения Виктора Теплякова, 1836.

В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольным сочувствием не сблизить судьбы своей с судьбою Чильд-Гарольда. Ежели, паче чаяния, молодой человек еще и поэт и захочет выразить свои чувствования, то как избежать ему подражания? Можно ли за то его укорять? Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, — или чувство, в смиренности своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь.

Нет сомнения, что фантастическая тень Чильд-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабле, принесшем его к фракийским берегам. Звуки прощальных строф

Adieu, adieu, my native land!²

отзываются в самом начале его песен:

Плывем!.. бледнеет день; бегут берега родные,
Златой струится блеск по синему пути;
Прости, земля! прости, Россия;
Прости, о родина, прости!

Но уже с первых стихов поэт обнаруживает самобытный талант:

Безумец! что за грусть? в минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзал на берегу родном?
Чьи слышал ты благословенья?
Одно минувшее мудреным, тяжким сном
В тот миг душе твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челн,
И бездны, перед ней отверстые, казало! —
Пусть так! но грустно мне! Как плеск угрюмых волн
Печально в сердце раздается!
Как быстро мой корабль в чужую даль несется!
О, лютия странника, святой от грусти щит,
Приди, подруга дум заветных!
Пусть в каждом звуке струн приветных
К тебе душа моя, о родина, летит!

¹ Отпечатаны и на днях поступят в продажу. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Прощай, прощай, родная сторона! (англ.)

I

Пускай на юность ты мою
Венец терновый наложила —
О мать! душа не позабыла
Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца, прочь летите!
К отчизне душу не маните!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремите!

II

Как жадно вольной грудью я
Пью беспредельности дыханье!
Лазурный мир! в твоём сиянье
Сгорает, тонет мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родине, молчите:
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремите!

III

Увижу я страну богов;
Красноречивый прах открою:
И зашумит передо мною
Рой незапамятных веков!
Гуляйте ж, ветры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремите!

Тут есть гармония, лирическое движение, истина чувств!
Вскоре поэт плывет мимо берегов, прославленных изгна-
нием Овидия; они мелькают перед ним на краю волн,

Как пояс желтый и струистый.

Поэт приветствует незримую гробницу Овидия, стихами
слишком небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, как дальний шум победной колесницы!
О, кто средь мертвых сих песков
Мне славный гроб его укажет?
Кто повесть мук его расскажет —
Степной ли ветер, иль плеск валов,
Иль в шуме бури глас веков?..

Но тише... тише... что за звуки?
Чья тень над бездною седой
Меня манит, подъемя руки,
Качая тихо головой?
У ног лежит венец терновый (!),
В лучах сияет голова,
Белее волн хитон *перловый*,
Святей их ропота слова.
И под эфирными перстами
О древних людях, с их бедами,
Златая лира говорит.
Печально струн ее бряцанье:
В нем сердцу слышится изгнание;
В нем стон о родине звучит,
Как плач души без упования.

*Тишина гробницы, громкая, как дальний шум колесницы;
стон, звучащий, как плач души; слова, которые святее ропота
волн... всё это не точно, фальшиво или просто ничего не значит.*
Грессет в одном из своих посланий пишет:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons,
Me chanter, pleureur insipide,
De longues lamentations.

Книга *Tristium*¹ не заслуживала такого строгого осуждения. Она выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кроме «Превращений»). Героиды, элегии любовные и самая поэма «*Ars amandi*»², мнимая причина его изгнания, уступают «Элегиям понтийским». В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы! Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твердостью на счет бедного изгнанника, а с живостью заступается за него.

И ты ль тюремный вопль, о странник! назовешь
Ласкательством души униженной? —
Нет, сам терновою стезею ты идешь,
Слепой судьбы проклятем пораженный!..
Подобно мне (Овидию), ты сир и одинок меж всех,
И знаешь сам хлад жизни без отрады;
Огонь сердца без тепла, и без веселья смех,
И плач без слез, и слезы без улады!

¹ «Скорбей» (лат.).

² «Искусство любви» (лат.).

Песнь, которую поэт влагает в уста Назоновой тени, имела бы более достоинства, если бы г. Тепляков более соображался с характером Овидия, так искренно обнаруженным в его *плаче*. Он не сказал бы, что при набегах гетов и бессов поэт

Радостно на смертный мчался бой.

Овидий добродушно признается, что он и смолоду не был охотник до войны, что тяжело ему под старость покрывать седину свою шлемом и трепетной рукою хвататься за меч при первой вести о набеге (см. *Trist. Lib. IV. El. 1*)¹.

Элегия «Томис» оканчивается прекрасными стихами:

«Не буря ль это, кормчий мой?
Уж через мачты море хлещет,
И пред чудовищной волной,
Как пред тираном раб немой,
Корабль твой гнется и трепещет!»
.....
.....
«Вели стрелять! быть может, нас
Какой-нибудь в сей страшный час
Корабль услышит отдаленный!» —
И грянул знак... и всё молчит,
Лишь море бьется и кипит,
Как тигр бросаясь разъяренный;
Лишь ветра свист, лишь бури вой,
Лишь с неба голос громовой
Толпе отвечает смятенной.
«Мой кормчий, как твой бледен лик!»
— Не ты ль дерзнул бы в этот миг,
О странник! буре улыбаться? —
«Ты отгадал!..» Я сердцем с ней
Желал бы каждый миг сливаться;
Желал бы в бой стихий вмешаться!..
Но нет, — и громче, и сильнее
Святой призыв с другого света,
Слова погибшего поэта
Теперь звучат в душе моей!

Вскоре из глаз поэта исчезают берега, с которых низвергаются в море воды семиустного Дуная.

Как стар сей шумный Истр! чела его морщины
Седых веков скрывают рой:
Во мгле их Дария мелькает челн немой,
Мелькают и орлы Трояновой дружины.
Скажи, сафирный бог, над берегом ли твоим,

¹ Скорбей. кн. IV, эл. 1 (лат.).

По дебрям и горам, сквозь бор необозримый,
Средь тучи варваров, на этот вечный Рим
Летел Сатурн неотразимый? —
Не ты ль спирал свой быстрый бег
Народов с бурными волнами,
И твой ли в их крови *не растопился брег*,
Племен бесчисленных усеянный костями?

Хотите ль знать, зачем, куда
И из какой глуши далекой
Неслась их бурная чреда,
Как лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачем к садам,
К богатым нивам и лугам
По ветру саван свой летучий
Мчат саранчи голодной тучи: —
Спросите молнию, куда она летит,
Откуда ураган крушительный бежит,
Зачем кочует вал ревучий!

Следует идиллическая, немного бледная картина народа кочующего; размышления при виде развалин Венецианского замка имеют ту невыгоду, что напоминают некоторые строфы из четвертой песни «Чильд-Гарольда», строфы, слишком сильно врезанные в наше воображение. Но вскоре поэт снова одушевляется.

Улегся ветер; вод стекло
Ясней небес лазурных блещет;
Повисший парус наш, как лебедя крыло,
Свинцом охотника пронзенное, трепещет,
Но что за гул?.. как гром глухой,
Над тихим морем он раздался:
То грохот пушки заревой,
Из русской Варны он примчался!
О радость! завтра мы узрим
Страну поклонников пророка;
Под небом вечно голубым
Упьемся воздухом твоим,
Земля роскошного Востока!
И в темных миртовых садах,
Фонтанов мраморных при медленном журчанье
При соблазнительных луны твоей лучах,
В твоём, о юная невольница, лобзанье
Цветов родной твоей страны,
Живых восточных роз отведаем дыханье
И жар, и свежесть их весны!..

Элегия «Гебеджинские развалины», по мнению нашему, лучшая из всех. В ней обнаруживается необыкновенное искусство в описаниях, яркость в выражениях и сила в мыслях. Пользуясь нам данным позволением, выписываем большую часть этой элегии.

Столбов, поникнувших седыми головами,
Столбов у Тленности угрюмой на часах,
Стоящих пасмурно над падшими столбами —
Повсюду сумрачный Дедал в моих очах!

.....
.....
.....

Дружины мертвецов гранитных!
Не вы ли стражи тех столбов,
На коих чудеса веков,
Искусств и знаний первобытных
Рукою Сифовых начертаны сынов?..
Как знать, и здесь былой порою,
Творенья, может быть, весною,
Род человеческий без умолку жужжал —
В те времена, как наших башен
Главою отрок достигал,
И мамонта, могуч и страшен,
На битву равную охотник вызывал!
Быть может, некогда и в этом запустенье
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздымались портики близ кедровых палат,
Кругом висячие сады благоухали,
Теснились медные чудовища у врат,
И мрамор золотом расписанных аркад
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здесь огромных башен лес,
До вековых переворотов,
Пронзал, быть может, свод небес,
И пена горных струй, среди пальмовых древес.
Из пасти бронзовых сверкала бегемотов!
И здесь на жертвенную кровь,
Быть может, мирными венчанные цветами,
Колоссы яшмовых богов
Глядели весело алмазными очами...
Так, так! подлунного величия звездой
И сей Ничтожества был озарен объедок,—
Парил умов надменный рой,
Цвела любовь... и напоследок —
Повсюду смерть, повсюду прах
В печальных странника очах!

Лишь ты, Армида красотою,
Над сей могилой вековой,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей град развалин неизвестный
Повсюду богатит она!
Взгляните: этот столб, Гигант окаменелый,
Как в поле колос переспелый,
К земле он древнею склонился головой;
Но с ним, недвинутый годами,
Сосед, увенчанный цветами,

Гирляндой связан молодой;
Но с головы его маститой
Кудрей зеленых вьется рой,
И плащ из листьев шелковитый
Колышет ветер на нем лесной!
Вот столб другой: на дерн кудрявый,
Как труп он рухнул безглавый;
Но по зияющим развалины рубцам
Играет свежий плющ и вьется мирт душистый,
И великана корень мшистый
Корзиной вешним стал цветам!
И вместо рухнувшей громады
Уж юный тополь нежит взгляды,
И тихо всё... лишь соловей,
Как сердце, полное — то безнадежной муки,
То чудной радости — с густых его ветвей
Свои льет пламенные звуки...
Лишь посреди седых столбов,
Хаоса диких трав, обломков и цветов,
Вечерним золотом облитых,
Семейство ящериц от странника бежит,
И в камнях, зелени узорами обвитых,
Кустами дальними шумит!..

Иероглифы вековые,
Былого мира мавзолеей!
Меж вами и душой моей,
Скажите, что за симпатия? —
Нет! вы не мертвая Ничтожества строка:
Ваш прах — урок судьбы тщеславию потомков;
Живей ли гордый лавр сих дребезгов цветка?..
О дайте ж, дайте для венка
Мне листьев с мертвых сих обломков!

Остатки Древности святой,
Когда безмолвно я над вами
Парю крылатую мечтой —
Векá сменяются веками,
Как волны моря, предо мной!
И с великанами былыми
Тогда я будто как с родными,
И неземного бытия
Призыв блаженный слышу я!..

Но день погас, а я душою
К сим камням будто пригвожден,
И вот уж яхонтовой мглою
Оделся вечный небосклон.
По морю синего эфира,
Как челн мистического мира,
Царица ночи поплыла,
И на чудесные громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тень лесную, навела.

Рубины звезд над нею блещут
И меж столбов седых трепещут;
И, будто движа их, встают
Из-под земли бывшего дети,
И мертвый град свой узнают,
Паля во мгле тысячелетий...

Зверей и птиц ночных приют,
Давно минувшего зеркало,
Ничтожных дребезгов твоих
Для градов наших бы достало!
К обломкам гордых зданий сих,
О, Альнаскар! приступите,
Свои им грезы расскажите,
Откройте им: богов земных
О чем тщеславие хлопочет?
Чего докучливый от них
Народов муравейник хочет?..
Ты прав, божественный певец:
Векá веков лишь повторенье!
Сперва — свободы обольщенье,
Гремушки славы наконец;
За славой — роскоши потоки,
Богатства с золотым ярмом,
Потом — изящные пороки,
Глухое варварство потом!..

Это прекрасно! Энергия последних стихов удивительна!

Остальные элегии (между коими шестая весьма замечательна) заключают в себе недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выражения, переходящую часто в надутость, яркость описания, затемненную иногда неточностью. — Вообще главные достоинства «Фракийских элегий»: блеск и энергия; главные недостатки: напыщенность и однообразие.

К «Фракийским элегиям» присовокуплены разные мелкие стихотворения, имеющие неоспоримое достоинство: везде гармония, везде мысли, изредка истина чувств. Если бы г. Тепляков ничего другого не написал, кроме элегии «Одиночество» и станса «Любовь и Ненависть», то и тут занял бы он почетное место между нашими поэтами. Заключим разбор, выписав стихотворение, которым заключается и книга г. Теплякова.

Одиночество

I

В лесу осенний ветер и стонет и дрожит;
По морю темному ревучий вал кочует;
Уныло крупный дождь в окно мое стучит; —
Раздумье тяжкое мечты мои волнует.

II

Мне грустно! догорел камин трескучий мой:
Последний красный блеск над угольями вьется;
Мне грустно! тусклый день уж гаснет надо мной;
Уж с неба темного туманный вечер льется.

III

Как сладко он для двух супругов пролетит,
В кругу, где бабушка *внучат* своих ласкает;
У кресел дедовских красавица сидит —
И былям старины, работая, внимает!

IV

Мечта докучная! зачем перед тобой
Супругов долгие лобзанья пламенеют?
Что в том, как их сердца, под ризою ночной,
Средь ненасытных ласк, в палящей неге млеют!

V

Меж тем как он кипит, мой одинокий ум!
Как сердце сирое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горьких дум,
Над их мучительно завидной долей вьется!

VI

Но если для меня безвестный уголок
Не создан, темными *дубами* осененный,
Подруга милая и яркий камелёк,
В часы осенних бурь друзьями окруженный,—

VII

О жар святых молитв, зажгись в душе моей!
Луч веры пламенной, блесни в ее пустыне;
Пролейся в грудь мою, целительный елей:
Пусть сны вчерашние не мучат сердца ныне!

VIII

Пусть, упоенная надеждой неземной,
С душой всемирною моя соединится;
Пускай сей мрачный дол исчезнет предо мной;
Осенний в окна ветер, бушуй, не стучится.

IX

О, пусть превыше звезд мой вознесется дух,
Туда, где взор творца их сонмы зажигает!
В мирах надсолнечных пускай мой жадный слух
Органам ангелов, восторженный, внимает...

X

Пусть я увижу их, в безмолвии святом,
Пред троном вечного, коленапреклоненных;
Прочту символы тайн, пылающих на нем,
И юным первенцам творенья откровенных...

XI

Пусть Соломоновой премудрости звезда
Блеснет душе моей в безоблачном эфире;
Поправ земную грусть, быть может, я тогда
Не буду тосковать о друге в здешнем мире!..

ПРИМЕЧАНИЕ О ПАМЯТНИКЕ КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ И ГРАЖДАНИНУ МИНИНУ

Надпись *Гражданину Минину*, конечно, не удовлетворительна: он для нас или мещанин Косма Минин по прозванию Сухорукий, или думный дворянин Косма Минич Сухорукий, или, наконец, *Кузьма Минин, выбранный человек от всего Московского государства*, как назван он в грамоте о избрании Михаила Федоровича Романова. Всё это не худо было бы знать, так же как имя и отчество князя Пожарского. Кстати: недавно в одной исторической статье сказано было, что *Минину дали дворянство и боярство*, но что спесивые вельможи не допустили его в думу и принудили в 1617 году удалиться в Нижний Новгород — сколько несообразностей! Минин никогда не бывал боярином; он в думе заседал, как *думный дворянин*; в 1616 их было всего два: он и Гаврило Пушкин. Они получали по 300 р. окладу. О годе его смерти нет нигде никакого известия; *полагают*, что Минин умер в Ниж-

нем Новгороде, потому что он там похоронен, и что в последний раз упомянуто о нем в списке дворцовым чином в 1616.

Издатель.

ПУТЕШЕСТВИЕ В. Л. П.

Путешествие Н. Н. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, тип. Платона Бекетова. 1808, in 16°. Картинка представляет В. Л. Пушкина и Тальма.

Эта книжка никогда не была в продаже. Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастье получить и свой (чуть ли не последний). Я храню его как памятник благосклонности, для меня драгоценной...

«Путешествие» есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора; покойный В. Л. Пушкин отправлялся в Париж, и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь Василий Львович. Это образец игривой легкости и шутки живой и незлобной.

Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпopeи, но и в игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенных ясной веселостию, искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств, и в Ювенальном негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа...

Благоговею пред созданием «Фауста», но люблю и эпиграммы.

Винюат: я бы отдал всё, что было писано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие незадумчивые и невогсторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать к друзьям:

Друзья! сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать! etc.

Есть люди, которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выпренной; есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?). Пусть так. Но жаль было бы, если б не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин.

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА

Сочинение Сильвио Пеллико

На днях выйдет из печати новый перевод книги «*Dei doveri degli uomini*»¹, сочинения славного Сильвио Пеллико.

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов*; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие.

И не всуе, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приблизились кротостию духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя.

В позднейшие времена неизвестный творец книги «О подражании Иисусу Христу», Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем *человеков благоволения*.

Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получа свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, — прочли умиленные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства.

Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии запи-

¹ «Об обязанностях людей» (итал.).

ски, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражение нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намерение в этой ненарушимой благосклонности во всем и ко всему; эта умеренность казалась нам искусством. И, восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга «*Dei doveri*» устыдила нас и разрешила нам тайну прекрасной души, тайну человека-христианина.

Сказав, какую книгу напомнило нам сочинение Сильвио Пеллико, мы ничего более не можем и не должны прибавить к похвале нашей.

В одном из наших журналов, в статье писателя с истинным талантом, критика, заслужившего доверенность просвещенных читателей, с удивлением прочли мы следующие строки о книге Сильвио Пеллико:

«Если бы книга *Обязанностей* не вышла вслед за книгою *Жизни* (Мои темницы), она показалась бы нам общими местами, сухим, произвольно догматическим уроком, который мы бы прослушали без внимания».

Неужели Сильвио Пеллико имеет нужду в извинении? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармонического красноречия, могла кому бы то ни было и в каком бы то ни было случае показаться *сухой* и холодно догматической? Неужели, если б она была написана в тишине Фиваиды или в библиотеке философа, а не в грустном уединении темницы, недостойна была бы обратить на себя внимания человека, одаренного сердцем? Не можем поверить, чтобы в самом деле такова была мысль автора «Истории поэзии».

Это уж не ново, это было уж сказано — вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторения лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет, *Мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности.

Как лучшее опровержение мнения г-на Шевырева, привожу собственные его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) с тою же верою, с какою она писана, и вы вступите из темного мира сомнений, расстройства, раздора головы с сердцем в светлый мир порядка и со-

гласия. Задача жизни и счастья вам покажется проста. Вы как-то соберете себя, рассеянного по мелочам страстей, привычек и прихотей — и в вашей душе вы ощутите два чувства, которые, к сожалению, очень редки в эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды».

СЛОВАРЬ О СВЯТЫХ,

прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия местно-чтимых. 1836 г. СПб.

В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых произведениях, есть отсутствие труда. Редко случается критике указывать на плоды долгих изучений и терпеливых разысканий. Что же из того происходит? Наши так называемые *ученые* принуждены заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною *взглядов*, приноровлением модных понятий к старым давно известным предметам и пр. Таковые средства (которые, в некотором смысле, можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий *дух сомнения и отрицания* в умах незрелых и слабых и печалат людей истинно ученых и здравомыслящих.

«Словарь о святых» не принадлежит к числу опрометчивых и скороспелых произведений, наводняющих наши книжные лавки. Отчетливость в предварительных изысканиях, полнота в совершении предпринятого труда поставили сию книгу высоко во мнении знающих людей. Издатель на своем поприще имел предшественником Новикова, напечатавшего в 1784 году «Опыт Исторического словаря о всех в истинной православной вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах». С того времени прошло более пятидесяти лет; средства и источники умножились; для нового издателя труд был облегчен, но вместе с тем и удвоен. В «Опыте» Новикова помещено 169 имен угодников, с описанием их жития или безо всякого объяснения: «Словарь о святых» заключает в себе 363 имени, т. е. более, нежели вдвое. У Новикова источники изредка указаны внизу самого текста: в нынешнем «Словаре» полный «Указатель» источникам напечатан особо, в два столбца, мелким шрифтом и составляет целый печатный лист.

«Церковь российская,— сказано в предисловии,— весьма осторожно оглашала святыми угодников своих, и только по явном открытии нетления мощей, прославленных чудесами, помещала их в месяцесловы. Россия к утверждению православия своего видела во многих местах явное знамение благодати над мощами тех, кои святостию жизни, примером благочестия или христианским самоотвержением явили себя достойными почитания; но имена сих угодников не были внесены в «Общие святцы Российской церкви», а память их совершалась в тех только местах, где они почивают. Причиною такой местности было отделение духовной власти Новгорода от главной духовной власти России и потом разделение митрополии на Киевскую и Московскую. Уже в половине XVI века московский митрополит Макарий, составляя «Великие Четьи Минеи», собрал жития и некоторых святых, еще до того в Патериках не помещенных, и для установления им служб имел в Москве 1547 года собор, на котором двенадцати святым российским назначено повсюду празднование и службы, а девяти — только в местах, где мощи их почивают. Те церкви, которые не успели на собор представить свидетельство о своих местных угодниках, после получили, по рассмотрению митрополита, дозволение совершать память их, и потом, при патриархах, некоторые из них внесены в общие месяцесловы. Митрополит Ростовский Димитрий в своих «Четьих Минеях» поместил преподобных киевпечерских под числом совершения их памяти. Но и за сим многие не внесены в месяцесловы, хотя некоторым сочинены особые службы, кондаки и тропари; таковы угодники новгородские, псковские, вологодские и другие.

В предлагаемом «Словаре» помещены: жития святых, прославленных в российской церкви; жития некоторых других подвижников благочестия, коих память благоговейно сохраняется там, где они жили или почили; наконец краткие известия о тех богоугодно-поживших, которых имена выписаны из синодиков или древних монастырских записок. При описании жизни святого, прославленного во всей российской церкви, обозначены в «Словаре» месяц и число совершения памяти; относительно прочих также означает место и день, когда чтится их память совершением молебных пений и панихид, по введенному постановлениями или преданием обычаю».

Слог издателя должен будет служить образцом для всех ученых словарей. Он прост, полон и краток. Нам случилось в «Энциклопедическом лексиконе» (впрочем, книге необходимой и имеющей столь великое достоинство) найти в описании какого-то сражения уподобление одного из корпусов кораблю или птице, не помним наверно чему: таковые риторические фигуры в каком-нибудь ином сочинении могут быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но в словаре они во всяком случае нестерпимы.

Издатель «Словаря о святых» оказал важную услугу истории. Между тем книга его имеет и общую занимательность: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не удивиться крайнему их нелюбопытству.

Наконец и библиофилы будут благодарны за типографическую изящность издания: «Словарь» напечатан в большую

осьмушку, на лучшей веленовой бумаге и есть отличное произведение типографии Второго отделения собственной канцелярии е. и. в.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ

Георгий Кониский, о котором напечатана статья в первом номере «Современника», начинает свои пастырские поучения следующими замечательными словами:

«Первое слово к вам, благочестивые слушатели, Христовы люди, рассудил я сказать о себе самом... Должность моя, как вы сами видите, есть учительская: а учителя добрые и нелюбимые себе первее учат, нежели других, своему уху, яко ближайшему, наперед проповедают, нежели чужим».

Приемля журнальный жезл, собираясь проповедовать истинную критику, весьма достохвально поступили бы вы, м. г., если б перед стадом своих подписчиков изложили предварительно свои мысли о должности критика и журналиста и принесли искреннее покаяние в слабостях, нераздельных с природою человека вообще и журналиста в особенности. По крайней мере, вы можете подать благой пример собратии вашей, поместив в своем журнале несколько искренних замечаний, которые пришли мне в голову по прочтении первого номера «Современника».

Статья «О движении журнальной литературы» по справедливости обратила на себя общее внимание. Вы в ней изложили остроумно, резко и прямодушно весьма много справедливых замечаний. Но признаюсь, она не соответствует тому, чего ожидали мы от направления, которое дано будет вами вашей критике. Прочитав со вниманием эту немного сбивчивую статью, всего яснее увидел я большое ожесточение противу г. Сенковского. По мнению вашему, вся наша словесность обращается около «Библиотеки для чтения». Все другие временные издания рассмотрены только в отношении к ней. «Северная пчела» и «Сын отечества» представлены каким-то сильным арьергардом, подкрепляющим «Библиотеку». «Московский наблюдатель», по вашим словам, образовался только с тем намерением, чтоб воевать противу «Библиотеки». Он даже получил строгий выговор за то, что нападения его ограничились только двумя статейками; должно было, говорите вы, или не начинать вовсе, или, если начать, то уже не

отставать. «Литературные прибавления», «Телескоп» и «Молва» похвалены вами за их оппозиционное отношение к «Библиотеке». Признаюсь, это изумило тех, которые с нетерпением ожидали появления вашего журнала. Неужто, говорили они, цель «Современника» — следовать по пятам за «Библиотекою», нападая на нее врасплох и вооруженной рукою отбивая от нее подписчиков? Надеюсь, что опасения сии лживы и что «Современник» изберет для себя круг действия более обширный и благородный...

Обвинения ваши касательно г. Сенковского ограничиваются следующими пунктами:

1. Г-н Сенковский исключительно завладел отделением критики в журнале, издаваемом от имени книгопродавца Смирдина.

2. Г-н Сенковский переправляет статьи, ему доставляемые для помещения в «Библиотеке».

3. Г-н Сенковский в своих критических суждениях не всегда соблюдает тон важности и беспристрастия.

4. Г-н Сенковский не употребляет местоимений *сей* и *оный*.

5. Г-н Сенковский имеет около пяти тысяч подписчиков.

Первые два обвинительные пункта относятся к домашним, так сказать, распоряжениям книгопродавца Смирдина и до публики не касаются. Что же до важного тона критики, то не понимаю, как можно говорить не в шутку о некоторых произведениях отечественной литературы. Публика требует отчета обо всем выходящем. Неужто журналисту надлежит наблюдать один и тот же тон в отношении ко всем книгам, им разбираемым? Разница — критиковать «Историю государства Российского» и романы гг.*** и пр. Критик, стараясь быть всегда равно учтивым и важным, без сомнения, погрешает противу приличия. В обществе вы локтем задеваете соседа, вы извиняетесь: очень хорошо; но гуляя под качелями, вы толкнули лавочника, и не скажете же ему: *mille pardons*¹. Вы скажете: зачем ходить толкаться под качели? зачем упоминать о книгах, которые не стоят никакого внимания? Но если публика того требует непременно, зачем ей не угодить? *Cela vous coûte si peu, et leur fait tant de plaisir!*² — Да позвольте узнать: что значит и ваш разбор альманаха «Мое новоселье», который так счастливо сравнивали вы с тощим котом, мяукающим на кровле опустелого дома? Сравнение очень забавно,

¹ тысяча извинений (*франц.*).

² Это вам так мало стоит, а мне доставляет столько удовольствия! (*франц.*)

но в нем не вижу я ничего важного. *Врачу! исцелися сам!* Признаюсь, некоторые из веселых разборов, попадающихся в «Библиотеке для чтения», тешат меня несказанно, и мне было бы очень жаль, если бы критик предпочел хранить величественное молчание.

Шутки г. Сенковского насчет невинных местоимений *сей, сия, сие, оный, оная, оное* — не что иное, как шутки. Вольно же было публике и даже некоторым писателям принять их за чистую монету. Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей* и *оный*¹, но причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет и пр., заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка. Но вы несправедливо сравнили гонение на *сей* и *оный* со введением *i* и *v* в орфографию русских слов и напрасно потревожили прах Тредьяковского, который никогда ни с кем не заводил споров об этих буквах. Ученый профессор, желавший преобразить нашу орфографию, действовал сам от себя, без предварительного примера. Замечу мимоходом, что орфография г. Каченовского не есть затруднительная новость, но давно существует в наших священных книгах. Всякий литератор, получивший классическое образование, обязан знать ее правила, даже и не следуя оным.

Что же касается до последнего пункта, т. е. до 5000 подписчиков, то позвольте мне изъявить искреннее желание, чтоб на следующий год могли вы заслужить точно такое ж обвинение.

Признайтесь, что нападения ваши на г. Сенковского не весьма основательны. Многие из его статей, пропущенных вами без внимания, достойны были занять место в лучших из европейских журналов. В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные. Он издает «Библиотеку» с удивительной сметливостью, с аккуратностью,

¹ Впрочем, мы говорим: в сию минуту, сей час, по сию пору и проч. (Прим. А. С. Пушкина.)

к которой не приучили нас гг. русские журналисты. Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему — и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости европейские, и даже за отчет об литературной всячине. Жалеем, что многие литераторы, уважаемые и любимые нами, отказались от соучастия в журнале г. Смирдина, и надеемся, что «Современник» пополнит нам сей недостаток; но желаем, чтоб оба журнала друг другу не старались вредить, а действовали каждый сам по себе для пользы общей и для удовольствия жадно читающей публики.

Обращаясь к «Северной пчеле», вы упрекаете ее в том, что она без разбора помещала все в нее бросаемые известия, объявления и тому подобное. Но как же ей и делать иначе? «Северная пчела» газета, а доход газеты составляют именно объявления, известия и проч., без разбора печатаемые. Английские газеты, считающие у себя до 15 000 подписчиков, окупают издержки издания только печатанием объявлений. Не за объявления должно было укорять «Северную пчелу», но за помещения скучных статей с подписью Ф. Б., которые (несмотря на ваше пренебрежение ко вкусу бедных провинциалов) давно оценены у нас по достоинству. Будьте уверены, что мы с крайней досадою видим, что гг. журналисты думают нас занять нравоучительными статейками, исполненными самых детских мыслей и пошлых шуточек, которые достались «Северной пчеле», вероятно, по наследству от «Трудолюбивой пчелы».

То, что вы говорите о «Прибавлениях к Инвалиду», вообще справедливо. Издатель оставил на полемическом поприще следы неизгладимые и до сих пор подвизается на оном с неоспоримым успехом. Мы помним «Хамелеонистику», ряд статей в своем роде классических. Но позвольте вам заметить, что вы хвалите г. Воейкова именно за то самое, за что негодуете на г. Сенковского: за шуточные разборы того, что не стоит быть разобрано не в шутку.

Жалею, что вы, говоря о «Телескопе», не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостию мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного.

Говоря о равнодушии журналистов к важным литературным событиям, вы указываете на смерть Вальтер Скотта. Но смерть Вальтер Скотта не есть событие литературное; о Валь-

тер Скотте же и его романах впазд и невпазд было у нас говорено доволно.

Вы говорите, что в последнее время заметно было в публике равнодушие к поэзии и охота к романам, повестям и тому подобному. Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде? И где подметили вы это равнодушие? Скорее можно укорить наших поэтов в бездействии, нежели публику в охлаждении. Державин вышел в свет третьим изданием; слышно, готовится четвертое. На заглавном листе басен Крылова (изданных в прошлом году) выставлено: *тридцатая тысяча*. Новые поэты, Кукольник и Бенедиктов, приняты были с восторгом. Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание... Где же тут равнодушие публики к поэзии?

Вы укоряете наших журналистов за то, что они не сказали нам: что такое был Вальтер Скотт? Что такое нынешняя французская литература? Что такое наша публика? Что такое наши писатели?

В самом деле, вопросы весьма любопытны! Мы надеемся, что вы их разрешите впоследствии и что избегнете в вашей критике недостатков, так строго и так справедливо вами осужденных в статье, которую вправе мы назвать программю вашего журнала¹.

А. Б.

Тверь
23 апреля 1836

ДЖОН ТЕННЕР²

С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постанов-

¹ С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б., нахожусь в необходимости дать моим читателям некоторые объяснения. Статья «О движении журнальной литературы» напечатана в моем журнале, но из сего еще не следует, чтобы все мнения, в ней выраженные с такою юношескою живостию и прямодушием, были совершенно сходны с моими собственными. Во всяком случае она не есть и не могла быть программю «Современника».

² Печатается в сокращении.

Изд.

лений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами.

Отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся: и пространные степи, необозримые реки, на которых сетями и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пиротскафы и разовьется флаг американский.

Нравы северо-американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и украсили истину красками своего воображения. «Дикари, выставленные в романах,— пишет Вашингтон Ирвинг,— так же похожи на настоящих дикарей, как идиллистические пастухи на пастухов обыкновенных». Это самое подозревали и читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями.

В Нью-Йорке недавно изданы «Записки Джона Теннера», прошедшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями. Эти «Записки» драгоценны во всех отношениях. Они самый полный и, вероятно, последний до-

кумент бытия народа, коего скоро не останется и следов. Летописи племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека: показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации. Достоверность сих «Записок» не подлежит никакому сомнению. Джон Теннер еще жив; многие особы (между прочими Токвиль, автор славной книги: «De la démocratie en Amérique»¹) видели его и купили от него самого его книгу. По их мнению, подлога тут быть не может. Да и стоит прочитать несколько страниц, чтобы в том удостовериться: отсутствие всякого искусства и смиренная простота повествования ручаются за истину.

Ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками. Он в тяжбе с своею мачехою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству. Он очень выгодно продал свои любопытные «Записки» и на днях будет, вероятно, членом Общества Воздержности². Словом, есть надежда, что Теннер со временем делается настоящим yankee³, с чем и поздравляем его от искреннего сердца.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться. Это стихотворение включает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные уроны, предоставляя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова; однако ж меня в том обвинили.

¹ «Демократия в Америке» (франц.).

² Общество, коего цель — истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков.

³ Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен.

Издатель.

Издатель.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священо для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?

И мог ли Барклай-де-Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли он после ужасной битвы, *где равен был неравный спор*, отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! (Не говорю уже о превосходстве военного гения.) Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты; ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!

Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклай-де-Толли, потому что Кутузов велик? Ужели, после двадцатипятилетнего безмолвия, поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?.. Конечно, не народом и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом.

Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чьей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унижить того, кто низложил Наполеона и вознес Россию на ту степень, на которой она явилась в 1813 году. Но не могу не огорчиться, когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру — на того, кто некогда внушил мне

следующие стихи, конечно недостойные великой тени, но искренние и излиянные из души.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоём гробу восторг живет!
Он русский глас нам издаёт;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

и проч.

КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА,

*происшествие в России, в 2 част. Издал Иван Бутовский.
СПб. При подписке 1 ч. выдается, а на 2 билет.*

Под сим заглавием вышел в свет первый том записок Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видели уже отрывки из этой книги. Они оценили, без сомнения, прелесть этого искреннего и небрежного рассказа, столь далекого от авторских притязаний, и простоту, с которою пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия. В сем первом томе описаны детские лета, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаем появления последнего тома, дабы подробнее разобрать книгу, замечательную по всем отношениям.

КЛЮЧ К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО Н. М. КАРАМЗИНА. 2 ч. М.

Издав сии два тома, г. Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взяты. Те из них, которые не суть еще закоренелые верхогляды, принуждены будут в том сознаться. Г-н Строев облегчил до невероятной степени изучение русской истории. «Ключ составлен по второму изданию «Истории государства Российского», *самому полному и исправному*», пишет г. Строев. Издатели «Истории государства Российского» должны будут поскорее приобрести право на перепечатание «Ключа», необходимого дополнения к бессмертной книге Карамзина.

О МИЛЬТОНЕ И ШАТОБРИАНОВОМ ПЕРЕВОДЕ «ПОТЕРЯННОГО РАЯ»

Долгое время французы пренебрегали словесностию своих соседей. Уверенные в своем превосходстве над всем человечеством, они ценили славных писателей иностранных относительно меры, как отделились они от французских привычек и правил, установленных французскими критиками.

В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы не находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу и нашему автору, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить вкус образованный французского читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и перед кем извинял таким образом! и вот к чему ведет невежественная страсть к народности!.. Наконец критика спохватилась. Стали подозревать, что г. Летурнер мог ошибочно судить о Шекспире и не совсем благоразумно поступил, переправляя на свой лад «Гамлета», «Ромео» и «Лира». От переводчиков стали требовать более верности, а менее щекотливости и усердия к публике, пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде и с их природными недостатками. Даже мнение, утвержденное веками и принятое всеми, что переводчик должен стараться передавать дух,

а не букву, нашло противников и искусные опровержения.

Ныне (пример неслыханный!) первый из французских писателей переводит Мильтона *слово в слово* и объявляет, что подстрочный перевод был бы верхом его искусства, если бы только он был возможен! Такое смирение во французском писателе, первом мастере своего дела, должно было сильно изумить поборников *исправительных переводов* и, вероятно, будет иметь большое влияние на словесность.

Изо всех иноземных великих писателей Мильтон был всех несчастнее во Франции. Не говорим о жалких переводах в прозе, в которых он был безвинно оклеветан, не говорим о переводе в стихах аббата Делиля, который ужасно поправил его грубые недостатки и украсил его без милосердия; но как же выводили его собственное лицо в трагедиях и в романах писатели новейшей романтической школы? что сделал из него г. Альфред де Виньи, которого французские критики без церемонии поставили на одной доске с В. Скоттом? как выставил его Виктор Юго, другой любимец парижской публики? Может быть, читатели забыли и «*Cing-Mars*», и «*Кромвель*» и потому не могут судить о нелепости вымыслов Виктора Юго. Выведем того и другого на суд всякого знающего и благомыслящего человека.

Начнем с трагедии — одного из самых нелепых произведений человека, впрочем одаренного талантом.

Мы не станем следовать за спотыкливим ходом этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотим только показать нашим читателям, в каком виде в ней представлен Мильтон, еще неизвестный поэт, но политический писатель, уже славный в Европе своим горьким и заносчивым красноречием.

Кромвель во дворце своем беседует с лордом Рочестером, переодетым в методиста, и с четырьмя шутами. Тут же находится Мильтон со своим вожатым (лицом довольно ненужным, ибо Мильтон ослеп уже гораздо после). Протектор говорит Рочестеру:

— Так как мы теперь одни, то я хочу посмеяться: представляю вам моих шутов. Когда мы находимся в веселом духе, тогда они бывают очень забавны. Мы все пишем стихи, даже и мой старый Мильтон.

М и л ь т о н (с досадою).

Старый Мильтон! Извините, милорд: я девятью годами моложе вас.

К р о м в е л ь .

Как угодно.

М и л ь т о н .

Вы родились в 99, а я в 608.

К р о м в е л ь .

Какое свежее воспоминание!

М и л ь т о н *(с живостью)*.

Вы бы могли обходиться со мною учтивее: я сын нотариуса, городского альдермана.

К р о м в е л ь .

Ну, не сердись — я знаю, что ты великий феолог и даже хороший стихотворец, хотя пониже Вайверса и Дона.

М и л ь т о н *(говоря сам про себя)*.

Пониже! как это слово жестоко! Но погодим. Увидят, отказало ли мне небо в своих дарах. Потомство мне судия. Оно поймет мою Еву, падающую в адскую ночь, как сладкое сновидение; Адама, преступного и доброго, и Неукротимого духа, царствующего также над одною вечностью, высокого в своем отчаянии, глубокого в безумии, исходящего из огненного озера, которое бьет он огромным своим крылом! Ибо пламенный гений во мне работает. Я обдумываю, *молча*, странное намерение. Я живу в мысли моей, и ею Мильтон утешен: так, я хочу в свою очередь создать свой мир между адом, землею и небом.

Л о р д Р о ч е с т е р *(про себя)*.

Что он там городит?

О д и н и з ш у т о в .

Смешной мечтатель!

К р о м в е л ь *(пожимая плечами)*.

Твой «Иконокласт» очень хорошая книга, но твой черт, Левиафан. *(смеясь)* очень плох...

М и л ь т о н *(сквозь зубы, с негодованием)*.

И Кромвель смеется над моим Сатаной!

Р о ч е с т е р *(подходит к нему)*.

Г-н Мильтон!

М и л ь т о н *(не слыша его и оборотясь к Кромвелю)*.

Он это говорит из зависти.

Р о ч е с т е р *(Мильтону, который слушает его с рассеянностью)*:

По чести вы не понимаете поэзию. Вы умны, но у вас недостает вкуса. Послушайте: французы учителя наши во всем. Изучайте Ракана, читайте его пастушеские стихотворения. Пусть Аминта и Тирсис гуляют у вас по лугам; пусть она ведет за собою барашка на голубой ленточке. Но Ева, Адам, ад, огненное озеро! Сатана голый, с опаленными крыльями! Другое дело: кабы вы его прикрыли щегольским платьем; кабы вы дали ему огромный парик и шлем с золотою шишкою, розовый камзол и мантию флорентинскую, как недавно видел я во французской опере Солнце в праздничном кафтани.

Мильтон (*удивленный*).

Это что за пустословие?

Рочестер (*кусяя губы*).

Опять я забылся! Я, сударь, шутил.

Мильтон.

Очень глупая шутка!

Далее Мильтон утверждает, что править государством безделица; то ли дело писать латинские стихи. Немного времени спустя Мильтон бросается в ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протектор отвечает ему: г. Мильтон, государственный секретарь, ты пиит, ты в лирическом восторге забыл, кто я таков и проч.

В сцене, не имеющей ни исторической истины, ни драматического правдоподобия, в бессмысленной пародии церемониала, наблюдаемого при коронации английских королей, Мильтон и один из придворных шутов играют главную роль. Мильтон проповедует республику, шут подымает перчатку королевского рыцаря...

Вот каким жалким безумцем, каким ничтожным пустомелей выведен Мильтон, человеком, который, вероятно, сам не ведал, что творил, оскорбляя великую тень! В течение всей трагедии, кроме насмешек и ругательства, ничего иного Мильтон не слышит; правда и то, что и сам он, во всё время, ни разу не вымолвит дельного слова. Это старый шут, которого все презирают и на которого никто не обращает никакого внимания.

Нет, г. Юго! не таков был Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец «Иконокласта» и книги «*Defensio populi*»!¹ Не таким языком изъяснялся бы с Кромвелем тот, который написал ему свой славный прочесский сонет:

Cromwell our, chief' of men!²

¹ Защита народа (*лат.*).

² Кромвель наш вождь! (*англ.*)

Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и придворных шутов тот, кто в *злые дни, жертва злых языков*, в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал «Потерянный рай».

Если г. Юго, будучи сам поэт (хотя и второстепенный), так худо понял поэта Мильтона, то всяк легко себе вообразит, что под его пером стало из лица Кромвеля, с которым не имел он уж ровно никакого сочувствия! Но это не касается до нашего предмета. От неровного, грубого Виктора Юго и его уродливых драм перейдем к чопорному, манерному графу Виньи и к его облизанному роману.

Альфред де Виньи в своем «Сен-Марсе» также выводит перед нами Мильтона и вот в каких обстоятельствах:

У славной Марии Делорм, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворных и ученых. Скюдери толкует им свою аллегорическую карту любви. Гости в восхищении от крепости *Красоты*, стоящей на реке *Гордости*, от деревни *Записочек*, от гавани *Равнодушия* и проч. и проч. Все осыпают г-на Скюдери напыщенными похвалами, кроме Мольера, Корнеля и Декарта, которые тут же находятся. Вдруг хозяйка представляет обществу молодого путешествующего англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляет его читать гостям отрывки из «Потерянного рая». Хорошо; да как же французы, не зная английского языка, поймут Мильтоновы стихи? Очень просто: места, которые он будет читать, переведены на французский язык, переписаны на особых листочках и списки розданы гостям. Мильтон будет декламировать, а гости следовать за ним. Да зачем же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтон великий декламатор, или звуки английского языка чрезвычайно как любопытны? А какое дело графу де Виньи до всех этих нелепых несообразностей? Ему надобно, чтоб Мильтон читал в парижском обществе свой «Потерянный рай» и чтоб французские умники над ним посмеялись и не поняли духа великого поэта (разумеется, кроме Мольера, Корнеля и Декарта), а из этого выйдет следующая эффектная сцена.

Хозяйка взяла листы и раздала из гостям.

«Все уселись и замолчали. Не скоро уговорили молодого иностранца начать чтение и отойти от окна, где он, казалось, с большим удовольствием разговаривал с Корнелем. Наконец он подошел к креслам, стоявшим у стола: он, казалось, был слабого здоровья и, можно сказать, упал, а не сел в них. Он облокотился на стол и закрыл рукою глаза свои, большие и выразительные, но полузакрытые и покрасневшие от бдений или слез. Он читал стихи свои наизусть, недоверчивые его слушатели смотрели на него с видом высокомер-

ным или, по крайней мере, покровительственным; другие с рассеянным видом просматривали перевод стихов его.

Голос его, сначала глухой, постепенно очищался; скоро поэтическое вдохновение исхитило его из него самого, и взгляд его, возведенный к небу, сделался высоким, как взгляд Рафаэлева евангелиста, ибо свет еще отражался в нем. Он повествовал в стихах своих о первом грехопадении человека и призывал святого духа, который предпочитает всем храмам сердце чистое и бесхитростное, который всё ведаёт и присутствовал при рождении времени.

Это начало принято было с глубоким молчанием, а последняя мысль с легким ропотом. Он ничего не слышал, видел все сквозь какое-то облако, — он был в мире, им созданном, и продолжал.

Он повествовал о духе адском, прикованном в пламени мстительном цепями диамантовыми; о времени, девять раз наделившем смертных днями и ночами в продолжение его падения; о зримой тьме вечных темниц и пламенеющем океане, в котором плавали падшие ангелы; гремящий его голос начал речь князя демонов: Ты ли, говорил он, ты ли тот, сиявший в ослепительном блеске блаженных селений света! О! как ниспал ты! Теки со мною... Что нам до поля нашей небесной битвы? ужели всё для нас погибло? Мы всё сохранили, и волю непреклонную, и дух мести ненасытимой, и ненависть бесконечную, и мужество непреодолимое, ужели это не победа?

Тут слуга громким голосом возвестил о прибытии гг. Монтрезора и д'Антрэг. Они раскланялись, поговорили, передвигали все кресла и наконец уселись. Слушатели воспользовались этим, чтобы начать множество частных разговоров; в них слышались только хулы и упреки в безвкуси; некоторые умные, но слишком привязанные к старине люди вскричали, что они этого не понимают, что это выше их разумения (не думая, чтобы говорили правду), и этим ложным смирением привлекали себе похвалу, а поэту оуждение: выгода двойная. Иные говорили даже, что это поругание святыхи.

Прерванный поэт закрыл лицо руками и облокотился на стол, чтобы не слышать всего этого шума похвал и критик. Только три человека подошли к нему: то были какой-то офицер, Покелень и Корнель; сей последний сказал Мильтону на ухо:

— Советую вам переменить ваши картины; та, которую вы нам изобразили, слишком высока для ваших слушателей».

Мильтон, несмотря на то, что назначенные для чтения места переведены и что он должен читать их по порядку, ищет в памяти своей то, что, по его мнению, более произведет действия на слушателей, не заботясь о том, поймут ли его или нет. Но посредством какого-то чуда (не изъясненного г-м де Виньи) все его понимают. Дебарро находит его приторным; Скудери — скучным и холодным. Мария Делорм очень тронута описанием Адама в первобытном его состоянии. Мольер, Корнель и Декарт осыпают его комплиментами etc., etc.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя как заезжий фигляр и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке, неизвестном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то *закрывая глаза*, то *возводя их в потолок*. Разговоры его с Дегу, с Корнелем и Декартом не были б пошлым и изысканным пустословием; а в обществе

играл бы он роль, ему приличную, скромную роль благородного и хорошо воспитанного молодого человека.

После удивительных вымыслов В. Юго и графа де Виньи, хотите ли видеть картину, просто набросанную другим живописцем? прочтите в «Вудстоке» встречу одного из действующих лиц с Мильтоном в кабинете Кромвеля:

Французский романист, конечно, не довольствовался бы таким незначашим и естественным изображением. У него Мильтон, занятый государственными делами, непременно терлся бы в пиитических мечтаниях и на полях какого-нибудь отчета намарал бы несколько стихов из «Потерянного рая»; Кромвель бы это подметил, разобрал бы своего секретаря, назвал бы его стихоплетом и вралем etc., а из того бы вышел *эффект*, о котором бедный В. Скотт и не подумал!

Перевод, изданный Шатобрианом, заглаживает до некоторой степени прегрешения молодых французских писателей, так невинно, но так жестоко оскорбивших великую тень. Мы сказали уже, что Шатобриан переводил Мильтона почти слово в слово, так близко, как только то мог позволить синтаксис французского языка: труд тяжелый и неблагодарный, незаметный для большинства читателей и который может быть оценен двумя, тремя знатоками! Но удачен ли новый перевод? Шатобриан нашел в Низаре критика неумолимого. Низар в статье, исполненной тонкой сметливости, сильно напал и на способ перевода, избранный Шатобрианом, и на самый перевод. Нет сомнения, что, стараясь передать Мильтона *слово в слово*, Шатобриан, однако, не мог соблюсти в своем предложении верности смысла и выражения. Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмем первые фразы: *Comment vous portez vous; How do you do*¹. Попробуйте перевести их слово в слово на русский язык².

Если же русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный

¹ Как ваше здоровье? Буквально: «Как вы себя несете?», «Как вы делаете?» (франц., англ.).

² Кстати: недавно (в «Телескопе», кажется) кто-то, критикуя перевод, хотел, вероятно, блеснуть знанием итальянского языка и пенял переводчику, зачем он пропустил в своем переводе выражение *battersi la guancia* — бить себя по щекам. *Battersi la guancia* значит *раскаяться*, перевести иначе не имело никакого смысла. (Прим. А. С. Пушкина.)

в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к предложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт, особенно в борьбе с языком Мильтона, сего поэта, всё вместе и изысканного и простодушного, темного, запутанного, выразительного, своенравного, и смелого даже до бессмыслия?

Перевод «Потерянного рая» есть торговая спекуляция. Первый из современных французских писателей, учитель всего пишущего поколения, бывший некогда первым министром, несколько раз посланником, Шатобриан на старости лет перевел Мильтона *для куска хлеба*. Каково бы ни было исполнение труда, им предпринятого, но самый сей труд и цель одного делают честь знаменитому старцу. Тот, кто, поторговавшись немного с самим собою, мог спокойно пользоваться щедротами нового правительства, властью, почестями и богатством, предпочел им честную бедность. Уклонившись от палаты перов, где долго раздавался красноречивый его голос, Шатобриан приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестью. После этого что скажет критика? станет ли она строгостию оценки смущать благородного труженика и, подобно скупому покупщику, хулить его товар? Но Шатобриан не имеет нужды в снисхождении: к своему переводу присовокупил он два тома, столь же блестящие, как и все прежние его произведения, и критика может оказаться строгою к их недостаткам столько, сколько ей будет угодно; несомненные красоты, страницы, достойные лучших времен великого писателя, спасут его книгу от пренебрежения читателей, несмотря на все ее недостатки.

Английские критики строго осудили «Опыт об английской литературе». Они нашли его слишком поверхностным, слишком недостаточным; поверив заглавию, они от Шатобриана требовали ученой критики и совершенного знания предметов, близко знакомых им самим; но совсем не того должно было искать в сем блестящем обозрении. В ученой критике Шатобриан не тверд, робок, и сам не свой; он говорит о писателях, которых не читал; судит о них вскользь и понаслышке и кое-как отделяется от скучной должности библиографа; но по минутно из-под пера его вылетают вдохновенные страницы; он по минутно забывает критические изыскания и на свободе развивает свои мысли о великих исторических эпохах, которые сближает с теми, коим сам он был свидетель. Много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия

(иногда детского, но всегда привлекательного) в сих отрывках, чуждых истории английской литературы, но которые и составляют истинное достоинство «Опыта».

Книга Шатобриана начинается быстрым и широким изображением средних веков, служащим введением в «Историю английской литературы»:

Порядок общественный, вне порядка политического, составлен из религии, умственной деятельности и промышленности материальной. Во всяком народе, во время величайших бедствий и важнейших событий, священник молится, стихотворец поет, ученый мыслит, живописец, ваятель, зодчий творят и живут, ремесленник работает. Смотря только на них, вы видите мир настоящий, истинный, неподвижный, основание человечества, однако, по-видимому, чуждый обществу политическому. Но священник в своей молитве, поэт, художник, ученый в своих творениях, ремесленник в своем труде — открывают от времени до времени, в какую эпоху они живут, в них отзываются удары событий, от которых сильнее и обильнее текли их жалобы, их пот и дары вдохновения...

Средние века представляют картину странную и которая кажется произведением мощного, но расстроенного воображения. В древности каждый народ исходит, так сказать, из собственного своего источника, некий первобытный дух проникает во всё и во всем отзывается. Нравы и гражданские установления делаются однородными. Общество в средних веках было составлено из обломков тысячи других обществ. Римская цивилизация и паганизм в нем оставили свои следы; христианская религия несла ему свое учение и торжества; франки, готфы, бургундцы, англо-саксы, датчане, нормандцы сохраняли обычаи и нравы, свойственные их племенам. Все роды собственности и законов были перемешаны между собою... все формы свободы и рабства сталкивались между собою: монархическая свобода короля, аристократическая свобода благороднорожденного, личная свобода священника, общая свобода волостей, исключительная свобода городов, судилищ, сословий ремесленных и купечества, представительная свобода народа, рабство римское, повинность варварских племен, крепость приземельная. Отсея явления не сообразные ни с чем, обычаи, один другому противуречащие и связанные только узлами религии. Кажется, будто народы разные, не имеющие между собою никакого сношения, согласились жить под единою властью, около единого алтаря.

«ПЕСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Песнь о полку Игоре» найдена была в библиотеке графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, рассказывают, что почерк ее был полуустав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удволетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и от-

крытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, всё еще остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей Истории мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley. Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не усумнились в подлинности «Песни о полку Игореве». Великий критик Шлецер, не видав «Песни о полку Игореве», сомневался в ее подлинности, но, прочитав, объявил решительно, что он полагает ее подлинно древним произведением и не почел даже за нужное приводить тому доказательств; так очевидна казалась ему истина!

Других доказательств нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта? Карамзин? но Карамзин не поэт. Державин? но Державин не знал и русского языка, не только языка «Песни о полку Игореве». Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя? Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления? Это предполагало бы знание *всех* наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна? Гомер, если и существовал, искажен распадами.

Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносова оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из Библии, которая лежала перед ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских etc. и других наречий славянских.

*Слово о пълку Игоревѣ, Игоря сына Святѣславля,
внука Ольгова.*

«Не лѣпо ли бѣшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святѣславлича! начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню».

§ 1. Все занимавшіеся толкованіем «Слова о полку Игореве» перевели: «Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братья, братцы, было воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о полку Игореве, Игоря Святославича?»

Но в древнем славянском языке частица *ли* не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому *ne*; иногда *ли* значит *только*, иногда — *бы*, иногда — *же*; донныне в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица *ли* есть или союз разделительный, или вопросительный, если управляет ею отрицательное *не*; в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы *и*, *что*, *а*, *как уж*, *уж как* (замечание Тредьяковскаго)¹.

В другом месте «Слова о полку» *ли* поставлено так же, но все переводчики решили, что это есть ошибка переписчика и перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи. По мнѣнію переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому) — а не по замышленію Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречіе!² Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительнаго не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна. Стихотворцы никогда не любили упрека в подражаніи, и неизвестный творец «Слова о полку Игореве» не преминул объявить в начале своей поэмы, что он

¹ Замечание 1-е. В русском языке сохранилось одно слово, где *ли* после *не* не имеет силы вопросительной — *неже-ли*. Слово *неже* употреблялось во всех славянских наречіях и встречается и в «Слове о полку Игореве»: «луче же потяту быти, неже полонену быти». (Прим. А. С. Пушкина.)

² Очень понимаем, почему А. С. Шишков не отступил от того же мнѣнія. Ему, сочинителю «Рассуждения о древнем и новом слоге», было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя «Слова о полку Игореве» предпочитали былины своего времени старым словесам. (Прим. А. С. Пушкина.)

будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол *бѣшетъ* подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностью в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает условную частицу: Неприлично было *бы*. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего.

«Боянь бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакъ». —

§ 2. Не решу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину. Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем незначительную: растекашется мыслию по древу — тут пропущено слово *славием*, которое довершает уподобление; ниже сие выражение употреблено¹.

«Помняшеть бо рѣчь пѣрвыхъ временъ усобицѣ».

§ 3. Ни один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; всё это продолжение прежней мысли: Поминая предания о прежних бранях (усобица значит ополчение, брань, а не междуусобие, как перевели некоторые. Междуусобие есть уже слово составленное), напускал он и проч. «Помняшеть бо рѣчь пѣрвыхъ временъ усобицѣ; тогда пушашеть ї соколовъ на стадо лебедѣй etc.», т. е. 10 соколов, напущенные на стадо лебедей, значили 10 пальцев, возлагаемых на струны. Поэт изъясняет иносказательный язык соловья старого времени, и изъяснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример. А. С. Шишков сравнивает сие место с началом поэмы «Смерть Авеля»². Толкование Александра Семеновича любопытно (том 7, стран. 43). «Итак, надлежит паче думать, что в древние времена соколиная охота служила не к одному увеселению, но тако ж и к некоторому прославлению героев, или к решению спора, кому из них отдать преимущество. Может быть, отличившиеся в сражениях военачальники или князья, состязавшиеся в славе, выезжали на поле каждый с

¹ *Примечание.* Г-н Вельтман перевел это место: *былое воспеть*, а не вымысел Бояна, *когого мысли текли в вышину, как соки по дереву*. Удивительно! (Прим. А. С. Пушкина.)

Но что есть общего между манерной прозой господина Геснера и поэзией «Песни об Игоре»? (Прим. А. С. Пушкина.)

соколом своим и пускали их на стадо лебединое с тем, что чей сокол удалее и скорее долетит, тому прежде и приносить общее поздравление в одержании преимущества над прочими».

Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется: ему кажется неприличным для русских князей «доказывать первенство свое, кровию приобретенное», полетом соколов. Он полагает, что не князья, а стихотворцы пускали соколов, а причина такого древнего обряда, думает он, была скромность стихотворцев, не хотевших выставлять себя перед товарищами. А. С. Шишков, в свою очередь, видит в мнении Я. Пожарского *крайнюю неосновательность* и несчастное *самолюбие* (том 11-й, страница 388). К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил.

«Почнемъ же, братіе, повѣсть сію от стараго Владимира до нынѣшняго Игоря (здесь определяется эпоха, в которую написано Слово о полку Игореве); иже истягну умъ крѣпостію». (Истянул, вытянул, натянул, изведаль, испробовал. *Пожарский* — опоясал, первые толкователи — напрягши ум крепостию своею). Истягнул, как лук, изострил, как меч, — метафоры, заимствованные из одного источника.

«Наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцкую за землю Рускую. Тогда Игорьъ вѣзрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорьъ къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луце жѣ бы потяту быти, неже полонену быти» — лучше быть убиту, нежели полонену.

«А всядемъ, братіе, на свои бръзые комони, да позримъ синего Дону».

Суверие, полагавшее затмение солнечное бедственным знаменованием, было некогда общим.

«Спала Князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго». — Слова запутаны. Первые издатели перевели: «Пришло князю на мысль пренебречь (худое) предвещание и изведать (счастия на) Дону великом». *Печаль* ему заступить имеет несколько значений: омрачить, помешать, удержать. Пришлось князю, мысль похоти и горесть знамение ему омрачило, удержало. Спали князю в ум желание и печаль. Ему знамение мешало (запрещало) искусити Дону великаго. «Хощу бо, рече (так хочу же, сказал), копие приломити конецъ поля Половецкаго, а любо испити шеломом Дону». «О бояне, соловію стараго времени! абы ты сиа плъкы ущекоталь, скача славію по мыслену древу», летая умом под облаками, сплетая хвалы на все стороны сего времени (если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу), «рища

въ тропу Трояню чресь поля на горы». («Четыре раза упоминается в сей песни о *Трояне*, т. е. *тропа Трояня*, *вечи Трояни*, *земля Трояня* и *седьмый век Троянов*: но кто сей *Троян*, догадаться ни по чему не возможно», говорят первые издатели), 5 стр., изд. Шишкова. Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не хотели оставить без решения то, чего не понимали.

Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием *Троянова вала*. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем четыре раза упоминает «Слово о полку Игореве», есть не кто иной, как римский император. Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (стр. 14, изд. Шишкова): «Вступилъ Дѣвою на землю Трояню, на синемъ море у Дону». Где же тут Бессарабия? «Следы Трояна в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян» (Вельтман). Почему же?

«Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ (и) внуче!»

Поэт повторяет опять соображения Бояновы и, обращаясь к Бояну, вопрошает: «Или, не так ли петь было, вещей Бояне, Велесов внуче?»

«Комони ржутъ за Сулою; звенить слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода».

Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени.

«И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святѣславличя; сѣдлай, брате, свои бѣрзыи комони, а мои ти готови (готовы — значит здесь известны, значение сие сохранилось в иллирийском словянском наречии: ниже мы увидим, что половцы бегут *неготовыми* — неизвестными — дорогами. Если же *неготовыми* значило бы *не мощными*, то что ж бы значило *готовыми кони*?), осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми (сие повторение того же понята другими выражениями подтверждает предыдущее мое показание. Это одна из древнейших форм поэзии. Смотри Священное писание) *къ мети*, подъ трубами повити» (г. Вельтман пишет: «*Кмет* значит част-

ный начальник, староста». Кметь значит вообще крестьянин, мужик. Kar gosrôda stori krivo, kmeti môrjo plâzhat shivo)¹.

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СВОЙСТВЕННИКОВ ИОАННЫ Д'АРК

В Лондоне в прошлом, 1836 году умер некто г. Дюлис (Jan-François-Philippe Dulys), потомок родного брата Иоанны д'Арк, славной Орлеанской девственницы. Г-н Дюлис переселился в Англию в начале французской революции; он был женат на англичанке и не оставил по себе детей. По своей духовной назначил он по себе наследником родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца эдимбургского. Между его бумагами найдены подлинные грамоты королей Карла VII. Генриха III и Людовика XIII, подтверждающие дворянство роду господ д'Арк Дюлис (d'Arc Dulys). Все сии грамоты проданы были с публичного торгу, за весьма дорогую цену, так же как и любопытный автограф: письмо Вольтера к отцу покойного господина Дюлиса.

По-видимому, Дюлис-отец был добрый дворянин, мало занимавшийся литературою. Однако ж около 1767 году дошло до него, что некто Mr de Voltaire издал какое-то сочинение об орлеанской героине. Книга продавалась очень дорого. Г-н Дюлис решился, однако ж, ее купить, полагая найти в ней достоверную историю славной своей прабабки. Он был изумлен самым неприятным образом, когда получил маленькую книжку *in-18*, напечатанную в Голландии и украшенную удивительными картинками. В первом пылу негодования написал он Вольтеру следующее письмо, с коего копия найдена также между бумагами покойника. (Письмо сие так же, как и ответ Вольтера, напечатано в журнале *Morning Chronicle*².)

Милостивый государь,

Недавно имел я случай приобрести, за шесть луидоров, написанную вами историю осады Орлеана в 1429 году. Это сочинение преисполнено не только

¹ Коль господа чинят несправедливость, крестьяне должны платить жизнью (словенск.).

² «Утренняя Хроника» (англ.).

грубых ошибок, непростительных для человека, знающего сколько-нибудь историю Франции, но еще и нелепою клеветою касательно короля Карла VII, Иоанны д'Арк, по прозванию Орлеанской девственницы, Агнессы Сорель, господ Латримулья, Лагира, Бодрикура и других благородных и знатных особ. Из приложенных копий с достоверных грамот, которые хранятся у меня в замке моем (Tournebu, baillage de Chaumont en Touraine)¹, вы ясно увидите, что Иоанна д'Арк была родная сестра Луке д'Арк дю Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron)², от коего происхожу по прямой линии. А посему не только я полагаю себя вправе, но даже и ставлю себе в неперемнную обязанность требовать от вас удовлетворения за дерзкие, злостные и лживые показания, которые вы себе дозволили напечатать касательно вышеупомянутой девственницы. Итак, прошу вас, милостивый государь, дать мне знать о месте и времени, также и об оружии вами избираемом для немедленного окончания сего дела.

Честь имею и проч.

Несмотря на смешную сторону этого дела, Вольтер принял его не в шутку. Он испугался шуму, который мог бы из того произойти, а может быть и шпаги щекотливого дворянина, и тотчас прислал следующий ответ:

22 мая 1767.

Милостивый государь,

Письмо, которым вы меня удостоили, застало меня в постели, с которой не схожу вот уже около осьми месяцев. Кажется, вы не изволите знать, что я бедный старик, удрученный болезнями и горестями, а не один из тех храбрых рыцарей, от которых вы произошли. Могу вас уверить, что я никаким образом не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники (*l'impertinente chronique rimée*), о которой изволите мне писать. Европа наводнена печатными глупостями, которые публика великодушно мне приписывает. Лет сорок тому назад случилось мне напечатать поэму под заглавием «Генриада». Исчисляя в ней героев, прославивших Францию, взял я на себя смелость обратиться к знаменитой вашей родственнице (*votre illustre cousine*) с следующими словами:

Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglais et le soutien du trône³.

Вот единственное место в моих сочинениях, где упомянуто о бессмертной героине, которая спасла Францию. Жалею, что я не посвятил слабого своего таланта на прославление божиих чудес, вместо того, чтобы трудиться для удовольствия публики, бессмысленной и неблагодарной.

Честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
*Voltaire, gentilhomme de la chambre du roy*⁴.

¹ Турнебу, округ Шамон в Турени (*франц.*).

² Лука д'Арк, владетель Ферона (*франц.*).

³ А ты храбрая амазонка,

Позор англичанам и опора трона (*франц.*).

⁴ Вольтер — камер-юнкер французского короля (*франц.*).

Английский журналист по поводу напечатания сей переписки делает следующие замечания:

Судьба Иоанны д'Арк в отношении к ее отечеству поистине достойна изумления. Мы, конечно, должны разделить с французами стыд ее суда и казни. Но варварство англичан может еще быть извинено предрассудками века, ожесточением оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала действию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чем извинить малодушную неблагодарность французов? Конечно, не страхом дьявола, которого истари они не боялись. По крайней мере мы хоть что-нибудь да сделали для памяти славной девы; наш лауреат посвятил ей первые девственные порывы своего (еще не купленного) вдохновения. Англия дала пристанище последнему из ее сродников. Как же Франция постаралась заглядеть кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ее хроники? Правда, дворянство дано было родственникам Иоанны д'Арк; но их потомство пресмыкалось в неизвестности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворе французских королей от Карла VII до самого Карла X. Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти орлеанской героини; что же сделал из того Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребляет он вдохновение! Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и, как пьяный дикарь, пляшет около своего потешного огня. Он, как римский палач, присовокупляет поругание к смертным мучениям девы. Поэма лауреата не стоит, конечно, поэмы Вольтера в отношении силы вымысла, но творение Соуте есть подвиг честного человека и плод благородного восторга. Заметим, что Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма. Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества; и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот не только в философических гостиных барона д'Ольбаха и М-me Jeoffrin, но и в старинных залах потомков Лагира и Латримулья. Жалкий век! жалкий народ!

ЗАМЕТКИ И АФОРИЗМЫ РАЗНЫХ ГОДОВ

Только революционная голова, подобная Мирабо и Петру, может любить Россию, так, как писатель только может любить ее язык.

Всё должно творить в этой России и в этом русском языке.

(1823)

* * *

Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного — верх на-

хмуренный, грозный, низ, выражающий всегдашнюю улыбку. Это не нравилось Торвальдсену:

Questa è una brutta figura¹.

* * *

Литература у нас существует, но критики еще нет. У нас журналисты бранятся именем *романтик*, как старушки бранят повес франмасонами и волтерьянцами — не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмасонстве.

(1829)

* * *

Французские критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андрей Шенье, поэт, напитанный древностию, коего даже недостатки проистекают от желания дать на французском языке формы греческого стихосложения, — попал у них в романтические поэты.

(1830)

* * *

Первый несчастный воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены, или служат лишь... Так в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше.

(1830)

* * *

В миг, когда любовь исчезает, наше сердце еще лелеет ее воспоминание. Так гладиатор у Байрона соглашается умирать, но воображение носится по берегам родного Дуная.

(1830)

¹ Вот грубое лицо (*итал.*).

* * *

Острая шутка не есть окончательный приговор.*** сказал, что у нас есть *три* Истории России: одна для *гостиной*, другая для *гостиницы*, третья для *гостиного двора*.

(1830)

* * *

В одной из Шекспировых комедий крестьянка Одрей спрашивает: «Что такое поэзия? вещь ли это *настоящая?*» Не этот ли вопрос, предложенный в ином виде и гораздо велеречивее, находим мы в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из московских журналов 1830 года?

(1830)

* * *

Мильтон говаривал: «С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они достойны были понимать меня». Это гордое желание поэта повторяется иногда и в наше время, только с небольшою переменной. Некоторые из наших современников явно и под рукою стараются вразумить нас, что «с них довольно и малого числа читателей, лишь бы много было *покупателей*».

(1830)

* * *

В газете *Le Furet*¹ напечатано известие из Пекина, что некоторый мандарин приказал побить палками некоторого журналиста. Издатель замечает, что мандарину это стыдно, а журналисту здорово.

(1830)

* * *

Переводчики — почтовые лошади просвещения.

(1830)

¹ «Хорек» (франц.).

* * *

Зависть — сестра соревнования, следственно из хорошего роду.

(1830)

* * *

Критикою у нас большею частью занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs¹, люди, хорошо понимающие свое дело, но не только не *критики*, но даже и не литераторы.

В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа². У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя.

(1833)

* * *

Д.— говаривал, что самую полную сатирую на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написано.

(1833)

* * *

Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи.

(1833)

* * *

Не откладывай до ужина того, что можешь съесть за обедом.

¹ предприниматели (*франц.*).

² Сии, с любовью изучив новое творение, изрекают ему суд, и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место, ему принадлежащие. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность.

(1834)

* * *

Буквы, составляющие славенскую азбуку, не представляют никакого смысла. *Аз, буки, веди, глаголь, добро* etc. суть отдельные слова, выбранные только для начального их звука. У нас Грамматин первый, кажется, вздумал составить апофегмы из нашей азбуки. Он пишет: «Первоначальное значение букв, *вероятно*, было следующее: аз бук (или буг!) ведю — т. е. я бога ведаю (!), глаголю: добро есть; живет на земле кто и как, люди мыслит. Наш Он покой, рцу. Слово (λόγος) твержу...» (и прочая, говорит Грамматин; вероятно, что в прочем не мог уже найти никакого смысла). Как это всё натянута! Мне гораздо более нравится трагедия, составленная из азбуки французской. Вот она:

Eno et Ikaël.

Tragédie

Personnages.

Le Prince Eno.

La Princesse Ikaël, amante du Prince Eno.

L'abbé Pécu, rival du Prince Eno.

Ixe

Igreç

Zède

} gardes du Prince Eno.

Scène unique

Le Prince Eno, la Princesse Ikaël, l'abbé Pécu, gardes.

Eno

Abbé! cédez...

L'abbé

Eh! f...

Eno (*mettant la main sur sa hache d'arme*).

J'ai hache!

Ikaël (*se jettant dans les bras d'Eno*).

Ikaël aime Eno (*ils s'embrassent avec tendresse*).

Е n o (*se retournant vivement*).

Pêcu est resté? Ixe, Igrec, Zède! prenez M-r l'abbé et jetez-le par les fenêtres.

* * *

Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например, *трогательный* от слова *touchant* (смотри справедливое о том рассуждение г. Шишкова). *Хладнокровие*, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный. Настоящее выражение французское есть *sens froid* — хладномысле, а не *sang froid*. Так писали это слово до самого 18 столетия. *Dans son assiette ordinaire*. *Assiette* значит положение, от слова *asseoir*, но мы перевели каламбуром — «в своей тарелке»:

Любезнейший, ты не в своей тарелке.

Gore от ума

TABLE-TALK¹

* * *

Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив. Вольтер это понял и, развивая в своем подражании создание Шекспира, вложил в уста своего Орозмана следующий стих:

Je ne suis point jaloux... Sije L'etais jamais!..²

Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера скупой скуп — и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера лицемер волочится за женою своего благодетеля, лицемера; принимает именование под сохранение, лицемера; спрашивает стакан воды, лицемера. У Шекспира лицемер произ-

¹ Застольные разговоры.

² Я не ревнивец... Если бы я им был!..(франц.)

носит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он оболыщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анжело лицемер — потому что его гласные действия противоречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе, коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней вакханалии. Разбирая характер Фальстафа, мы видим, что главная черта его есть сластолюбие; смолоду, вероятно, грубое, дешевое волокитство было первою для него заботою, но ему уже за пятьдесят, он растолстел, одрах; обжорство и вино приметно взяли верх над Венерою. Во-вторых, он трус, но, проведя свою жизнь с молодыми повесами, поминутно подверженный их насмешкам и проказам, он прикрывает свою трусость дерзостью уклончивой и насмешливой. Он хвастлив до привычке и по расчету. Фальстаф совсем не глуп, напротив. Он имеет и некоторые привычки человека, изредка выдавшего хорошее общество. Правил нет у него никаких. Он слаб, как баба. Ему нужно крепкое испанское вино (the sack), жирный обед и деньги для своих любовниц; чтоб достать их, он готов на все, только б не на явную опасность.

В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание.*** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира!

Гёте имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение Чильд-Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков.

Многие негодуют на журнальную критику за дурной ее тон, незнание приличия и тому подобное: неудовольствие их не-

справедливо. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в свои размышления, не имеет времени являться в общество и приобретать навык к суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости, залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда мелкомыслие и невежество выражаются его языком.

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗДАНИЕМ «СОВРЕМЕННОГО»

Журнал под названием «Современник» выходит каждые три месяца по одному тому.

В нем будут помещаться стихотворения всякого рода, поэмы, статьи о нравах и тому подобное; оригинальные и переводные критики замечательных книг русских и иностранных; наконец статьи, касающиеся вообще искусств и наук.

Цена за годовое издание 25 р. асс., с пересылкою 30 р. асс.

Статья, присланная нам из Твери с подписью А. Б., не могла быть напечатана в сей книжке по недостатку времени.

Мы получили также статью г. *Косичкина*. Но, к сожалению, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выход этой книжки, отлагаем ее до следующей.

Примечание к слову «богодельня»

Слово это весьма неправильно составлено из двух слов, *бога деля* (для), и потому должно писаться *богадельня*.

Новый роман

Недавно одна рукопись под заглавием: «Село Михайловское» — ходила в обществе по рукам и произвела большое впечатление. Это роман, сочиненный дамою. Говорят, в нем много оригинальности, много чувства, много живых и сильных изображений. С нетерпением ожидаем его появления.

Примечание к повести «Нос»

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись.

«Современник» будет издаваться и в следующем, 1837 году. Каждый три месяца будет выходить по одному тому.

Цена за все четыре тома, составляющие годовое издание, 25 рублей асс., с пересылкою 30 рублей асс.

Подписка в СПб. принимается во всех книжных лавках. Иногородные могут адресоваться в Газетную экспедицию.

Издатель «Современника» не печатал никакой программы своего журнала, полагая, что слова: *литературный журнал* — уже заключают в себе достаточное объяснение.

Некоторые из журналистов почти нужным составили программу нового журнала. Один из них объявил, что «Современник» будет иметь целью — уронить «Библиотеку для чтения», издаваемую г. Смирдиным; в «Северной же пчеле» сказано, что «Современник» будет продолжением «Литературной газеты», издаваемой некогда покойным бароном Дельвигом.

Издатель «Современника» принужден объявить, что он не имеет чести быть в сношении с гг. журналистами, взявшими на себя труд составить за него программу, и что он никогда им того не поручал. Отклоняя, однако ж, от себя цель, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную в «Библиотеке для чтения», он вполне признает справедливость объявления, напечатанного в «Северной пчеле»: «Современник», по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнения о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением «Литературной газеты».

Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатанием первых двух номеров своего журнала; вкравшись некоторые ошибки, и одна довольно важная, происшедшая от недоразумения: публике дано обещание, которое издатель ни

в каком случае не может и не намерен исполнить — сказано было в примечании к статье: «Новые книги», что книги, означенные звездочкою, будут со временем разобраны. В списке вновь вышедшим книгам звездочкою означены были у издателя те, которые показались ему замечательными или которые намерен он был прочитать; но он не предполагал отдавать о всех их отчет публике: многие не входят в область литературы, о других потребны сведения, которых он не приобрел.

В первом томе «Современника», в статье: «Новые книги», под параграфом, относящимся к «Востоле», поэме Виланда, изданной А. Пушкиным, ошибкою пропущена подпись издателя.

Редакция «Современника» не может принять на себя об-
ратного доставления присылаемых статей.

*Примечание к записке
«О древней и новой России»*

Во втором № «Современника» (на 1836 год) уже упомянуто было о неизданном сочинении покойного Карамзина. Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса.

* * *

**КОГДА МАКФЕРСОН ИЗДАЛ¹
«СТИХОТВОРЕНИЯ ОССИАНА»...**

Когда Макферсон издал «Стихотворения Оссиана» (перевод, подражание или собственное сочинение, — этот вопрос, кажется, доселе еще не решен), тогда все с восхищением читали их и перечитывали. «Никто еще не был *опечален* мыслию (говорит Вильмен), что, удивляясь сим поэтическим песням, он удивлялся современнику. Все чувствовали *удовольствие без примеси*, то есть читали превосходные поэмы и не обязаны были за них благодарностью *никому из живых людей*». Потом начали догадываться, допытываться и дознались (вправду или нет), что поэмы Оссиановы были поддельные, новейшие произведения,

¹ Из приписываемого Пушкину.

словом, что их создал сам Макферсон. Известный критик доктор Джонсон, человек отменно грубый, сильно напал на Макферсона и называл его обманщиком и злоумышленным делателем подлогов. Закипела жаркая война на перьях. И вот образец тогдашней полемики: ответ Д. Джонсона на письмо Макферсона, который гордо изъяснял свою досаду на обидное неверие английского критика.

Г-н Джеймс Макферсон!

Я получил ваше глупое и бесстыдное письмо. Я всеми мерами буду стараться отражать всякое насильственное против меня покушение; а чего не могу сделать сам, то сделают за меня законы. Надеюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонят меня от стремления — избличать обман.

Какого себе оправдания требуете вы от меня? Я считал вашу книгу подложною, и теперь ее считаю таковою ж. В подтверждение сего мнения я представил публике причины, которые вызываю вас опровергнуть. Я презираю ваше бешенство. Ваши дарования, по издании в свет вашего Гомера, кажется, не слишком опасны; а слышанное мною о вашем характере заставляет меня обращать внимание не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете. Это письмо вы можете напечатать, если хотите.

В пояснение некоторых слов сего письма должно сказать, что Макферсон, обольщенный успехом своего Оссиана, перевел Гомерову «Илиаду» оссиановским слогом и весьма неудачно.

Предлагаем это письмо, как поучительный пример для наших журнальных критиков. И почему нашим *Адисонам* не быть и нашими *Джонсонами*?

НОВЫЕ ВЫХОДКИ ПРОТИВУ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НАШЕЙ АРИСТОКРАТИИ¹...

Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии столь же недобросовестны, как и прежние. Ни один из известных писателей, принадлежащих будто бы этой партии, не думал величаться своим дворянским званием. Напротив, «Северная пчела» помнит, кто упрекал поминутно г-на Полевого тем, что он купец, кто заступился за него, кто осмелился посмеяться над феодальной нетерпимостью некоторых чиновных журналистов. При сем случае заметим, что если большая часть наших писателей дворяне, то сие доказывает только, что дворянство наше (не в пример прочим) грамотное: этому смеяться нечего. Если же бы звание дворянина ничего у нас не значило, то и это было бы вовсе не смешно. Но пренебрегать своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не русские), позволяющие себе насмешки насчет русского дворянства, более извинительны. Но и тут шутки их достойны порицания. Эпиграммы демократических писателей XVIII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуточили крики: *Аристократов к фонарю* — и ничуть не забавные куплеты с припевом: *Повесим их, повесим. Avis ou lecteur.*

¹ Из приписываемого Пушкину.

ЗАМЕТКА ПРИ ЧТЕНИИ т. VII, гл. 4 «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Где обязанность, там и закон.

Г-н Карамзин неправ. Закон ограждается страхом наказания. Законы нравственные, коих исполнение оставляется *на произвол* каждого, а нарушения не почитаются гражданским преступлением, не суть законы гражданские.

Но граф Шереметев...

(1818—1819)

О ВЕЧНОМ МИРЕ

1. Il est impossible que les hommes ne conçoivent avec le temps la ridicule atrocité de la guerre comme ils ont conçu l'esclavage, la royauté, etc. Ils verront que nous sommes destinés à manger, à boire et à être libres.

2. Les constitutions qui sont un grand pas de l'esprit humain et qui n'en sera pas l'unique tendent nécessairement à diminuer le nombre des troupes d'un état, l'esprit de la force armée étant directement opposé à toute idée constitutionnelle, il serait très possible qu'avant 100 ans l'on n'eût plus d'armée permanente.

3. Quant aux grandes passions et aux grands talents militaires on aura toujours la guillotine — la société se soucie fort peu d'admirer les grandes combinaisons d'un général victorieux — on a bien autre chose à faire — et ce n'est que pour cela qu'on s'est mis sous l'égide des lois.

Rousseau qui ne raisonnait pas mal pour un croyant de protestantisme dit en propres termes: «ce qui est utile au public ne s'introduit quère que par la force, attendu que les intérêts particuliers y sont presque toujours opposés. Sans doute la paix perpétuelle est à présent un projet bien absurde; mais qu'on nous rende un Henri IV et un Sully, la paix perpétuelle redeviendra un projet raisonnable; ou plutôt, admirons un si beau plan, mais consolons-nous de ne pas le voir exécuter; car cela ne peut se faire que par des moyens violents et redoutables à l'humanité». Il est évident que ces terribles moyens, dont il parlait, c'étaient les révolutions — or, nous y sommes. Je sais bien que toutes ces raisons sont très mauvaises, le témoignage d'un petit garçon comme Rousseau qui n'a jamais gagné seulement une pauvre bataille ne peut avoir aucun poids — mais la dispute est toujours une très bonne chose en ce qu'elle aide à digérer — du reste elle n'a jamais persuadé personne — il n'y a que les imbéciles qui pensent le contraire.

(1821)

О ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Изо всех литератур она имела самое большое влияние на нашу. Ломоносов, следуя немцам, следовал ей. Сумароков — (Тредьяковский нехотя отдели стихосложение) — Дмитриев, Карамзин, Богданович. Вредные последствия — манерность, робость, бледность. Жуковский подражает немцам, Батюшков и Баратынский — Парни. Некоторые пишут в русском роде, из них один Кры-

лов, коего слог русский. Князь Вяземский имеет свой слог. Катенин — пиесы в немецком роде — слог его свой.

Что такое французская словесность? Трубадуры. Малерб держится четырьмя строками оды к *Дюперье* и стихами *Буало*. Менар, чистый, но слабый. Ракан, Воатюр — дрянь. Буало, Расин, Мольер, Лафонтен, Ж. Б. Руссо, Вольтер. *Буало* убивает французскую словесность, его странные суждения, зависть Вольтера — французская словесность искажается — русские начинают ей подражать — Дмитриев, Карамзин, Богданович — как можно ей подражать: ее глупое стихосложение — робкий, бледный язык — вечно на помочах, Руссо в одах дурен. Державин.

Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! — обычай, история, песни, сказки — и проч.

(1822)

ЗАМЕТКА О КАТЕНИНЕ

П. А. Катенин перевел многие трагедии, также комедию *Le Méchant*¹ и проч. Не упоминаю об его трагедии «Андромаха», которая еще в рукописи и не играна. Она, без сомнения, лучшая из всех.

(1825)

СТАРИННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Не суйся среда прежде четверга. Смысл иронический; относится к тем, которые хотят оспорить явные законные преимущества: вероятно, выдуманно во времена местничества.

В праздник жена мужа дразнит (выписка из *Кириши*).

Горе лыком подпоясано — разительное изображение нищеты; см. *Древние стихотворения*.

Иже не ври же, его же не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно, и в старину острились насчет славянизмов.

Кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет. Апология пытки, пословица палача, выдуманная каким-нибудь затейным палачом.

На посуле как на стуле. Посул — церковная дань, а не *обещание*, как иные думали; следственно, пословица сия значит — на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле.

Беспечальным сон сладок.

Не твоя печаль чужих детей качать — не твоя забота; *печаль* от глагола *кекусь*.

Бодливой корове бог рог не дает — пословица латинская.

Бог даст день, бог даст и пищи. Этой пословицей бедняк утешал однажды голодную жену. «Да, — отвечала она, — пищи, пищи, да с голоду и умри».

Нужда научит калачи есть, т. е. нужда — мать изобретения и роскоши.

Кто в деле (в должности), тот и в ответе (в посольстве).

(1825)

¹ предупреждение читателю (франц.)

JE SUPPOSE SOUS UN GOUVERNEMENT DESPOTIQUE...

Je suppose sous un gouvernement despotique des esclaves et des gens libres — c'est à dire ceux dont la propriété et la volonté dépendent des lois du souverain et ceux qui sont la propriété de quelques individus.

Cet état de choses rentre dans la régime patriarcal, épargne aux gouvernement une infinité d'embarras, de fracas, simplifie l'administration et lui donne beaucoup de vigueur.

Gardez-vous donc d'abolir l'esclavage, surtout dans un état.

La liberté des paysans.

(1825—1826)

PRESQUE TOUTES LES RELIGIONS...

Presque toutes les religions ont donné à l'homme deux... il est quelque chose d'aussi hideux que l'athéisme qu'un homme rejette.

(1830)

NE PAS ADMETTRE...

Ne pas admettre l'existence de Dieu c'est être plus absurde que ces peuples qui pensent du moins que le monde est posé sur un rhinocéros.

(1830)

O РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА

Главная прелесть романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с *enflure*¹ французских трагедий, — не с чопорностию чувствительных романов — не с *dignité*² истории, но современно, но домашним образом — Ce qui me dégoûte c'est ce que...³. Тут наоборот ce qui nous charme dans le roman historique — c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous voyons⁴.

Shakespeare, Гёте, Walter Scott не имеют холопского пристрастия к королям и героям. Они не походят (как герои французские) на холопей, передразнивающих *la dignité* et *la noblesse*. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières.

¹ напыщенностью (франц.).

² достоинством (франц.).

³ То, что мне противно... (франц.).

⁴ что нас очаровывает в историческом романе — это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим (франц.).

On voit que Walter Scott est de la petite société des rois d'Angleterre¹.

(1830)

IGNORANCE DES SEIGNEURS RUSSES...

Ignorance des seigneurs russes. Tandis que les mémoires, les écrits politiques, les romans — Napoléon gazetier, Canning poète, Brougham, les députés, les paires — les femmes. Chez nous les seigneurs ne savent pas écrire.

Le tiers état. L'aristocratie.

(1830)

STABILITÉ — PREMIÈRE CONDITION...

Stabilité — première condition du bonheur publique.

Comment s'accommode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie?

(1831)

О НОВЕЙШИХ РОМАНАХ

Barnave, Confession, Femme guillotinée.

Eugène Sue.

de Vigny. Hugo.

(1831)

¹ достоинство и благородство.

Они просты в буднях жизни, в их речах нет приподнятости, театральности, даже в торжественных случаях, так как величественное для них обычно.

Видно, что Вальтер Скотт принадлежит к интимному кругу английских королей (*франц.*).

Balzac. Scènes de la vie privée, Peau de chagrin, Contes bruns, drolatiques.

Musset. Table de nuit.

Поэзия французская — Вугон

Муравьев

Полевой (полромана)

Свиньин

Карамзин

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГИ М. Ф. ОРЛОВА «О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ»

Конечно, никто не *изобретал кредита* (доверенности). Он проистекает сам собою, как *условие*, как *сношение*. Он родился при первом меновом обороте.

Возвращение капитала не есть, конечно, господствующая мысль при *частном кредите*, но умножение оного посредством процентов.— У людей частных капиталы разделены на мелкие части.

Сам по себе *налог* слеп и падает без разбора на все состояния.— Нет, налог *может* отозваться во всех состояниях, но обыкновенно падает на одно (отсель ошибка физиократов или налога на землю, падающего на земледелие и нечувствительного множеству других сословий).

(1833—1834)

LA LIBÉRATION DE L'EUROPE...

La libération de l'Europe viendra de la Russie, car c'est là seulement que le préjugé de l'Aristocratie n'existe absolument pas. Ailleurs on croit à l'Aristocratie, les uns pour la dédaigner, les autres pour la haïr, les troisièmes pour en tirer profit, vanité, etc.— En Russie rien de tout cela. On n'y croit pas, voilà tout.

(1835)

ПЛАН ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1

Летописи, сказки, песни, пословицы.

Послания царские. Песнь о полку. Побоище Мамаево.

Царствование Петра. Царствование *Елисаветы*, Екатерины, Александра.

Влияние французской поэзии.

(1829)

2

Язык. Влияние греческое.

Памятники его.

Литература собственно.

Причины: 1) ее бедности

2) отчуждения от Европы

3) уничтожения или ничтожности влияния скандинавского.

Сказки, пословицы: доказательство сближения с Европою.
Песнь о полку Игореве.
Песнь о побойще Мамаевом.
Сказки, мистерии.
Песни.

Пословицы (*гротеск*).
Народность *сказок* (пересказать по-своему — Кальдерон).
Les Epîtres des patriarches, des tzars ne sont pas purement de la littérature
ayant un autre but.¹

(1834)

3

Отчего первые стихотворения были сатиры?
Их успех etc.
Отчего сатира существовала еще при Екатерине, а ныне совсем уже не
существует?
Кантемир.

Петр создал войско, флот, науки, законы, но не мог создать словесности,
которая рождается сама собою, от своих собственных начал. Поколение, пре-
образованное, презрело безграмотную изустную народную словесность, и князь
Кантемир, один из воспитанников Петра, в путеводители себе избрал Буало.

(1835)

ПЛАН СТАТЬИ О РУССКИХ ПЕСНЯХ

Вступление.
Но есть одно в основании.
Оригинальность отрицательных сравнений.
Исторические песни.
О Иване Грозном, о Матрюке, о Ст. Разине, о Цыклере, о Петре, о Шереме-
теве, о Меншикове.
Казацкие.
Далее про Фермора, про Суворова.
Новейшее влияние. Мера, рифмы. Сумароков.
Свадьба.
Семейственные причины элегического их тона.
Лестница чувств.

(1830)

¹ Послания патриархов и царей не принадлежат к чистой литературе, так как имеют иное назначение (*франц.*).

ПЛАН СТАТЬИ О ЦИВИЛИЗАЦИИ

1

De la civilisation.
De la division des classes.
De l'esclavage.

2

De la religion.
Du militaire et du civil.
De l'espionnage.
De l'esclavage et de la liberté (comme balance).
De la censure.
Du théâtre.
Des écrivains.
De l'exil.

Du mouvement rétrograde.

(1833—1834)

ПЛАН СТАТЬИ О ПРАВАХ ПИСАТЕЛЯ

- О литературной собственности.
- О правах издателя, писателя, анонима, наследника.
- О цензуре вообще
- о подразделении
- о книгах общедоступных и дешевых
- исторических — дорогих
- чисто ученых
- огромных.
- О журналах общих, ученых.
- О классических книгах (в том числе сочинения, принадлежащие роду человеческому).
- О цензурах земской и духовной.
- О кощунстве и веротерпимости.
- О нравственности.
- О сочинениях, не подлежащих суду.

О личностях.

(1835)

ШОТЛАНДСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Ворон ворону глаза не выклюнет — шотландская пословица, приведенная В. Скоттом в *Woodstock*¹.

(1836)

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, НАМЕЧЕННЫХ ДЛЯ «СОВРЕМЕННОГО»

Поход 1711 +
St. Raz. +
Путешествие В. Л. Пушкина (Дмитриева)
Календарь на 1721 год +
Путешествие Радищева +
Собрание русских песен.
Тредьяковский
О Пугачеве +
Сказки
Русские шутки.
О Ваньке Каине
L'Abbé Charpe²
Antidote³
О легчайшем способе возражать на критики Дашкова.
О пословицах
O Histoires tragiques⁴
Aventuriers etc⁵
О Библиотеке Новикова
О Путешествии Арт. Ар.
О М. S.

Опыты библиографические.

(1836)

¹ «Вудстоке» (англ.).

² Аббат Шап (франц.).

³ Противоядие (франц.).

⁴ Трагические повести (франц.).

⁵ Авантюристы и т. п. (франц.).

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ П. А. ВЯЗЕМСКОГО «О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ В. А. ОЗЕРОВА»

Текст Вяземского

Текст Пушкина

Стр. VI. (после введения об обстоятельствах смерти Озерова и о вражде, его преследовавшей).

Озеров умалчивал о своих неудовольствиях и, одаренный сердцем, чувствительным к обидам, не умел ни презирать вражды, ни бороться с нею и наконец оставил столицу и поприще славы своей*.

Стр. VI. Заслуги Озерова, преобразователя русской трагедии, которые можно, не определяя достоинства обоих писателей, сравнить с заслугами Карамзина**, образователя прозаического языка, обращают на себя благодарное и любопытное внимание просвещенных друзей словесности. Оба оставили между собою и предшественниками своими великое расстояние. Судя по творениям, которые застали они, нельзя не признать, что ими вдруг подвинулось искусство, и если бы не при нас случилось сие важное преобразование, трудно было бы поверить, что оно не приготовлено было творениями, от нас утраченными. Но для некоторых людей сей геркулесовский подвиг не существует. Они постоянно коснеют при мнениях прошедшего века.

Стр. VII—VIII. Пускай доканчивают они тяжелый сон жизни своей на вековом камне под усыпительным надзором невежества и предрассудков: мы обратимся к Озерову, который писал не для их века*.

К сожалению, я не могу, говоря о заслугах Озерова как автора, остановить на нем внимание читателей как на человеке: я не знал его лично.

Стр. IX—X. Рожденный с пылкими страстями, с воображением романтическим, он не мог противиться волшебной прелести любви, и привязанность к одной женщине, достойной владычествовать в его сердце, решила судьбу почти всей его жизни. Для нее он жил несколько лет, почти все лета своей молодости; с нею питался восторгами платонической страсти; часто предчувствовал счастье, но не был счастлив; ибо любезная ему женщина была замужняя и добродетельная.

Стр. X—XI. Главным свойством его сердца была любовь к друзьям*; он часто делался их невольником, видел, чувствовал ими; но готов был рас-

* Эти 6 страниц ныне, кажется, лишние. Можно из них будет выбрать некоторые мысли и поместить далее.

** Большая разница. Карамзин великий писатель во всем смысле этого слова; а Озеров — очень посредственный. Озеров сделал шаг вперед в слоге, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовского в нем нет ничего.

* Переход несчастливый да и не нужный.

он не мог противиться волшебной прелести любви отмечено скобками.

с нею питался восторгами платонической страсти отмечено скобками.

Главным свойством его сердца была любовь к

сердиться за малейшую неосторожность и также не мог устоять против малейшего знака любви. Смерть милой ему женщины удалила его на время от света, который в глазах его украшался ею, и от словесности, которая сначала была для него не более как забава. При образовании природном долго не мог он искать наслаждений и счастья в трудах ума, искав их единственно в мечтах сердца. Пробуждение от сладостных сновидений было развитием давно таившихся его способностей. Следующая черта даст ясное понятие о нежности и щекотливости благородной души его. — Он служил по гражданской части и имел успехи по службе, но мало радовался ими. Однажды его начальники спросили: не нужно ли сделать перемены в его департаменте? Озеров счел этот вопрос за совет идти в отставку и тотчас вышел.

друзьям *отмечено скобками.*

* Любовь к друзьям — по-русски дружба. Не свойство — страсть разве. Всё это сбивчиво — ты сперва говоришь о его любви, потом о его романтизме в трагедиях, потом о дружбе, потом опять о любви, опять о его щекотливости, опять о любви. Более методы, ясности.

Стр. XI—XIII. Драматическое искусство у нас еще в колыбели*. Несмотря на несколько трагических и комических сцен, мелькающих в малом числе драматических творений, из коих всякое более или менее ознаменовано общею печатною отверженною на наш театр рукою Талии и Мельпомены**, кажется, можем сказать решительно, что до сего времени мы не имели еще ни одной оригинальной комедии в стихах¹ и до Озерова не видели трагедии.

* Где же геркулесовский подвиг Озерова?

От ознаменовано до Мельпомены *отмечено скобками.*

** Да говори просто. — Ты довольно умен для этого.

Сумарокову, сему писателю, хотевшему с жадности обнять все отрасли ученой славы, и у которого нельзя отнять ни ума, ни дарования, предназначено было судьбою проложить у нас пути к разным родам сочинений, но самому не достигнуть ни одной цели. Как Моисей, он навел других на обетованную землю, но сам не вступил в ее границы. Ослепленные современники венчали неутомимого писателя похвалами: добродушное потомство довольствуется быть отголоском старины, не налагая на себя тяжелого труда быть действующим судиею славы Сумарокова, и таким образом творец русского театра, хотя и не лишенный почести сего имени, уже почти не имеет места на оном. Может быть, и совсем поглотила бы его бездна забвения, если бы не приходило на мысль благочестивым и суеверным поклонникам старины,

поглотила бы его бездна забвения *отмечено скобками. К этим словам относится замечание:*

И совсем его забыли (проще и лучше).

¹ Стр. XII. Фонвизин умел быть оригинальным и хорошим стихотворцем, но писал прозою комедии, донныне лучшие на нашем театре, и даже единственные, как по истине представленных нравов и характеров, так и по разговору, который блистает непринужденным остроумием. (Прим. А. С. Пушкина.)

Не поэтому. Но о Фонвизине поговорим после.

предпочитающим всегда славу усопших славе живых, ставить нам без зазрения совести* в образец басен на русском языке басни Сумарокова и в образец трагического слога напыщенные и холодные порывы притворного иступления Димитрия Самозванца. Должно заметить однако же, что в трагедиях Сумароков так же выше комедий своих, как Княжнин в комедиях выше трагедий Сумарокова и своих собственных**.

Княжнин первый положил твердое основание как трагическому, так и комическому слогу. Лучшая комедия в стихах на нашем театре есть неоспоримо «Хвастун», хотя и в ней критика найдет много недостатков и вкус не все стихи освятил своею печатью. Но зато сколько сцен истинно комических, являющих блестящие дарования автора! Сколько счастливых стихов, вошедших приметно в пословицы! Сколько целых мест, свидетельствующих, так сказать, о зрелости слога Княжнина! В доказательство тому заметим, что дурной стих, площадное и непристойное выражение, оскорбляя ваш слух, поражает вас в «Хвастуне» так же, как хороший и удачный стих пробуждает вас в другой комедии. «Утешенная вдова» до сего времени может служить у нас образцово по достоинству прозаического и комического слога, тонкой насмешки и веселости. В «Чудаках» блистает тоже дарование и еще более комической веселости.

Стр. XIV. В «Дидоне» видим не любовницу, в «Рославе» не пламенного друга отечества. О «Рославе» можно заметить, что имя *хвастуна* ему приличнее, нежели действительному «Хвастуну». *Верхолет* более лжец и обманщик: *Рослав* есть трагический хвастун. Княжнин, сказывают, признавался, что «Рослав» написан им по желанию собрать в одно все черты высокого, рассыпанные во французских трагедиях. Одно это желание, признанное или умолчанное, всё равно, но главное в трагедии его, может служить ему обвинением*.

Стр. XV—XVI. Главный недостаток Княжнина происходит от свойств души его. Он не рожден трагиком*.

О трагедиях последователей его, покоящихся после однодневной жизни в *Российском театре*, нечего и упоминать. Не стану говорить и о траге-

* без зазрения совести
отмечено скобками.

Напротив: очень добродушно

Слово притворного подчеркнуто и отмечено скобками. К этому слову относится замечание:

т. е. forcé!

** И этого не вижу: в нем всё дрянь, кроме некоторых од — № Сумароков прекрасно знал по-русски (лучше, нежели Ломоносов) —

«Хвастун» перевод из L'Important² — я не читал подлинника — пересмотри.

полно, так ли?

Очень хорошо —

* Почему: изъясни

* т. е. он просто не поэт —

¹ натянутого, принужденного (франц.).

² «Важный человек» (франц.).

диях, в новейшее время перенесенных с иностранных театров на наш усердными переводчиками; о сих несчастных эмигрантах (разумеется, не без исключения), жалких и разительных свидетельствах изменения судьбы человеческой, сохранивших у нас одно прежнее имя, но оставивших на отечественной земле и богатство свое и славу отцов!

очень хорошо

Кажется, решительно можно сказать, что у нас не было трагедий, и величество Мельпомены не царствовало на трагической сцене. Актеры с пышными именами выходили перед зрителей, говорили стихи, иногда хорошие, чаще дурные; зрители рукоплескали, чаще зевали; но и рукоплескания их были данию звучности стихов, блестящим выражениям истины, сильным изречениям, сохранению некоторых условий искусства, и тайна трагедии не была еще постигнута. Явился Озеров, и Мельпомена приняла владычество свое над душами. Мы слышали голос ее, повелевающий сердцу, играющий чувствами; сей голос, столь красноречивый в Расине и Вольтере. В первый раз увидели мы на сцене не актеров, пожалованных по произволу автора в греческих, римских или русских героев* и представляющих нам галерею портретов не на одно лицо, которое узнавать надобно было по надписи.

Хорошо

От Явился Озеров до голоса ее Пушкиным переделано: Явился Озеров, и мы слышали голос

** пожалованных в греческие — — — герои. представляющих нам отмечено скобками. и представляющих... на одно лицо Пушкиным переделано: и не галерею портретов на одно лицо.*

Стр. XVI—XVII. Первый шаг Озерова в области поэзии был перевод из Колардо героиды *Элоизы к Абеларду*. В кратком предисловии, напечатанном при переводе, уведомляет он читателей, что предлагает им первый опыт свой в стихах и извиняется в смелости состязаться с счастливым соперником, утвердившим во Франции свою славу переводом из Попа письма, известного любителям словесности и сделавшегося, так сказать, молитвенником любви; он признается, что чтение стихов Колардо родило в нем вдохновение Аполлона и воспламенило воображение, не тронутое до того волшебным железом поэзии. «Читая Колардо,— говорит Озеров,— я был восхищен. Мне открылся путь парнасский, и я почувствовал вдохновение Аполлона, о котором прежде и мысли не имел»*. Так добродушный Лафонтен, до конца жизни не проведавший тайны славы своей, тайны, темной для одних его глаз, обязан был чтению Оды Малерба открытием своего дарования. Поставить перевод наряду с подлинником невозможно; но не признать в переводчике Колардо грядущего поэта было бы несправедливо. Многие стихи, несмотря на тогдашнее младенчество языка нашей поэзии, могли бы украсить и в теперешнее время лучшие из наших стихотворений. Вообще рассказ и порывы страсти удачнее прочего сохранены переводчиком, еще не-

* Это дает мне мерку дарования Озерова.

Как тебе не стыдно распространяться об этом. Всё это лишнее.

посвященным, но втайне обреченным любимцем Мельпомены. Его прочие мелкие стихотворения не свидетельствуют о пиитическом даровании, развернувшемся в трагедиях; а лирические песни доказывают, что Озеров не был лириком.

Стр. XVII—XVIII. «Смерть Олега» Древлянского, представленная в 1798 году на Петербургском театре, была первою трагедиею Озерова и первою и последнею данию, заплаченною им веку Сумарокова и Княжнина. Вспомня, что предшественниками «Федры» были «Александр» и «Враждующие братья», дань, принесенная Расином веку Ротру и Корнеля, удивимся ли тому, что «Олег» не предвещал «Эдипа» и «Поликсены»? ???

Стр. XVIII. В плане трагедии «Смерть Олега» в самом составе стиха видны погрешности Княжнина, не искупленные красотами, ему принадлежащими. Красотам подражать не можно: их нельзя ни похитить, ни присвоить. Напротив того, недостатки писателей переходят из рук в руки во владение рабских его подражателей. Расин, победивший Корнеля, когда перестал брать его себе в пример, был ниже его, когда хотел сравниться с ним. Княжнину?
Не думаю.

Стр. XIX—XX. Софокл, обвиняемый сыном в несостоянии править имением по старости лет и упадку рассудка, прочел для оправдания своего перед судьями «Эдипа в Колонском предместии», оконченного им в самое то время. Восхищенные судьи отослали со стыдом обвинителей и с торжеством проводили Софокла до дома. Сия трагедия, осветившая вечер славы греческого певца, озарила утро славы нашего трагика и была зарею нового дня на русском театре. Лишнее
и была зарею нового дня на русском театре *зачеркнуто*.

Стр. XX. Сравнивать подлинник с подражанием не должно. ?

Стр. XX. Мы можем постигать красоту их искусства, но, и постигнув ее, будем единственно холодными зрителями действия, а не участниками ононого. *Пушкиным исправлено на: в ононом*

Стр. XX—XXI. И если позволено здесь уподобление, то нельзя ли сравнить греческую трагедию, в отношении к нам, с прекрасным портретом Рафаэлевой кисти, который мы ценим по одному искусству живописи, но которым прежний его обладатель дорожил еще более по верному и живому изображению человека, близкого его сердцу? Очень хорошо —

Стр. XXI—XXII. Эпопея, принадлежащая к повествовательному роду, может переносить нас под чужое небо и живописать воображению картины, которые тем более удовлетворяют любопытству нашему, чем новее и неизвестнее они для нас. Но трагедия, которая творит из нас не холодных слушателей отдаленного повествования, а, обманывая нас, делает созерцателями и участниками действия, не должна ли, чтобы совершенно овладеть вниманием души нашей, представлять нам лица знакомые и пробуждающие в нас великие и священные воспоминания? И, придерживаясь первого сравнения с живописью, для лучшего объяснения мысли моей, я уподобил бы эпопею картине, изображающей глазам нашим природу, хотя и чуждую, но всегда величественную и всегда сродную нам по общим отношениям к человеку, а трагедию картине семейственной, которой живейшие права на сердце наше основаны на отношениях частных. Обратимся к Озерову.

Он как благоразумный художник воспитывал дарование свое...

Стр. XXII. К тому же, отнимая от Эдипа и всё то, что, так сказать, теряется для глаз наших, его несчастье, благородная твердость, нежная любовь дочери его имеют еще довольно прав на сострадание души, и повесть Эдипа останется всегда богатым и счастливым наследством древних, которым успешно могут пользоваться и новейшие трагики. Озеров в составлении своей трагедии отступал и от Софокла и от подражателей его иногда с успехом, иногда и нет.

Стр. XXII—XXIII. Характер Тезея обнаруживается ясно: прием Креона и ответы на просьбу о союзе Тезея представляют благородство и справедливость царя, друга и благотворителя своих подданных.

Стр. XXIII. Софокл при самом начале возбуждает в зрителях сострадание к несчастному царю изгнаннику и уважение к дочери, разделяющей нищету и бедствие отца.

Стр. XXIV. Злодеи, гордящиеся своими преступлениями и с отвратительным чистосердечием судящие себя беспристрастно, как судии посторонние, не находятся ни в природе, ни в произведениях гениев, ей подражавших; но рождаются от беспечности или бессилия трагиков, которые не

И, придерживаясь... эпопею Пушкин переделал: Можно и тут уподобить эпопею

Обратимся к Озерову, зачеркнуто. Он Пушкиным переделано на Озеров

Критика слишком незрелая.

где? как?

прием... подданных зачеркнуто. Кроме того, слова благородство и справедливость царя отмечены скобками.

уважение зачеркнуто

не находятся... ей подражавших Пушкиным переделано:

умея или не желая дать себе труда живописать разительную и твердою кистью характер предполагаемый, заставляют его называться именем, когда искусство требует, чтобы он отгадан был зрителями. Сей род изображения есть один из главнейших пороков русской трагедии и торжествует в «Димитрии Самозванце». До сей поры он еще сохраняется на нашем театре. В первом явлении третьего действия «Эдипа» Креон с излишнею искренностью сообщает Нарцессу исповедь свою, хотя и весьма поэтическую, но приносящую более чести стихотворцу, нежели трагику.

Стр. XXV. Антигона Озерова совершенная Антигона. Такова она у Софокла, такова и в природе.

Стр. XXV. Антигоне не автор подсказывает, но сердце ее. Заметим здесь, что Озеров с вернейшим успехом ловил сходство женских лиц*; кисть его при изображении их была разборчивее в красках, точнее в оттенках и тщательнее в отделке. Взгляните на Антигону, Моину, Ксекию, Гекубу и Поликсену!

Стр. XXV. Может быть, почерпнул он сию верность изображения в нежном образовании души своей, отражавшей с большею живостию и ясностию женские добродетели, может быть, заимствовал он ее от частого обращения с женщинами, отличающимися как вкус наш, так и самые чувства**.

Стр. XXVI. Но трагик не есть уголовный судья*. Обязанность его и всякого писателя есть согреть любовью к добродетели и воспалить ненавистию к пороку, а не заботиться о жреби и приговоре провидения. Великие трагики и из новейших чувствовали сию истину, и Вольтер, поражая Зопира и щадя Магомета, не был ни гонителем добродетели, ни льстецом порока.

Стр. XXVII. Таким образом, вкоренелые предрасудки и уполномоченные представители их в обществе заграждают произвольными межами путь гению, еще не довольно возмужавшему, чтобы с постоянною смелостию презреть их в полете своем.

Стр. XXVII. «Эдип в Афинах» будет занимать всегда одно из почетных мест на новейшем театре в отношении к творениям современной словесности чуждых народов, а в отношении к нашей поставил

не находятся в природе

До сей поры... трагику *зачеркнуто.* К этому месту *относится замечание:*

Повторение уже сказанного

?

* Знаешь ли почему?

** нет

* Прекрасно
Ничуть. Поэзия выше нравственности — или по крайней мере совсем иное дело.

Господи Суси! какое дело поэту до добродетели и порока? разве их одна поэтическая сторона.

Тут не было ни гения, ни смелого полета — просто вкус —

* В Москве считался

он Озерова наряду с величайшими нашими поэтами и на степень первейшего* нашего трагика.

В первый раз сия трагедия была играна на Петербургском театре в 1804 году и вскоре после того напечатана при посвящении, писанном прозою к Державину, который отвечал ему стихами, уже отзывающимися старостию поэта и не стоящими прозы Озеровой**.

Стр. XXVIII. Осторожность не пленяется успехами и пронизательным взглядом различает свойства похвал и искренность хвалителей, но пламенная и простая душа предается обману и поздно узнает, что слава влетает терние в венцы, которыми наделяет она своих любимцев*.

Стр. XXIX—XXX. Северный поэт переносится под небо, сходное с его небом, созерцает природу, сродную его природе, встречает в нравах сынов ее простоту, в подвигах их мужество, которые рождают в нем темное, но живое чувство убеждения, что предки его горели тем же мужеством, имели ту же простоту в нравах, и что свойства сих однородных диких сынов севера отлиты были природою в общем льдистом* сосуде. Самый язык

наш представляет более красот для живописания северной природы. Цвет поэзии Оссиана может быть удачнее обильного в оттенках цвета поэзии Гомеровою перенесен на наш язык. Некоторые русские переводы песней северного Барда подтверждают сие мнение. Но ровное и, так сказать, одноцветное поле его поэм обещает ли богатую жатву для трагедии, требующей действия сильных страстей, беспрестанного их борения и великих последствий? Не думаю. И посему-то «Фингал» Озерова может скорее почтяться великолепным трагическим представлением, нежели совершенною трагедиею.

Стр. XXX. Новейшие, рабски следуя древним, приняли их мерку, не заботясь о выкройке их,* и забывая, что в греческих трагедиях хоры всегда занимают большее место и разделяют с действующим вниманием зрителей. С другой стороны, греки не столь жадны были, как мы, и содержание их пяти актов едва ли становится у нас на два. В трагедии «Фингал» одно только трагическое лицо: Старн.

Стр. XXXI. Вот одна трагическая сторона поэмы Озеровой! Он с искусством умел противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему во глубине печальной души преступные надежды,

знаменитым затем, что был один —

** Милый мой, уважай Отца Державина! Не равняй его стихов с прозой Озерова! —

* Вот тут, если хочешь, помести нечто из своего начала.

Хорошо, смело
* не ледяном ли?

Что есть общего между однообразием оссиановских поэм и трагедий, которая заимствует у них единый слог — ?

* Перестань, не шали.

Почему же?

?

взаимную и простосердечную любовь двух чад природы, искренность Моины, благородство и доверчивость Фингала, и сочетать в одной картине свежие краски добродетельной страсти, владычеству прелестью очарования своего в сердцах невинных, с мрачными красками угрюмой и кровожаднейшей мести и хитрость злобной старости с доверчивою смелостию добродетельной молодости.

Стр. XXXI. Трагедия «Фингал» торжество северной поэзии и торжество русского языка, богатого живописью, смелостию и звучностию.

Стр. XXXII. Старн, господствующее и почти действующее лицо в трагедии, начертан сильными красками и кистию решительно трагическою.

Стр. XXXIII. ...на Задонских полях нанесен был сильный удар власти Мамаея, кичливого противника русской свободы.

Стр. XXXVIII. Здесь невольно сливается с воспоминанием о ней воспоминание и о другой трагедии, которой творец и дарованием и преждевременною смертию, пресекающею при самом развитии исполняющую надежду прекрасной жизни, разделяет с Озеровым дань наших слез и уважения. Трагедия «Пожарской», если не изобилует трагическими красками «Димитрия», то может по крайней мере по достоинству своему поэтическому занять, хотя и в некотором расстоянии, первое по ней место.

Новое творение Озерова, принятое с восторгом, было последнею эпохою его счастья и успехов*.

Стр. XLII—XLIII. Трагедии Озерова занимают между ими средину и в самых погрешностях своих представляя нам отступления от правил, исполненные жизни и носящие свой образ. Они уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому романтическому, который принят немцами от испанцев и англичан.

Противуположности характеров вовсе не искусство — но пошлая пружина французских трагедий —

?

Кистию решительно не трагической.

кичливого противника русской свободы *подчеркнуто и отмечено скобками.*

*en note*¹

* Очень хорошо.

?

В конце статьи — общее заключение Пушкина:

Часть критическая вообще слаба, слишком слаба. Слог имеет твои недостатки, не имея твоих достоинств. Лучше написать совсем новую статью, чем передавать печати это сбивчивое и неверное обозрение.

Озерова я не люблю не от зависти (сего гнусного чувства, как говорят), но

¹ в примечание (франц.).

из любви к искусству. Ты сам признаешься, что слог его не хорош,— а я не вижу в нем ни тени драматического искусства. Слава Озерова уже вянет, а лет через 10, при появлении истинной критики, совсем исчезнет. Озерова перевели. Перевод есть оселок драматического писателя. Посмотри же, что из него вышло во французской прозе.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ 2-й ЧАСТИ
«ОПЫТОВ В СТИХАХ И ПРОЗЕ»
К. Н. БАТЮШКОВА

Текст «Опытов»
К друзьям

Заметки
Пушкина

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может
драгоценен

Я добрым гением уверен,

Приписка под стихотворением:

Весьма дурные стихи.

Надежда*

* Точнее бы *Вера*.

Всё дар его, и краше всех**
Даров надежда лучшей жизни!

** Неудачный пере-
нос.

Приписка под стихотворением:

Прекрасно

На развалинах замка
в Швеции

Ах, юноша! спеши к отеческим
брегам,

Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер во след
твоим судам,

Герой, победою избранный!
Красавица стоит безмолвствуя,
в слезах,

Едва на жениха взглянуть украдкой
смеет,

Потупя ясный взор, краснеет
и бледнеет

Как месяц в небесах...

Там старцы жадный слух склоняли
к песне сей,

Сосуды полные в десницах их
дрожали,

вяло.

Вот стихи прелестные,
собственно Батюшкова —
вся строфа прекрасна.

Прекрасно.

И гордые сердца с восторгом
вспоминали
О славе юных дней.
Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы...

живо, прекрасно.

Приписка под стихотворением:

Вообще мысли пошлые, и стихи не довольно живы.

Элегия из Тибуллы

Вольный перевод

О вы, которые умеете любить,

Вяло.

Страшится любовь разлукой

прогневить!

Тогда не мчалась ель на легких

парусах

Несома ветрами в лазоревых морях;

Лишний стих.

До гроба я носил твои оковы нежны

узы

Богами ввержены во пропасти

бездонны,

Ужасный Энкелад и Тифий

и Тифий там огромный

преогромный

Питает жадных птиц утробой своей*.

* Ошибка мифологическая и грамматическая.

При шуме зимних вьюг, под сенью

безопасной,

Подруга в темну ночь зажжет

светильник ясный

И, тихо вретено кружа в руке своей,

Расскажет повести и были старых

Прелесть.

дней.

А ты, склоняя слух на сладки небылицы,

Забудешься, мой друг; и томные зеницы

Закроет тихий сон, и пряслица из рук

Падет... и у дверей предстанет твой супруг,

Как небом посланный внезапно

добрый гений.

Приписка под стихотворением:

Прекрасный перевод

Воспоминание

На смерть летя против врагов

Да оживлю теперь я в памяти своей

Сию ужасную минуту,

Когда, болезнь вкушая люту

И видя сто смертей,

слабо

Неудачный оборот и дурные стихи.

Здесь жертвы приносил у мирных
И в первый раз люблю краснея алтарей,
сказала.
(Тому сей дикий бор немой свидетель
был).

своей
Что такое?

Какой оборот!

И жребий с трепетом читает
В твоих потупленных очах.
В веселых пиршествах, тобой
одушевленных,
Где юность пылкая и взор считает твой.
Когда ж безвременно с полей
кровавой битвы
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: будь счастлива в последний
жизни час;
И тщетны будут все любовника молитвы!

должно было:
свой жребий.

темно

Je dirai: qu'elle soit
heureuse!
Et ce voeu ne pourra
te donner le bonheur!¹
Какая разница!

П р и в и д е н и е

Из Парни

Если пламень потаенный
По ланитам пробежал;
Если пояс сокровенный
Развязался и упал —

прелесть

Т и б у л л о в а э л е г и я III

Колен пред случаем вовек не преклоняет
Когда же Парк сужденье,
Когда суровых сестр противно вретено

faveur². Не го.

приговор

Приписка под стихотворением:

Стихи замечательные по счастливым усечениям — мы слишком остерегаем-ся от усечений, придающих иногда много живости стихам.

¹ Я скажу: пусть она будет счастлива! И это желание не сможет дать тебе счастья! (франц.)

² благосклонность (франц.).

Мой гений

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

Приписка под стихотворением:

Прелесь кроме первых 4.

Тень друга

Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал.

Дмитриев осуждал це-
зуру двух этих стихов.
Кажется, несправедливо.

Приписка под стихотворением:

Прелесь и совершенство — какая гармония!

Тибуллова элегия

Вольный перевод

Мы учиним пред ним обильны
возлиянья,

проза.

Иль на чело его, в знак мирного
венчанья,

Увенчаем в знак вен-
чания!!!

Возложим мы венки из миртов и лилей.
Обрызган кровью, выигрывает бой...

проза.

О подвигах своих расскажет древний
воин,

Товарищ юности; и, сидя за столом,

Мне лагерь начертит веселых чап
вином*.

* Было прежде: чап
пролитых вином — точ-
нее.

В день рождения N

Приписка под стихотворением:

Есть чувство

Пробуждение

Ни быстрый лет коня ретива

усечение гармониче-
ское

К Д***ву

Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их*

* прекрасное повторение.

И там — где с миром почивали
Останки иноков святых,
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их

преlestь

Источник

Приписка под стихотворением:

Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже слабого подражания Мильвуа.

Пленный

С полей победы похищенный
Один, толпой врагов*

* Любимые стихи князя Петра Вяземского.

На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!*

* было прежде: белым снегом.

«На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса*,

* вместо: красавица.

И под окном, в часы вечерни»

Неудачно.

«Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плеском волн — родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите
От родины моей;
Вы, звезды севера, горите,
Изгнаннику светлей!» —

прекрасно

Приписка под стихотворением:

Лев Васильевич Давыдов в плену у французов говорил одной женщине: «*gendez-moi mes frimas*»¹. Батюшкову это подало мысль написать своего «Пленного». Он неудачен, хотя полон прекрасными стихами. — Русский казак поет, как трубадур, слогом Парни, куплетами французского романса.

Гезиод и Омир — соперники

Народы, как волны, в Колхиду* текли.

* Невежество непро-
стительное!

Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите;

¹ «верните мне мои морозы» (франц.).

Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
При пламени светлом вздохните.
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!
Пройдя из края в край гостеприимный

мир*

прекрасно

* в конце сказано *рожденный в Самосе и проч.*

Противуречие.

О м и р

Мне снилось в юности: орел-
громометатель
От Мелеса меня, играючи, унес.
На край земли, на край небес,
Вещая: ты земли и неба обладатель.

прекрасно

Г е з и о д

О, нежны дочери суровой Мнемозины!
Твой гений проницал в Олимп: и вечны
боги*
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что ж? В юдоли сей страдалец

искони**

зачем *суровой*

* вот пример удачной перемены цезуры.

** Библизм неуместный.

Приписка под стихотворением:

Вся элегия превосходна — жаль, что перевод.

К д р у г у

Минутны странники, мы ходим по
гробам;
Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к своим
друзьям,
И что ж? их урны обнимаем.
Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий
вкус.
Любви и очи и ланиты*;
Чело открытое одной из важных муз
И прелесть — девственной Хариты.

прелесть! — да и всё прелесть!

* звуки итальянские!
Что за чудотворец этот Батюшков.

Она в страданиях почила
Напрасно вопрошал я опытность веков,
И Клии мрачные скрижали.

прекрасно!
Клио, как депо, не склоняется. Но это правило было бы затруднительно.

Как в воздухе перо кружится здесь
и там,
Как в вихре тонкий прах летает,

Подражание Ломоносову и Torrismondo.

Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает:
Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились;
Мой гений в горести светильник погасал
И музы светлые сокрылись.

Последние 8 стихов отчеркнуты и под стихотворением приписано:

Сильное, полное и блистательное стихотворение.

Мечта

Иль в Муромских лесах задумчиво
блуждаешь,

Когда на западе зари мерцает луч
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит всё любви

очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?
То вдруг он пренесен во Сельмские леса,

Где ветер шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном

○ — ○ ○ ○ — —

И эхо по горам песнь звучну повторяет.

Или в полночный час
Он слышит скыльдов глас
Прерывистый и томный.

Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,

Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани*.
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но сам ты пал на грудах тел,

Пал витязь знаменитый,

Под тучей вражьих стрел!..
Ты пал! И над тобой посланницы

небесны,

Валкирии прелестны.

Склонясь на злачный дерн
С дружиною младою,
Там снова с арфой золотою
В восторге скальд поет*
О славе древних лет

Гармония.

прекрасно.

Скальд и бард одно и
то же, по крайней мере —
для нашего воображения.

детские стихи

*Стихи от Мир, мир тебе,
герой! и далее до стиха
Где угодовали для сонма
храбрых
боги Пушкиным
перечеркнуты.*

* Опять всё то же.

Поет, и храбры очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехою блестят.

Тогда на крыльях Мечты
Летал я в поднебесной;
Или, забывшись на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестной,
И счастлив наяву, был счастлив
и в мечтах!

дурно.

дурно.

Волшебница моя! Дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный
пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей
тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой,
Всё, всё украшено тобой!..

какая дрянь

Кто сердцем прав, того ты ввек
не покидаешь:

!!

За ним во все страны летаешь,
И счастьем даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! что нужды
для него?

Но с ним задумчивость в день
пасмурный, осенний,

какая дрянь

На мирном ложе сна,
В уединенной сени,
Беседует одна.

О, тайных слез неизъяснима сладость!
Что пред тобой сердец холодных
радость,

Веселий шум и блеск честей
Тому, кто ничего не ищет под луною;
Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных друзей!

* * *

Кто в жизни не любил?
Кто раз не забывался,
Любя, мечтам не предавался,
И счастья в них не находил?

Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает томны очи,
Всю сладость не вкусил обманчивой
Мечты?

какая дрянь

Теперь, любовник, ты
На ложе роскоши с подругой боязливой.
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ее покров стыдливой;

немного опять похоже на
Батюшкова

Теперь блаженствуешь, и счастлив
ты — Мечтой!
Ночь сладострастия тебе дает призраки,
И нектаром любви кропит ленивы маки*.

* * *

Мечтание душа поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей лишить Анакреона;
Любовь еще горит во пламенных мечтах

Любовницы Фаона;
А ты, лежащий на цветах
Меж нимф и сельских граций
Певец веселия, Гораций!
Ты сладостно мечтал.
Мечтал среди пиров, и шумных
и веселых,
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих рощах
устарелых,

На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоём уединенье,
Ты ждал Глицерию, и в сладостном
забвеньи,
Томимый негой на ложе из цветов,
При воскурении мастик благоуханных,

При пляске Нимф венчанных,
Сплетенных в хоровод,
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен в сладкой думе
Мечтал... и вдруг Мечтой
Восторжен сладострастной,
У ног Глицерии стыдливой и прекрасной

Победу пел любви
Над юностью беспечной,
И первый жар в крови
И первый вздох сердечный,
Счастливец! воспевал
Цитерские забавы,
И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!

* * *

Ужели в истинах печальных
Угрюмых стойков и скучных мудрецов,
Сидящих в платях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых кустов;

* Катенин находил эти
два стиха достойными
Баркова

дурно, вяло.

дурно.

слабо.

дурно.

пошло

Хорошие 4 стиха.

Стихи от Ужели в истинах печальных до Летит, как бабочка от терновых кустов Пушкиным перечеркнуты.

Для них нет прелести и в прелестях
 природы;
 Им девы не поют, сплетая в хороводы;
 Для них, как для слепцов,
 Весна без радости и лето без цветов...
 Увы! но с юностью исчезнут и мечтанья,
 Исчезнут граций лобызанья,
 Надежда изменит, и рой крылатых снов.
 Увы! там нет уже цветов,
 Где тусклый опытность светильник
 зажигает,
 И время старости могилу открывает.

} прекрасно
 } дрянь

* * *

Но ты — пребудь верна, живи еще
 со мной!
 Ни свет, ни славы блеск пустой,
 Ничто даров твоих для сердца
 не заменит!

} дрянь

} Отчеркнуто до конца стихотворения.

Приписка к стихотворению:

Писано в молодости поэта. Самое слабое из всех стихотворений Батюшкова.

М о и п е н а т ы

Послание к Жуковскому и
 к Вяземскому

Главный порок в сем прелестном послании — есть слишком явное смешение древних обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни.

Музы — существа идеальные. Христианское воображение наше к ним привыкло, но *норы* и *келли*, где лары расставлены, слишком переносят нас в греческую хижину, где с неудовольствием находим стол с изорванным сукном и перед камином суворовского солдата с двуструнной балалайкой. Это всё друг другу слишком уже противоречит.

Там жесткая постель —
 Всё утвари простые,
 Всё рухлая скудель!

Два последних стиха Пушкиным перечеркнуты.

Богатство с суетой;
 С наемною душой
 Развратные счастливицы,
 Придворные друзья
 И бледны горделивцы,
 Надутые князья!

Стихи эти Пушкиным перечеркнуты и сбоку сопроваждены заметкой:

Сильные стихи

Мой век спокоен, ясен;
 В убожестве с тобой
 Мне мил шалаш простой;

Эти стихи Пушкиным перечеркнуты.

Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!

К чему сии куренья
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?

стихи прекрасные, но
опять то же противуречие

Приписка под стихотворением:

Это стихотворение дышит каким-то упоением роскоши, юности и наслаждения — слог так и трепещет, так и льется — гармония очаровательна.

П о с л а н и е Г. В — му

Когда отвоевав под знаменем Беллоны,
Под знаменем Любви я начал воевать
И новый регламент* и новые законы

В глазах прелестницы читать!
Обетованный край! где ветреный Амур
Прелестным личиком любезный пол

дарует,

Под дымкой на груди лилеи образует,
(Какими б и у нас гордилась красота!)

О мой любезный друг! отдай, отдай назад
Зарю прошедших дней и с прежними

бедами,

С любовью и войной!
Или, волшебник мой*,
Одушеви мое музыкой песнопенье.
Еще отдай стихам потерянные права,
И камни приводить в движенье
И горы, и леса!

Тогда я с сильфами взлечу на небеса*

Коснусь... и нимфы гор при месячном
сиянье,

Как тени легкие, в прозрачном одеянье,
С сильфанами сойдут услышать голос

мой.

Наяды робкие, всплывая над водой,
Восплещут белыми руками.

* mauvais goût¹ — это
редкость у Батюшкова.

как дурно!

* не понимаю этого пе-
рехода.

плоско

* вот сунуло куда!

Сильваны, нимфы и на-
яды — меж сыром вы-
писным и гамбургским
журналом!!!

¹ дурной вкус (франц.).

Приписка под стихотворением:

Преглулая пиеса.

Послание к Т — ву

Лишь дайте им! промолви — вмиг

Они очутятся с рублями.
Но кто *оне?* — Скажу точь-в-точь

Всю повесть их перед тобою

Был бледен. Умер. От долгов
Он, следственно, спокоен*.

Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не всё для бедных бедство!

Прекрасно! славно! — спору нет!
Но... здешний свет

Не рай — мне сказывал мой дед

И стала... Грация точь-в-точь!..

Они пред образом, конечно,
Затеплят чистую свечу, —
За чье здоровье — умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечный!*

О т в е т Г — чу

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает*

И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм святой...
Увы! твой друг не перестанет
Еще ей жертвовать собой! —
Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный покидает пир,
Так я, любовью упоенный,
Покину равнодушно мир!

К Ж — му

Приписка под стихотворением:

Прекрасно, достойно блестящих и небрежных шалостей французского остроумия, — и везде язык поэзии.

как плоско!

* Какая холодная
шутка!

Что за слог!

стихи, достойные Ва-
силия Львовича.

опять!

* Я не угадаю: если за
здоровье Тургенева, то
это плоско — если нет,
так изъяснись. — Охота
печатать всякий вздор!
Батюшков — не виноват.

* Батюшков женится
на Гнедиче!

прекрасно.

О т в е т Т — в у

Приписка под стихотворением:

Как неудачно почти всегда шутит Батюшков! Но его «Видение» умно и смешно.

П о с л а н и е И. М., М. А.

Но там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный Феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область Пиерид?

Это дело десятое: не
о том дело; см. стих 1.

И день, чудесный день, без ночи,
без зарей! зорь

Как часто Дмитриев, расторгнув
светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой
музы,
Столь чистой, как струи царицы
светлых вод,
На коих в первый раз зрел солнечный
восход,
Певец сибирского Пизарра вдохновенный!..

вяло

Всем наслаждается, и всюду наконец
Готовит Фебу дань, его грядущий жрец.

темно!

Приписка под стихотворением:

Цель послания не довольно ясна; недостаточно то, что выполнено пре-
красно.

П е с н ь Г а р а л ь д а С м е л о г о

Когда мы, содвинув стеной корабли
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно яряся хлестали:
Я черпал их шлемом; работал веслом

?

прекрасно.

В а к х а н к а

Нагло ризы поднимали*
И свивали их клубком.

* смело и счастливо.

И по роще раздавались
Эвоэ! и неги глас! —

может быть, слишком
громкое слово.

Приписка под стихотворением:

Подражание Парни, но лучше подлинника, живее.

Разлука

Приписка под стихотворением:

Цирлих манирлих. С Д. Давыдовым не должно и спорить.

Ложный страх
Подражание Парни

«Гименей за всё ручался,
И амуры на часах»*.

* Стих Муравьева

Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слёзы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном,
Молча, новое свиданье
Обещали вечерком.

очень мило.

Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день,
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;

прекрасно

Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.

прекрасно

Дружбе дам я час единый,
Вакху час и сну другой;
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

Исправлено:
Поделился бы.

Сон могольца

Приписка под стихотворением:

Монгольская басня, как называет ее Батюшков сам.

Любовь в челноке

Стихотворение отмечено чертой по полям, переходящей к концу в перечеркивание.

Счастливец
Подражание Касти

Первые 11 четверостиший зачеркнуты; из них последнее, так же как и два заключительных, отмечено на полях чертой.

Радость
Подражание Касти

Приписка под стихотворением:

Вот батушковская гармония.

К. Н.*

И под победными громами
Мы хвалим господу поем!..

Спокойся; с первыми громами
К знаменам славы полетишь

* Подражание старым
трубадурам

*Te Deum laudamus*¹, а
нашему должно бы Царю
небесный.

прекрасно!

Эпиграммы, надписи и пр.

Эпиграммы и надписи II (Как трудно Бибрису...), III (Панфил забавен...), IV (И телом и душой...), VII (Ни вьюги, ни морозы...) и XII (По чести, это смесь...) зачеркнуты.

I

Всегдашний гость, мучитель мой,
О Балдус! долго ль мне зевать,
дремать с тобой?
Будь крошечку умней, или —
дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной —

Это не Батушкова,
а Блудова, и то перевод.

Я не один и нас не двое.

V

Мадригал новой Сафе

Ты Сафо, я Фаон; об этом и не спорю:

Но, к моему ты горю,
Пути не знаешь к морю.

Переведенное остроло-
вие — плоскость.

¹ Тебя, бога, хвалим (лат.).

IX

Мадригал Мелине, которая
называла себя нимфою

Ты нимфа, Ио; нет сомненья!

Но только... после превращенья!

Странствователь и домосед

Сию и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек

властелином

Наследственным добром свои насытя
взоры,

Такие завели друг с другом разговоры

И на море глядел,
От скуки сам с собой в полголос
рассуждая.

Да где ж Тритоны все? где стаи Нереид?

Где скрылись они с толпой Океанид?

Я ни одной не вижу в море?

Уже он в Мемфисе, в обители чудес

Скорее в руки посох, шляпу,
Скорей из Мемфиса бежать
От гнева старцев разъяренных,
От крокодилов, псов и луковиц
священных,

И между греков просвещенных
Любезной мудрости искать...

Ты мудрости ко мне, мой сын, пришел
учиться?

У грека старец спросил

С усмешкой хитрою; итак, прошу
садиться

И слушать пенье Сфер: ты слышишь?
Ничего!

А видишь ли в девятом мире
Духов, летающих в Эфире?..

Какая плоскость!

Стих не сказочный, на-
тянутый.

лишнее.

они тут необходимо.
Друг с другом — наре-
чие, а не имена суц.

В полголос исправлено
на в полголоса

лишнее

дурно

холодно

холодно

Стихи от От скуки сам
с собой в полголос рас-
суждая до Он в Грецию
скорей Пушкиным пере-
черкнуты и сопровожде-
ны замечанием:

всё это лишнее.

Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва
Поведай мне, твоя спокойна ль голова?
Рассудок ли тебя влечет в реку иль
страсти?

Рассудок: но его что нам вещает глас?

Что жизнь и смерть равны для нас.

Равны: так незачем топиться.

Дай руку мне, мой сын, и не стыдись
учиться

У старца, чем мудрец здесь может
— быть счастливым.—

Кто жить советует, всегда красноречив:

И наш герой остался жив.

прекрасно

*Стихи от Забыв людей
и свет до Отправиться в
Афины Пушкиным пере-
черкнуты и сопровожде-
ны замечанием:*

лишнее

*Так же зачеркнуты
стихи Пора с филосо-
фом расстаться до Как
жить и в жизни сомне-
ваться.*

*Стихи от Я сам, друзья
мои, дань сердца запла-
тил до И ждет опять ден-
ницы зачеркнуты.*

*Зачеркнуты стихи: Вы
помните бульвар кипел в
Париже так до Иль север-
ный Амур с колчаном и
стрелами.*

По пальцам доказал, что в мире
быть... опасно,—

Что ж делать? — закричал с досадою
народ.

— Что делать? сомневаться.

Сомненье мудрости есть самый
зрелый плод.

Я вам советую, граждане, колебаться

И не мириться и не драться!..

Народ всегда нетерпелив.

Сперва наш краснобай услышал легкий
ропот,

Шушуканье, а там поближе громкий
хочот.

прекрасно — но не в
том дело

Приписка под стихотворением:

Конец прекрасен. Но плана никакого нет, цели не видно — всё вообще хо-
лодно, растянуто, ничего не доказывает и пр.

Переход через Рейн

Стеклись, нагрянули, за честь твоих
граждан,
За честь твердынь и сел и нив
опустошенных,

И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян;
Где ангел мирный, светозарный,
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной

Там всадник, опершись на светлу
сталь копья,

Задумчив и один, на берегу высоком

Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.

Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест —
И на груди свой медный крест
Невольно к сердцу прижимает

темно, дело идет об
Елизавете Алексеевне.

прелесть!

Приписка под стихотворением:

Лучшее стихотворение поэта — сильнейшее и более всех обдуманное.

Умирающий Тасс, элегия

Замечание ко всему стихотворению:

Эта элегия, конечно, ниже своей славы. — Я не видал элегии, давшей Батюшкову повод к своему стихотворению, но сравните «Сетования Тасса» поэта Байрона с сим тощим произведением. Тасс дышал любовью и всеми страстями, а здесь, кроме славолюбия и добродушия (см. замечание), ничего не видно. Это — умирающий Василий Львович, а не Торквато.

Ни в хижине оратая простого,
Ни под защитою Альфонсова дворца,*
Ни в тишине безвестнейшего крова,
Ни в дубрах, ни в горах не спас главы
моей

* добродушие историческое, но вовсе не поэтическое

«Там, там... о, счастье!.. средь
непорочных жен,
Средь ангелов, Елеонора встретит!»
И с именем любви божественный погас.

Остроумие, а не чувство. Это покровенная глава Агамемнона в картине.

Беседка муз

Прелесть

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО
К С. С. УВАРОВУ ПО ПОВОДУ КНИГИ УСТРЯЛОВА
«О СИСТЕМЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

Текст
Вяземского

Заметки
Пушкина

...Самый IX-й том, в котором Карамзин с открытым негодованием благородной души живописал яркими красками тиранию *ослепленного царя*, самый сей том должен был усилить к нему вражду противников мнения его.

...Дальновиднее в этом случае тех поверхностных и односторонних судей, которые видят в IX-м томе Карамзина соблазнительную откровенность, противники самодержавия увидели в этом томе торжество убеждений писателя, верного себе и мнению своему. И самое 14 декабря не было ли в последствии времени, так сказать, критика вооруженною рукою на мнение, исповедуемое Карамзиным, то есть *Историю государства Российского*, хотя, конечно, участвующие в нем тогда не думали ни о Карамзине, ни о труде его...

И после подобных несообразностей в сфере действия самого правительства будут искать в области мнимых догадок или в тайниках неблагонамеренных обществ зародыши возмутительных понятий или ослабления уважения к законной власти и к существующему порядку, если они изредка кое-где и пробиваются в жизни общественной. Но зачем головоломно искать эти зародыши за тридевять земель, когда они у нас под рукою, когда они гласно и торжественно с университетских кафедр посеваются в уме молодежи, всегда жадной к приятию всего, что носит на себе отпечаток оппозиции! На развешенном знамени министерства вашего изображено охранительное правило. Так! но под сенью знамени сего не совершаются ли действия ему противные? Анархия в понятиях ведет к анархии в действиях...

К стыду классического учения, коего университет должен быть стражем, г. Устрялов не усомнился вывести на одну доску Карамзина и Полевого: стройное творение одного и хаотический недоносек другого! И столь двусмысленно или просто сбивчиво опутал собственное мнение свое оговорками, пошлыми фразами и перифразами,

мучителя

Не лишнее ли?

Не лишнее ли, т. е. не повторение ли?

О Полевом не худо было напомнить и пораннее. Не должно забыть, что он сделан членом-корреспондентом нашей Академии за свою шарлатанскую книгу, писанную без смысла, без изысканий и безо всякой совести, — не говоря уже

что поистине не знаешь, кому из двух отдает он преимущество!

о плутовстве подписки, что уже касается управы благочиния, а не Академии наук.

II. ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПИСЬМА.

ДНЕВНИКИ (ФРАГМЕНТЫ).

1815—1835 гг.

1815

МОИ МЫСЛИ О ШАХОВСКОМ

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель — что ж он такой? — Неглупый человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришед домой всё записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.

Он написал «Нового Стерна»: холодный пасквиль на Карамзина.

Он написал водевиль «Ломоносов»: представил отца русской поэзии в кабаке и заставил его немцам говорить русские свои стихи, и растянул на три действия две или три занимательные сцены.

Он написал «Казак-стихотворец»; в нем есть счастливые слова, песни замысловатые, но нет даже и тени ни завязки, ни развязки. — *Маруся* занимает, но все прочие холодны и скучны.

Не говорю о «Встрече незваных» — пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности.

Он написал поэму «Шубы» — *и все дрожат*. Наконец он написал «Кокетку». И наконец написал он комедию, хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжение трех первых действий холодную и скучную и без завязки, но всё комедию.

Первые ее явления скучны. Князь Холмский, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант — и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия.

1821

⟨...⟩ Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Фёб из русских ласков*. Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский — прелесть.⟨...⟩

1827

15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжающего в постеле. Он метал банк гусарскому офицеру. Между тем я обедал. При расплате не достало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я расплатился довольно сердито, взял займы 200 руб. и уехал, очень недоволен сам собою. На следующей станции нашел я Шиллерова «Духовидца», но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем. «Вероятно, поляки?» — сказал я хозяйке. «Да, — отвечала она, — их нынче отвозят назад». Я вышел взглянуть на них.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели, и с виду настоящий жид — я и принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я повернулся им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, — но куда же?

ДЕКАБРЬ 1833

⟨...⟩ Вчера Гоголь читал мне сказку: «Как Иван Иванович поссорился с Иваном Тимофеевичем», — очень оригинально и очень смешно.⟨...⟩

14 декабря.

11-го получено мною приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшею ценсурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?),— всё это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным.〈...〉

1834

〈...〉17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского *Conversation's Lexikon*. Нас было человек со сто, большею частью неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: «Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его». Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свињин. Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои «Воспоминания в Царском Селе». Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!〈...〉

〈...〉2 апреля. На днях (в прошлый четверг) обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Норовым и с Кукольниковом, которого видел в первый раз. Он, кажется, очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его «Тасса» и не видал его «Руки» etc. Он хороший музыкант. Вяземский сказал об его игре на фортепьяно: *Il brédouille en musique comme en vers*¹. Кукольник пишет «Ляпунова». Хо-

¹ он лепечет в музыке, как в стихах (франц.).

мяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта.〈...〉

Кн. Одоевский, доктор Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Conversation's Lexikon. Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут; но в другой раз обманут только дурак. Этот лексикон будет не что иное, как «Северная пчела» и «Библиотека для чтения» в новом порядке и объеме.

7 апреля. «Телеграф» запрещен. Уваров представил государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление, данное Полевым его журналу. (Выписки ведены Брюновым, по совету Блудова.) Жуковский говорит: — Я рад, что «Телеграф» запрещен, хотя жалею, что запретили. «Телеграф» достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедовать якобинизм перед носом правительства, но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска.〈...〉

Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...

Гоголь по моему совету начал Историю русской критики.〈...〉

10 апреля. 〈...〉Говорят, будто бы Полевой в крепости: какой вздор!〈...〉

11-е апреля.

〈...〉Слух о том, что Полевой был взят и привезен в Петербург, подтверждается. Говорят, кто-то его встретил в большом смущении здесь на улице тому с неделю.〈...〉

3 мая.

〈...〉Гоголь читал у Дашкова свою комедию. Дашков звал Вяземского на свой вечер, говоря в своей записке:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole, ets.

Вяземский отвечал:

Как! будет граф Ламбер и с ним его супруга,
Зовите ж и Лаваль.

22 декабря, суббота.

〈...〉Цензор Никитенко на обвакте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в «Библиотеке» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая

мысль: Если-де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадрили. А всё виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма, где он заставил бога говорить языком Дениса Давыдова, ценсор нюдумал, что он пустился во всё тяжкое...

Псалом Глинки уморительно смешон.〈...〉

1835

Февраль. С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству.〈...〉

В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеветет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим ценсурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит.〈...〉

Ценсура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

*Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.*

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова.

ВОСПОМИНАНИЯ

ДЕРЖАВИН

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дожидаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы: портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом...

Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

«...» Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов «Русской истории» Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свет, толки были во всей силе. Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слова «Истории» Карамзина. Одна дама, впрочем весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: «...Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...» Однако!.. Зачем не но? Однако! Как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако!» — В журналах его не критиковали. Каченовский бросился на одно предисловие.

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты* «Русской истории» свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. — Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал «Историю» свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

Некоторые из людей светских письменно критиковали Ка-

рамзина. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!.. Мих. Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале «Истории» не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, т. е. требовал романа в истории — ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностью*, — конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни.

...Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменялся. Скоро Карамзину стало совестно, и, прощаясь со мною, как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: «Вы сегодня сказали на меня то, чего ни Шихматов, ни Кутузов на меня не говорили». В течение шестилетнего знакомства только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил. Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

ДЕЛЬВИГ

Дельвиг родился в Москве (1798 году, 6 августа). Отец его, умерший генерал-майором в 1828 году, был женат на девице Рахмановой.

Дельвиг первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил он в Царскосельский лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа, понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой

науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решил ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покамест он сам не признался в своем вымысле. Будучи еще пяти лет отроду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю свою семью. В детях, одаренных игривостью ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямоте. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания.

Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть Собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием; Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходились с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды «К Диону», «К Лилете», «Дориде» писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. В то время (1814 году) покойный Влад. Измайлов был издателем «Вестника Европы». Дельвиг послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима. Впрочем, никто не обратил тогда внимания на ранние опре-

сноки столь прекрасного таланта! Никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены, как некоторое чудо! Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!

*ИЗ ПИСЕМ.
1820—1837 гг.*

1820

*П. А. ВЯЗЕМСКОМУ
Около (не позднее) 21 апреля 1820 г.
Из Петербурга в Варшаву.*

⟨...⟩ Катенин стоит чего-нибудь получше и позлее. Он опоздал родиться — и своим характером и образом мыслей весь принадлежит 18 столетию. В нем та же авторская спесь, те же литературные сплетни и интриги, как и в прославленном веке философии. Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этим не удивишь; что ни говори, век наш не век поэтов — жалеть, кажется, нечего — а все-таки жаль. Круг поэтов делается час от часу теснее — скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо. — И то хорошо. Покамест присылай нам своих стихов; они пленительны и оживительны — «Первый снег» прелесть; «Уныние» — прелестнее. Читал ли ты последние произведения Жуковского, в бозе почивающего? слышал ты его «Голос с того света» — и что ты об нем думаешь? Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу. Поэму свою я кончил. И только последний, то есть окончательный, стих ее принес мне истинное удовольствие. Ты прочтешь отрывки в журналах, а получишь ее уже напечатанную — она так мне надоела, что не могу решиться переписывать ее клочками для тебя.⟨...⟩

Н. И. ГНЕДИЧУ

4 декабря 1820 г. Из Каменки в Петербург

⟨...⟩ Видел я прекрасный перевод «Андромахи», которого читали вы мне в вашем эпикурейском кабинете, и вдохновенные строфы:

Уже в последний раз приветствовать я мнил

и проч.

Они оживили во мне воспоминанья об вас и чувство прекрасного, всегда драгоценное для моего сердца, но не примирили меня с критиками, которые нашел я в том же «Сыне отечества». Кто такой этот В., который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: *красней*, несчастный? (что, между прочим, очень неучтиво), говорит, что *характеры* моей поэмы писаны *мрачными* красками этого нежного, чувствительного Корреджио и *смелою кистью Орловского*, который кисти в руки не берет и рисует только почтовые тройки да киргизских лошадей? Согласен со мнением неизвестного эпиграммиста — критика его для меня *ужасно как тяжка*. Допросчик умнее, а тот, кто взял на себя труд отвечать ему (благодарность и самолюбие в сторону), умнее всех их. В газетах читал я, что «Руслан», напечатанный для приятного препровожденья скучного времени, продается с превосходною картинкою — кого мне за нее благодарить? Друзья мои! надеюсь увидеть вас перед своей смертью. Покамест у меня еще поэма готова или почти готова. Прощайте — нюхайте гишпанского табаку и чихайте громче, еще громче.

1821

А. А. ДЕЛЬВИГУ

23 марта 1821 г. Из Кишинева в Петербург

⟨...⟩ Ты все тот же — талант прекрасный и ленивый. Долго ли тебе шалить, долго ли тебе разменивать свой гений на серебряные четвертаки. Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года, напиши своего «Монаха». Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удел — умертви в себе ветхого человека — не убивай вдохновенного поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебе, что кончил я новую поэму — «Кавказский пленник», которую надеюсь скоро вам прислать. Ты ею не совсем будешь доволен и будешь прав; еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу.⟨...⟩

Л. С. ПУШКИНУ

27 июля 1821 г. Из Кишинева в Петербург

Б р а т у

⟨...⟩Если ты в родню, так ты литератор (сделай милость, не поэт): пиши же мне об новостях нашей словесности; что такое «Сотворение мира» Милонова? что делает Катенин? Он ли задавал вопросы Воейкову в «Сыне отечества» прошлого года? Кто на ны? «Черная шаль» тебе нравится — ты прав, но ее черт знает как напечатали. Кто ее так напечатал? пахнет Глинкой. Если ты его увидишь, обними его братски, скажи ему, что он славная душа — и что я люблю его, как должно. ⟨...⟩Пришли мне «Тавриду» — Боброва.⟨...⟩

Н. И. ГРЕЧУ

21 сентября 1821 г. Из Кишинева в Петербург

⟨...⟩Вчера видел я в «Сыне отечества» мое послание к Ч — у; уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово *вольнолюбивый* ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее *libéral*¹, оно прямо русское, и, верно, почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем.⟨...⟩

1822

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

2 января 1822 г. Из Кишинева в Москву

⟨...⟩Благодарю тебя за все твои сатирические, пророческие и вдохновенные творенья, они прелестны — благодарю за все вообще — бранюсь с тобою за одно послание к Каченовскому; как мог ты сойти в *арену* вместе с этим хилым кулачным бойцом — ты сбил его с ног, но он облил бесславный твой веночек кровью, желчью и сивухой... Как с ним связываться — довольно было с него легкого хлыста, а не сатирической твоей палицы. Ежели я его задел в послании к Ч.—, то это не из ненависти к нему, но чтобы поставить с ним на одном ряду

Американца Толстого, которого презирать мудренее. Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся «Лалла-рук» не стоит десяти строчек «Тристрама Шанди»; пора ему иметь собственное воображение и крепостные вымыслы. Но каков Баратынский? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова — если впрядь зашагает, как шагал до сих пор, — ведь 23 года счастливцу! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет. Кавказский мой пленник кончен — хочу напечатать, да лени много, а денег мало — и меркантильный успех моей прелестницы Людмилы отбивает у меня охоту к изданиям — желаю счастья дяде — я не пишу к нему; потому что опасаясь журнальных почестей — скоро ли выйдут его творенья? все они вместе не стоят *Буянова*; а что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаясь, чтобы двоюродный брат мой не пошелся моим сыном — а долго ли до греха.〈...〉

Н. И. ГНЕДИЧУ

29 апреля 1822 г. Из Кишинева в Петербург

29 апреля 1822. Кишинев.

〈...〉Поэту возвышенному, просвещенному ценителю поэтов, вам предаю моего «Кавказского пленника»; в награду за присылку прелестной вашей идиллии (о которой мы поговорим на досуге) завещаю вам скучные заботы издания; но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотворение сказкой, повестью, поэмой или вовсе никак не называйте, издайте его в двух песнях или только в одной, с предисловием или без; отдаю вам его в полное распоряжение.〈...〉

А. А. БЕСТУЖЕВУ

〈...〉*21 июня 1822 г. Из Кишинева в Петербург.*

〈...〉Посылаю вам мои бессарабские бредни и желаю, чтоб они вамгодились. Кланяйтесь от меня цензуре, старинной моей приятельнице; кажется, голубушка еще поумнела. Не понимаю, что могло встревожить ее целомудренность в моих элегических отрывках — однако должно нам настоять из одного честолюбия — отдаю их в полное ваше распоряжение. Пред-

вижу препятствия в напечатании стихов к Овидию, но старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа — по-видимому, ее настрашали моим именем; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи под именем кого вам угодно (например, услужливого Плетнева или какого-нибудь нежного путешественника, скитающегося по *Тавриде*), повторяю вам, она ужасно бестолкова, но, впрочем, довольно створчива. Главное дело в том, чтоб имя мое до нее не дошло, и все будет слажено.

С живейшим удовольствием увидел я в письме вашем несколько строк К. Ф. Рылеева, они порука мне в его дружестве и воспоминании. Обнимите его за меня, любезный Александр Александрович, как я вас обниму при нашем свидании.

Н. И. ГНЕДИЧУ

27 июня 1822 г. Из Кишинева в Петербург

⟨...⟩ Пожалейте обо мне: живу меж гетов и сарматов; никто не понимает меня. Со мною нет просвещенного Аристарха, пишу как-нибудь, не слыша ни оживительных советов, ни похвал, ни порицаний. Но какова наша цензура? признаюсь, никак не ожидал от нее таких больших успехов в эстетике. Ее критика приносит честь ее вкусу. Принужден с нею согласиться во всем: *Небесный пламень* слишком обыкновенно; *долгий поцелуй* поставлено слишком на *выдержку* (trou hasardé)¹. *Его томительную негу вкусила тут она вполне*, — дурно, очень дурно — и потому осмеливаюсь заменить этот киргиз-кайсацкий стишок следующими: *какой угодно поцелуй разлуки.*⟨...⟩

Союз любви запечатлел.
Рука с рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу в тишине —
И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них.
Вдруг и проч. —

С подбострастием предлагаю эти стихи на рассмотрение цензуры — между тем поздравьте ее от моего имени. Конечно, иные скажут, что эстетика не ее дело; что она должна воз-

¹ слишком смело (*франц.*).

давать Кесареве Кесарю, а Гнедичеве Гнедичу, но мало ли что говорят. <...>

<...> С нетерпением ожидаю «Шильонского узника»; это не чета «Пери» и достойно такого переводчика, каков певец Громобоя и Старушки. Впрочем, мне досадно, что он переводит, и переводит отрывками — иное дело Тасс, Ариост и Гомер, иное дело песни Маттисона и уродливые повести Мура. Когда-то говорил он мне о поэме «Родрик» Саувея; попросите его от меня, чтоб он оставил его в покое, несмотря на просьбу одной прелестной дамы. Английская словесность начинает иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной. Тогда некоторые люди упадут, и посмотрим, где очутится Ив. Ив. Дмитриев с своими *чувствами и мыслями*, взятыми из Флориана и Легуве. Так-то пророчу я не в своей земле — а между тем не предвижу конца нашей разлуки. Здесь у нас *молдованно* и тошно; ах, боже мой, что-то с ним делается — судьба его меня беспокоит до крайности — напишите мне об нем, если будете отвечать.

П. А. КАТЕНИНУ

19 июля 1822 г. Из Кишинева в Петербург

<...> Ты перевел «Сиду»; поздравляю тебя и старого моего Корнеля. «Сид» кажется мне лучшею его трагедиею. Скажи: имел ли ты похвальную смелость оставить пощечину рыцарских веков на жеманной сцене 19-го столетия? Я слышал, что она неприлична, смешна, *ridicule. Ridicule!* Пощечина, данная рукою гишпанского рыцаря воину, поседевшему под шлемом! *ridicule!* Боже мой, она должна произвести более ужаса, чем чаша Атреева.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1 сентября 1822 г. Из Кишинева в Москву

<...> Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского. Он более чем подражатель подражателей, он полон истинной эгегической поэзии. «Шильонского узника» еще не читал. То, что видел в «Сыне отечества», прелестно...

¹ смешна. Смешна! (франц.).

Он на столбе, как вешний цвет,
Висел с опущенной главой.

Ты меня слишком огорчил — предположением, что твоя живая поэзия приказала долго жить. Если правда — жила довольно для славы, мало для отчизны. К счастью, не совсем тебе верю, но понимаю тебя. Лета клонят к прозе, и если ты к ней привяжешься не на шутку, то нельзя не поздравить Европейскую Россию. Впрочем, чего тебе дожидаться? неужели тебя пленяет ежемесячная слава Прадтов? Предприми постоянный труд, пиши в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах — а там что бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России, тогда надеюсь с тобою более сблизиться; покамест обнимаю тебя от души.

Посылаю тебе поэму в мистическом роде — я стал придворным.

Л. С. ПУШКИНУ

4 сентября 1822 г. Из Кишинева в Петербург

⟨...⟩Кстати об стихах: то, что я читал из «Шильонского узника», прелесть. С нетерпением ожидаю успеха «Орлеанской ⟨ — — — ⟩» Но актеры, актеры! — 5-стопные стихи без рифм требуют совершенно новой декламации. Слышу отсюда драм-моторжественный рев *Глухо-рева*. Трагедия будет сыграна тоном «Смерти Роллы». Что сделает великолепная Семенова, окруженная так, как она окружена? Господь, защити и помилуй — но боюсь. Не забудь уведомить меня об этом и возьми от Жуковского билет для 1-го представления на мое имя. Читал стихи и прозу Кюхельбекера — что за чудак! Только в его голову могла войти жидовская мысль воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, Грецию, где все дышит мифологией и героизмом, — славянорусскими стихами, целиком взятыми из Иеремиа. Что бы сказал Гомер и Пиндар? — но что говорят Дельвиг и Баратынский? «Ода к Ермолову» лучше, но стих: «Так пел в Суворова влюблен Державин...» слишком уже греческий — стихи к Грибоедову достойны поэта, некогда написавшего: «Страх при звоне меди заставляет народ устрешенный толпами стремиться в храм священный. Зри, боже! число, великий, унылых, тебя прося-

щих, сохранить им — цел труд, многим людям принадлежащий» и проч. Справься об этих стихах у барона Дельвига.

Батюшков прав, что сердится на Плетнева; на его месте я бы с ума сошел со злости — «Б. из Рима» не имеет человеческого смысла, даром что «Новость на Олимпе» очень мила. Вообще мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи, — он не имеет никакого чувства, никакой живости — слог его бледен, как мертвец. Кланяйся ему от меня (то есть Плетневу — а не его слогу) и уверь его, что он наш Гете.

Милый мой, у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило — что делает Дельвиг? чего он смотрит!

Н. И. ГНЕДИЧУ

27 сентября 1822 г. Из Кишинева в Петербург

Приехали «Пленники» — и сердечно вас благодарю, милый Николай Иванович. Признаюсь, что я думал увидеть знаки роковых ее когтей в других местах и беспокоился — например, если б она переменяла стих *простите, вольные станицы*, то мне было бы жаль. Но слава богу! *горький поцелуй прелесть. Ей дней ей-ей не благозвучнее ночей; уповательных мечтаний; упойтельных. На дома* дождь и град; *на доли* — вот единственные ошибки, замеченные мною. Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли, примечание издателей очень лестно — не знаю, справедливо ли. Перевод Жуковского *est un tour de force*¹. Злодей! в бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтоб выразить с столь страшной истиной первые признаки сумасшествия, а Жуковским, чтоб это перевыразить. Мне кажется, что слог Жуковского в последнее время ужасно возмужал, хотя утратил первоначальную прелесть. Уж он не напишет ни «Светланы», ни «Людмилы», ни прелестных элегий 1-ой части «Спящих дев». Дай бог, чтоб он начал создавать. <...>

¹ представляет собою чудо мастерства (франц.).

Л. С. ПУШКИНУ

Октябрь 1822 г. Из Кишинева в Петербург

⟨...⟩ Скажи мне, милый мой, шумит ли мой «Пленник»? *A-t-il produit du scandale*, пишет мне *Orlof, voilà l'essentiel*¹. Надеюсь, что критики не оставят в покое характера Пленника, он для них создан, душа моя; я журналов не получаю, так потрудись, напиши мне их толки — не ради исправления моего, но ради смирения кичливости моей.⟨...⟩

В. П. ГОРЧАКОВУ

Октябрь — ноябрь 1822 г. Из Кишинева в Гура-Гальбин

Замечания твои, моя радость, очень справедливы и слишком снисходительны — зачем не утопился мой Пленник вслед за Черкешенкой? как человек — он поступил очень благородно, но в герое поэмы не благородия требуется. — Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не гожусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века. Конечно, поэму приличнее было бы назвать «Черкешенкой» — я об этом не подумал.

Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести; но все это ни с чем не связано и есть истинный *hors d'oeuvre*². Вообще я своей поэмой очень доволен и почитаю ее гораздо ниже «Руслана» — хоть стихи в ней зрелее.⟨...⟩

¹ Произвел ли он скандал, пишет мне Орлов, вот что существенно (франц.).

² нечто добавочное (франц.).

Л. С. ПУШКИНУ

1—10 января 1823 г. Из Кишинева в Петербург

Душа моя, как перевести по-русски *bévues*?¹ — должно бы издавать у нас журнал «*Revue des Bévues*»². Мы поместили бы там выписки из критик Воейкова, полудневную денницу Рылеева, его же герб российский на вратах византийских (во время Олега герба русского не было, а двуглавый орел есть герб византийский и значит разделение Империи на Западную и Восточную — у нас же он ничего не значит). Поверишь ли, мой милый, что нельзя прочесть ни одной статьи ваших журналов, чтоб не найти с десятков этих *bévues*, поговори об этом с нашими да похлопочи о книгах. Ты ко мне совсем не пишешь, да и все вы что-то примолкли. <...>

Л. С. ПУШКИНУ

30 января 1823 г. Из Кишинева в Петербург

Благоразумный Левинька!

<...> Бестужев прислал мне «Звезду» — эта книга достойна всякого внимания; жалею, что Баратынский поскупился — я надеялся на него. Каковы стихи к Овидию? душа моя, и «Руслан», и «Пленник», и «Noël», и всё дрянь в сравнении с ними. Ради бога, люби две звездочки, они обещают достойного соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылееву и прочим знаменитым нашим поэтам. «Мечта воина» привела в задумчивость воина, что служит в иностранной коллегии и находится ныне в бессарабской канцелярии. Эта «Мечта» напечатана с ошибочного списка — призванье вместо взыванье, *тревожных дум*, слово, употребляемое знаменитым Рылеевым, но которое по-русски ничего не значит. *Воспоминание и брата и друзей* стих трогательный, а в «Звезде» просто плоский. Но все это не беда; были бы деньги. Я рад, что Глинке полюбились мои стихи — это была моя цель. В отношении его я не Фе-

¹ оплошности, промахи (франц.).² «Обозрение промахов» (франц.).

мистокл; мы с ним приятели и еще не ссорились за мальчика. Гнедич у меня перебивает лавочку —

Увы, напрасно ждал тебя жених печальный

и проч.— непростительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнасе. Дельвиг, Дельвиг! пиши ко мне и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало. En avant! marche¹.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

6 февраля 1823 г. Из Кишинева в Москву

⟨...⟩ Все, что ты говоришь о романтической поэзии, прелестно, ты хорошо сделал, что первый возвысил на нее голос — французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность. У нас нет театра, опыты Озерова ознаменованы поэтическим слогом — и то не точным и заржавым; впрочем, где он не следовал жеманным правилам французского театра? Знаю, за что полагаешь его поэтом романтическим: за мечтательный монолог Фингала — *нет! песням никогда надгробным я не внемлю*, но вся трагедия написана по всем правилам парнасского православия; а романтический трагик принимает за правило одно вдохновение — признайся: все это одно упрямство. Благодарю за щелчок цензуре, но она и не этого стоит: стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака. Мы смеемся, а кажется лучше бы дельно приняться за Бируковых; пора дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим голосом — презрение к русским писателям нестерпимо; подумай об этом на досуге, да соединимся — дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную — читал ли ты мое послание Бирукову? если нет, вытребуй его от брата или от Гнедича; читал я твои стихи в «Полярной звезде»; все прелесть — да ради Христа прозу-то не забывай; ты да Карамзин одни владеют ею. Глинка владеет языком чувств... это что такое! Бестужева статья об нашей братьи ужасно молода — но у нас все, елико печатано, имеет действие на святую Русь: зато не должно бы ничем пренебрегать, и должно печатать благонамеренные замечания на

¹ Вперед! марш (франц.).

всякую статью — политическую, литературную — где только есть немножко смысла. Кому, как не тебе, взять на себя скучную, но полезную должность надзирателя наших писателей. Стихи мои ищут тебя по всей России — я ждал тебя осенью в Одессу и к тебе бы приехал — да мне все идет наперекор. Не знаю, нынешний год увижусь ли с тобою. Пиши мне покамест, если по почте, так осторожнее, а по *оказии* что хочешь — да нельзя ли твоих стихов? мочи нет хочется; дядя прислал мне свои стихотворения — я было хотел написать об них кое-что, более для того, чтоб ущипнуть Дмитриева, нежели чтоб порадовать нашего старосту; да невозможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его и не сравнивая с экс-министром — Доратом. Видишь ли ты иногда Чаадаева? он вымыл мне голову за Пленника, он находит, что он недовольно blasé¹; Чаадаев, по несчастию, знаток по этой части; оживи его прекрасную душу, поэт! ты, верно, его любишь — я не могу представить себе его иным, что прежде. Еще слово об «Кавказском пленнике». Ты говоришь, душа моя, что он сукин сын за то, что не горюет о черкешенке, но что говорить ему — *все понял он* выражает все; мысль об ней должна была овладеть его душою и соединиться со всеми его мыслями — это разумеется — иначе быть нельзя; не надобно все высказывать — это есть тайна занимательности. Другим досадно, что *пленник* не кинулся в реку вытаскивать мою черкешенку — да, сунься-ка; я плавал в кавказских реках, — тут утонешь сам, а ни черта не сыщешь; мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в черкешенку — он прав, что не утопился. Прощай, моя радость.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Март 1823 г. Из Кишинева в Москву

Благодарю тебя за письмо, а не за стихи: мне в них не было нужды — «Первый снег» я читал еще в 20 году и знаю наизусть. Не написал ли ты чего нового? пришли, ради бога, а то Плетнев и Рылеев отучат меня от поэзии. Сделай милость, напиши мне обстоятельнее о тяжбе своей с цензурою. Это касается всей православной кучки. Твое предложение собраться нам всем и жаловаться на Вируковых может иметь худые последствия. На основании военного устава, если более двух

¹ пресыщенный (франц.).

офицеров в одно время подают рапорт, таковой поступок приемлется за бунт. Не знаю, подвержены ли писатели военному суду, но общая жалоба с нашей стороны может навлечь на нас ужасные подозрения и причинить большие беспокойства... Соединиться тайно — но явно действовать в одиночку, кажется, вернее. В таком случае должно смотреть на поэзию, с позволения сказать, как на ремесло. Руссо не впервой соврал, когда утверждает *que c'est le plus vil des métiers. Pas plus vil qu'un autre*¹. Аристократические предубеждения пристали тебе, но не мне — на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог; продаю с барышом. Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я внакладе; иду жаловаться частному приставу; все это в порядке вещей. Думаю скоро связаться с Бируковым и стану доезжать его в этом смысле — но за 2000 верст мудрено щелкать его по носу. Я барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает когда выкарабкаюсь. Ты — барахтайся в грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка нам и приятна

Сверчок.

Н. И. ГНЕДИЧУ

13 мая 1823 г. Из Кишинева в Петербург

Если можно приступить ко второму изданию «Руслана» и «Пленника», то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попечение; но ваши предложения останавливают меня по многим причинам. 1) Уверены ли вы, что цензура, поневоле пропустившая в 1-й раз «Руслана», нынче не опомнится и не заградит пути второму его пришествию. Заменять же прежнее новым в ее угоду я не в силах и не намерен. 2) Согласен с вами, что предисловие есть пустословие довольно скучное, но мне никак нельзя согласиться на присовокупление новых бредней моих; они мною обещаны Якову Толстому и должны поступить в свет особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка, да №3 цензура. *Tout bien vu*², не кончить ли дела предисловием? Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то в милости у русской публики.

¹ что это самое подлое ремесло. Не подлее других (*франц.*).

² Хорошенько все взвесив (*франц.*).

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité¹.

Как бы то ни было, воспользуюсь своим *случаем*, говоря ей правду неучтивую, но, быть может, полезную. Я очень знаю меру понятия, вкуса и просвещения этой публики. Есть у нас люди, которые выше ее; этих она недостойна чувствовать; другие ей по плечу; этих она любит и почитает. Помню, что Хмельницкий читал однажды мне своего «Нерешительного»; услыша стих «И должно честь отдать, что немцы аккуратны», я сказал ему: вспомните мое слово, при этом стихе все захопает и захохочет. — А что тут острого, смешного? очень желал бы знать, сбылось ли мое предсказание.

Вы, коего гений и труды слишком высоки для этой детской публики, что вы делаете, что делает Гомер? Давно не читал я ничего прекрасного. Кюхельбекер пишет мне четырестопными стихами, что он был в Германии, в Париже, на Кавказе, и что он падал с лошади. Все это кстати о «кавказском пленнике». От брата давно не получал известия, о Дельвиге и Баратынском также — но я люблю их и ленивых. Vale, sed delenda est censura².

А. А. БЕСТУЖЕВУ

13 июня 1823 г. Из Кишинева в Петербург

Милый Бестужев,

Позволь мне первому перешагнуть через приличия и сердечно поблагодарить *тебя* за «Полярную звезду», за твои письма, за статью о литературе, за Ольгу и особенно за «Вечер на биваке». Все это ознаменовано твоей печатью, то есть умом и чудесной живостью. О «Взгляде» можно бы нам поспорить на досуге, признаюсь, что ни с кем мне так не хочется спорить, как с тобою да с Вяземским — вы одни можете разгорячить меня. Покамест жалуюсь тебе об одном: как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание не простительно ни тебе, ни Гречу — а от тебя его не ожидал. Еще слово: зачем хвалить холодного однообразного Осипова, а обижать Майкова. «Ели-

¹ Я не заслужил

Ни этой чрезмерной чести, ни этого оскорбления (*франц.*).

² Прощайте, цензуру же должно уничтожить (*лат.*).

сей» истинно смешон. Ничего не знаю забавнее обращения поэта к порткам:

Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда!

А любовница Елисея, которая сожигает его штаны в печи,

Когда для пирогов она у ней топилась:
И тем подобною Дидоне учинилась.

А разговор Зевеса с Меркурием, а герой, который упал в песок

И весь седалища в нем образ напечатал.
И сказывали те, что ходят в тот кабак,
Что виден и поднесь в песке сей самый знак,—

все это уморительно. Тебе, кажется, более нравится благовещение, однако же «Елисей» смешнее, следственно полезнее для здоровья.

В рассуждении 1824 года, постараюсь прислать тебе свои бессарабские бредни; но нельзя ли вновь осадить цензуру и, со второго приступа, овладеть моей Анфологией? «Разбойников» я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц «Полярной звезды», то напечатай его. Впрочем, чего бояться читательниц? их нет и не будет на русской земле, да и жалеть не о чем.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

14 октября 1823 г. Из Одессы в Москву

По твоему совету, милый Асмодей, я дал знать Гнедичу, что поручаю тебе издание «Руслана» и «Пленника», следственно дело сделано. Не помню, просил ли я тебя о вступлении, предисловии и т. п., но сердечно благодарю тебя за обещание. Твоя проза обеспечит судьбу моих стихов. О каких переменах говорил тебе Раич? я никогда не мог поправить раз мною написанное. В «Руслане» должно только прибавить эпилог и несколько стихов к 6-ой песне, слишком поздно доставленные мною Жуковскому. «Руслан» напечатан исправно, ошибок нет, кроме *свежий сон* в самом конце. Не помню, как было в рукописи, но свежий сон тут смысла не имеет. «Кавказский пленник» иное дело.

Остановлял он долго взор — должно: вперял он неподвижный взор. Живи — и путник оживает — Живи — и пленник оживает. Пещеры темная прохлада — влажная. И вдруг на дома дождь и град — долы. В чужой аул ценою злата — за много злата (впрочем, как хочешь).

Не много радостных ей дней
Судьба на долю ниспослала.

Зарезала меня цензура! я не властен сказать, я не должен сказать, я не смею сказать *ей дней* в конце стиха. Ночей, ночей — ради Христа, *ночей Судьба на долю ей послала*. То ли дело. *Ночей*, ибо днем она с ним не видалась — смотри поэму. И чем же ночь неблагопристойнее дня? которые из 24 часов именно противны духу нашей цензуры? Бируков добрый малый, уговори его или я слягу.

На смертном поле свой бивак

У меня прежде было *У стен Парижа*. Не лучше ли, как думаешь? *верил я надежде И уповательным мечтам*. Это что? *Упоительным мечтам*. Твоя от твоих: помнишь свое прелестное послание Давыдову? Да вот еще два замечания, в роде антикритики. 1) Под *влажной буркой*. Бурка не промокает и влажна только сверху, следственно можно спать под нею, когда нечем иным накрыться — а сушить нет надобности. 2) *На берегу заветных вод*. Кубань — граница. На ней карантин, и строго запрещается казакам переезжать *об'он'пол*. Изъясни это потолковее забавникам «Вестника Европы». Теперь замечание типографическое: *Всё понял он...* несколько точек, в роде Шаликова и — *à la ligne*¹ *прощальным взором* и пр. Теперь я согласен в том, что это место писано слишком в обрез, да силы нет ни поправить, ни прибавить. *Sur se*² — обнимаю тебя с надеждой и благодарностью.

Замечания твои насчет моих «Разбойников» несправедливы; как сюжет, *c'est un tour de force*³, это не похвала, напротив; но, как слог, я ничего лучше не написал. «Бахчисарайский фонтан», между нами, дрянь, но эпитафия его прелесть.

¹ с красной строки (франц.).

² За сим (франц.).

³ это диковина (франц.).

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

4 ноября 1823 г. Из Одессы в Москву.

4 ноября. Одесса.

Вот тебе, милый и почтенный Асмодей, последняя моя поэма. Я выбросил то, что цензура выбросила б и без меня, и то, что не хотел выставить перед публикою. Если эти бессвязные отрывки покажутся тебе достойными тиснения, то напечатай, да сделай милость, не уступай этой суке цензуре, отгрызайся за каждый стих и загрызи ее, если возможно, в мое воспоминание. Кроме тебя, у меня там нет покровителей; еще просьба: припиши к «Бахчисараю» предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софы Киселевой; прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в «Путешествии» Апостола-Муравьева статью «Бахчисарай», выпиши из нее что поспоснее — да заворижи все это своею прозою, богатой наследницею твоей прелестной поэзии, по которой ношу траур. Полно, не воскреснет ли она, как тот, который пошутил? Что тебе пришло в голову писать оперу и подчинить поэта музыканту? Чин чина почитай. Я бы и для Россини не пошевелился. Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница. Вроде «Дон Жуана» — о печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша так своенравна, что с нею невозможно и размерить круга своего действия — лучше об ней и не думать — а если брать, так брать, не то, что и когтей марать.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 ноября 1823 г. Из Одессы в Москву

Вот тебе и «Разбойники». Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на острове, потопление одного из стражей мною не выдумань. Некоторые стихи напоминают перевод «Шильонского узника». Это несчастье для меня. Я с Жуковским сошелся нечаянно, отрывок мой написан в конце 821 года.

А. А. ДЕЛЬВИГУ

16 ноября 1823 г. Из Одессы в Петербург

Мой Дельвиг, я получил все твои письма и отвечал почти на все. Вчера повеяло мне жизнью лицейскою, слава и благодарение за то тебе и моему Пушкину! Вам скучно, нам скучно: сказать ли вам сказку про белого быка? Душа моя, ты слишком мало пишешь, по крайней мере слишком мало печатаешь. Впрочем, я живу по-азиатски, не читая ваших журналов. На днях попались мне твои прелестные сонеты — прочел их с жадностью, восхищением и благодарностью за вдохновенное воспоминание дружбы нашей. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Баратынского. Жду и не дождусь появления в свет ваших стихов; только их получу, заколю агнца, восхваляю господа — и украшу цветами свой шалаш — хоть Бируков находит это слишком сладострастным. Сатира к Гнедичу мне не нравится, даром что стихи прекрасные; в них мало перца; *Сомов безмундирный* непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостью писателя? Это шутка, достойная коллежского советника Измайлова. Жду также «Полярной звезды». Жалею, что мои элегии писаны против религии и правительства: я полу-Хвостов: люблю писать стихи (но не переписывать) и не отдавать в печать (а видеть их в печати). Ты просишь «Бахчисарайского фонтана». Он на днях отослан к Вяземскому. Это бессвязные отрывки, за которые ты меня пожурить, и все-таки похвалишь. Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя. Бируков ее не увидит за то, что он фидитя, блажной дитя. Бог знает когда и мы прочитаем ее вместе — скучно, моя радость! вот припев моей жизни.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1—8 декабря 1823 г. Из Одессы в Москву

Конечно, ты прав, и вот тебе перемены —

Язвительные лобзания напоминают тебе твои < — — — > поставь *пронзительных*. Это будет ново. Дело в том, что моя Грузинка кусается, и это непременно должно быть известно публике. *Хладного скопца* уничтожаю из уважения к давней девственности Анны Львовны.

Не зрит лица его гарем.
Там
И, не утешены никем,
Стареют жены.

Меня ввел во искушение Бобров: он говорит в своей «Тавриде»: *Под стражею скопцов гарема*. Мне хотелось что-нибудь у него украсть, а к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе.

Но верой матери моей
Была твоя — —

если найдешь удачную перемену, то подари меня ею; если ж нет, оставь так, оно довольно понятно. Нет ничего легче поставить *Равна, Грузинка, красотою, но инка кр...* а слово Грузинка тут необходимо — впрочем, делай, что хочешь.

Апостол написал свое путешествие по Крыму; оно печатается — впрочем, ожидать его нечего.

Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чаадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны.

Посылаю «Разбойников».

Как бишь у меня? *Вперял он неподвижный взор?* Поставь *любопытный*, а стих все-таки калмыцкий.

1824

А. А. БЕСТУЖЕВУ

12 января 1824 г. Из Одессы в Петербург

Конечно, я на тебя сердит и готов с твоего позволения браниться хоть до завтра. Ты напечатал именно те стихи, об которых я просил тебя: ты не знаешь, до какой степени это мне досадно. Ты пишешь, что без трех последних стихов элегия не имела бы смысла. Велика важность! а какой же смысл имеет: *Как ясной влагою полубогиня грудь — воздымала?* или *с болезнью и мольбой Твои глаза*, и проч.? Я давно уже не сержусь за опечатки, но в старину мне случалось забалты-

ваться стихами, и мне грустно видеть, что со мною поступают, как с умершим, не уважая ни моей воли, ни бедной собственности. Это простительно Воейкову, но *et tu autem, Brute!*¹

Гнедич шутит со мной шутки в другом роде. Он разгласил, будто бы все новые стихи, обещанные мною Я. Толстому, проданы уже ему, Гнедичу. Толстой написал мне письмо пресухое, в котором он справедливо жалуется на мое легкомыслие, отказался от издания моих стихотворений, уехал в Париж, и мне об нем нет ни слуху ни духу. Он переписывается с тобою в «Сыне отечества»; напиши ему слово обо мне, оправдай меня в его глазах да пришли его адрес. Повторяю тебе в последний раз мои пени и просьбы и обнимаю тебя *sans gaucine*² и с благодарностью за все остальное — прозу и стихи. Ты — все ты: то есть мил, жив, умен. Баратынский — прелесть и чудо, «Признание» — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий, хотя бы наборщик клялся мне евангелием поступать со мною милостивее. Рылеева «Войнаровский» несравненно лучше всех его «Дум», слог его возмужал и становится истинно-повествовательным, чего у нас почти еще нет. Дельвиг — молодец. Я буду ему писать. Готов христосоваться с тобой стихами, но сделай милость... пощади. Прощай, мой милый Walter! Туманского вчера и сегодня я не видал и письма твоего не отдавал. Он славный малый, но, как поэт, я не люблю его. Дай бог ему премудрости.

Л. С. ПУШКИНУ

Январь (после 12) — начало февраля 1824 г.

Из Одессы в Петербург

⟨...⟩Были бы деньги, а где мне их взять? что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться. Русская слава льстить может какому-нибудь В. Козлову, которому льстят и петербургские знакомства, а человек немного порядочный презирает и тех и других. *Mais pourquoi chantais-tu?*³ на сей вопрос Ламартина отвечаю — я пел, как булочник печет, портной шьет, Козлов пишет, лекарь морит — за деньги, за деньги, за деньги — таков я в наготе моего цинизма. Плетнев пишет мне, что «Бахчисарайский фонтан» у всех в руках. Благодарю вас,

¹ и ты, Брут! (лат.)

² без злопамятства (франц.)

³ Но почему ты пел? (франц.)

друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей славе! благодарю в особенности Тургенева, моего благодетеля; благодарю Воейкова, моего высокого покровителя и знаменитого друга! Остается узнать, раскупится ли хоть один экземпляр печатный теми, у которых есть полные рукописи; но это безделица — поэт не должен думать о своем пропитании, а должен, как Корнилович, писать с надеждою сорвать улыбку прекрасного пола. Душа моя, меня тошнит с досады — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть? Кстати о гадости — читал я «Федру» Лобанова — хотел писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина — перо вывалилось из рук. И об этом у вас шумят, и это называют ваши журналисты прекраснейшим переводом известной трагедии г. Расина! *Voulez-vous découvrir la trace de ses pas*¹ — надеешься найти

Тезея жаркий след иль темные пути —

мать его в рифму! вот как все переведено. А чем же и держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии! План и характеры «Федры» верх глупости и ничтожества в изобретении — Тезей не что иное, как первый Мольеров рогач: Ипполит, *le superbe, le fier Nupolite — et même un peu farouche*², Ипполит, суровый скифский < — — — > — не что иное, как благовоспитанный мальчик, учтивый и почтительный —

*D'un mensonge si noir*³ ...и проч.

прочти всю эту хваленую тираду и удостоверись, что Расин понятия не имел об создании трагического лица. Сравни его с речью молодого любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умов. А Терамен аббат и сводник — *Vous-même où seriez vous etc...*⁴ — вот глубина глупости! С Рылеевым мирюсь — «Войнаровский» полон жизни. Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но, если не успею, скажи ему, чтоб он взял у Тургенева «Олега вещего» и напечатал. Может быть, я пришлю ему отрывки из «Онегина»; это лучшее мое произведение. Не верь Н. Раевскому, который бранит его — он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал.

¹ Хотите отыскать следы его шагов (франц.).

² надменный, гордый Ипполит — даже несколько дикий (франц.).

³ Столь черной ложью (франц.).

⁴ Где были бы вы сами и т. д. (франц.).

8 февраля 1824 г. Из Одессы в Петербург

Ты не получил, видно, письма моего. Не стану повторять то, чего довольно и на один раз. О твоей повести в «Полярной звезде» скажу, что она не в пример лучше (то есть занимательнее) тех, которые были напечатаны в прошлом годе, et c'est beaucoup dire¹. Корнилович славный малый и много обещает — но зачем пишет он для *снисходительного внимания милостивой государыни NN* и ожидает *ободрительной улыбки прекрасного пола* для продолжения любопытных своих трудов? Все это старо, ненужно и слишком уже пахнет шаликовскою невинностию. Булгарин говорит, что Н. Бестужев отличается *новостию мыслей*. Можно бы с большим уважением употреблять слово *мысли*. Арабская сказка прелесть; советую тебе держать за ворот этого Сенковского. Между поэтами не вижу Гнедича, это досадно; нет и Языкова — и его жаль; (похабный) мадригал А. Родзянки можно бы оставить покойному Нахимову; *вчера* — — — *люблю и мыслью* поместят со временем в грамматику для примера бессмыслицы. Плетнева «Родина» хороша, Баратынский чудо — мои пиесы плохи. Вот тебе и все о «Полярной».

Радуюсь, что мой «Фонтан» шумит. Недостаток плана не моя вина. Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины.

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naive².

Впрочем, я писал его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги были нужны.

Третий пункт и самый нужный с эпитафиею *без церемонии*: ты требуешь от меня десятка пиес, как будто у меня их сотни. Едва ли наберу их и пяток, да и то не забудь моих стношений с цензурой. Даром у тебя брать денег не стану; к тому же я обещал Кюхельбекеру, которому, верно, мои стихи нужнее, нежели тебе. Об моей поэме нечего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, то, верно, не в Москве и не в Петербурге. Прощай, поклон Рылееву, обними Дельвига, брата и братю.

¹ и это много значит (*франц.*).

² К нежным законам стиха я приноровлял звуки
Ее милых и бесхитростных уст (*франц.*).

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

8 марта 1824 г. Из Одессы в Москву

От всего сердца благодарю тебя, милый европеец, за неожиданное послание или посылку. Начинаю почитать наших книгопродавцов и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняет, ты продал все издание за 3000 р., а сколько ж стоило тебе его напечатать? Ты все-таки даришь меня, бессовестный! Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует, да пришли их сюда. Расти им не за чем. А у меня им не залежаться, хоть я, право, не мот. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо я не принадлежу к нашим писателям 18-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола.

Жду с нетерпением моего «Фонтана», то есть твоего предисловия. Недавно прочел я твои давешние замечания на Булгарина, это лучшая из твоих полемических статей. «Жизни Дмитриева» еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь черт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры — одного из твоих посланий, а все прочее первого стихотворения Жуковского. Ты его когда-то назвал *Le poète de notre civilisation*¹, быть так, хороша наша *civilisation*!

Твое поручение отыскать тебе дом обрадовало меня несказанно. Дело не к спеху, однако изволь изъяснить мне потолковее, что такое *в начале лета* и *не дорого*. Лев Нарышкин, с которым я уж об этом говорил, уезжает в чужие края *в начале лета*. Он нанимает здесь дом, за 500 р. в месяц, и дачу не очень помню за сколько. Я бы советовал тебе для детей нанять дачу, потому что в городе пыль несносна. Буду еще хлопотать; впрочем, твоего *слишком дорого* не понимаю; ты деньги все ведь истратишь, если не на то, так на другое. Жду ответа. С. Волконского здесь еще нет.

¹ Поэт нашей цивилизации (франц.).

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Начало апреля 1824 г. Из Одессы в Москву

Сейчас возвратился из Кишинева и нахожу письма, посылки и «Бахчисарай». Не знаю, как тебя благодарить; «Разговор» прелесть, как мысли, так и блистательный образ их выражения. Суждения неоспоримы. Слог твой чудесно шагнул вперед. Недавно прочел я и «Жизнь Дмитриева»; все, что в ней рассуждение — прекрасно. Но эта статья *tout de force et affaire de parti*¹. Читая твои критические сочинения и письма, я и сам собрался с мыслями и думаю на днях написать кое-что о нашей бедной словесности, о влиянии Ломоносова, Карамзина, Дмитриева и Жуковского. Авось и тисну; тогда *du choc des opinions jaillira de l'argent*². Знаешь ли что? твой «Разговор» более писан для Европы, чем для Руси. Ты прав в отношении романтической поэзии. Но старая < — — — > классическая, на которую ты нападаешь, полно существует ли у нас? это еще вопрос. Повторяю тебе перед евангелием и святым причастием, что Дмитриев, несмотря на все старое свое влияние, не имеет, не должен иметь более весу, чем Херасков или дядя Василий Львович. Разве он один представляет в себе классическую нашу словесность, как Мордвинов заключает в себе одном всю русскую оппозицию? и чем он классик? где его трагедии, поэмы дидактические или эпические? разве классик в посланиях к Севериной да в эпиграммах, переведенных из Гишара? — Мнения «Вестника Европы» не можно почитать за мнения, на «Благонамеренного» сердиться невозможно. Где же враги романтической поэзии? где столпы классические? Обо всем этом поговорим на досуге.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ (?)

Апрель — первая половина мая (?) 1824 г. Одесса

...читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще

¹ чудо ловкости и дело партийное (франц.).

² от столкновения мнений посыплется деньги (франц.).

встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur¹, мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

7 июня 1824 г. Из Одессы в Москву

⟨...⟩ То, что ты говоришь насчет журнала, давно уже бродит у меня в голове. Дело в том, что на Воронцова нечего надеяться. Он холоден ко всему, что не он; а меценатство вышло из моды. Никто из нас не захочет *великодушного покровительства просвещенного вельможи*, это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дело и соединиться. Но беда! мы все лентяй на лентяе — материалы есть, материалисты есть, но où est le cul de plomb qui poussera ça?² где найдем своего составителя, так сказать, своего Каченовского? (в смысле Милонова — что для издателя хоть «Вестника Европы», не надобен тут ум, потребна только ⟨— — —⟩). Еще беда: ты *Sectaire*³, а тут бы нужно много и очень много терпимости; я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей кучки, а ты уступишь ли мне моего Катенина? отрекаюсь от Василья Львовича; отречешься ли от Воейкова? Еще беда: мы все прокляты и рассеяны по лицу земли — между нами сношения затруднительны, нет единодушия; золотое *кстати* поминутно от нас выскользает. Первое дело: должно приструнить все журналы и держать их в *решпекте* — ничего легче б не было, если б мы были вместе и печатали бы завтра, что решили бы за ужином вчера; а теперь сообщай из Москвы в Одессу замечание на какую-нибудь глупость Булгарина, отсылай его к Бирукову в Петербург и печатай потом через два месяца в *revue du bœuvres*⁴. Нет, душа моя Асмодей, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня — а еще дале бабушке до Юрьева дня.

¹ что не может быть существа разумного, творца и правителя (*франц.*).

² где тот свинцовый зад, который будет всё это толкать? (*франц.*).

³ сектант (*франц.*).

⁴ обозрение промахов (*франц.*).

Л. С. ПУШКИНУ

13 июня 1824 г. Из Одессы в Петербург

Ты спрашиваешь моего мнения насчет болгаринского вранья — черт с ним. Охота тебе связываться с журналистами на словах, как Вяземскому на письме. Должно иметь уважение к самому себе. Ты, Дельвиг и я можем все трое плюнуть на сволочь нашей литературы — вот тебе и весь мой совет. Напиши мне лучше что-нибудь о «Северных цветах» — выйдут ли и когда выйдут? С переменою министерства ожидаю и перемены цензуры. А жаль... *la soupe était pleine*¹. Бируков и Красовский невтерпеж были глупы, своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться. На каком основании начал свои действия дедушка Шишков? Не запретил ли он «Бахчисарайский фонтан» из уважения к святыне Академического словаря и неблажно составленному слову *водомер*? Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик. Попытаюсь толкнуться ко вратам цензуры с первою главой или песнью «Онегина». Авось пролезем. Ты требуешь от меня подробностей об «Онегине» — скучно, душа моя. В другой раз когда-нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другого рода. Неприятности всякого рода; скучно и пыльно. Сюда приехала княгиня Вера Вяземская, добрая и милая баба — но мужу был бы я больше рад. Жуковского я получил. Славный был покойник, дай бог ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мне нужны. Продай на год «Кавказского пленника» за 2000 р. Кому бишь? Вот перемены: И *путник* оживает — и пленник. Остановлял он долго взор — вперял он любопытный взор. И *уповательным* мечтам — И *упойтельным*. *Не много... ей дней — ночей* — ради бога. Прощай.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

24—25 июня 1824 г. Из Одессы в Москву

⟨...⟩ По твоим письмам к княгине Vere вижу, что и тебе и кюхельбекерно и тошно; тебе грустно по Байроне, а я так рад его смерти, как высокому предмету для поэзии. Гений

¹ чаша была переполнена (франц.).

Байрона бледнел с его молодостию. В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уже не тот пламенный демон, который создал «Гяура» и «Чильд-Гарольда». Первые две песни «Дон Жуана» выше следующих. Его поэзия видимо изменялась. Он весь создан был навыворот; постепенности в нем не было, он вдруг созрел и возмужал — пропел и замолчал; и первые звуки его уже ему не возвратились — после 4-ой песни Child-Harold Байрона мы не слышали, а писал какой-то другой поэт с высоким человеческим талантом. Твоя мысль воспеть его смерть в 5-ой песне его Героя прелестна — но мне не по силам — <...>

П. А. Вяземскому

5 июля 1824 г. Одесса

<...>Век романтизма не настал еще для Франции — Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля — он ученик трагика Вольтера, а не природы.

Tous les recueils de poésies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature française¹.

Л. С. ПУШКИНУ

1—10 ноября 1824 г. Из Тригорского в Петербург

Видел ты всех святых? Шумит ли Питер? что твой приезд и что «Онегин»?

№. пришли мне 1) Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc.². найдешь у St. Florent. 2) Серные спички. 3) Карты, то есть картежные (об этом скажи Михайле; пусть он их и держит и продает). 3) «Жизнь Емельки Пугачева». 4) «Путешествие по Тавриде» Муравьева. 5) Горчицы и сыру; но это ты и сам мне привезешь. Что наши литературные паны и что сволочь?

Я тружусь во славу Корана и написал еще кое-что — лень прислать.

¹ Все сборники новых стихов, именуемых романтическими, — позор для французской литературы (франц.).

² Сочинения Лебрена, оды, элегии и проч. (франц.).

Л. С. ПУШКИНУ

1—10 ноября 1824 г. Из Михайловского в Петербург

Брат, вот тебе картинка для «Онегина» — найди искусный и быстрый карандаш.

Если и будет другая, так чтоб все в том же *местоположении*. Та же сцена, слышишь ли? Это мне нужно непременно.

Да пришли мне калоши — с Михайлом.

〈Под рисунком:〉

1 хорош — 2 должен быть *опершился на гранит*, 3 лодка, 4 крепость, Петропавловская.

Л. С. ПУШКИНУ

Первая половина ноября 1824 г. Из Михайловского в Петербург

Что «Онегин»? Перемени стих *Звонок раздался*, поставь: Швейцара мимо он стрелой. В «Разговоре» после *Искал вниманье красоты* нужно непременно:

Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви,
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои.

Не забудь *Фон-Визина* писать *Фонвизин*. Что он за нехрист? он русский, из перерусских русский 〈...〉

〈...〉 Стихов, стихов, стихов! *Conversations de Byron! Walter Scott!*¹ это пища души. Знаешь мои занятия? до обеда пишу «Записки», обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории.

Прощай, моя радость. Что ж чухонка Баратынского? я жду.

¹ Беседы Вайрона! Вальтера Скотта! (франц.)

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

29 ноября 1824 г. Из Михайловского в Москву

⟨...⟩ Дивлюсь, как письмо Тани очутилось у тебя. № Истолкуй это мне. Отвечаю на твою критику: *Нелюдим* не есть мизантроп, то есть ненавидящий людей, а убегающий от людей. Онегин нелюдим для деревенских соседей; Таня полагает причиной тому то, что в *глуши*, в *деревне все ему скучно* и что *блеск* один может привлечь его... если, впрочем, смысл и не совсем точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же 17-летней, к тому же влюбленной! ⟨...⟩

Л. С. ПУШКИНУ

4 декабря 1824 г. Из Михайловского в Петербург

Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего «Демона»! моего «Демона»! после этого он и «Верую» напечатает ошибочно. Не давать ему за то ни «Моря», ни капли стихов от меня.

№. г. Издатель «Онегина».

Стихи для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть.

Понимаете? Да нельзя ли еще под «Разговором» поставить число *1823 год*? Стих: Вся жизнь одна ли, две ли ночи — надобно бы выкинуть, да жаль — хорош. Жаль еще, что поэт не побранил потомства в присутствии своего книгопродавца. *Mes arrièrenes me devraient cet ombrage*¹. С журналистами делай что угодно, дарю тебе мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомнишь, а переписывать мочи нет. Михайло привез мне все благополучно, а библии нет. Библия для христианина то же, что история для народа. ⟨...⟩

¹ Мои потомки были бы мне обязаны этой тенью (франц.).

К. Ф. РЫЛЕЕВУ

25 января 1825 г. Из Михайловского в Петербург

Благодарю тебя за *ты* и за письмо. Пушкин привезет тебе отрывок из моих «Цыганов». Желая, чтоб они тебе понравились. Жду «Полярной звезды» с нетерпением, знаешь для чего? для «Войнаровского». Эта поэма нужна была для нашей словесности. Бестужев пишет мне много об «Онегине» — скажи ему, что он неправ: ужели хочет он изгнать все легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? следственно, должно будет уничтожить и «Orlando furioso¹», и «Гудибраса», и «Pucelle²», и «Вер-Вера», и «Ренике фукс», и лучшую часть «Душеньки», и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc. etc. etc. etc. etc. ...Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии, но довольно об «Онегине».

Согласен с Бестужевым во мнении о критической статье Плетнева, но не совсем соглашаюсь с строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым. Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает? Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастья и незрелые надежды. Прощай, поэт.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

25 января 1825 г. Из Михайловского в Москву

Что ты замолк? получил ли ты от меня письмо, где говорил я тебе об Ольдекопе, о собрании моих элегий, о Татьяне etc. В «Цветях» встретил я тебя и чуть не задохся со смеху, прочитав твою «Черту местности». Это маленькая прелесть. «Чистосердечный ответ» растянут: рифмы *слезы*, *розы* завели тебя. Краткость одно из достоинств сказки эпиграмматической. *Сквозь кашель и сквозь слезы* очень забавно, но вся мужнина

¹ «Неистового Роланда» (итал.).

² «Девственницу» (франц.).

речь до: за гробом ревность мучит растянута и натянута. *Еще мучительней вдвойне* едва ли не плеоназм. Вот тебе критика длиннее твоей пиесы — да ты один можешь ввести и усовершенствовать этот род стихотворения. Руссо в нем образец, и его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов.— Прочел я в «Инвалиде» объявление о «Телеграфе». Что там моего? «Море» или «Телега»? Что мой Кюхля, за которого я стражду, но все люблю? говорят, его обстоятельства не хороши — чем не хороши? Жду к себе на днях брата и Дельвига — покамест я один-одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни. Стихи не лезут. Я, кажется, писал тебе, что мои «Цыгане» никуда не годятся: не верь — я соврал — ты будешь ими очень доволен. «Онегин» печатается; брат и Плетнев смотрят за изданием; не ожидал я, чтоб он протерся сквозь цензуру — честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое «Второе послание цензору»? там, между прочим,

Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал.
Шишков уже наук правленье восприял.
Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью Двенадцатого года,
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их незамеченных созвал, соединил,
От хлада наших дней спасал он лавр единый
Осиротевшего венца Екатерины etc.

Так Арзамасец говорит ныне о деде Шишкове, *tempora altri!*¹ вот почему я не решился по твоему совету к нему прибегнуть в деле своем с Ольдекопом. В подлостях нужно некоторое благородство. Я же подличал благонамеренно — имея в виду пользу нашей словесности и усмирение кичливого Красовского. Прощай, кланяйся княгине — и детей поцелуй. Не правда ли, что письмо мое напоминает *le faire*² Василья Львовича? (<...>)

Как ты находишь статью, что написал наш Плетнев? экая ералашь! Ты спишь, Брут! Да скажи мне, кто у вас из Москвы так горячо вступился за немцев против Бестужева (которого я не читал). Хочешь еще эпиграмму?

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не становись Фертом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

¹ другие времена! (лат.).

² манеру, стиль (франц.).

Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: *Фита* бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

28 января 1825 г. Из Тригорского в Москву

Пушкин привезет тебе 600 рублей. Отдай их княгине Вере Федоровне и с моей благодарностию. Савелов большой подлец. Посылаю при сем к нему дружеское письмо. Перешли его (в конверте) в Одессу *по okazji*, а то по почте он скажет: не получил. Охотно извиняю и понимаю его —

Но умный человек не может быть не плутом!

А *propos*¹ Читал я Чацкого — много ума и смешного в стихах, но во всей комедии ни плана, ни мысли главной, ни истины. Чацкий совсем не умный человек, но Грибоедов очень умен. Пришлите же мне ваш «Телеграф». Напечатан ли там Хвостов? что за прелесть его послание! достойно лучших его времен. А то он было сделался посредственным, как Василий Львович, Иванчин-Писарев — и проч. Каков Филимонов в своем Инвалидном объявлении. Милый, теперь одни глупости могут еще развлечь и рассмешить меня. Слава же Филимонову! (<...>)

А. А. БЕСТУЖЕВУ

Конец января 1825 г. Из Михайловского в Петербург

Рылеев доставит тебе моих «Цыганов». Пожури моего брата за то, что он не сдержал своего слова — я не хотел, чтоб эта поэма известна была прежде времени — теперь нечего делать — принужден ее напечатать, пока не растаскают ее по клочкам.

Слушал Чацкого, но только один раз, и не с тем вниманием, коего он достоин. Вот что мельком успел я заметить:

Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов. В этом отношении

¹ кстати (франц.).

Фамусов и Скалозуб превосходны. Софья начертана не ясно: не то < — — — >, не то московская кузина. Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса? старая пружина, но штатский трус в большом свете между Чацким и Скалозубом мог быть очень забавен. Les rpros de bal¹, сплетни, рассказ Репетилова о клобе, Загорецкий, всеми отъявленный и везде принятый — вот черты истинно комического гения. — Теперь вопрос. В комедии «Горе от ума» кто умное действующее лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напитавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все, что говорит он, очень умно. Но кому говорит он все это? Фамусову? Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подоб.² Кстати, что такое Репетилов? в нем 2, 3, 10 характеров. Зачем делать его гадким? довольно, что он ветрен и глуп с таким простодушием; довольно, чтоб он признавался поминутно в своей глупости, а не мерзостях. Это смирение чрезвычайно ново на театре, хоть кому из нас не случалось *конфузиться*, слушая ему подобных кающихся? — Между мастерскими чертами этой прелестной комедии — недоверчивость Чацкого в любви Софии к Молчалину прелестна! — и как натуральна! Вот на чем должна была вертеться вся комедия, но Грибоедов, видно, не захотел — его воля. О стихах я не говорю: половина — должны войти в пословицу.

Покажи это Грибоедову. Может быть, я в ином ошибся. Слушая его комедию, я не критиковал, а наслаждался. Эти замечания пришли мне в голову после, когда уже не мог я справиться. По крайней мере говорю прямо, без обиняков, как истинному таланту.

Тебе, кажется, «Олег» не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического. Лист кругом; на сей раз полно.

Я не получил «Литературных листков» Булгарина, тот №, где твоя критика на Бауринга. Вели прислать.

¹ Бальная болтовня (франц.).

² Cléon Грессетов не умничает с Жеронтом, ни с Хлоей. (Прим. А. С. Пушкина.)

Л. С. ПУШКИНУ

Конец января — первая половина февраля 1825 г.
Из Михайловского в Петербург

Я с тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинам: 1) потому что это было бы напрасно... «Цыганов», нечего делать, перепишу и пришлю к вам, а вы их тисните. Твои опасенья насчет приезда ко мне вовсе несправедливы. Я не в Шлиссельбурге, а при физической возможности свидания лишиться одного двух братьев была бы жестокость без цели, следственно вовсе не в духе нашего времени, ни...—

Жду шума от «Онегина»; покамест мне довольно скучно: ты мне не присылаешь Conversations de Byron¹, добро! но, милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради «Записки» Фуше и давай мне их сюда; за них отдал бы я всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Он по мне очаровательнее Байрона. <...>

<...> Довольно о вздоре, поговорим о важном. Мой Коншин написал, ей-богу, миленькую пьесу «Девушка влюбленному поэту» — кроме авторáми. А куда он Коншин! его «Элегия» в «Цветах» какова? Твое суждение о комедии Грибоедова слишком строго. Бестужеву писал я об ней подробно; он покажет тебе письмо мое. По журналам вижу необыкновенное брожение мыслей; это предвещает перемену министерства на Парнасе. Я министр иностранных дел, и, кажется, дело до меня не касается. Если «Палей» пойдет, как начал, Рылеев будет министром.— Плетнев неосторожным усердием повредил Баратынскому; но «Эда» все поправит. Что Баратынский?.. И скоро ль, долго ль?.. как узнать? Где вестник искупленья? Бедный Баратынский, как об нем подумаешь, так поневоле постыдишься унывать. Прощай, стихов новых нет — пишу «Записки», но и презренная проза мне надоела.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

19 февраля 1825 г. Из Михайловского в Москву

Скажи от меня Муханову, что ему грех шутить со мною шутки журнальные. Он без спросу взял у меня начало «Цыганов» и распустил его по свету. Варвар! ведь это кровь

¹ Беседы Байрона (франц.).

моя, ведь это деньги! Теперь я должен и «Цыганов» распечатать, а вовсе не вовремя.

«Онегин» напечатан, думаю, уже выступил в свет. Ты увидишь в «Разговоре поэта и книгопродавца» мадригал князю Шаликову. Он милый поэт, человек достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он именно поэт прекрасного пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement¹.

Что же «Телеграф» обетованный? Ты в самом деле напечатал «Телегу», проказник? Прочие журналы все получаю — и более, чем когда-нибудь, чувствую необходимость какой-нибудь «Edinburgh review»². Да вот те Христос: литература мне надоела — прозы твоей брюхом хочу. Что издание Фонвизина?..〈...〉

Н. И. ГНЕДИЧУ

23 февраля 1825 г. Из Михайловского в Петербург

Кажется, Вам обязан «Онегин» покровительством Шишкова и счастливым избавлением от Бирукова. Вижу, что дружба Ваша не изменилась, и это меня утешает.

Нынешние мои обстоятельства не позволяют мне и желать Ваших писем. Но жду стихов Ваших, хоть печатных, хоть рукописных. Песни греческие прелесть и tour de force³. Об остроумном предисловии можно бы потолковать? Сходство песенной поэзии обоих народов явно — но причины?.. Брат говорил мне о скором совершении Вашего Гомера. Это будет первый классический, европейский подвиг в нашем отечестве (черт возьми это отечество). Но, отдохнув после «Илиады», что предпримете Вы в полном цвете гения, возмужав во храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе Кентавра? Я жду от Вас эпической поэмы. *Тень Святослава скитается не воспета*, писали вы мне когда-то. А Владимир? а Мстислав? а Донской? а Ермак? а Пожарский? История народа принадлежит поэту.〈...〉

¹ У него большие заслуги перед прекрасным полом, и я очень рад, что публично об этом заявил (франц.).

² «Эдинбургского обозрения» (англ.).

³ чудо мастерства (франц.).

Л. С. ПУШКИНУ

14 марта 1825 г. Из Тригорского в Петербург

⟨...⟩ У вас ересь. Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза? должно заранее истребить это гонением, кнутом, кольями, песнями на голос *Один сижу во компании* и тому под. ⟨...⟩

119. Л. С. ПУШКИНУ И П. А. ПЛЕТНЕВУ

15 марта 1825 г. Из Михайловского в Петербург

Брат Лев
и брат Плетнев!

Третьего дня получил я мою рукопись. Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. Я выстирал черное белье наскоро, а новое сшил на живую нитку. Но с вашей помощью надеюсь, что барыня публика меня по щекам не прибьет, как непотребную прачку.

Ошибки правописания, знаки препинания, описки, бессмыслицы прошу самим исправить — у меня на то глаз недостат. — В порядке пиес держитесь также вашего благоусмотрения. Только не подражайте изданию Батюшкова — исключайте, марайте с плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себе в помощники Жуковского, не во гнев Булгарину, и Гнедича, не во гнев Грибоедову. Эпиграфа или не надо, или из А. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно — даже ради Христа сделайте, именно: *Психея, которая задумалась над цветком*. (Кстати: что прелестнее строфы Жуковского. *Он мнил, что вы с ним однородные* и следующей. Конца не люблю.) Что, если б волшебная кисть Ф. Толстого... —

Нет! слишком дорога!
А ужась, как мила!

К тому же, кроме Уткина, ничей резец не достоин его карандаша. — Впрочем, это все наружность. Иною прелестью пленяется...

Пересчитав посылаемые вам стихотворения, нахожу 60 или около (ибо часть подземным богам непредвидима). Бируков человек просвещенный; кроме его, я ни с кем дела иметь не

хочу. Он и в *грозное время* был милостив и жалостлив. Ныне повинуюсь его приговорам безусловно.

Брат Лев! не серди журналистов! дурная политика!

Брат Плетнев! не пиши *добрых* критик! будь зубаст и бойся приторности!

А. А. БЕСТУЖЕВУ

24 марта 1825 г. Из Михайловского в Петербург

Во-первых, пришли мне свой адрес, чтоб я не докучал Булгарину. Рылееву не пишу. Жду сперва «Войнаровского». Скажи ему, что в отношении мнения Байрона он прав. Я хотел было покривить душой, да не удалось. И Bowles и Вугон в своем споре заврались; у меня есть на то очень дельное опровержение. Хочешь перешлю? переписывать скучно. Откуда ты взял, что я лщу Рылееву? мнение свое о его «Думах» я сказал вслух и ясно; о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке, но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасаясь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай — да черт его знал. Жду с нетерпением «Войнаровского» и перешлю ему все свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал — да более, более!

Твое письмо очень умно, но все-таки ты не прав, все-таки ты смотришь на «Онегина» не с той точки, все-таки он лучшее произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с «Дон Жуаном». — Никто более меня не уважает «Дон Жуана» (первые пять песен, других не читал), но в нем ничего нет общего с «Онегиным». Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в «Евгении Онегине». У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен... Ах! если б заманить тебя в Михайловское!.. ты увидишь, что если уж и сравнивать «Онегина» с «Дон Жуаном», то разве в одном отношении: кто милее и прелестнее (*gracieuse*), Татьяна или Юлия? 1-я песнь просто быстрое введение, и я им доволен (что очень редко со мною случается). Сим заключаю полемику нашу... Жду «Полярной звезды». Давай ее сюда. Предвижу, что буду с тобою согласен в твоих мнениях литературных. Надеюсь, что наконец отдашь справедливость Катенину. Это было бы кстати, благородно, достойно тебя.

Ошибаться и усовершенствовать суждения свои сродно мыслящему созданию. *Бескорыстное* признание в оном требует душевной силы. Впрочем, этому буду рад для Катенина, а для себя жду твоих повестей да возмись за роман — кто тебя держит. Вообрази: у нас ты будешь первый во всех значениях этого слова; в Европе также получишь свою цену — во-первых, как истинный талант, во-вторых, по новизне предметов, красок etc... Подумай, брат, об этом на досуге... да тебе хочется в ротмистра!

Л. С. ПУШКИНУ

27 марта 1825 г. Из Михайловского в Петербург!

Душа моя, что за прелесть «Бабушкин кот»! я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Трифоном Фалелеичем Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмурия глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорельский ведь Перовский, не правда ли? <...>

Получил ли ты мои стихотворенья? Вот в чем должно состоять предисловие: Многие из сих стихотворений — дрянь и недостойны внимания российской публики — но как они часто бывали печатаны бог весть кем, черт знает под какими заглавиями, с поправками наборщика и с ошибками издателя — так вот они, извольте-с кушать-с, хоть это-с < — — — > (сказать это помягче). 2) Мы (сиречь издатели) должны были из полного собрания выбросить многие штуки, которые могли бы показаться темными, будучи написаны в обстоятельствах неизвестных или мало занимательных для почтеннейшей публики (российской) или могущие быть занимательными единственно некоторым частным лицам, или слишком незрелые, ибо г. Пшк. изволил печатать свои стишки в 1814 году (то есть 14-ти лет) или как угодно. 3) Пожалуйста, без малейшей похвалы мне. Это непристойность, и в «Бахчисарайском фонтане» я забыл заметить это Вяземскому. 4) Все это должно быть выражено романтически, без буфонства. Напротив. Во всем этом полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, ведь он не поверит — ну по крайней мере столь же хороша. Доволен ли он? Да перешли на всякий случай это предисловие в Михайловское, а я пришлю вам замечанья свои. <...>

Я «Телеграфом» очень доволен — и мышлю или мыслю поддержать его. Скажи это и Жуковскому. Дельвига нет еще!

Так как Воейков ведет себя хорошо, то думаю прислать и ему стихов — то ли дело не красть, не ругаться по-матерну, не перепечатывать, писем не перехватывать и проч. — люди не осудят, а я скажу спасибо.

Тиснуть еще стихи княгине Голицыной-Суворовой, возьми их от нее. Думаю, что «Послание к Овидию», «Вчера был день» и «Море» могут быть, разнообразия ради, помещены в Элегиях — да и вообще можно переменить весь порядок. Réponse s'il vous plait¹.

Не напечатать ли в конце «Воспоминания в Царском Селе» с Нотой², что они писаны мною 14-ти лет — и с выпискою из моих «Записок» (об Державине), ась?

Нет.

Да тиснуть еще мою «Птичку» да четыре стиха о дружбе: Что дружба? Легкий пыл похмелья.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Конец марта — начало апреля 1825 г.

Из Михайловского в Москву

Занимает ли еще тебя русская литература? я было на Полевого очень ошетинился за «Невский альманах» и за пародию Жуковского. Но теперь с ним помирился. Я даже такого мнения, что должно непременно поддержать его журнал. Хочешь? Я согласен.〈...〉

Кланяйся Давыдову, который забыл меня. Сестра Ольга в него влюблена, и поделом. Кстати или нет: он критиковал ей в «Бахчисарайском фонтане» Заремины очи. Я бы с ним согласился, если б дело шло не о востоке. Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в «Гяуре», в «Абидосской невесте» и проч.〈...〉

¹ Ответь, пожалуйста (франц.).

² примечанием (франц.).

В. А. ЖУКОВСКОМУ

20-е числа апреля (не позднее 24) 1825 г.

Из Михайловского в Петербург

⟨...⟩ Ничего не говорил я тебе о твоих «Стихотворениях». Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса. К тому же не вижу в нем и бескорыстной любви к твоей славе. Выбрасывая, уничтожая самовластно, он не исключил из собрания послания к нему — произведения, конечно, слабого. Нет, Жуковский

Веселого пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И ⟨ — — — ⟩ его ⟨ — — — ⟩

«Надпись к Гёте», «Ах, если б мой милый», «Гению» — все это прелесть; а где она? Знаешь, что выйдет? После твоей смерти все это напечатают с ошибками и с приобщением стихов Кюхельбекера. Подумать страшно. Дельвиг расскажет тебе мои литературные занятия. Жалею, что нет у меня твоих советов или хоть присутствия — оно вдохновение. Кончи, ради бога, «Водолаза». Ты спрашиваешь, какая цель у «Цыганов»? вот на! Цель поэзии — поэзия, как говорит Дельвиг (если не украл этого). Думы Рылеева и целят, а всё невпопад.

Л. С. ПУШКИНУ

Первая половина мая 1825 г.

Из Михайловского в Петербург

⟨...⟩ Подпись слепого поэта тронула меня несказанно. Повесть его прелесть — сердись он, не сердись — а *хотел простить* — *простить не мог* достойно Байрона. Видение, конец прекрасны. Послание, может быть, лучше поэмы — по крайней мере ужасное место, где поэт описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии. Хочется отвечать ему стихами, если успею, пошлю их с этим письмом.

Гнедич не получил моего письма? Жаль, оно, сколько помню, было очень забавно. В том же пакете находилось два очень нужные — тебе и Плетневу. Что Плетнев умолк? Конечно, бедный болен иль «Войнаровским» недоволен — кстати, каковы мои замечания? надеюсь, не скажешь, что я ему

кажу — а виноват: «Войнаровский» мне очень нравится. Мне даже скучно, что его здесь нет у меня.

Если можно, пришли мне последнюю *Genlis* — да Child-Harold — Lamartine¹ (то-то чепуха должна быть!), да вообще что-нибудь новенького, да и «Старину». «Талию» получил и письмо от издателя. Не успел еще пробежать: «Ворожея» показалась мне *du bon comique*². А Хмельницкий моя старинная любовница. Я к нему имею такую слабость, что готов поместить в честь его целый куплет в 1-ю песнь «Онегина» (да кой черт! говорят, он сердится, если об нем упоминают, как о драматическом писателе). Вяземский прав — а все-таки на него сердит. Надеюсь, что Дельвиг и Баратынский привезут мне и Анахарзиса Клоца, который, верно, сердится на меня за то, что мне не по нутру *Резвоскачущая кровь Грибоедова*.

Дельвигу объятия мои отверсты. Жду от него писем из эгоизма и пр., из аневризма и проч.

Письмо Жуковского наконец я разобрал. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще!

Тиснуть «Сарское Село» и с Нотой. Напрасно объявляли о «Братях разбойниках». Их бы можно напечатать и в *разных стихотворениях*. Богатая мысль напечатать «Наполеона», да цензура... лучшие строфы потонут.

К. Ф. РЫЛЕЕВУ

*Вторая половина мая 1825 г.
Из Михайловского в Петербург*

Думаю, ты уже получил замечания мои на «Войнаровского». Прибавлю одно: везде, где я ничего не сказал, должно подразумевать похвалу, знаки восклицания, прекрасно и проч. Полагая, что хорошее писано тобою с умыслу, не счел я за нужное отмечать его для тебя.

Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы «Петра в Острогжске» чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из *общих мест* (*Loci topici*). Описание места действия, речь героя и — нравучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключаю «Ивана Сусанина», первую думу, по коей начал я

¹ *Жанлис* — (да) Чайльд-Гарольда — Ламартина (франц.).

² в хорошем комическом роде (франц.).

подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не поправил в «Олеге» герба *России*. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Таже повеси щит свой на вратах на показание победы.

Об «Исповеди Наливайки» скажу, что мудроно что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым; но и тут, конечно, наложил ты свою печать.

Тебе скучно в Петербурге, а мне скучно в деревне. Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа. Как быть. Прощай, поэт — когда-то свидимся?

А. А. БЕСТУЖЕВУ

Конец мая — начало июня 1825 г. Из Михайловского в Петербург

Отвечаю на первый параграф твоего «Взгляда». У римлян век посредственности предшествовал веку *genies* — грех отнять это титуло у таковых людей, каковы Virgilius, Horatius, Tibullus, Ovidius и Lucretius, хотя они¹, кроме двух последних, шли столбовою дорогою подражания. Критики греческой мы не имеем. В Италии Dante и Petrarca предшествовали Тассу и Ариосту, сии предшествовали Alfieri и Foscolo. У англичан Мильтон и Шекспир писали прежде Аддисона и Попа, после которых явились Southey, Walter Scott, Moore и Byron — из этого мудроно вывести какое-нибудь заключение или правило. Слова твои вполне можно применить к одной французской литературе.

У нас есть критика, а нет литературы. Где же ты это нашел? именно критики у нас и недостает. Отселе репутации Ломоносова² и Хераскова, и если последний упал в общем мнении, то, верно, уж не от критики Мерзлякова. Кумир Державина ¹/₄ золотой, ³/₄ свинцовый донныне еще не оценен. Ода к Фелице стоит наряду с «Вельможей», ода «Бог» с одой «На смерть Мещерского», ода к Зубову недавно открыта.

¹ Виноват! Гораций не подражатель. (Прим. А. С. Пушкина.)

² Уважаю в нем великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного: вот его главная услуга. (Прим. А. С. Пушкина.)

Княжнин безмятежно пользуется своею славою, Богданович причислен к лику великих поэтов, Дмитриев также. Мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги. Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо. Что же ты называешь критикою? «Вестник Европы» и «Благонамеренный»? библиографические известия Греча и Булгарина? свои статьи? но признайся, что это все не может установить какого-нибудь мнения в публике, не может почтяться уложением вкуса. Каченовский туп и скучен, Греч и ты остры и забавны — вот все, что можно сказать об вас — но где же критика? Нет, фразу твою скажем наоборот: литература кой-какая у нас есть, а критики нет. Впрочем, ты сам немного ниже с этим соглашаешься.

У одного только народа критика предшествовала литературе — у германцев.

Отчего у нас нет гениев и мало талантов? Во-первых, у нас Державин и Крылов, во-вторых, где же бывает много талантов.

Ободрения у нас нет — и слава богу! отчего же нет? Державин, Дмитриев были в ободрение сделаны министрами. Век Екатерины — век ободрений; от этого он еще не ниже другого. Карамзин, кажется, ободрен; Жуковский не может жаловаться, Крылов также, Гнедич в тишине кабинета совершает свой подвиг; посмотрим, когда появится его Гомер. Из неободренных вижу только себя да Баратынского — и не говорю: слава богу! *Ободрение может оперить только обыкновенные дарования.* Не говорю об Августовом веке. Но Тасс и Ариост оставили в своих поэмах следы княжеского покровительства. Шекспир лучшие свои комедии написал по заказу Елизаветы. Мольер был камердинером Людовика; бессмертный «Тартюф», плод самого сильного напряжения комического гения, обязан бытием своим заступничеству монарха; Вольтер *лучшую* свою поэму писал под покровительством Фридерика... Державину покровительствовали три царя — ты не то сказал, что хотел; я буду за тебя говорить.

Так! мы можем праведно гордиться: наша словесность, уступая другим в роскоши талантов, тем пред ними отличается, что не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы. С Державиным умолкнул голос лести — а как он льстил?

О вспомни, как в том восхищенье
Пророча, я тебя хвалил:

Смотри, я рек, триумф минуто,
А добродетель век живет.

Прочти послание к Александру (Жуковского 1815 года). Вот как русский поэт говорит русскому царю. Пересмотри наши журналы, все текущее в литературе... Об нашей-то лире можно сказать, что Мирабо сказал о Сиесе. *Son silence est une calamité publique*¹. Иностранцы нам изумляются — они отдают нам полную справедливость — не понимая, как это сделалось. Причина ясна. У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием. Мы не хотим быть покровительствуемы равными. Вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин, — дьявольская разница!

Все, что ты говоришь о нашем воспитании, о чужестранных и междуусобных (прелесть!) подражателях — прекрасно, выражено сильно и с красноречием сердечным. Вообще мысли в тебе кипят. Об «Онегине» ты не высказал всего, что имел на сердце; чувствую почему и благодарю, но зачем же ясно не обнаружить своего мнения? — покамест мы будем руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет — а ты достоин ее создать.

Твой «Турнир» напоминает «Турниры» W. Scott'a. Брось этих немцев и обратись к нам православным; да полно тебе писать *быстрые* повести с романтическими переходами — это хорошо для поэмы байронической. Роман требует *болтовни*; высказывай все начисто. Твой Владимир говорит языком немецкой драмы, смотрит на солнце в полночь² etc. Но описание стана Литовского, разговор плотника с часовым прелесть; конец так же. Впрочем, везде твоя необыкновенная живость.

Рылеев покажет, конечно, тебе мои замечания на его Войнаровского, а ты перешли мне свои возражения. Покамест обнимаю тебя от души.

Еще слово: ты умел в 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности — а нынешний год и спасибо не сказал старику Шишкову. Кому же как не ему обязаны мы нашим оживлением?

¹ Его молчание — общественное бедствие (*франц.*).

² Стр. 330. (*Прим. А. С. Пушкина.*)

А. А. ДЕЛЬВИГУ

*Первые числа (не позже 8) июня 1825 г.
Из Михайловского в Петербург*

⟨...⟩ По твоём отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии — ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо. Он не только не выдерживает *оды*, но не может выдержать и строфы (исключая чего, знаешь). Что ж в нем: *мысли, картины и движения истинно поэтические*; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски — а русской грамоты не знал за недосугом. Державин, со временем переведенный, изумит Европу, а мы из гордости народной не скажем всего, что мы знаем об нем (не говоря уж о его министерстве). У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь. Гений его можно сравнить с гением Суворова — жаль, что наш поэт слишком часто кричал петухом — довольно об Державине — что делает Жуковский? — Передай мне его мнение о 2-ой главе «Онегина» да о том, что у меня в пальцах. Какую Крылов выдержал операцию? дай бог ему многие лета! — Его «Мельник» хорош, как «Демьян и Фока». Видел ли ты Николая Михайловича? идет ли вперед «История»? где он остановится? Не на избрании ли Романовых? Неблагодарные! Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я...

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

*25 мая и около середины июня 1825 г.
Из Михайловского в Москву*

Ты спрашиваешь, доволен ли я тем, что сказал ты обо мне в «Телеграфе». Что за вопрос? Европейские статьи так редки в наших журналах! а твоим пером водят и вкус и пристрастие дружбы. Но ты слишком бережешь меня в отношении к Жуковскому. Я не следствие, а точно ученик его, и только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имел и не будет иметь слога, равного

в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный. Переводы избаловали его, изленили; он не хочет сам созидать, но он как Voss, гений перевода. К тому же смешно говорить об нем, как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает. Былое сбудется опять, а я все чаю в воскресение мертвых. Читал твое о «Чернеце», ты исполнил долг своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и *умнее* «Войнаровского», но в Рылеев есть более замашки или размашки в слоге. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал. Зато «Думы» дрянь, и название сие происходит от немецкого dumm¹, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда.〈...〉

〈...〉Благодарю за Casimir (как бы выкроить из него salemboing?² выгадайка). Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно, он поэт, но все не Вольтер, не Гёте... далеко кулику до орла! — Первый гений там будет романтик и увлечет французские головы бог ведает куда. Кстати: я заметил, что все (даже и ты) имеют у нас самое темное понятие о романтизме. Об этом надобно будет на досуге потолковать, но не теперь; мочи нет устал.

Ты вызываешься сосводничать мне *Полевого*. Дело в том, что я рад помогать ему, а условий, верно, никаких не выполню — следственно, и денег его мне не надобно. Да ты смотри за ним — ради бога! и ему случается завираться. Например, Дон Кихот искоренил в Европе странствующих рыцарей!!! — В Италии, кроме Dante единственно, не было романтизма. А он в Италии-то и возник. Что ж такое Ариост? а предшественники его, начиная от Buovo d'Antona до Orlando innamorato? как можно писать так наобум! А ты не пренебрегай журнальными мелочами: Наполеон ими занимался и был лучшим журналистом Парижа (как заметил, помнится, Фуше).〈...〉

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

13 июля 1825 г. Из Михайловского в Царское Село

〈...〉 Сейчас прочел твои замечания на замечания Дениса на замечания Наполеона — чудо-хорошо! твой слог, живой и оригинальный, тут еще живее и оригинальнее. Ты хорошо

¹ глупый (нем.).

² каламбур (франц.).

сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного точного языка прозы, то есть языка мыслей). Об этом есть у меня строфы три и в «Онегине». За твоей статьею следует моя о M-me de Staël. Но не разглашай этого: тут есть одно *великодушное*, поставленное, во-первых, ради цензуры, а во-вторых, для вящего *анонима*. <...>

<...> Покамест, душа моя, я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию! — смотри, молчи же: об этом знают весьма немногие. Читал ты моего «А. Шенья в темнице»? Суди об нем, как езуит — по намерению.

Передо мной моя трагедия. Не могу вытерпеть, чтоб не выписать ее заглавия: *Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333 на городище Воронице*. Каково? <...>

Н. Н. РАЕВСКОМУ-СЫНУ

Вторая половина июля (после 19) 1825 г.

Из Михайловского в Белгородку или в Белую Церковь

Où êtes-vous? j'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment. Je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai; se traite-t-il?

Voilà ce qui me regarde: Mes amis se sont donnés beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter, ma mère a écrit à sa Majesté et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskof et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien; je n'y ferai qu'une course de quelques jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est partie pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille bonne et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content. En l'écrivant j'ai réfléchi sur la tragédie en général. C'est peut-être le genre le plus méconnu. Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la *vraisemblance*, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moitiés dont l'une est occupée par deux mille

personnes, qui sont censées n'être pas vues par ceux qui sont sur les planches. 2) *la langue*. Par exemple le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Hélas! j'entends les doux sons de la langue Grecque etc. Voyez les anciens: leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est il pas une invraisemblance conventionnelle? 3) le temps, le lieu etc. etc. Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais souciés de la vraisemblance. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid. Ha, vous voulez la règle de 24 heures? Soit, et là-dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois. Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues: Alfieri est profondément frappé du ridicule de *l'a-parte*, il le supprime et là-dessus allonge le monologue et pense avoir fait faire une révolution dans le système de la tragédie; quelle puérilité!

La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie. (Je n'ai pas lu Calderon ni Vega) mais quel homme que ce Schakespeare! je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pourquoy il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un, sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc. et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie.—

On a encore une manie: quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus étrangères, en porte essentiellement l'empreinte (comme les pendants et les marins des vieux romans de Fielding). Un conspirateur dit: *Donnez-moi à boire* en conspirateur — ce n'est que ridicule. Voyez le Haineux de Byron (*ha pagato*) cette monotonie, cette affectation de laconisme, de rage continuelle, est-ce la nature? De là cette gêne et cette timidité de dialogue. Voyez Schakespeare. Lisez Schakespeare, il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en temps et lieu de lui faire trouver le langage de son caractère.

Vous me demanderez: votre tragédie est-elle une tragédie de caractère ou de coutume? j'ai choisi le genre le plus aisé, mais j'ai tâché de les unir tous deux. J'écris et je pense. La plupart des scènes ne demandent que du raisonnement; quand j'arrive à une scène qui demande de l'inspiration, j'attends ou je passe

par-dessus — cette manière de travailler m'est tout-à-fait nouvelle. Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

14 и 15 августа 1825 г. Из Михайловского в Ревель.

⟨...⟩ Благодарю очень за «Водопад». Давай мутить его сейчас же,

...с гневом
Сердитый влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня*? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяя его с каких-нибудь *стремнин, вершин* и тому подобное.

2-я строфа — прелесть! —

Дождь брызжет от (такой-то) сшибки
Твоих *междуусобных* волн.

Междуусобный значит *mutuel*, но не включает в себе идеи брани, спора — должно непременно тут дополнить смысл.

5-ая и 6-ая строфы прелестны.

Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной*, о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсем точно. *Ты не зеркало* и проч. Не яснее ли и не живее ли. *Ты не приемлешь их лазури etc.*¹ Точность требовала бы *не отражаешь*. Но твое повторение *ты* тут нужно.

Под грозным знаменьем, *etc. Хранишь etc.*, но вся строфа сбивчива. Зародыш непогоды в водопаде: темно. Вечно бьющий *огонь*, тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?

Ворвавшись — чудно-хорошо. Как *среди пустыни, etc.* Не должно тут двойным сравнением развлекать внимания — да и сравнение не точно. *Вихорь и пустыню* уничтожь-ка — посмотри, что выйдет из того:

Как ты, внезапно разгорится.

Вот видишь ли? Ты сказал об водопаде *огненном* метафорически, то есть *блистающий, как огонь*, а здесь уж перенос

¹ Впрочем, это придирка. (Прим. А. С. Пушкина.)

сишь к жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня).

Итак, не лучше ли:

Как ты, *пустынно* разразится

etc. а? или что другое — но *разгорится* слишком натянуто. Напиши же мне: в чем ты со мною согласишься. Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини; как похотливое кокетство итальянки. Пиши мне, во Пскове это для меня будет благоденствие. Я созвал *нежданных* гостей, прелесть — не лучше ли еще *незванных*. Нет, *cela serait de l'esprit*¹〈...〉

В. А. ЖУКОВСКОМУ

17 августа 1825 г. Из Михайловского в Петербург

〈...〉 Кстати об элегиях, трагедия моя идет, и думаю к зиме ее кончить; вследствие чего читаю только Карамзина да летописи. Что за чудо эти 2 последние тома Карамзина! какая жизнь! *c'est palpitant comme la gazette d'hier*², писал я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: нельзя ли мне доставить или жизнь *Железного колпака*, или житие какого-нибудь *юродивого*. Я напрасно искал Василия Блаженного в Четьих Минеях — а мне бы очень нужно. 〈...〉

К. Ф. РЫЛЕЕВУ

Вторая половина июня — август 1825 г.

Из Михайловского в Петербург

Мне досадно, что Рылеев меня не понимает — в чем дело. Что у нас не покровительствуют литературу, и что слава богу? зачем же об этом говорить? *pour réveiller le chat qui dort*?³ напрасно. Равнодушию правительства и притеснению цензуры обязаны мы духом нынешней нашей словесности. Чего ж тебе более? загляни в журналы, в течение шести лет посмотри, сколько раз упоминали обо мне, сколько раз меня хвалили поделом и понапрасну — а об нашем приятеле ни гугу, как

¹ это было бы от ума (*франц.*).

² это злободневно, как свежая газета (*франц.*).

³ чтобы разбудить кота, который спит? (*франц.*)

будто на свете его не было. Почему это? уж верно не от гордости или радикализма такого-то журналиста, нет — а всякий знает, что хоть он расподличайся, никто ему спасибо не скажет и не даст ни пяти рублей — так лучше ж даром быть благородным человеком. Ты сердисься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (№. мое дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость, etc. Не должно русских писателей судить, как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия. Там стихами живут, а у нас граф Хвостов прожился на них. Там есть нечего, так пиши книгу, а у нас есть нечего, служи, да не сочиняй. Милый мой, ты поэт и я поэт, но я сужу более прозаически и чуть ли от этого не прав. Прощай, мой милый, что ты пишешь?

П. А. КАТЕНИНУ

*Первая половина (не позднее 14) сентября 1825 г.
Из Михайловского в Кологрив*

⟨...⟩ Ты огорчаешь меня уверением, что оставил поэзию — общую нашу любовницу. Если это правда, что ж утешает тебя, кто утешит ее?.. Я думал, что в своей глуши ты созидаеть; нет — ты хлопочешь и тягаешься, а между тем годы бегут.

Neu fugant, Posthume, Posthume, labuntur anni.¹

А что всего хуже, с ними улетают и страсти и воображение. Послушайся, милый, запись да примись за романтическую трагедию в 18-ти действиях (как трагедии Софии Алексеевны). Ты сделаешь переворот в нашей словесности, а никто более тебя того не достоин. Прочел в Булгарине твое 3-е действие, прелестное в величавой простоте своей. Оно мне живо напомнило один из лучших вечеров моей жизни; помнишь?.. На чердаке князя Шаховского.

Как ты находишь первый акт «Венцеслава»? По мне чудно-хорошо. Старика Rotrou, признаюсь, я не читал, по-гишпански не знаю, а от Жандра в восхищении; кончена ли вся трагедия?

Что сказать тебе о себе, о своих занятиях? Стихи покамест

¹ Увы! Постум, Постум, уносятся быстролетные годы (лат.).

я бросил и пишу свои mémoires, то есть, переписываю на бело скучную, сбивчивую, черновую тетрадь; четыре песни «Онегина» у меня готовы, и еще множество отрывков; но мне не до них. Радуюсь, что 1-я песнь тебе по нраву — я сам ее люблю. <...>

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

13 и 15 сентября 1825 г. Из Михайловского в Москву

13 сентября.

Сам съешь! — Заметил ли ты, что все наши журнальные антикритики основаны на *сам съешь?* Булгарин говорит Федорову: ты лжешь, Федоров говорит Булгарину: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: *ты невежда*. Полевой возражает Пинскому: *ты сам невежда*, один кричит: ты крадешь! другой: сам ты крадешь! — и все правы. <...>

Ты признаешься, что в своем «Водопаде» ты более писал о страстном человеке, чем о воде. Отселе и неточность некоторых выражений. Благодарю от души Карамзина за Железный колпак, что он мне присылает; в замену отпшлю ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле, не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее! Сегодня кончил я 2-ую часть моей трагедии — всех, думаю, будет четыре. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однако ж, этого никому. Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны: я его засажу за Евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное. Ты хочешь *плана*? возьми конец десятого и весь одиннадцатый том, вот тебе и *план*.

Жалею, что о Staël писал Муханов (если адъютант Раевского), он мой приятель, и я бы не тронул его, а все же он виноват. M-me Staël наща — не тронь ее — впрочем, я пощадил его. Как мне жаль, что Полевой пустился без тебя в антикритику! Он длинен и скучен, педант и невежда — ради бога, надень на него строгий мундштук и выезжай его — на досуге. Будут и стихи, но погоди немного.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

*Вторая половина (не позднее 24) сентября 1825 г.
Из Михайловского в Москву*

Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны. Он ужасно высох — впрочем, так и должно; зрелости нет у нас на севере, мы или сохнем, или гнием; первое все-таки лучше. От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии, попроси его не говорить об них, не то об ней заговорят, а она мне опротивит, как мои «Цыганы», которых я не мог докончить по сей причине. Радуюсь, однако, участи моей песни «Режь меня». Это очень близкий перевод, посылаю тебе дикий напев подлинника. Покажи это Вьельгорскому — кажется, мотив чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и с песней. — Сестра мне пишет из Москвы — выдаешься ли ты с нею? Ради бога докажи Василию Львовичу, что элегия на смерть *Анны Львовны* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает «а она его сестре 15 000 оставила!..» Это напоминает чай, которым он поил Милонова. Дело в том, что, конечно, Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате —

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый, — музы наши сестры,
Итак, ты все же братец мой,

Variante: Василий Львович тонкий, острый.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Около 7 ноября 1825 г. Из Михайловского в Москву

⟨...⟩ Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын! Юродивый мой малый презабавный; на Марину ⟨ — — — ⟩ — ибо она полька. И собою презрядна (вроде Катерины Орловой, сказывал это

я тебе?). Прочие также очень милы; кроме капитана Маржерета, который все по-матерну бранится; цензура его не пропустит. Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат! Ты уморительно критикуешь Крылова; молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума. Я назвал его представителем *духа* русского народа — не ручаюсь, чтоб он отчасти не вонял. — В старину наш народ назывался смерд (см. господина Карамзина). <...>

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Вторая половина ноября 1825 г. Из Михайловского в Москву

<...> Твоя статья о «Аббатстве» Байрона? Что за чудо «Дон Жуан»! я знаю только пять первых песен; прочитав первые две, я сказал тотчас Раевскому, что это *chef-d'oeuvre*¹ Байрона, и очень обрадовался, после увидя, что Walter Scott моего мнения. Мне нужен английский язык — и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора. Грех гонителям моим! И я, как А. Шенье, могу ударить себя в голову и сказать: *Il y avait quelque chose la...*² извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру. <...>

Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? черт с ними! слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольный, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностью, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо — а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Поступок Мура лучше его «Лалла-Рук» (в его поэтическом отношении). Мы знаем Байрона довольно. Видели его на троне славы, видели в мучениях великой души, видели в гробе посреди воскресающей Греции. — Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врете, подлецы: он и мал и мерзок — не

¹ шедевр (франц.).

² Здесь кое-что было (франц.).

так, как вы — иначе. — Писать свои *Mémoires*¹ заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью — на том, что, посторонний прочел бы равнодушно. Презирать — *braver*² — суд людей не трудно; презирать суд собственный невозможно.

А. А. БЕСТУЖЕВУ

30 ноября 1825 г. Из Михайловского в Петербург

Я очень обрадовался письму твоему, мой милый, я думал уже, что ты на меня дуешься — радуюсь и твоим занятиям. Изучение новейших языков должно в наше время заменить латинский и греческий — таков дух века и его требования. Ты — да, кажется, Вяземский — одни из наших литераторов — учатся; все прочие разучаются. Жаль! высокий пример Карамзина должен был их образумить. Ты едешь в Москву; поговори там с Вяземским об журнале; он сам чувствует в нем необходимость, а дело было бы чудно-хорошо. Ты пеняешь мне за то, что я не печатаюсь, надоела мне печать — опечатками, критиками, защищениями etc... однако поэмы мои скоро выйдут. И они мне надоели; Руслан молокосос, Пленник зелен — и пред поэзией кавказской природы поэма моя — голиковская проза. Кстати: кто писал о горцах в «Пчеле»? вот поэзия! не Якубович ли, герой моего воображенья? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc. — в нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше. Важная вещь! Я написал трагедию и ею очень доволен; но страшно в свет выдать — робкий вкус наш не стерпит истинного романтизма. Под романтизмом у нас разумеют Ламартина. Сколько я ни читал о романтизме, все не то; даже Кюхельбекер врет. Что такое его «Духи»? до сих пор я их не читал. Жду твоей новой повести, да возьмишь-ка за целый роман — и пиши его со всею свободой разговора или письма, иначе все будет слог сбиваться на Коцебятину. Кланяюсь

¹ Записки (франц.).

² бросать вызов, презирать (франц.).

планщику Рылееву, как говаривал покойник Платов, но я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов. Желая вам, друзья мои, здоровья и вдохновения.

П. А. КАТЕНИНУ

4 декабря 1825 г. Из Михайловского в Петербург

Письмо твое обрадовало меня по многим причинам: 1) что оно писано из Петербурга, 2) что «Андромаха» наконец отдана на театр, 3) что ты собираешься издать свои стихотворения, 4) (и что должно было бы стоять первым) что ты любишь меня по-старому. Может быть, нынешняя перемена сблизит меня с моими друзьями. Как верный подданный, должен я, конечно, печалиться о смерти государя; но, как поэт, радуюсь восшествию на престол Константина I. В нем очень много романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Барклаем напоминают Генриха V. — К тому ж он умен, а с умными людьми все как-то лучше; словом, я надеюсь от него много хорошего. Как бы хорошо было, если бы нынешней зимой я был свидетелем и участником твоего торжества! участником, ибо твой успех не может быть для меня чуждым; но вспомнят ли обо мне? Бог весть. Мне, право, совестно, что тебе так много наговорили о моих «Цыганах». Это годится для публики, но тебе надеюсь я представить что-нибудь более достойное твоего внимания. «Онегин» мне надоел и спит; впрочем, я его не бросил. Радуюсь успехам Каратыгина и поздравляю его с твоим ободрением. Признаюсь — мочи нет хочется к Вам. Прощай, милый и почтенный. Вспомни меня во время первого представления «Андромахи».

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

1—6 декабря 1825 г. Из Михайловского в Москву

Прежде чем поблагодарить тебя, хочу с тобою побраниться. Получив твою комедию, я надеялся найти в ней и письмо. Я трес, трес ее и ждал, не выпадет ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не выдрочил и со злости духом прочел «Духов»¹, сперва про себя, а потом и вслух.

¹ *Calembour! reconnais-tu le sang?** (Прим. А. С. Пушкина.)

* Каламбур! узнаешь ли ты кровь? (франц.)

Нужна ли тебе моя критика? Нет! не правда ли? все равно; критикую: ты сознаешься, что характер поэта неправдоподобен; сознание похвальное, но надобно бы сию неправдоподобность оправдать, извинить в самой комедии, а не в предисловии. Поэт мог бы сам совеститься, стыдиться своего суеверия: отселе новые, комические черты. Зато Калибан — прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковского. Это простительно Цертелеву, а не тебе. Ты скажешь, что насмешка падает на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты, если пишешь для нас, то печатаешь для черни; она принимает вещи буквально. Видит твое неуважение к Жуковскому и рада.

Сир слово старое. Прочтут иные *сыр* etc.— очень мило и дельно. От жеманства надобно нас отучать.— Пас стада главы моей (вшей?). Впрочем, везде, где поэт бредит Шекспиром, его *легкое воздушное творенье*, речь Ариеля и последняя тирада,— прекрасно. О стихосложении скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выражения не всегда точно-русские — например, слушать *в оба уха*, брось вид угрюмый, *взгляд унылый*, молодец ретивый; сдернет чепец *на старухе* etc. Все это я прощаю для Калибана, который чудо как мил. Ты видишь, мой милый, что я с тобою откровенен по-прежнему; и уверен, что этим тебя не рассержу, — но вот чем тебя рассержу: князь Шихматов, несмотря на твой разбор и смотря на твой разбор, бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... ай, ай, больше не буду! не бей меня.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

4—6 декабря 1825 г. Из Михайловского в Петербург

<...> Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я «Андрея Шенья» велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына etc.— выписывайте меня, красавцы мои, а не то не я прочту вам трагедию свою. Кстати: Борька также вывел юродивого в своем романе. И он байроничает, описывает самого себя! — мой юродивый, впрочем, гораздо милее Борьки — увидишь. Вот тебе письма к двум еще юродивым. Воейков не напроказил ли чего-нибудь? Я его сентябрьской книжки не читал. Он что-то со мною трусит. Кюхельбекера «Духи» — дрянь; стихов хороших очень мало; вымысла нет никакого. Предисловие одно порядочно.— Не говори этого ему — он огорчится.

Неужто «Илья Муромец» Загорского? если нет, кто ж псевдоним, если да: как жаль, что он умер!<...>

П. А. КАТЕНИНУ

Первая половина февраля 1826 г. Из Михайловского в Петербург

〈...〉 Будущий альманах радует меня несказанно, если разбудит он тебя для поэзии. Душа просит твоих стихов; но знаешь ли что? Вместо альманаха не затеять ли нам журнала в роде «Edinburgh Review»? голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли. Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности: как думаешь? Да что «Андромаха» и собрание твоих стихов? 〈...〉

А. А. ДЕЛЬВИГУ

20 февраля 1826 г. Из Михайловского в Петербург

〈...〉 Что за прелесть эта «Эда»! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт, всякий говорит по-своему. А описания лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом! — чудо! — Видел я и Слепушкина, неужто никто ему не поправил «Святки», «Масленицу», «Избу»? у него истинный, *свой* талант; пожалуйста пошлите ему от меня экз. «Руслана» и моих «Стихотворений» — с тем, чтоб он мне не подражал, а продолжал идти своею дорогою. Жду «Цветов». 〈...〉

П. А. ПЛЕТНЕВУ

3 марта 1826 г. из Михайловского в Петербург

Карамзин болен! — милый мой, это хуже многого — ради бога успокой меня, не то мне страшно вдвое будет распечатывать газеты. Гнедич не умрет прежде совершения «Илиады» — или реку в сердце своем: несть Феб. Ты знаешь, что я пророк: Не будет вам «Бориса», прежде чем не выпишете

меня в Петербург — что это в самом деле? стыдное дело. Сле-Пушкину дают и кафтан, и часы, и полумедаль, а Пушкину полному — шиш. Так и быть: отказываюсь от фрака, штанов и даже от академического четвертака (что мне следует), по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское. Вопрос: невинен я или нет? но в обоих случаях давно бы надлежало мне быть в Петербурге. Вот каково быть верноподданным! забудут и квит. Получили ли мои приятели письма мои дельные, то есть деловые? Что ж не отвечают? — А ты хорош! пишешь мне: переписывай да нанимай писцов опоческих, да издавай «Онегина». Мне не до «Онегина». Черт возьми «Онегина»! я сам себя хочу издать или выдать в свет. Батюшки, помогите. <...>

П. А. ПЛЕТНЕВУ

7 (?) марта 1826 г. Из Михайловского в Петербург

Мой милый, очень благодарен тебе за все известия. — Вместе с твоим получил я письмо и от Заикина с уведомлением о продаже «Стихотворений Александра Пушкина» и с предложениями. Ты говоришь, мой милый, что некоторых пьес уже цензор не пропустит; каких же? «А. Шенье»? итак, погодим с новым изданием: время не уйдет, все перемелется — будет мука — тогда напечатаем второе, добавленное, исправленное издание (однако скажи: разве были какие-нибудь неудовольствия по случаю моих «Стихотворений»? или это одни твои предположения?) Знаешь ли? уж если печатать что, так возьмемся за «Цыганов». Надеюсь, что брат по крайней мере их перепишет — а ты пришли рукопись ко мне — я доставлю предисловие и, может быть, примечания — и с рук долой. А то всякий раз, как я об них подумаю или прочту слово в журналах, у меня кровь портится — в собрании же моих поэм для новинки поместим мы другую повесть вроде *Верро*, которая у меня в запасе. Жду ответа.

При сем письмо к Жуковскому в треугольной шляпе и в башмаках. Не смею надеяться, но мне бы сладко было получить свободу от Жуковского, а не от другого — впрочем, держусь стоической пословицы: не радуйся нашед, не плачь потеряв.

Какого вам «Бориса» и на какие лекции? в моем «Борисе» бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу.

И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ

Около (не позднее) 11 марта 1826 г. Из Михайловского во Псков

〈...〉 Стихотворения Слепушкина получил и перечитываю все с бóльшим и бóльшим удивлением. Ваша прекрасная мысль об улучшении состояния поэта-крестьянина, надеюсь, не пропадет. 〈...〉

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

*Вторая половина (не позднее 24) мая 1826 г.
Из Михайловского в Москву*

Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на нее, не ведает бо, что творит. Представь себе ее огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит ее на цепь? не ты, не я, никто. Делать нечего, так и говорить нечего. 〈...〉

Я не благодарил тебя за стансы Ольге. Как же ты можешь дивиться моему упрямству и приверженности к настоящему положению? — Счастливее, чем Андрей Шенье, — я заживо слышу голос вдохновения.

Твои стихи к Мнимой Красавице (ах, извини: Счастливице) слишком умны. — А поэзия, прости господи, должна быть глуповата. Характеристика зла. Экой ты *неумичивый*, как говорит моя няня. «Семь пятниц» лучший твой водевиль.

Напиши же мне что-нибудь, моя радость. Я без твоих писем глупею: это нездорово, хоть я и поэт.

Правда ли, что Баратынский женится? боюсь за его ум. Законная 〈 — — — 〉 — род теплой шапки с ушами. Голова вся в нее уходит. Ты, может быть, исключение. Но и тут я уверен, что ты гораздо был бы умнее, если лет еще 10 был холостой. Брак холостит душу. Прощай и пиши.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 мая 1826 г. Из Пскова в Петербург

Ты прав, любимец муз, — воспользуюсь правами блудного зятя и грядущего барина и письмом улажу все дело. Должен

ли я тебе что-нибудь или нет? отвечай. Не взял ли с тебя чего-нибудь мой человек, которого отослал я от себя за дурной тон и дурное поведение? Пора бы нам отослать и Булгарина, и «Благонамеренного», и Полевого, друга нашего. Теперь не до того, а ей-богу когда-нибудь примусь за журнал. Жаль мне, что с Катениным ты никак не ладишь. А для журнала — он находка. Читал я в газетах, что Lancelot в Петербурге, черт ли в нем? читал я также, что 30 словесников давали ему обед. Кто эти бессмертные? Считаю по пальцам и не досчитаюсь. Когда приедешь в Петербург, овладей этим Lancelot (которого я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакам отечественной словесности. Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда — при англичанах дурачим Василья Львовича: пред M-me de Staël заставляем Милорадовича отличать-ся в мазурке. Русский барин кричит: мальчик! забавляй Гекторку (датского кобеля). Мы хохочем и переводим эти барские слова любопытному путешественнику. Все это попадает в его журнал и печатается в Европе — это мерзко. Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. <...>

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

10 июля 1826 г. Из Михайловского в Петербург

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многим причинам. Во-первых, что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь? Во-вторых. Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд. Если уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сейчас в петлю.

Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество вправе от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том «Русской истории»; Карамзин принадлежит истории. Но ска-

жи все; для этого должно тебе будет иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни в письме о цензуре. — Я писал тебе в Петербург, еще не зная о смерти Карамзина. Получил ли ты это письмо? отпиши. Твой совет кажется мне хорош — я уже писал царю, тотчас по окончании следствия, заключая прошение точно твоими словами. Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если б я был потребован комиссией, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру. Впрочем, черт знает. Прощай, пиши.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

14 августа 1826 г. Из Михайловского в Петербург

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой;
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.
Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Сердечно благодарю тебя за стихи. Ныне каждый порыв из вещественности — драгоценен для души. Критику отложим до другого раза. Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хваленое! Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна. Из моих записок сохранил я только несколько листов и перешлю их тебе, только для тебя. Прощай, душа.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

9 ноября 1826 г. Из Михайловского в Москву

⟨...⟩ Я ничего не говорил тебе о твоём решительном намерении соединиться с Полевым, а ей-богу — грустно. Итак,

никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! всё в одиночку. Полевой, Погодин, Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал, все равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтоб переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вот зачем и издатель существует; но он должен 1) знать грамматику русскую, 2) писать со смыслом, то есть согласовать существительное с прилагательным и связывать их глаголом. А этого-то Полевой и не умеет. Ради Христа, прочти первый параграф его известия о смерти Румянцева и Растопчина. И согласись со мной, что ему невозможно доверить издание журнала, освященного нашими именами. Впрочем, ничего не ушло. Может быть, не Погодин, а я буду хозяин нового журнала. Тогда как ты хочешь, а уж Полевого ты пошлешь к < — — — >. <...>

Сейчас перечел мои листы о Карамзине — нечего печатать. Соберись с духом и пиши. Что ты сделал для Дмитриева (которого № ты один еще поддерживаешь), то мы требуем от тебя для тени Карамзина — не Дмитриеву чета! — Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся, и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вам. Он всех нас, стариков, за пояс заткнет. <...>

Н. М. ЯЗЫКОВУ

9 ноября 1826 г. Из Михайловского в Дерпт

Милый Николай Михайлович — сейчас из Москвы, сейчас видел *Ваше* «Тригорское». Спешу обнять и поздравить Вас. Вы ничего лучше не написали, но напишете — много лучшего. Дай бог Вам здоровья, осторожности, благоденственного и мирного жития! Царь освободил меня от цензуры. Он сам мой цензор. Выгода, конечно, необъятная. Таким образом, «Годунова» тиснем. О цензурном уставе речь впереди. Пишите мне. Обнимаю Вас и Вульфа.

Получили ли Вы мои стихи? У меня их нет. Пришлите мне их, да кстати и первое послание.

О Москве напишу Вам много.

М. П. ПОГОДИНУ

29 ноября 1826 г. Из Пскова в Москву

Милый и почтенный, ради бога, как можно скорее остановите в московской цензуре все, что носит мое имя — *такова воля высшего начальства*; покамест не могу участвовать и в вашем журнале — но все перемелется и будет мука, а нам хлеб да соль. Некогда пояснять; до свидания скорого. Жалею, что договор наш не состоялся.

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

29 ноября 1826 г. Из Пскова в Петербург

⟨...⟩ Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знал, должно ли мне было отвечать на письмо, которое удостоился получить от Вашего превосходительства и которым был я тронут до глубины сердца. Конечно, никто живее меня не чувствует милость и великодушие государя императора, так же как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства.

Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно, не из послушания, но только потому, что худо понял высочайшую волю государя), то поставляю за долг препроводить ее Вашему превосходительству в том самом виде, как она была мною читана, дабы Вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить ее глазам императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить Ваше превосходительство оный мне возвратить.

Мне было совестно беспокоить ничтожными литературными занятиями моими человека государственного, среди огромных его забот; я роздал несколько мелких моих сочинений в разные журналы и альманахи по просьбе издателей; прошу от Вашего превосходительства разрешения сей неумышленной вины, если не успею остановить их в цензуре. ⟨...⟩

Н. М. ЯЗЫКОВУ

21 декабря 1826 г. Из Москвы в Дерпт

Письмо ваше получил я во Пскове и хотел отвечать из Новгорода — вам, достойному певцу того и другого. Пишу, однако ж, из Москвы — куда вчера привез я ваше «Тригорское». Вы знаете по газетам, что я участвую в «Московском вестнике», следственно и вы также. Адресуйте же ваши стихи в Москву на Молчановку в дом Ренкевичевой, оттуда передам их во храм бессмертия. Непременно будьте же наш. Погодин вам убедительно кланяется.

Я устал и болен — потому вам и не пишу более. Вульффу кланяюсь, обещая мое высокое покровительство.

«Тригорское» ваше, с вашего позволения, напечатано будет во 2-м № «Московского вестника».

Рады ли вы журналу? пора задушить альманахи — Дельвиг наш. Один Вяземский остался тверд и верен «Телеграфу» — жаль, но что ж делать. <...>

А. А. ДЕЛЬВИГУ

2 марта 1827 г. Из Москвы в Петербург

<...> Ты пеняешь мне за «Московский вестник» — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... — «Московский вестник» сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? (Впрочем, на этот метафизический вопрос можно бы и отвечать, да №.) А время вещь такая, которую с никаким «Вестником» не стану я терять. <...>

А. А. ДЕЛЬВИГУ

31 июля 1827 г. Из Михайловского в Ревель

<...> Пиши мне о своих занятиях. Что твоя проза и что твоя поэзия? Рыцарский Ревель разбудил ли твою заспанную музу? у вас Булгарин? кстати: Сомов говорил мне о его «Вечере

у Карамзина». Не печатай его в своих «Цветах». Ей-богу неприлично. Конечно, вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее. <...>

М. П. ПОГОДИНУ

31 августа 1827 г. Из Михайловского в Москву

Победа, победа! «Фауста» царь пропустил, кроме двух стихов: *Да модная болезнь она Недавно вам подарена*. Скажите это от меня господину, который вопрошал нас, *как мы смели* представить пред очи его высокородия такие стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородие от моего имени впредь быть учтивее и снисходительнее. Плетнев доставит Вам сцену, с копией отношения Бенкендорфа. Если московская цензура все-таки будет упрямиться, то напишите мне, а я опять буду беспокоить государя императора всеподданнейшей просьбою и жалобами на неуважение высочайшей его воли.

Теперь обратимся к другому предмету. Вы хотите издать «Уранию»!!! *et tu, Brute!*¹ Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, Вы, честный литератор между лавочниками литературы, вы!.. Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью. У Вас много накопилось статей, которые не входят в журнал; но каких же? *Quod licet Uraniae, licet*² тем паче «Московскому вестнику»; не только *licet*, но *decet*³. Есть и другие причины. Какие? деньги? деньги будут, будут. Ради бога не покидайте «Вестника»; на будущий год обещаю Вам безусловно деятельно участвовать в его издании: для того разрываю непременно все связи с альманашниками обеих столиц прямо. Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными; стихотворная часть у нас славная; проза может быть еще лучше, но вот беда: в ней слишком мало вздору. Ведь, верно, есть у вас повесть для «Урании»? давайте ее в «Вестник». Кстати о повестях: они должны быть непременно существенной частью журнала, как

¹ И ты, Брут! (лат.)

² Что дозволено Урании, дозволено (лат.).

³ дозволено, (...) подобает (лат.).

моды у «Телеграфа». У нас не то, что в Европе,— повести в диковинку. Они составили первоначальную славу Карамзина; у нас про них еще толкуют.

Ваша индейская сказка «Переправа» в европейском журнале обратит общее внимание, как любопытное открытие учености, у нас тут видят просто повесть и важно находят ее глупую. Чувствуете разницу? Вестник Московский по моему беспристрастному, совестному мнению — лучший из русских журналов. В «Телеграфе» похвально одно ревностное трудолюбие — а хороши одни статьи Вяземского — но зато за одну статью Вяземского в «Телеграфе» отдам три дельные статьи «Московского вестника». Его критика поверхностна или несправедлива, но образ его побочных мыслей и их выражения резко оригинальны, он мыслит, сёрдит и заставляет мыслить и смеяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы с ним увидите, скажите ему, что я пред ним виноват, но что все собираюсь загладить свою вину. Не знаю, увижу ли я вас нынче; по крайней мере хочется зимою побывать в белокаменной. До свидания, милый и любезный. Весь ваш без церемоний.

⟨...⟩

Р. S. Еще слово: издание «Урании», ей-богу, может, хотя и несправедливо, повредить вам в общем мнении порядочных людей. Прочтите, что Вяземский сказал об альманахе издателя «Благонамеренного»; он совершенно прав. Публика наша глупа, но не должно ее морочить. Так точно как журнальный сыщик Сережа глуп, но не должно его наверное обыгрывать в карты. Издатель журнала должен все силы употребить, дабы сделать свой журнал как можно совершенным, а не бросаться за барышом. Лучше уж прекратить издание; но сие было бы стыдно. Говорю вам просто и прямо, потому что вас искренно уважаю. Прощайте.

«Стансы к царю» им позволены, «Песни о Стеньке» не пропущены.

1828

М. П. ПОГОДИНУ

1 июля 1828 г. Из Петербурга в Москву

⟨...⟩Надобно, чтоб наш журнал издавался и на следующий год. Он, конечно, буде сказано между нами, первый, един-

ственный журнал на святой Руси. Должно терпением, добросовестностью, благородством и особенно настойчивостью оправдать ожидания истинных друзей словесности и ободрение великого Гете. Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего германского патриарха. Оно, надеюсь, даст Шевыреву более весу во мнении общем. А того-то нам и надобно. Пора уму и знаниям вытеснить Булгарина и Федорова; я здесь на досуге поддразниваю их за несогласие их мнений с мнением Гёте. За разбор «Мысли», одного из замечательнейших стихотворений текущей словесности, уже досталось нашим северным шмелям от Крылова, осудившего их и Шевырева, каждого по достоинству. Вперед! и да здравствует «Московский вестник»!〈...〉

На днях читал я стихи Языкова, где говорит он о своих стихах:

Что ж? в Белокаменную с богом,
В «Московский вестник». — Трудно, брат,
Он выступает в чине строгом,
Разборчив, строг, аристократ —
Так и приязнь ему не в лад
Со мной, парнасским демагогом.
Ну, в «Афиней». — Что «Афиней»?
Журнал казенно-философский,
Отступник Пушкина, злодей,
«Благонамеренный» московский.〈...〉

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

1 сентября 1828 г. Из Петербурга в Пензу

Благодарствуй за письмо — оно застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода. Отвечаю наскоро на все твои запросы.

Быть может, некогда восплачет обо мне

стих Гнедича (который теперь здесь) в переводе его Вольтерова «Танкреда»:

Un jour elle pleurera l'amant qu'elle a trahi;
Ce cœur qu'elle a perdu, ce cœur qu'elle déchire!¹

¹ Когда-нибудь она оплачет любовника, обманутого ею. Сердце, потерянное ею, сердце, терзаемое ею (франц.).

Успокоился ли ты? Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом.

Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее.

Прямо, прямо, на восток.

Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец «Гавриилиада»; приписывают ее мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность. Это да будет между нами.〈...〉

1830

Н. И. ГНЕДИЧУ

6 января 1830 г. В Петербурге

Я радуюсь, я счастлив, что несколько строк, робко брошенных мною в «Газете», могли тронуть вас до такой степени. Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору «Илиады» вашей. Он не нужен для вашей славы, но был бы нужен для России.〈...〉

М. Н. ЗАГОСКИНУ

11 января 1830 г. Из Петербурга в Москву

〈...〉Прерываю увлекательное чтение Вашего романа, чтоб сердечно поблагодарить Вас за присылку «Юрия Милославского», лестный знак Вашего ко мне благорасположения. Поздравляю Вас с успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи. Все читают его. Жуковский провел за ним целую ночь. Дамы от него в восхищении. В «Литературной газете» будет о нем статья Погорельского. Если в ней не все будет высказано, то постараюсь досказать.〈...〉

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Конец января 1830 г. Из Петербурга в Москву

Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам не едешь. Скучно издавать газету одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пиллады на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу — подавай ее поболее. Ты бранишь «Милославского», я его похвалил. Где гроза, тут и милость. Конечно, в нем многого недостает, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во сне не приснится. Как ты находишь Полевого? Чтение его «Истории» заменило Жуковскому чтение Муравьева статс-секретаря.〈...〉

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

2 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург

〈...〉 Дельвиг в самом деле ленив, однако ж его «Газета» хороша, ты много оживил ее. Поддерживай ее, покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину. Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или моду, или политику. Соперничествовать с Раичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто, кроме «Северной пчелы», ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя хлопотать этого дозволения? справься-ка с молодыми министрами, да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий. Да и неприлично правительству заключать союз — с кем? с Булгариним и Гречем. Пожалуйста, поговори об этом, но втайне: если Булгарин будет это подозревать, то он, по своему обыкновению, пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься.

Отчего не напечатано мое посвящение тебе в третьем издании «Фонтана»? Неужто мой цензор не пропустил? Это для меня очень досадно. Узнай, пожалуйста, как и зачем.〈...〉

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Около (не позднее) 5 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург

Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать «Годунова» в первобытной красоте; вот что пишет мне Бенкендорф:

«Pour ce qui regarde votre tragédie de Godounof, Sa Majesté vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité»¹

Слушай же, кормилец: я пришлю тебе трагедию мою с моими поправками — а ты, благодетель, явись к Фон-Фоку и возьми от него письменное дозволение (нужно ли оно?).

Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед Россией с «Борисом Годуновым», заговорить об Фаддее Булгарине? кажется, неприлично. Как ты думаешь? реши.

Скажи: имел ли влияние на расход «Онегина» отзыв «Северной пчелы»? Это для меня любопытно. Знаешь ли что? у меня есть презабавные материалы для романа «Фаддей Выжигин». Теперь некогда, а со временем можно будет написать это. Какое действие произвела вообще и в частности статья о Видоке? пожалуйста, отпиши.〈...〉

Е. М. ХИТРОВО

19—24 мая 1830 г. Из Москвы в Петербург

D'abord permettez-moi, Madame, de vous remercier pour Hernani. C'est un des ouvrages du temps que j'ai lu avec le plus de plaisir. Hugo et Sainte-Beuve sont sans contredit les seuls poètes français de l'époque, surtout Sainte-Beuve — et à ce propos, s'il est possible d'avoir à Pétersbourg les *Consolations* de ce dernier, faites une œuvre de charité, au nom du ciel envoyez-les moi.〈...〉

¹ «Что же касается трагедии вашей о Годунове, то его величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью» (франц.).

П. А. ПЛЕТНЕВУ

*Около (не позднее) 29 октября 1830 г.
Из Болдина в Петербург*

⟨...⟩ Журналов ваших я не читаю; кто кого? Скажи Дельвигу, чтоб он крепился; что я к нему явлюся непременно на подмогу, зимой, коли здесь не околею. Покамест он уж может заказать виньетку на дереве, изображающую меня голенького, в виде Атланта, на плечах поддерживающего «Литературную газету». Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! не дайте ее на съедение псам журнальным. Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе:

Драгоценной для россиян памяти
Николая Михайловича
К а р а м з и н а
сей труд, гением его вдохновенный,
с благоговением и благодарностию посвящает
А. Пушкин.

А. А. ДЕЛЬВИГУ

4 ноября 1830 г. Из Болдина в Петербург

⟨...⟩ Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина. Отец мне ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня, ибо я все-таки его сын — то есть мнителен и хандрлив (каково словечко?). Скажи Плетневу, что он расцеловал бы меня, видя мое осеннее прилежание. Прощай, душа, на другой почте я, может быть, еще что-нибудь тебе пришлю.⟨...⟩

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

5 ноября 1830 г. Из Болдина в Москву

⟨...⟩ Здесь я кое-что написал. Но досадно, что не получал журналов. Я был в духе ругаться и отделал бы их на их же манер. В полемике, мы скажем с тобою, и нашего тут капля

меду есть. Радуюсь, что ты принялся за Фонвизина. Что ты ни скажешь о нем, или кстати о нем, все будет хорошо, потому что будет сказано. Об истине (то есть о точности применения истины) нечего тебе заботиться: пуля виноватого сыщет. Все твои литературные обозрения полны этих пуль-дур. Собери-ка свои статьи критические, посмотри, что за перестрелка подыметя. <...>

М. П. ПОГОДИНУ

Последние числа ноября 1830 г. Из Болдина в Москву

Я было опять к вам попытался: доехал до Севаслейки (первого карантин). Но на заставе смотритель, увидев, что еду по собственной самонужнейшей надобности, меня не пустил и протурил назад в мое Болдино. Как быть? в утешение нашел я ваши письма и «Марфу». И прочел ее два раза духом. Ура! — я было, признаюсь, боялся, чтоб первое впечатление не ослабело потом; но нет — я все-таки при том же мнении: «Марфа» имеет европейское, высокое достоинство. Я разберу ее как можно пространнее. Это будет для меня изучение и наслаждение. Одна беда: слог и язык. Вы неправильны до бесконечности. И с языком поступаете, как Иоани с Новым городом. Ошибок грамматических, противных духу его усечений, сокращений — тьма. Но знаете ли? и эта беда не беда. Языку нашему надобно воли дать более (разумеется, сообразно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность. — Скоро ли выйдет ваша «Марфа»? Не посылаю вам замечаний (частных), потому что некогда вам будет переменять то, что требует перемены. До другого издания. Покамест скажу вам, что антидраматическим показалось мне только одно место: разговор Борецкого с Иоанном: Иоани не сохраняет своего величия (не в образе речи, но в отношении к предателю). Борецкий (хоть и новгородец) с ним слишком запанибрата; так торговаться мог бы он разве с боярином Иоанна, а не с ним самим. Сердце ваше не лежит к Иоанну. Развив драматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику, вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего — вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогом несколько надутым. Вот главная критика моя. Остальное... остальное надобно будет хвалить при звоне Ивана

великого, что и выполнит со всеусердием ваш покорнейший пономарь.

А. П.

Что за прелесть сцена послов! как вы поняли русскую дипломатику! А вече? а посадник? а князь Шуйский? а князя удельные? Я вам говорю, что это все достоинства — ШЕКСПИРОВСКОГО!..

О слогe упомяну я вкратце, предоставляя его журналам, которые, вероятно, подымут его на царя (и поделом), а вы их послушайте. Для вас же пришлю я подробную критику, надстрочную. Простите до свидания. Поклон Языкову.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

9 декабря 1830 г. Из Москвы в Петербург

⟨...⟩ Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы «Онегина», 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим *Анопуге*. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан». Сверх того, написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не всё (весьма секретное)¹. Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также *Анопуге*. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает. И так русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфетный билетец этого несносного Лавинья. Но все же Дельвиг должен оправдаться перед государем. Он может доказать, что никогда в его «Газете» не было и тени не только мятежности, но и недоброжелательства к правительству. Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона. Прости, душа, здоров будь — это главное.

¹ для тебя единого. (Прим. А. С. Пушкина.)

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

2 января 1831 г. Из Москвы в Остафьево

Стихи твои прелесть — не хочется мне отдать их в альманах; лучше отошлем их Дельвигу. Обозы, поросята и бригадир удивительно забавны. Яковлев издает к масленице альманах «Блин». Жаль, если первый блин его будет комом. Не отдашь ли ты ему «Обозы», а «Девичий сон» Максимовичу? Яковлев тем еще хорош, что отменно храбр и готов намазать свой блин жиром Булгарина и икрою Полевого — пошли ему свои сатирические статьи, коли есть. Знаешь ли ты, какие подарки получил я на новый год? Билет на «Телеграф» да билет на «Телескоп» — *от издателей в знак искреннего почтения*. Каково? И в «Пчеле» предлагают мне мир, упрекая нас (тебя да меня) в неукротимой вражде и службе вечной Немезиде. Все это прекрасно; одного жаль — в «Борисе» моем выпущены народные сцены да матерщина французская и отечественная: а впрочем странно читать многое напечатанное. (...)

М. П. ПОГОДИНУ

3 января 1831 г. В Москве

Вот Вам «Борис». Доставьте, сделайте милость, один экземпляр Никодиму Надоумке, приславшему мне билет на «Телескоп». Мы живем во дни переворотов — или переоборотов (как лучше?). Мне пишут из Петербурга, что «Годунов» имел успех. Вот еще для меня диковинка. Выдавайте ж «Марфу».

Сейчас отняли у меня экземпляр Надеждина; завтра пришлю другой.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

7 января 1831 г. Из Москвы в Петербург

Что с тобою, душа моя? как побранил ты меня в сентябре за мою хандру, с тех пор нет мне о тебе ни слуха ни духа. Деньги (2000) я получил. Прелестное издание «Бориса» видел.

Послание твое к Гнедко прочел, ответ его не прочел — знаю, что ты жив, а писем от тебя все нет. Уж не запретил ли тебе генерал-губернатор иметь со мною переписку? чего доброго! Уж не сердись ли? Кажется, не за что. Отвечай же мне, а не то буду беспокоиться.

Теперь поговорим о деле. Видел я, душа моя, «Цветы»: странная вещь, непонятная вещь! Дельвиг ни единой строчки в них не поместил. Он поступил с нами, как помещик со своими крестьянами. Мы трудимся — а он сидит на судне да нас побранивает. Не хорошо и не благоразумно. Он открывает нам глаза и мы видим, что мы в дураках. Странная вещь, непонятная вещь! <...>

Пишут мне, что «Борис» мой имеет большой успех: странная вещь, непонятная вещь! по крайней мере я того никак не ожидал. Что тому причиною? Чтение Вальтер Скотта? голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? — Как бы то ни было, я успеха трагедии моей у вас не понимаю. В Москве то ли дело? здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия подражание «Кромвелю» Виктора Гюго; что стихи без рифм не стихи; что Самозванец не должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и неблагоразумно — и тому подобные глубокие критические замечания. Жду переводов и суда немцев, а о французах не забочусь. Они будут искать в «Борисе» политических применений к Варшавскому бунту, и скажут мне, как наши: «Помилуйте-с!..» Любопытно будет видеть отзыв наших Шлегелей, из коих один Катенин знает свое дело. Прочие попугаи или сороки Инзовские, которые картавят одну им натверженную < — — — >. Прости, мой ангел. Поклон тебе, поклон — и всем вам. Кстати: поэма Баратынского чудо. Addio.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

13 января 1831 г. Из Москвы в Петербург

Пришли мне, мой милый, экземпляров 20 «Бориса», для московских прощальг, не то разорюсь, покупая его у Ширяева.

<...> Что «Газета» наша? надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппики. Кабы я не был

ленив, да не был жених, да не был бы очень добр, да умел бы читать и писать, то я бы каждую неделю писал бы обозрение литературное — да лих терпения нет, злости нет, времени нет, охоты нет. Впрочем, посмотрим. <...>

П. А. ПЛЕТНЕВУ

21 января 1831 г. Из Москвы в Петербург

Что скажу тебе, мой милый! Ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему все — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изю всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё.

Вчера провел я день с Нащокиным, который сильно поражен его смертью, — говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так.

Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров — и постараемся быть живы.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

31 января 1831 г. Из Москвы в Петербург

<...>Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами» — но мне жаль, если это будет ущерб Сомову — он был искренно к нему привязан — и смерть нашего друга едва ли не ему всего тяжелее: чувства души слабеют и меняются, нужды жизненные не дремлют.

Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, что *душу волнует, что сердце томит*. Я хорошо знаю, одним словом, его первую

молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это.

Вижу по письму твоему, что Туманский в Петербурге — обними его за меня. Полюби его, если ты еще его не любишь. В нем много прекрасного, несмотря на некоторые мелочи характера малороссийского.

Что за мысль пришла Гнедичу посылать свои стихи в «Северную пчелу»? — Радуюсь, что Греч отказался — как можно чертить анфологическое надгробие в нужнике? И что есть общего между поэтом Дельвигом и < — — — > полицейским Фаддеем? <...>

П. А. ПЛЕТНЕВУ

26 марта 1831 г. Из Москвы в Петербург

<...> Книги Белизара я получил и благодарен. Прикажи ему переслать мне еще *Crabbe*, *Wordsworth*, *Southey* и *Schakespeare*¹ в дом Хитровой на Арбате. (Дом сей нанял я в память моей Элизы; скажи это Южной ласточке, смугло-румяной красоте наших.) Сомову скажи, чтоб он прислал мне, если может, «Литературную газету» за прошедший год (за нынешний не нужно; сам за ним приеду), да и «Северные цветы», последний памятник нашего Дельвига. Об альманахе переговорим. Я не прочь издать с тобою последние «Северные цветы». Но я затеваю и другое, о котором также переговорим. Мне сказывали, что Жуковский очень доволен «Марфой Посадницей», если так, то пусть же выхлопочет он у Бенкендорфа или у кого ему будет угодно позволение напечатать всю драму, произведение чрезвычайно замечательное, несмотря на неровность общего достоинства и слабости стихосложения. Погодин очень, очень дельный и честный молодой человек, истинный немец по чистой любви своей к науке, трудолюбию и умеренности. Его надобно поддержать, также и Шевырева, которого куда бы не худо посадить на опустевшую кафедру Мерзлякова, доброго пьяницы, но ужасного невежды. Это была бы победа над университетом, то есть над предрассудками и вандализмом. <...>

¹ Крабба, Вордсворта, Соути (и) Шекспира (англ.).

П. А. ПЛЕТНЕВУ

11 апреля 1831 г. Из Москвы в Петербург

Воля твоя, ты несносен: ни строчки от тебя не дождешься. Умер ты, что ли? Если тебя уже нет на свете, то, тень возлюбленная, кланяйся от меня Державину и обними моего Дельвига. Если же ты жив, ради бога, отвечай на мои письма. Приезжать ли мне к вам, остановиться ли в Царском Селе, или мимо скакать в Петербург или Ревель? Москва мне слишком надоела. Ты скажешь, что и Петербург малым чем лучше: но я как Артур Потоцкий, которому предлагали рыбу удить: *j'aime mieux m'ennuyer autrement*¹. Мне кажется, что если все мы будем в кучке, то литература не может не согреться и чего-нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего доброго? и газеты! Вяземский везет к вам «Жизнь Фонвизина», книгу едва ли не самую замечательную с тех пор как пишут у нас книги (все-таки исключая Карамзина). Петр Иванович приплыл и в Москву, где, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? неужто мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется Булгарин так для нее создан, а она для него, что им вместе жить, вместе и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягал, а как, сказывают, обо мне в нем нет ни слова, то и не посягну. Разумею, не стану читать, а ругать все-таки буду. Сомов написал мне длинное письмо, на которое еще не отвечал. Скажи ему, что Делорма я сам ему привезу, потому и не посылаю. Что баронесса? — О тебе говорила мне Жихарева; анекдот о билетцах — прелесть!

11 апр.

Христос воскрес!

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Около (не позднее) 14 апреля 1831 г. Из Москвы в Петербург

Ты прав, любимец муз — должно быть аккуратным, хотя это и немецкая добродетель; нехудо быть и умеренным, хотя Чацкий и смеется над этими двумя талантами. Итак, вот тебе пунктуальные ответы на твои запросы. Деларю слишком glad-

¹ я предпочитаю скучать иным образом (франц.).

ко, слишком правильно, слишком чопорно пишет для молодого лицеиста. В нем не вижу я ни капли творчества, а много искусства. Это второй том Подолинского. Впрочем, может быть, он и разовьется. О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе его не читал за недосугом. Отлагаю чтение до Царского Села, где ради бога найми мне фатерку — нас будет: мы двое, 3 или 4 человека да 3 бабы.

Обними Жуковского за участие, в котором я никогда не сомневался. Не пишу ему, потому что не привык с ним переписываться. С нетерпением ожидаю новых его баллад. И так, бывшее с ним сбывается опять. Слава богу! Но ты не пишешь, что такое его баллады, переводы или сочинения. Дмитриев, думая критиковать Жуковского, дал ему прездравый совет. Жуковский, говорил он, в своей деревне заставляет старух себе ноги гладить и рассказывать сказки и потом перекладывает их в стихи. Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским. Если все еще его несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о киевских чудотворцах; прелесть простоты и вымысла!<...>

Е. М. ХИТРОВО

8 мая 1831 г. Из Москвы в Петербург

Voici, Madame, le Странник que vous m'avez demandé. Il y a du vrai talent dans ce bavardage un peu maniéré. Ce qu'il y a de plus singulier, c'est que l'auteur a déjà 35 ans et que s'est son premier ouvrage. Le roman de Zagoskine n'a pas encore paru. Il a été obligé d'en refondre quelques chapitres où il était question des Polonais de 1812.<...>

Е. М. ХИТРОВО

Вторая половина (18—25) мая 1831 г. В Петербурге

Voici vos livres, Madame, je vous supplie de m'envoyer le second volume de Rouge et noir. J'en suis enchanté. Plock et Plick est misérable. C'est un tas de contresens, d'absurdités qui n'ont pas même le mérite de l'originalité. Notre Dame est-elle déjà lisible? Au revoir, Madame.

Е. М. ХИТРОВО

25 (?) мая 1831 г. В Петербурге

Je pars à l'instant pour Sarsko-Sélo avec le regret bien vrai de ne pas passer la soirée chez vous. Quant à l'amour-propre de Sullivan, il deviendra ce qu'il pourra. Vous qui avez tant d'esprit, dites lui quelque chose qui puisse l'apaiser. Bonjour, Madame, et surtout au revoir.

П. В. НАЦОКИНУ

1 июня 1831 г. Из Царского Села в Москву

⟨...⟩ Я сейчас увидел в «Литературной газете» разбор Вельтмана, очень неблагоклонный и несправедливый. Чтоб не подумал он, что я тут как-нибудь вмешался. Дело в том, что я и виноват: поленился исполнить обещанное. Не написал сам разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземского тысяча?

Е. М. ХИТРОВО

9 (?) июня 1831 г. В Петербурге

⟨...⟩ Madame, les livres que vous avez eu la bonté de me prêter. On conçoit fort bien votre admiration pour la Notre Dame. Il y a bien de la grâce dans toute cette imagination. Mais, mais... je n'ose dire tout ce que j'en pense. En tout cas la chute du prêtre est belle de tout point, c'est à en donner des vertiges. «Rouge et noir» est un bon roman, malgré quelques fausses déclamations et quelques observations de mauvais goût.

Mardi.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 июня 1831 г. Из Царского Села в Москву

⟨...⟩ Видел я Тургенёва и нашел в нем мало перемены: кой-где седина, впрочем, та же живость, по крайней мере при

первом свидании. Жду его в Сарское Село. Он едет к тебе, если карантин его не удержит. Постарайся порастрепать его *rote-feuille*¹, полный европейскими сокровищами. Это нам пригодится. Жуковский все еще пишет. Он перевел несколько баллад Соувея, Шиллера и Гуланда. Между прочим, «Водолаза», «Перчатку», «Поликратово кольцо» etc. Также перевел неконченную балладу Вальтер Скотта «Пильгрим» и приделал свой конец: прелесть. Теперь пишет сказку гекзаметрами, вроде своего «Красного карбункула», и те же лица на сцене. Дедушка, Луиза, трубка и проч. Все это явится в новом издании всех его баллад, которые издает Смирдин в двух томиках. Вот все, чем можно нам утешаться в нынешних горьких обстоятельствах. Здесь я журналов не получаю, и не знаю, что делается в нашем омуте, и кто кого.<...>

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Около (не позднее) 11 июля 1831 г. Из Царского Села в Петербург

Что же твой план «Северных цветов» в пользу братьев Дельвига? Я даю в них «Моцарта» и несколько мелочей. Жуковский дает свою гекзаметрическую сказку. Пиши Баратынскому; он пришлет нам сокровища; он в своей деревне. — От тебя стихов не дождешься; если б ты собрался да написал что-нибудь об Дельвиге! то-то было б хорошо! Во всяком случае проза нужна; коли ты ничего не дашь, так она сядет на мель. Обозрения словесности не надобно; черт ли в нашей словесности? придется бранить Полевого да Булгарина. Кстати ли такое аллилуия на могиле Дельвига? — Подумай обо всем этом хорошенько, да и распорядись — а издавать уже пора: то есть приготовляться к изданию. Будьте здоровы все, Христос с вами.

М. Л. ЯКОВЛЕВУ

19 июля 1831 г. Из Царского Села в Петербург

<...>Кланяюсь сердечно Софье Михайловне и очень, очень жалею, что с нею не прощусь. Дай бог ей здоровья и силы души. Если надобны будут ей деньги, попроси ее со мною не

¹ портфель (франц.).

церемониться, не только насчет моего долга, но и во всяком случае. Что «Северные цветы»? с моей стороны я готов. На днях пересмотрел я у себя письма Дельвига; может быть, со временем это напечатаем. Нет ли у ней моих к нему писем? мы бы их соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же «Ижорский», также и моя баллада о *Рыцаре, влюбленном в Деву*. Не может ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать.〈...〉

П. В. НАЦОКИНУ

21 июля 1831 г. Из Царского Села в Москву

〈...〉Ты пишешь мне о каком-то критическом разговоре, которого я еще не читал. Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что все, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны, я отступился; возражать серьезно — невозможно; а паясить перед публикою не намерен. Да к тому же ни критики, ни публика не достойны дельных возражений. Нынче осенью займусь литературой, а зимой зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне царем.〈...〉

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

3 августа 1831 г. Из Царского Села в Москву

«Литературная газета» что-то замолкла; конечно, Сомов болен, или подпиской недоволен. Твое замечание о мизинце Булгарина не пропадет; обещаюсь тебя насмешить; но нам покамест не до смеха: ты, верно, слышал о возмущениях новгородских и Старой Руси. Ужасы. 〈...〉

П. А. ПЛЕТНЕВУ

3 августа 1831 г. Из Царского Села в Петербург

〈...〉 Что же «Цветы»? ей-богу не знаю, что мне делать. Яковлев пишет, что покамест нельзя за них приняться. Почему же? разве типографии остановились? разве нет бумаги? Разве Сомов болен или отказывается от издания? Кстати: что сде-

далось с «Литературною газетою»? Она неисправнее «Меркурия». Кстати: не умер ли Бестужев-Рюмин? говорят, холера уносит пьяниц. С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв, Хвостов торчит каким-то кукишем похабным. Перечитывал я на днях письма Дельвига: в одном из них пишет он мне о смерти Д. Веневитинова. «Я в тот же день встретил Хвостова, говорит он, и чуть не разругал его: зачем он жив?» — Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет. Но в таком случае, именем нашей дружбы, заклинаю тебя его зарезать — хоть эпиграммой. Прощай, будь здоровы. Сказки мои возвратились ко мне, не достигнув до тебя.

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Около (не позднее) 15 августа 1831 г. Из Царского Села в Петербург

Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ив. П. Белкина; отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию. Предисловие пришлю после. Правила, коими будем руководствоваться при издании, следующие:

1) Как можно более оставлять белых мест, и как можно шире расставлять строки.

2) На странице помещать не более 18-ти строк.

3) Имена печатать *полные*, напр. Иван Иванович Иванов, а не И. Ив — ъ. То же и об городах и деревнях.

4) Числа (кроме годов) печатать буквами.

5) В сказке «Смотритель» назвать гусара *Минским*, и сим именем заменить везде***.

6) Смирдину шепнуть мое имя, с тем, чтоб он перешепнул покупателям.

7) С почтеннейшей публики брать по 7-ми рублей, вместо 10-ти — ибо нынче времена тяжелые, рекрутский набор и картины.

Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры.

Главное: будем живы и здоровы... Прощай, мой ангел.

P. S. Эпиграфы печатать перед самым началом сказки, а заглавия сказок на особенном листе (ради ширины)...

Кстати об эпитафиях. К «Выстрелу» надобно будет прислать другой, именно в «Романе в семи письмах» А. Бестужева в «Полярной звезде»: *У меня оставался один выстрел, я поклялся* etc. Справься, душа моя.

Н. В. ГОГОЛЮ

25 августа 1831 г. Из Царского Села в Петербург

⟨...⟩ Очень благодарю Вас за письмо и доставление Плетневу моей посылки, особенно за письмо. Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие. Статья Феофилакты Косичкина еще не явилась; не знаю, что это значит: не убоился ли Надеждин гнева Фаддея Венедиктовича? — Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора. С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов и отзыва остренького сидельца. У нас все благополучно: бунтов, наводнения и холеры нет. Жуковский расписался; я чую осень и собираюсь засесть. Ваша Надежда Николавна, то есть моя Наталья Николавна — благодарит Вас за воспоминание и сердечно кланяется Вам. Обнимите от меня Плетнева и будьте живы в Петербурге, что довольно, кажется, мудрено.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

3 сентября 1831 г. Из Царского Села в Москву

⟨...⟩ Ты пишешь о журнале: да, черта с два! кто нам разрешит журнал? Фон-Фок умер, того и гляди поступит на его место Н. И. Греч. Хороши мы будем! О газете политической нечего и думать, но журнал ежемесячный, или четырехмесячный, третейский можно бы нам попробовать — одна беда: *без мод* он не пойдет, а *с модами* стать нам наряду с Шаликовым, Полевым и проч.— совестно. Как ты? *с или без?* Мы бы переписку Авраама с Игнатием поместили в отделении: классическая словесность. Жуковский все еще пишет; завел 6 тетрадей и разом начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкий день не прочтет мне чего нового; нынешний год он, верно, написал целый том. Это хорошо было бы для журнала. Я начал также ⟨ — — — ⟩; на днях испразнился сказкой

в тысячу стихов; другая в брюхе бурчит. А все холера... То, что ты говоришь о «Рославле», сущая правда; мне смешно читать рецензии наших журналов, кто начинает с Гомера, кто с Моисея, кто с Вальтер Скотта; пишут книги о романе, которого ты оценил в трех строчках совершенно полно, но к которым можно прибавить еще три строчки: *что положения, хотя и натянутые, занимательны; что разговоры, хотя и ложные, живы, и что все можно прочесть с удовольствием* (итого 3 строчки $\frac{1}{2}$). <...>

<...> Твое рассуждение о пословице русской не пропадет. К числу благороднейших принадлежит и сия; за тычком не угонишься, то есть не хлопочи о полученном тычке. Кстати о тычке: читал ли ты в «Телескопе» статью Феофилакты Косичкина? <...>

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

*Середина (около 15) октября 1831 г.
Из Царского Села в Москву*

<...> Похлопочи о «Северных цветах», пришли нам своих стихов и проз, да у Языкова нет ли чего? я слышу, они с Киреевским затевают журнал; с богом! Да будут ли моды? важный вопрос. По крайней мере можно будет нам где-нибудь показаться — да и Косичкин этому рад. А то куда принужден он был приютиться! в «Телескоп»! легко сказать. Двор у вас. Жуковский и Россети в Петербурге. Жуковский написал пропасть хорошего и до сих пор все еще продолжает. Переводит одну песнь из Marmion; славно. Каков Гогель? Повести мои печатаются. «Северные цветы» будут любопытны. <...>

Е. Ф. РОЗЕНУ

*Октябрь — первая половина ноября 1831 г.
Из Царского Села в Петербург или в Петербурге*

Вот Вам, любезный барон, «Пир во время чумы» из Вильсоновой трагедии à effet¹; предприняв издание 3-го тома моих мелких стихотворений, не посылаю Вам некоторых из них, ибо, вероятно, они явятся прежде вашей «Альционы». Горю не-

¹ рассчитанной на эффект (франц.).

терпением прочитать Ваше предисловие к «Борису», думаю для второго издания написать к Вам письмо, если позволите, и в нем изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя мою трагедию.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

18 ноября 1831 г. Из Петербурга в Москву

Сердечно благодарю Вас, любезный Николай Михайлович, Вас и Киреевского за дружеские письма и за прекрасные стихи, если бы к тому присовокупили вы еще свои адреса, то я был бы совершенно доволен. Поздравляю всю братию с рождением «Европейца». Готов с моей стороны служить Вам чем угодно, прозой и стихами, по совести и против совести. Феофилакт Косичкин до слез тронут вниманием, коим удостоиваете Вы его; на днях получил он благодарственное письмо от А. Орлова и собирается отвечать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему ответ его друга (или от его друга, как пишет Погодин). Жуковский приехал; известия, им привезенные, очень утешительны; тысяча, пробитая Вами, очень поправит домашние обстоятельства нашей бедной литературы. Надеюсь на Хомякова: Самозванец его не будет уже студент, а стихи его всё будут по-прежнему прекрасны. Горопите Вяземского, пусть он пришлет мне своей прозы и стихов; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правим тризну по Дельвигу. А вот как наших поминают! И кто же? друзья его! ей-богу, стыдно. Хвостов написал мне послание, где он помолодел и потрянул стариной. Он говорит:

Приближася похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости июль

и проч. в том же виде. Собираюсь достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога. В прочем все у нас благополучно.

Ф. Н. ГЛИНКЕ

21 ноября 1831 г. Из Петербурга в Тверь

⟨...⟩ Мы здесь затеяли в память нашего Дельвига издать последние «Северные цветы». Изо всех его друзей только Вас да Баратынского не досчитались мы на поэтической тризне;

именно тех двух поэтов, с коими, после лицейских его друзей, более всего был он связан. Мне говорят, будто Вы на меня сердиты; это не резон: сердце сердцем, а дружба дружбой. Хороши и те, которые ссорят нас бог ведает какими сплетнями. С моей стороны, моим искренним, глубоким уважением к Вам и Вашему прекрасному таланту я перед Вами совершенно чист.

Надеюсь еще на Вашу благосклонность и на Ваши стихи. Может быть, увижу Вас скоро; по крайней мере приятно кончить мне письмо мое сим желанием.

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

24 ноября 1831 г. В Петербурге

<...> Je saisis cette occasion pour vous parler d'une chose qui m'est toute personnelle. L'intérêt que vous avez toujours daigné me témoigner, m'encourage à vous en parler en détail et en toute confiance.

Il y a un an à peu près que dans l'un de nos journaux on imprima un article satyrique dans lequel on parlait d'un certain littérateur qui manifestait des prétentions à une origine noble, tandis qu'il n'était qu'un bourgeois-gentilhomme. On ajoutait que sa mère était une mulâtre dont le père, pauvre négriillon, avait été acheté par un matelot pour une bouteille de rhum. Quoique Pierre le Grand ne ressemblât guère à un matelot ivre, c'était me désigner assez clairement, vu qu'il n'y a que moi de littérateur russe qui comptasse un nègre parmi mes ancêtres. Comme l'article en question était imprimé dans une gazette officielle, qu'on avait poussé l'indécence jusqu'à parler de ma mère dans un feuilleton qui ne devrait être que littéraire, et que nos gazetiers ne se battent pas en duel, je crus devoir répondre au satyrique *anonyme*, ce que je fis en vers et très vertement. J'envoyais ma réponse à feu Delvig, en le priant de l'insérer dans son journal. Delvig m'engagea à la supprimer, me faisant observer qu'il y aurait du ridicule à se défendre la plume à la main contre des attaques de cette nature, et à afficher des sentiments aristocratiques, lorsqu'à tout prendre on n'était qu'un gentilhomme-bourgeois, sinon un bourgeois-gentilhomme. Je me rendis à son avis, et l'affaire en resta là; cependant il courut quelques copies de cette réponse, ce dont je ne suis pas fâché, attendu qu'il a rien que je voulus désavouer. J'avoue que je tiens à ce qu'on appelle des préjugés: je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit, quoique cela ne rapporte pas

grand chose; je tiens beaucoup enfin au nom de mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'il m'ont laissé.

Mais comme on pourrait prendre mes vers pour une satire indirecte sur l'origine de quelques familles marquantes, si on ne savait que c'est une réponse très modérée à une provocation très reprehensible, je me suis fait un devoir de vous en donner franchement l'explication, et d'y joindre la pièce en question. <...>

1832

П. А. ОСИПОВОЙ

Около 8—9 января 1832 г. Из Петербурга в Тригорское

<...> Je vous envoie, Madame, les «Северные цветы» dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanach, et un tribut à la mémoire de notre ami, dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins des contes à dormir debout; je souhaite que cela vous amuse un moment. <...>

И. В. КИРЕЕВСКОМУ

4 февраля 1832 г. Из Петербурга в Москву

<...> Простите меня великодушно за то, что до сих пор не поблагодарил я Вас за «Европейца» и не прислал Вам смиренной дани моей. Виною тому проклятая рассеянность петербургской жизни и альманахи, которые совсем истощили мою казну, так что не осталось у меня и двустихия на черный день, кроме повести, которую сберег и из коей отрывок препровождаю в Ваш журнал. Дай бог многие лета Вашему журналу! Если гадать по двум первым №, то «Европеец» будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны, да сухи; кажется, «Европеец» первый соединит дельность с заманчивостью. Теперь несколько слов об журнальной экономии: в первых двух книжках Вы напечатали две капитальные пьесы Жуковского и бездну стихов Языкова; это неуместная расточительность. Между «Спящей царевной» и «Мышью Степанидой» должно было быть по крайней мере три нумера. Языкова довольно было бы двух пьес. Берегите его на черный день. Не то как раз промотаетесь и принуждены будете

жить Раичем да Павловым. Ваша статья о «Годунове» и о «Наложнице» порадовала все сердца; насилу-то дождались мы истинной критики. № избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, то есть перефразировать: это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчеству языку. Статья Баратынского хороша, но слишком тонка и растянута (я говорю о его антикритике). Ваше сравнение Баратынского с Миерисом удивительно ярко и точно. Его элегии и поэмы точно ряд прелестных миниатюр; но эта прелесть отделки, отчетливость в мелочах, тонкость и верность оттенков, все это может ли быть порукой за будущие успехи его в комедии, требующей, как и сценическая живопись, кисти резкой и широкой? Надеюсь, что «Европеец» разбудит его бездействие. Сердечно кланяюсь Вам и Языкову.

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

7 февраля 1832 г. в Петербурге

⟨...⟩ Ваше высокопревосходительство изволили требовать от меня объяснения, каким образом стихотворение мое, «Древо яда», было напечатано в альманахе без предварительного рассмотрения государя императора: спешу ответствовать на запрос Вашего высокопревосходительства.

Я всегда твердо был уверен, что высочайшая *милость*, кою неожиданно был я удостоен, не лишает меня и *права*, данного государем всем его подданным: печатать с дозволения цензуры. В течение последних шести лет во всех журналах и альманахах, с ведома моего и без ведома, стихотворения мои печатались беспрепятственно, и никогда не было о том ни малейшего замечания ни мне, ни цензуре. Даже я, совестясь беспокоить поминутно его величество, раза два обратился к Вашему покровительству, когда цензура недоумевала, и имел счастье найти в Вас более снисходительности, нежели в ней.

Имея необходимость объяснить лично Вашему высокопревосходительству некоторые затруднения, осмеливаюсь просить Вас назначить час, когда мне можно будет явиться.

И. И. ДМИТРИЕВУ

14 февраля 1832 г. Из Петербурга в Москву

⟨...⟩ Вероятно, вы изволите уже знать, что журнал «Европеец» запрещен вследствие доноса. Киреевский, добрый и скромный Киреевский, представлен правительству сорванцом и якобинцем! Все здесь надеются, что он оправдается и что клеветники — или по крайней мере клевета — устыдится и будет изобличена. ⟨...⟩

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

18—24 февраля 1832 г. В Петербурге

По приказанию Вашего высокопревосходительства препро-
вождаю к Вам одно стихотворение, взятое от меня в альманах
и уже пропущенное цензурою.

Я остановил его печатание до Вашего разрешения.

При сем случае приемлю смелость просить у Вашего вы-
сокопревосходительства дозволения откровенно объяснить мое
положение. В 1827 году государю императору угодно было
объявить мне, что у меня, *кроме его величества, никакого
цензора не будет*. Сия неслыханная милость налагала на меня
обязанность представлять на рассмотрение его величества со-
чинения, достойные его внимания, если не по достоинству их,
то по крайней мере по их цели и содержанию. Мне всегда было
тяжело и совестно озабочивать царя стихотворными бездели-
цами, важными только для меня, ибо они доставляли мне
20 000 дохода, и одна сия необходимость заставляла меня
пользоваться правом, данным мне государем.

Ныне Ваше высокопревосходительство, приняв в уважение
сии мои, изволили приказать мне обращаться
к Вашему высокопревосходительству с теми моими стихотво-
рениями, которые я или журналисты пожелают напечатать.
Позвольте доложить Вашему высокопревосходительству, что
сие представляет разные неудобства. 1) Ваше высокопревос-
ходительство не всегда изволите пребывать в Петербурге, а
книжная *торговля*, как и всякая, имеет свои *сроки*, свои
ярманки; так что оттого, что книга будет напечатана в марте,
а не в январе, сочинитель может потерять несколько тысяч
рублей, а журналист несколько сот подписчиков. 2) Подвер-
гаясь один особой, от Вас единственно зависящей цензуре, — я,

вопреки права, данного государем, изо всех писателей буду подвержен самой стеснительной цензуре, ибо весьма простым образом — сия цензура будет смотреть на меня с предубеждением и находить везде тайные применения, allusions¹ и затруднительности — а обвинения в применениях и подражаниях не имеют ни границ, ни оправданий, если под словом *дерево* будут разуметь конституцию, а под словом *стрела* самодержавие.

Осмеливаюсь просить об одной милости: впредь иметь право с мелкими сочинениями своими относиться к обыкновенной цензуре. <...>

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

24 февраля 1832 г. В Петербурге

<...> С чувством глубочайшего благоговения принял я книгу, всемилостивейше пожалованную мне его императорским величеством. Драгоценный знак царского ко мне благоволения возбудит во мне силы для совершения предпринимаемого мною труда, и который будет ознаменован если не талантом, то по крайней мере усердием и добросовестностию.

Ободренный благосклонностию Вашего высокопревосходительства, осмеливаюсь вновь беспокоить Вас покорнейшею просьбою: о дозволении мне рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера, пользовавшегося разными редкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловым для составления его «Истории Петра Великого».

По приказанию Вашего высокопревосходительства препровождаю к Вам одно стихотворение, данное мною в альманах и пропущенное уже цензурою. Я остановил печатание оногo до разрешения Вашего высокопревосходительства. <...>

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

27 мая 1832 г. В Петербурге

Mademoiselle Kuchelbecker m'a fait demander si je ne prendrais pas sur moi d'être l'éditeur de quelques poèmes manuscrits que son frère lui a laissés. J'ai cru qu'il fallait pour cela

l'autorisation de Votre Excellence et que celle de la censure ne suffisait pas. J'ose espérer que cette permission que je sollicite ne pourra me nuire: ayant été camarade de collège de G. Kuchelbecker, il est naturel que sa sœur, en cette occasion, se soit adressée à moi plutôt qu'à tout autre.

Maintenant permettez-moi de vous importuner pour quelque chose qui m'est personnel. Jusqu'à présent j'ai beaucoup négligé mes moyens de fortune. Actuellement que je ne puis être insoyant sans manquer à mes devoirs, il faut que je songe à m'enrichir et j'en demande la permission à Sa Majesté. Mon service auquel Elle a daigné m'attacher, mes occupations littéraires m'obligent à demeurer à Pétersbourg, et je n'ai de revenu que ce que me procure mon travail. L'entreprise littéraire dont je sollicite l'autorisation et qui assurerait mon sort, serait d'être à la tête du journal dont M-r Joukovsky m'a dit vous avoir parlé.

И. В. КИРПЕВСКОМУ

11 июля 1832 г. Из Петербурга в Москву

⟨...⟩ Я прекратил переписку мою с Вами, опасаясь навлечь на Вас лишнее неудовольствие или напрасное подозрение, несмотря на мое убеждение, что уголь сажею не может замараться. Сегодня пишу Вам по оказии и буду говорить Вам откровенно. Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление; все были на Вашей стороне, то есть на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, ударил не из булгаринской навозной кучи, но из тучи. Жуковский заступился за Вас с своим горячим прямодушием; Вяземский писал к Бенкендорфу смелое, умное и убедительное письмо. Вы одни не действовали, и вы в этом случае кругом неправы. Как гражданин лишены Вы правительством одного из прав всех его подданных; Вы должны были оправдываться из уважения к себе и, смею сказать, из уважения к государю; ибо нападения его не суть нападения Полевого или Надеждина. Не знаю: поздно ли; но на Вашем месте я бы и теперь не отступился от сего оправдания; начните письмо Ваше тем, что, *долго ожидая запроса от правительства, Вы молчали до сих пор*, но etc. Ей-богу, это было бы не лишнее.

Между тем обращаю к Вам, к брату Вашему и к Языкову с сердечной просьбою. Мне разрешили на днях политическую и литературную газету. Не оставьте меня, братие! Если вы возьмете на себя труд, прочитав какую-нибудь книгу, набро-

сать об ней несколько слов в мою суму, то господь Вас не оставит. Николай Михайлович ленив, но так как у меня будет как можно менее стихов, то моя просьба не затруднит и его. Напишите мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) касательно предполагаемой газеты. Прошу у Вас советов и помощи.

Шутки в сторону. Вы напрасно полагаете, что Вы можете повредить кому бы то ни было Вашими письмами. Переписка с Вами была бы мне столь же приятна, как дружество Ваше для меня лестно. С нетерпением жду Вашего ответа — может быть, на днях буду в Москве.

М. П. ПОГОДИНУ

11 июля 1832 г. Из Петербурга в Москву

⟨...⟩ Исполнив комиссию Вашу касательно Смирдина и не получив от него удовлетворительного ответа, я все не решался писать Вам об оном. Варварство нашей литературной торговли меня бесит. Смирдин опутал сам себя разными обязательствами, накупил романов и тому под., и ни к каким условиям не приступает; трагедии нынче не раскупаются, говорит он своим техническим языком. Переждем же и мы. Мне сказывают, что Вас где-то разбранили за «Посадницу»: надеюсь, что это никакого влияния не будет иметь на Ваши труды. Вспомните, что меня лет 10 сряду хвалили бог весть за что, а разругали за «Годунова» и «Полтаву». У нас критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы. Сердиться на нее можно, но доверять ей в чем бы то ни было — непростительная слабость. Ваша «Марфа», Ваш «Петр» исполнены истинной драматической силы, и если когда-нибудь могут быть разрешены сценическою цензурой, то предрекаю Вам такой народный успех, какого мы, холодные северные зрители Скрибовых водевилей и Дидлотовых балетов, и представить себе не можем.

Знаете ли Вы, что государь разрешил мне политическую газету? Дело важное, ибо монополия Греча и Булгарина пала. Вы чувствуете, что дело без Вас не обойдется. Но журнал будучи торговым предприятием, я ни к чему приступить не дерзаю, ни к предложениям, ни к условиям, покамест порядком не осмотрюсь; не хочу продать Вам кожу медведя еще

живого, или собрать подписку на «Историю русского народа», существующую только в нелепой башке моей... Кстати: скажите Надеждину, что опрометчивость его суждений непростительна. Недавно прочел я в его журнале сравнение между мной и Полевым; *оба-де морочат публику: один выманивает у ней деньги, выдавая по одной главе своего «Онегина», а другой — по одному тому своей «Истории»*. Разница *собрать подписку, обещавшись* в год выдать 12 томов, а между тем в три года напечатать три тома на проценты с выманенных денег, и разница напечатать по главам сочинение, о котором сказано в предисловии: *вот начало стихотворения, которое, вероятно, никогда не будет кончено*. Надеждин волен находить мои стихи дурными, но сравнивать меня с плутом есть с его стороны свинство. Как после этого порядочному человеку связываться с этим народом? И что, если бы еще должны мы были уважать мнения Булгарина, Полевого, Надеждина? приходилось бы стреляться после каждого номера из журналов. Слава богу, что общее мнение (каково бы оно у нас ни было) избавляет нас от хлопот.

Я Шишкову не отвечал и не благодарил его. Обнимите его за меня. Дай бог ему здоровья за «Фортуна»! Не будете ли Вы к нам? Эй, приезжайте.

М. П. ПОГОДИНУ

Первая половина сентября 1832 г. Из Петербурга в Москву

Какую программу хотите Вы видеть? Часть политическая — официально ничтожная; часть литературная — существенно ничтожная; известие о курсе, о приезжающих и отъезжающих: вот вам и вся программа. Я хотел уничтожить монополию, и успел. Остальное мало меня интересует. Газета моя будет немного похуже «Северной пчелы». Угодать публике я не намерен; браниться с журналами хорошо раз в пять лет, и то Косичкину, а не мне. Стихотворений помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; но то проза-мякина. Одно меня задирает: хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. Сказать единожды вслух, что Lamartine скучнее Юнга, а не имеет его глубины, что Véganger не поэт, что V. Hugo не имеет жизни, то есть истины; что романы A. Vigny хуже романов Загоскина; что их журналы невежды; что их критики почти не лучше наших Теле-скоп-

ских и графских. Я в душе уверен, что 19-й век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией.

О Вашем клиенте Годунове поговорим после. На днях еду в Москву и надеюсь с Вами увидеться.

Н. Н. ПУШКИНОЙ

Около (не позднее) 30 сентября 1832 г.

Из Москвы в Петербург

⟨...⟩ На днях был я приглашен Уваровым в университет. Там встретился с Каченовским (с которым, надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке). А тут разговорились с ним так дружески, так сладко, что у всех предстоящих потекли слезы умиления. Передай это Вяземскому. ⟨...⟩

П. В. НАЩОКИНУ

2 декабря 1832 г. Из Петербурга в Москву

⟨...⟩ Честь имею тебе объявить, что первый том «Островского» кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение и под критику г. Короткого. Я написал его в две недели, но остановился по причине жестокого рюматизма, от которого протерпел другие две недели, так что не брался за перо и не мог связать две мысли в голове. Что твои мемории? Надеюсь, что ты их не бросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятнее, да и тебе легче. Незаметным образом вырастет том, а там поглядишь — и другой. Мой журнал остановился, потому что долго не приходило разрешение. Нынешний год он издаваться не будет. Я и рад. К будущему успею осмотреться и приготовиться; покамест буду жаться понемногу. ⟨...⟩

⟨...⟩ Скажи Баратынскому, что Смирдин в Москве и что я говорил с ним о изданиях «Полных стихотворений Евгения Баратынского». Я говорил о 8 и о 10 тыс., а Смирдин боялся, что Баратынский не согласится; следственно, Баратынский может с ним сделаться. Пускай он попробует. Что Вельтман? каковы его обстоятельства и что его опера? Прощай, кланяюсь твоим — целую Павла.

Е. М. ХИТРОВО

*Август — первая половина сентября или конец
октября — декабрь 1832 г. В Петербурге*

〈...〉 Comment n'avez-vous pas honte d'avoir parlé si légèrement de *Karr*. Son roman a du génie et vaut bien le mari-vaudage de votre Balzac. Adieu, belle et bonne. 〈...〉

1833

П. С. САНКОВСКОМУ

3 января 1833 г. Из Петербурга в Тифлис

〈...〉 Quant à moi, j'ai bien des grâces à vous rendre pour l'envoi du journal de Tiflis — le seul d'entre ceux de Russie qui ait une couleur originale et où se rencontrent des articles d'un intérêt véritable et Européen. Si vous voyez quelquefois A. Бестужев, faites lui bien mes amitiés. Nous nous sommes rencontrés sur le Гут-гора sans nous reconnaître et depuis je n'ai eu de ses nouvelles que par les journaux où il imprimait ses charmantes nouvelles. 〈...〉

М. П. ПОГОДИНУ

5 марта 1833 г. Из Петербурга в Москву

По секрету.

Вот в чем дело: по уговору нашему, долго собирался я улучшить время, чтоб выпросить у государя вас в сотрудники. Да все как-то не удавалось. Наконец на масленице царь заговорил как-то со мною о Петре I, и я тут же и представил ему, что трудиться мне одному над архивами невозможно, и что помощь просвещенного, умного и деятельного ученого мне необходима. Государь спросил, кого же мне надобно, и при вашем имени было нахмурился — (он смешивает вас с Полевым; извините великодушно; он литератор не весьма твердый, хоть молодец, и славный царь). Я кое-как успел вас откомендовать, а Д. Н. Блудов все поправил и объяснил, что

между вами и Полевым общего только первый слог ваших фамилий. К сему присовокупился и благосклонный отзыв Бенкендорфа. Таким образом дело слажено; и архивы вам открыты (кроме тайного). Теперь остается решить, на каком основании намерены вы приступить к делу: думаю, что вам надо требовать вашего адъютантского жалования, во все время ваших трудов — и только. А труды ваши не пропадут ни в каком отношении. Ибо всё, елико можно будет напечатать, напечатаете *вы и для себя*; это будет вам и приятно и выгодно. Сколько отдельных книг можно составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиваться? С вашей вдохновенной деятельностью, с вашей чистой добросовестностью — вы произведете такие чудеса, что мы и потомство наше будем за вас бога молить, как за Шлецера и Ломоносова.

Напишите же мне *официальное* письмо, которое мог бы я показать Блудову; и я поспешу все здесь окончить. Ожидаю вас с распростертыми объятиями.

А. И. ЧЕРНЫШЕВУ

8 марта 1833 г. В Петербурге

⟨...⟩ Доставленные мне по приказанию Вашего сиятельства из Московского отделения Инспекторского архива книги получить имел я честь. Принося Вашему сиятельству глубочайшую мою благодарность, осмеливаюсь беспокоить Вас еще одною просьбою; благосклонность и просвещенная снисходительность Вашего сиятельства совсем избаловали меня.

В бумагах касательно Пугачева, полученных мною пред сим, известия о нем доведены токмо до назначения генерала-аншефа Бибикова, но донесений сего генерала в военную коллегия, так же как и рапортов князя Голицына, Михельсона и самого Суворова — тут не находится. Если угодно будет Вашему сиятельству оные донесения и рапорты (с января 1774 по конец того же года) приказать мне доставить, то почту сие за истинное благодеяние.

А. П. ЕРМОЛОВУ

Начало апреля 1833 г. Из Петербурга в Осоргино

Собирая памятники отечественной истории, напрасно ожидал я, чтобы вышло наконец описание Ваших закавказских

подвигов. До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает всё — и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке.

Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с просьбою о деле для меня важном. Знаю, что Вы неохотно решитесь ее исполнить. Но Ваша слава принадлежит России и Вы не вправе ее утаивать. Если в праздные часы занялись Вы славными воспоминаниями и составили записки о своих войнах, то прошу Вас удостоить меня чести быть Вашим издателем. Если ж Ваше равнодушие не допустило Вас сие исполнить, то я прошу Вас дозволить мне быть Вашим историком, даровать мне краткие необходимейшие сведения, и etc.

И. Т. КАЛАШНИКОВУ

Начало апреля 1833 г. В Петербурге

Искренно благодарю Вас за письмо, коего Вы меня удостоили. Удовольствие читателей, коих уважаем, есть лучшая из всех наград.

Вы спрашиваете моего мнения о «Камчадалке». Откровенность под моим пером может показаться Вам простою учтивостию. Я хочу лучше повторить Вам мнение Крылова, великого знатока и беспристрастного ценителя истинного таланта. Прочитав «Дочь Жолобова», он мне сказал: ни одного из русских романов я не читывал с бóльшим удовольствием. «Камчадалка» верно не ниже Вашего первого произведения. Сколько я мог заметить, часть публики, которая судит о книгах не по объявлениям газет, а по собственному впечатлению, полюбила Вас и с полным радушием приняла обе Ваши пьесы. После этого не тревожьтесь мнением Полевого, он человекмышленный, обязательный и умный, но, конечно уж, не литератор. Как писатель, он не имеет никакого таланта, как критик — повторяет чужие мысли...

Романа его я не читал, но судя по его «Истории» знаю, как он должен быть ниже «Камчадалки» и «Дочери Жолобова».

Публика его любит единственно за его дерзость и потому, что глупцы с благоговением слушают человека, который смело все бранит, и думают: то-то умник! — <...>

И. И. ДМИТРИЕВУ

Конец мая — начало июня 1833 г. Из Петербурга в Москву

Милостивый государь Иван Иванович,

Имею всегда счастье пользоваться благосклонностию Вашего превосходительства, осмеливаюсь ныне обратиться к Вам со всепокорнейшею просьбою... Случай доставил в мои руки некоторые важные бумаги, касающиеся Пугачева (собственные письма Екатерины, Бибикова, Румянцова, Панина, Державина и других). Я привел их в порядок и надеюсь их издать. В Исторических записках (которые дай бог нам прочесть как можно позже) Вы говорите о Пугачеве — и, как очевидец, описали его смерть. Могу ли надеяться, что Вы, милостивый государь, не откажетесь занять место между знаменитыми людьми, коих имена и свидетельства дадут цену моему труду, и позволите поместить собственные Ваши строки в одном из любопытнейших эпизодов царствования Великой Екатерины? <...>

Н. Н. ПУШКИНОЙ

20 августа 1833 г. Из Торжка в Петербург

Милая женка, вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастью ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел все это время. Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял? досадно было бы. <...>

Н. Н. ПУШКИНОЙ

12 сентября 1833 г. Из Языкова в Петербург

Село Языково, 65 верст
от Симбирска. 12 сент.

〈...〉 Я путешествую, кажется, с пользою, но еще не на месте и ничего не написал. Я сплю и вижу приехать в Болдино и там запереться.

Из Казани написал я тебе несколько строчек — некогда было. Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue stockings¹, сорокалетней, несносной бабе с вошными зубами и с ногтями в грязи. Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести, как ни в чем не бывало. Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхвалил ее красоту и гений. Я так и ждал, что принужден буду ей написать в альбом — но бог помиловал, однако она взяла мой адрес и страшает меня перепискою и приездом в Петербург, с чем тебя и поздравляю. Муж ее умный и ученый немец, в нее влюблен и в изумлении от ее гения; однако он одолжил меня очень — и я рад, что с ним познакомился. 〈...〉

Н. Н. ПУШКИНОЙ

11 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург

〈...〉 Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины. Надеюсь, что Смирдин аккуратен. На днях пришлю ему стихов. Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: Как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнет писать! — Это слава. 〈...〉

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

30 октября 1833 г. Из Болдина в Петербург

Виноват, Ваше сиятельство! кругом виноват. Приехав в деревню, думал распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень — барская, помещичья

¹ синему чулку (англ.).

лень — так одолели меня, что не приведи боже. Не дожидайтесь Белкина; не на шутку, видно, он покойник; не бывать ему на новоселье ни в гостиной Гомозейки, ни на чердаке Панка. Недостоин он, видно, быть в их компании... А куда бы не худо до погреба-то добраться. <...>

Вы обрадовали меня известием о Жуковском. Дай бог, чтоб нынешний запас здоровья стал ему лет на пять; а там уж как-нибудь да справится.

Кланяюсь Гоголю. Что его комедия? В ней же есть зако-
рючка. <...>

А. С. НОРОВУ

10—15 ноября 1833 г. В Москве

Отсылаю тебе, любезный Норов, твоего «Стеньку»; завтра получишь *Struys*¹ и одалиску. Нет ли у тебя сочинения Вебера о России («Возрастающая Россия» или что-то подобное)? а Пердуильонис, то есть: *Stephanus Rasin Donicus Cosacus perduellis, publicae disquisitionis Iohanno Iusto Martio i Schur-tzfleisch*² <...>

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

6 декабря 1833 г. В Петербурге

<...> Осмеливаюсь препроводить Вашему сиятельству стихотворение, которое желал бы я напечатать, и при сем случае просить Вас о разрешении для меня важном. Книгопродавец Смирдин издает журнал, в коем просил меня участвовать. Я могу согласиться только в том случае, когда он возьмется мои сочинения представлять в цензуру и хлопотать об них наравне с другими писателями, участвующими в его предприятии; но без Вашего сведения я ничего не хотел сказать ему решительного.

Хотя я как можно реже старался пользоваться драгоценным мне дозволением утруждать внимание государя императора, но ныне осмеливаюсь просить на то высочайшего соиз-

¹ стрюйс (лат.).

² Степан Разин, Донской казак-бунтовщик, к публичным допросам привлеченный под председательством Шурцфлейша, при ответчике Иоганне Юсте Марции (лат.).

воления: я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко временам Пугачева, но, найдя множество материалов, я оставил вымысел и написал «Историю Пугачевщины». Осмеливаюсь просить через Ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение. Не знаю, можно ли мне будет ее напечатать, но смею надеяться, что сей исторический отрывок будет любопытен для его величества особенно в отношении тогдашних военных действий, доселе худо известных. <...>

1834

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

16 марта 1834 г. В Петербурге

Дело идет о Конверсационс Лексиконе: я это пронюхал. Соглашаюсь с Вашим сиятельством, что нынешний вечер имеет свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Греча, ибо на то получил разрешение от Плетнева, который есть воплощенная совесть. Поедем; что за беда? Ведь это будет мирская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся. А в воровскую шайку не вступим.

П. В. НАЦОКИНУ

Середина марта 1834 г. Петербург

Вот тебе другие новости: я камер-юнкер с января месяца; «Медный всадник» не пропущен — убытки и неприятности! зато Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя. Это совершенно меня утешило; тем более, что, конечно, сделал меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах — и верно не думал уж меня кольнуть. <...>

М. П. ПОГОДИНУ

*Около (не позднее) 7 апреля 1834 г.
Из Петербурга в Москву*

Радуюсь случаю поговорить с Вами откровенно. Общество Любителей поступило со мною так, что никаким образом

я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгариным, в то самое время, как он единственно был забаллотирован в Английском клубе (№3 в Петербургском), как шпион, переметчик и клеветник, в то самое время, как я в ответ на его ругательства принужден был напечатать статью о Видоке; мне нужно было доказать публике, которая вправе была удивляться моему долготерпению, что я имею полное право презирать мнение Булгарина и не требовать удовлетворения от ошельмованного негодея, толкующего о чести и нравственности. И что же? В то самое время читаю в газете Шаликова: *Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея* нашей словесности, удостоены etc. etc. Воля Ваша: это пощечина. Верю, что Общество, в этом случае, поступило, как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня.

Я всякому, ты знаешь, рад.

Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом; я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов, но уж иметь сношения с Обществом Любителей я не в состоянии.

Вы спрашиваете меня о «Медном всаднике», о Пугачеве и о Петре. Первый не будет напечатан. Пугачев выйдет к осени. К Петру приступаю со страхом и трепетом, как Вы к исторической кафедре. Вообще пишу много про себя, а печатаю поневоле и единственно для денег: охота являться перед публикою, которая Вас не понимает, чтоб четыре дурака ругали Вас потом шесть месяцев в своих журналах только что не по-матерну. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок. Быть так.

А. В. НИКИТЕНКЕ

Около (не позднее) 9 апреля 1834 г. В Петербурге

Могу ли я надеяться на Вашу благосклонность? Я издаю «Повести Белкина» вторым тиснением, присовокупя к ним «Пиковую даму» и несколько других уже напечатанных пьес. Нельзя ли Вам все это пропустить? Крайне меня обяжете.

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ

Первая половина апреля 1834 г. Из Петербурга в Тверь

С живейшей благодарностью получил я письмо Ваше 30 марта и рукопись о Пугачеве. Рукопись была уже мне известна, она сочинена академиком Рычковым, находившимся в Оренбурге во время осады. В Вашем списке я нашел некоторые любопытные прибавления, которыми непременно воспользуюсь.

Несколько раз проезжая через Тверь, я всегда желал случая Вам представиться и благодарить Вас, во-первых, за то истинное наслаждение, которое доставили Вы мне Вашим первым романом, а во-вторых, и за внимание, которого Вы меня удостоили. <...>

<...> С нетерпением ожидаем нового Вашего творения, из коего прекрасный отрывок читал я в альманахе Максимо-вича. Скоро ли он выйдет? и как Вы думаете его выдать — ради бога, не по частям. Эти рассрочки выводят из терпения многочисленных Ваших читателей и почитателей. <...>

Н. Н. ПУШКИНОЙ

20 и 22 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву

<...> Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей; первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не переце-голяет, а плетью обуха не перешибет. <...>

А. Н. МОРДВИНОВУ

26 мая 1834 г. В Петербурге

Осмеливаюсь беспокоить Ваше превосходительство покорнейшей просьбой о позволении мне перепечатать в одну книгу сочинения мои в прозе, донные изданные; также и о позволении доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляр всех моих сочинений. <...>

Н. Н. ПУШКИНОЙ

*Около (не позднее) 29 мая 1834 г.
Из Петербурга в Полотняный завод*

<...> Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о «Петре»? идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок. <...>

Д. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ

3 июня 1834 г. Из Петербурга в Москву

Не знаю, как Вас благодарить за доставление бумаг, касающихся Пугачева. Несмотря на то, что я имел уже в руках множество драгоценных матерьялов, я тут нашел неизвестные, любопытные подробности, которыми непременно воспользуюсь. Смирдину отдал я Вашу прекрасную статью о Панине. Он взял ее к себе с благодарностию. Не согласитесь ли Вы участвовать в его журнале и на каких условиях?

Вы, вероятно, изволили слышать о торговом и литературном предприятии Плюшара, о русском Conversations Lexicon¹: великое множество биографических статей, Вами заготовленных, могли бы войти в состав этого Лексикона. Не войдете ли Вы в сношение с Плюшаром? В таком случае прошу Вас выбрать меня в свои поверенные, а мы рады стараться. <...>

¹ Энциклопедическом словаре (нем.).

Н. Н. ПУШКИНОЙ

8 июня 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод

Милый мой ангел! я было написал тебе письмо на четырех страницах, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое. У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе все, что придет на сердце. Ты говоришь о Болдине. Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком ниже у господ бога. Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни. <...>

В. А. ЖУКОВСКОМУ

6 июля 1834 г. Из Петербурга в Царское Село

Я, право, сам не понимаю, что со мною делается. Идти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие — какое тут преступление? какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку и прошу оставить меня в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем? <...>

Д. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ

26 января 1835 г. Из Петербурга в Москву

С благодарностию отсылаю к Вам статьи, коими по Вашему благорасположению ко мне пользовался я при составлении моей «Истории». При них препровождаю и экземпляр «Истории» самой. Мнение Ваше о ней, во всяком случае, мне драгоценно: похвала от настоящего историка, а не поверхностного рассказчика или переписчика, будет лестна для меня; а из укоризны научуся (чего, знаете Вы сами, не дождуся от записных наших критиков).

Прошу Вас взять на себя труд исправить две ошибки, справедливо замеченные в «Сыне отечества»: На стран. 129 был уже в 15 верстах, должно читать в 50. И в примечании к пятой главе (16) вместо *Тобольск, Табинск*. <...>

И. И. ДМИТРИЕВУ

14 февраля 1835 г. Из Петербурга в Москву

Милостивый государь Иван Иванович, молодой Карамзин показывал мне письмо вашего высокопревосходительства, в котором укоряете вы меня в невежливости непростительной. Спешу оправдаться: я до сих пор не доставил вам своей дани, потому что поминутно поджидал портрет Емельяна Ивановича, который гравировается в Париже; я хотел поднести вам книгу свою во всей исправности. Не исполнить того было бы с моей стороны не только скупостию, но и неблагодарностию: хроника моя обязана вам яркой и живой страницей, за которую много будет мне прощено самыми строгими читателями.

Вы смеетесь над нашим поколением и, конечно, имеете на то полное право. Не стану заступаться за историков и стихотворцев моего времени; те и другие имели в старину, первые менее шарлатанства и более учености и трудолюбия, вторые более искренности и душевной теплоты. Что касается до выгод денежных, то позвольте заметить, что Карамзин первый у нас показал пример больших оборотов в торговле литературой.

Не знаю, занимает ли вас участь нашей академии, которая недавно лишилась своего секретаря, умершего на щите, то есть на последнем корректурном листе своего словаря. Неизвестно, кто будет его преемником. Святое место пусто не будет; но место неперменного секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современник ваш, о котором изволите упоминать в письме к Андрею Николаевичу Карамзину, слава богу, здравствует и продолжает посещать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академию по субботам. В лавке забирает он свои сочинения, все еще не распроданные, и раздает их в академии своим сочленам с трогательным бескорыстием. <...>

И. И. ДМИТРИЕВУ

26 апреля 1835 г. Из Петербурга в Москву

Милостивый государь Иван Иванович, приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утешительное ободрение моему историческому отрывку. Его побранивают, и поделом: я писал его для себя, не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я все это отбросил в примечания. Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону.

Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. Улисс Лобанов и Аякс Федоров спорят об оружии Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мере, издателю Нестора). Вы пророк в отечестве своем.

На академии наши нашел черный год: едва в Российской почил Соколов, как в академии наук явился вице-президентом Дондуков-Корсаков. Уваров фокусник, а Дондуков-Корсаков его паяс. Кто-то сказал, что куда один, туда и другой: один кувыркается на канате, а другой под ним на полу. <...>

М. П. ПОГОДИНУ

Начало мая 1835 г. Из Петербурга в Москву

Сейчас получил я последнюю книжку «Библиотеки для чтения» и увидел там какую-то повесть с подписью *Белкин* — и встретил Ваше имя. Как я читать ее не буду, то спешу Вам объявить, что этот Белкин не мой Белкин и что за его нелепость я не отвечаю. (<...>)

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

*Апрель — май 1835 г. В Петербурге
(Черновое)*

J'ose soumettre à la décision de Votre Excellence.

En 1832 Sa Majesté a daigné m'accorder la permission d'être l'éditeur d'un journal politique et littéraire.

Ce métier n'est pas le mien et me répugne sous bien des rapports, mais les circonstances m'obligent d'avoir recours à un moyen dont jusqu'à présent j'ai cru pouvoir me passer. Je demeure à Pétersbourg où grâce à Sa Majesté je puis me livrer à des occupations plus importantes et plus à mon goût, mais la vie que j'y mène entraînant à des dépenses, et les affaires de famille étant très dérangées, je me vois dans la nécessité soit de quitter des travaux historiques qui me sont devenus chers, soit d'avoir recours aux bontés de l'empereur auxquelles je n'ai d'autres droits que les bienfaits dont il m'a déjà accablé.

Un journal m'offre le moyen de demeurer à Pétersbourg et de faire face à des engagements sacrés. Je voudrais donc être l'éditeur d'une gazette en tout pareille à la «Северная пчела» et quant aux articles purement littéraires (comme critiques de longue haleine, contes, nouvelles, poèmes, etc.), qui ne peuvent trouver place dans un feuilleton, je voudrais les publier à part (un volume tous les 3 mois dans le genre des *Reviés Anglaises*).

Je Vous demande pardon, mais je suis obligé de tout vous dire. J'ai eu le malheur de m'attirer l'inimitié de M-r le ministre de l'Instruction publique, ainsi que celle de M-r le prince Dondoukof, né Korsakof. Déjà tous les deux me l'ont fait sentir d'une manière assez désagréable. En entrant dans une carrière, où je vais dépendre d'eux je serai perdu sans votre protection immédiate. J'ose donc vous supplier d'accorder à mon journal un censeur tiré de votre chancellerie; cela m'est d'autant plus indispensable que

mon journal devant paraître en même temps que la «Северная пчела», je dois avoir le temps de traduire les mêmes articles sous peine d'être obligé de réimprimer le lendemain les nouvelles publiés la veille, ce qui suffirait déjà pour ruiner toute l'entreprise. <...>

В. А. ДУРОВУ

16 июня 1835 г. Из Петербурга в Елабугу

Искренне обрадовался я, получа письмо Ваше, напомнившее мне старое, любезное знакомство, и спешу Вам отвечать. Если автор «Записок» согласится поручить их мне, то с охотой берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление. Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему. <...>

А. А. КРАЕВСКОМУ

18 июня 1835 г. В Петербурге

Не написал я ничего братии московской. Но сделайте милость: поправьте предпоследний стих в «Туче».

И ветер, лаская листочки древес

656. Г. НОРДИНУ

Май — июнь 1835 г. (?) В Петербурге

Veillez, monsieur, recevoir mes très sincères remerciements pour votre aimable contrebande. Me pardonneriez-vous de vous importuner encore?

Il me serait bien nécessaire d'avoir l'ouvrage *sur l'Allemagne* de ce mauvais sujet de Heine.

Oserai-je espérer que vous aurez la bonté de la faire prendre aussi? <...>

Н. Н. ПУШКИНОЙ

25 сентября 1835 г. Из Тригорского в Петербург

<...>Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верхом, читаю романы Вальтер Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе. <...>

Н. Н. ПУШКИНОЙ

29 сентября 1835 г. Из Михайловского в Петербург

<...>Государь обещал мне *Газету*, а там запретил; заставляет меня жить в Петербурге, а не дает мне способов жить моими трудами. Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые и не вижу ничего в будущем. <...>

П. А. ПЛЕТНЕВУ

*Около (не позднее) 11 октября 1835 г.
Из Михайловского в Петербург*

Очень обрадовался я, получив от тебя письмо (дельное по твоему обычаю). Постараюсь отвечать по пунктам и обстоятельно: ты получил «Путешествие» от цензуры; но что решил комитет на мое всеуниженное прошение? Ужели залягает меня осленок Никитенко и забодает бык Дундук? Впрочем, они от меня так легко не отделаются. Спасибо, великое спасибо Гоголю за его «Коляску», в ней альманах далеко может уехать; но мое мнение: даром «Коляски» не брать; а установить ей цену; Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовем его «Арион» или «Орион»; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему, Лангера заставь также нарисовать виньетку без смысла. Были бы цветочки, да лиры, да чаши, да плющ, как на квартире Александра Ивановича в комедии Гоголя. Это будет очень

натурально. В ноябре я бы рад явиться к вам; тем более, что такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен. Ты дурно делаешь, что становишься нерешителен. Я всегда находил, что всё, тобою придуманное, мне удавалось. Начнем альманах с «Путешествия», присылай мне корректуру, а я перешлю тебе стихов. Кто будет наш цензор? Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; но нельзя ль (разумеется, из-за угла и тихонько, например, в «Московском наблюдателе») объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима? Это бы, право, было не худо.〈...〉

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

Около (не ранее) 23 октября 1835 г. В Петербурге

Обращаюсь к Вашему сиятельству с жалобой и покорнейшею просьбою.

По случаю затруднения цензуры в пропуске издания одного из моих стихотворений принужден я был во время Вашего отсутствия обратиться в Цензурный комитет с просьбой о разрешении встретившегося недоразумения. Но Комитет не удостоил просьбу мою ответом. Не знаю, чем мог я заслужить такое небрежение — но ни один из русских писателей не притеснен более моего. Сочинения мои, одобренные государем, остановлены при их появлении — печатаются с своевольными поправками цензора, жалобы мои оставлены без внимания. Я не смею печатать мои сочинения — ибо не смею...〈...〉

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВУ

3 ноября 1835 г. Из Петербурга в Москву

Во-первых, должен я просить у вас прощения за медленность и неисправность свою. Портрет Пугачева получил месяц тому назад, и, возвратясь из деревни, узнал я, что до сих пор экземпляр его «Истории» вам не доставлен. Возвращаю вам рукопись Рычкова, коей пользовался я по вашей благоклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить вас теперь за прекрасные романы, которые все мы прочли с такою жадно-

стию и с таким наслаждением. Может быть, в художественном отношении «Ледяной дом» и выше «Последнего Новика», но истина историческая в нем не соблюдена, и это со временем, когда дело Волынского будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию; но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык. За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить. Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лице мученика. Его донесение Академии трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя. О Бироне можно бы также потолковать. Он имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем, он имел великий ум и великие таланты.

Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешения для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово *хобот* в последнем вашем творении и по какому наречию?〈...〉

П. А. ОСИПОВОЙ

26 декабря 1835 г. Из Петербурга во Псков

〈...〉L'Empereur vient d'accorder la grâce de la plupart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекер. По указу должен он быть поселен в южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je le voudrais savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de M-me Glinka, sa sœur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.〈...〉

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

31 декабря 1835 г. В Петербурге

Имею счастье повергнуть на рассмотрение его величества записки бригадира Моро де Бразе о походе 1711 года, с моими примечаниями и предисловием. Эти записки любопытны и дельны. Они важный исторический документ и едва ли не единственный (опричь журнала самого Петра Великого).

Осмеливаюсь беспокоить Ваше сиятельство покорнейшею

просьбою. Я желал бы в следующем, 1836 году издать четыре тома статей чисто литературных (как-то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности, наподобие английских трехмесячных *Reviews*¹. Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой *Review* доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новым благодеянием государя. <...>

1836

А. Х. БЕНКЕНДОРФУ

*Вторая половина января — начало февраля 1836 г.
Петербург*

Je vous supplie de me pardonner mon importunité, mais comme je n'ai pu hier me justifier devant le ministre —

Mon ode a été envoyée à Moscou sans aucune explication. Mes amis n'en avaient aucune connaissance. Toute espèce d'allusion en est soigneusement éloignée. La partie satyrique porte sur la vile avidité d'un héritier, qui au moment de la maladie de son parent fait déjà mettre les scellés sur les effets qu'il convoite. J'avoue qu'une anecdote pareille avait été répandue et que j'ai recueilli une expression poétique échappée à ce sujet.

Il est impossible d'écrire une ode satyrique sans que la malignité n'y trouve tout de suite une alusion. Derjavine dans son «Вельможа» peignit un sybarite plongé dans la volupté sourd au cris du peuple, qui s'écrie

Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки.

On applica ces vers à Potemkine et à d'autres — cependant toutes ces déclamations étaient des lieux communs — qui avaient été répété mille fois. C'est-à-dire dans la satire des vices les plus bas et les plus communs peints...

Au fond c'étaient des vices de grand seigneur et je ne puis savoir jusqu'à quel point Derjavine était innocent de toute personnalité.

¹ Обозрений (англ.).

Le public dans le portrait d'un vil avare, d'un drôle qui vole le bois de la couronne, qui présente à sa femme des comptes infidèles, d'un plat-pied qui devient bonne d'enfants chez les grands seigneurs, etc. — a, dit-on, reconnu un grand seigneur, un homme riche, un homme honoré d'une charge importante.

Tant pis pour le public — il me suffit à moi de n'avoir pas (non seulement nommé) ni même insinué à qui que ce soit que mon ode...

je demande seulement qu'on me prouve que je l'ai nommé — quel est le trait de mon ode qui puisse lui être appliqué ou bien — que j'ai insinué.

Tout cela est bien vague; toutes ces accusations sont des lieux communs.

Il m'importe peu que le public ait tort ou raison. Ce qui m'importe beaucoup c'est de prouver que jamais en aucune manière je n'ai *insinué* à personne que mon ode était dirigée contre qui que ce soit. <...>

А. А. ФУКС

20 февраля 1836 г. Из Петербурга в Казань

Я столько перед Вами виноват, что не осмеливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я из деревни и нашел у себя письмо, коим изволили меня удостоить. Не понимаю, каким образом мой бродяга Емельян Пугачев не дошел до Казани, место для него памятное: видно, шатался по сторонам и загулялся по своей привычке. Теперь граф Апраксин снисходительно взялся доставить к Вам мою книгу. При сем позвольте мне, милостивая государыня, препроводить к Вам и билет на получение «Современника», мною издаваемого. Смею ли надеяться, что Вы украсите его когда-нибудь произведениями пера Вашего? <...>

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Февраль — начало марта 1836 г. В Петербурге

Я не очень здоров — и занят. Если вы сделаете мне милость ко мне пожаловать с г. Сахаровым, то очень меня обяжете. Жду вас с нетерпением.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Февраль — начало марта 1836 г. В Петербурге

Объявление готов поместить какое будет лишь вам по сердцу. Для 1 № «Современника» думаю взять «Загадки»; о мифологии еще не читал. На днях возвращу вам рукопись. <...>

В. Д. СУХОРУКОВУ

14 марта (?) 1836 г. Из Петербурга в Пятигорск

<...> Вы знаете, что я сделался журналистом (это напоминает мне, что я не послал вам «Современника»; извините, — постараюсь загладить мою вину). Итак, сделавшись собратом Булгарину и Полевому, обращаюсь к вам с удивительным бесстыдством и прошу у вас *статей*. В самом деле, пришлите-ка мне что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений. В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение. Между тем и о цене (денежной) не худо поговорить. За лист печатный я плачу по 200 руб. — Не войдем ли мы и в торговые сношения. <...>

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

*Конец февраля — первая половина марта 1836 г.
В Петербурге*

<...> Корректуру «Путешествия» прикажите, однако, присылать ко мне. Тут много ошибок в рукописи. Что ваша повесть «Зизи»? Это славная вещь.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Около (не ранее) 17 марта 1836 г. В Петербурге

Ура! наша взяла. Статья Козловского прошла благополучно; сейчас начинаю ее печатать. Но бедный Тургенев!.. все политические комеражы его остановлены. Даже имя Фиески и всех министров вымараны; остаются одни православные

буквы наших русских католичек да дипломаток. Однако я хочу обратиться к Бенкендорфу — не заступится ли он? Ты мне говорил о своих стихах к Потоцкой: получил ли ты их? по крайней мере не вспомнишь ли их? <...>

В. А. ДУРОВУ

17 и 27 марта 1836 г. Из Петербурга в Елабугу

Очень благодарю Вас за присылку записок и за доверенность, Вами мне оказанную. Вот мои предположения: I) Я издаю журнал: во второй книжке одного (т. е. в июле месяце) напечатаю я «Записки о 12 годе» (все или часть их) и тотчас перешлю Вам деньги по 200 р. за лист печатный. II) Дождавшись других записок брата Вашего, я думаю соединить с ними и Записки о 12 годе: таким образом книжка будет толще и, следственно, дороже.

Полные «Записки», вероятно, пойдут успешно после того, как я о них протрублю в своем журнале. Я готов их и купить, и напечатать в пользу автора — как ему будет угодно и выгоднее. Во всяком случае будьте уверены, что приложу всё возможное старание об успехе общего дела. <...>

<...> Сейчас прочел переписанные «Записки»: прелесть! живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Начало апреля 1836 г. В Петербурге

У меня в 1 № не будет ни одной строчки вашего пера. Грустно мне; но времени нам не достало — а за меня приятели мои дали перед публикой обет выдать «Современник» на Фоминой. <...>

М. П. ПОГОДИНУ

14 апреля 1836 г. Из Михайловского в Москву

Милостивый государь
Михайло Петрович,

Пишу к Вам из деревни, куда заехал вследствие печальных обстоятельств. Журнал мой вышел без меня, и вероятно Вы его

уж получили. Статья о Ваших афоризмах писана не мною, и я не имел ни времени, ни духа ее порядочно рассмотреть. Не сердитесь на меня, если Вы ею недовольны. Не войдете ли Вы со мною в сношения литературные и торговые? В таком случае прошу от Вас объявить без обиняков Ваши требования. Если увидите Надеждина, благодарите его от меня за «Телескоп». Пошлю ему «Современник». Сегодня еду в Петербург. А в Москву буду в мае — порыться в архиве и свидеться с Вами.

Н. М. ЯЗЫКОВУ

14 апреля 1836 г. Из Голубова в Языково

〈...〉 Вы получите мой «Современник»; желаю, чтоб он заслужил Ваше одобрение. Из статей критических моя одна: о Кониском. Будьте моим сотрудником непременно. Ваши стихи: вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили «Современника». Опрысните его Вашими кипучими каплями. Послание к Давыдову — прелесть! Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон, но после Ваших стихов опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии. Прощайте — пишите мне, да кстати уж напишите и к Вяземскому ответ на его послание, напечатанное в «Новоселье» (помнится) и о котором Вы и слова ему не молвили. 〈...〉

Пришлите мне, ради бога, *стих об Алексее божием человеке* и еще какую-нибудь легенду. *Нужно.*

Н. Н. ПУШКИНОЙ

6 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург

〈...〉 Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть «Ревизора». Без него актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и *грязна* (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны я то же ему советую: не надобно, чтоб «Ревизор» упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в Петербурге. При сем *пакет* к Плетневу для «Современника»; коли цензор Крылов не пропустит, отдать в комитет и, ради бога, напечатать в 2 №. 〈...〉

Н. Н. ПУШКИНОЙ

11 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург

⟨...⟩ Благодарю и Одоевского за его типографические хлопоты. Скажи ему, чтоб он печатал как вздумает — порядок ничего не значит. Что записки Дуровой? пропущены ли цензурою? они мне необходимы — без них я пропал. Ты пишешь о статье *гольцовской*. Что такое? кольцовской или гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова рассмотреть. ⟨...⟩

Н. Н. ПУШКИНОЙ

14 и 16 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург

⟨...⟩ С литературой московскою кокетничаю как умею, но Наблюдатели меня не жалуют. Любит меня один Нащокин. Но тинтере мой соперник, и меня приносят ему в жертву. Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. Признайся: так ли и со мною? право, боюсь. Баратынский, однако ж, очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу. ⟨...⟩

Н. Н. ПУШКИНОЙ

18 мая 1836 г. Из Москвы в Петербург

⟨...⟩ Брюллов сейчас от меня. Едет в Петербург скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры и мне говорили: *vous avez trompé*¹ и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать. ⟨...⟩

¹ вы не оправдали (франц.).

П. В. НАЩОКИНУ

27 мая 1836 г. Из Петербурга в Москву

Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Наталья Николаевна благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай бог не сглазить, всё идет хорошо. Теперь поговорим о деле. Я оставил у тебя два порожних экземпляра «Современника». Один отдай князю Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей, №) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидаться. *Во-вторых*, я забыл взять с собою твои «Записки»; перешли их, сделай милость, поскорее. <...>

Второй № «Современника» очень хорош, и ты скажешь мне за него спасибо. Я сам начинаю его любить и, вероятно, займусь им деятельно. <...>

Д. В. ДАВЫДОВУ

20-е числа мая 1836 г. Из Петербурга в Москву

Я сейчас из Москвы —

Статью о Дрездене не могу тебе прислать прежде, нежели ее не напечатают, ибо она есть цензурный документ. Успеешь наглядеться на ее благородные раны.

Покамест благодарю за позволение напечатать ее и в настоящем ее виде. — А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № «Современника», который будет весь полон Наполеоном? куда бы кстати тут же было заколотить у подножия Вандомской колонны генерала Винценгероде как жертву примирительную! — я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый; бог с ним, чёрт его поberi.

Вяземский советует мне напечатать «Твои очи» без твоего позволения. Я бы рад, да как-то боюсь. Как думаешь — ведь можно бы — без имени?..

От Языкова жду писем.

А. А. КРАЕВСКОМУ

6 июня 1836 г. В Петербурге

В статье Вяземского о Юлии Кесаре и Наполеоне есть ошибки противу языка в собственных именах. Например: Тарквин вместо Тарквиний, парфы вместо парфяне, Тиверий вместо Тиберий — и другие. Исправьте, сделайте милость, если заметите.

Н. А. ДУРОВОЙ

Около 10 июня 1836 г. Из Петербурга в Елабугу

Вот начало Ваших записок. Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение мое, искренное и бескорыстное — оставить как есть. «Записки амазонки» как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. «Записки Н. А. Дуровой» — просто, искренне и благородно. Будьте смелы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое Вас прославило. Полумеры никуда не годятся. <...>

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

*Конец мая — первая половина июня 1836 г.
В Петербурге*

Поздравляю с благополучным возвращением из-под цензуры. Посылаю «Фонвизина». Послания Хвостова не имею, да и не выдывал. Знаешь ли ты, что Фонвизин написал феологический памфлет: «Аввакум Скитник»?

А. А. КРАЕВСКОМУ

18 июня 1836 г. В Петербурге

Я разрешил типографии печатать «Париж» прежде последних двух статей: «О Ревизоре» и «О новых книгах», ибо «Париж», благо, готов: а те еще не переписаны и в тисках у Крылова не бывали. <...>

Н. А. ДУРОВОЙ

Около (не ранее) 25 июня 1836 г. Из Петербурга в Елабугу

Очень вас благодарю за ваше откровенное и решительное письмо. Оно очень мило, потому что носит верный отпечаток вашего пылкого и нетерпеливого характера. Буду отвечать вам *по пунктам*, как говорят подьячие.

1) Записки ваши еще переписываются. Я должен был их отдать только такому человеку, в котором мог быть уверен. Оттого дело и замешкалось.

2) Государю угодно было быть моим цензором: это правда; но я не имею права подвергать его рассмотрению произведения *чужие*. Вы, конечно, будете исключением, но для сего нужен предлог, и о том-то хотелось мне с вами поговорить, дабы скоростью не перепортить дела.

3) Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вам еще чуждое. Хлопоты сочинителя вам непонятны. Издать книгу нельзя в одну неделю; на то требуется по крайней мере месяца два. Должно рукопись переписать, представить в цензуру, обратиться в типографию и проч., и проч.

4) Вы пишете мне: *действуйте или дайте мне действовать*. Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну. Это не может и не должно мешать вам действовать с вашей стороны. Моя цель — доставить вам как можно более выгоды и не оставить вас в жертву корыстолюбивым и неисправным книгопродавцам.

5) Ехать к государю на маневры мне невозможно по многим причинам. Я даже думал обратиться к нему в *крайнем случае*, если цензура не пропустит ваших записок. Это объясню я вам, когда буду иметь счастье вас увидеть лично.

Остальные 500 рублей буду иметь вам честь доставить к 1-му июлю. У меня обыкновенно (как и у всех журналистов) платеж производится только по появлении в свет купленной статьи.

Я знаю человека, который охотно купил бы ваши записки; но, вероятно, его условия будут выгоднее для него, чем для вас. Во всяком случае, продадите ли вы их или будете печатать от себя, все хлопоты издания, корректуры и проч. извольте возложить на меня. Будьте уверены в моей преданности и ради бога не спешите осуждать мое усердие.

А. А. КРАЕВСКОМУ

Вторая половина июня 1836 г. В Петербурге

Муравьев заметил важную ошибку в своей сцене: целый стих выпущен —

Кто за великого магистра?

Князь Возмунд: Я! (стр. 103—)

Что нам делать? перепечатать ли страницу или поместить в *Errata*¹? <...>

А. Л. КРЫЛОВУ

Первая половина августа 1836 г. В Петербурге

Пушкин покорнейше просит Александра Лукича представить сию статью куда следует для разрешения.

А. А. КРАЕВСКОМУ

Июль — август 1836 г. В Петербурге

Сейчас отправлюсь в цензуру — думаю мои статьи переслать к князю Корсакову — до свидания.

Д. В. ДАВЫДОВУ

Август 1836 г. Из Петербурга в Мазу

Ты думал, что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала красных чернил. Право, кажется, военные цензоры марают для того, чтоб доказать, что они читают.

Тяжело, нечего сказать. И с одною цензурою напляшешься; каково же зависеть от целых четырех? Не знаю, чем провинились русские писатели, которые не только смирны, но даже сами от себя согласны с духом правительства. Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче: даже и в по-

¹ Опечатки (лат.).

следнее пятилетие царствования покойного императора, когда вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову.

Цензура дело земское; от нее отделили опричину — а опричники руководствуются не уставом, а своим крайним разумением.

П. А. КОРСАКОВУ

Около (не позднее) 27 сентября 1836 г. В Петербурге

Некогда, при первых моих шагах на поприще литературы, Вы подали мне дружескую руку. Ныне осмеливаюсь прибегнуть снова к Вашему снисходительному покровительству.

Вы один у нас умели сочетать щекотливую должность цензора с чувством литератора (лучших, не нынешних времен). Знаю, как Вы обременены занятиями: мне совестно Вас утруждать; но к Вам одному можем мы прибегать с полной доверенностью и с искренним уважением к Вашему окончательному решению. Пеняйте ж сами на себя.

Осмеливаясь препроводить на разрешение к Вам первую половину моего романа, прошу Вас сохранить тайну моего имени. <...>

Н. И. ГРЕЧУ

13 октября 1836 г. В Петербурге

Искренне благодарю Вас за доброе слово о моем «Полководце». Стоическое лицо Баркляя есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства; но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения. <...>

П. А. КОРСАКОВУ

25 октября 1836 г. В Петербурге

Спешу отвечать на вопросы Ваши. Имя девицы Мироновой вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему

долгу и перешедших в шайки пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги. Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины. О настоящем имени автора я бы просил Вас не упоминать, а объявить, что рукопись доставлена через П. А. Плетнева, которого я уже предупредил. <...>

Н. Б. ГОЛИЦЫНУ

10 ноября 1836 г. Из Петербурга в Артек

Merci mille fois, cher Prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers, lancée contre les ennemis de notre pays. J'en avais déjà vu trois, dont une d'un puissant personnage *de mes amis*, et aucune ne vaut la vôtre. Que ne traduisites-vous pas cette pièce en temps opportun, je l'aurais fait passer en France pour donner sur le nez à tous ces vociférateurs de la Chambre des députés.

Que je vous envie votre beau climat de Crimée: votre lettre a réveillé en moi bien des souvenirs di tout genre. C'est le berceau de mon «Онегин», et vous aurez sûrement reconnu certains personnages.

Vous m'annoncez une traduction en vers de mon «Бахчисарайский фонтан». Je suis sûr qu'elle vous réussira comme tout ce qui sort de votre plume, quoique le genre de littérature auquel vous vous adonnez soit le plus difficile et le plus ingrat que je connaisse. A mon avis rien n'est plus difficile que de traduire des vers russes en vers français, car vu la concision de notre langue, on ne peut jamais être aussi bref. Honneur donc à celui qui s'en acquitte aussi bien que vous.<...>

А. Г. БАРАНТУ

16 декабря 1836 г. В Петербурге

Monsieur le Baron,

Je m'empresse de faire parvenir à Votre Excellence les renseignements que vous avez désiré avoir touchant les règlements qui traitent de la propriété littéraire en Russie.

La littérature n'est devenue chez nous une branche considérable d'industrie que depuis une vingtaine d'années environ. Jusque là elle n'était regardée que comme une occupation élégante

et aristocratique. M-me de Staël disait en 1811: *en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature* (10 ans d'Exil). Personne ne songeant à retirer d'autre fruit de ses ouvrages que des triomphes de société, les auteurs encourageaient eux-mêmes la contrefaçon et en tiraient vanité, tandis que nos académies donnaient l'exemple du délit en toute conscience et sécurité. La première plainte en contrefaçon a été portée en 1824. Il se trouva que le cas n'avait pas été prévu par le législateur. La propriété littéraire a été reconnue en Russie par le souverain actuel. Voici les propres termes de la loi:

Tout auteur ou traducteur d'un livre a le droit de l'éditer et de le vendre comme propriété acquise (non héréditaire).

Ses héritiers légitimes ont le droit d'éditer et de vendre ses ouvrages (dans le cas que la propriété n'en soit pas aliénée) pendant l'espace de 25 ans.

25 ans passés, à dater du jour de sa mort, ses œuvres et traductions deviennent la propriété du public. *Loi du 22 avril 1828.*

L'amendement du 28 avril de la même année explique et complète ces règlements. En voici les principaux articles.

Une œuvre littéraire soit imprimée, soit manuscrite ne saurait être vendue ni du vivant de l'auteur ni après sa mort pour satisfaire ses créanciers, à moins qu'il ne l'ait exigé lui-même.

L'auteur a le droit, nonobstant tout engagement antérieur, de faire une nouvelle édition de son ouvrage si les deux tiers en sont changés ou bien entièrement refondus.

Sera regardé comme contre-facteur 1) celui qui en réimprimant un livre n'aurait pas observé les formalités voulues par la loi, 2) celui qui vendrait un manuscrit ou le droit de l'imprimer à deux ou plusieurs personnes à la fois, sans en avoir eu le consentement, 3) *celui qui peblierait la traduction d'un ouvrage imprimé en Russie (ou bien avec l'approbation de la censure russe) en y joignant le texte même, 4) qui réimprimerait dans l'étranger un ouvrage publié en Russie, ou bien avec l'approbation de la censure russe, et en vendrait les exemplaires en Russie.*

Ces règlements sont loin de résoudre toutes les questions qui pourront se présenter à l'avenir. La loi ne stipule rien sur les œuvres posthumes. Les héritiers légitimes devraient en avoir la propriété entière avec tous les privilèges de l'auteur lui-même. L'auteur d'un ouvrage pseudonyme ou bien attribué à un écrivain connu, perd-il son droit de propriété et quelle est la règle à suivre en cette occasion? la loi n'en dit rien.

La contrefaçon des livres étrangers n'est pas défendue et ne

сaurait l'être. Les libraires russes auront toujours beaucoup à gagner, en réimprimant les livres étrangers, dont le débit leur sera toujours assuré, même sans exportation; au lieu que l'étranger ne saurait réimprimer des ouvrages russes faute de lecteurs.

La prescription pour le délit de contrefaçon est fixé à deux ans.

La question de la propriété littéraire est très simplifiée en Russie où personne ne peut présenter son manuscrit à la censure sans en nommer l'auteur et sans le mettre par cela même sous la protection immédiate du gouvernement.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Около (не позднее) 29 декабря 1836 г. В Петербурге

Так же зло, как и дельно. Думаю, что цензура, однако ж, не всё уничтожит — на всякий случай спрос не беда. Не увидимся ли в Академии наук, где заседает князь Дундук?

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Вторая половина 1835 г.— 1836 г. В Петербурге

Араб (женского рода не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. *Караван* был разграблен степными арабами.

Арап, женск. арапка, так обыкновенно называют негров и мулатов. *Дворцовые арапы*, негры, служащие во дворце. Он выезжает с тремя нарядами арапами.

Арапник, от польского *Herapnik* (de *harap*, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie *Reiff*.) №: *harap* vient de *Herab*¹.

А право, не худо бы взяться за лексикон или хоть за критику лексиконов.

¹ (от *harap* возглас охотника, чтобы отнять у собак добычу. *Рейф*). № *harap* происходит от *Herab** (франц. и нем.).

* вниз (нем.).

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Конец ноября — декабрь 1836 г. В Петербурге

Конечно, «Княжна Зизи» имеет более истины и занимательности, нежели «Сильфида». Но всякое даяние Ваше благо. Кажется, письмо тестя холодно и слишком незначительно. Зато в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?) — оно показалось мне невразумительно. Во всяком случае «Сильфиду» ли, «Княжну» ли, но оканчивайте и высылайте. Без Вас пропал «Современник».

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Конец ноября — декабрь 1836 г. В Петербурге

Статья г. Волкова в самом деле очень замечательна, дельно и умно написана и занимательна для всякого. Однако ж я ее не помещу, потому что, по моему мнению, правительству вовсе не нужно вмешиваться в проект этого Герстнера. Россия не может бросить 3 000 000 на попытку. Дело о новой дороге касается частных людей: пускай они и хлопочут. Всё, что можно им обещать, так это привилегию на 12 или 15 лет. Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новгород ещё была бы нужнее дороги из Москвы в Петербург — и мое мнение — было бы: с нее и начать...

Я, конечно, не против железных дорог; но я против того, чтоб этим занялось правительство. Некоторые возражения противу проекта неоспоримы. Например: о заносе снега. Для сего должна быть *выдумана* новая машина, sine qua non¹. О высылке народа или о найме работников для сметания снега нечего и думать: это нелепость.

Статья Волкова писана живо, остро. Отрешков отделан очень смешно; но не должно забывать, что противу железных дорог были многие из Государственного совета; и *тои* статьи вообще должен быть очень смягчен. Я бы желал, чтоб статья была напечатана особо или в другом журнале; тогда бы мы об ней представили выгодный отчет с обильными выписками.

Я согласен с Вами, что эпиграф, выбранный Волковым, неприличен. Слова Петра I были бы всего более приличны; но на сей раз пришли мне следующие: А спросить у немца: а не хочет ли он - - -?

¹ то что бы то ни стало (лат.).

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

Декабрь 1836 г. В Петербурге

Письмо твое прекрасно: форма *Милостивый государь, Сергей Семенович* или *О* etc., кажется, ничего не значит, главное: дать статье как можно более ходу и известности. Но во всяком случае цензура не осмелится ее пропустить, а Уваров сам на себя розог не принесет. Бенкендорфа вмешать тут мудрено и неловко. Как же быть? Думаю, оставить статью, какова она есть, а в последствии времени выбирать из нее всё, что будет можно выбрать, как некогда делал ты в «Литературной газете» со статьями, не пропущенными Щегловым. Жаль, что ты не разобрал Устрялова по формуле, изобретенной Воейковым для Полевого, а куда бы хорошо! Стихи для тебя переписываю.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Декабрь 1836 г. В Петербурге

Батюшка, Ваше сиятельство! побойтесь бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям — ни сват, ни брат. Зачем мне *sot-действовать*¹ «Детскому журналу»? уж и так говорят, что я в детство впадаю. Разве уж не за деньги ли? О, это дело не детское, а дельное. Впрочем, поговорим.

1837

776. В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Декабрь 1836 г.— начало января 1837 г. В Петербурге

Вот вам *декабрь*. Благодарен за статью. Сейчас сажусь за нее. Повесть! Повесть!

¹ глупо (действовать) (*франц.*).

А. И. ТУРГЕНЕВУ

16 января 1837 г. В Петербурге

Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать казенные официальные фразы и также некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc. Что вы вставите, то постарайтесь написать почетче. Думаю дать этому всему вот какое заглавие: труды, изыскания, *такого-то* или А. И. Т. в Римских и Парижских архивах. Статья глубоко занимательная.

Вот вам мои стихи к Вяземскому:

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой;
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец...

Не славь его: в наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

А. О. ИШИМОВОЙ

25 января 1837 г. В Петербурге

На днях имел я честь быть у Вас и крайне жалею, что не застал Вас дома. Я надеялся поговорить с Вами о деле; Петр Александрович обнадежил меня, что Вам угодно будет принять участие в издании «Современника». Заранее соглашаюсь на все Ваши условия и спешу воспользоваться Вашим расположением: мне хотелось бы познакомить русскую публику с произведениями Ваггу Cornwall¹. Не согласитесь ли Вы перевести несколько из его драматических очерков? В таком случае буду иметь честь препроводить к Вам его книгу.

¹ Барри Корнуолла (англ.).

А. О. ИШИМОВОЙ

27 января 1837 г. В Петербурге

Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл Вашу «Историю в рассказах» и поневоле зачитался. Вот как надобно писать! <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

МОИ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ РУССКОМ ТЕАТРЕ

Статья при жизни Пушкина опубликована не была.

С. 46. *Лужнический пустынный* (Лужницкий старец) — псевдоним, часто встречавшийся на страницах «Вестника Европы». Пушкин считал, что все статьи за этой подписью принадлежат редактору журнала М. Т. Каченовскому. В 1819 г. появилась статья Каченовского, направленная против «Истории государства Российского» Карамзина.

Чухонская деревня. — С пометой «Тентелева деревня» Н. И. Гнедич напечатал в «Сыне отечества» в 1816 г. статью «О вольном переводе Бюргеровой Леноры», в которой сравнивал два вольных перевода этой баллады: «Людмилу» В. А. Жуковского и «Ольгу» П. А. Катенина (1792—1853).

Безрукий инвалид. — В «Сыне отечества» 29 декабря 1819 г. появилось «Письмо к издателю» за подписью В. Кл-нов, по-видимому писанное Р. Зотовым. Автор сообщал о себе, будто бы он потерял на войне руку и глаз. Он хвалил петербургскую французскую труппу и критиковал русскую.

Семенова Е. С. (1786—1849) и *Сосницкая Е. Я.* (1799—1855) — драматические актрисы. *Колосова Е. И.* (1782—1869) — артистка балета; *Истомина А. И.* (1799—1848) — артистка балета.

С. 47. *Большой каменный театр* — главный театр в Петербурге в начале XIX в., на месте нынешней Консерватории.

С. 48. *Жорж* (1787—1867) — французская трагическая актриса, гастролировавшая в России в 1808—1812 гг.

...творения несчастного Озерова. — Семенова с большим успехом выступала в трагедиях В. А. Озерова (1769—1816) «Эдип в Афинах» (Антигона), «Фингал» (Моина). В 1810 г. Озеров заболел тяжелой душевной болезнью.

...измеренные строки Лобанова. — Семенова выступала в роли Клитемне-

* В примечаниях к настоящему изданию использованы материалы и тексты примечаний к Собранию сочинений А. С. Пушкина: В 10-ти т. М.: Правда, 1981.

стры в трагедии Расина «Ифигения в Авлиде», переведенной в 1815 г. М. Е. Лобановым (1787—1846).

...пестрые переводы. — Имеются в виду трагедия «Заира» французского драматурга М. Ф. Вольтера (1794—1878) — перевод пяти авторов; трагедия «Гораций» французского драматурга П. Корнеля (1606—1684) — четырех авторов; «Медея» Лонжепьера (1819) — пяти авторов и др.

Вальберхова — Вальберхова М. И. (1788—1867), драматическая актриса. До 1812 г. выступала в трагедиях; ей покровительствовал А. Шаховской, видя в ней соперницу Семеновой. В 1812 г. она ушла из театра и вернулась на сцену в 1815 г. уже в качестве комической актрисы. Пушкин перечисляет пьесы ее репертуара: «Дидона» — трагедия Княжнина; «Ревнивая жена» — комедия Дефоржа; «Мизантроп» Мольера (Вальберхова выступала в роли Селимены, в русском переводе переименованной в Прелестину); «Нечаянный заклад» — комедия Седена; «Пустодомы» — комедия А. А. Шаховского.

...милая, робкая Колосова... — Колосова А. М. (1802—1880), впоследствии Каратыгина, жена выдающегося актера В. А. Каратыгина. Первый раз появилась на сцене 16 декабря 1818 г. в роли Антигоны в трагедии Озерова «Эдип в Афинах»; 30 декабря выступила в роли Моины в «Фингале» Озерова и 3 января 1819 г. — в «Эсфири» Расина. Ее первый бенефис состоялся 8 декабря 1819 г. Шла «Заира» Вольтера, затем опера-водевиль «Мнимые разбойники» и в заключение — русская пляска в исполнении матери и дочери Колосовых.

С. 49. Яковлев А. С. (1773—1817), Брянский Я. Г. (1790—1853), Щеников А. Г. (1784—1859), Глухарев А. (1786—1820), Каменогорский З. Ф. (1781—1832), Толченев П. И. (1787—1862), Борецкий И. П. (1795—1842) — драматические артисты.

«По мне уж лучше пей...» — вошедшая в поговорку цитата из басни Крылова «Музыканты» (1808).

О ПРОЗЕ

В первой фразе этой незавершенной статьи («Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу...») Пушкин допустил ошибку, заменив именем Лагарпа имя Ривароля, цитируя по памяти биографию Ж.-Л.-Л. Бюффона (1707—1788).

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА»

Напечатано в «Сыне отечества», 1824, № 18, 3 мая.

Предисловие П. А. Вяземского (1792—1878) к «Бахчисарайскому фонтану» вызвало на страницах «Вестника Европы» полемическое возражение, в котором автор с точки зрения классицизма опровергал обоснование романтизма, данное Вяземским. Автором этой анонимной статьи был М. А. Дмитриев (1796—1866).

О ПРИЧИНАХ, ЗАМЕДЛИВШИХ ХОД НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ

Черновой набросок среди бумаг 1824 г., представляющий собою оклик на статью А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года», напечатанную в «Полярной звезде» на 1824 год. Здесь, отметив увлечение французским языком и пренебрежение к родному языку, Бестужев писал: «О прочих причинах, замедливших ход словесности, мы скажем в свое время». С этих слов и начинается Пушкин свою заметку. Стихотворная цитата в сноске взята из сатирического «Послания к кн. С. Н. Долгорукову, российскому министру в Голландии» кн. Дм. Петр. Горчакова (1758—1824). Сатира была известна в рукописи; данные стихи вошли в поговорку.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ЦЫГАНАМ»

Черновые наброски предполагавшегося примечания к поэме «Цыганы». Цитата во второй заметке — из собственного стихотворения Пушкина, тогда еще не изданного, «Баратынскому из Бессарабии».

С. 54. *И. П. Липранди* (1790—1880) — в то время приятель Пушкина.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА СТАТЬЮ А. БЕСТУЖЕВА «ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В ТЕЧЕНИЕ 1824 И НАЧАЛА 1825 ГОДОВ»

Черновой набросок замечаний по поводу обозрения литературы А. Бестужева, появившегося в «Полярной звезде» на 1825 год (вышла в свет 21 марта 1825 г.). Возражения Пушкина начинаются с первых слов статьи Бестужева: «Словесность всех народов, совершая свое круготечение, следовала общим законам природы. Всегда первый ее век был возрастом сильных чувств и гениальных творений». Дальнейшие места из статьи, вызывающие возражения, Пушкин цитирует. Последняя заметка вызвана словами Бестужева: «У нас есть критика и нет литературы».

С. 55. ...*Геродот жил прежде Эсхила*. — Ошибка Пушкина: Геродот (484? — 425 до н. э.) был младшим современником Эсхила (525—456 до н. э.); Г. Невий (ок. 270—ок. 201 до н. э.); Ф. К. Горацій (65—8 до н. э.); К. Энный (239—169 до н. э.); М. П. Вергилий (70—19 до н. э.); Г. В. Катулл (ок. 87—ок. 54 до н. э.); П. Н. Овидий (43 до н. э.—ок. 18 н. э.); И. Ф. Квинтилиан (ок. 35—ок. 96); М. А. Лукан (39—65); Л. А. Сенека (ок. 4 до н. э.—65).

Романтическая словесность началась триолетами. — Согласно историческим воззрениям первой четверти XIX в. историки романтической литературы видели в поэзии тирадуров XII в. Таинствами Пушкин называет драматические «мистерии».

Сове — так Пушкин писал имя английского поэта Саути (Southey) (1774—1843).

«*Rima des triolets, fit fleurir la ballade*» — цитата из «Искусства поэзии» Буало.

О Г-ЖЕ СТАЛЬ И О Г. А. М.-ВЕ

Напечатано в «Московском телеграфе», 1825, ч. 3, № 12. Статья вызвана появлением в «Сыне отечества» (1825. № 10) «Отрывков г-жи Сталь о Финляндии с замечаниями». Автором этих замечаний был А. А. Муханов (1802—1834), служивший в это время в Финляндии адъютантом генерала Закревского. Так как статья эта была подписана только инициалами, Пушкин не знал, кто был ее автор (см. письмо Пушкина Вяземскому от 13—15 сентября 1825 г.). Собственная подпись Пушкина под статьей расшифровывается «Старый Арзамасец». Заключительный стих заимствован из сатирического послания П. А. Вяземского М. Т. Каченовскому (напечатано в «Сыне отечества» в 1821 г.). Пушкин слегка видоизменил его; у Вяземского: «Уважен будешь ты, когда других уважаешь».

По поводу слов «о великодушии русского императора», поставленных для цензуры, см. письмо Вяземскому от 13 июля 1825 г.

Сталь (фамилия по мужу: Сталь-Гольштейн; девичья фамилия — Неккер) А.-Л.-Ж. (1766—1817) — французская писательница, критик и публицист.

О ПРЕДИСЛОВИИ Г-НА ЛЕМОНТЕ К ПЕРЕВОДУ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА

Напечатано в «Московском телеграфе», 1825, ч. 5, № 17. Предисловие Лемонте появилось в парижском издании: «Басни русские, извлеченные из собрания И. А. Крылова с подражанием на французском и италианском языках разными авторами и с двумя предисловиями, на французском г. Лемонтея, а на италианском г. Салфия. Изданные г. Орловым», 1825.

С. 58. *Лемонте* (1762—1826) — французский историк. Перевод предисловия Лемонте появился в «Сыне отечества» (1825, № 13 и 14).

С. 61. Приводимый в сноске стих Сумарокова заимствован из его «Эпиграфы о стихотворстве». Французский стих взят из «Поэтического искусства» Буало (1636—1711).

Подпись Н. К., по-видимому, составлена из двух последних согласных букв фамилии: ср. лицейскую подпись «Александр Н. к. ш. п.».

О ПОЭЗИИ КЛАССИЧЕСКОЙ И РОМАНТИЧЕСКОЙ

Незаконченная черновая статья 1825 г. была вызвана полемикой вокруг классицизма и романтизма в европейской и русской печати. Пушкин отмечает неудовлетворительность в самой постановке вопроса и, в частности, указывает на французских журналистов. О французской цитате см. примеч. к статье «Возражение на статью А. Бестужева...»

С. 62. *Ж. Б. Руссо* (1670 или 1671—1741) — французский поэт; *Пиндар* (ок. 518—442 или 438 до н. э.) — древнегреческий поэт; *Д. Ю. Ювенал* (ок. 60—ок. 127) — римский поэт-сатирик; «*Освобожденный Иерусалим*» — поэма итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595); «*Энеида*» — поэма Вергилия.

С. 63. *Годфред* — точнее, Годфрид Булонский (ок. 1060—1100), герцог Лотарингии, участник первого крестового похода; Ричард I Львиное Сердце (1157—1199) — английский король, участник третьего крестового похода.

Dante — А. Данте (1265—1321) — великий итальянский поэт, автор поэмы «Божественная комедия»; *Л. Ариосто* (1474—1533) — итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд»; *П. Кальдерон де ла Барка* (1600—1681) — испанский драматург; *Э. Спенсер* (1552—1599) — английский поэт; *Д. Мильтон* (1608—1674) — английский поэт, автор поэм «Потерянный рай», «Возвращенный рай».

С. 64. *...лучший стихотворец* — К. Маро (1496—1544), французский поэт; *Монтань* — точнее, Монтень М. (1533—1592), французский писатель; *Ф. Рабле* (1494—1553) — французский писатель, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль»; *Л. Ф. Вега Карльо* (1562—1635) — испанский драматург.

О СТИХОТВОРЕНИИ «ДЕМОН»

Незаконченный набросок 1825 г.

С. 64. *Думаю, что критик ошибся.* — В «Сыне отечества» (1825. № 3), в статье «Письма на Кавказ», говорилось: «Демон Пушкина не есть существо воображаемое: автор хотел представить развратителя, искушающего неопытную юность чувственностью и лжемудрствованием».

...даже указывали на лицо... — на Александра Раевского (1795—1868), старший сын героя Отечественной войны генерала Н. Н. Раевского (1771—1829).

С. 65. *Недаром великий Гёте...* — Слова Мефистофеля («Фауст», сцена III): «Я дух, который вечно отрицает».

ОБ АНДРЕ ШЕНЬЕ

Черновой набросок, написанный в 1825 г.

...Несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом... — В примечании к

шестой главе третьей книги «Гения христианства» (1802). Там же и несколько отрывков из стихов Шенье, о которых пишет Пушкин.

О ТРАГЕДИИ

Черновой набросок, написанный во время работы над «Борисом Годуновым».

О НАРОДНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

Черновой набросок, связанный со спорами о народности в русской критике 20-х гг. В частности, Пушкин имеет в виду статьи Бестужева в «Полярной звезде», где отмечается пренебрежение в обществе к русскому языку (см. «О причинах, замедливших...»), статью В. Кюхельбекера в «Мнемозине» (см. следующую статью).

С. 66. *Карломан* — Карл Великий, *Ж. Расин* (1639—1699) — французский драматург.

...как справедливо заметил кн. Вяземский — в предисловии к «Бахчисарайскому фонтану».

В XVIII в. и в начале XIX в. немало стихотворцев сочиняло героические поэмы о подвигах Петра I. Вяземский имел в виду «Петриаду» Ломоносова и «Россиаду» М. М. Хераскова (1733—1807).

ВОЗРАЖЕНИЕ НА СТАТЬИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА В «МНЕМОЗИНЕ»

Черновой конспект замечаний на две статьи Кюхельбекера. Первая из них, «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», появилась в июне 1824 г. (Мнемозина. ч. 2), другая, «Разговор с Булгаринным» — в октябре того же года (Там же. Ч. 3). Пушкин имеет в виду следующие места: из первой статьи: «Сила, свобода, вдохновение — необходимые три условия всякой поэзии»; из второй, по поводу Горация: «...он почти никогда не был поэтом истинно восторженным. А как прикажете назвать стихотворца, когда он чужд истинного вдохновения?» В обеих статьях Кюхельбекер защищает оду как высокую лирическую форму против элегии, господствовавшей в русской лирике начала 20-х гг.

ОБ АЛЬМАНАХЕ «СЕВЕРНАЯ ЛИРА»

Черновик статьи, предназначавшейся для журнала «Московский вестник». Альманах «Северная лира на 1827 год» вышел в свет в январе 1827 г. Издателями альманаха были С. Е. Раич и Д. П. Ознобишин (1792—1855).

Пушкин упоминает следующие произведения, напечатанные в альманахе: «Греческая ода» В. И. Туманского (1800—1860); «Одесским друзьям» — его же, отрывок из поэмы «Таврида» под названием «Бакчисарай» А. Н. Муравьева (1806—1874); два стихотворных перевода отрывков из «Божественной комедии» Данте А. С. Норова (1795—1869); перевод стихотворения А. Шенье «Неера» Д. П. Ознобишина и его же переводы под псевдонимом Делибюрадер «Оды Гафица» и «Нама. Уаль натру мискун» (с арабского). Автором статьи, разбираемой Пушкиным («Петрарка и Ломоносов») был Раич.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЕВГЕНИЯ БАРАТЫНСКОГО

Черновой набросок статьи о сборнике стихотворений Баратынского, вышедшем в свет в ноябре 1827 г. Сборник этот Баратынский предполагал издать еще в 1824 г. Сборник 1827 г. открывался отделом элегий, разделенных на три книги.

С. 70. ...роды лирический и элегический... — Здесь «лирический» в значении «одический».

О ДРАМАХ БАЙРОНА

Черновой набросок, относящийся к 1827 г.

С. 70. *Субботы* — сцены шабаша в «Фаусте». Первоначально Пушкин написал «Сцены ведьм и бесов».

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Напечатано в альманахе «Северные цветы на 1828 год» (вышел в свет 22 декабря 1827 г.).

С. 71. *Стерн говорит...* — Это замечание в печати не появилось, вероятно, из цензурных соображений. Пушкин цитирует «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна (1713—1768).

С. 72. *В. К. Тредьяковский* (1703—1768) — русский поэт; *И. И. Шувалов* (1727—1797) — русский государственный деятель, фаворит царицы Елизаветы Петровны (1709—1761); *А. П. Сумароков* (1717—1777) — русский писатель; *А. П. Волынский* (1689—1740) — русский государственный деятель; в борьбе против бирюзовщины потерпел поражение и был казнен.

С. 73. «*Всё, что превышает геометрию...*» — цитата из книги Паскаля «Мысли», в которой автор развивал тему об ограниченности возможностей человеческого разума.

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëte — цитата из «Искусства поэзии» Буало.

Tous les genres sont bon, hors le genre ennuyeux — цитата из предисловия Вольтера к комедии «Блудный сын».

Путешественник Ансело... — Пушкин говорит о книге Ансело «Шесть месяцев в России» (1827). Речь идет о грамматике Н. Греча, о романе Р. Булгарина «Иван Выжигин» и о комедии Грибоедова «Горе от ума».

С. 74. *Moralement le suis toujours phisique, mais phisiquement je suis devenu moral* — цитата из басни Лафонтена «Старик и трое молодых».

С. 75. *Байрон говорил...* — Взятие Измаила описано в восьмой песне «Дон-Жуана» (см. строфу LXIII), поездка Дон-Жуана в Петербург — в девятой песне (см. строфу XXX).

Сон Сарданапалов — в монологе Сарданапала в трагедии Байрона «Сарданапал» (д. IV, явл. I). Карикатура, о которой говорит Пушкин, была издана не в Варшаве, а в Лондоне в 1795 г. и изображала Суворова, подносящего Екатерине отрубленные головы женщин и детей после взятия Варшавы.

В лице Нимврода... — В сне Сарданапала так описывается образ Нимврода: «Это был по своим чертам великан, и его взор был неподвижен, но сверкал; его длинные локоны ниспадали на широкие плечи».

С. 76. *Лорд Мидас.* — Под этим именем Пушкин изобразил графа М. С. Воронцова, своего бывшего одесского начальника.

Coquette, prude. — В черновике афоризм оканчивался: мужского рода не имеет, но есть мужья — prudes.

С. 77. *Появление «Истории государства Российского»...* — отрывок из автобиографических записок Пушкина.

М. Т. Каченовский (1775—1842) — профессор Московского университета, в разные годы был издателем журнала «Вестник Европы»; Н. М. Муравьев (1796—1843) — один из руководителей Северного общества декабристов; М. Ф. Орлов (1788—1842) — видный участник Отечественной войны, член декабристских тайных обществ; *Тит Ливий* (59 до н. э.— 17 н. э.) — римский историк, сторонник республиканского строя.

С. 78. *Идиллии Дельвига.* — Этот отрывок не был напечатан как относящийся к издателю «Северных цветов».

МАТЕРИАЛЫ К «ОТРЫВКАМ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛЯМ И ЗАМЕЧАНИЯМ»

Здесь собраны те отрывки, которые находятся в черновиках предыдущей статьи, но не вошли в ее беловой текст.

Дядя мой однажды занемог. — Этот отрывок является пародией на афоризмы Василия Львовича Пушкина, напечатанные в «Литературном музее» на 1827 год (вышел в свет в марте 1827 г.). В. Л. Пушкин назвал эти афоризмы «Замечания о людях и обществе».

С. 79. *Если всё уже сказано...* — Пушкин цитирует статью Вяземского «Сочинения в прозе В. Жуковского», напечатанную в «Московском телеграфе» (1826. № 5).

С. 80. *Есть различная смелость: Державин написал...*— Первая цитата является, вероятно, началом строфы из «Вельможи»:

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных:
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленых...

Но возможно, что это неточная цитата начала стихотворения «На парение орла»:

Воанергес! Орел, сын грома!
Не ты ль на высотах паришь
И снов святых патмосска холма
Виденья бытием решишь?

Вторая цитата — из оды «На возвращение графа Зубова из Персии»:

Сбылось! — Игру днесь счастья люту
И как оно к тебе хребет
Свой с грозным смехом повернуло,
Ты видишь,— видишь, как мечты
Сиянье вокруг тебя заснуло,
Пришло,— остался только ты.

Следующая цитата — начальные стихи «Водопада».

Цитата из Жуковского — из «Певца в Кремле».

Цитата из Крылова — из басни «Муравей».

Цитата из Расина — из пролога к трагедии «Эсфирь»;

С. 81. Слово *вache* употребил Делиль (1738—1813) в поэме «L'Homme de champs».

«*Un bon mot de deux rimes orné*» — цитата из второй песни «Поэтического искусства» Буало.

ЕСЛИ ЗВАНИЕ ЛЮБИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ...

Черновой набросок литературно-критической пародии, написанный в 1827 г. Частично Пушкин воспользовался этим отрывком в создании биографии Белкина (в предисловии к «Повестям» и в «Истории села Горюхина»), но в большей степени изображенный здесь характер послужил материалом для создания образа Феофилакта Косичкина.

С. 81. *Н. Г. Курганов* (1725—1796) — русский издатель и педагог; цитируемое в конце объявление Филимонова напечатано в «Русском инвалиде» (1825. № 17) о книге «Искусство жить».

С. 82. *В. С. Филимонов* (1787—1858) — русский писатель.

О ТРАГЕДИИ ОЛИНА «КОРСЕР»

Черновое начало рецензии на «Корсер» Олина 1827 г. Упоминание о плане в конце наброска объясняется тем, что В. Н. Олин в 1824 г. в рецензии на «Бахчисарайский фонтан» упрекал Пушкина за недостаток плана.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА»

Письмо это не было напечатано в журнале. По-видимому, оно не было Пушкиным доведено до конца. Непосредственным поводом к этой статье явилось «Обозрение русской словесности за 1827 г.» С. П. Шевырева (Московский вестник. 1828. № 1), в котором давалась высокая оценка появившейся в печати сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

С. 84. ...*два классические единства* — единство времени и места; Пушкин сохраняет из трех единств только единство действия.

...*александрийский стих* — шестистопный ямбический стих, который чаще всего рифмуется со смежным стихом (строкой); ...*белый стих*... — стих, стихи без рифм.

С. 85. ...*один из самых оригинальных писателей... не усумнился включить*... — П. А. Вяземский в предисловии к сочинениям Озерова.

...*наши журнальные Аристархи*... — Имеется в виду, в частности, Н. Полевой и его статья о «Полярной звезде на 1825 год» (Московский телеграф. 1825. № 8). См. об этой статье письмо Пушкина Вяземскому от 25 мая 1825 г.

С. 86. ...*хотите ли знать, что еще удерживает меня от напечатания моей трагедии?* — Этот вопрос в условиях тех дней звучал полемически: в литературных кругах было известно, что печатание «Бориса Годунова» было запрещено царем. Намек был слишком прозрачным, и, вероятнее всего, по этой причине Пушкин отказался от печатания письма.

Constitutionnel, Quotidienne — парижские газеты, первая — либеральная, вторая — монархическая.

Сцилла, Тиберий, Леонид — французские трагедии: «Сулла» Жуи, 1821 г., «Последний день Тиберия» Л. Арно, 1828 г., «Леонид» Пиша, 1825 г.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit — цитата из «Британика» Расина (д. IV, явл. 4). Мнение, что в этих стихах имеется намек на участие Людовика XIV в балетах, основывается на письме Буало Моншеналю (сентябрь 1707 г.), в котором говорится, что Людовик, услышав эти стихи, перестал выступать в придворных балетах.

С. 87. *П. К. Тацит* (ок. 55—120) — римский историк, противник императорской власти и тирании Нерона (37—68); *Д. Юм* (1711—1776) — английский философ и писатель; *Walpol* — Х. Уолпол (1717—1797) — английский писатель.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА СТАТЬЮ «АТЕНЕЯ»

Черновая статья; вызвана разбором двух глав «Евгения Онегина», напечатанным в журнале «Атеней» (1828. № 4) за подписью В. (М. А. Дмитриев). Пушкин не напечатал своего возражения, но потом отдельные замечания поместил в качестве примечаний при издании «Евгения Онегина».

С. 87. *Под романтическим автор разумеет...* — В «Атенее» говорится: «Название: романтическое вырывает стихотворение от всех притязаний здравого смысла и законных требований вкуса».

С. 88. *Времан*. — Прочитывая ссылку критика на строку Державина из стихотворения «На смерть князя Мещерского», Пушкин отвечает цитатой из стихотворения Батюшкова «Мои пенаты», показывающей, что в русском языке имеются обе формы: времен и времян.

С. 90. «...который взвесить смел...» — цитата из «Водопада» Державина. «Поникнул лавровой главою» — цитата из «Вельможи» Державина.

О ПОЭТИЧЕСКОМ СЛОГЕ

Черновой набросок, относящийся к 1828 г. В этой статье Пушкин пишет о поэтах, обращавшихся к просторечию.

С. 90. *Ваде* (1720—1757) — представитель «пуассардской» поэзии (применявшей речь парижских базарных торговков).

...переводы из Гебеля — Жуковского: «Овсяный кисель», «Красный карбункул», «Деревенский сторож», «Тленность» (1816);

«Убийца» — баллада Катенина 1815 г. Цитируемый Пушкиным стих из «Убийцы» читается: «Да полно что! гляди, плешивый!»

«БАЛ» БАРАТЫНСКОГО

Черновой набросок статьи о Баратынском в связи с выходом в свет его поэмы «Бал» в 1828 г.

С. 91. ...нежно благодарим его в журналах от имени человечества а... — намек на отзыв Н. Полевого о поэме А. Подолинского (1806—1886) «Див и Пери», в котором Полевой писал: «...благодарим его как поэта и человека» (Московский телеграф. 1827. № 21). В феврале 1829 г. Пушкин говорил Шевыреву: «Полевой от имени человечества благодарил Подолинского за «Дива и Пери», теперь не худо бы от имени вселенной побранить его за «Ворского».

Известные шуточки покойного «Благонамеренного» — пародии и сатирические заметки, печатавшиеся в журнале А. Е. Измайлова «Благонамеренный» и направленные против Баратынского и его литературных друзей.

Неприличная статейка в «Северной пчеле» — рецензия Булгарина (Северная пчела. 1826. № 20).

Слабое возражение — статья Полевого в «Московском телеграфе» (1826. № 5).

С. 92. *Как отозвался «Московский вестник»...* — С. Шевырев в «Московском вестнике» (1828. № 1) писал о стихотворениях Баратынского: «Он принадлежит к числу тех русских поэтов, которые своими успехами в мастерской отделке стихов исключили талант и глубину мысли из числа важных достоинств поэзии».

...поэма «Бал», напечатанная в «Северных цветах»... — В альманахе «Северные цветы на 1828 год» появился только отрывок из поэмы — «Бальный вечер», около 40 стихов. Полностью поэма вышла вместе с «Графом Нулиным» Пушкина отдельной книгой под общим названием «Две повести в стихах» в декабре 1828 г.

ОТРЫВОК ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ

Статья написана 27 марта 1829 г. в Москве. В искаженном цензурой виде была напечатана в «Северных цветах на 1830 год». На ту же тему Пушкин написал эпиграмму «Журналами обиженный жестоко». Эпиграф взят из первой песни «Энеиды» Вергилия с изменением одного слова: Scholasticis вместо coelestibus.

С. 94. *Замечания о заглавном листе «Истории государства Российского»* — рецензия Каченовского на предисловие к «Истории» Карамзина в «Вестнике Европы» (1819. № 2—6). Здесь же Пушкин называет другую статью Каченовского, «О белых лобках и куньих мордках», «Вестник Европы» (1828. № 13).

Старый педант — М. Т. Каченовский (1775—1842); *пьяный семинарист* — Н. И. Надеждин (1804—1856).

С. 96. О музыке Верстовского М. Каченовский писал в «Вестнике Европы», (1829. № 1). Это был отзыв о кантате на слова Пушкина «Черная шаль».

Тереза и Фальдони — сентиментальный роман Лоонара, переведенный М. Каченовским.

Надоумко — псевдоним Н. И. Надеждина.

Бенигна — псевдоним Н. А. Полевого.

Михаил Трофимович. — Орфография «Вестника Европы» вызывала насмешки, в частности за неуместное употребление буквы «і».

...Каченовский решился требовать защиты законов... — М. Т. Каченовский 18 декабря 1828 г. подал жалобу на цензора С. Н. Глинку, разрешившего № 20 «Московского телеграфа». На жалобу Каченовского отвечал С. Глинка, доказывая, что в статье Полевого не было никакой клеветы и личность Каченовского не была затронута. Московский Цензурный комитет принял сторону Каченовского, и лишь один В. В. Измайлов подал особое мнение,

в котором он оправдывал Глинку. Дело было передано в Главное управление цензуры, которое согласилось с мнением В. В. Измайлова и отказало Каченовскому в его жалобе.

С. 97. *...ожесточенный издатель «Московского телеграфа» напечатал другую статью...* — в № 23 «Московского телеграфа».

Князь Вяземский уже дал однажды... — в «Письме в Париж», напечатанном в «Московском телеграфе» (1825. № 22).

О ПУБЛИКАЦИИ БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА В «СЕВЕРНОЙ ЗВЕЗДЕ»

Эта черновая заметка не была напечатана Пушкиным. Поводом к протесту Пушкина явилось то, что М. А. Бестужев-Рюмин, уже заявивший себя как литературный враг писателей, близких Пушкину, опубликовал в своем альманахе «Северная звезда» (вышел в свет в июле 1829 г.) семь стихотворений за подписью «Ап». Из них шесть принадлежали Пушкину, в том числе послание к Чаадаеву «Любви, надежды, тихой славы...» (с цензурными изменениями). Седьмое стихотворение принадлежало Вяземскому. Сделано это было без всякого разрешения Пушкина.

С. 98. *...г-н Федоров напечатал под моим именем...* — В 1827 г. в альманахе «Памятник отечественных муз» Борис Федоров напечатал без согласия Пушкина пять его стихотворений, в том числе лицейские стихотворения «Фавн и пастушка». По этому поводу в «Северных цветах на 1829 год» было напечатано: «В «Памятнике муз» напечатаны отрывки из стихотворения Пушкина «Фавн и пастушка», стихотворения, от которого поэт ныне сам отказывается и поручил нам засвидетельствовать сие перед публикой».

...заменял своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурою. — Эти слова могут относиться лишь к одному стиху: в послании «К Чаадаеву» стих «Минуты вольности святой» заменен другим: «Подруги сердцу дорогой». Вряд ли эти слова относятся к другой цензурной замене: в послании Орлову вместо «Хотя и русский генерал» напечатано «Достойный русский генерал». Других цензурных замен в публикации Бестужева-Рюмина нет. Таким образом, в этих словах Пушкина мы находим прямое признание, что послание Чаадаеву писано им.

О «РОМЕО И ДЖЮЛЬЕТЕ» ШЕКСПИРА

Напечатано в «Северных цветах на 1830 год» с припиской редакции: «Извлечено из рукописного сочинения А. С. Пушкина». Судя по черновой рукописи, это не отрывок, а законченная заметка Пушкина.

О НЕКРОЛОГИИ ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ Н. Н. РАЕВСКОГО

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 1. Сохранился автограф заметки. Заметка в черновике кончалась словами: «Дети Н. Н. Раевского внуки Ломоносова» и припиской: «Н. Н. внук кн. Потемкина». Пушкин имеет в виду то, что жена генерала Раевского была внучкой Ломоносова по его дочери Елене Михайловне (по мужу Константиновой) и племянницей Г. А. Потемкина. «Некрология» была написана М. Ф. Орловым и издана анонимно.

С. 99. ...*неизвестного некролога*... — Слово «некролог» здесь значит «автор некрологии». Анонимность некрологии объяснялась тем, что имя Орлова, как декабриста, не могло быть названо.

ОБЩЕСТВО МОСКОВСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

Незаконченный черновой набросок, представляющий собою пародию на редакцию «Вестника Европы».

С. 100. *На Малой Бронной*. — Надеждин подписывал свои статьи в «Вестнике Европы»: «С Патриарших прудов». Патриаршие пруды находятся на Малой Бронной. Соседний район («Козье болото») — место действия поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед». Отсюда упоминание «некоторых соседних дам».

Бывший корректор типографии. — В статье Надеждина о «Полтаве» в качестве справедливого критика выведен Пахом Силыч Правдивин, отставной корректор ...овской университетской типографии.

Трандафыр — под этим именем высмеивали Каченовского.

Никодим Невеждин — Надеждин (его псевдоним Никодим Надоумко).

Ширяев — московский книгоиздатель.

Отдельные намеки пародии совпадают с намеками статьи «Отрывок из литературных летописей».

О ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Б. КОНСТАНА «АДОЛЬФ»

Напечатано без подписи в «Литературной газете», 1830, № 1, 1 января. Заметка Пушкина вызвала затруднения в цензуре, и О. М. Сомов (1793—1833), помогавший тогда Пушкину редактировать газету, писал В. Ф. Одоевскому (1803—1869): «Пушкин написал заметку о переводе романа Бенжамена Константа «Адольф», сделанном князем Вяземским для издания его в Москве; наш цензор полагает, что роман находится в списке запрещенных иностранных книг, и отказывается подписать заметку; прошу вас сообщить, действительно ли роман находится в списке запрещенных книг». Печатание заметки было разрешено, а публикация перевода самого романа вызвала новые цензурные препятствия. «Сколько труда стоило мне, — писал известный цензор

А. В. Никитенко (1805—1877),— доказать председателю цензурного комитета, человеку, впрочем, образованному, что одно имя автора еще не есть статья, оскорбляющая правительство или грозящая России революцией».

«ИЛИАДА» ГОМЕРОВА...

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 2, 6 января, без подписи. См. «Объяснение по поводу заметки об «Илиаде».

Перевод «Илиады» вышел около 29 декабря 1829 г. и являлся делом всей жизни Гнедича. В самый день выхода в свет «Литературной газеты» он послал Пушкину записку, благодаря его за заметку: «Едва ли мне в жизни случится читать что-либо о моем труде, что было бы сказано так благородно и было бы мне так утешительно и сладко!»

О ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКЕ

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 3, 11 января, без подписи.

С. 102. *Домашняя переписка издателя с сотрудниками.* — Примеры даны из редакционных примечаний к статьям Надеждина в «Вестнике Европы» (1828. № 24; 1829. № 23).

«Иван Выжигин» — роман Булгарина.

РАЗГОВОР О КРИТИКЕ

Статья вызвана резкой полемикой на страницах «Галатеи» — журнала, издававшегося Раичем. Раичу так же резко отвечал Полевой в «Московском телеграфе». Подобная полемика велась тогда и в «Северной пчеле» Булгарина, и в «Вестнике Европы» Каченовского.

С. 103. *Державин их также воспевал.* — В оде «Фелица» говорится о кулачных боях, причем имеется в виду любовь графа Орлова к подобным развлечениям.

С. 104. *Трагедия Хомякова* — «Ермак».

ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 5, 21 января, без подписи.

С. 105. *Ученик Агриппы.* — Легенда об алхимике Агриппе Неттесгеймском. На тему этой легенды существует баллада Саути «О юноше» и баллада Гёте «Ученик чародея».

...*Madame Catran*, Кампан (1752—1822) — мемуаристка, состояла в шта-

те воспитателей детей Людовика XV; ее воспоминания о частной жизни королевы Марии-Антуанетты были известны Пушкину.

Авраамий — до пострижения Аверкий Иванович Палицын (сер. XVI в. — 1627) — русский церковный и государственный деятель эпохи Смуты. Был организатором длительной и успешной обороны Троице-Сергиевой лавры от польских захватчиков. Один из вдохновителей ополчения под водительством К. М. Минина (год рождения неизвестен — 1616) и Д. М. Пожарского (1578—1642).

О ЗАПИСКАХ САМСОНА

Напечатано без подписи в «Литературной газете», 1830, № 5. «Записки палача», о которых говорится в рецензии, в действительности были не подлинными: под именем Самсона их издавала группа французских писателей, среди которых был и О. Бальзак (1799—1850).

С. 106. *Д. Д. Казанова* (1725—1798) — итальянский писатель и авантюрист, в библиотеке Пушкина были его мемуары; *Современница* — Ида Сент-Эльм (1778—1845) — авантюристка, от имени которой были изданы скандальные мемуары; ...*поэт Гюго*. — Речь идет о его повести «Последний день приговоренного к смерти».

С. 107. ...*царственный страдалец* — Людовик XVI, казненный по постановлению Конвента; ...*и убийца его*. — Вероятно, имеется в виду кто-то из влиятельных якобинцев; *Шарлотта Корде* (1768—1793) была казнена за убийство Ж.-П. Марата (1743—1793); ...*прелестница Дю-Барри* (1743—1793) — любовница Людовика XV; *Л. П. Лувель* (1783—1820) — французский рабочий, убивший одного из членов династии Бурбонов герцога Беррийского (1778—1820); *Ж.-Б. Вертон* (1769—1822) — французский политический деятель, генерал.

О «РАЗГОВОРЕ У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ» ФОНВИЗИНА

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 7, 31 января, без подписи. В «Литературной газете» (№ 3, 11 января) был опубликован неизданный «Разговор у княгини Халдиной» (из «Друга честных людей») Фонвизина. В «Северной пчеле» (№ 10) было выражено сомнение, действительно ли это произведение Фонвизина.

ДЕННИЦА

Напечатано без подписи в «Литературной газете», 1830, № 8, 5 февраля. В альманахе «Денница» (вышел в свет 9 января) напечатано обозрение И. В. Кириевского, привлечшее внимание Пушкина.

С. 108. ...одобрительное внимание великого Гёте — письмо Гёте по поводу разбора С. Шевырева отрывка из «Фауста». Это письмо напечатано в «Московском вестнике» (1828. № 11).

С. 109. *Новый Ценсурный устав* — утвержден 22 апреля 1828 г. Этот устав имел некоторые преимущества в сравнении с уставом 1826 г., прозванным за его суровость чугунным. Подробнее об этом см. вступительную статью, с. 18—22.

С. 110. *Пушкин, поэт действительности...* — Этой краткой и точной формулой Пушкин заменил расплывчатую характеристику его творчества, данную И. В. Киреевским.

КАРЕЛИЯ, ИЛИ ЗАТОЧЕНИЕ МАРФЫ ИОАННОВНЫ РОМАНОВОЙ

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 10, 15 февраля, без подписи. Ф. Н. Глинка (1786—1880) как член Союза благоденствия был сослан в Олонецкую губ., в Петрозаводск; здесь в 1829 г. он написал поэму «Карелия», которую и выпустил в свет в начале 1830 г. О принадлежности отзыва Пушкину писал Ф. Глинка.

О СТАТЬЯХ КН. ВЯЗЕМСКОГО

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 10, 15 февраля, без подписи. Заметка вызвана нападениями на Вяземского и на его критические приемы со стороны «Московского телеграфа» № 1 и «Северной пчелы» № 12. Эти нападения были вызваны статьей Вяземского в альманахе «Денница» — «Отрывок из письма А. И. Г.».

О НОВЕЙШИХ БЛОСТИТЕЛЯХ НРАВСТВЕННОСТИ

Черновой набросок; представляет собой исключенное из окончательного текста продолжение предыдущей статьи.

С. 122. *В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы...* — отзыв Надеждина о «Графе Нулине» в «Вестнике Европы» (1829. № 3).

Недавно исторический роман... — «Юрий Милославский» Загоскина вызвал рецензию Булгарина в «Северной пчеле» (1830. № 9). Там говорилось: «И этого-то собачий сын не умел сделать!» Как мило! Неужели автор не подумал, что книга его может попасться в руки дамам, может войти в учебные заведения!»

«*Душенька*» — поэма Богдановича. «*Модная жена*» — стихотворная сказка И. И. Дмитриева.

Напечатано без подписи в «Литературной газете», 1830, № 12, 25 февраля.

С. 123. ...издатель журнала, отличающегося... — Николай Полевой. В 1829 г. в «Московском телеграфе» (в приложении «Новый живописец») Полевой под псевдонимами Буршев и Бессмыслин напечатал пародии на стихи Языкова.

АНГЛИЯ ЕСТЬ ОТЕЧЕСТВО КАРИКАТУРЫ И ПАРОДИИ...

Напечатано без подписи в «Литературной газете», 1830, № 12, 25 февраля.

С. 124. ...узнать себя в пародиях... — Н. Полевой в «Московском телеграфе», в отделе «Новый живописец», напечатал стихотворные пародии на Пушкина и поэтов его круга: Дельвига, Баратынского, Языкова и Вяземского.

Гизо — Франсуа Пьер Гийом (1787—1874), французский историк и политический деятель.

...пародировал *Гизога и Тьерри*. — Речь идёт об «Истории русского народа» Полевого.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПО ПОВОДУ ЗАМЕТКИ ОБ «ИЛИАДЕ»

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 12, 25 февраля. Заметка вызвана статьей С. Раича (Галатея. 1830. № 4). Считая автором заметки об «Илиаде» Гнедича редактора «Газеты» Дельвига, Раич писал: «Мы бы поверили этому воззванию насчет труда, действительно важного по некоторым отношениям, если бы это воззвание не было чересчур величаво и не обнаруживало духа партии, которая в литературе не должна быть терпима. «Русская Илиада перед нами!» Не слишком ли много? — Довольно было бы сказать: Русский перевод Илиады. Мы сами уважаем полезный труд г. Гнедича и, сообразно с его требованием, скажем наперед, что «в труде его худое не превышает хорошего». Но объявляем наперед, что не согласны с отзывом «Литературной газеты», утверждающей, будто книга г. Гнедича долженствует иметь столь важное влияние на Отечественную словесность; иначе мы должны будем допустить, что и барона Дельвига так называемые гекзаметры будут иметь столь важное влияние на отечественную словесность, потому что г. Гнедич, в предисловии к своему переводу Илиады говорит о нем: «Кого не пленяет лира Дельвига счастливыми вдохновениями и стихом, столь Музе любезном».

С. 124. А. А. Дельвиг и Н. И. Гнедич несколько лет служили в Публичной библиотеке и их отношения были вполне доброжелательными и дружескими. Но вот в альманахе «Северные цветы на 1829 год» он опубликовал «Отрывки из «Илиады» в переложении В. А. Жуковского. Гнедич, еще не успевший к этому времени напечатать свой перевод полностью, обиделся.

Г-Н РАИЧ СЧЕЛ ЗА НУЖНОЕ...

Напечатано без подписи в «Литературной газете», 1830, № 13, 2 марта. См. «Объяснение по поводу заметки об «Илиаде» (с. 124).

О ЗАПИСКАХ ВИДОКА

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 20, 6 апреля, без подписи. Принадлежность Пушкину определяется заметкой в «Литературной газете» 9 августа. «Издателю «Северной пчелы» «Литературная газета» кажется печальною: сознаемся, что он прав и самою печальнейшею статью находим мнение А. С. Пушкина о сочинениях Видока». Пушкин в это время находился в Москве. В дневнике Погодина 18 марта 1830 г. имеется запись: Пушкин «давал статью о Видоке и догадался, что мне не хочется помещать ее (о доносах, о фискальстве Булгарина), и взял». Статья о Видоке явилась ответом на пасквильный «Анекдот» Булгарина, в котором он вывел Пушкина под видом французского писателя, который «в своих сочинениях не обнаружил ни одной высокой мысли, ни одного возвышенного чувства, ни одной полезной истины; у которого сердце холодное и немое существо, как устрица, а голова род побрякушки, набитой гремучими рифмами, где не зародилась ни одна идея; который, подобно иступленным в басне Пильпая, бросающим камнями во все священное, чванится пред чернью вольнодумством, а тихом ползает у ног сильных, чтоб позволили ему нарядиться в шитый кафтан; который марает белые листы на продажу, чтоб спустить деньги на крапленых листах, и у которого одно господствующее чувство — суетность». В Видоке Пушкин изобразил самого Булгарина. Пушкин намекает на его службу во французских войсках во время войны 1812 г., на его похвалбу дружбой с Грибоедовым и на политические его доносы. Характеристика была настолько точной, что смысл заметки ни для кого не был темным. В ответ на эту заметку Булгарин выступил с новым пасквилом о происхождении Пушкина от негра, купленного за бутылку рома (см. «Моя родословная»). О смысле этого памфлета см. вступительную статью, с. 21—24.

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

Стихотворение А. С. Пушкина

Напечатано без подписи в «Литературной газете», 1830, № 43, 30 июля.

С. 127. *Оно удостоилось двух пародий...* — в «Вестнике Европы» (1830. Ч. 2) была напечатана пародия за подписью Л. С. и в «Московском телеграфе» (1830. № 32) за подписью Обезьянинов. В первой осмеивались произведения Пушкина, во второй — произведения поэтов пушкинского круга.

ДЕТСКАЯ КНИЖКА

При жизни Пушкина не печаталось.

С. 127. *Ветреный мальчик* — пародия на Николая Полевого.

С. 128. *Маленький лжец* — пародия на Павла Петровича Свиньина (1788—1839), издававшего журнал «Отечественные записки». Помимо склонности к хвастовству Свиньин отличался страстью открывать самородков и часто в них ошибался.

Ванюша — Н. И. Надеждин, критик «Вестника Европы». Слово «нигилист» было им применено в статье «Сонмище нигилистов» («Вестник Европы». 1829. № 1, 2).

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Черновой набросок полемической статьи. Под видом письма читателя в редакцию «Газеты» Пушкин затрагивал вопрос о тоне критики и полемики. Здесь Пушкин отвечал на статью Вяземского «Несколько слов о полемике», напечатанную в «Литературной газете» (1830. 18, 27 марта).

С. 129. *** — Николай Полевой.

АЛЬМАНАШНИК

Черновой набросок сатирических сцен. Под именем Бесстыдина выведен Бестужев-Рюмин, издатель альманаха «Северная звезда». См. «О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной звезде». Написано в 1830 г.

С. 132. *А. П., Е. Б., К. П. В.* — инициалы: А. Пушкин, Е. Баратынский, князь П. Вяземский.

С. 133. *...посади меня верхом...* — В те годы в Петербурге распространены были дешевые извозчицьи экипажи «гитары», род маленьких линеек. Они были рассчитаны на одного пассажира, который садился верхом. Потеснившись, можно было сесть и вдвоем, причем передний садился боком, «поперек».

О КРИТИКЕ

Черновой набросок задуманной Пушкиным статьи. Написан в 1830 г.

Заметка направлена против Ф. Булгарина, руководствовавшегося в своей критике «низкими корыстными побуждениями», беспринципно подлаживаясь ко вкусам неразборчивых потребителей его литературных упражнений.

НАБРОСКИ ПРЕДИСЛОВИЯ К «БОРИСУ ГОДУНОВУ»

Черновые наброски предполагавшегося предисловия к изданию «Бориса Годунова». Первый набросок написан в форме письма к Н. Н. Раевскому, причем Пушкин переработал и дополнил свое черновое письмо к нему, написанное во второй половине июля 1825 г. Набросок датирован 30 января 1829 г. Остальные наброски относятся к 1830 г., когда вопрос об издании трагедии был уже решен.

С. 134. *...le dernier tomela Karamsine.* — Том XI «Истории государства Российского», содержащий историю царствования Бориса Годунова и Лжедмитрия.

Гаврила Пушкин — Гавриил Григорьевич (ум. в 1638 г.), деятель Смутного времени.

С. 135. *Погорелое Городище* — посад в Тверской губернии, где Пушкин бывал во время своей поездки в Малинники (1828).

Je compte revenir aussi sur Шуйский. — Закончив «Бориса Годунова», Пушкин предполагал написать драматические произведения «Дмитрий и Марина» (название сохранилось в списке драматических замыслов) и «Василий Шуйский» (по воспоминаниям С. Шевырева).

С. 137. *В числе моих слушателей одного недоставало...* — Пушкин говорит о Карамзине.

С. 138. «*Аргивяне*» — трагедия В. Кюхельбекера.

А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии... — Из трагедии Жандра «Венцеслав» было напечатано только первое действие в альманахе «Талия», 1825 г.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ НА КРИТИКИ

Во время пребывания своего в Болдине осенью 1830 г. Пушкин начал писать большую статью, в которой делал обзор критических отзывов о его произведениях на протяжении всей его литературной деятельности. Статья осталась недописанной.

С. 139. *А. В. Шлегель* (1767—1845) — немецкий писатель, ученый и критик, теоретик романтизма; *Ф. Шлегель* (1772—1829) — брат А. В. Шлегеля; *Ж. Ф. Лагарп* (1739—1803) — французский драматург и теоретик литературы.

Пэан 12-го года — «Певец во стане русских воинов» Жуковского.

«Et moi vous soutiens que mes vers sont très bons» — цитата из «Мизантропа» Мольера, д. 1, явл. 2.

...уверял, что таковые стихи сами себя дурно рекомендуют — из рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина», напечатанную в «Галатее», 1830, № 14 («Стихи, которые сами себя рекомендуют с невыгодной стороны»).

Пушкин ошибся, считая, что это сказано в отзыве на «Полтаву». Автор рецензии С. Раич.

С. 140. *Нынче в несносные часы карантинного заключения...* — в начале октября 1830 г. Болдино было окружено карантинами вследствие холеры.

Кроме одной статьи в «Вестнике Европы»... — «Письмо к редактору» за подписью «Житель Бутырской слободы» в «Вестнике Европы» (1820. № 11). Автором ее был А. Г. Глаголев.

Дельные «вопросы». — В «Сыне отечества» (1820. № 38) было напечатано «Письмо к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» за подписью НН. Оно состояло из вопросов, отмечавших недостатки поэмы. Автором был Д. П. Зыков (1798—1827), друг Катенина, в 1823 г. член Северного тайного общества.

С. 141. *5 грамматических ошибок.* — 1. Стих из «Кавказского пленника». Ошибка отмечена Плетневым в «Соревнователе просвещения» (1822. № 10). Пушкин исправил соответствующий стих, первоначально читавшийся:

Остановлял он долго взор
На отдаленные громады.

2. В «Руслане и Людмиле», песня 3, в первом издании было:

На теме полунощных гор.

3. В стихотворении «Буря» в журнале «Московский вестник» (1827. № 2) было напечатано:

И ветер воил и летал.

4. В издании «Полтава» 1829 г. примеч. 4 читалось: «Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но был отказан». Ошибка была отмечена Надеждиным в «Вестнике Европы» (1829. № 9).

5. В «Борисе Годунове» в сцене, напечатанной в «Московском вестнике» (1827. № 1), «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» были два стиха:

А грозный царь игуменом смиренным
.....
Он говорил игумену и братья.

В издании трагедии 1831 г. эти стихи напечатаны следующим образом:

А грозный царь игуменом богомольным.
.....
Он говорил игумену и всей братье.

С. 144. *Г-н Федоров в журнале...* — Б. Федоров в журнале «Санкт-петербургский зритель» (1828. № 1) напечатал рецензию на четвертую и пятую

главы «Евгения Онегина». На замечания Федорова Пушкин отвечал в примечаниях к роману. Журнал Федорова прекратился на первом номере.

С. 145. ...*даже не заметили в «Вестнике Европы» латинской опечатки.* — В отдельном издании шестой главы «Евгения Онегина» в строфе 11 было напечатано *Sed altri tempora* (то было исправлено в новом полном издании романа).

Критику 7-ой песни в «Северной пчеле»... — бранный отзыв Булгарина в «Северной пчеле» (1830. № 25 и 39). Этот отзыв Пушкин цитирует в предисловии к двум последним главам «Евгения Онегина», которое он хотел предпослать изданию этих глав.

В черновой рукописи вместо слов «описание Москвы взято из «Ивана Выжигина»» было:

«Стихи:

Архивны юноши на Таню
Толпою чопорной глядят

взяты из «Ивана Выжигина». Весь отрывок был напечатан в «Северной пчеле» года два прежде появления «Выжигина». А неправильное выражение Архивны юноши принадлежит не мне, а приятелю моему Соболевскому».

С. 145. *Шутки наших критиков...* — Пушкин цитирует рецензию на «Северные цветы» из «Вестника Европы» (1830. № 2). В «Сыне отечества» (издававшемся Булгариным, редактором «Северной пчелы») в № 16 была напечатана бранная статья против Дельвига, где говорилось: «Если бы немцы знали по-русски, то сказали бы то же самое, что «Вестник Европы» — эти стихи! — хи, хи, хи!»

С. 146. *Является колкое стихотворение...* — эпиграмма Баратынского «Писачка в Фебов двор явился» (Литературная газета. 1830. № 33). На эпиграмму отвечал Н. Полевой пародией за подписью Гамлетов «Пришел поэт и пущен на Парнас» (в приложении к «Московскому телеграфу» «Новый живописец», 1830, № 13).

Поэту вздумалось описать любопытное собрание б у к а ш е к. — Стихотворение Пушкина «Собрание насекомых» вызвало ряд грубых пародий в «Вестнике Европы» (1830. № 8) и в «Московском телеграфу» (1830. № 8).

С. 147. *Господа чиновные журналисты...* — Булгарин, прежде смеявшийся над купеческим происхождением Н. Полевого, в 1830 г. возглавил нападения на участников «Литературной газеты» как на «литературных аристократов».

С. 148. *В одной газете (почти официальной)...* — В «Северной пчеле» (1830. № 94) был напечатан памфлет на Пушкина, выведенного в качестве поэта в «Испанской Америке»; о нем сообщалось, что предок его был куплен шкипером за бутылку рома. Пушкин отвечал на памфлет Булгарина стихотворением «Моя родословная».

Один журналист принял мое послание... — Н. Полевой напечатал в «Московском телеграфу» (1830. № 10) «Утро в кабинете знатного барина»; в этой сценке он высмеивал Пушкина, подносящего Юсупову свое послание.

...*в статье, заимствованной у «Минервы»...* — В рукописи описка:

«у Мервы» (прежде ошибочно читалось: «у Мерсье»). «Минерва» — французский политический журнал, выходивший с февраля 1818-го до марта 1820 г. и прекративший выход в свет по цензурным причинам. Во главе журнала стоял Б. Констан.

С. 149. *Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя...* — Рылеев писал Пушкину в апреле 1825 г.: «...характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и собирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом». Вяземский в рецензии на «Цыган» (Московский телеграф. 1827. № 10) писал: «...не хотелось бы видеть, как Алеко по селяням водит с пеньем медведя. Лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошаадьми».

...укоряли меня слишком дорогою ценою «Евгения Онегина»... — В «Северной пчеле», 1830, № 40.

С. 150. *...самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire)...* — намек на полемику Вяземского и М. Дмитриева по поводу предисловия к «Бахчисарайскому фонтану». В своем ответе Дмитриеву в «Дамском журнале» (1824. № 8) Вяземский писал: «У нас слово народный отвечает одно двум французским словам: populaire et national».

С. 151. «Граф Нулин» *наделал мне больших хлопот...* — Заметка отвечает на рецензию Надеждина в «Вестнике Европы» (1829. № 3).

С. 152. *В альманахе, изданном г-ном Федоровым...* — см. «О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной звезде» (с. 98).

С. 153. «Печатный лист кажется святым» — из сатиры И. Дмитриева «Чужой толк», где говорится, что целью новых поэтов является иль дружество с князьком,

Иль похвала своих писателей, а им
Печатный всякий лист быть кажется святым.

Habent sua fata libelli. — Эта заметка, кончая словами «ужасного предмета», была напечатана в альманахе М. Максимовича «Денница» на 1831 г. Соответствующая часть печатается здесь по окончательному тексту. Отличия его от рукописного преимущественно стилистические. Уже в рукописи Пушкин сделал некоторые сокращения. Заметка начиналась: «Самая зрелая из всех моих стихотворных повестей та, в которой все почти оригинально (а мы из этого только и бьемся, хоть это еще не главное). «Полтава», которую Жуковский, Гнедич, Дельвиг, Вяземский предпочитают всему, что я до сих пор написал, «Полтава» не имела успеха».

Кроме того, пропущена фраза: «Низкими словами я, как В. Кюхельбекер, почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь низкие понятия, например нализаться вместо выпиться пьяным и т. п.».

Максимович сопроводил этот отрывок примечанием: «Рукопись, из которой взят сей отрывок, содержит весьма любопытные замечания и объяснения Пушкина о поэмах его и некоторых критиках. Из оной видно, что поэт не опровергал критик потому только, что не хотел».

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи... — Булга-

рин в «Сыне отечества» (1829. № 15 и 16), Надеждин в «Вестнике Европы».

«Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю» — из комедии «Хвостун» Я. Княжнина.

Вспомните предания мифологические... — Пушкин перечисляет персонажей из «Метаморфоз» («Превращений») Овидия: Леду, любовницу Юпитера, превратившегося в лебедя; Филлиду, любовницу Сатурна, превратившегося в коня; Пазифаю, родившую от быка Минотавра; Пигмалиона, влюбившегося в статую; Мирру, бывшую в кровосмесительной связи с отцом. На тему о Мирре написал трагедию итальянский драматург В. Альфиери (1749—1803).

Мазепа злой и глупый старичишка. — В «Сыне отечества» Мазепа в изображении Пушкина назван «безрассудным и мстительным старичишкой», «злым дураком»; в «Вестнике Европы» — «лицемерным бездушным старичишкой».

С. 155. «Жену страдальца Кочубеля...» — из второй части поэмы Рылеева «Войнаровский».

В одной газете официально сказано было, что я мещанин во дворянстве — в «Северной пчеле», 1830, № 94.

С. 156. *См. Рюлиера и Кастера* — запрещенные в России книги, в которых говорится о перевороте 1762 г.: Рюльер «Анекдоты о перевороте в России» (1762) и Кастера «История Екатерины II» год VIII (1800), обе на французском языке.

ОПЫТ ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИИ

Эта неоконченная статья явилась в результате радикальной переработки статьи «Опровержение на критики».

Сохранился общий план статьи, из которого явствует предполагаемое содержание отсутствующих параграфов (2 и 3):

§ 1

О личной сатире. Китайский анекдот. Сам съешь.

§ 2

О нравственности. О графе Нулине. Что есть безнравственное сочинение. О Видоке.

§ 3

Об литературной аристократии. О дворянстве.

Разговор о примечании.

Заключение.

Эпиграф взят из письма Р. Саути к издателю «Курьера» (1822).

С. 158. «Глухой глухого звал...» — подражание французской эпиграмме Пелисона (1624—1693) «Трое глухих».

Эпиграмму Пушкин начал переделывать, но не кончил. Два последних стиха были изменены:

Судья решил: терпеть нельзя разврата;
Жените ж молодца, хоть девка виновата.

Можно не удостаивать ответом... — цитата из статьи Н. Полевого в «Московском телеграфе», 1830 г., № 9.

С. 159. *Перевод Илиады* — сделанный Н. Гнедичем.

С. 160. *Один из великих наших сограждан...* — Карамзин.

...уехал бы в Константинополь. — Пушкин имеет в виду, что в Турции в эти годы более, чем где-либо в Европе, господствовал самодержавный произвол и граждане были лишены каких бы то ни было политических прав, в том числе и свободы слова. Турецкая цензура считалась самой строгой.

Первым примером обязаны мы...** — Булгарин под видом «китайских анекдотов» или сообщений из Китая печатал в «Северной пчеле» пасквили на современников.

Кухенрейтерские пистолеты. — Кухенрейтер — известный в свое время фабрикант пистолетов. *Ф. Р. Шатобриан* (1768—1848) — французский писатель и политический деятель.

Один из наших литераторов... — Булгарин, вызванный в свое время на дуэль Дельвигом.

С. 161. *...такой-то французский стихотворец...* — В «Анекдоте», напечатанном Булгариным в «Северной пчеле» (1830. № 30), под видом французского поэта выведен Пушкин, а под именем Гофмана, французского писателя, по происхождению немца, выведен сам Булгарин. Весь анекдот, будто бы заимствованный из английского журнала, является пасквилом на Пушкина. На это Пушкин ответил заметкой о Видоке.

С. 161. *Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие.* — Заметка заключает в себе обвинение Булгарина в плагиате из «Бориса Годунова». Пушкин сообщает, что он давал рукопись Бенкендорфу («некоторым мандаринам»), от которого Булгарин получил рукопись. В романе Булгарина «Дмитрий Самозванец» (1830) Пушкин усмотрел несколько заимствований из своей трагедии, о чем стал открыто говорить. Булгарин по этому поводу обращался к Пушкину с письмом от 18 февраля 1830 г., уверяя его, что он не читал «Бориса Годунова» и знает о нем понаслышке. Кроме того, он напечатал

рецензию на седьмую главу «Евгения Онегина», в которой утверждал, что Пушкин «взял обильную дань из «Горя от ума» и, просим не прогневаться, из другой известной книги» (имеется в виду «Иван Выжигин», роман Булгарина).

С. 161. Читал ты замечание в № 45 «Литературной газеты»... — В этом номере «Литературной газеты» напечатана анонимная заметка, начинающаяся словами: «Новые выходы против так называемой литературной нашей аристократии...» Подробнее об этом см. вступительную статью, с. 21—24.

ОБ АЛЬФРЕДЕ МЮССЕ

При жизни Пушкина не печаталось. Написано осенью 1830 г.

С. 165. *Скептик Делорм*. — В 1829 г. Сент-Бёв издал книгу своей лирики от имени будто бы умершего поэта: «Жизнь, стихи и мысли Жозефа Делорма»; в 1830 г. он же анонимно издал сборник стихов «Утешения». См. рецензию Пушкина на эти книги, с. 178—184.

...молодой поэт с книжечкой сказок и песен... — первый сборник Мюссе «Сказки Испании и Италии» (1829).

Э. Д. Парни (1753—1814) — французский поэт.

С. 166. *Гофман* (1760—1828) и *Кольне* (1768—1832) — французские критики, сторонники классицизма.

«*Difficile est proprie communia dicere*» — эпиграф к «Дон-Жуану» Байрона, взятый из Послания к Пизонам об искусстве поэзии Горация.

О НАРОДНОЙ ДРАМЕ И ДРАМЕ «МАРФА ПОСАДНИЦА»

Неоконченная статья Пушкина, посвященная разбору драмы М. Погодина «Марфа Посадница». Во вводной части Пушкин изложил свои взгляды на драматическое искусство, сложившиеся в период его работы над «Борисом Годуновым». Статья написана осенью 1830 г.

С. 167. *Корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия*. — По-видимому, ошибка Пушкина, и он имел в виду «Ифигению в Авлиде» Расина, д. V.

С. 168. *Филоктет*, *Эдип* — трагедии Софокла; *Лир* — трагедия Шекспира. *Ликтор* — в Древнем Риме служитель при высшем правительственном лице; *альдерман* — член городского управления в Англии.

С. 169. *У Расина... Нерон... «Британник»*, д. II, явл. 3.

Агамемнон будит своего наперсника... — начальные стихи «Ифигении в Авлиде» Расина.

«*Дмитрий Донской*» — трагедия Озерова (1807); «*Пожарский*» — трагедия М. В. Крюковского (1807).

С. 170. «*Ермак*» — трагедия А. С. Хомякова (1829).

Две драматические сатиры — «Недоросль» Фонвизина и, вероятно, «Горе от ума» Грибоедова.

«Марфа Посадница» Погодина в 1830 г. была известна Пушкину в рукописи. Данная статья должна была явиться отзывом на ее издание, осуществленное только в 1832 г.

БАРАТЫНСКИЙ

При жизни Пушкина статья не печаталась. Написана, по-видимому, в октябре — ноябре 1830 г. в Болдине и, вероятно, предназначалась для «Литературной газеты».

С. 173. *Баратынский написал две повести...* — Речь идет о его поэмах: «Эда, финляндская повесть» (1826) и «Бал» (1828).

С. 174. *...выше певца Пенатов и Тавриды* — т. е. выше Батюшкова.

ЗАМЕТКА О «ГРАФЕ НУЛИНЕ»

Написана в 1830 г. При жизни Пушкина не печаталась.

С. 176. *Публикола не взбесился бы...* — Имя Публиколы (Публия Валерия) не фигурирует в поэме Шекспира; оно упоминается только в кратком содержании, предваряющем поэму.

ПИСАТЕЛИ, ИЗВЕСТНЫЕ У НАС ПОД ИМЕНЕМ АРИСТОКРАТОВ...

Написано в 1831 г. Заметка связана с «Письмом к издателю «Литературной газеты» и «Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений».

С. 177. *Один аристократ... извинялся...* — Имеется в виду статья Вяземского «Несколько слов о полемике» (Литературная газета, 1830. № 18).

ОБОЗРЕНИЕ ОБОЗРЕНИИ

Написано в 1831 г.

С. 177. *«Journal des débats»* — французская газета, издававшаяся с 1789 г. *Edinburg review* — «Edinburgh magazin and Review», английский журнал, издававшийся с 1773 г.

С. 178. *...какой голос может иметь «Северный Меркурий»?* — Пушкин отождествляет газету, издававшуюся в 1830—1832 гг. Бестужевым-Рюминым, с «Северной пчелой» Булгарина. Газета Бестужева-Рюмина отличалась той же нечистоплотностью в полемике и низким культурным уровнем.

VIE, POÉSIES ET PENSÉES DE JOSEPH DELORME

(Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма)

LES CONSOLATIONS. POÉSIES PAR SAINTE-BEUVE

(Утешения. Стихотворения Сен-Бёва)

Напечатано в «Литературной газете», 1831, № 32, 5 июня.

С. 183. Буало заменил сие правило законом об гиагусе. — Пушкин приводит стихи из первой песни «Поэтического искусства» Буало.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ, ИЛИ ОПРАВДАННЫЙ АЛЕКСАНДР АНФИМОВИЧ ОРЛОВ

Напечатано в «Телескопе», 1831, № 13, за подписью: Феофилакт Косичкин. Статья написана по поводу «Литературных замечаний» Греча (Сын отечества. 1831. № 27), восхваляющих роман Булгарина «Иван Выжигин» в ответ на уничтожающую оценку произведений Булгарина в статье Надеждина (Телескоп, 1831. № 9). Критическая статья Надеждина была написана по поводу трех брошюр А. А. Орлова: «Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина» (М., 1831), «Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина» (М., 1831) и «Смерть Ивана Выжигина» (М., 1831).

С. 186. ...он живет в своей деревне, близ Сокольников; и он просил меня не посылать к нему всякого вздору. — Пушкин пародирует замечание Греча, который заключил свои «Литературные замечания» словами: «Булгарин живет в деревне своей подле Дерпта и не читает «Телескопа» (он просил меня не посылать к нему вздоров)».

С. 187. ...бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское... — Булгарин во время Отечественной войны служил во французской армии.

«Совестдрал» и «Английский милорд» — лубочные повести: «Похождение ожившего нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совестдрала большого носа» (перевод с польского, 1781) и «Повесть о приключении английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фридерики Луизы, с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и Сардинской королевы Терезии» М. Комарова (1782).

С. 189. Он не задавал обедов иностранным литераторам... — намек на обед, который в 1826 г. устроили Булгарин и Греч в честь французского писателя Ансело, который затем расхвалил романы Булгарина и грамматику Греча в своей книге «Six mois en Russie», 1827.

Каркасы — зажигательные снаряды.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИЗИНЦЕ г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМ

Напечатано в «Телескопе», 1831, № 15, с подписью: Ф. Косичкин.

С. 191. *Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов...* — намек на примирение Булгарина и Греча с Н. А. Полевым.

«Ведь, кажется, у нас по полной оплеухе». — Пушкин на память цитирует стих из комедии Княжнина «Чудаки» (д. IV, явл. 12), где лакей Высонос, мирясь после драки со своим недругом лакеем Пролазом, восклицает: «И, помнится, у нас по полной оплеухе».

С. 192. *...письма Бригадирши.* — «Венок, сплетенный Бригадиршею из журнальных листов для издателя «Московского телеграфа», письма, представляющие собою сводку отрицательных отзывов (в том числе и Булгарина) о Н. А. Полевом, которую А. Ф. Воейков поместил в «Славянине», 1829 г.

...славный Грипусье — Н. А. Полевой. В отделе мод «Московского телеграфа» сообщалось о цветах платьев «голубом, розовом и грипусье»; последнее слово являлось искажением французского «grie-poussièr» (серый цвет пыли). Это вызвало насмешки по адресу Полевого со стороны «Северной пчелы».

Хамелионистика — фельетоны А. Ф. Воейкова, печатавшиеся в 1828 г. в «Славянине».

С. 194. *...я не похожу на того китайского журналиста...* — Речь идет о Грече, который, работая совместно с Булгариным, в частных разговорах постоянно от него отгораживался.

План романа «Настоящий Выжигин» является сатирической схемой биографии Булгарина. Некоторые детали этой биографии Пушкин слышал от подполковника Спечинского, который рассказывал (вероятно, в апреле 1830 г.), что знал Булгарина в Ревеле, где он служил разжалованным в солдаты и страдал запоем. Он посещал слугу Спечинского Григория, у которого унес шинель и пропил ее. Главы V — VII основаны на том, что уволенный в 1811 г. из военной службы Булгарин бежал в Варшаву, затем перебрался во Францию, служил в войсках Наполеона, принимал участие в походе 1812 г., затем вернулся в Россию, занялся журналистикой, после 1825 г., чтобы реабилитировать себя как человек, бывший в близких отношениях с декабристами, занялся политическими доносами и устроился в качестве официального журналиста под покровительством шефа жандармов Бенкендорфа. Вместе с Гречем («Высухин») издавал «Сын отечества». Как издатель этого журнала и газеты «Северная пчела» был монополистом в петербургской печати.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИБАВЛЕНИЙ К «РУССКОМУ ИНВАЛИДУ»

Напечатано в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», 1831, № 79, где заметка Пушкина была включена в рецензию Л. Яку-

бовича на первую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя.

С. 195. *Les précieuses ridicules* — жеманницы, изображенные в одноименной комедии Мольера.

«ПУТЕШЕСТВИЕ К СВ. МЕСТАМ» А. Н. МУРАВЬЕВА

Незаконченный черновой набросок рецензии. Написан в 1832 г. Книга А. Н. Муравьева «Путешествие к св. местам в 1830 г.» вышла в свет в начале 1832 г.

С. 196. *В 1829 году внимание Европы было обращено на Адрианополь...* — В Адрианополе 14 сентября 1829 г. был заключен мир, обеспечивший независимость Греции и давший территориальные приобретения России.

«Здесь у подошвы Сиона...» — цитата из путевых записок Д. Дашкова «Русские поклонники в Иерусалиме. Отрывок из путешествия по Греции и Палестине, в 1820 году» («Северные цветы» на 1826 год).

...он не старается, как Шатобриан... — в «Путевых записках от Парижа до Иерусалима» Шатобриана (1811).

Преобразователь Египта — Мегмет-Али, правивший Египтом с 1805 г.

О САЛЬЕРИ

Написано не ранее середины 1832 г.

С. 197. *В первое представление «Дон Жуана»...* — Опера была поставлена в Праге в октябре 1787 г. Сальери присутствовал не на этом спектакле, а в 1788 г. в Вене.

Сальери умер лет 8 тому назад. — Итальянский композитор Антонио Сальери умер в 1825 г. Сальери в самом деле признался перед смертью, но насколько его признание соответствует действительности до сих пор является предметом споров.

НАЧАЛО СТАТЬИ О В. ГЮГО

Написано в 1832 г.

С. 197. *Прелестные шалости Коле.* — Шарль Коле (1709 — 1783) — автор легких сатирических песенок и комедий, один из основателей литературного общества «Погребок».

С. 197. *В «Литературной газете» упомянули о них с похвалой...* — Речь идет о статье самого Пушкина. *Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*, (см. с. 178).

СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ В СТИХАХ ПАВЛА КАТЕНИНА

Напечатано в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» 1833 г., № 26, 1 апреля, с подписью: А. Пушкин и датой: 14 марта 1833.

С. 199. ...*Гнедич взялся высказать их мнения...* — рецензия Н. И. Гнедича «О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» в «Сыне отечества» (1816. № 27), где он писал, что стихи перевода Катенина «оскорбляют слух, вкус и рассудок». В ответ на критику Гнедича Грибоедов выступил в защиту Катенина с антикритикой «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора» (Сын отечества. 1816. № 30).

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ

Эта статья, предназначавшаяся Пушкиным к печати, не могла появиться в свет по цензурным причинам. Пушкин писал ее с декабря 1833 г. до апреля 1834 г. Глава «Москва» написана в январе 1835 г. Текст статьи сохранился в черновом и беловом виде. Перебеляя статью, Пушкин сделал несколько сокращений, некоторые из них — из цензурных соображений.

В рукописи статья заглавия не имела; под настоящим заглавием она печатается с 1936 г. Подробнее о смысле статей о А. Н. Радищеве см. вступит. статью, с. 27—32.

С. 201. *Нравственно-сатирический роман* — «Иван Выжигин» Ф. Булгарина.

С. 202. *Fuit Troja, fuitus Trojani* — неточная цитата из «Энеиды» Вергилия, песня II.

С. 203. ...*московские обеды (так оригинально описанные кн. Долгоруким)*... — см. стихотворение И. М. Долгорукова «Пир».

С. 205. ...*петербургские журналы судят о литературе*... — Первоначально было: «Северная пчела» судит о литературе».

...*сравнение между обеими столицами*. — В рукописи Пушкина это сравнение не находится. Написано только заглавие «Москва и Петербург». Предполагали, что Пушкин имел в виду Гоголя и его «Петербургские записки».

С. 206. Рапорт Ломоносова напечатан был в журнале «Московский телеграф» (1827. № 22), откуда и выписан Пушкиным.

С. 211. *У нас, как заметила M-me de Staël*... — в «Десятилетнем изгнании». *Журналист, ошельмованный в общем мнении*. — Эта характеристика относится к Ф. Булгарину.

С. 213. ...*в царствование Людовика XV и его преемника*... — После этих слов в черновой редакции было: «Все это, конечно, переменялось, и я полагаю, что французский земледелец ныне счастливее русского крестьянина.

Однако строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе русского крестьянина:

К тому ж подушное, боярщина, оброк,
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?»

(строки из басни И. А. Крылова «Крестьянин и смерть»)

С. 214. *Лучшие и прочнейшие изменения...* — Эти слова от имени воображаемого автора (Гринева) Пушкин включил в текст «Капитанской дочки», глава VI. Следует отметить, что и в данном случае та же мысль высказана от воображаемого автора «Путешествия из Москвы в Петербург», взгляды которого во многом явно не совпадают со взглядами самого Пушкина, и объясняется необходимостью приспособить статью к цензурным условиям.

С. 216. «*Чудовище, склоняся на колыбель детей...*» — из послания Жуковского «Императору Александру» (1814).

С. 217. *Просто дум в комедии Княжнина...* — из комедии Я. Княжнина «Хвастун», д. I, явл. V.

С. 219. *А. Х. Востоков определил его...* — Имеется в виду исследование выдающегося русского ученого А. Х. Востокова (1781—1864) «Опыт о русском стихосложении» (1817).

С. 219. *Один из французских публицистов...* — Бенжамен Констан (1767—1830) в «Размышлениях о конституциях и гарантиях» (1814). То же самое он повторил в своих позднейших политических трактатах.

О НИЧТОЖЕСТВЕ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОЙ

Написано в 1834 г. Статья является развитием раннего наброска «О поэзии классической и романтической». Дошедший до нас отрывок — только часть задуманной статьи; под настоящим заглавием (в рукописи оно отсутствует) печатается с 1934 г. О полном ее содержании можно судить по сохранившимся планам:

1) Быстрый отчет о французской словесности в 17-м столетии.

2) 18-е столетие.

3) Начало русской словесности. Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация. Умирает 28 лет. Ломоносов, плененный гармонией рифма, пишет в первой своей молодости оду, исполненную живости... и обращается к точным наукам... славою Сумарокова. Сумароков. В сие время Тредьяковский, один понимающий свое дело. Между тем 18-е столетие...

4) Екатерина — ученица 18-го столетия. Она одна дает толчок своему веку. Ее угождения философам. Наказ. Словесность отказывается за нею следовать, точно так же как народ (члены комиссии, депутаты). Державин, Богданович, Дмитриев, Карамзин, Екат., Фонвизин и Радищев.

Век Александров. Карамзин уединяется, дабы писать свою Историю.

Дмитриев — министр. Ничтожество общее. Между тем французская обмелевшая словесность *en vahit tout*. Voltaire и великаны не имеют ни одного последователя в России; но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов, Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, М-ме Жанлис овладевают русской словесностью, Sterne нам чужд, за исключением Карамзина. Парни и влияние сластолюбивой поэзии на Батюшкова, Вяземского, Давыдова, Пушкина и Баратынского. Жуковский и двенадцатый год, влияние немецкое превозмогает.

Нынешнее влияние критики французской и юной словесности. Исключения.

Кантемир. Ломоносов. Тредьяковский. Влияние Кантемира уничтожено Ломоносовым, Тредьяковского — его бездарностью. Постоянное бореие Тредьяковского. Он побежден. Сумароков. Екатерина (Вольтер). Фонвизин. Державин.

С. 224. *Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля.* — Слово «алгебра» арабского происхождения; пропагандистом философии Аристотеля в конце XII в. был арабский философ Аверроэс.

Сын молдавского господаря — Антиох Кантемир.

Сын холмогорского рыбака — М. Ломоносов. В 1730—1735 гг. он учился в Славяно-греко-латинской академии при Заиконоспасском монастыре в Москве.

С. 225. *Тройственная поэма* — «Божественная комедия» Данте, состоящая из трех частей: Ад, Чистилище, Рай.

«*Rima des triolets, fit fleurir la ballade*» — стих из «Поэтического искусства» Буало.

...оцененный великим критиком, — т. е. Буало; приведены стихи из «Поэтического искусства».

С. 227. ...*сладокоречивый епископ в книге, исполненной смелой философии...* — Фенелон в книге «Приключения Телемака» (1699).

...*высшее общество, как справедливо заметил один из новейших писателей...* — Вероятно, г-жа де Сталь, которая писала в «Десятилетнем изгнании» в главе XIX: «Хорошее общество всех стран одинаково (*Se ressemble*)».

Он написал эпопею, с намерением очернить кафолицизм... — «Генриада» (1728).

Циническая поэма — «Орлеанская девственница».

С. 228. *Европа едет в Ферней на поклонение* — к Вольтеру, который с 1760 г. жил в своем имении в Фернее (Швейцария).

...*благословляя внука Франклина...* — В 1778 г. в Париже Франклин, тогда посланник Соединенных Штатов во Франции, привел к Вольтеру своего внука, и тот сказал ему ставшие знаменитыми слова: «Бог и свобода».

БАЙРОН

Написано, по-видимому, в 1835 г. Является наброском начала статьи-биографии о Байроне. На листе автографа статьи имеется помета: «О Байроне и о предметах важных. 1835. Черная Речка, дача Миллера, 25 июля», являющаяся цитатой (не совсем точной) из «Горя от ума» Грибоедова (д. IV, явл. 4, слова Репетилова: «О Бейроне, ну, о матерях важных»). Французская выписка взята из «Мемуаров лорда Байрона» Т. Мура (Париж, 1830. Т. 1, с. 31—33).

«ТРИ ПОВЕСТИ» Н. ПАВЛОВА

Черновая рецензия, не появившаяся в печати. Сборник Н. Ф. Павлова (1805—1864) «Три повести» вышел в свет в 1835 г. Наличие в нем критики крепостного права привлекло внимание Николая I, и он приказал объявить цензору книги И. М. Снегиреву (1793—1868) строгий выговор.

С. 236. ...*расхвалили в «Московском наблюдателе»*... — в отзыве С. П. Шевырева (Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1).

ЗАПИСКИ ЧУХИНА, СОЧИНЕНИЕ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА

Начало неоконченной рецензии. «Памятные записи титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни» вышли в свет в 1835 г.

КОМЕДИЯ ЗАГОСКИНА «НЕДОВОЛЬНЫЕ»

При жизни Пушкина не печаталось. Написано в начале 1836 г. в связи с постановкой в Москве и Петербурге и выходом в печати комедии Загоскина.

С. 237. ...*строгий приговор над новой комедией*... — Отрицательные рецензии на комедию были напечатаны в «Московском наблюдателе» (1835. Ч. 4. Кн. 1), в «Телескопе» (1835. Кн. 13). Белинский поместил подробный разбор комедии в «Молве» (1835. № 48—49).

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ГЕОРГИЯ КОНИСКОГО.

Напечатано в «Современнике», 1836, кн. 1.

С. 239. *Диссиденты* — здесь: православные в Литве, не признававшие Унию (соединение с католической церковью), утвержденную церковным съездом в Бресте в 1596 г. К числу диссидентов в Польше относили также и протестантов.

Слуцкая конфедерация — союз православных, депутаты которых собрались в Слуцке в марте 1767 г. для защиты гражданских прав православных в Польше.

Барская конфедерация — объединение представителей польской шляхты, боровшихся против русского влияния в Польше, организованное в городе Баре в марте 1768 г. Деятельность участников Барской конфедерации в области общей политики сводилась к борьбе против России, вовлечению Турции в войну с Россией и пр., в области церковной политики — к борьбе против уравнивания православных в правах с католиками, что прикрывало борьбу с национальным движением украинцев, находившихся в пределах Польши.

Шуазёль (1719—1785) — французский министр иностранных дел с 1758 до 1770 г. Придерживался политики, враждебной России, и поддерживал в Турции и Польше противников России.

...Подмогу, какая дана Сикеоту... — Федор Сикеот, в житии которого (22 апреля) сообщается о его подвижничестве и о покровительстве св. Георгия.

С. 243. *Но главное произведение Кониского...* — Пушкин интересовался рукописной «Историей Руссов или Малой России», которую долгое время приписывали Георгию Конискому. Об «Истории Руссов» сообщил Пушкину М. А. Максимович в 1829 г.

С. 244. *...как видно даже из эпитафии...* — В стихотворной эпитафии Георгия Кониского есть стих:

Георгий именем я из Кониских дому.

Ясыр — по-украински пленные.

Геалт — насилие.

...в запись не отказано. — Темное место. В других списках: «в запас не отправлено».

...урядников римских. — В других списках: «урядников польских и духовных римских».

Зрада — измена.

Байрак — буерак, лесистый овраг.

С. 247. *...но скоро замолкли...* — В журнале цензурный пропуск: «Женам сим, по невероятному тогдашнему зверству, обрезавши груди, перерубили их до одной, а сосцами их били мужей, в живых еще бывших, по лицам их».

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ДОЛИНЕ АЖИТУГАЙ»

Напечатано в «Современнике», 1836, кн. 1. Появление рассказа Султана Казы-Гирея вызвало требование Бенкендорфа впредь не печатать произведения офицеров без разрешения военных властей. По-видимому, такое разрешение для Казы-Гирея было дано, и в следующей книге «Современника» появился его «Персидский анекдот». Кроме этих двух рассказов Султан Казы-Гирей до конца жизни (умер в 1863 г.) не написал ни одного произведения.

ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНИЯ

Повесть в стихах, сочинение Виланда

Напечатано в «Современнике», 1836, кн. 1. Переводчиком стихотворной сказки Виланда «Перфонт, или Желания» (1778) был Е. П. Люценко (1776—1854), служивший в 1811—1813 гг. в Царскосельском лицее. Перевод был сделан еще в 1807 г. Пушкин отвечал на выпады Н. Надеждина в «Молве» (1836. № 1) и О. Сенковского в «Библиотеке для чтения» (1836. № 2); последний отзыв и пересказывает Пушкин.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

Напечатано в «Современнике», 1836, кн. 1.

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ

Статья была подготовлена Пушкиным для напечатания в третьей книге «Современника», но была запрещена по распоряжению министра народного просвещения С. С. Уварова 26 августа 1836 г.

Учитывая чрезвычайно трудные цензурные препятствия, Пушкин во многих местах просто изложил официальную точку зрения на Радищева. Для Пушкина главной целью было снять запрет с имени Радищева и добиться права писать о нем. Еще в 1823 г. он писал Бестужеву: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? это умолчание не простительно...» Уваров дал следующее заключение: «Статья сама по себе недурна и с некоторыми изменениями могла бы быть пропущена. Между тем, нахожу неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и о книге, совершенно забытых и достойных забвения».

Пушкин воспользовался в статье биографическими данными, находящимися в произведении А. Н. Радищева «Житие Ф. В. Ушакова», и некоторыми сведениями, полученными от современников Радищева. Об этом свидетельствует следующая черновая запись:

«Козодавлев, Ушаков и Радищев из пажей, Насакин, Наумов из гвардии сержантов посланы Екатериною в чужие края. Ушаков умирает рано. Козодавлев и Радищев входят протоколитами в сенат. Насакин — игрок и пьяница. Наумов умирает молодым. Гр. Воронцов покровительствует Радищеву по службе.

Дмитриев у Державина слышит от Козодавлева об Путешествии и. Державин доносит о Путешествии Зубову».

С. 250. ...*один на чреде заметной обнаружил совершенное бессилие...* — О. П. Козодавлев (1754—1819), с 1810 по 1819 г. министр внутренних дел.

С. 253. ...переписка с одним из тогдашних вельмож... — с графом А. Р. Воронцовым (1741—1805). Воронцов был начальником Радищева по службе в Коммерц-коллегии и оказывал ему покровительство.

С. 254. *Граф Завадовский* — гр. П. В. Завадовский (1738—1812), министр народного просвещения, председатель комиссии составления законов.

С. 255. «*Алеша Попович*» — поэма сына Радищева, Н. А. Радищева (1778—1829), ошибочно приписанная Пушкиным самому Радищеву.

С. 258. Главу «Клин» Пушкин, вероятно, избрал из соображений цензурной осторожности. Эта глава (без имени Радищева) была уже напечатана в «Северном вестнике» (1805. Ч. 5. Январь) под названием «Отрывок из бумаг одного россиянина»).

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

Напечатано в «Современнике» 1836, кн. 2, без подписи. Отчет написан на основании отдельно изданной брошюры «Заседание, бывшее в Российской Академии 18 января 1836 г.».

С. 260. *Карамзин справедливо удивляется...* — Приведенная цитата взята из речи Карамзина, произнесенной в Российской Академии 5 декабря 1818 г. по случаю его избрания в члены академии.

«*Словарь обветшал, пока еще над ним трудились...*» — цитата из предисловия Вильмена к Словарю Французской академии 1835 г.

С. 264. ...*мысли о древней и новой России...* — неопубликованная еще в то время записка Карамзина «О древней и новой России» 1810 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 2, без подписи. Речи Скриба и Вильмена переведены из отдельной брошюры, пересланной Пушкину А. И. Тургеневым из Парижа в конце февраля 1836 г. Заседание, на котором произнесены эти речи, состоялось 28 января. В переводе опущен конец речи Скриба, посвященный «свободе песни».

С. 265. «*Наш боец чернокудрявый...*» — Стихи Н. М. Языкова из его послания Д. В. Давыдову, напечатанного в «Московском наблюдателе» (1835. Кн. 3) Пушкин цитировал по памяти (у Языкова: «Ты боец чернокудрявый»).

...*J. Jaup в своем фельетоне осмел того и другого* — в газете «Journal des Débats» 1836, 3 февраля, в фельетоне «Скриб и его вступительный водевил».

С. 267. Сноска со ссылкой на мемуары Ласказа о пребывании Наполеона на острове Св. Елены сделана Пушкиным.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЗАПИСКАМ Н. А. ДУРОВОЙ

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 2, без подписи, в качестве издательского предисловия к «Запискам». Эпиграф — из IV книги «Метаморфоз» Овидия (стих 820).

«ИСТОРИЯ ПОЭЗИИ» С. П. ШЕВЫРЕВА

Написано в начале 1836 г. «История поэзии» Шевырева вышла в свет в конце декабря 1835 г. Заметка осталась незавершенной.

МНЕНИЕ М. Е. ЛОБАНОВА О ДУХЕ СЛОВЕСНОСТИ, КАК ИНОСТРАННОЙ, ТАК И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 3, без подписи.

С. 282. *Sponte sua, sine lege* — цитата из 1-й песни «Метаморфоз» Овидия.

С. 283. «О движении журнальной литературы» — статья Гоголя.

С. 285. *Германская философия, особенно в Москве...* — Пушкин имеет в виду группу московских любителей.

ВОЛЬТЕР

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 3.

С. 290. *Фрерон* (1719—1776) — французский реакционный критик, противник Вольтера; в свою очередь Вольтер преследовал Фрерона жестокими сатирами.

Желание Ювенала — вошедший в поговорку стих Ювенала из 10-й сатиры: «Надо молиться, чтобы был здоровый дух в здоровом теле, сильная душа, не знающая страха смерти».

Устрица Лафонтена — из его басни «Устрица и спорщики».

«*Скапиновы обманы*» — комедия Мольера.

С. 293. *...не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана...* — Пушкин намекает здесь на факты собственной биографии — оскорбившее его камер-юнкерское звание и тяжелую зависимость от царя.

ФРАКИЙСКИЕ ЭЛЕГИИ. СТИХОТВОРЕНИЯ ВИКТОРА ТЕПЛЯКОВА, 1836

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 3, без подписи. Стихотворения Теплякова (т. 2) вышли в свет осенью 1836 г.

С. 294. «*Adieu, adieu, my native land!*» — из первой песни «Странствия Чайльд Гарольда» Байрона (в подлиннике: «*Adieu, adieu! my native shore*»)

С. 296. *Грессет в одном из своих посланий пишет...* — в послании «*La Chartreuse*» à M. D., D. N.

ПРИМЕЧАНИЕ О ПАМЯТНИКЕ КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ И ГРАЖДАНИНУ МИНИНУ

Написано в августе — сентябре 1836 г. Предназначалось в качестве примечания к статье М. Погодина «Прогулка по Москве», которая должна была появиться в т. III «Современника» 1836 г. и, по-видимому, не была пропущена цензурой.

На памятнике работы Мартоса (1818 г.) сделана надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому» (памятник на Красной площади).

ПУТЕШЕСТВИЕ В. Л. П.

Написано в 1836 г. Шуточное стихотворение «Путешествие В. Л. П.» И. И. Дмитриева было издано в 1808 г. в количестве 50 экземпляров.

С. 304. «*Друзья! сестрицы! я в Париже...*» — начальные стихи «Путешествия В. Л. П.».

«ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА» СОЧИНЕНИЕ СИЛЬВИО ПЕЛЛИКО

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 3.

С. 305. *На днях выйдет из печати новый перевод...* — Книга итальянского писателя Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» (1834) была переведена на русский язык Н. Хрустальевым и издана в 1835 г. Новый перевод был сделан С. Н. Дириным (1814—1839) и издан анонимно в середине января 1837 г.

Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах... — Пеллико был арестован в 1820 г. за участие в карбонарском движении. В 1832 г. вышла его книга «Мои тюрьмы».

В одном из наших журналов, в статье писателя с истинным талантом... — В «Московском наблюдателе» (1836. Ч. 6) С. П. Шевырев дал характеристику книги Пеллико.

Автор «Истории поэзии» — С. П. Шевырев.

СЛОВАРЬ О СВЯТЫХ...

Напечатано без подписи в «Современнике», 1836, т. 3. Составителями словаря, вышедшего в 1836 г., были Д. А. Эристов и лицейский товарищ Пушкина М. Л. Яковлев, который в то время служил директором типографии II отделения царской канцелярии, где и был издан словарь.

С. 307. *Дух сомнения и отрицания* — измененная цитата из собственного стихотворения Пушкина «Ангел».

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 3, с подписью: А. Б. Принадлежность перу Пушкина доказана в 1916 г. В. П. Красногорским. Как произведение Пушкина впервые опубликовано в сборнике «Наш труд», 1924, № 2.

С. 309. Статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», помещенная в «Современнике» (1836. Т. 1), написана Гоголем и напечатана без подписи.

С. 310. *Cela vous coûte si peu...* — Пушкин цитирует анекдот об актрисе Госен (1711—1767), которая отличалась доступностью, и, когда ее упрекали в легкомысленном поведении, она отвечала приведенными словами.

С. 312. *...скудных статей с подписью Ф. Б.* — т. е. статей Фаддея Булгарина.

ОБЪЯСНЕНИЕ

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 4.

С. 315. *Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале, навлекло на меня обвинение...* — Л. Голенищев-Кутузов в брошюре «Критическая заметка на стихотворение Пушкина «Полководец» писал: «Поэт полагает, что генерал Барклай-де-Толли уступил лавровый венок князю Голенищеву-Кутузову... сожаления достойно, что поэт позволил себе такой совершенно неприличный вымысел».

С. 316. *«Где равен был неравный спор»* — цитата из стихотворения «Бородинская годовщина» (5 сентября 1831 г.).

...воздю, забытому Жуковским... — В стихотворении «Певец во стане русских воинов» в числе героев Отечественной войны не назван Барклай-де-Толли.

«Перед гробницею святой...» — Пушкин цитирует первые три строфы (из пяти) своего стихотворения 1832 г.

КАВАЛЕРИСТ-ДЕВИЦА

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 2; см. «Предисловие к Запискам Дуровой», с. 278—279.

КЛЮЧ К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО Н. М. КАРАМЗИНА. 2 ч. М.

Напечатано в «Современнике», 1836, т. 4. «Ключ», или указатель к «Истории государства Российского», составленный археографом П. М. Строевым, был издан в 1835 г.

С. 318. *...все наши историки с высшими взглядами...* — Пушкин имел в виду главным образом Полевого, который противопоставлял труду Карамзина свою «Историю русского народа», являющуюся опытом философского, а не летописного построения истории.

О МИЛЬТОНЕ И ШАТОБРИАНОВОМ ПЕРЕВОДЕ «ПОТЕРЯННОГО РАЯ»

Статья опубликована в «Современнике», 1837, т. 5. Написана в конце 1836 г. в связи с полемикой, возникшей в английских и французских журналах по поводу перевода Шатобрианом «Потерянного рая» Мильтона (вышел в Париже в 1836 г.).

С. 319. *...первый из французских писателей переводит Мильтона...* — Шатобриан.

С. 321. «Иконокласт» и «*Defensioropuli*» — трактаты «Иконоборец» (1649) и «Защита английского народа» («*Defensioropuli anglicani*», 1651).

«*Crotwell, our chief of ten!*» — стих из сонета «Генералу Кромвелю».

Скюдери толкует им... карту любви... — «Карта любви» в действительности принадлежит не творчеству драматурга Скюдери, а взята из романа «Клелия» (1656) его сестры Мадлены Скюдери.

С. 322. «*Все уселись...*» — Все цитаты из романа А. де Виньи взяты из перевода Очкина (СПб., 1835).

С. 324. *...прочтите в «Вудстоке»...* — в романе Вальтера Скотта «Вудсток» (1826).

Кстати: недавно (в «Телескопе», кажется)... — в рецензии на перевод «Неистового Роланда», сделанный С. Раичем (Телескоп. 1832. № 4).

«ПЕСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Написано в начале 1836 г. При жизни Пушкина не печаталось.

С. 327. *...первый перевод, в котором участвовали...* — Первыми переводчиками «Слова о полку Игореве» были А. Ф. Малиновский и Н. Н. Бантыш-Каменский (изд. А. И. Мусина-Пушкина, 1800).

Некоторые писатели усумнились... — В подлинности «Слова» сомневались М. Т. Каченовский, О. И. Сенковский и И. И. Давыдов.

...Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley — Томас Чаттертон (1752—1770) — английский поэт, автор баллад из эпохи норманнского завоевания, которые он выдавал за стихи монаха XV в. Раули. Английский журналист и историк Вальпол разоблачил мистификацию Чаттертона.

Джонсон тотчас уличил Макферсона. — Английский критик Джонсон (1709—1784) первый высказал сомнение в подлинности поэм Оссиана, изданных в 1762 г. Макферсоном.

С. 330. *Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется...* — Я. О. Пожарский издал в 1819 г. перевод с примечаниями «Слова о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода Северского». Перевод этот и толкования вызвали возражения со стороны многих исследователей «Слова», в том числе со стороны А. С. Шишкова.

К крайнему нашему сожалению, г. Пожарский не возразил. — Пушкин не знал о статье Пожарского в «Сыне отечества» (1819. № 33), где он отвечает на критику «Русского инвалида» (1819. № 157—161) именно по данному вопросу.

С. 332. *Kar gosroda* — выписка из «Словинско-немецкого словаря» Я. А. Мурко (1833).

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СВОЙСТВЕННИКОВ ИОАННЫ Д'АРК

Напечатано в «Современнике», 1837, т. 5, вышедшем после смерти Пушкина. Написано, вероятно, в первых числах января 1837 г. В дневнике А. Тургенева есть запись от 9 января 1837 г.: «Я зашел к Пушкину; он читал мне свой *pastiche* (подделку) на Вольтера и на потомка Жанны д'Арк». Тургенев потому назвал это произведение «пастиш», что в действительности все факты, приведенные в данной статье, вымышлены Пушкиным. Возможно, что он хотел напечатать это в «Современнике», но преследовал ли он цели мистификации или хотел выдать статью за беллетристическое произведение, утверждать невозможно.

С. 334. *...наш лауреат посвятил ей...* — Р. Саути (Пушкин пишет «Соуте») — автор поэмы «Жанна д'Арк» (1796). Саути изменил свободолобивым убеждениям юности и стал официальным поэтом. Байрон постоянно обвинял его в продажности. С 1813 г. Саути получил звание поэта-лауреата.

...как пьяный дикарь... — Пушкин обращает к Вольтеру как автору «Орлеанской девственницы» ту бранную характеристику, какую Вольтер дал Шекспиру в предисловии к «Семирамиде», говоря о «Гамлете»: «Можно подумать, что это произведение — плод воображения пьяного дикаря».

Потомки Лагира и Лагримуля — исторические персонажи «Орлеанской девственницы», представители французской аристократии. Лагир, участвовав-

ший вместе с Иоанной д'Арк в осаде Орлеана, пытался освободить ее из английского плена; Латримуль, министр Карла VII, был ее противником.

ЗАМЕТКИ И АФОРИЗМЫ РАЗНЫХ ГОДОВ

При жизни Пушкина большей частью не печатались. Написаны в разное время (главным образом в конце 20—начале 30-х гг.). Четыре заметки напечатаны Пушкиным в 1830 г., остальные опубликованы в разное время посмертно.

С. 334. *Торвальдсен, делая бюст известного человека...* — датский скульптор (1768—1844), в 1820 г. сделал бюст Александра I (см. стихотворение «К бюсту завоевателя»).

С. 335. *Так гладиатор у Байрона...* — в поэме «Чайльд-Гарольд», песнь IV, строфа СХI.

С. 336. *Острая шутка...* — Напечатано без подписи в «Литературной газете» (1830. № 10. 15 февраля). *Три* Истории — «История государства Российского» Карамзина, «История российская» С. Н. Глинки и «История русского народа» Н. Полевого.

В одной из Шекспировых комедий... — Напечатано без подписи в «Литературной газете» (1830. № 12, 25 февраля). *Крестьянка Одрей* — из комедии «Как вам это нравится», д. III, явл. 3. *Рассуждение о поэзии романтической* — статья Н. Надеждина «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии», печатавшаяся с № 1 «Вестника Европы», 1830 г. В этом рассуждении Надеждин нападал на Пушкина, его не называя.

Мильтон говаривал... — Напечатано без подписи в «Литературной газете» (1830. № 16. 17 марта).

В газете «Le Furet» — Напечатано без подписи в «Литературной газете» (1830. № 45. 9 августа). Заметка является ответом на пасквильные «Китайские анекдоты», печатавшиеся в «Северной пчеле». Ближайшим образом Пушкин имеет в виду «китайский анекдот», касающийся распри Каченовского и Полевого, напечатанный в «Северной пчеле» (1829. № 33). Газета выходила в Петербурге на французском языке.

С. 338. *У нас Грамматин...* — Рассуждение о славянском алфавите находится в книге Н. Ф. Грамматина «Слово о полку Игореве», (1823. с. 113).

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗДАНИЕМ «СОВРЕМЕННОГО»

С. 341. *Журнал под названием «Современник»...* — Записка, поданная в Цензурный комитет. Она рассматривалась 10 марта 1836 г.

Статья, присланная нам из Твери... — Напечатано в «Современнике» (1836. т. 2). В этой заметке самое сопоставление имен А. Б. и Косичкина (всем

известный псевдоним Пушкина, см. «Торжество дружбы...» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем») заключало намек на то, что письмо А. Б., действительно напечатанное в следующей книжке журнала, принадлежит Пушкину. Однако намек оказался недостаточно ясным. Обещание поместить статью Косичкина (не выполненное Пушкиным) являлось предупреждением Булгарину, уже начавшему свои нападения на журнал Пушкина.

Примечание к слову «богодельня». — Напечатано в виде редакционного примечания к статье «Пешехода» (М. Погодина) «Прогулка по Москве» (Современник. 1836. Т. 3) к тому месту, где говорится о безграмотности московских вывесок.

Новый роман. — Напечатано в «Современнике» (1836. Т. 3). Роман Варвары Семеновны Миклашевич «Село Михайловское» был напечатан только в 1864 г.

Примечание к повести «Нос». — Напечатано в «Современнике» (1836) в качестве редакционного примечания к повести Гоголя.

С. 342. «Современник» будет издаваться... Издатель «Современника» не печатал никакой программы... Обстоятельства не позволили издателю... В первом томе «Современника»... Редакция «Современника» не может принять на себя... — пять редакционных заметок, напечатанных в «Современнике» (1836. Т. 3).

Один из них объявил... — О. Сенковский в «Библиотеке для чтения» (1836. Т. 15) писал, что целью «Современника» будет «уронить «Библиотеку для чтения» нападками на своих соперников по ремеслу».

С. 343. *Примечание к записке «О древней и новой России».* — Напечатано после смерти Пушкина в «Современнике» (1837. Т. 5) при отрывках из записки Карамзина, которая не могла быть напечатана полностью по цензурным причинам. В более полном виде эти отрывки были подготовлены к печати Пушкиным, но запрещены цензурой 28 октября 1836 г.

Во втором № «Современника»... — Там была напечатана статья «Российская академия» с характеристикой записки Карамзина (см. с. 264).

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ КОГДА МАКФЕРСОН ИЗДАЛ «СТИХОТВОРЕНИЕ ОССИАНА»...

Напечатано без подписи в «Литературной газете», 1830, № 5, 21 января. Принадлежность Пушкину не доказана.

С. 343. *...говорит Вильмен...* — в «Картинах восемнадцатого века», ч. 2, лекция шестая (1828).

НАБРОСКИ, ЗАПИСИ, КОНСПЕКТЫ, ПЛАНЫ

ЗАМЕТКА ПРИ ЧТЕНИИ Т. VII, ГЛ. 4 «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Черновой, неразборчивый набросок. Написано в 1818—1819 гг. Глава 4 VII тома «Истории» Карамзина, «Состояние России 1462—1533», содержит общую характеристику правовых и общественных установлений эпохи объединения Русского государства. Карамзин доказывает, что в основе русского самодержавия лежит законность, и противопоставляет его тирании: «Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где обязанность, там и закон; никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастье народное».

С. 345. *Но граф Шереметев...* — Возможно, что Пушкин имеет в виду отказ графа Б. П. Шереметева участвовать в суде над Алексеем и слова его по этому поводу: «Служить моим государям, а не судить их кровь — моя есть должность».

О ВЕЧНОМ МИРЕ

Написано в 1821 г. Заметка представляет собой конспект споров, которые велись в доме Михаила Орлова в Кишиневе. Предметом спора был «Проект вечного мира» аббата Сен-Пьера, напечатанный в 1716 г. По-видимому, спорящие знали этот проект не в изложении самого Сен-Пьера, а в кратком резюме, написанном Ж.-Ж. Руссо (1760). Цитата (Пушкиным не выписанная) взята из замечаний Руссо, которыми он сопроводил свое резюме.

О ФРАНЦУЗСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Черновой план, относящийся, вероятно, к 1822 г. Отчасти он был осуществлен в статье «О поэзии классической и романтической» (см. с. 62).

С. 346. *Стихи Буало* — см. «О ничтожестве литературы русской».

Руссо в одах дурен — Жан-Батист Руссо (1671—1741), одописец. Пушкин предпочитал одам его эпиграммы.

ЗАМЕТКА О КАТЕНИНЕ

Написано в 1825 г.

Катенин перевел трагедии Расина «Эсфирь» (1816), Т. Корнеля «Ариадна» (1811) и П. Корнеля «Сид» (1822). Комедию Грессе «Le Méchant» (1747) он перевел под названием «Сплетни» (1821). Оригинальная его трагедия «Андромаха» написана в 1825 г., играна в 1826 г. и напечатана в 1827 г.

СТАРИННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Черновые записи, относящиеся, вероятно, к 1825 г.

В Михайловском Пушкин занимался собиранием памятников народного творчества: записывал сказки и песни. Одновременно он занялся изучением русских пословиц. Кроме устных записей он пользовался и ранее изданными сборниками. В его библиотеке сохранились размеченные им сборники пословиц издания 1770 и 1822 гг. В первом из них находится запись пословицы: «В кабаке далеко, да ходить легко.— В церковь близко, да ходить склизко». Ср. замечание о пословицах в рецензии «Юрий Милославский...», с. 104.

JE SUPPOSE SOUS UN GOUVERNEMENT DESPOTIQUE...

Черновой набросок, относится к 1825—1826 гг.

PRESQUE TOUTES LES RELIGIONS...

Черновая запись, относится к 1830 г.

NE PAS ADMETTRE...

Написано в 1830 г.

O ROMANES VAULTERA SCOTTA

Написано в 1830 г.

IGNORANCE DES SEIGNEURS RUSSES...

Написано в 1830 г.

STABILITÉ — PREMIER CONDITION...

Написано в 1831 г.

О НОВЕЙШИХ РОМАНАХ

План неосуществленной статьи. Написан в 1832 г.

С. 348. *Barnave, Confession, Femme guillotinnée* — романы французского писателя Жюль Жанена, вышедшие в 1829, 1830 и 1831 гг.

Contes bruns — сборник 1832 г., в котором Бальзак участвует только двумя новеллами, остальные написаны Ф. Шаль и Ш. Рабу. Пушкин в своей библиотеке имел брссельское издание, которое в целях рекламы приписало весь сборник Бальзаку.

Musset Table de nuit — сборник повестей (1831 г.) французского писателя Поля Мюссе — брата поэта.

Муравьев. — Вероятно, Пушкин имел в виду вышедшую в 1832 г. книгу А. Н. Муравьева «Путешествие к св. местам».

Полевой (полромана). — Исторический роман Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем» из четырех частей, которые, по-видимому, вышли не все сразу.

Свиньин. — В 1832 г. вышел исторический роман П. П. Свиньина (1787—1839) «Шемякин суд».

Карамзин. — Вероятно, Пушкин отмечал Карамзина-романиста, автора «Марфы Посадницы», «Бедной Лизы» и других повестей.

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГИ М. Ф. ОРЛОВА «О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ»

Черновой набросок. Написан в 1833—1834 гг. Книга «О государственном кредите» вышла в 1833 г. без имени автора. В библиотеке Пушкина находился экземпляр с вложением рукописи изъятого цензурой текста, что свидетельствует об интересе Пушкина к вопросам, затронутым Орловым.

LA LIBERATION DE L'EUROPE...

Относится к 1835 г. Написано при чтении французского перевода Сочинений Г. Гейне издания 1835 г., в частности его «Путевых картин».

ПЛАН ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Черновые наброски. Набросок 1 сделан в 1829 г. Набросок 2 датируется 1834 г. Набросок 3 вместе с планом статьи о правах писателя написан на обороте письма Бутурлина, полученного Пушкиным в мае 1835 г.

ПЛАН СТАТЬИ О РУССКИХ ПЕСНЯХ

Черновые наброски, относящиеся к 1831 г. По-видимому, представляют собой материал для предисловия к изданию русских песен, задуманному Пушкиным в 1832 г.

С. 350. *Оригинальность отрицательных сравнений.* — Пушкин имеет в виду особенность славянских народных песен: зачин с отрицательным сравнением («Не сокол летал по поднебесью» и т. п.). Впервые Пушкин заинтересовался этой особенностью при чтении «Введения» к «Простонародным песням нынешних греков» Гнедича (1825).

ПЛАН СТАТЬИ О ЦИВИЛИЗАЦИИ

Черновые наброски. Написано в 1833 или 1834 г.

ПЛАН СТАТЬИ О ПРАВАХ ПИСАТЕЛЯ

Черновой план, относится к 1835 г.

ШОТЛАНДСКАЯ ПОСЛОВИЦА

Набросок 1836 г., связанный с замыслом статьи о пословицах (с. 329). В «Вудстоке» В. Скотта речь идет о ястребах. В одном из имевшихся у Пушкина собраний пословиц (изд. 1770 г.) им отмечена пословица: «Ворон ворону глаза не выклюнет; а хоть и выклюнет, да не вытащит».

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, НАМЕЧЕННЫХ ДЛЯ «СОВРЕМЕННОКА»

Перечень составлен в 1836 г. и содержит статьи как напечатанные, так и дошедшие до нас в черновиках, а также статьи или только задуманные, или утраченные.

С. 352. *Поход 1711.* — Записки Моро де Бразе.

Путешествие В. Л. Пушкина — см. с. 304.

Календарь на 1721 год. — В бумагах Пушкина сохранилась копия этого календаря.

О Пугачеве. — Статья «Об «Истории пугачевского бунта» (разбор статьи, напечатанной в «Сыне отечества» в январе 1835 г.).

О легчайшем способе... — название книги Дашкова (1811), направленной против А. Шишкова.

O Histoires tragiques — В библиотеке Пушкина сохранилась книга 1666 г.: «Les Histoires tragiques de notre temps. Composées par F. de Rosset».

Библиотеке Новикова — об издании «Древняя российская вивлиофика» Н. Новикова в 20 частях.

О Путешествии Арт. Ар. — о книге «Жизнь Артемия Араратского» (Спб., 1813).

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ П. А. ВЯЗЕМСКОГО «О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНИЯХ В. А. ОЗЕРОВА»

Сделаны не ранее 1825 г. Находятся на полях и листках бумаги, вклеенных в экземпляр оттиска статьи Вяземского, которая является предисловием к изданию сочинений Озерова 1817 г. (переиздана в 1824 г.). По-видимому, Вяземский просил Пушкина прорецензировать его статью для переработки в связи с переизданием 1827 г. Об этом свидетельствует характер замечаний Пушкина вроде: «Вот тут, если хочешь, помести нечто из своего начала» и т. п.

Umportant — комедия Брюиса «Umportant de la cour». 1693. Комедия Княжнина является не переводом, а вольной переделкой.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ М. П. ПОГОДИНА «ОБ УЧАСТИИ ГОДУНОВА В УБИЕНИИ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ»

Сделаны не ранее осени 1829 г. Находятся в экземпляре «Московского вестника» (1829. Ч. 2. С. 90—126). Замечания являлись для Погодина развитием доказательств Пушкина в устном их споре осенью 1829 г.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ 2-Й ЧАСТИ «ОПЫТОВ В СТИХАХ И ПРОЗЕ» К. Н. БАТЮШКОВА

Сделаны, по-видимому, не ранее 1830 г. Находятся на полях экземпляра 2-й части «Опытов»; пять из них чернильные, остальные сделаны карандашом. Приурочивание чернильных пометок к 1817 г., сделанное В. Л. Комаровичем (Литературное наследство. 1934. № 16—18. С. 885), дальнейшим исследованием не подтверждается.

Из книги Батюшкова в разделе «Заметки на полях» приведены стихи и названы стихотворения, сопровождаемые словесными замечаниями Пушкина и отчасти знаками, выражающими более или менее определенную оценку. Пометки с недостаточно ясной оценкой (черточки на полях, подчеркивания отдельных стихов или слов и т. п.) даны Пушкиным и к некоторым другим

местам 2-й части «Опытов». Такие пометки, как и стихи, их вызвавшие, в текст настоящего издания не включены.

С. 363. *Ошибка мифологическая и грамматическая.* — Тифей (Тифон) и Энкелад, побежденные Зевсом, были положены под огнедышащую Этну. Не они, а Прометей питает «жадных птиц утробой своей» (миф).

С. 365. *«Je dirai»* — цитата из Парни (IX элегия четвертой книги).

С. 368. *Невежество непростительное!* — Батюшков сам отметил в отделе опечаток Колхиду, заменившую античный город Халкиду на Эвбее.

С. 369. *Подражание Ломоносову и Torrismondo.* — Пушкин имеет в виду стихи из 2-й строфы «Вечернего размышления о божием величестве» Ломоносова и стихи заключительного хора трагедии Тасса «Торрисмондо», которые Батюшков привел в виде эпитафии к своей элегии «Умиравший Тасс».

С. 377. *Стих Муравьева* — четвертый стих 7-й строфы стихотворения «Богине Невы».

С. 378. *Это не Батюшкова, а Блудова...* — Д. Н. Блудов в 20-х и 30-х гг. крупный сановник, в 10-х гг. был одним из главных участников «Арзамаса» и сочинял посредственные стихи.

С. 381. *...темно, дело идет об Елизавете Алексеевне* — об императрице, супруге Александра I.

Это — умирающий Василий Львович... — см. письмо Пушкина к Плетневу от 9 сентября 1830 г. о смерти В. Л. Пушкина.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО К С. С. УВАРОВУ ПО ПОВОДУ КНИГИ УСТРЯЛОВА «О СИСТЕМЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

Сделаны не ранее конца 1836 г. Письмо Вяземского к министру просвещения Уварову было написано по поводу диссертационного труда Н. Г. Устрялова, критикующего основные идеи «Истории государства Российского» Карамзина. Судя по тому, что Пушкин не напечатал в «Современнике» присланного ему Вяземским разбора книги Устрялова, он не совсем разделял мнение критика. Об этом же свидетельствуют и лаконические заметки на полях письма.

НОВЫЕ ВЫХОДКИ ПРОТИВУ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НАШЕЙ АРИСТОКРАТИИ...

Напечатано в «Литературной газете», 1830, № 45, 9 августа. По свидетельству А. И. Дельвига, Пушкин участвовал в составлении отдела «Смесь» в этом номере, однако неясно, в какой именно заметке он участвовал. Об этой заметке Пушкин пишет в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений».

О ТАТИЩЕВЕ

Писарская копия этой статьи находится среди бумаг Пушкина. Однако принадлежность ее Пушкину не доказана. Статья отчасти является пересказом «Жизнеописания тайного советника Василия Никитича Татищева, бывшего советника берг-коллегии и начальника всех сибирских горных заводов» В. Н. Берха (Горный журнал. 1828. кн. 1).

ИЗ ДНЕВНИКОВ

С. 383. «Новый Стерн» — комедия в одном действии А. А. Шаховского (1807).

«Ломоносов» — «Ломоносов, или Рекрут стихотворец», опера-водевиль в трех действиях его же, ставившаяся на сцене с 1814 г.

«Казак-стихотворец» — «Козак стихотворец», опера-водевиль в двух действиях его же (1814).

«Кокетка» — «Урок кокеткам, или Липецкие воды», комедия в пяти действиях в стихах А. А. Шаховского (1815).

1821

С. 384. *послание князя Вяземского* — послание к В. А. Жуковскому «О ты, который нам явить с успехом мог...», опубликованное в «Сыне отечества» (1821. № 10. Март).

Баратынский. — Имеются в виду помещенные в том же номере «Сына отечества» стихотворения Е. А. Баратынского «Лиде» («Твой детский вызов мне приятен...») и русская песня «Страшно воет, зовет...».

1827

С. 384 *Шиллеров «Духовидец»* — книга под заглавием «Духовидец, история, взятая из записок графа О*** и изданная Фридрихом Шиллером» (1807 г.; второе издание 1818 г.).

«*Вероятно, поляки?*» — имевшие связи с декабристами поляки — члены национального патриотического товарищества.

...я узнаю Кюхельбекера. — Встреча Пушкина с В. К. Кюхельбекером произошла на станции Залазы на пути Пушкина из Михайловского в Петербург. В. К. Кюхельбекер в это время препровождался с фельдъегерем Подгорным из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую, куда он 12 октября 1827 г. был отправлен вместо каторжных работ в Сибири сроком на 20 лет.

О встрече Пушкина и Кюхельбекера сохранился следующий рапорт фельдъегеря:

«Господину дежурному генералу Главного Штаба его императорского величества генерал-адъютанту и кавалеру Потапову

Фельдъегеря Подгорного

Рапорт

Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и по пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнейше отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для написания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег; я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и угрожал мне, говорил, что по прибытии в С.-Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству, как за недопущение распротиться с другом, так и дать ему на дорогу денег; сверх того, не премину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин, между угрозами, объявил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал иметь ему сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: это тот Пушкин, который сочиняет. 28 октября 1827 г.»

1833

С. 384. *«Как Иван Иванович поссорился с Иваном Тимофеевичем»* — «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Повесть Гоголя была напечатана в 1834 г. (в сборнике «Новоселье», кн. 2).

1834

С. 385. *Греч Николай Иванович* — журналист.

Плюшар Адольф Александрович (1806—1865) — издатель, предпринявший издание «Энциклопедического лексикона», рассчитанного на 24 тома. Первый том его вышел в июне 1835 г., а затем до 1841 г. было напечатано еще 16 томов. Издание закончено не было.

Сви́льин Павел Петрович (1787—1839) — писатель, журналист, основатель журнала «Отечественные записки», слывший лжецом (см. «Детская книжка», т. 6).

Гаевский Семен Федорович (1772—1862) — доктор медицины и хирургии, почетный лейб-медик.

Галчи Александр Иванович — сотрудничал в «Энциклопедическом лексиконе».

Устрялов Николай Герасимович (1805—1870) — адъютант-профессор истории в Петербургском университете, затем академик.

...*процесс Никонов*. — Документы следствия и суда над патриархом Никоном Устряловым не были изданы.

Ник. Трубецкой — князь Николай Иванович (1797—1874), богатый помещик, камергер.

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — участник Отечественной войны 1812 г., писатель.

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — поэт и драматург, эпигон романтизма, автор драм: «Торквато Тассо», «Рука Всевышнего Отечество спасла» и многих других. Драма Кукольника «Ляпунов» была им затем переименована в драму «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский».

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, автор трагедии «Дмитрий Самозванец», изданной в 1833 г. Задуманная им новая трагедия «Прокопий Ляпунов» не была окончена.

Розен Егор Федорович (1800—1860) — литератор, поэт, автор ряда исторических трагедий, впоследствии (1836) автор либретто для оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин».

Зайцевский Ефим Петрович (1801—1860) — моряк, поэт.

С. 386. «*Телеграф*» — «Московский телеграф», журнал, издававшийся Н. А. Полевым (основан в 1825 г.); был запрещен 3 апреля за отрицательную рецензию Полевого на драму Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла». Подлинной причиной закрытия журнала был собранный и представленный министру народного просвещения С. С. Уварову материал о политически неблагонадежном направлении его на протяжении ряда лет (1828—1834).

Брюнов — барон Филипп Иванович Бруннов (1797—1875), член Главного управления цензуры от министерства иностранных дел; действительно, по совету Д. Н. Блудова, бывшего тогда министром внутренних дел, он занимался просмотром «Московского телеграфа» и составлением из него выписок о «неблагонамеренном» его направлении.

Гоголь Н. В. — Этот замысел не был осуществлен.

Полевой. — Слух о его аресте в связи с закрытием «Московского телеграфа» оказался ложным.

Гоголь читал у Дашкова свою комедию — по-видимому, неоконченную комедию «Владимир 3-й степени».

«*Molière avec Tartuffe*» — цитата из 3-й сатиры Буало.

Ламбер — граф Карл Осипович (1772—1843). Его жену Ульяну Михайловну, рожд. Дееву (1791—1838), хорошо знал Пушкин.

Лаваль — графиня Александра Григорьевна.

Никитенко Александр Васильевич (1805—1877) — цензор С.-Петербургского цензурного комитета, впоследствии академик. Восемь дней провел

под арестом на гауптвахте за пропуск в печать для 12-й книжки «Библиотеки для чтения» следующего перевода стихотворения В. Гюго:

КРАСАВИЦЕ

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! тогда б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
За взор, за взгляд единый твой!

И если б богом был — селеньями святыми
Клянусь — я отдал бы прохладу райских струй,
И сонмы ангелов с их песнями живыми
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй!

Митрополит — митрополит новгородский и петербургский Серафим (1757—1843). В 1828 г. возбудил дело о «Гавриилиаде», а в 1833 г. при выборах Пушкина в члены Российской академии не дал своего голоса за Пушкина «единственно потому, что он ему неизвестен».

Деларю Михаил Данилович (1811—1868) — поэт, воспитанник Царско-сельского лицея.

Крылов — баснописец Иван Андреевич Крылов.

Глинка Федор Николаевич — поэт, декабрист.

Ухарский псалом — по-видимому, стихотворение Ф. Глинки 1832 г. «Слова Адонаи к мечу (из Исаяи)», которое начинается следующими стихами:

Сверкай, мой меч! играй, мой меч!
Лети, губи, как змей крылатый!
Пируй, гуляй в раздолье сеч!
Щиты их в прах! в осколки латы!

...Он пустился... — т. е. бог.

1835

С. 387. *Дундуков* — князь Михаил Александрович Дундуков-Корсаков (1794—1869), попечитель С.-Петербургского учебного округа (при С. С. Уварове — министр народного просвещения), председатель С.-Петербургского цензурного комитета и с 7 марта 1835 г. вице-президент Академии наук (при С. С. Уварове — президенте).

Красовский — Александр Иванович (1780—1857), цензор.

Бируков Александр Степанович (1772—1844) — цензор С.-Петербургского цензурного комитета.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ДЕРЖАВИН

Запись относится к концу 1835 г.

КАРАМЗИН

Отрывок, по-видимому, представляет собой фрагмент тех воспоминаний, которые Пушкин писал в Михайловском и вынужден был уничтожить в 1826 г., после восстания декабристов.

С. 389. ...*печатью вольномыслия*. — Речь перед этим шла, очевидно, о вольнолюбивых стихотворениях периода до ссылки 1820 г.

Болезнь. — Сильная болезнь Пушкина относится к январю — февралю 1818 г. *Гнилая горячка* — по-видимому, тиф.

Одна дама — княгиня Евдокия Ивановна Голицына.

Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — профессор, историк, переводчик и журналист, редактор журнала «Вестник Европы». В своем журнале напечатал (1819 г.) статью «От Киевского жителя к его другу», в которой подверг резкой критике два французских перевода предисловия к «Истории государства Российского».

С. 389. *Ноты «Русской истории»* — обширные примечания Карамзина к «Истории государства Российского».

Никита Муравьев — Никита Михайлович Муравьев (1796—1843), декабрист, крупнейший деятель Северного тайного общества, автор проекта конституции; написал разбор предисловия к «Истории» Карамзина, получивший распространение в списках.

Мих. Орлов — Михаил Федорович Орлов. Письмо его к П. А. Вяземскому неизвестно, но Вяземский в своей «Старой записной книжке», приведя рассказ Пушкина об отзыве кн. Е. И. Голицыной, вспоминает, что «другой приверженец княгини, умный и образованный Михаил Орлов был также недоволен трудом Карамзина: патриотизм его оскорблялся и страдал ввиду прозаического и мещанского происхождения русского народа, которое выводил историк».

Одна из лучших русских эпиграмм. — Пушкину современники приписывали несколько эпиграмм на «Историю государства Российского». Скорее всего, это была эпиграмма:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья —
И прелести кнута.

С. 390. *Шихматов* — князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов.

Кутузов — Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767—1829), сенатор, одописец и переводчик, член Российской академии, литературный и политический враг Карамзина.

Шестилетнее знакомство. — Если считать, что последний раз Пушкин встречался с Карамзиным в 1820 г. перед ссылкой на юг, то начало их знакомства нужно отнести к 1814 г. Однако настоящее общение их началось лишь с марта 1816 г., когда Карамзин приезжал из Петербурга в Царское Село, а летом 1816 г. поселился там на даче. Отправлялся Карамзин в Павловск (близ Царского Села) для посещения Марии Федоровны, вдовы Павла I.

ДЕЛЬВИГ

Наброски неоконченной статьи о Дельвиге. При жизни Пушкина не печатались. Написаны, по-видимому, не позднее 1834 г. Вскоре после смерти Дельвига (1831) Пушкин писал Плетневу о своем желании принять участие в коллективной биографии поэта. Замысел этот не был осуществлен.

С. 391. ...с одним из своих товарищей, живым лексиконом... — с В. К. Кюхельбекером.

Дельвиг послал ему свои первые опыты... — оду «На взятие Парижа», напечатанную за подписью «Русский» в «Вестнике Европы» (1814. № 12).

...стихи одного из его товарищей... — антологические стихи и эпиграммы А. Д. Илличевского, лицейского товарища Дельвига и Пушкина.

ИЗ ПИСЕМ

С. 393. *Произведение Жуковского* — сборник «Для немногих»; «Голос с того света» — стихотворение из этого сборника. *Поэма* — «Руслан и Людмила». *Сделался историческим лицом...* — намек на сплетни о поведении Пушкина и ожидавших его репрессиях.

«*Андромаха*» — трагедия Расина, отрывки из которой были переведены Гнедичем и напечатаны в «Сыне отечества» (1820). «*Уже в последний раз...*» — из стихотворения Гнедича «К провидению», напечатанного в том же номере «Сына отечества». В.-А. Ф. *Воейков* — литератор, автор статьи о «Руслане и Людмиле», подписанной «В» (Сын отечества. 1820. № 34—37). *Эпиграммист* — И. А. Крылов, напечатавший эпиграмму на критику Воейкова (Сын отечества. 1820. № 38). *Допросчик* — Д. П. Зыков, друг Катенина. *Взял... труд отвечать* — А. А. Перовский. *Картинка* — фронтиспис А. Н. Оленина.

Еще поэма — «Кавказский пленник». *Гишпанский табак* — намек на революцию, вспыхнувшую в Испании.

С. 395. «Сотворение мира» — поэма М. В. Милонова; не была напечатана. *вопросы Воейкову* — статья Д. П. Зыкова. «*Таврида*» — поэма С. С. Боброва.

...*Послание к Ч—у (Чаадаеву)* — «В стране, где я забыл тревоги прежних лет...». *Американец Толстой* — Ф. И. Толстой.

Каченовский М. Т. — критик архаического направления, издатель «Вестника Европы»; был профессором Московского университета. Послание к нему Вяземского напечатано в «Сыне отечества» (1821. Ч. 67). *Облил...* — в «Послании к Птелинскому-Ульминскому» (Вяземскому). *Я его задел...* — в послании «Чаадаеву» (1821). «*Тристрам Шанди*» — роман Стерна. *Меркантильный успех*. — Гнедич руководил изданием «Руслана и Людмилы»; результаты оказались невыгодными для Пушкина. *Дядя* — Василий Львович Пушкин. *Буянов, в шутку названный двоюродным братом* — герой поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед». *Рейн*. — М. Ф. Орлов, основавший фабрику сургуча и отменивший в своей дивизии телесные наказания.

Латинские стихи — из первой элегии 1-й песни «Tristia» Овидия. *Повесть, поэма* — «Кавказский пленник» (ср. письмо 30). *Идиллия Гнедича* — «Рыбаки» (Сын отечества. 1822. № 8).

С. 396. *Бессарабские бредни* — стихотворения Пушкина для альманаха Рылеева и Бестужева «Полярная звезда». Стихотворение «К Овидию» было напечатано без подписи в «Полярной звезде на 1823 год».

С. 398. «*Шильонский узник*» — поэма Байрона в переводе Жуковского. «*Пери* — «Пери и ангел» Жуковского. *Громобой и Старушка* — персонажи баллад Жуковского. *Сауев* — Р. Соути. «*Чувства и мысли*» — слова Дмитриева в письме его к Вяземскому от 20 октября 1820 г. (критика «Руслана и Людмилы»). «*Молдованно*» — перефразировка выражения Пушкина («кюхельбекерно») из эпиграммы «За ужином объелся я...» (1818). *С ним* — с В. К. Кюхельбекером, подравшимся на дуэли с племянником генерала Ермолова.

«*Сид*» в переводе Катенина был издан и представлен в Петербурге в 1822 г. *Чаша Атрея* — из трагедии Кребиллона «Атрей и Фиест». *Атрей*, легендарный царь Аргоса, убил из мести к брату его детей и подал ему на пир у чашу с их кровью.

С. 399. *Прадт* — французский критик, историк и публицист. *Поэма* — «Гавриилиада». *Стал придворным* — намек на увлечение двора мистикой.

«*Орлеанская дева*» — трагедия Шиллера в переводе Жуковского. «*Смерть Роллы*» — трагедия А. Коцебу. *Стихи... взятые из Иеремии* — стихотворение Кюхельбекера «Глагол господень был во мне...». «*Страх при...*» — цитата из юношеского стихотворения Кюхельбекера. *Батюшков прав...* — в своем возмущении против Плетнева за его элегию «Б... в из Рима» (эта плохая элегия могла быть приписана самому Батюшкову). Пушкин имеет в виду его письмо

к Гнедичу из Теплица. ...луч денницы... в полдень... — ошибка Рылеева в думе «Богдан Хмельницкий»:

Куда лишь в полдень проникал,
Скользя по сводам, луч денницы.

С. 400. «Пленники» — экземпляры вышедшего в 1822 г. «Кавказского пленника» и «Шильонского узника». — поэмы Байрона в переводе Жуковского. Александр Пушкин мастерски... — не литографирован, а гравирован Е. Гейтманом. *Примечание издателей* — о «необыкновенном даре» юного Пушкина. «В бореньях...» — стих из послания Вяземского «К В. А. Жуковскому». *Начал создавать.* — В этих словах Пушкина отразилось неудовольствие декабристских литературных кругов тем, что Жуковский в своем творчестве отпирывался от иностранных образцов.

С. 402. *Герб...* — из думы Рылеева «Олег Веций». *Яков* — камердинер Жуковского.

«Звезда» — альманах Рылеева и Бестужева «Полярная звезда на 1823 год»; Пушкин напечатал в нем стихотворения «К Овидию» и «Война» (под названием «Мечта война»). Вместо подписи Пушкина были поставлены две звездочки. *Панаев В. И.* — поэт. *Фемистокл* — соперник Аристиды, именем которого Пушкин назвал Ф. Н. Глинку в стихотворении «Когда средь оргий жизни шумной...». «Увы, напрасно...» — цитата из стихотворения Гнедича «Тарентинская дева» («Полярная звезда на 1823 год»).

С. 403. ...*полагаешь его поэтом...* — в предисловии к изданию сочинений В. А. Озерова (1817): «*Нет! песням...*» — неточная цитата из первого акта трагедии Озерова «Фингал». *Бируков* — цензор. *Послание* — «Послание к цензору». ...*читал я твои стихи...* — «Послание к И. И. Дмитриеву...», «*Всякий на свой покрой*», «*Цветы*» и др. («Полярная звезда на 1823 год»). *Глинка владеет языком чувств...* — отзыв о Ф. Н. Глинке в статье Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Полярная звезда на 1823 год»). *Дмитриев И. И.* — поэт. *Староста* — В. Л. Пушкин, староста Арзамаса. *Дорат* — К.-Ж. Дора, французский поэт; Пушкин назвал его «грибом, выросшим у корней дубов» (статья «О русской литературе...»). *Полторацкие* — А. П. и М. А., офицеры, приятели Пушкина.

С. 404. «*Первый снег*» — стихотворение Вяземского. *Тяжба ... с цензурою* — по поводу статьи Вяземского «О двух статьях, напечатанных в «Вестнике Европы» (была известна в рукописи). *Бируков* — цензор. *Руссо* — Ж.-Ж. Руссо (французская цитата из его «Эмилия»). «*Отечества и грязь...*» — пародия на слова Державина в стихотворении «Арфа» («Отечества и дым нам сладок и приятен»). *Сверчок* — арзамасское прозвище Пушкина.

С. 405. *Они мною обещаны Якову Толстому...* — издание не состоялось. *Поэмка* — «Бахчисарайский фонтан». «*Я не заслужил...*» — стихи из трагедии Расина «Британник». «*Нерешительный*» — комедия Н. И. Хмельницкого «Нерешительный, или Семь пятниц на неделе».

(...цензуру же должно уничтожить) — шутливая переделка слов Катона: «...Карфаген должен быть разрушен».

С. 406. *Позволь... поблагодарить...* — Бестужев напечатал в «Полярной звезде на 1823 год» повесть «Роман и Ольга», рассказ «Вечер на бивуаке» и статью «Взгляд на старую и новую словесность в России». *Осипов Н. П.* — автор «Энеиды, вывороченной наизнанку». «*Елисей*» — поэма В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вахк». *Благовещение* — «Гавриилиада». «*Разбойники*» — первый замысел поэмы, от которой остался отрывок («Братья-разбойники»). *Сатира* — на «либералистов», действительно принадлежавшая Родзянке (не сохранилась).

С. 407. *Асмодей* — арзамасское прозвище Вяземского. «...я не властен...» — перефразировка стиха из баллады Жуковского «Замок Смальгольм». *Бируков* — цензор. *Антикригика* — на анонимную рецензию «Вестника Европы» (1823. СХХVIII. № 1). *Об'он пол* — по ту сторону (старинное выражение). *Фурнье* — француз, живший в доме Раевских. *Стурдза А. С.* — политический и религиозный писатель. *Ланжерон А. Ф.* — в 1815—1823 гг. новороссийский генерал-губернатор. *Северин Д. П.* — был членом «Арзамаса». *Эпиграф* — из послания Вяземского к Ф. И. Толстому, врагу Пушкина.

С. 409. *Поэма* — «Бахчисарайский фонтан». *Киселева С. С.*, урожд. графиня Потоцкая — жена генерала П. Д. Киселева. *Полицейское послание* — не сохранилось. *Апостол-Муравьев* — И. М. Муравьев-Апостол, автор «Путешествия по Тавриде». *Писать оперу...* — водевиль «Кто брат? Кто сестра?..», совместно с Грибоедовым (музыка А. Н. Верстовского). *Роман в стихах* — «Евгений Онегин». «*Дон-Жуан*» — поэма Байрона. *Статья Вяземского* — «О двух статьях, напечатанных в «Вестнике Европы» (была известна в рукописи).

«*Разбойники*» — «Братья-разбойники», «*Шильонский узник*» — поэма Байрона в переводе Жуковского.

...*Слава... моему Пуцину...* — И. И. Пущин, декабрист, ближайший друг Пушкина. *Бируков* — цензор. *Сатира к Гнедичу* — послание Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры». *Измайлов А. Е.* — баснописец, издатель журнала «Благонамеренный». *Новая поэма* — «Евгений Онегин».

Ты прав... — относительно недостатков «Бахчисарайского фонтана». *Анна Львовна* — тетка Пушкина. *Апостол* — И. М. Муравьев-Апостол. *Комедия на Чадаева*. — «Горе от ума», современники в Чацком находили сходство с П. Я. Чадаевым. «*Разбойники*» — «Братья-разбойники».

С. 411. Пушкин пишет Бестужеву по поводу напечатанных в «Полярной звезде на 1824 год» стихотворений. *Именно те стихи...* — три последних стиха элегии «Редеет облаков...», «Как ясной...» — нужно было «Над ясной» («Нереида»), «Болезню» — нужно было «боязнь» («Простишь ли мне ревнивые мечты...»). *Он переписывается с тобою...* — Толстой печатал в «Сыне отечества» (1823 г.) свои корреспонденции из Парижа, в форме писем к Бестужеву. *Вальтер* — прозвище, данное Пушкиным Бестужеву за «рыцарскую повесть» в духе Вальтера Скотта («Замок Нейгаузен»).

С. 412. *Козлов В. И.* — мелкий литератор. «*Но почему ты пел?*» — слова из стихотворения Ламартина «Умирающий поэт». *Тургенев А. И. и Воейков* распространяли в рукописи еще не изданный «Бахчисарайский фонтан». *Корнилович А. О.* — писатель; Пушкин имеет в виду его статью «Об увеселениях Российского двора при Петре I», посвященную баронессе А. Е. А. *Тезей, Ипполит, Терамен* — действующие лица трагедии Расина «Федра». «*Паризина*» — поэма Байрона. «*Войнаровский*» — поэма Рыльева. *Кюхля* — В. К. Кюхельбекер. *Н. Раевский* — Н. Н. Раевский-младший.

С. 414. *Повесть* — «Замок Нейгаузен» («Полярная звезда на 1824 год»). *Булгарин говорит...* — по поводу статьи Н. А. Бестужева «Об удовольствиях на море». *Сенковский О. И.* — ученый и журналист, впоследствии противник Пушкина. Речь идет о его арабской сказке «Витязь буланого коня». *Родзянко А. Г.* — Речь идет о его мадригале «К милой». *Нахимов А. Н.* — поэт. Баратынский напечатал в «Полярной звезде на 1824 год» стихотворения «Истина», «Аглае», «Рим» и др. «*Фонтан*» — «Бахчисарайский фонтан». «*К нежным законам стиха...*» — из стихотворения А. Шенье «Юная пленница». *Кюхельбекеру* — для предпринятого В. К. Кюхельбекером и В. Ф. Одоевским альманаха «Мнемозина». *Поэма* — «Евгений Онегин». *Брат и братья* — Н. А. Бестужев и дружеский кружок писателей.

С. 415. *...ты продал всё издание...* — «Бахчисарайского фонтана», печатавшегося под наблюдением Вяземского. *Новая поэма* — «Цыганы». «*Жизнь Дмитриева*» — статья Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (в издании стихотворений Дмитриева, 1823 г.). *Нарышкин Л. А.* — двоюродный брат М. С. Воронцова. *Волконский С. Г.* — декабрист.

С. 416. «*Бахчисарай*» — «Бахчисарайский фонтан», издание 1824 г. «*Разговор*» — предисловие Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» («Разговор между издателем и классиком...»). *От столкновения мнений...* — шутливая переделка французской пословицы («От столкновения мнений рождается истина»). *Мордвинов Н. С.* — граф, адмирал.

С. 418. *Булгаринское вранье* — заметка Булгарина о высокой цене на издание сочинений Пушкина (Литературные листки. 1824. № 7). «*Северные цветы*» — альманах Дельвига. *Хлопоты... неприятности* — столкновение с Воронцовым. *Жуковского я получил...* — «Стихотворения» Жуковского, издания 1824 г. *Славный был покойник* — Жуковский в последние годы почти ничего не писал.

С. 419. «*Онегин*» — первая глава романа, представленная в цензуру. «*Жизнь Емельки Пугачева*» — «Ложный Петр III...» (М., 1809). «*Путешествие по Тавриде*» — И. М. Муравьева-Апостола. *Я тружусь...* — над «Подражаниями Корану».

С. 420. *Картинка для «Онегина»* — рисунок Пушкина на обороте письма; к 1-му изданию первой главы приложен не был. Лег в основу гравюры в «Невском альманахе на 1829 год». *Михайло* — М. И. Калашников, крепостной Пушкина.

«*Онегин*» — первая глава романа, которой был предпослан «Разговор

книгопродавца с поэтом». *Беседы* — «Разговоры лорда Байрона», 1824. «*Записки*» — уничтоженные в 1826 г. *Чухонка* — поэма Баратынского «Эда».

С. 421. «Демон» был напечатан в «Мнемозине» Кюхельбекера (1824. Ч. 3). «*Море*» — стихотворение «К морю». «*Разговор*» — «Разговор книгопродавца с поэтом».

С. 422. *Отрывок из... «Цыганов»* — для напечатания в «Полярной звезде». «*Войнаровский*» — поэма Рыльева. «*Неистовый Роланд*» — поэма Ариосто. «*Гудибрас*» — поэма Бутлера. «*Девственница*» — поэма Вольтера. «*Вер-Вер*» — поэма Грессе. «*Ренике Фукс*» — «Рейнеке Лис», средневековая сатирическая поэма, обработанная Гете. «*Душенька*» — поэма Богдановича. *Статья Плетнева* — «Письмо к графине С. И. С.» («Северные цветы на 1825 год»); Бестужев критиковал его в указанном письме к Пушкину.

В «*Цветях*» — в «Северных цветах на 1825 год». «*Черта местности*» — стихотворение Вяземского. *Руссо* — Ж.-Б. «*Инвалид*» — «Русский инвалид». «*Телеграф*» — только что основанный «Московский телеграф», где была напечатана «Телега жизни» и семь стихов из стихотворения «К морю». *Красовский* — цензор. *Статья Бестужева* — «Русская антология... Бауринга», направленная против влияния немецкой литературы. (Литературные листки. 1824. № 19—20) *Фита* — Ф. Н. Глинка.

Княгиня — Вяземская, давшая в Одессе взаймы Пушкину 600 р. Савелов А. П. (должник Пушкина) не отдал ей их, как было условлено. *Чацкий* — здесь: «Горе от ума». «*Телеграф*» — «Московский телеграф». Хвостов Д. И. написал «Послание к Н. о наводнении». *Василий Львович* — Пушкин. *Иванчин-Писарев Н. Д.* — писатель. *Филлимонов В. С.* — литератор. *Объявление его...* — в «Русском инвалиде» об издании «Искусства жить».

С. 424. «*Пожури моего брата...*» — Лев Сергеевич повсюду читал поэму «Цыганы» еще до того, как она была издана. *Слушал Чацкого...* — чтение списка «Горе от ума», привезенного Пушиным. *Клеон, Жеронт и Хлоя* — персонажи комедии Грессе «*Le méchant*» («Злоязычный»). «*Олег*» — «Песнь о вещем Олеге» («Северные цветы на 1825 год»).

С. 426. *Коншин Н. М.* — здесь речь идет о поэте В. И. Туманском. «*Палей*» — поэма Рыльева; осталась незаконченной. *Плетнев... повредил...* — В его статье «Письмо к графине С. И. С.» (см. примеч. к с. 422) был помещен восторженный отзыв об опальном Баратынском. «*И скоро ль...*» — цитата из «Громобоя» Жуковского.

«*Онегин*» — первая глава романа. «*Телега*» — «Телега жизни». *Чувствую необходимость* — издания собственного журнала. Эта мысль, осуществившаяся только в 1836 г. («Современник»), долго занимала Пушкина. *Издание Фонвизина...* — задуманная Вяземским биография Фонвизина.

«*Песни греческие*» — сборник переведенных Гнедичем «Простонародных песен нынешних греков» (1825). *Ваш Гомер...* — перевод «Илиады».

С. 428. *Рукопись* — «Телеграф Всеволжского», положенная в основу собрания стихотворений Пушкина 1826 г. *Издание Батюшкова* — «Опыты в стихах и

прозе...», 1817. «Он мнил...» — из стихотворения Жуковского «Мотылек и цветы». Толстой Ф. П. — художник-любитель. Уткин Н. И. — гравер. «Иною прелестью пленяется...» — из вышеназванного стихотворения Жуковского. «Царь Никита...» — сказка Пушкина. Добрые критики Плетнева — его «Письмо к графине С. И. С.».

С. 429. «Войнаровский» — поэма Рылеева. Спор Боульса с Байроном — о большей ценности в искусстве изображения природы или искусственных предметов. Хочется в ротмистра... — Бестужев служил в чине штабс-капитана.

С. 430. «Бабушкин кот» — Аристарх (не Трифон) Фалалейч Мурлыкин, герой повести Антония Погорельского (псевдоним А. А. Перовского) «Лафертовская маковница». Чтенья бесие — Л. С. Пушкин повсюду читал еще не изданные произведения старшего брата А. С. Пушкина. Предисловие к сборнику стихотворений было написано от имени издателей; настоящее письмо Пушкина легло в его основу. «Бахчисарайский фонтан». — Имеется в виду предисловие Вяземского к изданию поэмы 1824 г. «Телеграф»... — «Московский телеграф» Н. А. Полевого. Дельвига нет... — Пушкин ждал его в Михайловское. Войков — см. примеч. к с. 192. Стихи Голицыной-Суворовой — «Давно о ней воспоминанье...».

С. 431. Полевой Н. А.; его пародия на «Сельское кладбище» Жуковского («Книжная лавка») была напечатана в «Невском альманахе на 1825 год». Вируков — цензор. Вымарал я стихи... — задевающие Ф. И. Толстого-Американца, приятеля Вяземского. ...не люблю я Мура... — Пушкин имеет в виду поэму Т. Мура «Лалла-Рук».

Слепой поэт — И. И. Козлов. Повесть его — «Чернец». Послание — «К другу В. А. Жуковскому». «Конечно, бедный...» — измененный стих И. И. Дмитриева («Воробей и зяблица»), «Войнаровский» — поэма К. Ф. Рылеева. Замечания Пушкина на «Войнаровского» не сохранились. Последняя Жанлис — «Записки о XVIII веке и о французской революции» (Paris, 1825). Чайльд-Гарольд Ламаргина — 5-я песнь «Чайльд-Гарольда», написанная Ламартином. «Старина» — «Русская старина», «Талия» — альманах Булгарина «Русская Талия» (1825 г.) с отрывками комедии А. А. Шаховского «Ворожея, или Танцы духов» и комедий Н. И. Хмельницкого. Анахарзис Клоц — здесь имеется в виду Кюхельбекер, в послании к Грибоедову употребивший выражение «резвоскачущая кровь». Тиснуть... — Речь идет об издании стихотворений Пушкина. Сарское Село — «Воспоминания в Царском Селе».

Замечания Пушкина на поэму Рылеева «Войнаровский» не сохранились. Об ошибке в думе «Олег Вещий» см. с. 402. «Исповедь Наливайки» — отрывок из поэмы Рылеева «Наливайко».

С. 434. «Взгляд» — статья Бестужева «Взгляд на русскую словесность...» («Полярная звезда на 1825 год»). Ода к Зубову — «На возвращение графа Зубова из Персии» (впервые напечатана в 1804 г. в третьей части журнала «Друг просвещения»). Карамзин с 1803 г. получал пенсию 2 000 р. в год; Жуковский с 1816 г. — 4 000; Крылов с 1812 г. — 1 500; Гнедич с 1825 г. — 3 000. Лучшая поэма Вольтера — «Орлеанская девственница».

«О вспомни...» — из оды «На возвращение графа Зубова...». *Послание к Александру* — «Императору Александру» (1814). «*Турнир*» — повесть «Ревельский турнир». *Владимир* — герой повести «Измена». *Жаловаться...* — в статье «Взгляд на старую и новую словесность...»; А. С. Шишков недавно был назначен министром народного просвещения.

С. 437. *Русской грамоты, не знал...* — слова из «Эпитафии» И. И. Дмитриева. *В пальцах...* — «Борис Годунов». «*Демьян и Фока*» — «Демьянова уха» Крылова. «*История*» — Карамзина, работавшего над XII томом.

Доволен ли... — статья Вяземского «Жуковский. Пушкин...» (Московский телеграф. 1825. № 4). «*В бореньях...*» — слова из послания Вяземского к Жуковскому. *Фосс И. Г.* — немецкий поэт и переводчик. «*Былое сбудется опять...*» — из стихотворения Жуковского «Я музу иную бывало...». *Твое о «Чернце»* — статья Вяземского о поэме И. И. Козлова «Чернец» (Московский телеграф. 1825. № 8). «*Войнаровский*» — поэма Рыльева. *Нелов С. А.* — второстепенный поэт; *стихи его* — в № 8 (1825) «Московского телеграфа». *Статья Шаликова* — послание «К А. С. Пушкину» (Дамский журнал. 1825. № 8) по поводу измененного впоследствии стиха в «Разговоре книгопродавца с поэтом» («Пушай их Шаликов поет»). *Твое о Байроне...* — задуманная Вяземским статья о Байроне. *Благодарю за Казимира...* — за присланные стихи Казимира Делавиня. *Полевой* — Н. А. *Ему случается завираться...* — Пушкин критикует статьи Полевого «О Полярной звезде на 1825 год» (Московский телеграф. 1825. № 8 и Прибавление к «Московскому телеграфу». № 5). «*Буово д'Антоня*» — средневековая итальянская сказка. «*Влюбленный Роланд*» — поэма Воярдо.

Твои замечания... — статья Вяземского «О разборе... статей... в Записках Наполеона, написанном Денисом Давыдовым» (Московский телеграф. 1825. № 12). *В «Онегине»* — в третьей главе романа. *Статья Пушкина* — «О г-же Сталь...» (в «Московском телеграфе» № 12, за подписью «Ст. Ар.»). *Романтическая трагедия* — «Борис Годунов». «*А. Шенье в темнице*» — стихотворение «Андрей Шенье».

С. 440. *Ваш брат* — А. Н. Раевский. *Соседка* — П. А. Осипова. *Старушка-няня* — Арина Родионовна. *Моя трагедия* — «Борис Годунов». *Филоктет* — герой трагедии Лагарпа «Филоктет». *Озлобленный у Байрона* — Дж. Лоредано, герой драмы «Двое Фоскари».

С. 441. «*Водопад*» — стихотворение Вяземского «Нарвский водопад». *Нежданных гостей.* — Речь идет о перемене стиха в «Черной шали» Пушкина.

С. 442. *Трагедия моя* — «Борис Годунов». *Два последние тома* — X и XI тома. «История» Карамзина. *Писал я...* — Письмо Пушкина к Н. Н. Раевскому-сыну не сохранилось. *Железный (или Большой) колпак* — юродивый XVI в.

Наш приятель — Александр И. Хвостов Д. И. сам скупал свои нерасходившиеся произведения.

С. 443. «*Увы...*» — неточная цитата из Горация. Царевна София Алексе-

евна, по преданию, писала пьесы для дворцового театра; Пушкин мог прочитать об этом в «Опыте краткой истории русской литературы» Греча. *Твое 3-е действие...* — отрывки из трагедии Катенина «Андромаха» в «Русской Талии» Булгарина. «*Венцеслав*» — трагедия Ж. Ротру в переводе А. А. Жандра. *Записки* — «Записки» Пушкина, уничтоженные в 1826 г. ...четыре песни... не до них... — Пушкин был поглощен «Борисом Годуновым».

С. 444. *Федоров Б. М.* — литератор. *Пинский* — М. М. Карниолин-Пинский, сотрудник «Сына отечества». *Полевой* — Н. А. Цветной колпак — «фригийский», красный колпак (революционный). *Моя трагедия* — «Борис Годунов». *Орлова Е. Н.* — жена М. Ф. Орлова, урожд. Раевская (дочь генерала Н. Н. Раевского). *X и XI том* — «Истории» Карамзина. *Муханов А. А.* — автор статьи «Отрывки г-жи Сталь...», вызвавшей возражения Пушкина в его статье «О г-же Сталь...». Адъютантом генерала Н. Н. Раевского был брат А. А. Муханова, В. А. Муханов.

Горчаков — А. М., лицейский товарищ Пушкина. *Моя комедия* — «Борис Годунов». Песня Земфиры из «Цыган» («Режь меня...») с приложением нот дикого напева была напечатана в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого (1825. Ч. 6). *Вельгорский М. Ю.* — композитор-дилетант. *Милонов М. В.* — поэт-сатирик. В одной из своих сатир зло задел В. Л. Пушкина. Рассказывали, что В. Л. Пушкин жаловался знакомым, говоря: «А я его чаем поил!»

Жуковский говорит... — в письме к Пушкину от 2-й половины сентября 1825 г. *Упрягать... ушей...* — ср. письмо 167. *Ты уморительно критикуешь...* — в письме к Пушкину от 16—18 октября 1825 г. «*Молчи, то знаю...*» — из басни Крылова «Совет мышей». *Я назвал его...* — в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова». См. *господина Карамзина* — «Историю» Н. М. Карамзина.

Твоя статья — «Нью-Стидское аббатство»; в предисловии к ней Вяземский писал об уничтожении Т. Муром «Записок» Байрона (Московский телеграф. 1825. № 20. Подпись: «В»). *Уличили Руссо Ж.-Ж.* — в его «Исповеди». «*Лалла-Рук*» — поэма Мура.

С. 447. *Голиковская проза* — «Деяния Петра Великого». И. И. Голикова. *О горцах* — «Отрывки о Кавказе» за подписью «А. Я.» (Северная пчела. 1825. № 138). *Якубович А. Я.* — декабрист. В 1817 г. участвовал в дуэли А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым (вторым секундантом был Грибоедов). Через год на дуэли с Грибоедовым прострелил ему руку. *Поэма моя* — «Кавказский пленник». *Я написал трагедию* — «Борис Годунов»; «*Духи*» — «Шекспировы духи...» Кюхельбекера. *Кюхельбекер врет...* — Имеется в виду статья «О направлении нашей поэзии...» *Коцебятина* — сентиментально-морализующие драмы А. Ф. Коцебу. *Планищик Рылеев... план без стихов.* — Рылеев сообщил Пушкину (12 февраля 1825 г.) о составлении плана поэмы «Хмельницкий», которая не была написана. *Платов М. И.* — атаман донских казаков, герой Отечественной войны 1812 г.

Письмо твое — от 24 ноября 1825 г. В 1822 г. Катенин был выслан из

Петербурга, в 1825 г. получил разрешение вернуться. *«Андромаха»* — трагедия Катенина. *Радуюсь восшествию...* — Пушкин еще не знал о междуцарствии. *Барклай* — полководец М. Б. Барклай-де-Толли. *Каратыгин В. А.* — актер; Катенин одобрил его перевод трагедии Сорена «Бланка и Ги-скар».

Письмо не дошло до Кюхельбекера в связи с событиями 14 декабря. *Твоя комедия* — «Шекспировы духи». *Цертелев* — князь Н. А., литератор. *Сир слово старое...* (ср. в «Песне бедняка» Жуковского) и *нас стада* — цитаты из «Шекспировых духов».

С. 449. *«Андрей Шенья»* — стихотворение Пушкина. *Трагедия* — «Борис Годунов». *Борья* — Б. М. Федоров. *Роман его* — «Князь Курбский». *Сентябрьская книжка* — журнала Воейкова «Новости литературы». *«Илья Муромец»* — «богатырская повесть» М. П. Загорского (1804—1824).

Альманах — задуманный Катениным и Н. А. Вахтиным.

Эда, гусар — герои поэмы Баратынского «Эда». *Слепушкин Ф. Н.* — крестьянский поэт. *«Цветы»* — альманах «Северные цветы на 1826 год» (возможно, выход его задержался в связи с декабрьскими событиями).

Страшно вдвое... — в ожидании известий об участии декабристов и о состоянии здоровья Карамзина. *«Реку в сердце...»* — измененный 1-й стих 13-го псалма Давида. *«Борис»* — «Борис Годунов». *Академический четвертак* — жетон, получаемый за каждое заседание членами Российской академии.

Заикин — книгопродавец. *Повесть вроде «Верро»* (Байрона) — «Граф Нулин». *Какого вам «Бориса».* — Жуковский через Плетнева просил Пушкина прислать ему «Бориса Годунова» для лекций великой княгине Елене Павловне.

С. 452. *Судьба не перестает...* — Весной 1826 г. у Вяземского умер сын Владимир. *Эда* — героиня поэмы Баратынского «Эда», обольщенная офицером; здесь: О. М. Калашникова. *Стансы Ольге...* — Стихи Вяземского «К мнимой счастливце» и отрывок из его водевиля «Семь пятниц на неделе» были напечатаны в «Северных цветах» на 1826 год». Баратынский женился на А. Л. Энгельгардт (10 мая 1826 г.).

«Ты прав...» — из «Послания к И. М. Муравьеву» Батюшкова. Пушкин соглашается с советом Вяземского относительно судьбы О. М. Калашниковой (о ней см. письма 193, 195). *Пора бы нам отослать...* — основать свой журнал в противовес «Северной пчеле» Булгарина, «Благонамеренному» Измайлова и «Московскому телеграфу» Полевого.

Лансело — Ж. А. Ансело. *Василий Львович* — Пушкин. *Милорадович М. А.* — петербургский генерал-губернатор.

13-й том. — Карамзин кончил свою «Историю» на XII томе. *Ф. Гальяни* — автор «Неизданной переписки...».

Благодарю... за стихи... — «К морю», присланные Вяземским в письме от 13 июля 1826 г. Н. И. Тургенев в момент восстания был в Лондоне; осужденный заочно, остался там навсегда. *Повешенные повешены.* — 24 июля Пушкин узнал о казни пяти декабристов. *Записки Пушкина* — незадолго перед тем уничтоженные.

С. 455. *Журнал* — «Московский вестник», начавший выходить с 1827 г. Полевой — Н. А. Сушков Н. В. — приятель Грибоедова. *Завальевский Н. С.* — одесский знакомый Пушкина. *Известия о смерти Румянцева...* — «Некрология...» (Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 3). *Листы о Карамзине* — отрывок из «Записок» Пушкина (см. т. 9). *Дмитриев.* — Вяземский написал статью «Жизнь Дмитриева». *Стихи Языкова* — «Тригорское»; посвящены П. А. Осиповой.

Цензурный устав — новый, очень жесткий; опубликован в начале сентября 1826 г. *Мои стихи* — «К Языкову» («Языков, кто тебе внушил...»). *Первое послание* — «К Языкову» («Издревле сладостный союз...»).

Первое письмо Бенкендорфа — от 30 сентября 1826 г.; Пушкин на него не ответил. Ответом на второе, с выговором, является настоящее письмо. Бенкендорф сообщал Пушкину о запрещении печатать что-либо, не представляя Николаю I. *...читал свою трагедию...* — «Бориса Годунова».

С. 457. *Веревка вещь... не стану я терять...* — измененные стихи из басни И. И. Хемницера «Метафизик» и намек на казнь декабристов.

...Вечер у Карамзина — статья Булгарина «Встреча с Карамзиным...».

С. 458. «*Фауст*» — «Сцена из Фауста». *Господин, который вопрошал* — И. М. Снегирев, цензор. *Альманах «Уrania»* — не был издан. *Европейский журнал* — «Московский вестник». *Индийская сказка* — «Переход через реку...» В. П. Титова. *Альманах издателя «Благонамеренного»* — «Календарь муз» А. Е. Измайлова; Вяземский в статье об альманахах (Московский телеграф. 1827. Ч. 13. № 1) отозвался о нем презрительно.

Журнальный сыщик Сережа — библиограф С. Д. Полторацкий. «*Стансы к царю*» — «В надежде славы и добра...». *Песни* — «Песни о Стеньке Разине».

Одобрение... Гёте — письмо его (на имя собирателя автографов Н. И. Борхарда) с одобрительным отзывом о русской литературе, и в частности о разборе С. П. Шевыревым «Фауста». *Вы... напечатали...* — в «Московском вестнике» (1827. № 21). *Федоров Б. М.* — литератор. «*Мысль*» — стихотворение Шевырева, раскрытированное Булгариным в «Северной пчеле» (1828. № 52 и 58). *Стихи Языкова* — «Послание о журналистах».

Письмо Вяземского — от 26 июня 1828 г. *Твои запросы...* — в письме от 26 июля 1828 г. (Вяземский спрашивал, откуда стих «Быть может, некогда...»). «*Танкред*» — трагедия Вольтера. Пушкин цитирует не совсем точно. *Киселев Н. Д.* — генерал. *Младший* — А. А. Оленин, сын А. Н. Оленина. *Голлицын С. Г.* (1806—1868) — принимал участие в делах композитора М. И. Глинки. *Медная Венера* — А. Ф. Закревская. *Я ей пишу стихи...* — стихотворение «Портрет». *...намеренье благое...* — острота поэта М. В. Милонова по поводу журнала «Благонамеренный». «*Прямо, прямо на восток*» — из стихотворения Жуковского «Путешественник». Пушкин намекает на возможность репрессий в связи с делом о «Гавриилиаде»; приписывает поэму Д. П. Горчакову (ум. в 1824 г.) в ожидании, что письмо его будет вскрыто.

С. 461. *Несколько строк* — заметка Пушкина о выходе в свет «Илиады»,

переведенной Гнедичем. Гнедич в письме от 6 января 1830 г. благодарил Пушкина.

Роман Загоскина — «Юрий Милославский». В «Литературной газете» появилась заметка не Погорельского (псевдоним А. А. Перовского), а самого Пушкина.

С. 462. *Орест* — О. М. Сомов. Пушкин временно редактировал с ним «Литературную газету» в связи с отъездом Дельвига. *Твоя проза* — статьи о московских журналах для «Литературной газеты». «*Милославский*» — роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский». ...я его похвалил... — см. с. 461. Булгарин написал романы «Иван Выжигин» и «Дмитрий Самозванец». «*История*» Н. А. Полевого — «История русского народа», вызвавшая резкую оценку М. П. Погодина (Московский вестник. 1830. Ч. 1 и 6). *Муравьев Н. Н.* — в 1828 г. издал собрание своих сочинений.

«*Газета*» Дельвига — «Литературная газета». Раич С. Е. — издатель журнала «Галатей». Шаликов — П. И., издатель «Дамского журнала». Третье издание «Бахчисарайского фонтана» вышло в апреле 1830 г.

С. 463. *Отзыв «Северной пчелы»* — отрицательная рецензия Булгарина на седьмую главу «Евгения Онегина». *Материалы для романа* — вошли в статью Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина...» *О Видоке* — статья Пушкина «О записках Видока».

«*Эрнани*» — драма Гюго. *Хозяин* — Николай I. *Ланжерон А. Ф.* — в 1815—1823 гг. новороссийский генерал-губернатор.

Моя трагедия — «Борис Годунов», печаталась в Петербурге. *Дочери Карамзина* — С. Н. Карамзина и княгиня Е. Н. Мещерская.

С. 465. «*Марфа*» — трагедия Погодина «Марфа Посадница». Разбор ее был написан Пушкиным; при жизни его не опубликован. *Иоанн* — Иван III.

С. 466. «*Иван Великий*» — колокольня в Московском Кремле. *Языков Н. М.* — поэт.

Повесть — «Домик в Коломне», «*Дон Жуан*» — «Каменный гость». *5 повестей* — «Повести Белкина». *Билетец...* *Лавинья* — стихи Казимира Делавиня по поводу французской революции 1830 г.; напечатание их в «Литературной газете» послужило поводом к временному закрытию газеты. Подробнее об этом см. вступительную статью.

С. 467. *Стихи твои* — «Зимние карикатуры». *Альманах* — «Денница» М. А. Максимовича. *Дельвигу* — для «Литературной газеты» или «Северных цветов». *Яковлев* — П. Л.; альманаха не издал. «*Обозы*» — стихотворение Вяземского «Ухабы. Обозы». «*Девичий сон*» — стихотворение Вяземского. *Билет* — на бесплатное получение «Московского телеграфа» и «Телескопа».

«*Борис*» — вышедший из печати «Борис Годунов». *Перевороты* — шуточный намек на французскую революцию 1830 г. и на примирение Пушкина с Надеждиным. «*Марфа*» — трагедия Погодина «Марфа Посадница».

Издание — «Бориса Годунова» (декабрь 1830 г.).

С. 468. *Послание твое* — «К Гнедичу». *Ответ его* — «К П. А. Плетневу». «*Цветы*» — «Северные цветы на 1831 год». ...странная вещь... — цитата из

стихотворения Ф. Н. Глинки «Непонятная вещь». *Жду переводов* — «Бориса Годунова»; немецкий перевод фон Кнорринга вышел в 1831 г. *Поэма Баратынского* — «Наложница».

Экземпляры «Бориса» — «Бориса Годунова», издания 1831 г. (вышло из печати в декабре 1830 г.).

С. 470. *Белизар* — книгопродавец. *Элиза* — Е. М. Хитрово. *Южная ласточка* — А. О. Россет *...я затеваю...* — газету «Дневник». *«Марфа Посадница»* — трагедия Погодина.

С. 471. *Артур Потоцкий* — граф, одесский знакомый Пушкина. *«Жизнь Фонвизина»* — сочинение Вяземского. *...исключая Карамзина* — его «Историю». *Петр Иванович* — «Петр Иванович Выжигин», роман Булгарина; написан вслед за «Иваном Выжигиным», вызвавшим резкую критику Пушкина (См. «Несколько слов о мизинце г. Булгарина»). *Делорма... привезу...* — статью Пушкина о книге Сент-Бева «Жизнь... Жозефа Делорма». *Баронесса* — вдова Дельвига. *Жихарева* — Ф. Д., жена С. П. Жихарева.

«Ты прав, любимец муз...» — цитата из послания Батюшкова к И. М. Муравьеву-Апостолу. *Чацкий и смеется...* — в «Горе от ума» Грибоедова. *Твои запросы* — в письме от 22 февраля 1831 г. *Деларю М. Д.* — поэт и переводчик.

С. 472. *Подолинский А. И.* — второстепенный поэт. *«былое с ним...»* — измененная цитата из стихотворения Жуковского «Я музу юную, бывало...». *Дмитриев* — И. И.

«Странник» — роман А. Ф. Вельтмана. *Роман Загоскина* — «Рославлев».

«Красное и черное» — роман Стендаля. *«Плук и Плик»* — две повести Эжена Сю. *«Notre Dame»* — «Собор Парижской богородицы», роман Гюго.

С. 473. *Разбор* — романа Вельтмана «Странник».

Тургенев — А. И.; вернулся из-за границы.

С. 474. *«Водолаз»* («Кубок»), *«Перчатка»*, *«Поликратово кольцо»* — стихотворение Шиллера. *«Пильгрим»* — Вальтера Скотта (в переводе Жуковского — «Покаяние»). *Сказки гекзаметрами* — «Две были и еще одна»; *«Красный карбункул»* — сказка из Гебеля.

Твой план — «Северные цветы на 1832 год» (в пользу семьи Дельвига) вышли 24 декабря 1831 г. *«Моцарт»* — «Моцарт и Сальери». Жуковский поместил в «Северных цветах» стихотворную повесть «Сражение со змеем»; *Баратынский* — стихотворение «Мой Элизий».

Софья Михайловна — вдова Дельвига; уезжала в Москву.

С. 475. О «Северных цветах на 1832 год» — см. письмо на с. 470. *Две трагедии В. К. Кюхельбекера* — «Архилох» и «Аргивяне». *Моя баллада* — «Жил на свете рыцарь бедный...».

Зароюсь в архивы... — для написания «Истории Петра I».

Последний номер «Литературной газеты», которую после смерти Дельвига редактировал О. М. Сомов, вышел 30 июня 1831 г. *...конечно, Сомов болен...* — перефразировка стиха из басни И. И. Дмитриева «Воробей и яблони».

ца». *Замечание Вяземского* — «Жаль, что Булгарин не одним мизинцем пишет»; использовано Пушкиным в статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина...». *Возмущения* — в военных поселениях.

С. 477. «*Цветы*» — «Северные цветы на 1832 год». *Яковлев* — М. Л.; Со-мов — О. М. «Литературная газета...» — прекратилась. «*Меркурий*» — «Северный Меркурий», издавался М. А. Бестужевым-Рюминым (ум. в 1832 г.). *Хвостов* — Д. И. *Сказки мои* — «Повести Белкина».

Эпиграф, предлагавшийся Пушкиным — из «Вечера на бивуаке» А. А. Бестужева (в рукописи эпиграфом был стих из шестой главы «Евгения Онегина» — «Теперь сходитесь...»).

Статья Пушкина — «Торжество дружбы...»; подписана «Феофилакт Косичкин»; была напечатана в «Телескопе» Н. И. Надеждина (в августе 1831 г.). *Фаддей Венедиктович* — Булгарин. *Поздравляю Вас...* — с эффектом, который произвели печатавшиеся «Вечера на хуторе...» среди наборщиков. *Остренький сиделец* — Н. А. Полевой. *Надежда Николаевна* — так (ошибочно) Гоголь в своем письме назвал жену Пушкина.

Переписка Авраама — по-видимому, переписка С. Л. Пушкина с крепостным Игнатием Петровым (о ней говорится в письме Вяземского от 24 августа 1831 г.). *Сказка в тысячу стихов* — «Сказка о царе Салтане». «*Рославлев*» — роман М. Н. Загоскина. *Ты оценил...* — в письме от 24 августа 1831 г. *О половице* — шутовское рассуждение Вяземского в письме от 24 августа 1831 г. *Статья в «Телескопе»* — статья Пушкина «Торжество дружбы...» за подписью «Феофилакт Косичкин» (Телескоп. 1831. № 13).

С. 478. *Похлопочи о «Северных цветах»...* — альманах издавался в пользу семьи Дельвига. *Языков* — Н. М., *Киреевский* — И. В. ...затевают журнал... — «Европеец». *Косичкин* — см. примеч. к с. 477. *Россети* — А. О. Россет. «*Мармион*» — поэма Вальтера Скотта. *Каков Гоголь* — Н. В. Гоголь, издавший «Вечера на хуторе...». *Повести мои* — «Повести Белкина».

«*Пир во время чумы*» — для альманаха Розена «Альциона на 1832 год». *Ваше предисловие* — к не осуществленному Розеном немецкому переводу «Бориса Годунова»; было напечатано отдельно.

С. 479. *Киреевский И. В.* начал издавать журнал «Европеец». *Орлов А. А.* — писатель; о нем идет речь в статье Пушкина «Торжество дружбы...». *Хомяков А. С.* — поэт; написал трагедию «Дмитрий Самозванец». *Тризна* — «Северные цветы на 1832 год» в пользу семьи Дельвига. *Послание Д. И. Хвостова* — «А. С. Пушкину...».

С. 480. *Вы... сердиты...* — возможно, за строку в эпиграмме Пушкина «Собрание насекомых» («Вот Глинка, богия коровка...»). В «Северных цветах на 1832 год» Глинка принял участие.

Неотложные дела — при Коллегии иностранных дел. *Сатирическая статья* — «Второе письмо из Карлова» Булгарина (Северная пчела. 1830. № 94). *Ответ* — стихотворение Пушкина «Моя родословная».

«*Северные цветы*» — на 1832 год, посвященные памяти Дельвига. *Сказки* — «Повести Белкина», изданные в октябре 1831 г.

С. 481. «Европеец» — журнал Киреевского. *Отрывок повести* — «Домик в Коломне». «Спящая царевна» — «Сказка о спящей царевне». «Мышь Степанида» — отрывок из поэмы «Война мышей и лягушек». *Раич С. Е.* — литератор, издатель «Галатеи». *Павлов Н. Ф.* — писатель. *Ваша статья* — «Обозрение русской литературы на 1831 год». «Годунов» — «Борис Годунов». «Наложница» — поэма Баратынского. «Антикритика Баратынского» — в «Европейце» (1832. № 2). *Миерис* — голландский художник-миниатюрист. *Языков* — Н. М.

С. 482. «Европеец» — журнал И. В. Киреевского.

Стихотворение — «Анчар».

С. 484. *Книга* — «Полное собрание законов Российской империи» в 35 томах. *Предпринимаемый ...труд* — «История Петра I». *Шувалов* — И. И. (1727—1797). *Стихотворение* — «Анчар».

Девушка Кюхельбекер — младшая сестра В. К. Кюхельбекера, Юлия. *Служба* — в Коллегии иностранных дел. На обе просьбы Пушкина разрешения не было дано:

С. 485. *Брат ваш* — П. В. Киреевский. *Языков* — Н. М. *Мне разрешили...* — Речь идет о газете «Дневник»; разрешение было впоследствии отменено.

С. 486. *Комиссия Ваша* — переговоры с книгопродавцем Смирдиным о продаже ему издания не имевшей успеха трагедии Погодина «Марфа Посадница». «Петр» — трагедия Погодина. *Политическая газета* — «Дневник». Подписку на свою еще не написанную «Историю...» собирал Н. А. Полевой. Надеждин Н. И. напечатал рецензию на восьмую главу «Евгения Онегина» (Телескоп, 1832. № 9), Шишков А. А. послал Пушкину издание своих переводов «Избранный немецкий театр». ...*не отвечал...* — на письмо от 6 октября 1831 г. «Фортунат» — переведенная Шишковым драматическая сказка Л. Тика.

С. 487. *Программа* — задуманной Пушкиным газеты «Дневник», к участию в которой Пушкин хотел привлечь Погодина. *Уничтожить монополию* — «Северной пчелы» Булгарина. *Ваш клиент Годунов.* — Погодин писал драму из жизни Бориса Годунова.

С. 488. «Островский» — «Дубровский». *Короткий* — служащий Ссудной казны. *Твои мемуары* — воспоминания Нащокина. *Мой журнал* — задуманная Пушкиным газета «Дневник». *Вельтман* — А. Ф.; писал либретто для оперы А. П. Есаулова «Летняя ночь». *Павел* — сын Нащокина и цыганки Ольги Андреевны.

Бестужев — А. А.

С. 489. Речь идет о работе Пушкина над «Историей Петра I».

С. 490. Пушкин благодарит за присылку дополнительных материалов.

С. 491. «Записки» (или «Воспоминания») Ермолова были изданы только в 1863 г.

«Дочь Жолобова» («Дочь купца Жолобова») и «Камчадалка» — романы Калашникова; Н. А. Полевой резко критиковал их. *Роман Полевого* — «Клятва при гробе господнем».

С. 492. Исторические записки Дмитриева («Взгляд на мою жизнь») были изданы после его смерти; отрывок был включен Пушкиным в примечание к VIII главе «История Пугачева».

... и это я прогулял... — Во время наводнения 7 ноября 1824 г. Пушкин находился в ссылке, в Михайловском.

С. 493. *Несносная баба* — А. А. Фукс. *Муж ее* — К. Ф. Фукс, профессор.

С. 494. Ответ на предложение Одоевского (письмо к Пушкину от 28 сентября 1833 г.) принять участие, под псевдонимом «Белкин», в альманахе «Гомозейки» (Одоевского) и «Рудого Панька» (Гоголя). «Тройчатка». — Виньетка должна была изображать разрез дома — чердак, комнату и погреб.

Комедия Гоголя — «Владимир 3-ей степени».

Стихотворение — «Медный всадник»; был напечатан только после смерти Пушкина. *Журнал Смирдина* — «Библиотека для чтения», где Пушкин часто печатался. *Исторический роман* — «Капитанская дочка». «История Пугачевщины» — «История Пугачева», изданная в 1834 г. под названием «История Пугачевского бунта».

С. 495. Пушкин был избран в члены московского «Общества любителей российской словесности» в 1829 г.; отвечает Погодину, секретарю общества, на письмо от 24 марта 1834 г. *Статья о Видоке* — «О записках Видока». *Газета Шаликова* — «Московские ведомости». «Я всякому...» — цитата из «Горя от ума» Грибоедова. *Петр* — «История Петра I».

С. 496. Недовольный Никитенкой, Пушкин вскоре передал рукопись цензору Семенову.

С. 497. *Ваш первый роман...* — роман Лажечникова «Последний Новик». *Новое Ваше творение* — «Ледяной дом», отрывок из которого напечатан в альманахе «Денница» (1834).

Тетка — Е. И. Загряжская. *Праздники* — по случаю совершеннолетия наследника, великого князя Александра Николаевича. *Первый* — Павел I, *Второй* — Александр I, *Третий* — Николай I.

С. 498. *Сочинения мои* — «Повести Белкина», «Арап Петра Великого» и «Пиковая дама»; вышли в 1834 г. под названием «Повести, изданные Александром Пушкиным». Сочинения Пушкина были доставлены ссыльному Кюхельбекеру.

Статья о Панине — биография графа П. И. Панина, присланная Пушкину для передачи в «Библиотеку для чтения» Смирдина.

С. 499. *...не хочу быть шутом...* — из письма Ломоносова к И. И. Шувалову от 19 января 1761 г.

С. 500. «История» — «История Пугачева». В «Сыне отечества» военный историк В. Б. Броневский поместил отзыв об «Истории Пугачева» (январь 1835 г., за подписью П. К.)

Молодой Карамзин — А. Н., сын писателя; «поднести вам книгу» — «Историю Пугачева», «...хроника моя обязана вам...» — см. примеч. к с. 492. *Умерший на щите* — П. И. Соколов, непрменный секретарь Российской академии. *Словарь* — «Словарь русского языка». *Современник ваш* — Д. И. Хвостов.

С. 501. *Исторический отрывок* — «История Пугачева». Лара — герой поэмы Байрона «Лара». Лобанов М. Е. — литератор. Языков Д. И., перевел труд Шлецера «Нестор...»; в 1835 г. был избран непременным секретарем.

С. 502. *Повесть* — «Потерянная для света повесть» О. И. Сенковского; в ней иронически упоминается повесть Погодина «О московском извозчике».

В 1832 г. его величество... — о газете «Дневник».

...задуманная Пушкиным «История Петра I». Я хотел быть издателем... — Пушкину было разрешено издавать журнал «Современник» (начал выходить в 1836 г.). Министр — С. С. Уваров. Дондуков-Корсаков — М. А.

С. 503. Пушкин познакомился с Дуровым на Кавказе в 1829 г. Автор «Записок» — сестра Дурова, известная «кавалерист-девица» Н. А. Дурова (псевдоним — А. А. Александров).

Краевский был посредником между Пушкиным и московскими журналами, в частности «Московским наблюдателем» (в нем печаталось стихотворение Пушкина «Туча»).

С. 504. «Путешествие» — «Путешествие в Арзрум». Дундук — так назван Пушкиным князь М. А. Дондуков-Корсаков в эпиграмме («В Академии наук заседает князь Дундук»). «Коляска» Гоголя (как и «Путешествие в Арзрум») была напечатана в первом томе «Современника», отменившего задуманный альманах. Лангер — известный художник. Комедия Гоголя — «Утро делового человека».

С. 505. *Одно из моих стихотворений* — поэма «Анджело», 1-е издание которой было одобрено Николаем I.

Портрет Пугачева — гравировался в Париже.

С. 506. «Помилование» декабристов — указ 14 декабря 1835 г., облегчавший заключение некоторых. Кюхельбекер был отправлен на поселение в Баргузин Иркутской губ. Разрешения поселиться в имении сестры, Юстины К. Глинки, не получил.

С. 507. *Записки Моро де Бразе* — напечатаны в «Современнике» (1837. Т. 4). *Четыре тома статей...* Речь идет о журнале «Современник», разрешение на издание которого Пушкин наконец получил.

Речь идет о стихотворении Пушкина «На выздоровление Лукулла» (было направлено против С. С. Уварова).

С. 508. *Возвратился я из деревни...* — предлог, выдуманный для объяснения молчания. Присланные Фукс произведения напечатаны не были.

И. П. Сахаров (1807—1863) — автор не изданной еще тогда книги «Сказание русского народа».

Одоевский помогал Пушкину в издании «Современника». «Загадки» — раздел книги Сахарова; в «Современнике» не появились.

С. 509. *...не послал...* «Современника»... — вероятно, билета на его получение. Статьи Сухорукова в первых четырех книгах не появились.

Письмо касается подготовки первого тома «Современника». *Корректурa «Путешествия»* — «Путешествия в Арзрум». *Повесть «Зизи»* — «Княжна Зизи» (была напечатана только в 1839 г.).

Статья кн. П. Б. Козловского — «Разбор Парижского математического ежегодника». *Фиески, Джузеппе* — главный участник покушения на Луи-Филиппа (28 июля 1835 г.). *Министры* — Тьер, Гизо и др. *Стихи к Погоцкой* — «Роза и кипарис...» (Современник. 1836. Т. 1).

С. 510. *Брат Ваш* — сестра Н. А. Дурова.

Печальные обстоятельства — смерть матери Пушкина (29 марта 1836 г.)
Статья о *Ваших афоризмах...* — рецензия на «Исторические афоризмы...»
Погодина, принадлежала Гоголю.

С. 511. *Статья Пушкина* — «Собрание сочинений Георгия Кониского». В 1836 г. Языков напечатал в «Современнике» только «Драматическую сказку об Иване-царевиче...». В «Послании к Давыдову» Языкова (напечатано в «Московском наблюдателе», 1835, ч. 3) есть стихи:

Ты боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!

Послание Вяземского — «К Языкову» (альманах «Новоселье», 1834, ч. 2).

С. 513. *Тинтер* — игра в карты. *Баратынский* — Е. А., поэт.

Белинский резко выступал против «наблюдателей». Пушкин хотел привлечь его к участию в «Современнике».

Полон Наполеоном — во 2 № «Современника» были напечатаны две статьи Вяземского: «Наполеон и Юлий Цезарь» и «Новая поэма Э. Кине (Napoléon...)». *Винценгероде* — генерал, в 1813 г. — начальник Давыдова. «*Твои очи*» — стихотворение Давыдова «Я помню — глубоко...» (напечатано в 1840 г.).

С. 514. *Возвращение из-под цензуры...* — написанной Вяземским биографии Фонвизина. А. С. Хвостов написал «Послание к творцу послания», пародию на «Послание к слугам моим» Фонвизина. «*Аввакум Скитник*» — приписывавшееся Фонвизину полемическое произведение, направленное против старообрядцев («Жизнь некоего Аввакумовского скитника...»); в действительности принадлежит М. Д. Чулкову.

«*Париж. Хроника русского*» — статья А. И. Тургенева (появилась только в IV томе «Современника»). «*О Ревизоре*» — статья Вяземского (II т. «Современника»). *Крылов А. Л.* — цензор.

С. 515. Дурова торопила Пушкина с изданием ее «Записок» и предлагала представить их Николаю I на маневрах. 500 рублей Пушкин был ей должен за отрывки «Записок», напечатанные во II томе «Современника». За полное издание «Записок» взялся И. А. Бутовский.

С. 516. *Муравьев заметил... ошибку...* — Страница 163 во II томе «Современника» была перепечатана.

Написано на копии статьи Пушкина «Александр Радищев».

С. 516. *Твоя статья* — «О партизанской войне» (Современник. 1836. Т. 3).
Четыре цензуры — через которые проходил «Современник», помимо общей: военная, духовная, министерства иностранных дел, министерства двора.

С. 517. *Первые... шаги.* — В 1817 г. Корсаков издавал журнал «Северный

зритель», где было напечатано несколько стихотворений Пушкина. *Мой роман* — «Капитанская дочка».

С. 518. *Артек* — дача Голицыных в Крыму. *Перевод моего стихотворения* — стихотворения Пушкина «Клеветникам России». *Три перевода* — посланный Хитрово перевод Б. А. Вревского или графини А. Г. Лаваль и перевод Уварова, иронически названного «моим другом». *В свое время* — во время польского восстания 1831 г. *Вы узнали некоторых лиц.* — Очевидно, речь идет о семействе Раевских.

Ответ на письмо Баранта от 11 декабря 1836 г. с просьбой сообщить сведения о русских законах по авторскому праву. *Первая жалоба.* — Имеется в виду столкновение Пушкина с Ольдекопом в 1824 г.

С. 520. *В Академии наук* — первый стих из эпиграммы Пушкина на М. А. Дондукова-Корсакова.

С. 520. Пушкин критикует Словарь Российской академии и «Энциклопедический лексикон» Плюшара. Объяснение слова «арапник» взято из «Русско-французского словаря...» Ф. Рейфа.

С. 521. «*Княжна Зизи*» и «*Сильфида*» — повести Одоевского.

Статья Волкова М. С. — возражение на брошюру Н. И. Тарасенко-Отрепкова, направленную против проекта Ф. А. фон Герстнера (о строительстве железных дорог в России). В «Современнике» напечатана не была. *Эпиграф* — из Крылова («Беда, коль пироги начнет печи сапожник...»).

С. 522. *Письмо твое* — статья Вяземского, в форме письма к Уварову, против историка Н. Г. Устрялова (напечатана только в 1879 г.). Устрялов в своей диссертации ниспровергал «Историю» Карамзина: Вяземский связывал это с политикой Уварова как министра народного просвещения. *Формула, изобретенная Воейковым* — в его журнале «Славянин», где в отделе «Хамелеонистика» печатались неудачные выражения из статей Н. А. Полевого, а под видом «венка, сплетенного бригадиршей», — резкие отзывы критики о Полевом.

С. 523. *Труды, изыскания...* — Тургенева в форме писем в «Современнике» не появились. *Стихи к Вяземскому* — «Так море, древний душегубец...»; были посланы в письме от 14 августа 1826 г. Заинтересовали Тургенева в связи с находившимся в них намеком на его брата Н. И. Тургенева.

Петр Александрович — Плетнев. *Барри Корнуолл* (псевдоним Б. Проктера) — английский поэт и драматург. Переводы появились в «Современнике» уже после смерти Пушкина.

В этот день состоялась дуэль Пушкина с Дантесом. *Книга Барри Корнуолла* — «Поэтические произведения Мильмана, Боульса, Вильсона и Корнуолла». ...*льсы, отмеченные карандашом...* — «Лудовик Сфорца», «Любовь, излеченная снисхождением», «Средство побеждать», «Амелия Уентуорт» и «Сокол». Были напечатаны в «Современнике» (1837. Т. 8 (4)). *История в рассказах* — «История России в рассказах для детей»; первый том вышел в конце декабря 1836 г.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

С. 134—136

— Вот моя трагедия, раз уж вы непременно хотите ее, но я требую, чтобы прежде прочтения вы пробежали последний том Карамзина. Она полна славных шуток и тонких намеков на историю того времени, вроде наших киевских и каменских обиняков. Надо понимать их — это *Sine qua non*¹.

По примеру Шекспира я ограничился развернутым изображением эпохи и исторических лиц, не стремясь к сценическим эффектам, к романтическому пафосу и т. п.. Стиль трагедии смешанный. Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых, — что касается грубых непристойностей, не обращайтесь на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой же переписке. Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги. Но, не говоря уже о том, что любовь весьма подходит к романтическому и страстному характеру моего авантюриста, я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычный характер. У Карамзина он лишь бегло очерчен. Но, конечно, это была странная красавица. У нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходимцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведет переговоры с польским королем как корованная особа с равным себе, и жалко кончает свое столь бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня как страсть. Она ужас до чего полька, как говорила кузина г-жи Любомирской.

Гаврила Пушкин — один из моих предков, я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он был очень талантлив — как воин, как придворный и в особенности как заговорщик. Это он и Плещеев своей неслыханной дерзостью обеспечили успех Самозванца. Затем я снова нашел его в Москве в числе семи начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 году, заседающим в Думе рядом с Козьмой Мининым, потом воеводой в Нижнем, потом среди выборных людей, венчавших на царство Романова, потом послом. Он был всем, чем угодно, даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он сжег (в наказание за что-то), подобно проконсулам Национального Конвента.

Я намерен также вернуться и к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый вступает

¹ это неперемное условие (*лат.*).

в заговор и он же, заметьте, сам берется выполнить всё это дело, кричит, обвиняет, из предводителей становится рядовым воином. Он готов погибнуть, Дмитрий милует его уже на лобном месте, ссылает и с тем необдуманным великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова возвращает ко двору и осыпает дарами и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавший под топор и на плаху? Он спешит создать новый заговор, успевает в этом, заставляя себя избрать царем и падает — и в своем падении сохраняет больше достоинства и силы духа, нежели в продолжении всей своей жизни.

В Дмитриии много общего с Генрихом IV. Подобно ему он храбр, великодушен и хвастлив, подобно ему равнодушен к религии — оба они из политических соображений отрекаются от своей веры, оба любят удовольствия и войну, оба увлекаются несбыточными замыслами, оба являются жертвами заговоров... Но у Генриха IV не было на совести Ксении — правда, это ужасное обвинение не доказано, и я лично считаю своей священной обязанностью ему не верить.

Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх, действительно, был человеком большого ума, я же по рассеянности сделал из него дурака.

Создавая моего Годунова, я размышлял о трагедии — и если бы вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал — это, может быть, наименее понятный жанр. Законы его старались обосновать на правдоподобии, а оно-то именно и исключается самой сущностью драмы; не говоря уже о времени, месте и проч., какое, черт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две части, из коих одна занята 2000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках?

2) *Язык*. Например, у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: «Увы я слышу сладкие звуки греческой речи». Не есть ли все это условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобии характеров и положений. Посмотрите, как смело Корнель поступил в «Сиде». «А, вам угодно соблюдать правило о 24 часах? Извольте». И тут же он нагромождает событий на 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких изменений общепринятых правил. Альфиери глубоко чувствовал, как смешны речи в *сторону*, он их уничтожает, но зато удлинит монологи. Какое ребячество!

Письмо мое вышло гораздо длиннее, чем я хотел. Прошу вас, сохраните его, так как оно мне понадобится, если черт меня попутает написать предисловие.
30 января 1829 г. (*Франц.*)

С. 179

Однако, вы очень податливы на искушение,
И тело производит сильное впечатление на ваши чувства!
Не понимаю, право, что за пылкость вас одолела.
Я совсем не так быстра на плотские желания,
И когда б я увидела вас голым с головы до пят,—
Вся ваша кожа меня бы не соблазнила. (*Франц.*)

Для желающего утопиться место очень удобно.
В любой день стоит только пойти сюда,
Спрятать одежду под этой березой
И, словно для купанья, погрузиться в воду:
Не как безумец, стремглав,
Но присесть, поглядеть вокруг; следить
За длинным отблеском луча света на листе и на воде;
Затем, когда почувствуешь, что дух исчерпал себя до конца,
И озябнешь, тогда, не затягивая праздника,
Нырнуть головой, чтобы ее больше не поднимать.
Вот моя заветная мечта, когда я задумываю умереть.
Я всегда одиноко плакал и страдал;
Ничье сердце не билось рядом с моим, когда я проходил
жизненный путь

Так же, как я жил, пусть я умру — тайно,
Без шума, без криков, без толпы собравшихся соседей.
Жаворонок, умирая, прячется во ржи,
Соловей, чувствуя, что голос его ослабевает,
И приближается холодный ветер, и падает его оперение,
Исчезает из жизни незаметно для всех, как лесное эхо:
Я так же хочу исчезнуть. Только через месяц или два,
Может быть, через год, однажды вечером,
Пастух в поисках за заблудившейся козой,
Или охотник, спустившись к ручью и заметив,
Что его собака бросилась туда и возвратилась с лаем,
Взглянет: луна, с ним вместе смотря,
Осветит тусклым сиянием это тело —
И внезапно он побежит до самого поселка без оглядки.
Несколько местных жителей придут ранним утром,
Вытянут за волосы неузнаваемый труп,
Эти обрывки тела и кости, забытые песком.
И, примешивая шутки к каким-нибудь глупым рассказям,
Долго будут совещаться над моими почерневшими останками
И, наконец, повезут их на тачке на кладбище,
Поскорее заколотят их в какой-нибудь старый гроб,
Который священник трижды окропит святой водой,
И оставит меня без имени, без деревянного креста!

C. 179—180

Мой друг, вот вы отец новорожденного;
Это еще один мальчик; небо даровало его вам
Прекрасного, свежего, радостно улыбающегося этой
горькой жизни.

Он стоял едва лишь нескольких стонов своей матери.
Ночь; я вижу вас... При легком шуме сон
Обнял розового ребенка на белой спящей груди,
А вы, отец, бодрствуя у камина,
Углубившись в раздумья и склонив голову,
Вы часто оборачиваетесь, чтобы вновь увидеть, — о счастье! —
Младенца, мать, и брата, и сестру.
Как пастух, радующийся своим новым ягнятам,
Или как хозяин, ввечеру считающий снопы хлеба.
В этот торжественный час, в этой глубокой тишине,

Кто, кроме вас, знает бездну, в которой тает ваше сердце, друг?
Кто знает ваши слезы, ваши немые ласки,
Сокровища гения, изливающиеся в нежности,
Стон орла, более грустный, чем у голубки в гнезде,
Потоки, струящиеся с гранитной скалы,
И бесчисленные ручьи от снега,
Тающего под зноем норвежского лета на склонах ледника?
Живите, будьте счастливы и когда-нибудь воспойте
Нам эти сверхчеловеческие тайны невыразимой любви.
А я в это время также бодрствую,
Не у голубых занавесей розового детства,
Не у брачного ложа, орошенного благовониями,
Но у холодного одра, над телом усопшего.
Это — сосед, подагрический старик, умерший от камня в печени.
Его племянницы позвали меня, я здесь по их просьбе;
Один я присел к одру с девяти часов вечера,
В главах постели — черный деревянный крест
С костяным распятием положен меж двух свечей,
На стуле; рядом ветка самшита, дорогого для верующих,
Мокнет в тарелке, и я вижу под простыней
Мертвого, во всю длину, со сжатыми ногами и скрещенными
руками.

О! если бы, по крайней мере я долгое время знал
Этого мертвеца при жизни! Если бы мне хотелось
Поцеловать этот желтый лоб в последний раз!
Если бы, глядя всё время на эти жесткие прямые складки,
Я бы, наконец, увидел, как что-то шевелится,
Двигается подобно ноге одышающего человека,
И что пламя голубеет! Если бы я услышал,
Как заскрипела кровать!.. или если бы я мог молиться!
Но нет: никакого священного ужаса, никакого нежного
воспоминания.

Я смотрю и не вижу, слушаю и не слышу.
Каждый час бьет медленно, и когда, переутомленный
От этого удручающего спокойствия и этих глухих грез,
Я подхожу к окну немного подышать
(Так как на полночном небе только что родился серп месяца),

C. 181—182

В забавах веселого детства; она уже была рассудительна,
И когда ее маленькие сестры бегали по траве,
Она первая напоминала им о часе,
О том, что пора уже идти домой,
Что она услышала звон колокола,
Что запрещено подходить к каналу,
Пугать в роще ручную лань,
Играя, подбегать слишком близко к птичнику,—
И сестры слушались ее. Скоро ей исполнилось пятнадцать лет,
И ее разум украсился очарованиями более привлекательными:
Прикрытая грудь, ясное чело, на котором почует спокойствие,
Розовое лицо под прекрасными темными волосами.
Скромные губы со сдержанной улыбкой.
Холодный и трезвый разговор, который, однако, нравится,

Нежный и твердый голос, никогда не дрожащий,
И черные, сходящиеся брови.
Чувство долга рождало в ней важное усердие.
Она держалась рассудительно, выдержанно, не рассеянно;
Она не мечтала, как молодая девушка,
Рассеянно роняющая из рук иглу
И думающая от вчерашнего до завтрашнего бала
О прекрасном незнакомце, пожавшем ей руку.
Никогда не видел никто, чтобы, облокотившись на окно
И позабыв работу, она следила сквозь ветви
Прерывный бег вечерних облаков,
А потом внезапно прятала бы лицо в платок,
Нет, она говорила себе, что счастливое будущее
Внезапно изменилось со смертью отца,
Что она — старшая дочь и потому должна
Принимать деятельное участие в домашних заботах.
Это юное и строгое сердце не знало власти
Тоски, от которой вздыхает и волнуется невинность.
Оно всегда подавляло разнеживающую грусть,
Возникающую бессознательно, очаровательные тревоги
И темные желания, все те смутные волнения,
Этих естественных пособников любви.
Владея вполне собой, она в самые нежные мгновения,
Обнимая свою мать, говорила ей *вы*.
Приторные комплименты и пылкие фразы
Праздних молодых людей для нее тратились попусту.
Но когда измученное сердце рассказывало ей свое горе,
Ее ясное чело тотчас омрачалось:
Она умела говорить о страданиях, о горькой жизни,
И давала советы, как молодая мать.
Теперь она сама мать и жена,
Но это скорее по рассудку, чем по любви.
Ее мирное счастье умеряется уважением;
Ее муж, уже не молодой, мог бы быть для нее отцом;
Она не знала забвенья первого месяца,
Медового месяца, сияющего только однажды,
И чело ее, и глаза сохранили ото всех
Целомудренные тайны, о которых женщина должна молчать.

C. 182—183

Счастливая по-прежнему, она сообразует свою жизнь
С новыми обязанностями... Отраднo видеть ее,
Когда, освободившись от хозяйства, вечером в будни
Часов около шести, не наряжаясь, летом, она выходит погулять
И садится в тени от палящего солнца,
На траву, с своей прекрасной дочкой.
Так текут ее дни с ранних лет.
Как безыменные волны под безоблачным небом,
Медленным, однообразным, но торжественным потоком.
Ибо они знают, что стремятся к вечному берегу.
И при виде того, как тихо течет эта скромная доля,
Кротко уступая влечению долга,
Эти чистые, прозрачные, спокойные, молчаливые дни,
Которые успокаивают от шума и на которых отдыхают глаза,
Невольню, увы, я вновь вступаю в грусть;

Я думаю о моих быстро ушедших долгих днях,
Бурных, несчастных, потерянных для долга,
И, о боже, я думаю о том, что скоро настанет вечер! (Франц.)

С. 213

— «По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и самки, черные, с лицами землистого цвета, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которую они роют и ковыряют с непреодолимым упорством; у них как будто членораздельная речь, а когда они выпрямляются на ногах, то мы видим человеческое лицо; и действительно, это — люди. На ночь они удаляются в свои логовища, где питаются черным хлебом, водой и кореньями; они избавляют других людей от труда сеять, обрабатывать и собирать для пропитания, и заслуживают того, чтобы не терпеть недостатка в хлебе, который сами сеют». *Характеры.* (Франц.)

С. 225

Наконец, пришел Малерб и первый во Франции Дал почувствовать в стихах точную гармонию, Показал силу слова, помещенного на должном месте, И подчинил музу правилам долга. Исправленный этим мудрым писателем язык Перестал являть разборчивому уху что-либо грубое, Строфы научились литься с изяществом, И один стих не дерзал более вторгаться в другой. (Франц.)

С. 230

«В последнее время я много думал о Мэри Дёфф. Как это странно, что я был так безгранично предан и так глубоко привязан к этой девушке, в возрасте, когда я не мог не только испытывать страсть, но даже понять значение этого слова. И однако же это была страсть! Моя мать имела обыкновение смеяться над этой детской любовью; и много лет спустя, — когда мне было, примерно, лет шестнадцать, — она мне сказала однажды: «Ах, Байрон, я получила письмо из Эдинбурга, от мисс Аберкромби; ваша бывшая любовь, Мэри Дёфф, вышла замуж за господина С.». И что же я ей ответил? Я не могу постичь и объяснить то чувство, которое мною овладело в это мгновение. Со мною почти сделались судороги; моя мать была так этим встревожена, что потом, когда я оправился, она упорно избегала заговаривать со мной на эту тему, довольствуясь беседой об этом со своими приятельницами. И сейчас я спрашиваю себя, что бы это значило? Я не виделся с нею больше с тех пор, когда вследствие проступка ее матери в Абердине, она поселилась у своей бабушки в Банфе; мы оба были тогда детьми. Я пятьдесят раз с тех пор влюблялся; и тем не менее я помню всё то, о чем мы говорили, помню наши ласки, ее черты, мое волнение, бессонницы и то, как я мучил горничную моей матери, заставляя ее писать Мэри письма от моего имени; и она в конце концов уступала, чтобы меня успокоить. Бедняжка считала меня сумасшедшим, и так как я в ту пору еще

не умел как следует писать, она была моим секретарем. Я припоминаю также наши прогулки и то блаженство, которое я испытывал, сидя около Мэри в ее детской, в доме, где она жила, около Пленстоуна, в Абердине, в то время как ее маленькая сестра играла в куклы, а мы с серьезностью, на свой лад, ухаживали друг за другом.

Но как же это чувство могло пробудиться во мне так рано? Какова была причина и источник этого? И в ту пору, и несколько лет спустя, я не имел никакого понятия о различии полов. И тем не менее, мои страдания, моя любовь к той маленькой девочке были так сильны, что на меня находил иногда сомнение: любил ли я по-настоящему когда-либо с тех пор? Как бы то ни было, известие о ее замужестве как громом меня поразило. Я чуть не задохнулся, к великому ужасу моей матери и к неверию почти всех остальных. Это необычайное явление в моей жизни (ведь мне еще не было тогда полных восьми лет) заставило меня задуматься, и разрешение его будет меня мучить до конца моих дней. С некоторого времени, — сам не знаю почему, — *воспоминание* о Мэри (не чувство к ней) вновь пробудилось во мне с большей силой, чем когда-либо. Я хотел бы знать, помнит ли она обо всем этом, как и вообще обо мне? И вспоминает ли, как жалела когда-то свою сестренку Эллен за то, что у той не было тоже своего поклонника? Какой очаровательный образ ее сохранился в моей душе! Ее каштановые волосы, ласковые светло-карие глаза — всё, вплоть до ее костюма! Я был бы поистине несчастен, если бы *увидел ее теперь*. Действительность, как бы ни была она прекрасна, разрушила бы или по меньшей мере, замутила бы черты восхитительной Пери, которою она тогда являлась и которая продолжает еще жить во мне, хотя с тех пор прошло более шестнадцати лет: ибо мне сейчас двадцать пять лет и несколько месяцев...» (Франц.)

С. 256

— *Листок* удостоился чести быть переведенным на несколько языков. Русский перевод его, сделанный генералом Давыдовым, замечателен, говорят, по своему изяществу и точности. Господин Давыдов — один из тех людей, которые, обладая природным даром к поэзии, предаются ей лишь из прихоти и чтобы отдохнуть от войны и наслаждений. Узнав о чести, оказанной ему г. Давыдовым, автор этих басен направил ему экземпляр их с посвящением:

С. 265

Вам, поэт, вам, воин,
Который, упиваясь шампанским на берегу Гиппокрены,
Из дубового листка
Создал лист лавра. (Франц.)

С. 271

— В этих наивных картинах,
Бессмертных архивах лукавства века. (Франц.)

Братья мои, песенники,
Сердце, любовь, это — химеры.
В ваших песенках
Изображайте как старый обман
Эти добродетели,
Которых больше нет.

С. 272

Любовь умерла во Франции.
Это
Покойник,
Умерший от слишком хорошей жизни!
.
А все эти дурачки,
Что сочиняют мадригалы,
Предполагают у наших дам
Сердца,
Добрые нравы,
Добродетели, души!
И наполняют пламенем
Наших почти угасших любовников —
Этих сластолюбивых
Марионеток. (Франц.)

С. 273

— Жил король в Ивего,
Мало известный в истории;
Он вставал поздно, ложился рано,
Проводил дни в попойках,
И был увенчан Жанетою
Простым ночным колпаком и пр. (Франц.).

С. 291

— Ваши розовые кусты — в моих садах,
И на них скоро появятся цветы, —
Сладостный приют, где я сам себе хозяин!
Я отказываюсь от суетных лавров,
Которые слишком, быть может, любил в Париже.
Я слишком исколол себе руки
Шипами, которые выросли на них. (Франц.)

С. 296

— Я перестаю ценить Овидия,
Когда он в вялых стихах
Поет мне, пресный и плаксивый,
Тягучие жалобы. (Франц.)

ЭНО И ИКАЭЛЬ¹

Т р а г е д и я

Действующие лица

П р и н ц Э н о

П р и н ц е с с а И к а э л ь , возлюбленная принца Эно

А б б а т П е к ю , соперник принца Эно

И к с

И г р е к

З е д

} стража принца Эно

Сцена единственная.

Принц Эно, принцесса Икаэль, аббат Пеку, стража.

Э н о

Аббат, уступите...

А б б а т

Черт!

Э н о (*налагая руку на секиру*)

У меня секира!

И к а э л ь (*бросаясь в объятия Эно*)

Икаэль любит Эно (*они нежно обнимаются*)

Э н о (*с живостью обернувшись*)

Пеку остался? Икс, Игрек, Зед! Возьмите аббата и бросьте его в окошко. (*Франц.*)

С. 345

1. Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стало ясно рабство, королевская власть и т. п. Они убедятся, что наше предназначение — есть, пить и быть свободными.

2. Так как конституции, — которые являются крупным шагом вперед человеческой мысли, шагом, который не будет единственным, — необходимо стремятся к сокращению численности войск, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой конституционной идее, то возможно, что менее чем через 100 лет не будет уже постоянной армии.

3. Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться вели-

¹ Слова действующих лиц созвучны названию букв французского алфавита.

кими замыслами победоносного генерала: у людей довольно других забот, и только ради этого они поставили себя под защиту законов.

Руссо, рассуждающий не так уж плохо для верующего протестанта, говорит в подлинных выражениях: «То, что полезно для народа, возможно ввести в жизнь только силой, так как частные интересы почти всегда этому противоречат. Несомненно, идея вечного мира в настоящее время весьма абсурдный проект; но пусть вернуться Генрих IV и Сюлли, и вечный мир станет снова разумной целью; или точнее: воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществляется, так как это может быть достигнуто лишь средствами жестокими и ужасными для человечества». Ясно, что эти ужасные средства, о которых он говорил,— революция. Но вот они настали. Я знаю, что все эти доводы очень слабы, и свидетельство такого мальчишки, как Руссо, не одержавшего ни одной победы, не может иметь никакого веса, но спор всегда хорош, так как способствует пищеварению; впрочем, он еще никогда никого не убедил, и только глупцы думают противное. (Франц.)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август (Октавиан)* 32, 435
Августин Блаженный 241
Аверроэс 558
Александр Македонский 35
Александр I 8, 30, 34, 35, 200, 252, 254, 349, 436, 448, 557, 568, 588, 596
Алексей Божий человек 511
Алексей Михайлович, царь 224
Альфиери В. 55, 61, 70, 434, 440, 549
Андрей Ф. Г.-Ж.-С. 271
Анна Иоанновна, царица 506
Ансло (Ансело) Ж. Ф. 73, 532, 553, 590
д'Аржангаль Ш.-О. 290
Ариосто Л. 55, 63, 64, 66, 85, 91, 140, 151, 224, 398, 422, 434, 435, 438, 529, 586
Аристарх (Аристархи) 85, 91, 397
Аристотель 63, 419
Аристофан 275
Арно А.-В. 264, 265, 266, 267, 268, 269, 273, 274
Арно Л. 534
Арно Ф.-Т.-М. Бокюлар д' 284
Арнольд Любекский 207
Аргемий Араратский 574
Асмодей, см. Вяземский П. А.

- Байрон, Вильям* 230, 231
Байрон Джон (отец поэта) 228
Байрон К. рожд. Гордон (мать поэта) 229, 231, 232
Байрон Д.-Н.-Г. 25, 55, 70, 73, 75, 82, 83, 91, 101, 114, 138, 141, 151, 154, 155, 161, 166, 197, 228, 229, 294, 304, 335, 340, 381, 400, 413, 418, 419, 420, 426, 429, 431, 432, 434, 440, 446, 501, 531, 532, 559, 564, 567, 568, 582—586, 588—590, 597
Байский Порфирий, см. *Сомов О. М.*
Баллани П.-С. 278, 282
Бальзак О. 284, 540, 572
Бантыш-Каменский Д. Н. 498, 500, 566
Барант А.-Г. де 282, 518, 599
Баратынский Е. А. 21, 68, 69, 71, 72, 91, 92, 112, 163, 173, 174, 345, 384, 396, 398, 399, 402, 406, 410, 412, 414, 420, 426, 433, 435, 452, 466, 468, 469, 470, 474, 479, 482, 488, 493, 512, 531, 535, 536, 542, 544, 547, 552, 558, 576, 584—586, 590, 593, 595, 598
Бари Корнуол 523, 524, 599
Барклай-де-Толли М. Б. 316, 448, 517, 565, 590
Басманов П. Ф. 149
Батюшков К. Н. 53, 88, 115, 142, 345, 362, 364, 368, 371, 373—378, 381, 396, 400, 422, 428, 535, 552, 558, 574, 582, 586, 593
Бахтин Н. И. 198, 590
Белинский В. Г. 16, 17, 22, 312, 513, 559, 598
Белли Д. 332
Бенедиктов В. Г. 313
Бенкендорф А. Х. 9, 385, 456, 458, 462, 463, 470, 480, 482—485, 490, 494, 502, 505, 506, 507, 510, 522, 577
Беранже П.-Ж. 197, 269, 272, 273, 487
Берни Ф.-И.-П. 272
Веррийский К.-Ф. 540
Вергон Ж. Б. 107, 540
Бестужев А. А. 55, 153, 396, 397, 402, 403, 406, 411, 422, 424, 426, 429, 434, 447, 477, 527, 530, 561, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 594, 595
Бестужев Н. А. 414, 585
Бестужев-Рюмин М. А. 98, 476, 537, 544, 548, 552, 594
Бибииков А. И. 490, 492

- Бирон Э.-И.* 43, 506
- Бируков А. С.* 387, 403, 404, 405, 408, 410, 417, 418, 427, 428, 579, 583, 584, 587
- Блудов Д. Н.* 386, 432, 489, 575, 578
- Бобрищевы-Пушкины* 155
- Бобров С. С.* 395, 411, 582
- Богданович И. Ф.* 53, 151, 345, 346, 422, 435, 541, 557, 586
- Боккаччо Д.* 122, 151
- Бомарше П.-О.-Карон* 228
- Борецкий А. И.* 50, 526
- Боссюэ (Боссюэт) Ж.-Б.* 226, 282
- Боульс В.* 429
- Боян* 328, 329, 330
- Боярдо М. М.* 437, 588
- Броневский В. Б.* 500, 596
- Бросс Ш. де* 31, 287, 292
- Брюис О.-Д.* 574
- Брюллов К. П.* 512
- Брюнов Ф. И.* 386, 578
- Брюс Я. А.* 257
- Брянский Я. Г.* 49, 50, 526
- Буало-Депрео Н.* 64, 166, 226, 276, 346, 350, 528, 531, 533, 534, 553, 558, 578
- Булгарин Ф. В.* 18, 19, 22, 25, 67, 103, 129, 143, 145, 149, 185—193, 236, 312, 344, 385, 414, 415, 417, 425, 428, 429, 435, 443, 444, 453, 457, 458, 460, 462—464, 466—468, 470, 471, 474, 475, 477, 496, 509, 512, 530, 532, 536, 539, 543, 547, 548, 550—554, 556, 559, 565, 569, 585, 587, 589—595
- Бурбоны* 270, 271, 272
- Бутлер С.* 422, 586
- Бутовский И. А.* 515, 598
- Бутурлин М. П.* 572
- Буфлер С.* 272
- Буянов, см. Пушкин В. Л.*
- Бюргер Г. А.* 90, 199
- Бюрон (Бирон) Ральф де* 228
- Бюффон Ж.-Л. Л.* 50, 51, 526

Ваде Ж.-Ж. 90, 535
Вальберхова М. И. 48, 526
Вальполь Г. 228, 327, 534, 567
Ванька Каин 352
Василий Блаженный 442
Вейсель М. 207
Великопольский И. Е. 452
Вельтман А. Ф. 331, 473, 488, 593, 595
Вергилий П. М. 34, 55, 63, 152, 434, 527, 529, 536, 556
Верстовский А. Н. 536, 584
Видок Э. Ф. 22, 125, 126, 129, 543, 550, 596
Виланд Х.-М. 151, 249, 343, 560
Вильгельм Завоеватель 228
Вильмен А. Ф. 26, 260, 265, 562, 575
Вильон Ф. 225
Вильсон Д. П. 478
Вильсон Г. 106
Винценгероде Ф. Ф. 513, 598
Виньи А. де 197, 319, 322, 566
Владимир Святославович 77, 88, 330, 427
Воатюр (Буатюр) В. 346
Войков А. Ф. 192, 312, 395, 402, 412, 413, 417, 431, 449, 554, 581, 587, 599
Волков М. С. 521, 599
Волконский М. С. 11
Волконский С. Г. 10, 11, 415, 585
Волынский А. П. 72, 506, 531
Вольгер Ф.-М. 31, 32, 64, 73, 197, 227, 256, 270, 287, 288, 290, 291, 292, 293, 304, 332—335, 339, 346, 356, 359, 393, 419, 422, 435, 438, 460, 526, 532, 558, 563, 567, 586, 587, 591
Вольховский В. Д. 9
Воронцов А. Р. 561, 562
Воронцов М. И. 206, 210, 252
Воронцов М. С. 12, 417, 436, 532, 585
Востоков А. Х. 327, 557
Вревский Б. А. 518, 599
Всеволод Святославович 331

Всеволожский Н. В. 581, 582, 586

Вуазенон К.-А. 272

Вяземская В. Ф. 418, 423, 424, 586

Вьельгорский М. Ю. 444, 589

Вяземский П. А. 12, 17, 21, 23, 52, 66, 68, 71, 80, 97, 101, 103, 112, 115, 121, 149, 163, 346, 353, 373, 382, 384—386, 390, 393, 395, 398, 403, 404, 406, 407, 409, 410, 415—419, 421, 422, 424, 426, 431, 433, 437, 438, 441, 444—447, 452, 453, 454, 459, 460, 462, 464, 467, 471, 473, 475, 477—479, 485, 488, 509, 511, 513, 514, 520, 522, 523, 526, 528, 530, 532, 534, 537, 538, 541, 542, 544, 548, 552, 558, 574, 575, 576, 582—594, 598, 599

Гагарин Ф. Ф. 513

Гаевский П. И. 385, 386, 577

Галич А. И. 385, 578

Галлам Г. 282

Гальяни Ф. 454, 590

Ганнибал А. П. 23, 148

Гафиз 431

Гебель И. П. 90, 535, 593

Геерен А.-Г.-Л. 127

Гейнс Г. 572

Гельвеций Ж.-К.-А. 251, 255

Гельмонд 207

Гельги Л.-Г.-Х. 391

Генкель (Геккель) И.-Ф. 207

Генрих Ш. 332

Генрих У. 448

Георгий Победоносец 434

Геродот 55, 527

Гессен С. Я. 17

Гёте И.-В. 5, 65, 81, 91, 108, 114, 169, 340, 400, 416, 422, 432, 438, 460, 529, 531, 539, 541, 586, 591

Гиббон Э. 228

Гизо (Гизот) Ф.-П.-Г. 124, 282, 542

Гиффорд В. 178

Гишар Ж.-Ф. 416, 558

Глаголев А. Г. 546

- Глинка М. И.* 578, 591
Глинка С. Н. 97, 536, 568
Глинка Ф. Н. 115, 116, 387, 395, 402, 403, 479, 541, 579, 581, 583, 586, 593, 594
Глухарев А. 50, 526
Гнедич Н. И. 48, 101, 104, 124, 199, 375, 393, 396, 397, 398, 400, 403, 405, 407, 410, 412, 414, 427, 428, 432, 435, 450, 460, 461, 470, 525, 539, 542, 548, 550, 556, 573, 581, 584, 586, 587, 592
Гоголь Н. В. 16, 40, 195, 249, 250, 342, 384, 386, 472, 476, 477, 478, 494, 504, 511, 512, 556, 561, 563, 565, 569, 577, 578, 594, 596, 597, 598
Годунов Б. Ф. 74, 136, 149, 439, 444, 445, 450, 488
Горфред, см. *Гогфрид Бульонский*.
Голенищев-Кутузов М. И. 185
Голенищев-Кутузов Л. И. 565
Голенищев-Кутузов П. И. 390, 580
Голиков И. К. 589
Голицын Н. Б. 490, 518, 599
Голицын С. Г. 458, 591
Голицына М. А. 431, 587
Головин И. М. 156
Гомер 68, 268, 286, 327, 344, 398, 399, 403, 406, 427, 435, 478, 539
Гораций К. Ф. 32, 33, 35, 55, 62, 166, 305, 391, 434, 527, 530, 551, 557, 588
Гордон Д. 229
Горсткин И. Н. 11
Горчаков А. М. 444, 589
Горчаков В. П. 401, 527
Горчаков Д. П. 461, 591
Гостомысл 97
Гогфрид Бульонский 63, 529
Гофман Ф.-Б. 166, 551
Грамматин Н. Ф. 338, 568
Гре Мери 231
Грессе Ж.-Б.-Л. 304, 422, 564, 570, 586
Греч Н. И. 18, 19, 23, 25, 185, 193, 344, 385, 395, 406, 435, 462, 466, 470, 477, 495, 532, 553, 554, 577, 589

Грибоедов А. С. 5, 6, 113, 115, 136, 199, 234, 235, 399, 411, 424, 425, 428, 433, 447, 532, 543, 552, 556, 559, 584, 586, 587, 589, 590, 593, 596

Григорович И. И. 237

Гримм Ф.-М. 251

Гуланд, см. Уланд И.-Л.

Гуля, Леон 245

Гюго В.-М. 106, 165, 179, 198, 278, 319, 321, 322, 348, 386, 468, 487, 540, 555, 579, 592, 593

Давыдов В. Л. 10, 13

Давыдов Д. В. 39, 265, 377, 387, 408, 431, 438, 511, 513, 558, 562, 588, 598

Давыдов И. И. 567

Даламбер Ж. 50, 51, 526

Данкур Ф.-К. 271

Данте А. 55, 60, 63, 68, 81, 85, 144, 228, 286, 318, 434, 438, 529, 558

Даф (Доф) Елена 230

Даф (Доф) Мария 230

Даф (Доф) полковник 229

Дашков Д. В. 280, 352, 386, 555, 573, 578

Дашкова Е. П. 260

Декарт Р. 177, 235, 323

Деларю М. Д. 386, 387, 471, 579, 593

Делибюрадер см. Ознобишин Д. П.

Делиль Ж. 80, 319, 533

Делорм Ж., см. Сент-Бёв Ш.-О.

Делорм М. 322, 323

Дельвиг А. А. 9, 18, 19, 78, 112, 124, 145, 146, 155, 163, 388, 390, 391, 392, 394, 399, 400, 403, 406, 410, 412, 413, 414, 418, 430, 432, 433, 437, 450, 457, 462, 464, 466, 467—471, 474—476, 479, 532, 542, 547, 548, 581, 585, 587, 592

Дельвиг С. М. 474, 475, 593

Дени Луиза (ей, а не д'Аржанталю было адресовано письмо Вольтера)
292

Державин Г. Р. 28, 33, 35, 43, 53, 68, 80, 88, 89, 103, 115, 123, 139, 151, 209, 253, 255, 285, 286, 305, 313, 327, 346, 360, 388, 391, 399, 431, 434, 435, 437, 469, 471, 492, 533, 535, 539, 557, 558, 561, 580, 583, 587, 588

Дегуш Ф. Н. 270

Джеффри Ф. 178

Джонсон С. 327, 344, 567

Дибич И. И. 232

Дидро Д. 227, 251, 256

Дирин С. Н. 564

Дмитриев И. И. 123, 151, 345, 346, 352, 398, 404, 415—417, 435, 455, 472, 483, 492, 500, 501, 541, 548, 557, 558, 561, 564, 582, 583, 585, 588, 591, 593

Дмитриев М. А. 526, 535, 548, 596

Дмитрий Донской 427

Дмитрий, митрополит Ростовский, 169, 308

Дмитрий Самозванец 66, 355

Долгоруков И. А. 10

Долгоруков И. М. 203, 204, 556

Долгоруков С. Н. 527

Дондуков-Корсаков М. А. 387, 501, 502, 504, 520, 579, 597, 599

Дора (Дорат) К.-Ж. 270, 275, 404, 558, 583

Дуров В. А. 503, 510, 597, 598

Дурова Н. А. 278, 279, 317, 512, 514, 515, 563, 566, 597, 598

Дюбарри М.-Ж. 107, 540

Дюбелле И. 225

Дюкло Ш. П. 162

Дюлис 332, 334

Дюпати Л.-Э.-Ш. М. 278

Дюперье Ф. 346

Екатерина II 27, 28, 33, 122, 148, 202, 206, 221, 228, 238, 239, 243, 250, 252, 253, 254, 260, 291, 349, 350, 435, 492, 532, 549, 557, 558, 561

Екатерина Павловна, великая княжна 263

Елизавета Алексеевна 381, 575

Елизавета Петровна 69, 169, 238, 349, 531

Елизавета II, англ. королева 435

Ермак Тимофеевич 427

Ермолаев А. И. 327

Ермолов А. П. 399, 490, 595

Есаулов А. П. 488, 595

Жандр А. А. 138, 433, 443, 545, 589

Жанлис С.-Ф. 558, 587

Жанен, Жюль 282, 284, 572

Жанна Д'арк 567

Жихарева Ф. 471, 593

Жодель Э. 225

Жорж М.-Ж. В. 48, 525

Жуи 534

Жуковский В. А. 9, 21, 35, 53, 67, 71, 80, 90, 114, 115, 139, 159, 199, 265, 316, 373, 375, 384, 386, 391, 393, 396, 399, 400, 407, 409, 415, 416, 418, 422, 428, 430, 431, 432, 433, 435, 436, 437, 442, 446, 449, 451, 461, 462, 464, 469, 470, 472, 474, 477, 478, 479, 481, 485, 494, 499, 525, 532, 533, 535, 542, 545, 548, 557, 558, 565, 576, 581—591, 593

Завадовский А. П. 254, 562, 589

Завальевский Н. С. 455, 591

Загорский М. П. 449, 590

Загоскин М. Н. 104, 105, 237, 461, 487, 541, 559, 592, 593, 594

Зайцевский Е. П. 386, 578

Закревский А. А. 528

Закревская А. Ф. 458, 591

Зенович (Деспот-Зенович И. С.) 238

Зотов Р. М. 525

Зубков В. П. 17

Зубов В. А. 434, 533

Зыков Д. П. 546, 581

Иванчин-Писарев Н. Д. 424, 566
Игорь Святославич, кн. 208, 327, 328, 330, 350
Измайлов А. Е. 535, 581, 584, 590, 591
Измайлов В. В. 97, 391, 410, 536, 537
Иисус Христос 12, 13, 92, 113, 128, 130, 133, 140, 184, 196, 240—242, 245, 305, 359, 403, 408, 415, 455, 474, 487, 511
Инзов И. Н. 468
Иоанн III 74, 434
Иоанн IV 154, 171, 172, 173, 224, 350, 465
Иорданес 207
Иорнанд см. Иорданес
Ипсиланти А. К. 265
Иоанна Д'Арк 332—334
Ирод 444
Истомина Е. И. 46, 525
Ишимова А. О. 523, 524

Казанова Д.-Д. 106, 540
Казимир (Лелавинь-Казимир) 438
Калашников И. Т. 491, 595
Калашников М. И. 420, 585
Калашников О. М. 452, 590
Кальдерон де ла Барка II 55, 63, 64, 66, 78, 80, 85, 89, 167, 169, 225, 350, 440, 529
Каменогорский З. Ф. 50, 526
Кант И. 167
Кантемир А. Д. 284, 350, 557, 558
Карамзин Н. М. 9, 10, 12, 23, 46, 52, 62, 74, 77, 86, 94, 109, 110, 134, 137, 139, 156, 159, 171, 206, 263, 264, 285, 318, 327, 343, 345, 346, 348, 353, 382, 383, 389, 403, 416, 435, 437, 442, 444, 446, 447, 450, 453, 455, 458, 464, 469, 471, 500, 525, 532, 536, 545, 550, 557, 562, 566, 568, 569, 570, 572, 580, 581, 587—591, 593
Карамзин А. Н. 501, 596
Каратыгин В. А. 448, 526, 590
Каратыгина А. Д. 49
Карломан см. Карл I Великий

Карл I Великий 66, 269, 530
Карл VII, король французский 269, 332—334
Карл X, король французский 334
Карл XII, король шведский 128, 155
Кастера Ж. 156, 549
Кастри Д. 122, 151
Катенин П. А. 24, 48, 90, 170, 198, 199, 346, 395, 398, 429, 430, 443, 448, 450, 453, 468, 525, 535, 546, 556, 570, 581, 582, 598, 590
Катон Марк Порций (Утический) 176
Катулл Кай Валерий 34, 55, 304, 527
Каченовский М. Т. 77, 94—97, 100, 103, 143, 311, 395, 417, 435, 488, 525, 528, 532, 536, 537, 538, 539, 567, 568, 580, 582
Квинтиллиан Марк Фабий 55, 262, 527
Кёниг С. 292
Киреевский И. В. 15, 22, 108—112, 114, 115, 146, 205, 215, 478, 479, 481, 483, 485, 540, 594, 595
Кирша Данилов 346
Киселев Н. Д. 461, 591
Киселева С. С. 409, 584
Клопшток Ф.-Г. 391
Клоц (Анахарсис) Ж.-Б. 433
Княжнин Я. Б. 28, 217, 355, 435, 526, 549, 554, 557, 574
Козлов В. И. 412, 585
Козлов И. И. 432, 587, 588
Козловский П. Б. 509, 598
Козодавлев О. П. 561
Колардо Ш.-П. 356
Коле Ш. 197, 555
Колен д'Арлевиль Ж.-Ф. 271
Колосова А. М. 46, 48, 49, 525, 526
Колумб Х. 77, 389
Кольбер Ж.-Б. 260
Кольне Ш.-Ж.-М. 166, 551
Кольцов А. В. 313, 512
Комаров М. 187, 553
Конисский Георгий 237—239, 242—244, 248, 309, 511, 559
Констан Б. 101, 126, 219, 538, 548, 557

- Константин I Великий, имп. 448
Коншин Н. М. 426, 586
Копиевич И. Ф. 224
Корде Ш. 107, 540
Корнель II 24, 60, 86, 167, 226, 322, 323, 357, 398, 526, 551, 570
Корнилович А. О. 413, 414, 585
Корреджио А. А. 394
Корсаков П. А. 516, 517, 598
Корф М. А. 582
Костров Е. И. 211, 218, 225
Когтен М.-С. 284
Коцебу А.-Ф.-Ф. 447, 582, 589
Кошелев А. И. 17
Краевский А. А. 503, 514, 516, 597
Кранц А. 207
Красногорский В. П. 565
Красовский А. И. 387, 418, 423, 579, 586
Кребб Д. 211, 212
Кребильон (старший) 582
Кромвель О. 319—322, 566
Кромер М. 297
Крылов И. А. 41, 53, 58, 61, 62, 88, 104, 114, 139, 150, 313, 345, 387, 415, 422, 435, 437, 446, 460, 491, 526, 528, 533, 557, 579, 580, 581, 587—589, 599
Крюковской М. В. 169, 551
Кукольник Н. В. 313, 385, 578
Купер Д.-Ф. 314
Курбский А. М. 86
Курганов Н. Г. 81, 100, 533
Кутузов А. М. 315, 316, 390, 580
Кюхельбекер В. К. 9, 67, 384, 399, 406, 413, 414, 416, 421, 423, 432, 447—449, 475, 498, 530, 545, 548, 576, 581, 582, 585, 586, 587, 589, 590, 593, 595, 597

Лабрюйер Ж. 194, 213
Лаваль А. Г. 386, 578, 599

- Лавиль (Делавинь) К.* 414, 437, 466, 588, 592
Лагарп Ж. Ф. 50, 51, 55, 139, 159, 166, 197, 198, 526, 545, 588
Лагир 567
Лажечников И. И. 497, 505, 596
Ламаргин А.-М.-Л. 184, 282, 412, 447, 487, 585, 587
Ламбер К. О. 386, 578
Ланжерон А. Ф. 407, 584, 592
Лану Ж.-Б. 270, 275
Лангер В. П. 504, 597
Латримуль 568
Лафонтен Ж. 53, 61, 64, 151, 152, 226, 227, 268, 272, 346, 356, 422, 435, 532, 563
Лашоссе П.-К.-Н. 270
Легуве Г.-М.-Ж.-Б. 398
Лемонте П.-Э. 58—61, 528, 589
Лене Ж.-А.-И. 278
Леонар Н.-Ж. 536
Леонардо да Винчи 5
Лесаж А.-Р. 278, 283, 284
Лессинг Г.-Э. 167
Легурнер П. 318
Ливий Тит 69, 77, 390, 532
Липранди И. П. 54, 527
Лобанов М. Е. 25, 26, 48, 263, 281—283, 285, 286, 413, 501, 525, 563, 597
Ломоносов М. В. 5, 33, 59, 60, 68, 69, 79, 88, 103, 128, 157, 204—206, 209—212, 217, 255, 261, 285, 327, 345, 416, 417, 434, 437, 490, 499, 530, 531, 538, 556—558, 575, 576, 596
Лопе де Вега 64, 66, 85, 225, 440, 529
Лувель Л. П. 540
Лукач Марк Анней 55, 527
Лукреций Кар 63, 434
Лунин М. С. 10
Львов Н. А. 522
Людовик XI 222
Людовик XIII 332
Людовик XIV 26, 60, 64, 86, 226, 227, 270, 272, 275, 283, 435, 534

Людвик XV 213, 269, 270, 272, 293, 540, 556
Людвик XVI 228, 269, 270, 540
Людвик XVIII 267
Люценко Е. П. 247, 561
Лянцкоронский С. 245—247

Магомет («пророк») 71, 72, 270, 359, 431
Мазарини Д. 272
Мазепа И. С. 21, 154, 155, 546, 549
Майков В. И. 406, 584
Майков Л. Н. 11
Макарий (митр. Московский) 308
Максимович М. А. 108, 467, 548, 592
Макферсон Д. 327, 343, 344, 567
Малерб Ф. 225, 226, 346, 356
Малиновский А. Ф. 391, 566
Мамай 349, 350
Марат Ж.-П. 540
Маржерет Я. 446
Мариво П.-К. 270, 275
Маро К. 529
Мартиньяк Ж.-Б. 178
Мармонтель Ж.-Ф. 558
Мартос И. П. 564
Марфа (Борецкая) 171
Мастрюк Темрюкович 350
Маттисон Ф. 398
Мейерберг А. 213
Менар Ф. 346
Меншиков (Менщиков) А. Д. 123, 350
Мерзляков А. Ф. 280, 434, 470
Мегастазио П. 228
Миерис см. Мирис Ф.
Микельанджело Буонаротти 5
Миклашевич В. С. 341, 569
Милонов М. В. 395, 417, 581, 589, 591

Милорадович М. А. 453, 590
Мильтон Д. 60, 64, 80, 81, 228, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 336, 395, 417, 434, 529, 566, 568
Минин К. З. 105, 157, 303, 540, 564
Мирабо О.-Г.-В.-Р. 30, 228, 254
Мирикс Ф. 482
Михайло 421
Михельсон И. И. 490
Мицкевич А. 6, 114
Мнишек Марина 444, 445, 468
Модзалевский Б. Л. 17
Моисей (пророк) 454, 478
Моле М.-Л. 278
Мольер Ж.-Б. 78, 81, 166, 195, 226, 268, 271, 275, 277, 322, 323, 339, 346, 413, 435, 526, 545, 555, 563, 578
Монтань см. Монтэнь М.
Монтескье Ш.-Л. 282
Монтэнь М. 55, 64, 78, 136, 225, 529
Мопертюи П.-Л. 292
Мордвинов А. Н. 498, 512
Мордвинов Н. С. 416, 585
Моро де Бразе 506, 573, 597
Моцарт В.-А. 197
Мстислав (Удалой), кн. 427
Мур Т. 55, 114, 231, 396, 398, 431, 434, 446, 559, 587, 598
Муравьев А. Н. 68, 196, 232, 348, 531, 555, 572, 598
Муравьев М. Н. 377, 575
Муравьев Н. М. 10, 77, 390, 532, 580
Муравьев Н. Н. 462, 592
Муравьев Апостол И. М. 409—411, 419, 584, 585, 593
Мурагори Л.-А. 207
Мурко Я. А. 567
Мусин-Пушкин А. И. 155, 326, 566
Муханов А. А. 426, 444, 528, 589
Мюссе А. 40, 165, 166, 551
Мюссе П. 572
Мятлев И. П. 155

Надеждин Н. И. 10, 21, 467, 477, 485, 511, 536, 538, 539, 541, 544, 546, 548, 553, 561, 568, 592, 594, 595

Наливайко С. 244

Наполеон I 8, 21, 57, 234, 266, 267, 268, 270, 273, 274, 348, 438, 491, 513, 514, 588, 598

Нартов А. А. 261

Нарышкин Л. А. 415, 585

Насакин И. Я. 561

Нахимов А. Н. 414, 585

Наумов 561

Навежкин П. В. 469, 473, 475, 488, 495, 512, 513, 595

Невеждин Никодим см. *Надеждин Н. И.*

Невий Г. 55, 527

Невский Александр Ярославич, кн. 155

Неелов С. А. 437, 588

Неккер Ж. 57

Нерон, имп. 87, 169, 534

Нестор, летописец 207

Нибур Б.-Г. 127, 282

Низар Ж.-М.-Н.-Я. 324

Никитенко А. В. 386, 387, 496, 504, 539, 578, 596

Николай I 15, 19, 34, 35, 41, 456, 458, 463, 489, 495, 497, 499, 504, 505, 515, 559, 592, 596, 597, 598

Никон, патриарх 385, 578

Новиков Н. И. 22, 28, 109, 307, 352, 574

Нордин Ч. 503

Норов А. С. 68, 385, 494, 531, 578

Овлачинский 238

Овидий (Публий Овидий Назон) 55, 153, 295, 297, 396, 402, 434, 527, 549, 563, 582

Одоевский В. Ф. 385, 386, 493, 495, 508, 509, 510, 512, 520, 521, 522, 538, 585, 596, 597, 599

Озеров В. А. 48, 169, 353, 354, 356—358, 359, 360, 361, 362, 403, 525, 526, 551, 574, 583

Ознобишин Д. П. 68, 530, 531

Олег («Вещий»), кн. 208, 434
Оленин А. Н. 581, 591
Олин В. Н. 82, 83, 534
Ольденбургский П. Г. 260, 263
Ольдекоп Е. И. 422, 423, 599
Орлов А. А. 186—191, 193, 479, 553, 594
Орлов Г. В. 58, 61, 528, 539
Орлов М. Ф. 10, 349, 390, 532, 538, 570, 572, 580, 582
Орлов Ф. Г. 148, 210
Орлова Е. Н. 444, 445, 589
Орловский А. О. 394
Осипов Н. П. 406, 584
Осипова П. А. 481, 506, 588
Оссиан 268, 343, 344, 360, 567
Осграница Стефан 245, 246, 247
Отрепьев Гришка 439
Отрешков см. *Тарасенко-Отрешков Н. И.*
Охотников К. А. 10
Очкин А. Н. 522, 566
Павел I 254, 497, 596
Павлов Н. Ф. 235, 236, 482, 559, 595
Павлюга (Павлюк) 245
Палицын Авраамий 105, 540
Панаев В. И. 96, 153, 402, 583
Панин П. И. 209, 492, 498, 596
Парни Э.-Д. 165, 199, 345, 377, 396, 551, 558, 575
Паскаль Б. 73, 226, 282, 531
Патерсон (воспитательница Байрона) 229
Пелиссон П. 550
Пеллико Сильвио 305, 306, 564
Перовский А. А. см. *Погорельский Антоний*
Перонет Ш. И. 178
Пестель П. И. 10
Петр I 6, 21, 28, 59, 69, 72, 75, 148, 156, 164, 204, 206, 216, 221, 224, 252, 334, 349, 350, 489, 496, 506, 521, 530
Петр II 204
Петр III 156, 238

Петрарка Ф. 53, 68, 434, 531
Пикар Л.-Ф. 271, 278
Пильпан 543
Пиндар 62, 68, 91, 399, 529
Пиндемонги И. 38, 41, 44
Пинский (Корниолин-Пинский) И. М. 44, 589
Питт В. 178
Пиша М. 534
Платов М. И. 448, 589
Плегнев П. А. 421, 422, 423, 426, 428, 429, 432, 397, 400, 404, 412, 414, 449, 451, 458, 463, 464, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 474, 475, 476, 477, 495, 504, 511, 518, 546, 581, 586, 587, 590, 592, 599
Поводовы 155
Погодин М. П. 17, 205, 455, 456, 458, 459, 465, 467, 470, 487, 489, 490, 502, 510, 543, 551, 552, 564, 569, 574, 592, 593, 595, 597, 598
Погорельский Антоний (Перовский А. А.) 430, 461, 581, 587
Подолинский А. И. 472, 535, 593
Пожарский Я. О. 330, 567
Пожарский Д. М. 303, 427, 540, 564
Плюшар А. А. 385, 498, 577, 599
Полевой К. А. 23
Полевой Н. А. 19, 23, 95—98, 103, 124, 157, 163, 164, 192, 344, 382, 385, 386, 431, 438, 444, 453—455, 462, 464, 474, 477, 485, 489—491, 501, 509, 512, 522, 534—536, 539, 542, 544, 547, 554, 566, 568, 572, 578, 587—592, 595, 599
Поленов В. А. 263
Полегика А. Г. 243
Полиньяк Ж.-О.-А.-М. 163
Полгорацкие 461, 583, 591
Поп А. 55, 356, 434
Потемкин Г. А. 76, 89, 507, 538
Потоцкая С. С. 510, 598
Потоцкий А. 471, 593
Прадт Д. Д. 399, 582
Престорий 207
Прокопий 207

- Пугачев Е. И.* 6, 253, 257, 352, 387, 419, 490, 492, 495, 496, 498, 500, 501, 505, 508, 573, 585, 597
- Пушкин А. С.* 5—45, 64, 65, 76, 98, 103, 104, 110, 114, 116, 124, 146, 148, 153, 154, 156, 163, 166, 171, 174, 185—187, 192, 195, 223, 248, 249, 260, 278, 288—289, 294, 328, 329, 337, 341, 343, 353, 400, 421—431, 434, 437, 439, 451, 478, 479, 487, 493, 496
- Пушкин В. Л.* 304, 352, 375, 381, 396, 416, 417, 423, 424, 453, 532, 538, 564, 573, 575, 582, 583, 586, 589, 590
- Пушкин Г.* 135, 303, 545
- Пушкин Л. С.* 395, 399, 401, 402, 412, 418—421, 423, 424, 426, 428, 429, 430, 586, 587
- Пушкина Н. Н.* 477, 488, 492, 493, 497—499, 504, 511, 512, 513, 594
- Пушкина О. С.* 452
- Пуцин И. И.* 8, 10, 410, 422, 424, 584
- Рабле Ф.* 55, 64, 225, 529
- Рабу Ш.* 572
- Радищев А. Н.* 26, 27, 29, 30, 32, 45, 202, 205, 210, 212, 213, 215, 217—219, 221—223, 250—257, 352, 406, 557, 561, 562, 598
- Радищев Н. А.* 562
- Радша (Ратша, Рача)* 155
- Раевский В. Ф.* 10
- Раевский А. Н.* 140, 141, 529, 588
- Раевский Н. Н. (старший)* 99, 444, 538, 589
- Раевский Н. Н. (младший)* 140, 413, 439, 442, 446, 545, 585, 588
- Разин С. Т.* 350, 420, 494
- Разумовский К. Г.* 210
- Раич С. Е.* 103, 125, 407, 462, 482, 530, 531, 539, 542, 546, 566, 592, 595
- Ракан О.* 346
- Расин Ж.-Б.* 24, 60, 66, 78, 80, 86, 87, 137, 150, 167, 168, 226, 228, 267, 282, 286, 346, 356, 357, 413, 526, 530, 533, 534, 551, 570, 581, 583, 585
- Рафаэль Санги* 323, 357
- Рейналь Г.-Т.-Ф.* 256
- Ривароль А.* 526

- Рихман Г.-В.* 59, 207, 210
Ричард Львиное сердце 63, 529
Ричардсон С. 201, 228
Ришелье А.-Ж., кардинал 226, 272
Роберт, король Неаполитанский 69
Робеспьер М.-М.-И. 30, 254
Родзянко А. Г. 414, 584, 585
Розен Е. Ф. 385, 478, 578, 594
Романов М. Ф., царь 303
Романова М. И. 541
Романовы (династия) 201, 437
Ронсар II 180, 183, 225, 226
Росети см. *Смирнова А. О.*
Россини Д. 409, 442
Ростопчин Ф. В. 455
Ротру Ж. 357, 443, 589
Рочестер Д.-В. 319—322
Румянцов Н. П. 455, 591
Румянцов П. А. 492
Руссо Ж.-Ж. 570, 583, 598
Руссо Ж.-Б. 62, 197, 227, 251, 256, 346, 405, 423, 435, 446, 529, 570,
586
Рылеев К. Ф. 149, 397, 402, 404, 412—414, 422, 426, 429, 432, 433, 436,
438, 442, 448, 548, 549, 582, 583, 585, 586, 587, 588, 589
Рычков П. И. 505
Рюльгр К. К. 156, 549
Рюрик, кн. 157, 208
Рюфе Ж.-Ж.-Р. 290
- Саади М.* 431
Салтыков М. А. 469
Сальери А. 197, 555
Санковский П. С. 489
Сансон (Самсон) *А.* 22, 106, 107
Сахаров И. П. 508, 597
Свиньин П. П. 348, 385, 544, 572, 577

- Святополк Владимирович («Окаянный»)*, кн. 77
Святослав Игоревич, кн. 262, 427
Северин Д. П. 407, 584
Северина А. Г. 416
Севиньи М. 213
Семенова Е. С. 46—49, 170, 400, 525, 526
Сенека Луций Анней 55, 78, 527
Сенковский О. И. 309—312, 414, 505, 561, 567, 569, 585, 597
Сен-Пьер Ш.-И. 570
Сент-Бёв Ш.-О. 165, 178, 179, 183, 184, 198, 551, 553, 593
Серафим (митрополит) 386, 579
Сервантес М. де 85, 225, 318
Сеченов Д. 209
Сийес Э.-Ж. 436
Сиксот Ф. 560
Скотт В. 104, 123, 197, 284, 312, 313, 319, 347, 348, 352, 420, 434, 436, 446, 468, 474, 478, 504, 566, 573, 593, 594
Скриб О. Э. 26, 264, 265, 562
Слепушкин Ф. Н. 450, 452, 590
Смирдин А. Ф. 315, 342, 385—387, 474, 488, 493, 494, 498, 501, 595, 596
Смирнова А. О. 478, 593, 594
Снегирев И. М. 559, 591
Соболевский С. А. 547
Соколов П. И. 501, 596
Сомов О. М. 410, 457, 469, 470, 471, 475, 538, 592, 593, 594
Сосницкая Е. Я. 46, 525
Соувей см. *Соути Р.*
Соуве см. *Соути Р.*
Соути Р. 55, 90, 284, 398, 434, 474, 528, 539, 550, 567, 582
Софокл 286, 358, 359, 551
Софья Алексеевна, царевна 169, 443, 588
Софья Михайловна см. *Дельвиг С. М.*
Спенсер Э. 64, 151, 529
Сталь А.-Л.-Ж. де 56, 105, 439, 444, 453, 528, 556, 558
Стендаль 593
Стерн Л. 228, 395, 531, 558, 582

Строев П. М. 318, 566
Стурдза А. С. 407, 584
Суворов А. В. 157, 350, 399, 437, 448, 490, 532
Султан Казы-Гирей 248, 560
Сумароков А. П. 72, 79, 169, 201, 209, 217, 218, 345, 350, 354, 355,
528, 531, 557, 558
Сухоруков В. Д. 509, 597
Сушков Н. В. 455, 591
Сю Э. 282, 348, 593

Тальма Ф.-Ж. 49, 50
Тарасенко-Огрешков Н. И. 521, 599
Тарквиний 390, 514
Тасс (Тассо) Т. 225, 381, 398, 434, 435, 529, 575
Татищев В. Н. 207, 224
Тацит Корнелий 87, 261, 534
Теннер Д. 314, 315
Теплов Г. Н. 251
Тепляков В. Г. 294, 296, 297, 301, 563
Тибулл А. 363, 434
Тиберий, имп. 514
Титов В. П. 458, 591
Тициан 167
Толстой («Американец») Ф. И. 396, 582, 584, 587
Толстой Ф. П. 428, 587
Толстой Я. Н. 405, 412, 583
Толченов П. И. 50, 526
Томас 162
Торвальдсен А.-Б. 334, 568
Трандафьрь см. Каченовский М. Т.
Тредьяковский В. К. 43, 72, 73, 100, 210, 224, 225, 311, 328, 345, 352,
506, 531, 558
Трубецкой Н. П. 385, 578
Трувор 97
Туманский В. И. 68, 412, 470, 531, 586
Тургенев А. И. 9, 10, 12, 509, 523, 562, 567, 585, 593, 598, 599

Тургенев Н. И. 10, 413, 454, 473, 590, 599

Туш А. 292

Тьерри А.-С.-Д. 124, 282, 542

Тютчев Ф. И. 111

Уваров С. С. 27, 382, 386, 387, 488, 501, 522, 561, 575, 578, 579, 597,
599

Уланд И.-Л. 474

Устрялов Н. Г. 382, 575, 578, 599

Уткин Н. И. 428, 587

Ушаков Ф. В. 251, 561

Федоров Б. М. 98, 144, 152, 263, 444, 460, 501, 537, 546, 548, 589, 590,
591

Фемистокл 402

Фенелон Ф. 210, 226, 227, 282, 305, 558

Фермор В. В. 350

Феодор Иоаннович, царь 74

Феофан Исповедник 207

Феофан-Прокопович 224

Фиески Д. 509, 598

Филарет, митрополит Московский 262

Филимонов В. С. 82, 424, 533, 586

Филипп VI Валуа, король французский 69

Фильдинг Г. 194, 195, 228, 440

Фихте И.-Г. 127

Флориан Ж.-П.-К. 199, 268, 398, 558

Фонвизин Д. И. 16, 28, 103, 107, 108, 113, 114, 122, 150, 209, 213,
249, 261, 354, 420, 465, 471, 540, 552, 557, 558, 586, 593, 598

Фонган Л. 266

Фонтенель Б. 51

Фон-Фок М. Я. 463, 477

Фосколо Н.-У. 434

Фосс И. Г. 437, 588

Франклин В. (Б.) 59, 228, 253, 257, 558

Франциск I, король французский 64, 269

Фрерон Э.-К. 393, 563

Фридрих II, король прусский 31, 32, 228, 291—293, 435

Фукс А. А. 493, 508, 596, 597

Фукс К. Ф. 64, 493, 595

Фуше Ж. 426, 438

Хвостов Д. И. 400, 410, 424, 443, 476, 479, 514, 586, 588, 594,
596, 598

Хемницер И. И. 457, 591

Херасков М. М. 201, 218, 255, 384, 416, 434, 530

Хитрово Е. М. 463, 470, 472, 473, 489, 593

Хмельницкий Н. И. 583, 587

Ходаковский З. Я. 327

Хомяков А. С. 104, 111, 137, 232, 385, 479, 539, 551, 578, 594

Хрусталеv Н. 564

Хмельницкий Богдан (З. М.) 154, 400

Хмельницкий Н. И. 406, 433

Храповицкий А. В. 253, 257

Цезарь Гай Юлий 176, 514

Цертелеv Н. А. 449, 590

Цыклер И. Е. 350

Чаадаев П. Я. 404, 411, 537, 582, 584

Чаттертон см. *Чэттертон Т.*

Чаусер см. *Чосер Г.*

Чернышов А. И. 490

Чосер Г. 151

Чэттертон Т. 327

Чулков М. Д. 514, 598

Шаликов П. И. 408, 427, 462, 477, 496, 588, 592, 596

Шаль Ф. 572

- Шамбор Г.-К.-Ф.-Д.* 162
- Шатобриан Ф.-Р.* 160, 178, 196, 282, 314, 318, 324—326, 529, 550, 555, 566
- Шаховской А. А.* 383, 443, 526, 576, 587
- Шевырев С. П.* 17, 68, 108, 111, 205, 279, 280, 306, 460, 470, 534, 535, 536, 541, 545, 559, 563, 564, 591
- Шекспир У.* 24, 40, 55, 64, 66, 78, 81, 84, 87, 89, 99, 114, 137, 167, 168, 169, 176, 197, 225, 228, 286, 318, 336, 339, 340, 416, 426, 434, 466, 551, 552, 568
- Шеллинг Ф.-В.-И.* 127
- Шенье А.* 14, 65, 68, 181, 335, 446, 452, 530, 531, 585
- Шереметьев Б. П.* 345, 350, 570
- Шереметьев В. В.* 44, 589
- Шереметьев П. В.* 20
- Шешковский С. И.* 257
- Шиллер Ф.* 110, 114, 283, 286, 384, 391, 474, 576, 582, 593
- Ширинский-Шихматов П. А.* 263, 390, 449, 580
- Ширяев А. С.* 100, 468, 538
- Шишков А. А.* 595
- Шишков А. С.* 261—263, 280, 329—331, 339, 390, 418, 423, 427, 436, 567, 573, 588
- Шлегель А.-В.* 55, 127, 139, 159, 198, 468, 545
- Шлегель Ф.* 55, 127, 139, 159, 198, 468, 545
- Шлецер А.-Д.* 209, 327, 490, 597
- Шуазель Э.-Ф.* 560
- Шувалов И. И.* 72, 204, 206, 209—211, 484, 531, 595, 596
- Шуйский Василий Иоаннович, царь* 135, 149, 545
- Шеглов Н. П.* 522
- Щеников А. Г.* 50, 526
- Щепкин М. С.* 511
-
- Эзон* 41
- Энний Квинт* 55, 527
- Эсхил* 24, 55, 527
- Эристов Д. А.* 565
- Ювенал Децим Юний* 62, 268, 290, 304, 529, 563

Юм Д. 87, 227, 534

Юнг Э. 487

Юсупов Н. Б. 148, 547

Яблочкина А. Л. 49

Языков Д. И. 260, 261, 501, 597

Языков Н. М. 21, 123, 215, 410, 414, 455, 457, 466, 478, 479, 481, 482,
485, 501, 511, 513, 542, 562, 591, 594, 595, 598

Яковлев А. С. 49, 50, 526

Яковлев М. Л. 565, 594

Яковлев П. Л. 467, 474, 475, 592

Якубович А. И. 447, 589

Якубович Л. 554

Якушкин И. Д. 10

Ярослав Мудрый, кн. 207

СОДЕРЖАНИЕ

М. Еремин. О достоинстве и ответственности литературы 5

1. СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ, НАВРОСКИ, ПОМЕТЫ НА ПОЛЯХ

Мои замечания об русском театре	46
О прозе	50
Письмо к издателю «Сына Отечества»	52
О причинах, замедливших ход нашей словесности	53
Примечания к «Цыганам»	53
Возражение на статью А. Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов»	54
О г-же Сталь и о г. А. М -ве	56
О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова	58
О поэзии классической и романтической	62
О стихотворении «Демон»	64
Об Андре Шенье	65
О трагедии	65
О народности в литературе	66
Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»	67
Об альманахе «Северная лира»	68
Стихотворения Евгения Баратынского 1827 г.	69
О драмах Байрона	70
Отрывки из писем, мысли и замечания	71
Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям»	78
Если звание любителя отечественной литературы...	81
О трагедии Олина «Корсер»	82
Письмо к издателю «Московского вестника»	83
Возражение на статью «Атеней»	87
О поэтическом слоге	90
«Бал» Баратынского	91
Отрывок из литературных летописей	94
О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной звезде»	98
О «Ромео и Джульете» Шекспира	99
О «Некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского»	99
Общество московских литераторов	100
О переводе романа В. Констана «Адольф»	101
Илиада Гомера	101
О журнальной критике	102

Разговор о критике	103
Юрий Милославский, или Русские в 1612 году	104
О записках Самсона	106
О «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина	107
Денница	108
Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой	115
О статьях кн. Вяземского	121
О новейших блюстителях нравственности	122
Невский альманах на 1830 год	123
Англия есть отечественю карикатуры и пародии	123
Объяснение по поводу заметки об «Илиаде»	124
Г-н Раич счел за нужное	125
О записках Видока	125
Собрание насекомых	126
Детская книжка	127
Письмо к издателю «Литературной газеты»	128
Альманашик	129
О критике	134
Наброски Предисловия к «Борису Годунову»	134
Опровержение на критики	138
Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений	158
Об Альфреде Мюссе	165
О народной драме и драме «Марфа Посадница»	167
Баратынский	173
Наброски статьи о русской литературе	175
Заметка о «Графе Нулине»	176
Писатели, известные у нас под именем аристократов	177
Обозрение обозрений	177
Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme	178
Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов	185
Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем	191
Письмо к издателю «Литературных прибавлений к русскому инвалиду»	195
«Путешествие к Св. местам» А. Н. Муравьева	196
О Сальери	197
Начало статьи о В. Гюго	197
Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина	198
Путешествие из Москвы в Петербург	200
О ничтожестве литературы русской	224
Байрон	229
Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года	233
«Три повести» Н. Павлова	235
Записки Чухина, сочинение Фаддея Булгарина	236

Комедия Загоскина «Недовольные»	237
Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа Бело- русского	237
Послесловие к «Долине Ажитугай»	248
Востола, или желания	249
Вечера на хуторе близ Диканьки	249
Александр Радищев	250
Российская академия	260
Французская академия	264
Предисловие к запискам Н. А. Дуровой	278
«История поэзии» С. П. Шевырева	279
Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной	281
Вольтер	287
Фракийские элегии	294
Примечания о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину	303
Путешествие В. Л. П.	304
Об обязанностях человека	305
Словарь о святых	307
Письмо к издателю	309
Джон Теннер	313
Объяснение	315
Кавалерист-Девиза	317
Ключ к Истории Государства Российского Н. М. Карамзина	318
О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»	318
«Песнь о полку Игореве»	326
Последний из свойственников Иоанны д'Арк	332
Заметки и афоризмы разных годов	334
Table-talk	339
Редакционные заметки, связанные с изданием «Современ- ника»	341
Когда Макферсон издал «Стихотворения Оссиана»...	343
Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...	344
Заметки при чтении т. VII, гл. 4 «Истории государства россий- ского»	345
О вечном мире	345
О французской словесности	345
Заметка о Катенине	346
Старинные пословицы и поговорки	346
Je suppose sous un gouvernement despotique	347
Presque toutes les religions	347
Ne pas admettre	347

О романах Вальтера Скотта	347
Ignorance des seigneurs russes	348
Stabilité — première condition	348
О новейших романах	348
Заметки при чтении книги М. Ф. Орлова «О государственном кредите»	349
La libération de l'Europe	349
План истории русской литературы	349
План статьи о русских песнях	350
План статьи о цивилизации	351
План статьи о правах писателя	351
Шотландская пословица	352
Перечень статей, намеченных для «Современника»	352
Заметки на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова»	353
Заметки на полях 2-й части «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова	362
Заметки на полях письма П. А. Вяземского к С. С. Уварову по поводу книги Устрялова «О системе прагматической русской истории»	382

II. ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПИСЬМА.

ДНЕВНИКИ (ФРАГМЕНТЫ)

1815—1835 гг.	383
-----------------------	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

Державин	388
Карамзин	389
Дельвиг	390

ИЗ ПИСЕМ

1820—1837 гг.	393
Примечания (сост. М. П. Еремин и П. М. Еремин)	525
Переводы иноязычных текстов	600
Указатель имен (сост. М. П. Еремин)	610

Александр Сергеевич Пушкин

МЫСЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Редактор Т. Маршкова
Художественный редактор А. Никулин
Технический редактор В. Соколова
Корректоры И. Рудакова, А. Володина

ИБ № 4728

Сдано в набор 22.04.87. Подписано к печати 18.03.88. Формат 60×84/16. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Бумага офсет. № 2. Усл. печ. л. 37,2. Усл. кр.-отт. 37,2. Уч.-изд. л. 30,49. Тираж 50 000 экз. Заказ 963. Цена 2. р. 20 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Отпечатано с набора ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 127018, Москва, Сушевский вал, 49, на полиграфическом предприятии «Современник» Росполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 445043, Тольятти, Южное шоссе, 30